ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ИМПЕРАТОРСКИЙ ТОМСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННИКОВ

Издательство Томского университета
2014

УДК 930.2:378.4(571.16)
ББК 74.483
И 54

Рецензент – д-р ист. наук, профессор *В.П. Зиновьев*

Императорский Томский университет в воспоминаниях со-
И 54 временников / сост. С.Ф. Фоминых (отв. редактор), С.А. Некрылов, М.В. Грибовский, А.В. Литвинов, С.А. Меркулов, И.А. Дунбинский. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2014. – 508 с.

ISBN 978-5-7511-2246-1

Книга содержит документы личного характера, относящиеся к истории Императорского Томского университета в дореволюционный период. Публикуемые материалы – воспоминания профессоров, бывших студентов, написанные в разное время, помогают в изучении истории учреждения университета, его строительства, деятельности после открытия в 1888 г. и до 1917 г., воссоздают атмосферу того времени. Издание снабжено предисловием, биографическими справками об авторах воспоминаний и лицах, упомянутых в текстах.

Для широкого круга читателей, интересующихся историей Томского университета, историей науки, высшего образования и культуры Сибири, России.

УДК 930.2:378.4(571.16)
ББК 74.483

Работа выполнена при поддержке гранта Правительства РФ П 220 в рамках проекта «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории современности», № 14.B25.31.0009

ISBN 978-5-7511-2246-1

ПРЕДИСЛОВИЕ

Попытки открыть университет в Сибири предпринимались еще в начале XIX в. «Предварительными правилами народного просвещения», утвержденными указом Александра I (1803), предполагалось учредить университет в Тобольске, административном центре Сибири того времени. Однако первый Сибирский университет был учрежден лишь в 1878 г. указом Александра II. Университетским городом был избран Томск. Потребовалось еще 10 лет, чтобы разработать чертежи зданий, изыскать средства и осуществить само строительство, определиться с тем, сколько факультетов будет первоначально в университете в Азиатской России, подобрать его профессорско-преподавательский состав. Наконец 25 мая 1888 г. Александр III подписал указ об открытии Императорского Томского университета с начала 1888/89 учебного года в составе одного лишь медицинского факультета. Торжественное открытие состоялось 22 июля 1888 г. Лишь спустя еще 10 лет организовался юридический факультет, а в полном смысле классическим Томский университет стал лишь в 1917 г. при Временном правительстве, когда открылись историко-филологический и физико-математический факультеты.

Дореволюционная история Томского университета нашла отражение в целом ряде монографий и статей[1]. Значительно меньше публикаций по его 135-летней истории. В отличие от других дорево-

---

[1] См., напр.: *Попов М.Ф.* Краткий исторический очерк Императорского Томского университета. Томск, 1913. 29 с.; *Краткий* исторический очерк Томского университета за первые 25 лет его существования (1888–1913 гг.). Томск, 1917. 542 с.; *Зайченко П.А.* Томский государственный университет им. В.В. Куйбышева: Очерки по истории первого сибирского университета за 75 лет (1880–1955). Томск, 1960. 478 с.; Томский университет. 1880–1988 / под ред. М.Е. Плотниковой. Томск, 1980. 432; *Ляхович Е.С., Ревушкин А.С.* Очерк становления первого сибирского университета – центра науки, образования, культуры. Томск, 1993. 98 с.; *Некрылов С.А.* Томский университет – первый научный центр в азиатской части России (середина 1870-х гг. – 1919 г.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. Т. 1. 514 с.; 2011. Т. 2. 598 с.; *Он же*. Научные общества в Томском университете в дореволюционный период. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2013. 258 с.

люционных российских университетов, а Императорский Томский университет был 9-м по счету в Российской империи, первый сибирский вуз не располагает большим числом мемуарных произведений. В основном они публиковались на страницах газет в связи с 25-летием с момента начала занятий. Часть воспоминаний профессоров медицинского факультета уже публиковалась ранее. Так, воспоминания В.Н. Великого, М.Г. Курлова, Н.А. Роговича, В.Э. Салищева и других о хирурге, профессоре Э.Г. Салищеве были включены в книгу «Научное наследие профессора Э.Г. Салищева» (Томск: Сибирский издательский дом, 2001. Т. 1. С. 29–76). Еще ранее была издана книга мемуаров профессора, действительного члена АН СССР В.М. Мыша «Мой путь врача-специалиста» (Новосибирск, 1945), одна из глав которой рассказывает о томском периоде его жизни и деятельности. Фрагменты воспоминаний профессоров и студентов медицинского факультета С.М. Тимашева, И.К. Конаржевского и К.М. Гречищева опубликованы в книге «Лечебный факультет Сибирского государственного медицинского университета: от основания до наших дней» (Томск: Печатная мануфактура, 2013. С. 132–149), а небольшой отрывок из воспоминаний профессора-юриста И.А. Малиновского был опубликован в № 20 (1998) журнала «Сибирская старина» (Малиновский И. Заря просвещенной свободы засияет над нашим отечеством»), а также в материалах I Научно-практического семинара «Наукова, просвітницька, громадська та політична спадщина академика І. Малиновського І сьогодення» (Острог, Украина, 2012. С. 3–12). Интерес представляют также воспоминания дочерей заслуженного ординарного профессора Томского университета, ботаника и физико-географа, путешественника, государственного и общественного деятеля В.В. Сапожникова[1].

Предлагаемая читателю книга открывается мемуарами «Заметки и воспоминания. 1875–1880)», принадлежащими Василию Марковичу Флоринскому (1834–1899), стоявшему у истоков высшего образования и науки в Сибири. Профессор Военно-медицинской академии в Петербурге, воспитанником которой он был, затем профессор Казанского университета, Флоринский вошел в историю как устроитель первого за Уралом высшего учебного заведения – Томского университета, ставшего и первым научным центром в азиатской части России. Назначенный в 1880 г. членом Строительного комитета для возведения зданий Сибирского университета в Томске от Мини-

[1] *Сапожникова Н.В., Сапожникова Е.В.* Василий Васильевич Сапожников. 1861–1924. М.: Наука, 1982. 65 с.; *Tchernavin T.* My childhood in Siberia. L., 1972. 112 с.

стерства народного просвещения, он внес значительный вклад в организацию строительства университетских объектов, открытие научно-учебно-вспомогательных учреждений (музеи, кабинеты, лаборатория, библиотека, ботанический сад) и их оснащение всем необходимым, занимался подбором профессорско-преподавательских кадров. В должности попечителя Западно-Сибирского учебного округа с 1885 по 1898 г. В.М. Флоринский много внимания уделял не только становлению, но и дальнейшему развитию своего детища. Он явился также организатором и первым председателем Общества естествоиспытателей и врачей при Томском университете.

Сами воспоминания впервые публиковались с января по июнь в журнале «Русская старина (1906)[1], спустя семь лет после смерти автора. После этого мемуары в полном объеме не переиздавались. Оригинал же рукописи воспоминаний В.М. Флоринского хранится в фондах Государственного объединенного музея Республики Татарстан (ГОМРТ) в Казани[2]. Она была обнаружена в 1938 г. в тайнике в подвале одного из домов по ул. К. Маркса в Казани среди других документов, рукописей, книг, предметов искусства, принадлежавших ранее В.М. Флоринскому. Рукопись не датирована. Поэтому установить точное время написания воспоминаний не представляется возможным. Правда, есть основания полагать, что воспоминания Василий Маркович писал в томский период жизни, пользуясь своими дневниковыми записями. Судя по надписи на первом листе рукописи, сделанной самим автором, по крайней мере первые 38 листов были набраны на печатной машинке при жизни В.М. Флоринского (это, безусловно, облегчило работу издателей, так как почерк автора трудно читаем). Первая часть воспоминаний первоначально называлась «Эмбриональное состояние Томского университета от первого Высочайшего повеления, 25 апр. 1875 г., до закладки университетских зданий». «Записки и воспоминания» В.М. Флоринского содержат подробный рассказ о зарождении университета в 1875 г., когда только что назначенный на должность генерал-губернатора Западной Сибири Н.Г. Казнаков представил Александру II проект учреждения Сибирского университета, до закладки главного университетского здания в Томске 26 августа 1880 г.

[1] *Флоринский В.М.* Заметки и воспоминания. 1875–1880 // Русская старина. 1906. Янв. С. 75–109; Февр. С. 288–311; Март. С. 564–596; Апр. С. 109–156; Май. С. 280–323; Июнь. С. 596–621.

[2] ГОРМТ. П-15 № 117959-102, 224.

Вскоре после своего опубликования воспоминания В.М. Флоринского вызвали критические замечания со стороны одного из идеологов сибирского областничества Г.Н. Потанина[1], пропагандировавшего в 1860–1870-е гг. идею открытия университета в Сибири. Порой эта критика была несправедливой, особенно когда Г.Н. Потанин критически оценивает заслуги В.М. Флоринского в открытии университета в Томске. Назвав последнего бюрократом, он заключает, что записки «производят впечатление, как будто они писаны не для справедливого потомства, а для канцелярии министра».

Мемуары бывшего томского вице-губернатора Александра Ипполитовича Дмитриева-Мамонова (1847–1915) «К истории первого университета в Сибири (1875–1899 гг.). Памяти В.М. Флоринского» были опубликованы на страницах журнала «Всемирный вестник» (1905. № 10. С. 28–67). Они ценны не только тем, что проливают свет на некоторые ключевые моменты, связанные с выбором Томска в качестве университетского города и учреждением университета, началом его строительства, но и тем, что содержат пространные выдержки из писем В.М. Флоринского из Санкт-Петербурга и Казани, адресованных А. Дмитриеву-Мамонову, в то время председателю Томского губернского правления. Последний испытал дружеские симпатии к В.М. Флоринскому и роль его в организации Императорского Томского университета оценил весьма высоко. Завершая воспоминания, он выразил надежду на то, что Томский университет не остановится в своем росте и, как стремился В.М. Флоринский, в его составе будут все четыре факультета.

Небольшие по объему заметки идеолога и лидера сибирского областничества Григория Николаевича Потанина (1835–1920) «День закладки университетских зданий» были опубликованы в газете «Сибирская жизнь», в номере, приуроченном к 25-й годовщине со дня открытия Томского университета, которая должна была торжественно отмечаться 22 октября 1913 г. Однако из-за празднования 300-летия Дома Романовых празднование юбилея университета было отменено. Воспоминания Г.Н. Потанина передают атмосферу ликования томичей и всех сибиряков по случаю торжеств, связанных с закладкой главного корпуса университета.

В том же номере «Сибирской жизни» опубликованы и впечатления университетского садовника, затем приват-доцента, профессора кафедры ботаники Порфирия Никитича Крылова (1850–1931). Осно-

[1] *Сибирская* жизнь. 1906. 29 окт., 2 нояб.

ватель ботанического сада, гербария и сибирской ботанической школы поделился своими впечатлениями о переезде в Томск из Казани, откуда он вез большую коллекцию оранжерейных растений, пожертвованных Томскому университету Казанским университетом, о Томске и университете, первых профессорах.

Не менее интересны и «Отрывки из воспоминаний старого студента», принадлежавшие перу одного из первых выпускников медицинского факультета, затем профессора по кафедре детских болезней того же факультета Томского университета Сергея Михайловича Тимашева. Выпускник Уфимской духовной семинарии, он вместе с будущими студентами, а также с первыми профессорами А.С. Догелем, С.И. Коржинским и А.М. Зайцевым добирался от Тюмени до Томска на одном пароходе. Путь в Томск, общение с профессорами, первые лекции и занятия в лабораториях, студенческий быт – все это нашло отражение в его воспоминаниях, опубликованных в том же юбилейном номере «Сибирской жизни».

В настоящее издание вошли также неопубликованные воспоминания профессора-юриста Иоанникия Алексеевича Малиновского (1868–1932), относящиеся к томскому периоду его жизни и деятельности, машинописная копия которых хранится в фондах музея истории Томского государственного университета. В Томск он, выпускник, затем приват-доцент университета св. Владимира в Киеве, приехал в 1898 г., чтобы возглавить кафедру истории русского права на только что открытом юридическом факультете. В сибирский город он перебрался вместе с молодой женой Марией Александровной, дочерью известного украинского писателя Александра Яковлевича Конисского. Здесь появились на свет три дочери Малиновского (Мария, Евгения, Ольга), состоялась его карьера как ученого. Много времени И.А. Малиновский уделял популяризации научных знаний, общественной работе, редактировал местную газету «Сибирская жизнь». Он проработал в университете до своего увольнения в 1911 г. И.А. Малиновский рассказывает о своей научно-педагогической и общественной деятельности, приводит детали быта, отдыха и развлечений. Они весьма интересны, так как характеризуют жизнь томской интеллигенции в начале XX в.

Воспоминания заслуженного профессора Томского университета, зоолога Николая Феофановича Кащенко (1855–1935), машинописный вариант которых хранится в Музее истории ТГУ, написанные в форме краткой биографии, не только повествуют о его детских и юношеских годах, учебе вначале в Московском, а затем в Харьковском университе-

те, но и содержат подробный рассказ о его преподавательской и научной работе в Томском университете. Воспоминания датируются 1913 г. и дополнены в 1927 г. В них мы найдем подробные сведения о вкладе Н.Ф. Кащенко в становление и развитие Зоологического музея, о ряде фаунистических экскурсий и экспедиций, совершенных им во время работы в Сибири. Ученый к тому же явился одним из зачинателей садоводства в этом суровом крае. Вместе с агрономом В.Г. Бажаевым Н.Ф. Кащенко организовал Томский отдел Императорского Московского общества сельского хозяйства, принимал участие в работе местных органов самоуправления, читал публичные лекции.

В книгу включены также мемуары бывшего студента медицинского факультета Томского университета Игнатия Константиновича Конаржевского (1873–1957), которые были написаны в канун 10-й годовщины со дня открытия Томского университета (1898). И хотя Конаржевский поступил на медицинский факультет в 1888 г., но заканчивал университет в 1894 г. (2-й выпуск) вместе с будущими профессорами Томского университета фармакологом Н.В. Вершининым и бальнеологом Н.С. Спасским, В.А. Ляпустиным, который находился у постели умирающего писателя Л.Н. Толстого на станции Астапово. В его воспоминаниях содержится описание будней студентов, трудностей, с которыми они сталкивались в повседневной жизни, их развлечений. С теплотой мемуарист отзывается о профессорах, в общении с которыми «чувствовалась искренность, сердечность, правдивость». Студенты не только получали знания, но и находили ответы на свои многочисленные вопросы.

Еще одни студенческие воспоминания, включенные в книгу, принадлежат Ксенофонту Михайловичу Гречищеву (1873–1957), машинописная копия их хранится в Музее истории ТГУ. Гречищев начинал учиться на медицинском факультете Томского университета в 1894 г., но был отчислен за участие в студенческих волнениях (1899), продолжил обучение в Берлинском университете, а государственные экзамены выдержал по возвращении в Россию (1900) в медицинской испытательной комиссии при Казанском университете. В Томск он вновь возвратился в 1905 г. и до 1907 г. служил городским санитарным врачом. Еще один период в жизни К.М. Гречищева связан с Томском. Это 1940–1951 гг., когда он заведовал кафедрой коммунальной гигиены Томского медицинского факультета (ныне СибГМУ). Воспоминания К.М. Гречищева охватывают период его учебы в Томском университете. Они знакомят с условиями жизни и учебы томских студентов, с организацией и деятельностью студенческих землячеств (их число достигало 17),

участием студентов в революционных кружках, забастовках и т.п. Подробно описана автором и профессура, касается он и конфликта в Обществе естествоиспытателей и врачей при Томском университете, возникшим после того как В.М. Флоринский не был избран на повторный срок председателем общества (1892 г.). Следует учитывать то обстоятельство, что эти воспоминания писались в начале 1950-х гг. и, безусловно, несут на себе отпечаток того времени.

Мемуары еще одного выпускника медицинского факультета Томского университета (1893), Липмана Эльевича Рубинштейна (1869–?), писались в 1913 г. и впервые были опубликованы в этом же году на страницах томской газеты «Утро Сибири» (тогда же они были напечатаны отдельным изданием). Они переносят читателя в атмосферу первых лет существования Императорского Томского университета. Автор делится своими впечатлениями о знакомстве с университетом, вступительных экзаменах, начале занятий, встречах с профессорами и взаимоотношениях с ними, занятиях в библиотеке, кабинетах и анатомическом музее, студенческом быте, участии в борьбе с холерой.

В этой же газете в 1913 г. были опубликованы заметки бывшего студента юридического факультета Томского университета Андрея Николаевича Морачевского (1876–1917) «Дни юности», которые были подписаны псевдонимом Н. Зарницын. Человек со сложной судьбой, так и не доучившийся в университете, он оставил интересное описание обстановки на юридическом факультете Томского университета начала 1900-х гг. Сразу же отметим, что его характеристики профессоров-юристов весьма субъективны и порой слишком предвзяты. Но рассказ о студенческой вечеринке по случаю ежегодного университетского праздника 22 октября (он был приурочен ко дню освещения университетской церкви в 1887 г. во имя Казанской Божией Матери) читается живо и передает ее колорит.

В издание включены также воспоминания профессора-минералога Алексея Михайловича Зайцева (1856–1921) и ботаника, ученого садовника и хранителя гербария, приват-доцента П.Н. Крылова о своем коллеге, первом профессоре ботаники С.И. Коржинском, которыми они поделились на заседании Общества естествоиспытателей и врачей при Томском университете 1 декабря 1900 г., посвященном памяти этого выдающегося ученого. Друзья и коллеги воссоздают портрет С.И. Коржинского, характеризуют его как педагога и ученого, внесшего значительный вклад в отечественную и мировую науку.

Книгу завершают заметки ученика П.Н. Крылова, выпускника медицинского факультета Леонида Антоновича Уткина (1884–1964), написанные к 100-летию со дня рождения этого ученого (1950). Они рисуют образ учителя, который бережно воспитывал своих учеников, передавая им свой опыт ботаника-исследователя, приучая их к самостоятельной работе. Л.А. Уткин передает и атмосферу так называемых «ботанических чаев».

В целом, публикуемые воспоминания позволяют ощутить дух того времени, восстановить некоторые факты и события, не нашедшие отражение в других источниках.

Настоящее издание включает как ранее публиковавшиеся тексты, так и не опубликованные. При их передаче сохранены стилистические особенности, фразеологические обороты и специфические выражения, являвшиеся нормой для того времени. Сокращения, как правило, расшифровываются, дописанные и расшифрованные части слов берутся в квадратные скобки. В том случае, если текст воспоминаний публикуется не полностью или с изъятием отдельных фрагментов, это оговаривается в подстрочных примечаниях. Воспоминаниям предшествуют краткие биографии их авторов. В конце книги приводится именной указатель с биографическими сведениями о лицах, упоминаемых в тексте.

Работу провели:

– отбор, передача текстов воспоминаний – С.Ф. Фоминых (отв. редактор), С.А. Некрылов, М.В. Грибовский, А.В. Литвинов, С.А. Меркулов, И.А. Дунбинский;

– предисловие – С.Ф. Фоминых, С.А. Некрылов;

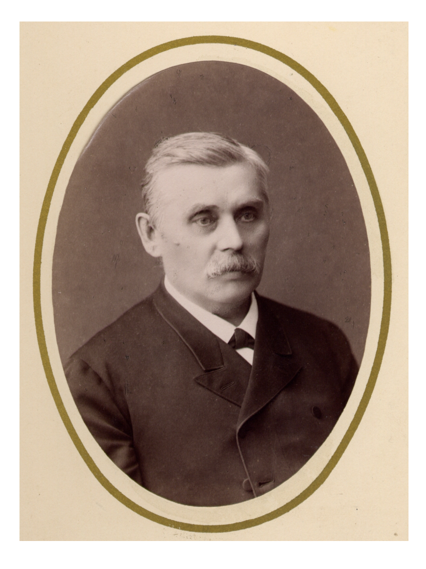
– составление биографических справок об авторах воспоминаний – С.Ф. Фоминых, С.А. Некрылов, М.В. Грибовский, А.В. Литвинов;

– составление биографических сведений о лицах, упоминаемых в мемуарах, и именного указателя – С.Ф. Фоминых, С.А. Некрылов;

– подбор фотоматериалов – С.А. Меркулов.

I. УЧРЕЖДЕНИЕ И СТРОИТЕЛЬСТВО ИМПЕРАТОРСКОГО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ФЛОРИНСКИЙ Василий Маркович
(1834–1899)

Врач, профессор, деятель народного просвещения. Из семьи священника. Окончил духовное училище, затем духовную семинарию в Перми (1853), Медико-хирургическую академию (МХА) со степенью лекаря и похвальным листом (1858). В 1861 г. защитил диссертацию на степень доктора медицины. В 1861-1863 гг. находился в научной командировке в странах Западной Европы. После возвращения в Россию до 1875 г. преподавал в МХА. Экстраординарный профессор (1868). С 1873 г. – член Ученого комитета при Министерстве народного просвещения. В 1875 г., когда встал вопрос о пересмотре университетского устава 1863 г., он в составе особой комиссии посетил все 8 университетов России. С 1876 г. – активный участник организации первого университета Сибири. В 1877 г. он вошел в состав «Комиссии, учрежденной по Высочайшему повелению для изучения вопроса об избрании города для Сибирского университета» и сыграл большую роль в том, что Томск был избран центром для размещения университета. В 1877–1885 гг. – ординарный профессор по кафедре акушерства и женских болезней Казанского университета. С 1880 г. – член Строительного комитета для возведения зданий Сибирского университета в г. Томске. В 1885–1898 гг. – попечитель Западно-Сибирского учебного округа. В.М. Флоринский внес значительный вклад в организацию строительства первого в Азиатской России университета, в формирование его музейных фондов, библиотеки, основание Ботанического сада, занимался подбором первых профессоров, приемом студентов. Избирался действительным и почетным членом ряда научных обществ, основал Общество

естествоиспытателей и врачей при Томском университете (1889) и был его первым председателем. Автор свыше 300 научных работ по медицине, археологии, истории. Передал в дар Томскому университету свою довольно обширную медицинскую библиотеку, а также ряд книг по другим разделам науки (более 3 тыс. томов). Почетный член Императорского Томского университета (1893). Почетный гражданин г. Томска (1898). Именем В.М. Флоринского назван Музей археологии и этнографии Сибири при Томском государственном университете, основателем которого он являлся. Награды: орден Белого Орла (1899), орден Св. Владимира II ст. (1896), орден Св. Анны I ст. (1888), орден Св. Станислава I ст. (1882), орден Св. Владимира III ст. (1878), орден Св. Анны II ст. (1870), орден Св. Станислава II ст. (1867), орден Св. Анны III ст. (1865); серебряная медаль для ношения на груди на Александровской ленте «В память царствования Императора Александра III».

ЗАМЕТКИ И ВОСПОМИНАНИЯ (1875–1880)

Часть первая

I

Зарождение идеи о Сибирском университете. – Пожертвование Демидова. – Начало мероприятий. – Моя предварительная служба. – Выбор пункта для университета. – Вопрос о медико-хирургической академии. – Протест военного министра. – Пересмотр университетского устава. – Мой выход из академии

Жизнь крупного организма обыкновенно принято считать со времени появления его на свет. Так ведется летосчисление людей и животных, так начинается история долговечных государственных учреждений и самих государств. Рождение сформированного тела или открытие действий учреждения справедливо считается началом их самостоятельной жизни; но эта последняя стоит в ближайшей связи с эмбриональным состоянием, когда формируются основы жизнеспособности и зачатки тех индивидуальных сил и функций, какие рожденный организм должен проявлять по мере своего возрастания. Ознакомление с эмбриональной жизнью нередко уясняет нам не только дальнейшее развитие организма, но и его функциональные способности или прирожденные недостатки. Поэтому, предполагая изложить здесь известные мне данные о первых годах жизни Томского университета, я считаю правильным начать не со времени открытия его учебных курсов, а с момента зарождения этого учреждения.

Зачатие Томского университета можно считать с момента первого высочайшего соизволения на представление проекта этого учреждения, именно 25 апреля 1875 г. Идея об особом университете для Восточной и Западной Сибири неоднократно высказывалась в правительственных сферах и раньше, но это была лишь мечта для далекого будущего. В блестящую эпоху просветительных мероприятий императора Александра I, когда были задуманы и осуществлены университеты Казанский (1804 г.), Харьковский (1804 г.), Петербургский (1818 г.), предполагалось со временем учредить их также в Киеве, Тобольске и Устюге Великом «по мере способов, какие найдены будут к тому удобными»[1]. Указ Сенату, данный по этому поводу, заканчивался следующими словами: «Мы удостоверены, – говорил государь, – что и все наши верноподданные примут деятельное участие в сих заведениях, для пользы общей и каждого учреждаемых, и тем самым будут споспешествовать нашим попечениям об этом предмете, толико важном и толико сердцу нашему любезном».

На этот просветительный призыв в том же 1803 г. откликнулся известный ревнитель русского образования Павел Григорьевич Демидов. Делая свои знаменитые пожертвования в пользу отечественного просвещения, он тогда же внес свою крупную лепту в 100 т[ыс.] руб. для осуществления университетов в Киеве и Тобольске. «Но пока приспеет время образования сих последних, – писал Демидов во всеподданнейшем прошении, – прошу ваше императорское величество, чтобы капитал, для них назначенный также (т.е. подобно прочим его пожертвованиям), положен был в государственное место с тем, чтобы обращением своим возрастал в пользу тех университетов, предоставляя дальнейшее распоряжение оным благоразумию министра просвещения».

Таким образом, пожертвованием Демидова в начале прошлого столетия не только закрепляется мысль о Сибирском университете, но и кладется залог первых материальных средств на его осуществление. С тех пор вопрос об университете в Сибири являлся не смутной мечтой или проблемой далекого будущего, подобно Устюгу Великому, а получил в некотором роде реальную почву, на которую можно было опереться, когда «приспеет к тому время».

Тем не менее времени этого пришлось ждать очень долго. Сибирь представляла собой слишком далекую, малолюдную, полуза-

---

[1] Указ Правительствующему сенату от 24 января 1803 г. о предварительных правилах народного просвещения.

бытую окраину с ничтожным числом средних учебных заведений[1]. Знаменитый некогда Тобольск, именовавшийся в прежние годы сибирской столицей, с местопребыванием наместников и митрополитов, мало-помалу превратился в захудалый, глухой, заурядный город[2]. При таком положении мысль о Тобольском университете не соответствовала значению этого города и вскоре была оставлена. Осуществление ее казалось настолько отдаленным и невероятным, что министр народного просвещения, по соглашению с Демидовым, нашел возможным ходатайствовать в 1810 г. перед государем императором о том, чтобы часть демидовского капитала, предназначенная для Тобольского университета (50 000 р[уб.]; вторая половина назначалась для Киевского университета), была обращена на потребности Тобольской гимназии. На это ходатайство 5 августа 1810 г. последовало высочайшее соизволение, но оно не было исполнено до 1822 г. В этом году доля тобольского капитала Демидова, нараставшая процентами, составляла уже крупную сумму в 121 000 р[уб.]. Из этой суммы в 1824 г. было отделено 60 000 руб. Тобольской гимназии, остальные 61 тыс. остались неприкосновенным капиталом в ожидании будущего Сибирского университета. Ко времени постройки Томского университета, в 1882 г., этот капитал возрос до 182 т[ыс.] руб., которые и были употреблены, согласно своему первоначальному назначению, в числе других пожертвованных сумм, на сооружение университетских зданий.

Спустя полстолетия после первого заявления, мысль о Сибирском университете снова поднимается, именно в 1856 г. Министр народного просвещения Абрам Сергеевич Норов, во всеподданнейшем докладе императору Александру II, 5 марта названного года, заявил о значении этого учреждения в таких словах: «Эта благодетельная мера обещает великие последствия для края, который ожидает только животворного содействия науки, чтобы доставить государству неисчислимые выгоды.

---

[1] Из средних учебных заведений существовали в Сибири: духовные семинарии – Тобольская, открытая в 1748 г., и Иркутская, открытая в 1779 г.; из гимназий Иркутская, основанная в 1806 г., и Тобольская в 1810 г.; Томская гимназия была открыта в 1838 г., Омская – в 1876 г., Верненская – в 1876 г., в составе четырех классов, в 1879 г. преобразована в шестиклассную прогимназию и лишь с 1881 г. в полную восьмиклассную гимназию. Красноярская гимназия существует с 1869 г.

[2] Причиной оскудения Тобольска служило перенесение (в 1824 г.) главного управления Западной Сибири в Омск. Местопребывание генерал-губернаторов в Омске фактически началось с 1837 г.

Министерство займется начертанием плана сего высшего учебного заведения, которое, не теряя своего университетского характера, должно быть числом, составом и направлением своих факультетов приспособлено к потребностям страны». В Бозе почивший государь император Александр II признал предположение министра Норова полезным, но оно осталось в течение более 20 лет неосуществленным, отчасти вследствие местных сибирских условий, отчасти же потому, что Министерство народного просвещения было в это время слишком озабочено крупными преобразованиями по всем отраслям учебного дела в России. Отчасти, может быть, тормозили вопрос о Сибирском университете студенческие волнения в наших высших учебных заведениях, зародившиеся с 1862–63 гг. на почве польских смут и причинившие столько зла нашему учебному строю.

С 1875 г. вопрос о Сибирском университете переходит из области помыслов и предположений к действительным мероприятиям. С этого же времени начинается и мое активное участие в разработке и осуществлении всех связанных с этим вопросом проектов и подготовительных действий, продолжавшееся слишком двадцать лет. Это увлекательное дело, к которому я вначале прикоснулся случайно и, казалось, мимолетно, впоследствии, силой обстоятельств, втянуло меня в совершенно иную сферу служебной деятельности, заставило посвятить ему лучшую половину моей жизни, расстаться со столичным комфортом и надеждами верного обеспечения в будущем и переселиться в далекую, холодную и некультурную Сибирь. Для того чтобы понять, каким образом сложились такие обстоятельства, я должен предварительно коснуться моего служебного положения в Петербурге до 1875 г.

Основным местом моей службы с 1858 г. была медико-хирургическая академия, где я окончил курс, был оставлен в институте молодых врачей для приготовления к профессорскому званию, затем был командирован на 2½ года за границу для усовершенствования и с 1863 г. занял при академии профессорскую кафедру. Это была моя коренная служебная деятельность, вполне меня удовлетворявшая и духовно и материально, при сравнительно обширной врачебной практике в городе.

В 1873 г. я был приглашен состоять членом ученого комитета при Министерстве народного просвещения, как единственный в то время специалист в комитете по медицинским вопросам, с дополнительным за это вознаграждением по 1 000 руб. в год. Эта новая

должность вскоре сблизила меня со многими достойнейшими людьми названного министерства, в том числе с графом Д.А. Толстым, князем Александром Прохоровичем Ширинским-Шихматовым, бывшим директором Императорской публичной библиотеки, а потом министром просвещения, графом Иваном Давыдовичем Деляновым, с Афанасием Федоровичем Бычковым, с бывшим директором департамента народного просвещения Мануилом Егоровичем Брадке и многими другими. С председателем ученого комитета А.И. Георгиевским и с некоторыми его членами, напр[имер] Ходневым, Галаховым, Савваитовым, я был близко знаком еще раньше, по своей врачебной практике.

Не помню хорошо, у А.И. Георгиевского, или у В.Г. Авсеенко я в первый раз встретился, в марте или апреле 1875 г., с Николаем Геннадьевичем Казнаковым, только что назначенным или имевшимся в виду к назначению на пост генерал-губернатора Западной Сибири. Разговорившись о месте предстоявшей ему деятельности и о насущных потребностях этого края, я напомнил о проекте Сибирского университета А.С. Норова, о котором мне было известно из дел министерства, и высказал при этом Николаю Геннадьевичу мысль, что он осчастливил бы Сибирь, если бы с прибытием в Омск на предназначенный ему высокий пост снова возбудил вопрос о высшем учебном заведении для этого обездоленного края. Н[иколай] Г[еннадьевич] принял живое участие в этих мечтах и разговорах по этому поводу, но заметил, что вопрос об организации университета слишком сложен для того, чтобы его разработать в Омске, где в числе чиновников генерал-губернатора едва ли найдутся люди, достаточно компетентные для разработки такого проекта.

Через несколько дней мне пришлось снова случайно встретиться с Н.Г. Казнаковым вечером у графа Д.А. Толстого. Здесь в частной беседе я опять коснулся того же вопроса, имея в виду выслушать мнение графа Дмитрия Андреевича как министра народного просвещения. Граф отнесся к высказанному предположению не только сочувственно, но даже с некоторым увлечением: умножение числа высших и средних учебных заведений в России он всегда считал главной задачей своего министерства и, действительно, очень много сделал в этом отношении. Казнакову он обещал полное содействие, если государю императору будет угодно согласиться на возбуждение такого вопроса, и тут же указал на меня как на лицо, могущее дать

черновой материал для проекта представления (из Омска) о Сибирском университете. Меня почему-то граф считал знатоком Сибири и чуть не сибиряком по рождению, и в этом была некоторая доля правды. Детство и отрочество свое я провел по ту сторону Урала, в Шадринском уезде Пермской губернии, а Уральский хребет, по старой памяти, считался границей между Европейской Россией и Сибирью, стало быть, с некоторой натяжкой меня можно было считать сибиряком. Сибирью я, действительно, интересовался всегда и по литературным источникам знал ее довольно хорошо, может быть, лучше многих петербургских администраторов, имевших с ней дело по бумажным сношениям. Но, самое главное, я искренне любил по детским воспоминаниям свое милое Зауралье, как место второй родины, и переносил эти горячие симпатии на всю сибирскую страну, представляя ее такой же роскошной, богатой и привольной, как и Пермский край, хорошо мне известный. Так или иначе, но я был очень рад случаю принять участие в проекте Сибирского университета, никак не предполагая в то время, что судьба свяжет меня с этим вопросом на всю остальную мою жизнь. Николаю Геннадьевичу я, конечно, выразил полную готовность собрать в самом непродолжительном времени нужный материал для предполагаемого проекта и через несколько дней вручил ему записку такого содержания[1]:

«В Бозе почивший государь император Александр I на второй год после восшествия своего на Всероссийский престол, 24-го января 1803 г., Высочайше утвердил начертанные по его плану предварительные правила народного просвещения. Эти правила заключали в себе полную и стройную систему всеобщего народного образования начиная с приходских училищ, предполагавшихся в каждом церковном приходе, уездных училищ – в каждом уездном городе, гимназий – в каждом губернском городе и, наконец, университетов – в каждой области или учебном округе. Во исполнение этих высоких предначертаний были устроены, кроме значительного по тому времени числа училищ и гимназий, три новых университета, – в Казани и Харькове в 1804 г. и в С.-Петербурге в 1819 г. Не ограничиваясь

[1] Черновая записка, из которой приводится здесь извлечение, хранится в моих бумагах. В проекте, представленном Н.Г. Казнаковым, ею воспользовались только в незначительной части, особенно по числу и распределению факультетских кафедр, чрезмерно сокращенных. Проект генерал-губернатора впоследствии был совершенно переработан в министерстве.

этим, имелось в виду при первой возможности устроить университеты в Киеве, в Тобольске, Устюге Великом и других городах, какие найдены будут к тому удобными (Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. С. 15). Таким образом, Киевский и Тобольский университеты были уже предначертаны с самого начала текущего столетия. В 1803 г. статский советник Павел Григорьевич Демидов в благородном рвении к скорейшему осуществлению этих высоких планов пожертвовал 200 000 руб. на русские университеты, в том числе по 50 000 руб. на имеющие открыться в Киеве и Тобольске. Пожертвование в пользу Киевского университета было употреблено, согласно своему назначению в 1833 г., при открытии этого университета, а сумма, предназначавшаяся на Тобольский университет, в 1810 г. была обращена с согласия жертвователя на пользу Тобольской гимназии (Сборник постановлений. Т. 1. С. 554). Таким образом, просвещенные мероприятия государя императора Александра I относительно высшего образования в Сибири остаются до сих пор не осуществленными». Сибирь, отдаленная на громадные расстояния от всех университетских центров и в настоящее время уже значительно населенная и подготовленная к высшему образованию, не может иметь ни своих учителей, ни врачей, ни чиновников, ни лиц, способных к изучению и промышленному эксплуатированию этой богато одаренной страны. Весьма небольшое число сибиряков из достаточного класса имеют возможность отправлять детей своих в университеты Европейской России, но эти молодые люди обыкновенно остаются впоследствии на службе в столицах, или вообще в округах, где они получили высшее образование, ослабляя, таким образом, интеллектуальные силы собственно сибирского населения. Взамен их правительство ежегодно высылает в Сибирь на службу сотни людей, не связанных с этим краем ни рождением, ни воспитанием, не привычных к его климату и условиям жизни, стремящихся сюда не по призванию, а большей частью по материальным побуждениям, в видах усиленных денежных окладов и путевых пособий от казны. Пришлые люди, не считая Сибирь местом постоянного пребывания, нередко при первой возможности возвращаются обратно в Европейскую Россию, лишая сибирские правительственные учреждения должной устойчивости в личном служебном составе. Кроме других побуждений, возвратиться в привычную обстановку европейского строя жизни их понуждает к

тому необходимость дать детям высшее образование, так как в Сибири нет ни одного соответствующего тому учебного заведения. Если бы было возможно сосчитать сумму путевых пособий, пятилетних прибавок к содержанию и других льгот, коими пользуются пришлые сибирские чиновники (на месте в центральном управлении можно приблизительно сделать такое вычисление), то, по всей вероятности, оказалось бы, что правительство ежегодно расходует на этот предмет сумму, равносильную той, какая потребовалась бы на содержание полного университета. Следовательно, не считая многих других благодетельных последствий для края от учреждаемого университета, даже в материальном отношении это учреждение не только не было бы для казны обременительно, а, вероятно, вызвало бы сокращение расходов по содержанию служащих в Сибири чиновников. Я уже не говорю о качестве последних, о возможности выбирать лучшие силы из местных воспитанников и о надлежащем запасе кандидатов на все служебные должности, что может дать только местный университет и в чем в настоящее время в Сибири ощущаются существенные пробелы, качественные и количественные. Наконец, независимо от служебных интересов и потребностей правительства, Сибирь нуждается в высшем рассаднике просвещения для поднятия интеллектуального уровня всей страны, для изучения и исследования ее богатой природы и вообще для того, чтобы этот обширный край мог по справедливости пользоваться от правительства теми же дарами просвещения, как и остальные русские области.

Самым удобным пунктом для основания Сибирского университета мог бы служить город Томск по следующим соображениям:

1. По географическому своему положению он расположен почти в самом центре Сибири, на границе между восточной и западной ее половиной. При этом наиболее значительные сибирские города, которым предстоит дальнейшее развитие и где со временем должны быть сосредоточены средние учебные заведения края, размещены в отношении к Томску по линии радиусов, именно: Тюмень в расстоянии 1506 вер[ст], Тобольск – 1242 вер[сты], Иркутск – 1569 вер[ст], Омск – 867 вер[ст], Барнаул – 387 вер[ст], Красноярск – 563 вер[сты], Бийск – 520 вер[ст] и Семипалатинск – 800 вер[ст].

2. Томск представляет собой главный центр всей сибирской торговли и промышленности и конечный узел пароходного сообщения по сибирским рекам. Эти условия дают городу возможность даль-

нейшего экономического роста и предуспеяния предпочтительно перед другими сибирскими городами, что может отразиться и на благосостоянии будущего университета. В настоящее время в Томске числится 25605 жителей, в Иркутске – 32789. в Омске – 30559, в Тобольске – 18481, в Красноярске – 12974, в Тюмени – 15512, в Барнауле – 13529. Если принять во внимание, что в Иркутске и Омске сосредоточено не только гражданское, но и военное управления края и расположено значительное число казачьих и других войск, включаемых в число жителей города, то гражданское население трех названных городов, т. е. Томска, Иркутска и Омска можно признать почти равносильным. Тем не менее как место пребывания университета Томск может представлять в этом отношении некоторые преимущества потому, что его население, как торгово-промышленное, более устойчиво, тогда как Омск и Иркутск поддерживаются, главным образом, чиновными и военными элементами в связи с местопребыванием главного управления края. В случае упразднения или перемещения генерал-губернаторских резиденций, как это имело место в Тобольске, названные города могли бы потерять значительную долю своих жизненных сил. Иркутск как центр золотопромышленности в этом отношении можно было бы считать более надежным, но он слишком удален от столицы и прочих городов Сибири и вследствие того в этом отношении представлял бы большие неудобства для управления университетом и для учащихся, особенно при нынешних неблагоустроенных путях сообщения. Зная, какую цену с пуда берут транспортные конторы за доставку грузов в Иркутск и какой срок требуется для этой доставки, можно видеть, что для университета это имеет значение, так как он ежегодно будет получать из Европейской России и из-за границы очень значительные тяжести с приборами, коллекциями, книгами и т. п. При очень высокой пересылочной цене университету пришлось бы непроизводительно затрачивать весьма значительные суммы за доставку учебных пособий, не говоря уже о затрате времени. Вследствие чрезмерной отдаленности Иркутска трудно было бы подыскать сюда профессоров; многие достойные люди, в особенности семейные, едва ли решатся ехать сюда именно по причине отдаленности, несмотря на привилегии сибирской службы. Для студентов поездка в Иркутск была бы еще труднее. Можно с уверенностью сказать, что

в Иркутском университете не нашлось бы учащихся, кроме местной и Красноярской гимназий, которые выпускают не более 15–20 воспитанников в год. Из западно-сибирских учебных заведений естественнее ожидать тяготения к Казани, чем к Иркутску.

Таким образом, об Иркутске как местопребывании университета едва ли может быть речь. Выбор остается только между Томском и Омском, но первый из них, по моему мнению, предпочтительнее во всех отношениях. Ваше высокопревосходительство (Н.Г. Казнаков), вероятно, убедитесь в этом по прибытии на место вашего нового назначения, где яснее будут видны жизненные условия того и другого города. На месте же не трудно будет собрать необходимые статистические сведения по всем вопросам, имеющим отношение к сооружению и дальнейшему существованию университета, напр[имер] о состоянии больничных учреждений, пригодных для госпитальных клиник, о ценах на строительные материалы, об условиях городской жизни и т. п. Вопрос о выборе города для университета настолько важен, что его необходимо тщательно рассмотреть со всех сторон, ибо существование этого учебного заведения рассчитывается не на десятки, а на сотни лет. Поэтому при рассмотрении данного вопроса следует принять во внимание не столько временные (нынешние) условия и обстоятельства, может быть, случайные и легко устраняемые, сколько основные задатки жизненности города по его географическому и экономическому положению.

Далее в поданной мной записке следует изложение самого проекта устройства Сибирского университета с четырьмя факультетами: филологическим, физико-математическим, юридическим и медицинским. Проект составлен применительно к существующим русским университетам, по уставу 1863 г., с некоторым лишь сокращением числа кафедр. Штатные оклады служащих предполагались полуторные с сохранением прочих привилегий сибирской службы (усиленные путевые пособия, пятилетние прибавки к окладам содержания, сокращенный срок для выслуги пенсии). В числе учащихся имелись в виду, кроме гимназистов, воспитанники духовных семинарий, в то время (до 1879 г.) беспрепятственно допускавшиеся во все русские университеты.

В записке проводилась также мысль о допущении в Сибирский университет на медицинский и физико-математический факультеты

воспитанников реальных училищ с дополнительным экзаменом из одного латинского языка.

Набросанная мной записка, как видно из ее содержания, представляла собой не более как черновой материал для заготовки формального представления о Сибирском университете, которое, после предварительного соизволения государя, Н.Г. Казнаков должен был препроводить из Омска в Министерство просвещения, а граф Дмитрий Андреевич, по рассмотрении проекта в министерстве, – направить дальше в Государственный Совет. Кроме Казнакова, экземпляр моей записки я подал также графу Д.А. Толстому для предварительного ознакомления с данным вопросом, поясняя ему на словах, что мои соображения чисто теоретического свойства, так как лично я в Сибири не бывал, о Томске и Омске знаю только по литературным источникам да по письмам и рассказам знакомых, живущих в этих городах[1].

Тем не менее граф Д[митрий] А[ндреевич] нашел мою записку основательной и вполне соглашался с моим мнением о Томске как наиболее пригодном пункте для университета. Также думал и Н.Г. Казнаков до 1877 г. Незадолго до отправления Н.Г. Казнакова в Омск на пост генерал-губернатора Западной Сибири им сделан был высочайший доклад о своевременности возбуждения вопроса о Сибирском университете. Государь император Александр Николаевич выразил на это свое высочайшее соизволение и 25 апреля 1875 г. всемилостивейшее повелеть соизволил генерал-адъютанту Казнакову: «Поднять уровень общего образования, дать возможность сибирским уроженцам подготовить из сферы своей людей сведущих и образованных, в числе, по меньшей мере, достаточном для удовлетворения нужд местного населения и, по ближайшему всестороннему обсуждению этого предмета, повергнуть, через

---

[1] Из Томска я получал ранее письма от служившего там председателя губернского правления Александра Ипполитовича Дмитриева-Мамонова, с которым я ранее был знаком в Петербурге. В Омске я переписывался с Михаилом Григорьевичем Соколовым, медицинским инспектором Западной Сибири, тоже моим старым знакомым. Кроме того, про Сибирь мне приходилось много беседовать с моим покойным другом М.П. Тихменевым, большим поклонником этой страны, долго служившим в Уссурийской области при самом начале ее гражданского устройства, а с 1880 г. бывшим здесь военным губернатором. В доме Тихменева я встречался с некоторыми коренными сибиряками. Преимущественно с амурцами и иркутянами.

Министерство народного просвещения, на высочайшее его императорского величества воззрение соображения об учреждении общего для всей Сибири университета[1].

В том же году, 3 ноября, генерал-адъютант Казнаков прислал из Омска в министерство свои соображения о Сибирском университете в форме проекта, отчасти только выработанного на основании данной мной записки. Не знаю, по какой причине, тот отдел проекта, в котором излагается организация учебной части (число и распределение кафедр по факультетам, размер необходимейших учебных пособий, штаты ассистентов и других помощников профессоров и т.п.), был урезан и искажен до такой степени, что проектируемый по этому плану Сибирский университет представлял собой нечто иное в роде профессиональной школы среднего разбора. О серьезной постановке учебного, а тем более ученого дела в Сибири при такой организации не могло быть речи. Я до сих пор затрудняюсь объяснить себе, под чьим влиянием или давлением Николай Геннадьевич согласился на такие урезки, но в них ясно проглядывает исключительно экономическая цель, чтобы новое высшее учебное заведение не давало казне больших расходов. При этом забывалось, что чрезмерными сокращениями штатов компрометировалось само учебное заведение, становясь каким-то ублюдком, и не достигалась цель правительства – приготовлять для Сибири равносильных и равноправных образованных врачей, юристов и учителей. Первое мое впечатление по прочтении этого убогого проекта было таково, что лица, его составлявшие, или имели слабое понятие об университетском строе, или умышленно желали поставить Сибирский университет в такие неблагоприятные условия, чтобы он на первых же порах своего существования фактически доказал свою несостоятельность, следовательно, преждевременность и ненужность поднятого о нем вопроса. Эти мысли я выразил графу Д.А. Толстому, который утешил меня, что проект Казнакова будет переработан в министерстве особой комиссией и все недостатки его будут исправлены.

[1] В этом представлении Казнакова университет, по вышеизложенным соображениям, был наименован Томским. После высочайшей аудиенции Николай Геннадьевич передавал мне, что его величеству угодно было обратить внимание на это наименование, заметив, что университет предназначается для всей Сибири, почему правильнее было бы именовать его не Томским, а Сибирским. Вследствие такого замечания государя императора во всех дальнейших бумагах и актах об университете, до 1887 г., он именовался Сибирским университетом. Название Томского ему было окончательно присвоено только в 1888 г. в высочайшем повелении об его открытии.

Для образчика проектировавшейся постановки преподавания в Сибирском университете привожу здесь выписку из представления Н.Г. Казнакова о распределении кафедр по медицинскому факультету:

«На медицинском факультете на первое время полагаются нижеследующие кафедры при 11 профессорах и 9 доцентах, считая в числе последних и двух прозекторов:

1. Анатомия здорового человека.

2. Физиология с гистологией.

3. Фармакогнозия, фармация и фармакология.

4. Общая патология, патологическая анатомия и общая терапия с врачебной диагностикой.

5. Специальная патология и терапия, и терапевтическая клиника.

6. Хирургия и хирургическая клиника.

7. Офтальмология с клиникой.

8. Акушерство, женские и детские болезни с клиникой.

9. Судебная медицина с токсикологией, гигиена и медицинская полиция.

Примечание. Физика, химия, ботаника, зоология со сравнительной анатомией и эмбриологией и минералогия преподаются студентам медицинского факультета соответственными профессорами или доцентами физико-математического факультета».

В настоящем проекте полагаются в виде особых кафедр лишь клиники: госпитальная терапевтическая и госпитальная хирургическая. На первое время предполагается довольствоваться только госпитальными клиниками в местных больницах, не учреждая параллельных с ними факультетских, но назначив особую штатную сумму в 2 000 руб. на лекарства более дорогие, не полагаемые по каталогам госпиталей военного и гражданского ведомств, чем до некоторой степени устранится неудобство не имения особых факультетских клиник. Затем, сокращение числа кафедр против § 16 устава 1863 г. с 17-ти до 9 достигнуто соединением некоторых предметов в одну кафедру, с поручением профессорам специальной патологии и хирургии соответственных клиник. Таким образом, и число профессоров и доцентов сокращается с 16 и 17 до 11 и 9, причем по 2 профессора предполагаются на кафедру общей патологии, патологической анатомии и пр. и на кафедру хирургии и хирургической клиники, и по 1 доценту как на каждую из этих кафедр, так и на кафедры: акушерства, женских и детских болезней, фармакогнозии и пр., судеб-

ной медицины и гигиены; 2 доцента на кафедры специальной патологии и терапии, с поручением одному из них учения о накожных и сифилитических болезнях, а другому – учение о нервных и душевных болезнях, и электротерапии, и 2 прозектора на кафедру анатомии здорового человека.

Местом университета в этом проекте указывался Томск, хотя данные для избрания именно этого города, а не Омска, изложены весьма поверхностно. Не указаны даже те основания, какие были изложены в моей записке, не говоря уже о статистических и других дополнительных данных, которые можно было собрать на месте. Это можно было отчасти объяснить краткостью времени: Казнаков выехал из Петербурга в мае месяце, в Омск мог прибыть только в июне, а в начале ноября 1875 г. проект его был уже в министерстве. Впоследствии я узнал, что не одна краткость времени была тому причиной, а до известной степени нежелание беспристрастно отнестись к этому вопросу под влиянием некоторых омских советников, о чем будет сказано ниже.

До весны 1875 г. мои отношения к Сибирскому университету, равно как и к Министерству народного просвещения, были, можно сказать, случайными. Основной моей службой была профессура в медико-хирургической академии, а занятия в Министерстве просвещения по должности члена ученого комитета могли иметь место как добавочные, пока они не сталкивались с академическими интересами и не мешали моим профессорским занятиям. В 1875 г. явились два обстоятельства, где обнаружилось некоторое неудобство такой двойственной службы. Первое из них касалось вопроса о передаче медико-хирургической академии из военного ведомства в ведомство Министерства просвещения, а второе относилось к участию моему в пересмотре общего университетского устава 1863 г.

Вопрос о передаче медицинской академии был возбужден графом Толстым еще в 1874 г. на том основании, что в Петербургском университете с самого его основания не было медицинского факультета, вследствие чего Министерство просвещения, не имея в столице в своем ведении ни одного медицинского органа, было поставлено в очень затруднительное положение при обсуждении многих вопросов, касавшихся медицинских кафедр. Специалистов по этой части не имелось ни в совете министра, ни в ученом комитете до моего туда назначения в 1873 г. Сверх того графу Толстому казалось не вполне нормальным, что русское медицинское образование находит-

ся в руках двух различных ведомств (военного и народного просвещения), не всегда гармонировавших между собой во взглядах на этот предмет. Медико-хирургическая академия, будучи по существу медицинским факультетом и выпуская наибольшую часть врачей для гражданского ведомства, существовала на основании своего собственного устава, руководилась своими правилами и взглядами на строй медицинского образования. Эта двойственность факультетских регламентаций и порядков, по мнению графа Толстого, требовала объединительных мер. Поэтому он признавал желательным, чтобы военное ведомство либо отказалось от академии, управление которой ему непосильно, либо поставило ее в такие условия, чтобы она служила исключительно военным целям, а для образования гражданских врачей министру просвещения было бы разрешено открыть медицинский факультет при Петербургском университете. Мне лично взгляды на этот предмет графа Дмитрия Андреевича казались вполне основательными, что я и высказывал ему неоднократно в частных беседах. Будучи сам воспитанником, а потом и профессором академии, я видел ясно крайнюю односторонность академического образования, узкую специализацию нередко без должного общего гуманитарного развития, что не могло не отражаться на научном уровне наших врачей и даже на направлении самых научных работ. В университете студенты разных факультетов имеют постоянные общения между собой, делятся друг с другом познаниями и интересами по разным специальностям, − нередко медики и натуралисты необязательно посещают лекции любимых профессоров филологического или юридического факультета и этим расширяют круг своих идей. В медицинской академии они ничего не изучают, кроме бездушной материи, ничего не видят, кроме человеческих страданий[1]. Повторяю, в принципе я сочувствовал тому, что-

[1] В мое время лучшие профессора в медико-хирургической академии были университетского образования. Таковы, например, Н.И. Пирогов, С.П. Боткин и И.М. Сеченов, Н.В. Склифосовский Московского университета, Н.Н. Зинин Казанского, Н.М. Якубович Харьковского, А.П. Загорский Дерптского, [В.Л.] Грубер Пражского. В последнее время медицинская академия стала не только комплектовать свои ученые силы почти исключительно из собственных воспитанников, но в большем числе снабжала ими и русские университеты. Это объясняется: 1) более высоким благоустройством учебно-вспомогательных учреждений академии, обязанных главным образом бывшему президенту ее П.А. Дубовицкому; 2) им же организованной с 1860 г. правильной системой посылки молодых врачей для усовершенствования за границу и 3) тем, что академия существует в столице, вблизи центров высшей учебной администрации (где Министерство народного

бы медики обучались не в замкнутых медицинских институтах, а в университетах. Вскоре мне пришлось высказаться по этому вопросу не в частной беседе, а в официальной комиссии, куда я был командирован в качестве члена ученого комитета и единственного представителя – специалиста от Министерства народного просвещения.

11 февраля 1875 г. я получил от бывшего государственного контролера Самуила Алексеевича Грейга письмо следующего содержания: «Милостивый государь Василий Маркович. На основании высочайше утвержденного 29 мая 1874 года положения комитета министров образована, в минувшем году, при этом комитете особая, под моим председательством, комиссия для предварительного рассмотрения вопроса о передаче Императорской медико-хирургической академии из военного ведомства в ведение Министерства народного просвещения, с предоставлением мне приглашать в комиссию, независимо от постоянных ее членов, и других сведущих лиц, коих признается полезным выслушать для подлежащих разъяснений. На этом основании я имею честь покорнейше просить ваше высокородие пожаловать в заседание комиссии (на Мойке, в здании Государственного контроля) в пятницу, 14 февраля в 3 часа пополудни. Примите уверение и проч[ее]. Грейг».

От Министерства просвещения был приглашен, кроме меня, член совета министра Александр Иванович Георгиевский, а от Медико-хирургической академии профессора Склифосовский и Эйхвальд. Мое положение в комиссии было не особенно удобно потому, что мне приходилось говорить против учреждения, где я состою на службе и несогласно с взглядом военного министра Милютина, моего главного начальника. Тем не менее я должен был высказать свои взгляды и доводы за передачу академии, по искреннему моему убеждению. Всех заседаний, помнится, было три или четыре. Вопрос рассмотрен со всех сторон довольно основательно. Мной были изложены, кроме общих соображений, исторические справки (академия существовала в разных ведомствах, в том числе и в ведомстве народного просвещения) и ссылки на примеры иностранных учреждений, подобных Медико-хирургической академии, где приготавли-

---

просвещения не имеет своего медицинского факультета). Но числом профессоров, вышедших из академии, и даже числом их научных работ еще не измеряется научный прогресс русской медицины. Необходимо принять во внимание также характер научного направления. В науке важны не столько отрывочные факты, добытые кропотливым механическим трудом, каково большинство нынешних ученых работ, сколько обобщающие идеи, обыкновенно доступные людям только с широким общим образованием.

ваются исключительно военные врачи-стипендиаты, и где рядом с этим институтом существуют медицинские факультеты университетов (в Австрии, Франции и Англии). Соглашения между экспертами, конечно, не последовало. Та и другая сторона осталась при мнениях диаметрально противоположных, и из составленного журнала ясно было видно, что более убедительные и рациональные доводы говорят в пользу передачи академии в ведомство народного просвещения. В этом смысле был решен вопрос и в Комитете министров, но при докладе государю, как передавал мне граф Дмитрий Андреевич, военный министр поставил это решение вопросом своего министерского портфеля. Так или иначе, но государь не утвердил постановления Комитета министров, и академия осталась в прежнем положении. Дело, очевидно, сводилось на личную почву, и мое положение в отношении к своему прямому начальнику, военному министру, становилось очень неловким.

В том же 1875 г. была учреждена с высочайшего соизволения при Министерстве народного просвещения особая комиссия по пересмотру общего университетского устава. Председателем ее назначен член Государственного Совета действительный тайный советник Иван Давыдович Делянов. Инициатором этого дела, возбужденного графом Толстым, был Михаил Никифорович Катков, а его правой рукой в Петербурге – А.И. Георгиевский, имевший значительное влияние на графа Дмитрия Андреевича. Устав 1863 г. почти с первых же лет после его введения признавался в министерстве не вполне удовлетворительным. Действие его случайно совпало с самым разгаром прискорбных университетских смут, которые отчасти и были приписаны слишком либеральному строю наших университетов. Профессора, которым ближе был известен ход университетских дел, справедливо не разделяли такого мнения. Корень студенческих смут и беспорядков, действительно, нередко переходивших всякие границы благоразумия, заключался не в уставе, а в общем либеральном чаде русского общества того времени, охватившем всю Россию и естественно отражавшемся и на учебных заведениях. Распущенность последних поддерживалась не статутами их, а скорее бездействием власти. Но при всем том университеты требовали и органических улучшений: расширения штатов, изменения и дополнения некоторых параграфов устава, более правильного регулирования власти совета и попечителя, внимательной заботы о более

удовлетворительной постановке учебно-вспомогательных учреждений, в большинстве случаев весьма убогих и скудных – одним словом, университеты нуждались не в ломке старых порядков, а лишь в капитальном ремонте, т. е. усовершенствовании во всех частях и лучшем приспособлении к современным научным требованиям. Так я понимал это дело и в этом смысле относился к задачам вышеназванной комиссии, когда мне было предложено принять в ней участие.

По роду моей служебной деятельности университетский вопрос всегда был близок моему сердцу. Я на практике видел и хорошие и слабые его стороны, был, что называется, в курсе этого дела и, казалось мне, мог бы своим участием в нем принести некоторую пользу в предстоящих преобразованиях. Занятия подобного рода были по моему вкусу, поэтому я охотно принял предложение графа Толстого и Ивана Давыдовича Делянова включить меня в число членов комиссии как специалиста по вопросам медицинских факультетов. Комиссия под председательством действительного тайного советника Делянова была составлена из следующих лиц: 1) А.И. Георгиевского; 2) генерал-майора И.П. Новикова (помощника попечителя Киевского учебного округа); 3) профессора Московского университета Н.А. Любимова; 4) состоявшего при Министерстве внутренних дел Г.А. Гезена и 5) меня. В этом составе комиссия должна была посетить все русские университеты, на месте ознакомиться с их нуждами и потребностями, выслушать мнение профессоров по намеченным вопросам и, собрав все необходимые данные, приступить к составлению проекта нового университетского устава.

Объезд комиссии по университетам должен был начаться с 17 сентября и продолжиться два с половиной месяца, не считая Петербургского университета, которым заканчивались действия комиссии уже по возвращении из поездки. Такое продолжительное отсутствие из столицы требовало для меня как служащего в медицинской академии особого разрешения военного министра, который признал это несовместимым с моими профессорскими обязанностями. Поэтому я решился вовсе оставить военно-медицинскую службу.

Скажу откровенно, расстаться с медицинской академией и профессурой для меня было большой потерей. Я так сроднился с этой деятельностью и с местом своего воспитания, так много был обязан академии, выведшей меня на большую дорогу, давшей мне

средства основательно завершить образование в чужих краях, что без тяжелого чувства не мог смотреть на предстоящую перемену моей службы. Это был настоящий перелом в моей жизни. Прежде чем решиться на этот шаг, я посоветовался с графом Дмитрием Андреевичем и с князем Александром Прохоровичем Ширинским-Шихматовым (товарищем министра), с которыми я был очень близок. Тот и другой вполне участливо и сердечно поддержали меня в этой мысли. Граф сказал, что в Министерстве просвещения для меня найдется гораздо больше дела по моему вкусу, чем в военном министерстве, следовательно, в нравственном отношении я буду удовлетворен. Взамен профессорского содержания, которое я получал в медицинской академии, граф предложил мне новое место непременного члена в медицинском совете, с окладом в 2 000 руб. в год. Из этого я вижу, что меня хотят во что бы то ни стало привязать к Министерству просвещения и, вероятно, по миновании надобности, т. е. по заключении всех комиссионных дел, не оставят на полпути. Таким образом, 17 июня 1875 г. я подал прошение об увольнении меня от службы в медико-хирургической академии с перечислением в Министерство народного просвещения, что и было исполнено 11 июля того же года.

Об этом эпизоде я упоминаю потому, что с ним связано дальнейшее мое участие в делах Сибирского университета.

II

Объезд университетов. – Несостоятельность проекта Казнакова. – Борьба между Омском и Томском. – Дело университета в Государственном Совете. – Характеристика Омска, сделанная Ядринцевым. – Пожертвование Томском 25 тыс. руб.

Расставаясь с академией, я мог без всякого стеснения посвящать все свое время министерским вопросам, из которых на ближайшей очереди были новый университетский устав и Сибирский университет. О занятиях по первой категории я не буду здесь распространяться, потому что по этому поводу пришлось бы говорить слишком много. Окунувшись в эту сферу, я на первых же порах испытал немало разочарований, о чем не стоит вспоминать; но вместе с тем участие мое в поездке комиссии по университетам дало мне возможность подробно ознакомиться с их состоянием и потребностями, с их хорошими и слабыми сторонами и со всем личным составом

русских университетов, что впоследствии пригодилось мне при организации нового университета Сибирского[1]. Комиссия начала свой объезд с Казани, потом была в Дерпте, Варшаве, Одессе, Киеве, Харькове и в Москве. Каждый из этих городов давал новый ценный материал для разъяснения поднятых вопросов. Лично мне пришлось познакомиться с множеством достойнейших профессоров и сравнить строй медицинского образования в университетах с академическим. Все это было для меня весьма полезно и поучительно.

В Петербург комиссия возвратилась около половины ноября. В течение той же зимы нужно было привести в порядок, обработать и напечатать собранные во время поездки материалы по медицинским факультетам, а с декабря месяца пришлось заняться рассмотрением полученного от Казнакова из Омска проекта Сибирского университета. Для последней цели была составлена особая комиссия из членов совета министра Георгиевского, членов ученого комитета Ходнева, Васильевского, меня и профессора Пахмана.

Проект Казнакова, как и было предположено, имел в виду 4 факультета, но состав кафедр каждого из них был чрезмерно урезан. Генерал-губернатор очевидно задался мыслью, чтобы открытие и содержание нового университета не потребовали от казны почти никаких дополнительных ассигнований, а покрывались бы на счет тех сбережений, какие должны последовать от предполагаемого прекращения привилегий сибирской службы (пятилетних прибавок и путевых пособий) после приготовления в Сибирском университете местных учителей и чиновников. Собранные Казнаковым справки показывают, что в Западной Сибири на прибавочное жалованье за сибирскую службу в 1875 г. ассигновано 67 032 р[уб]. 81 к[оп]. и выдано пособий (окладов годового жалованья) вновь определенным на службу в этот край в 1874 г. 12 804 р[уб].; в Восточной Сибири на тот же предмет по первой категории 65 440 р[уб]. 86 к[оп]., а по второй категории 21 687 р[уб]. 73 к[оп]. Таким образом, в совокупности издержки эти распространяются для обеих частей Сибири до 167 000 р[уб]. в год. Стоимость же содержания университета с четырьмя факультетами по проекту штатов генерал-губернатора должна состав-

[1] Вынесенные отсюда сведения изложены мной в особой книге под заглавием: «Сведения о состоянии и потребностях русских медицинских факультетов, представленные в высочайше утвержденную комиссию для пересмотра ныне действующего университетского устава, членом комиссии В. Флоринским». С.-Петербург 1876 г.

лять всего 212 220 р[уб]., т. е. в среднем по 53 000 р[уб]. на факультет. Само собой разумеется, что с этими цифрами никак нельзя было помириться. Мне в особенности прискорбно было видеть такое непонимание дела по отношению к медицинскому факультету, о котором мной было и писано и говорено Н[иколаю] Г[еннадьеви]чу несколько раз. В экономических поползновениях должна быть своя граница, переступить которую значит испортить все дело.

Достаточно сказать, что медицинский факультет по проекту Казнакова предполагалось устроить без факультетских клиник. Их должна была заменить городская больница. По выведенной тут же справке оказывается, что в Томске существуют только две больницы, одна арестантская при пересыльной тюрьме, на 15 кроватей, другая приказа общественного призрения на 50 кроватей. Первая из них для университетских целей совершенно непригодна как тюремная, а также потому, что она помещается вне города, в очень далеком расстоянии от места, предназначенного под университет. Равным образом, не может заменить собой факультетских клиник и больница приказа, ни по своим размерам, ни по устройству, ни по свойству больных здесь призреваемых. Клинических кафедр по проекту полагалось всего две – для внутренних и хирургических болезней, сюда же включалась и диагностика. Это был явный абсурд, так как в двух клинических отделениях (в больнице) невозможно было вести занятия одновременно со студентами III, IV и V курсов, не имея при том других специальных клиник, например акушерской, глазной, детской. Такие же неуместные сокращения оказались в проекте относительно штатов вспомогательного учебного персонала (ординаторов совсем нет, ассистентов и лаборантов тоже, сохранено из моих предположений, данных Казнакову, всего два прозектора и один помощник прозектора). Подобные же сокращения оказались в штатах прочих факультетов. Само собой разумеется, что с этой стороны проект Казнакова в нашей комиссии был признан вполне несостоятельным. Пришлось переделать его заново, причем я написал свои соображения по медицинскому факультету, Пахман по юридическому, Ходнев по физико-математическому, Васильевский по филологическому. Эти соображения целиком вошли в печатную записку графа Толстого, заготовленную для внесения в Государственный Совет 29 мая 1876 г. Факультетские клиники я проектировал на 80 кроватей: 20 хирургических, 20 терапевтических, 20 аку-

шерско-гинекологических. 10 глазных и 10 детских. Для них должен быть выстроен особый корпус от университета.

Для служащих в университете Казнаковым не испрашивалось никаких служебных привилегий, кроме тех, которые установлены вообще для служащих в Сибири чиновников. Граф Д.А. Толстой признал это недостаточным и включил в своей проект полуторные оклады содержания для профессоров, что было вполне основательно и справедливо.

Местом для Сибирского университета, как в проекте генерал-губернатора, так и в представлении графа Толстого первоначально был указан город Томск, по тем соображениям, какие были приведены выше; но намеченные мной по этому вопросу мотивы не были развиты в представленном проекте с надлежащей полнотой, не были подкреплены ни статистическими цифрами, ни местными, более точными сведениями о состоянии Томска и условиях, какие он представляет для университета вообще и для медицинского факультета в частности. Томск указывался на основании общих соображений, какие можно было дать, не видя этого города и не зная его внутренней жизни. Уже после составления проекта генерал-адъютант Казнаков в первый раз посетил этот город, и он, по-видимому, произвел на него удручающее впечатление. Вскоре после того, именно в конце 1876 г., Казнаков снова был в Петербурге и сообщил графу Толстому свои взгляды на Томск и Омск в смысле пригодности их для учреждения высшего учебного заведения. Симпатии генерал-губернатора в это время были всецело на стороне Омска, где он имел свое местопребывание. В это же время должен был рассматриваться в Соединенных департаментах Государственного Совета вопрос о Сибирском университете. В качестве сведущего лица и главного начальника Западно-Сибирского края на это заседание был приглашен и Николай Геннадьевич, мнение которого по данному вопросу не могло быть не признано вполне компетентным. Оно было решительно высказано в пользу Омска, на основании чего все присутствовавшие члены Соединенных департаментов, в том числе и граф Толстой, единогласно постановили, чтобы Сибирскому университету быть в Омске, а не Томске. В этом смысле нужно было исправить и записку министра народного просвещения, которая по нормальному ходу делопроизводства через две недели должна была поступить из Соединенных департаментов в Общее собрание Государственного

Совета. Небезынтересно здесь отметить, что после такого решения министр народного просвещения приказал директору департамента М.Е. Брадке исправить внесенную им печатную записку о Сибирском университете таким образом: на тех страницах где стояло слово Томск, его заменили словом Омск, – разница оказалась ничтожная, только в одной выброшенной букве. Впрочем, страницу 9-ю записки пришлось вполне перепечатать. Здесь были исчерпаны все мотивы, приведенные в пользу Омска. Они состояли в следующем: «Томск был бы удобным местом для университета, так как этот город со значительным населением, лежащий почти в центре Сибири, и притом связанный пароходным сообщением с Тобольском, Тюменью и некоторыми другими городами западной ее половины. Но этот город, по данным мне (министру просвещения) впоследствии генерал-губернатором личным разъяснениям, представляет, с другой стороны, некоторые важные неудобства; в нем весьма значительное число ссыльных, контингент населения, который нельзя считать выгодным для преуспеяния здоровой жизни университета. Посему внимание генерал-губернатора остановилось на Омске, который представляет весьма значительные преимущества для университета как центр главного местного управления и как постоянное место жительства генерал-губернатора, сверх того в Омске гораздо легче будет найти место для университетских зданий, чем в Томске, где возможное для этой цели место находится на большом расстоянии от центра города; за сим, а это самое важное, Томск бесспорно более центральное место в отношении ко всей Сибири, чем Омск, но зато сей последний город ближе к губерниям, составляющим Оренбургский учебный округ, а также к Туркестанскому краю, а потому можно ожидать с полной уверенностью, что университет в Омске привлечет к себе часть оканчивающих курс в гимназиях Оренбургского учебного округа, а также тех лиц, которые со временем окончат курс в средних учебных заведениях Туркестанского края, как скоро сии последние достигнут размера гимназий, что, без сомнения, есть только вопрос времени».

Из приведенной выписки можно видеть, как шатки и поверхностны были доводы, по которым Омск был предпочтен Томску. Они сводятся к тому: 1) что в Омске живет сам генерал-губернатор; 2) что в Томске слишком много ссыльных (а в Омске?) и притом там будто бы не оказывается вполне соответствующего места для по-

стройки университетских зданий (?) и 3) что Омск ближе к Оренбургскому и Туркестанскому краю, как будто бы эта близость такова, что от Ташкента и Оренбурга до Омска – рукой подать. От Ташкента, как известно, около 3 000 верст степного пути, от Оренбурга около полутора тысяч. Притом в Туркестанском крае нет еще ни одной гимназии, а Оренбургская, Уфимская и Пермская губернии естественно тяготеют к Казанскому университету. В самом Омске в это время гимназия еще не была открыта.

В то время, когда вопрос о Томске и Омске рассматривался в департаментах Государственного Совета, меня случайно не было в Петербурге. Возвратившись и узнав о последовавшей перемене, я тотчас же отправился к графу Дмитрию Андреевичу просить, нельзя ли этот вопрос рассмотреть пообстоятельнее. Выбором города для университета определяется его будущность, успех или неуспех задуманного предприятия. Этот вопрос существенно важен, между тем в основание для его решения были приняты обстоятельства случайные, временные, которые могут подлежать изменению или устранению, напр[имер], присутствие ссыльных и отношение к университету генерал-губернатора. Несмотря на мои доводы, граф находил решительно невозможным изменить положение дела, ссылаясь на то, что в Соединенных департаментах ⅔ членов Государственного Совета уже высказались в пользу Омска и изменить свое мнение в общем собрании Государственного Совета они не могут. Это было бы и неудобно, и непоследовательно. Со своей стороны граф заметил, что он лично не знает ни Томска, ни Омска, а должен доверять словам генерал-губернатора.

При таком положении дела я решился просить у графа Дмитрия Андреевича разрешения лично объяснить вопрос о выборе города для Сибирского университета августейшему председателю Государственного Совета, великому князю Константину Николаевичу. С его императорским высочеством я имел счастье много раз встречаться раньше в качестве приватного врача его высочества, что было небезызвестно и графу Дмитрию Андреевичу. Великий князь всегда относился ко мне весьма благосклонно и много раз в свободные минуты удостаивал меня поучительными беседами по разным вопросам, в том числе и по вопросу о Сибирском университете после его возникновения. Граф, хотя и неохотно, но все же уполномочил меня на этот шаг, заметив, что практических результатов отсюда едва ли

можно ожидать: через две недели вопрос о Сибирском университете должен будет рассматриваться в Государственном Совете, члены которого, несомненно, согласятся с постановлением департаментов.

На другой же день я был у его высочества, доложил ему выше указанную страницу о выборе между Томском и Омском, с объяснением дополнительных данных, какие у меня имелись в руках, и моих личных соображений по этому вопросу. Как и следовало ожидать, его императорское высочество изволил признать доводы, помещенные в записке министра народного просвещения относительно Томска и Омска, слишком краткими, не исчерпывающими всего вопроса и подлежащими новому более обстоятельному обсуждению с участием лиц, знающих оба эти города и вообще весь Сибирский край. С такими инструкциями его высочество направил меня от своего имени к его высокопревосходительству государственному секретарю Дмитрию Мартыновичу Сольскому. Последнему я объяснил желание его высочества, чтобы для обсуждения вопроса о местопребывании Сибирского университета было предложено министру народного просвещения образовать особую комиссию из сведущих людей, в число которых включили и меня.

Таким образом, решение в Государственном Совете вопроса о Сибирском университете было отложено почти на целый год. Комиссия учреждена под председательством товарища министра, князя Александра Прохоровича Ширинского-Шихматова из следующих членов: 1) тайного советника А.И. Деспот-Зеновича, ранее бывшего тобольским губернатором, хорошо знакомого с Сибирью по прежней продолжительной службе в этом крае; 2) меня, как принимавшего в этом вопросе живое участие; 3) главного инспектора училищ Западной Сибири Дзюбы и 4) омского вице-губернатора Курбановского. Последние два члена были назначены по указанию Н.Г. Казнакова.

По поводу моего назначения я получил от графа Дмитрия Андреевича следующее официальное письмо от 28-го мая 1877 г. (№ 495), из которого отчасти виден рассказанный мною выше ход этого дела:

«Милостивый государь Василий Маркович. Соединенные департаменты государственной экономии и законов по рассмотрении представления моего об учреждении в Сибири университета предположили, согласно с мнениями: моим и главного начальника края, учредить этот университет в г. Омске. Между тем его императорское

высочество, председатель Государственного Совета, приняв во внимание, что избрание пункта для Сибирского университета представляет особую важность, доводы же, приводившиеся в пользу Омска и других сибирских городов в качестве университетских центров, не обставлены в деле достаточными данными, признал необходимым, чтобы прежде окончательного обсуждения этого вопроса в общем собрании Государственного Совета он подвергнут был более подробному изучению. По всеподданнейшему об этом докладе его императорского высочества, председателя Государственного Совета, его императорское величество, в 16-й день мая этого года высочайше повелеть соизволил: учредить в течение каникулярного в Государственном Совете времени, по ближайшему распоряжению министра народного просвещения, комиссию из лиц, практически знакомых с Сибирью по службе или долговременному пребыванию в том крае, с тем, чтобы соображения этой комиссии о том, в каком из сибирских городов предпочтительнее учредить предполагаемый университет, со всеми необходимыми, для разрешения этого вопроса, статистическими и другими сведениями, внесены были им, министром, с его заключением, в Государственный Совет, по окончании каникулярного времени.

Учредить в исполнение сего высочайшего повеления, при Министерстве народного просвещения особую комиссию под председательством товарища министра народного просвещения, тайного советника князя Ширинского-Шихматова, для всестороннего обсуждения вопроса о местности, в которой окажется более полезным основать Сибирский университет, я нашел нужным назначить Ваше превосходительство членом означенной комиссии, о чем имею честь вас, милостивый государь, уведомить. Примите уверение в совершенном почтении и преданности. Граф Дмитрий Толстой».

Несмотря на то, что обращение мое к великому князю Константину Николаевичу было с ведома и согласия министра и что я вслед за сим доложил его сиятельству о результатах моей просьбы, граф, очевидно, остался недоволен моим поступком. Это было видно по его сухому тону в обращении со мной в течение некоторого времени. Но как человек, в сущности, весьма правдивый и беспристрастный, он в скором времени убедился, что в моих настойчивых действиях была доля основания, что мной руководило исключительно желание избежать ошибки при решении столь важного и

бесповоротного дела. Поэтому, по мере его разъяснения, граф первый сознался в излишней поспешности своих заключений, основанных на словах генерал-губернатора, и во все дальнейшее время сохранил ко мне искреннее расположение и доверчивость. Что же касается Н.Г. Казнакова, то он мое вмешательство, по-видимому, принял за личную себе обиду и при дальнейших встречах со мной, правда довольно редких, старался держать себя исключительно на официальной почве. Это обстоятельство заставило меня впоследствии, при составлении инструкции Строительному комитету для возведения зданий Сибирского университета, просить графа Дмитрия Андреевича подчинить томский комитет непосредственно министру народного просвещения, без передаточной инстанции генерал-губернатора, что и было исполнено.

Весть о назначении вышеназванной комиссии вскоре распространилась по всем сибирским городам, узнавшим об этом частью из столичных газет, частью, вероятно, по письмам из Омска. Точно по наряду, но совершенно без всякого, с моей стороны, участия, не знаю по чьей инициативе, почти одновременно поднимается тот же вопрос в думах не только губернских и областных, но даже многих уездных городов Восточной и Западной Сибири. Составляются постановления, посылаются петиции на имя министра просвещения, нередко весьма дельные и красноречиво изложенные. Все они потом передавались в мои руки, так как на меня была возложена председателем нашей комиссии обязанность докладчика, секретаря и редактора ее трудов. Мнения городов разделялись на две категории: одни были за Томск, и этих весьма значительное большинство, другие за Омск. За последний город высказались только Омская, Тюменская и Тобольская думы[1]. Этим рассуждениям и голосованиям в думах нельзя было придавать большого значения, потому что из участвовавших в этом гласных едва ли сотая доля имели надлежащие представления об университете и его потребностях. Только в заявлении одной Томской городской думы, в особенности же в отдельной записке томского золотопромышленника Цибульского, оказываются более или менее веские данные о состоянии города Томска и его пригодности для университета.

---

[1] *Труды* комиссии об избрании города для Сибирского университета. СПб., 1878. С. 144.

Желая собрать более точные сведения о Томске, я писал об этом в начале 1876 г. моему доброму знакомому, служащему там председателем губернского правления, Дмитриеву-Мамонову. Он был так любезен, что не замедлил сообщить не только характеристику города, но также многие официальные сведения, которые очень пригодились при обсуждении вопроса в нашей комиссии. В Омске у меня также был один молодой человек, урожденный сибиряк. Несколько месяцев тому назад отправившийся туда на службу, некто Н.М. Ядринцев. Я недавно познакомился с ним у А.И. Деспот-Зеновича. Это был увлекающийся юноша, не окончивший курса гимназии, некогда состоявший вольным слушателем Петербургского университета, замешанный в какой-то студенческой истории и высланный административным порядком сначала на родину, а потом сосланный в один из уездных городов Архангельской губернии. Ныне он прощен и с назначением Казнакова, по рекомендации А.И. Деспот-Зеновича, отправился в Омск искать для себя каких-либо подходящих занятий. Зная мои отношения к Сибирскому университету, он прислал мне письмо, характеризующее Омск с весьма неприглядной стороны. Приведу здесь извлечение из этого письма[1]: «1 августа 1876 г. Омск. М[илостивый] Г[осударь], многоуважаемый Вас[илий] Марк[ович]! Только что приехал в Омск и с первого же дня начал испытывать все жизненные удобства, представляемые этим городом. Город этот небольшой, с казенной постройкой и убогими одноэтажными домиками, принадлежащими отставным чиновникам и солдатам. Служащие лица не могут приобретать дома и обстраиваться, ни по своим средствам, ни по временному положению. Купцов здесь 7–8, живущих на задних улицах и имеющих дома только для себя, очень незавидные. Для генеральства существуют казенные квартиры в крепости, как и для некоторых штабных чинов. Если бы для генерал-губернатора не был построен особенный казенный дом, ему не было, где занять квартиру, какую занимает в губернском городе губернатор. Большие квартиры наперечет и заняты советниками главного правления; в большинстве они блестят только внутренней обстановкой, в сущности же, расположены в обыкновенных неприглядных одноэтажных домиках. Нет ни одной улицы, уподобляющейся не только Томску, но даже Тюмени. Солдатские и казачьи слободки с кварталом

[1] Письмо это может дать понятие о состоянии Омска в половине 70-х гг.

Кучугур, наполненным бродягами и разбойниками, раскинуты и отделены обширными площадями, что без надобности увеличивает расстояния, способствует пустынности и увеличивает опасность прохода и проезда. Осенью на этих площадях происходят нападения и грабежи солдатами местных батальонов и ссыльными, выпускаемыми из острогов, и бродягами, наполняющими Кучугуры. Это далеко не оправдывает сопоставления, что Омск менее имеет ссыльных, чем Томск, и добродетельнее последнего. Доказательством служат делаемые здесь войсками каждую осень облавы на бродяг в городе. Вся разница с Томском, что здесь менее штат полиции и более безобразий. Нет возможности водворить какую-нибудь безопасность. Если в Томске совершают преступления ссыльные, то в Омске к этому присоединяются еще солдаты и разный пролетариат, не имеющий средств и занятий в казенном городе. Несколько дней назад здесь убиты два семейства среди бела дня. При Хрущеве (предшественнике Казнакова) солдаты разбивали кабаки, грабили дома и нападали на прохожих. Солдаты здесь хуже ссыльных.

Приезжему здесь приходится, прежде всего, возиться с квартирами. Выбор крайне мал. Можно найти хижину для холостого чиновника или какие-нибудь две-три комнаты у отставного солдата. Приезжие люди захватывают, что попалось. Но, кроме квартир, которые при убогости домов все-таки дешевы, важны обстановка и приобретение мебели. На огромное количество чиновников и офицерства пять магазинов мебели и мастеров. А делают ее арестанты, или приходится покупать какой-нибудь лом и старье на толкучке у жидов. Видные чиновники привозят мебель из Петербурга или покупают при случае у уезжающих чиновников.

Кругом Омска голая степь. Местами в городе посажены деревца, но худо принимаются. Это начало Киргизской степи. Летом засуха и пыль, зимой бураны. Общественной жизни почти никакой. Преобладающее сословие – военное. Можно подумать, что в городе масса войска. Ничего не бывало! – Один батальон, но масса штабов: главный, регулярный, иррегулярный, артиллерийский, инженерный и проч. Говорят, комическое зрелище представляют здешние смотры. Свита у генерал-губернатора из офицеров и штаба является точно у главнокомандующего огромной армией, а войска три роты (так как одна бывает в караулах) и учебная сотня казаков. Целая масса чинов артиллерийского ведомст-

ва, а в распоряжении буквально одна пушка, бывающая на смотре представительницей местной артиллерии. Когда-то в Омске был еще батальон и батарея, но давно ушли в Туркестан. В Западной Сибири нет ни одной крепости, но живет инженерное начальство; нет лесов, но очень много лесничих: Омск есть собрание всевозможного начальства, офицерства и чиновничества, но при отсутствии подчиненных. Это какой-то центр без органов, голова без туловища. Местного населения в городе почти нет, исключая полувоенных казаков, как нет богатого, торгового и рабочего класса.

Город до того убог, что даже сторонники его надеются только на отдаленное будущее. Многие приезжие чиновники называют его «ловушкой» в том смысле, что сюда завлекают обещаниями разных благ, а по приезде отсюда не так легко выбраться. Нигде я не видел столько людей ожесточенных, как в Омске; и это понятно, ибо горечь его, здесь живя, лучше измеряется.

Я слышал о (недавно построенном) хваленом Омском госпитале. Закладка его была с закуской и пиром, прием сопровождался обедом, причем сердца приемщиков были смягчены роскошью яств и елеем питий. На постройку его, как уверяют, не было затрачено и половины ассигновки. Здания его все деревянные, при морозах и ветрах продуваемые как сараи. Через полгода полы, положенные прямо на землю, начали гнить, обнаружилась сырость, холод и другие неудобства. Гражданская больница еще хуже, старая, маленькая, грязная. Из этого вы видите, в какую лужу и в какое гнездо может попасть Сибирский университет. Больше прибавлять нечего. Если желательно его гибели, то, конечно, трудно найти лучшее место. Если вы можете что-либо сделать к разоблачению этой чиновной мистификации, то Сибирь вас никогда не забудет. Разочарованный человек может оставить город, но учреждение нельзя переместить в другое место. Спасите же Сибирский университет!»

Зная Ядринцева за человека увлекающегося и склонного к пессимизму, я думал, что в его характеристике Омска наложены слишком густые тени. Но тем не менее письмо производило тяжелое впечатление. Что это за будущий университетский город, в котором открыто грабят на улицах среди бела дня, где почти невозможно найти порядочную квартиру или приобрести мебель, где цех мастеровых сосредотачивается только в руках арестантов, одним словом, где нет самых элементарных условий городской культурной жизни. Сам я не был

в Омске и не могу судить о нем по личным впечатлениям, но отовсюду слышу, что это не столько город, сколько военная ставка. Так отзывается о нем и А.И. Деспот-Зенович, то же говорил и М.Г. Соколов, омский медицинский инспектор, полковник Скерлетов, мой старый знакомый, долго служивший там. Очевидно, есть в Омске что-то такое, что делает его мало пригодным для университета, независимо от географического положения. Необходимо разобраться во всех этих вопросах: семь раз померить и один раз отрезать, как гласит пословица. Назначение комиссии, оказывается, как нельзя более кстати.

Получив официальную бумагу о назначении меня членом комиссии, я тотчас же написал Дмитриеву-Мамонову, чтобы он собрал и доставил мне необходимые для рассмотрения вопроса точные сведения о Томске. Вопросы были такого рода: 1) о числе жителей города по сословиям; 2) о торговых оборотах, о городских доходах; 3) о числе ссыльных и распределении их по городам Томской губернии, в частности, о числе политических и административных ссыльных в самом городе Томске, о числе поляков, водворенных и оставшихся здесь после 1863 г.; 4) о числе каменных и деревянных домов и о ценах на квартиры; 5) о состоянии городской и других больниц Томска, о числе кроватей в них и положении медицинской части вообще; 6) о состоянии местной духовной семинарии и о числе учащихся в ней (о гимназии имелись сведения в департаменте); 7) о справочных ценах на строительные материалы и рабочие руки; 8) о пригодности места, отведенного под университет, – если можно, прислать план этого места и план города, если такой имеется в продаже. 19 июля я получил от Мамонова телеграмму: «Все сведения высылаются почтой, город предполагает послать депутацию, телеграфируйте, нужна ли депутация от городского сословия и когда именно, в настоящее время, или когда поступит дело в Государственный Совет, отвечайте немедленно – Дмитриев-Мамонов». Я ответил, что депутация излишня, но за сведения очень благодарю. Они были получены 6 августа и оказались настолько подробными и обстоятельными, с официальными скрепами, что лучшего нельзя было желать, особенно в такой короткий срок. Соответствующие сведения из Омска должны были привезти с собой члены комиссии, назначенные по указанию генерал-губернатора (Дзюба и Курбановский). После ознакомления с присланными документами, я послал Александру Ипполитовичу следующее письмо: «Присланные сведения более

чем удовлетворительны. Все, что нужно было нам знать, все, что мы предполагали иметь в подтверждение наших доводов в пользу Томска, я нашел в вашей записке и приложениях к ней. С этим оружием мы спокойно можем ждать предстоящего сражения с депутатами города Омска. Я надеюсь, что мы победим, и было бы странно не иметь успеха в деле совершенно справедливом, ясном для всех знающих это дело… Очень рад, что вы прислали и план отведенной университету земли. Он нам нужен вдвойне: 1) чтобы отпарировать один из доводов Н.Г. Казнакова, будто бы в Томске не оказывается удобного места для постройки университетских зданий (странный довод!); 2) для соображений по проекту построек, который предполагаем выработать нынешней же осенью. Копии с мнений городов (постановлений городских дум) также будут небесполезны. На них можно будет сослаться как на общий голос сибиряков, что тем более важно, что Н.Г. Казнаков высказался, будто бы сибирские города в этом отношении совершенно индифферентны. О ненужности депутации я уже вас извещал. Я не думаю, чтобы они имели какое-либо значение. В пользу дела будут говорить факты и цифры… Было бы гораздо полезнее пропагандировать между томским купечеством мысль о дальнейших пожертвованиях в пользу Томского университета, или на учреждения ему пригодные. Например, в вашей записке я нашел сведение о предполагаемом расширении больницы приказа общественного призрения и что на это уже имеются средства. Эта статья очень хорошая. Еще было бы лучше, если бы томское городское управление и вообще добрые сибиряки, после утверждения университета в Томске, решились выстроить на свой счет хотя бы часть факультетских клиник. Денег на постройку университетских зданий у нас очень мало; предполагают разрешить не более 600 т[ыс.] руб., считая в том числе и капиталы Демидова и Цибульского. На эту сумму, думается мне, можно выстроить хороший главный корпус и анатомический институт, но вряд ли много останется для клиник. Поэтому было бы очень хорошо, если бы город ассигновал на этот предмет тысяч 20–25, например специально на акушерскую, детскую и глазную клиники. Их можно выстроить особо, деревянными, по барачной системе, и они обойдутся при дешевизне сибирского леса едва ли дороже указанной суммы. Между тем эта форма пожертвования была бы очень полезна и для самого города, в котором нет специальных больниц этого рода, и рельефно выразила бы сочувствие томского городского управления

к университету именно в их городе…[1] Точно также у нас теперь в большой моде жертвовать на стипендии учащимся. Вполне этому сочувствуя, я, тем не менее, сказал бы, что вместо денежных стипендий гораздо бы практичнее устроить для недостаточных студентов даровое общежитие. С этой целью выстроенный дом, обеспечивающий студентам здоровую и удобную квартиру вблизи университета, принес бы больше пользы, чем деньги, выдаваемые на руки. В этой форме на ту же самую сумму можно было бы оказать гораздо больше помощи. Вообще я надеюсь, что томское общество после окончательного решения вопроса о Сибирском университете не оставит этот университет своим дальнейшим сочувствием. Я ратую за Томск именно потому, что предвижу здесь широкое развитие университетской жизни. Вздор говорят, что в Сибири юный университет будет хромать. Напротив, я убежден, что он будет не только не хуже, а лучше многих наших провинциальных университетов. На первых же порах он должен получить и высокий научный тон, и хороший студенческий дух. Все зависит от постановки дела. Что будет дальше – не знаю, но в настоящее время мне уже приходилось беседовать со многими весьма солидными профессорами, которые не прочь были бы поработать в Сибири над изучением ее неисчерпаемых научных вопросов».

Одновременно с этим Н.М. Ядринцев осаждал меня скорбными письмами из Омска. В них повторялось одно и то же, а именно: что в Омске под крылом генерал-губернатора университет погибнет, что нравственная атмосфера там неудовлетворительная, ссыльных почти столько же, как и в Томске, что помощи от города нельзя ждать никакой и что Омский университет никогда не будет привлекать сочувствие сибиряков. Правда это или нет, издали судить довольно трудно; но эти настойчивые иеремиады невольно заставляют подозревать, что Ядринцев и комп[ания] боятся не столько города Омска, сколько военного генерал-губернаторского режима.

Ссыльные, о которых так много говорит Ядринцев в своих письмах и на которых ссылается Н.Г. Казнаков, говоря против

[1] 25 сентября 1877 г. Томская городская дума действительно ассигновала 25 т[ыс.] р[уб.] на постройку акушерской и детской клиники и 5 т[ыс]. р[уб]. на покупку книг для университетской библиотеки. Сведения эти получены министерством в то время, как наша комиссия по выбору города уже открыла свои действия.

Томска, по моему мнению, не должны играть в этом вопросе существенной роли. Сибирь вся населена ссыльными, – это ее злосчастная историческая доля. В каком городе их больше или меньше, это безразлично, если считать ссыльных всех категорий. Но к университету, действительно, может иметь отношение политическая ссылка. Эти люди, большей частью озлобленные против правительства, несочувствующие данному русскому строю, нередко сами бывшие студенты, естественно могут пропагандировать свои утопии в среде будущих воспитанников Томского университета, нарушая его нормальную жизнь. Чтобы охранить университет от этих элементов, нужно не город искать, где бы их не было, а гораздо легче устранить саму ссылку, т.е. очистить от этих неблагонадежных людей тот город, где будет решено основать университет.

III

Неудачный проект, представленный Казнаковым. – Мое помещение в Казань

С 1877 по 1880 г. я был, если можно так выразиться, негласным участником в делах Сибирского университета. Несмотря на то, что не состоял ни в каких официальных к нему отношениях, я вел личные переговоры и довольно обширную переписку по этому делу с разными лицами и учреждениями, а министерство ко мне же направляло все возникшие частные вопросы по этому предмету. Желая охарактеризовать мои отношения к Сибирскому университету, граф Дм[итрий] Андреевич нередко давал мне преждевременный титул «Ректора будущего Сибирского университета», и это придуманное звание так и осталось за мной, конечно, не в официальных бумагах, до самого приезда моего в Томск (в 1885 г.) на должность попечителя вновь открытого учебного округа. И на самом деле я как бы состоял партикулярным ректором несуществующего университета, даже после того, когда был назначен членом Строительного комитета при возведении университетских зданий (с 1880 г.), так как мне были даны при этом особые полномочия для непосредственных сношений с министерством.

Не буду, однако же, забегать вперед, а возвращусь опять к 1877 г. По окончании заседаний комиссии по пересмотру общего универси-

тетского устава, вторая половина зимы (с января по апрель) была посвящена редактированию трудов комиссии в составе тех ее членов, которые остались в Петербурге (А.Ив. Георгиевский, я, Н.А. Любимов и А.М. Гезен).

Одновременно с этим вырабатывался при моем участии проект зданий для Сибирского университета. Эту последнюю задачу взял на себя, неизвестно по каким соображениям, Н.Г. Казнаков, поручив составление планов омскому архитектору Эзету, имевшему весьма смутное представление об университетских потребностях. Выработанный в Омске план был препровожден генерал-губернатором в Министерство народного просвещения в начале 1877 г. Ознакомившись с ним, я был поистине удивлен смелостью и решимостью составителей взяться не за свое дело. Проектированный Эзетом главный университетский корпус представлял собой не то казарму, не то фабрику. Представьте себе неуклюжий трехэтажный четырехугольный ящик, разделенный по всем этажам внутренними коридорами с равномерными клетками по ту и другую его сторону. Клетки должны были изображать собой аудитории и профессорские кабинеты, без малейшего представления о том, какой цели они должны соответствовать. В одинаковой мере они могли служить и арестантскими камерами для губернской тюрьмы, и богадельней или инвалидным домом допотопной конструкции, но никак не местом культивирования современной науки. Само собой разумеется, что проект с первого же взгляда был забракован. Для выработки нового граф Д.А. Толстой назначал особую комиссию под председательством директора департамента М.Е. Брадке. В состав комиссии вошли следующие лица: 1) я, как выразитель потребностей медицинского факультета, 2) профессор Д.И. Менделеев для физико-математического факультета и 3) архитектор А.К. Бруни.

Мы должны были определить число, размеры и относительное размещение кабинетов, музеев, лабораторий и аудиторий, принимая во внимание и общие административные и хозяйственные помещения. Из набросанных таким образом черновых чертежей делался общий, если можно так выразиться, факультетский свод распределения помещений, по которому архитектор должен был выработать настоящий проект. По самому существу задачи, на мою долю, т.е. для медицинского факультета, пришлось заготовить почти 2/3 всех

черновых чертежей, но их удалось осуществить, и то не вполне, только в самом конце 80-х гг. уже после открытия университета.

Мой план для медицинских построек состоял в следующем:

1. Предполагался особый анатомический корпус в 25 саж[еней] длины и 7 саж[еней] ширины, с главным входом посредине и двумя боковыми крыльцами. Здесь размещались все кафедры, имеющие дело с человеческими трупами, т. е. описательная анатомия, патологическая анатомия, оперативная хирургия с хирургической анатомией, судебная медицина и гистология. Здесь же были соответственно обширные музеи, секционные залы, профессорские и прозекторские кабинеты и две аудитории, большая (амфитеатром) и малая (для гистологии и судебной медицины). Рядом с анатомическим корпусом имелось в виду построить небольшую каменную часовню с подвальным этажом для хранения трупов и особый домик для грязных анатомический работ и мацераций. Проектируя анатомический корпус, я старался воспользоваться всем, что было мне известно по этому предмету, как в заграничных университетах, так и в отечественных. Последние, впрочем, служили лишь отрицательным указателем, чтобы изображать те вопиющие недостатки, какие составили злобу для того времени почти во всех наших университетах. К сожалению, мой проект анатомического корпуса не был даже воспроизведен на архитектурных чертежах. Последовавшие в скором времени в высших правительственных сферах колебания мнений относительно числа факультетов Сибирского университета приостановили окончательную выработку планов для специальных медицинских институтов. В 1880 г. было уже известно, что Сибирский университет предполагает открыть в своем составе только трех факультетов без медицинского. Поэтому задачи архитектора Бруни ограничились разработкой одного главного корпуса и служебных флигелей.

2. Вторым проектом, выпавшим на мою долю, был клинический корпус. План его также был начерчен мною (вечерне) в 1877 г. в том виде с павильонами, как он существует ныне в действительности, но архитектурная обработка этого проекта была сделана только летом 1883 г. бывшим строителем университетских зданий, архитектором П.П. Нарановичем. Смело могу сказать, что по тому времени это был образцовый проект клинических сооружений, в котором приняты во внимание все современные требования науки, удобства и безопасности. Когда мы с Нарановичем вычерчивали этот план в 1883 г.,

мы не имели в виду близкого открытия медицинского факультета, а делали это, так сказать, в запас для будущего. Впоследствии оказалось, что такая предусмотрительность была далеко не лишней, так как за год до открытия университета в правительственных сферах снова произошел поворот во мнениях о числе его факультетов: вместо предполагавшихся трех – филологического, юридического и физико-математического, решено было открыть только один медицинский, который во время постройки зданий вовсе не имелся в виду.

3. Состав главного университетского корпуса был намечен мною вместе с Д.И. Менделеевым. Последнему принадлежало распределение помещений для кафедры химии и физики, ботаники, минералогии, геологии и зоологии. Химическая лаборатория и все прочие музеи и кабинеты физико-математического факультета предполагалось разместить на первом этаже главного университетского корпуса, а медицинские кафедры физиологии, общей патологии, фармакологии и гигиены – во втором этаже. В центре здания, по ту и другую сторону парадного подъезда, по переднему фасаду помещались – в первом этаже библиотека, во втором этаже церковь, актовый зал, зал факультетских заседаний в особой профессорской комнате и музей особых изящных искусств с археологией. Комнаты для правления и инспекции отводились в первом этаже флигелей, где в остальных этажах проектировались квартиры для служащих в университете.

В таком виде был выработан мной и Менделеевым черновой план главного университетского корпуса. При этом было определено кубическое содержание помещений для каждой кафедры и намечен порядок или взаимные отношения лабораторий, музеев и кабинетов к соответствующим аудиториям. Были даже начерчены на больших листах примерные планы внутреннего расположения зданий. Количество студентов при этом принималось не более 700 человек. Подготовленный таким образом в комиссии материал был передан архитектору Бруни для составления окончательного проекта и сметы по правилам строительного искусства; помнится, это было в начале мая 1877 г.

Выработка планов для постройки высшего учебного заведения, или какого-то ни было специального учреждения необходимо должна слагаться из участия двух сил: 1) людей, близко знакомых с задачами и потребностями проектируемого учреждения, и 2) из специалистов-техников, на обязанностях которых лежит

выражение предъявленных потребностей в известных архитектурных формах. В постройках специального назначения задачи первого рода имеют первостепенную важность, потому что ими собственно и определяется целесообразность постройки, архитектурная же форма имеет лишь эстетическое и экономическое значение. Поэтому при постройке сложных общественных зданий заслуга и ответственность архитектора относится только к красоте внешних форм, к безопасности и прочности. Что же касается до целесообразности здания, насколько в нем были приняты во внимание все его будущие функции, это лежит на ответственности тех людей, которые руководили архитектором, предъявляя ему соответствующие задачи. Тем же людям должна принадлежать и заслуга по целесообразности проекта. Так я смотрел на порученное мне дело по приготовлению зданий для Томского университета. Об истории дела я упоминаю потому, что о проектах Бруни впоследствии высказывались не вполне одобрительные отзывы, как в техническо-строительном комитете Министерства внутренних дел, так и в нашем министерстве. Здесь я должен объяснить, почему это произошло.

Выше было упомянуто, что материалы для проектов были переданы Бруни в начале мая. По личному нашему соглашению детальная разработка и вычерчивание планов должны были вестись под моим контролем, но летом я должен был оставить Петербург и провести это время в Либаве на морских купаниях для поправления здоровья моего и моей семьи. Таким образом, университетские планы разрабатывались в мое отсутствие и притом очень поспешно: к началу ноября они были уже вполне готовы.

Затрудняюсь сказать, недостаток ли внимания к данным, выработанным комиссией, спешность ли работы или желание проявить оригинальное творчество были причиной того, что академик Бруни при выполнении чертежей допустил довольно много отступлений от первоначального плана. Главнейшие из них состояли в следующем: 1) от всех аудиторий без всякой надобности было отделено деревянной перегородкой по небольшой комнате в одно окно, представлявшей род передней для входа профессора. Это уменьшило размер аудиторий, вместо 3–4 окон, в 2–3 окна, впоследствии чего многие из них оказались недостаточно просторны; 2) в актовом зале было показано 8 громадных окон (по фасадной и боковой стороне) и 5 две-

рей, впоследствии чего зал получил вид стеклянной оранжереи с весьма узкими простенками в виде пилястр; по другую сторону церкви, для симметрии, начерчен такой же двухсветный зал с 8 громадными окнами, названный «сборная для студентов» (ныне здесь помещается иностранный отдел библиотеки). По нашему плану здесь предполагалось разместить зал факультетских заседаний, профессорскую комнату и музей изящных искусств и археологии, устроив эти помещения не в два, а в один свет (разделив потолок на два этажа); 4) церковь по плану Бруни занимала только средину нынешнего ее помещения, покрытую сводом, подходные же пространства, а также и нынешний алтарь, отделенный глухой стеной, предназначенный для музея изящных искусств. Это было во всех отношениях неудобно: церковь оказалась слишком мала и слабо освещена, а музей изящных искусств имел вид длинных и узких коридоров; конструкция которых совсем не соответствовала их значению; 5) по ту и ругую сторону парадного входа во втором этаже, почти против самых церковных дверей, архитектор Бруни поместил два ватерклозета, что было совсем неуместно. Кроме перечисленных в планах Бруни оказались и другие второстепенные недосмотры.

16 декабря 1877 г. я получил от директора департамента М.Е. Брадке следующее за № 1353 письмо: «М[илостивый] Г[осударь] Вас[илий]. Марк[ович]! Г[осподин] министр народного просвещение признал нужным поручить рассмотрение порученных проектов, планов и чертежей для предполагаемых зданий будущего Сибирского университета особому совещанию под моим председательством, причем изволил изъявить желание, чтобы ваше превосходительство приняли участие в этом совещании. Сообщая об этом, нужным считаю присовокупить, что о времени и месте совещаний вы получите в свое время особое извещение».

Первое заседание совещания было назначено в четверг, 19 января. Состав этой комиссии для рассмотрения планов был тот же самый, как и семь месяцев тому назад, т. е. я и профессор Менделеев, но, кроме нас, был еще приглашен профессор Овсянников.

С недосмотром и ошибками чертежей Бруни я был уже ознакомлен раньше, но считал их легко устранимыми при исполнении строительных работ, что я и высказывал в комиссии. Было бы, конечно, правильнее предложить архитектору Бруни исправить самые чертежи, но это требовало продолжительного времени, так как при-

шлось бы перечерчивать почти все листы планов и фасадов. Вследствие этого комиссия, обратив внимание на недостатки проекта Бруни, признала все-таки возможным препроводить его с известными оговорками в техническо-стоительный комитет Министерства внутренних дел для рассмотрения чертежей с технической стороны. После того через две недели я переселился в Казань (3 февраля 1878 г.) и дальнейшие перипетии с планами Сибирского университета происходили уже в мое отсутствие. К этому вопросу я еще возвращусь ниже. О планах академика Бруни я должен сказать еще несколько пояснительных слов. Проектируя главный университетский корпус в том объеме и в той форме, как он существует в нынешнее время, мы не могли задаться слишком широкими задачами. Нам указаны были определенные финансовые рамки, за которые мы не имели права выходить, именно в размере не свыше 600 тыс. руб. на все сооружения, за исключением клиник, которые в то время не имелись еще в виду. При такой скромной цифре нельзя было думать ни об особых корпусах для химического и физиологического институтов, ни об обширных музейных помещениях, ни об архитектурной роскоши фасадов. Наш девиз был «простота и удобство». Скромные размеры помещений нами были намечены и в тех соображениях, что в Сибирском университете мы не ожидали большого наплыва учащихся, так как число гимназий и дух[овных] семинарий в Сибири было весьма ограниченное, а воспитанники семинарий Европейской России имели в то время свободный доступ во все русские университеты. Само собой разумеется, что, задумывая Сибирский университет, невозможно было предвидеть, до каких размеров и как быстро разрастутся его ученые коллекции и библиотеки. Мы стали убеждаться в этом только начиная с 1880 г., и по мере надобности, во время сооружения здания, стали принимать меры для приспособления помещений к принятию стекающихся научных богатств. Так или иначе, но размеры зданий по проекту Бруни я признавал на первое время достаточными, а некоторые неправильности в расположении внутренних помещений легко устранимыми. Это вполне подтвердилось на деле при сооружении построек и при жизни открытого университета в первое его десятилетие.

Последняя четверть 1877 г. была мной посвящена занятиям в комиссии по избранию города для Сибирского университета. Как образовывалась эта комиссия и из каких членов она состояла, об

этом я уже говорил выше; теперь скажу о ее деятельности. Представители интересов города Омска, Дзюба и Курбановский, командированные генерал-губернатором Казнаковым, прибыли в Петербург в первых числах ноября. Первое заседание комиссии состоялось 22 ноября. За четыре года до этого заседания князь Александр Прохорович Ширинский-Шихматов писал мне: «Препровождаю вашему превосходительству все бумаги, доставленные господином депутатом из Сибири, равно и материалы, переданные мне вами. Последних, каюсь, не успел еще прочитать, но, думаю, что и в тех и в других одинаковые сведения. Рассмотрев все бумаги в пачке «Из Сибири» я нахожу, что данные о городах Томске и Омске удивительно схожи. Разница главная в городских доходах. Я полагаю, что первое заседание можно назначить, если для вас будет удобно, во вторник, 22 числа, в 11 часов утра. Если вы ничего не имеете против, то я прошу сообщить мне об этом, и я поручу разослать повестки. Надо обдумать, какого плана держаться в порядке заседаний, чтобы не путаться и не затягивать рассмотрение дела, что непременно будет, если начнем действовать без заранее намеченной системы. Ваш покорный слуга, князь А. Шихматов. 18-го ноября 1877 г.».

В тот же день я лично доложил князю Ал[ександру] Прох[оровичу] свой план предстоящих докладов и порядка обсуждения вопроса, познакомив его вкратце на словах с заготовленным мной материалом.

Первое заседание комиссии было посвящено почти исключительно моему докладу, в котором были изложены: 1) общие начала относительно цели учреждения Сибирского университета; 2) общие условия, которые необходимо иметь в виду при выборе того или другого города для проектирования высшего учебного заведения и 3) предшествовавшее развитие данного вопроса. В этом докладе я старался установить точку зрения на данный вопрос, познакомить посторонних нашему министерству членов с историей его развития и наметить частные вопросы, которые предстоят нашему обсуждению. Во втором заседании, 24-го ноября, было доложено письмо генерал-губернатора Восточной Сибири, в котором он, между прочим, выражается так: «предполагаемый Сибирский университет учреждается с целью дать возможность получить высшее образование всему учащемуся юношеству Сибири и, следовательно, должен быть открыт в местности, центральной для обеих частей этого края. Я нахо-

жу, что таковым центральным пунктом должен в настоящее время считаться г. Томск, а посему и университет для пользы той и иной части Сибири необходимо учредить в этом городе». Далее генерал-губернатор развивает мысль, что существование университета в Омске лишило бы возможности большую часть юношества Восточной Сибири получать образование в Сибирском университете, а равно и воспитанников из Тобольской губернии, Акмолинской и Семипалатинской областей. Омский университет не принес бы существенного облегчения, так как юношество этих местностей может оканчивать образование в недалеком по расстоянию Казанском университете. В заключение генерал-губернатор прибавляет, что такое мнение выражает все иркутское городское общество и общества всех городов Восточной Сибири, поэтому считает своим долгом покорнейше просить председателя комиссии не отказать в благосклонном содействии к учреждению Сибирского университета по первоначальному предложению в г. Томске».

Затем в том же заседании был прочтен мой доклад, в котором были изложены: 1) статистические данные относительно расположения христианского населения по губерниям и областям Сибири; 2) данные о количестве городского населения сибирских городов; 3) о сравнении расстояния этих городов от Томска и Омска. Собирая и группируя по этим пунктам современные данные, я имел в виду не столько членов комиссии, более или менее знакомых с этими вопросами, сколько читателей наших трудов, которым предстояло решить вопрос о местопребывании Сибирского университета. Думаю, что некоторые части этого доклада могут быть небезынтересны и для читающей публики вообще, как очерк состояния Сибири в 70-х гг. Поэтому позволю себе привести небольшие извлечения из печатного 2-го протокола трудов комиссии:

«При взгляде на этнографическую карту Сибири легко заметить, что русское население этой обширной страны в силу климатических и почвенных условий группируется преимущественно по средней полосе сибирской территории, занимая широкую ленту черноземной почвы, которая простирается от Среднего Урала до Амура и далее вплоть до Восточного океана.

К северу от этой полосы начинаются пограничные леса и тундры, пригодные для обитания только кочевых и полукочевых инородцев, к югу – киргизские степи, пригодные по преимуществу для кочевников.

Исключения здесь составляют лишь отдельные оазисы плодородной почвы, могущие привлечь известную часть оседлого русского населения, но сплошная или даже вообще значительная колонизация Южно-Акмолинской степи ни в настоящем, ни в будущем едва ли будет возможна. В Томской и Енисейской губерниях лента черноземной полосы значительно расширяется к югу, к предгорьям Алтая, впоследствии чего и русское население разлилось здесь значительно шире. Эта часть Сибири до настоящего времени проявляла более жизненных сил, чем остальные ее части. Ей предстоит и более блестящее будущее, так как в ней сгруппированы массы самых разнообразных естественных богатств, и она пользуется сравнительно лучшими климатическими условиями. Напротив того, между Обью и Иртышом северная тундра простирается гораздо далее на юг и почти непосредственно переходит в южные степи, образуя так называемую Барабинскую и Кулундинскую степь, отделяющую Томскую область от Тобольской губернии и Акмолинской области. Эта, частью болотистая, частью степная полоса, с горько-соленым озером и солончаками тоже мало пригодна для густого оседлого населения. Наконец, от черноземной срединной полосы, сплошь заселенной русскими племенами, тянутся в разные стороны, по направлению рек, узкие и сравнительно жидкие полосы русского населения, почти исключительно по берегам главных сибирских рек, служащих в отдаленных сибирских местностях главными, почти единственными путями сообщения. Таковы степные поселения вдоль по Иртышу, выше Омска, по срединному течению Оби, по нижнему течению Енисея, по Лене и некоторым ее притокам.

Такое распределение русского оседлого населения, сообразующееся с характером сибирской почвы, с климатическими и экономическими условиями, нельзя не принять во внимание при определении центральности избираемого для университета города. Из выше перечисленного очерка ясно, что географический центр по отношению ко всему пространству Сибири далеко не совпадает с центром этнографического распределения населения. Для определения последнего необходимо взять во внимание не все пространство Сибири, а только ту культурную и населенную ее часть, которая, соответствуя черноземной полосе, тянется в виде широкой ленты с запада

на восток через всю Сибирь. Начиная от границ Пермской губернии, затем, частью прерываясь за Иртышом, на протяжении около 600 верст, Барабинской степью, до верховьев Амура. По отношению к ней Омск лежит почти на самой юго-западной окраине. Томск же, считая от Байкала, занимает совершенно центральное место.

По отношению к Томску и Омску христианское народонаселение Сибири распределяется так: на западе от томского меридиана (считая всю Тобольскую губернию, половину Томской, всю Акмолинскую область и ¾ Семипалатинской) живет 1.555.785 душ. На восток от того же меридиана (считая восточную половину Томской губернии и всю восточную Сибирь) христианского населения живет 1.627.203.

По отношению к Омску, на запад от омского меридиана (Тобольская губерния и Акмолинская область) христианское население составляет 1.025.352 души обоего пола; на восток же от сего меридиана – 2.057.638.

Из приведенных статистических данных усматривается, что наиболее центральным пунктом для христианского населения всей Сибири следует считать г. Томск.

В перечисленных 25 городах, лежащих ближе к Томску, с включением и сего последнего, существует 7 средних учебных заведений, дающих право на поступление в университет, именно: в Томске – гимназия и духовная семинария, в Иркутске – гимназия и духовная семинария, в Красноярске – гимназия, в Якутске – духовная семинария, в Благовещенске – духовная семинария, сверх того, две прогимназии в Николаевске и Якутске, и предполагается к открытию и гимназия в Чите.

В городах, лежащих ближе к Омску, с включением его самого, имеются только три соответствующих учебных заведения, именно в Тобольске гимназия и духовная семинария и в Омске только что открытая гимназия. Сверх того, по устному заявлению главного инспектора училищ Западной Сибири, генерал-губернатору заявлено ходатайство городских обществ относительно учреждения прогимназий в Семипалатинске, Петропавловске и Каинске, но в Министерстве народного просвещения об этом до сих пор никаких сведений не имеется.

На основании выше приведенных данных, комиссия пришла к заключению, что Томск по центральности его положения, относительно общего и городского населения Сибири, следует признать

наиболее удобным пунктом для учреждения Сибирского университета. Такой выбор вполне бы удовлетворил бы и целям учреждения университета и потребностям всей Сибири. Если в настоящее время жители Сибири затрудняются доставлять своим детям высшее образование и сознают настоятельную потребность в местном университете, то именно потому, что ближайший от них университет – Казанский удален от центра Сибири почти на три тысячи верст. Предполагаемый ныне к открытию Сибирский университет должен устранить это неудобство, т. е. приблизить по возможности все сибирские города к месту высшего образования. Это условие тем более важно, что Сибирь сама по себе представляет слишком большие расстояния. Проехать всю Сибирь, считая даже от Иркутска, не включая Забайкальскую, Якутскую, Амурскую и Приморские области, где также, вероятно, в скором времени возникнут гимназии, – есть подвиг для молодых людей, сопряженный с большими трудностями, потерей времени и значительными издержками. Кто проехал всю Сибирь до Тюмени, того не устрашит уже сравнительно менее значительный, а главное, более удобный и дешевый путь до Казани или даже до Москвы. Поэтому университет, учрежденный в Омске, на самой западной окраине обширной сибирской территории, будучи удален от большей части сибирских гимназий и духовных семинарий на многие сотни и даже тысячи верст, принес бы учащемуся сибирскому юношеству наименьшую выгоду.

Далее комиссия полагает, что при сравнении городов надо принимать во внимание не одно только расстояние, но и средства сообщения. И в этом отношении Томск представляет существенные преимущества перед Омском, находясь в центре всех главнейших путей сообщения Сибири. Через него проходит так называемый сибирский почтовый тракт, от него начинается правильное срочное пароходство от Тобольска до Тюмени, помощью которого производится главнейшее передвижение по Сибири грузов и пассажиров. Вследствие этого Томск гораздо более связан даже с Тобольском и Тюменью, несмотря на то, что эти города по расстоянию ближе к Омску.

По богатству и внешнему благоустройству город Томск по отношению к Сибирскому университету мог бы считаться наиболее удовлетворительным:

1) для приискания соответствующего числа квартир, как для профессоров и служащих при университете, так и для студентов. По

заявлению томского городского головы в настоящее время могут быть нанимаемы для штаб-офицерских чинов от 300 до 500 руб. в год, а для обер-офицерских от 120 до 300 руб. в год, смотря по местностям и удобствам. Принимая во внимания ценность недвижимых имуществ города, число каменных и деревянных жилых домов в нем, дешевизну строительных материалов и достаточное количество капиталистов, могущих предпринять постройку новых зданий, комиссия предполагает, что при открытии университета квартирный вопрос здесь не представит никакого затруднения;

2) Томск был бы полезнее Омска для приумножения материальных средств на устройство и обогащения университета учебными пособиями путем частных пожертвований и содействием города к расширению и улучшению его лечебных заведений, представленных в пользование университета, – обеспечения материального быта студентов, для поощрения ученых предприятий профессоров и пр. Интересы университета обычно ближе всего сознаются жителями университетского города, поэтому, чем последние богаче и просвещеннее, тем они более способны к поддержанию и обогащению своего рассадника просвещения. В этом смысле Томск и в самом настоящем, и в будущем оказал бы университету наибольшую пользу как один из богатейших городов Сибири, неоднократно уже заявивший себя различными пожертвованиями в пользу благотворительных и учебных учреждений;

3) по отношению к физико-математическому факультету, имеющему целью, кроме своих учебных задач, изучение естественных богатств страны и через это споспешествование ее промышленности, пребывание в Томске, как в городе наиболее богатом, могло бы значительно содействовать ученой деятельности профессоров. Задачи их по вопросам исследования края могут быть выполняемы более успешно только при содействии местных капиталистов, прямо заинтересованных в этом деле и, следовательно, могущих содействовать своими средствами ученым экспедициям профессоров в свободное от их учебных занятий время. Какое влияние имеют ученые силы и лаборатории высших учебных заведений на производительность края и на исследование его втуне лежащих сокровищ, видно из того, что почти все ныне существующие русские университеты беспрерывно получают разнообразные предложения со стороны частных лиц по исследованию разных руд, красок, солей, почвенных земель,

минеральных вод и пр. с целью уяснить возможность или невозможность того или другого промышленного предприятия. В этом отношении университет, расположенный в центре промышленного района и в богатом промышленном городе, каков Томск, без сомнения, окажет гораздо более плодотворное влияние на производительность страны, чем существующий в стороне от промышленной жизни, в городе чисто административном. Этому может содействовать и то обстоятельство, что Томск лежит вблизи самого богатого и интересного в этом отношении Алтайского округа, в котором при содействии ученых сил университета, по вероятности, будут найдены громадные минеральные богатства до сих пор слабо исследованные. Сверх того, ученые представители Сибирского университета из Томска имели бы большую возможность в каникулярное время распространять свои ученые изыскания и на более отдаленные области Восточной Сибири и Северного океана, так как из Томска существует гораздо более способов и относительно материальных средств на подобные экспедиции и относительно средств сообщения при частных пароходных и сухопутных сношениях томских купцов и промышленников с этими отдаленными местностями. Такие экспедиции, кроме пользы для края, приносили бы университету богатые научные вклады для его кабинетов и музеев, что имело особо важное значение в университете новом, нуждающемся в коллекциях по всем царствам природы, преимущественно в коллекциях своего края.

Далее в моем докладе рассматриваются Томск и Омск в климатическом и санитарном отношениях и по условиям жизни в этих городах. Данные, на основании которых сделаны эти характеристики, почерпнуты мною из литературных источников, но главным образом из сведений, доставленных мне из Томска А. Ип. Дмитриевым-Мамоновым, а по Омску М.Г. Соколовым, медицинским инспектором Западной Сибири. Они имели документальный характер, потому трудно было сделать против них веские возражения.

Третье заседание комиссии было 28 ноября. В нем обсуждался вопрос, тоже на основании составленного мною доклада, о значении лечебных учреждений города Томска и Омска как необходимых пособий в будущем Сибирском университете. Определив по отчетам число и размеры больниц и военных лазаретов в том и другом городе, я объяснил комиссии значение этого материала: а) для устройства госпитальных клиник и б) для снабжения медицинского универ-

ситета трупами, для чего могут быть весьма полезны и больницы тюремных замков. Далее мною было выяснено относительное значение городских больниц и лазаретов в смысле пригодности их для клинических целей. В этом отношении Омский военный госпиталь, несмотря на значительные размеры, 150–200 кроватей, может принести меньше пользы клиническому преподаванию, нежели Томская больница приказа на 75 кроватей.

В четвертом заседании комиссии (1 декабря) рассматривался вопрос об естественных условиях, способствовавших возникновению и существованию городов Томска и Омска и о прочности этих условий по отношению будущности названых городов <…>.

В пятом заседании (8 декабря) комиссия рассматривала вопрос о средних учебных заведениях городов Томска и Омска; могущих доставить университету контингент учащихся; о средствах, опускаемых означенными городами на поддержание средних учебных заведений, и о вероятной будущности Томска и Омска по отношению к дальнейшему развитию в них средних учебных заведений; о пособиях со стороны сибирских городов и частных лиц учреждаемому Сибирскому университету; значение таких пособий по отношению к существующим русским университетам и к университету Сибирскому в связи с учреждением его в Томске или в Омске <…>.

Во всех предшествующих заседаниях омские члены Дзюба и Курбановский не делали почти никаких возражений, может быть, потому, что трудно было сказать что-либо против фактов и цифр, но отчасти и потому, что они раньше не были ознакомлены с моими докладами. По этому поводу наш председатель, князь А.П. Ширинский-Шихматов, 7 декабря прислал мне следующую записку:

«М[илостивый] г[осударь] Вас[илий] Марк[ович], сегодня был у меня А.П. Дзюба. Он очень просит доставить ему до заседания те сведения, о которых он просил вас письменно. Положение его, понятно, весьма неприятное, он считает своим долгом сказать свое слово в защиту Омска, интересы которого он обязан оберегать по поручению генерал-губернатора. Он совершенно согласен, что все данные на стороне Томска, но не сказать ни слова за Омск он, а, вероятно, и его товарищ признают для себя невозможным. Если вам угодно назначить ему час, когда он может за-

стать вас дома, то он придет сам к вам. Весьма неприятная комиссия (вероятно, миссия. – *Сост.*) защищать дело, которому не сочувствуешь. До свидания. Завтра в 12 часов. – Покорный слуга кн[язь] А. Шихматов».

Само собой разумеется, что мной в тот же день были переданы А.П. Дзюбе все мои доклады по предшествовавшим заседаниям и по предстоящему на следующий день (8 декабря) рассмотрению вопроса о средних учебных заведениях для заблаговременного с ним ознакомления. Но, несмотря на это, Дзюба ни на другой день, ни позднее не высказал никаких замечаний со своей стороны. Сказать было нечего. В Омске и во всей Акмолинской и Семипалатинской областях из мужских средних учебных заведений существовала всего одна гимназия, открытая лишь год тому назад (15 августа 1876 г.). Из городов Тобольской губернии гимназия и дух[овная] семинария существовали только в одном Тобольске, откуда воспитанникам гораздо удобнее отправляться в Томск при правильном пароходном сообщении по Иртышу и Оби, нежели в Омск по почтовому тракту (600 верст); правильных пароходных рейсов по Иртышу между Тобольском и Омском в то время совсем не существовало и не предвиделось в близком будущем. О новых гимназиях в Тюмени, Ишиме, Петропавловске и Семипалатинске, по незначительности этих городов, нельзя было поднимать серьезного вопроса. Это была бы пустая иллюзия.

Последние заседания комиссии были 15 и 19 декабря. В первом из них была прочитана пространная записка А.И. Деспот-Зеновича: «Исторический очерк ссылки в Сибирь начиная со времен царя Алексея Михайловича и до наших дней»[1]. Здесь же разбирались категории ссыльных – государственных преступников, политических преступников и осужденных за общие гражданские преступления, с объяснением отношения каждой из этих категорий к городам Томску и Омску. В том же заседании была прочитана другая записка члена Курбановского по тому же вопросу. По выслушиванию этих

[1] А[лександр] Ив[анович] Деспот-Зенович, кроме участия в комиссии по избранию города для Сибирского университета, в которой он прочитал два выше указанных доклада, никакого дальнейшего участия в вопросах о Сибирском университете не предпринимал. Об этом я считаю не излишне упомянуть потому, что в некрологе его, напечатанном в № 6909 «Нового времени» (26 мая 1895 г.), несправедливо сказано, будто бы «окончательно решение в выборе места для Сибирского университета состоялось на основании усиленных стараний и представлений Александра Иванович». Ничего подобного не было, и быть не могло.

докладов и дебатов по ним, комиссия пришла к заключению, что вопрос о ссыльных при выборе города для Сибирского университета не может иметь серьезного значения, так как: 1) этот элемент, находящийся в Томске и в Омске, составляет самую незначительную часть населения; 2) он не заключает в себе действительно опасных государственных преступников, наконец, 3) этот элемент на будущее время может быть легко устранен административными и законодательными мерами.

В последнем заседании, 19 декабря, мною был прочитан свод заявлений от разных городских обществ, обсуждающих вопросы о наиболее соответствующем их выгодам и удобствам месте для учреждения Сибирского университета. Из 11 городов 8 высказались в пользу Томска, 2 в пользу Омска (Омск и Тюмень) и 1 Тобольск заявил свои собственные права на Сибирский университет.

За два дня до последнего заседания я получил от князя А[лександра] Пр[охоровича] Ширинского-Шихматова следующее письмо: «М[илостивый] г[осударь] Вас[илий] Марк[ович]. Вчера вечером я видел графа Дмитрия Андреевича (Толстого). Передав ему сведения о ходе дела в комиссии, граф высказал свое желание, дабы все дело было представлено в напечатанном экземпляре и просил теперь же начать печатать его в числе 100 экземпляров. Граф желает и признает необходимым, чтобы комиссия высказала в своих протоколах о необходимости назначения попечителя со времени приступа к постройке университетских зданий. Думаю, что об этом надобно заявить в понедельник в заседании. Другое непременное желание графа, дабы комиссия высказала необходимость прекращения ссылки в Томск в случае назначения его университетским городом (с чем по записке А.И. Деспот-Зеновича комиссия вполне согласна), это условие должно быть высказано, как и первое (о попечителе), как непременные условия, в протоколах комиссии. Дай Бог нам благополучно и мирно окончить начатое дело, столь убедительно высказанное в пользу Томска трудами вашего превосходительства и А[лександра] Ив[ановича] Д[еспот]-З[еновича], доказательства которого для меня также весьма убедительны. Прошу ваше превосходительство принять уверение в совершенном моем почтении и преданности, покорнейший слуга. 17 дек. 1877 г. кн[язь] А. Шихматов.

P.S. В понедельник только я могу рассчитывать видеться с М.Е. Брадке и передать ему волю графа. Если вы увидитесь с ним ранее, потрудитесь передать ему. Впрочем, едва ли вы успеете подготовить к печатанию часть трудов и протоколов ваших до понедельника. Граф желает, чтобы по принятому в министерстве обыкновению протоколы и приложения были напечатаны в восьмушку для удобства читающих».

Протоколы у меня были готовы, и я на другой же день свез их в типографию, сообщив М.Е. Брадке о распоряжениях графа. В тот день я заготовил для предстоящего заседания дополнительный текст о ссыльных и попечителе, согласно желанию министра, и проект заключения комиссии. Вот их содержание:

«Вследствие выработанного комиссией убеждения, что Сибирский университет было бы целесообразнее учредить в городе Томске, сочтено необходимым, по предложению председателя комиссии, коснуться вопроса о подчинении университета, в сем последнем случае, подлежащей местной власти.

По существующему порядку все русский университеты подчинены непосредственно начальству попечителей учебных округов, имеющих постоянное местопребывание в соответствующем университетском городе. Последнее обстоятельство признается необходимым потому, что университет, более чем все остальные средние и низкие учебные заведения, требует постоянного бдительного попечения о развитии и преуспеянии его многоразличных учебных учреждений и о правильном строе учебной жизни. Направление высшего образования и обеспечение его соответствующими средствам составляют такую сложную и специальную задачу, которая не может быть с успехом выполнена лицом, обремененным множеством разнообразных занятий по другим частям управления. Посему, вследствие дознанного опытом неудобства совмещения, по отношению к университету, обязанностей попечителя в лице генерал-губернатора, признано необходимым поручать ведение университета специально для сего предназначенному лицу – попечителю учебного округа, служащему непосредственным органом Министерства народного просвещения. В таком духе было преобразовано высшее учебное управление университетами: Харьковским, св. Владимира, Варшавским, которые в прежнее время были подчинены ведению местных генерал-

губернаторов; в таком же виде было устроено управление недавно открытого Новороссийского университета.

По отношению ко вновь учреждаемому университету Сибирскому такое подчинение его специальному лицу от Министерства народного просвещения представляется условием еще более необходимым по следующим обстоятельствам:

1. Такое лицо при первоначальном устройстве Сибирского университета для наблюдения за постройками зданий и приспособлениями их к специальным учебным целям. Частности этих приспособлений не могут быть выполнены одним архитектором или строительной комиссией по заранее определенному плану без совета и руководства специально знакомого с этим делом лица от учебного ведомства. Таковы постройки аудиторий, лабораторий, учебных кабинетов, музеев, библиотеки, специальных клиник, анатомического и физиологического институтов и т. п. Как бы тщательно ни были выработаны проекты построек, но при детальной отделке их по устройству учебных приспособлений всегда потребуется ежедневное наблюдение на месте постройки со стороны лица, знакомого с учебным делом. Без этого лучшим архитектором могут быть допущены крупные ошибки и излишние затраты, не соответствующие целям учреждения. Такие ошибки встречались неоднократно, причем учебные заведения при открытии в них занятий оказывались неудобными именно потому, что частности их приспособлений производились исключительно лицами, не знакомыми с потребностями учебных кафедр.

Наблюдение специального лица от учебного ведомства необходимо не только во время проверки университетских зданий, но даже при первой планировке их и закладке; ибо размещение специальных построек, каковы, например, клиники, анатомический институт, астрономическая обсерватория и проч[ее], требуют с гигиенической и с научной стороны соблюдения особых условий, пренебрежение которыми может лишить специальные постройки значительной доли их ценности в учебном и научном смысле. Такие ошибки, например, случались неоднократно. Казанский университет, например, признает свою астрономическую обсерваторию неудобной именно потому, что она выстроена вблизи улицы, следовательно, при постройке ее не было принято во внимание сотрясание почвы при городской езде, препятствующее точности наблюдений. Подобные жалобы высказы-

вают профессора и других опытных наук, например: физики, физиологии и проч[их], указывающие как на крупный недостаток своих лабораторий на сотрясание приборов, установленных на недостаточно солидном фундаменте. Неправильное помещение и устройство анатомических зданий может вызвать сетования не только учащих и учащихся, но и городских жителей, если при этом не будут приняты во внимание условия гигиены, как самого здания, так и отводящих его нечистоты каналов. Эти и многие другие подобные факты показывают, насколько важно заблаговременно определить пригодность или непригодность предполагаемого размещения на отведенной университетской земле университетских построек, сообразно их специальным целям, что может быть определенно только лицом, близко знакомым с научными требованиями по таким вопросам.

2. Лицо от учебного ведомства, которому было вверено попечение об университете, необходимо и для того, чтобы заблаговременно озаботиться и приисканием, и приобретением к началу открытия учебных курсов необходимейших инструментов, аппаратов и учебных приборов для кабинетов профессоров, книг для библиотеки, приборов для лабораторий, некоторых коллекций для музеев, без которых невозможно начать чтение лекций. Равным образом такое лицо необходимо для приискания кандидатов на преподавательские вакансии и вообще для отношений и многочисленных забот по устройству учебной части. Центральное управление Министерства народного просвещения не может принять такие заботы исключительно на себя, ибо они требуют в известное время присутствия на месте устраиваемого университета, а равно и многочисленных разъездов для приискания необходимых для университета предметов. Равным образом по тем же причинам едва ли удобно поручить такие заботы генерал-губернатору как лицу, заменяющему собой попечителя учебного округа; ибо при многочисленности и сложности его прямых обязанностей для университетского дела едва ли оказалось бы у него достаточно свободного времени. Наконец, нельзя полагать, чтобы такие заботы по устройству университета можно было бы начать перед самым открытием в нем учебных курсов, так как по своей многочисленности и сложности он требует значительного времени. Приготовить помещение, дать первые средства для учебных занятий, организовать преподавание в таком сложном учреждение, как университет, невозможно в течение 6–7 месяцев, особенно приняв во

внимание отдаленность г. Томска от русских и заграничных центров, где можно приискать все необходимое для организации университетского учебного дела.

3. Специальное попечение об университете в лице особого попечителя от Министерства народного просвещения необходимо и при дальнейшем существовании этого учебного учреждения, – для единства управления учебной частью, для более правильного надзора за развитием самого университета и более близкого попечения о его многочисленных нуждах и потребностях и для более прямого и близкого сношения как с управлением университета, так и с центральным управлением Министерства народного просвещения.

Все эти условия были бы совершенно невыполнимы в том случае, если бы Сибирский университет при учреждении его в городе Томске был подчинен непосредственному ведению генерал-губернатора Западной Сибири, имеющего пребывание в г. Омске.

В продолжение недели печатание трудов комиссии было окончено, и 100 экземпляров брошюр были доставлены князю Александру Прохоровичу. Одновременно с этим мне же было поручено составление и печатание записки для внесения в Государственный Совет рассмотренного в комиссии вопроса об избрании города для Сибирского университета. Эта последняя работа не требовала много времени. Она заключалась в том, чтобы в сжатом виде, рельефно изложить самую сущность наших рассуждений, так сказать, подвести итоги заключениям комиссии. Исполнив эту работу и прочитав ее в рукописи князю Ширинскому и графу Дм[итрию] А[ндреевичу] Толстому, я передал ее делопроизводителю Белявскому для отправления в типографию, помимо директора департамента. Это обстоятельство вызвало неудовлетворение со стороны М.Е. Брадке, о чем заметил мне и князь Ал[ександр] Прох[орович], хотя и в очень деликатной форме. Вот его письмо: «Я думаю, многоуважаемый Василий Маркович, что вы не посетуете на меня за выражение моего мнения, – что проект записки, готовящейся в Государственный Совет как представление, должен быть на рассмотрении директора департамента и одобрен им во избежание всяких недоразумений, не по существу дела, а по форме. Когда этот вопрос будет считаться оконченным, я прочту это представление и засим, по одобрении графа, он должен быть напечатан в незначительном числе экземпляров. Даже о месте печати надобно переговорить с Мануилом Егоровичем.

Я держусь такого правила в сношениях моих с департаментом, что не миную никоим образом подлежащую власть, ответственную за все, что в департаменте делается. Я позволил себе сообщить для сведения вам способ моих сношений с департаментом, дабы не вызывать каких-либо недоразумений, становясь в прямые сношения с делопроизводителями. Извините за эту заметку. Ваш покорный слуга кн. А. Ширинский, 25 янв. 1878 г.».

Ошибка моя в данном случае заключалась в том, что, получив одобрение от г. министра, для ускорения дела я думал миновать целую лестницу формальных представлений сначала директору департамента, потом председателю комиссии, который с запиской хорошо знаком, а этот последний по форме делопроизводства должен был представить ее министру. Само собой разумеется, что я поступил согласно указаниям князя. На эту процедуру потребовалась целая неделя. Директор сделал на записке какие-то стилистические поправки, и она печаталась уже после моего отъезда в Казань (3 февр.). В Государственный Совет это представление было внесено 11 февраля 1878 г. за № 1917.

В то время, когда происходили заседания комиссии об избрании города для Сибирского университета, я уже состоял на службе в Казанском университете (утвержден ординарным профессором по кафедре акушерства и женских болезней 17 октября 1877 г.). Разорив свою петербургскую квартиру и распродав наибольшую часть громоздкой движимости, я с ноября месяца переселился с семьей в гостиницу и ожидал только окончания комиссионных дел, чтобы двинуться в путь. О причинах моего помещения в Казань я должен сказать здесь несколько слов.

Первый год после оставления службы в медицинской академии я не замечал пустоты в моей новой служебной обстановке. Поездка по всем русским университетам, затем обработка собранных при этом материалов, дальнейшие занятия в комиссии по пересмотру общего университетского устава и по разработке вопроса о Сибирском университете наполняли мой досуг более чем достаточно. Я видел пред собой живое и, казалось, плодотворное дело и невольно увлекался им. Но это были временные занятия, по минованию которых в будущем не представлялось ничего, кроме монотонных заседаний по разу в неделю в ученом комитете и в медицинском совете, где я состоял членом. Это нельзя было назвать настоящей службой

для человека в цвете лет и духовных сил (мне тогда было всего 42 года). Такие должности обычно занимают либо в виде предикта к другим занятиям, либо люди, уже окончившие свою активную карьеру. Последнее для меня было слишком рано. Сверх того, по старой привычке, я начал скучать об аудитории, профессорской обстановке и о научных интересах, связанных с этой обстановкою. Наконец, имея за спиной 19 лет учебной службы, для меня был не безразличен и пенсионный вопрос, который в звании профессора разрешается вполне определенно и в более короткий срок, тогда как, состоя членом ученого комитета и медицинского совета, я предоставил бы свою семью в этом отношении только благоусмотрению высшего начальства. Взвесив все эти обстоятельства, я решился просить графа Дмитрия Андреевича отпустить меня в Казань, где в это время освободилась вакансия на той кафедре, которую я занимал прежде в медицинской академии (вследствие перехода профессора Славянского на место в Петербург).

Графу мое желание с первого раза показалось странным. Зная, что в Петербурге я имел большую врачебную практику, он находил мое помещение в провинциальный городок как бы шагом назад по житейской лестнице. Он убеждал меня не оставлять дела по Сибирскому университету, надеясь на скорое его открытие и обещал назначить меня ректором этого университета, причем права моей учебной службы и пенсии не пострадают. Слышать такое участие мне было очень приятно, но тем не менее я не мог не высказать сомнения в близком осуществлении Сибирского университета и в том, какие факультеты в нем будут открыты. 1877 год был годом политических тревог по случаю разгоревшейся Восточной войны. Можно ли было предвидеть, чем все это кончится и как отразится на наших финансах и сроке осуществления Сибирского университета.

17 сентября 1877 г. я послал графу (находившемуся тогда в своем имении) письмо такого содержания: «Ваше сиятельство были так милостивы ко мне, что по выходе моем из медико-хирургической академии по возможности устроили мою судьбу, прикомандировав меня к Министерству народного просвещения с назначением членом медицинского совета. В этом положении, в течение последних двух лет, я имел достаточно занятий вполне и меня удовлетворяющих, главным образом по обязанности члена высочайше учрежденной комиссии по пересмотру университетского устава и по вопросам о проектируемом

Сибирском университете. В настоящее время все эти случайные и временные занятия подходят к концу, и в будущем мне предстоит ограничиться исполнением весьма немногочисленных обязанностей по званию члена ученого комитета и медицинского совета.

Вашему сиятельству угодно было выразить мне весьма лестное предложение о назначении меня впоследствии ректором будущего Сибирского университета. Эта деятельность вполне соответствовала моим желаниям, так как вашему сиятельству известно, что в это дело до сих пор я вкладываю всю мою душу и всегда бы был готов служить ему с полным увлечением. Но я опасаюсь, что осуществление Сибирского университета при нынешних неблагоприятных политических обстоятельствах может быть, если не отклонено, то отложено на продолжительное время.

В последнем случае мне пришлось бы долго оставаться в неопределенном положении, тем более что сама постройка университетских зданий потребует не менее 3–4 лет времени. Принимая это во внимание и предполагая, что Вашему превосходительству было бы затруднительно ходатайствовать о моем назначении ректором Сибирского университета со времени начала его построек, я осмелюсь просить вашего разрешения снова поступить на учебную профессорскую службу. Поводом в этой просьбе послужило открытие свободной кафедры в Казани, вследствие перемещения профессора Славянского в медико-хирургическую академию на оставшуюся после моего выхода из академии вакансию. Вследствие этого я мог бы ныне же предъявить себя одним из кандидатов для замещения кафедры акушерства и женских болезней в Казанский университет, если бы Ваше сиятельство изъявили согласие отпустить меня из Петербурга. Профессорскую службу я бы предпочитал бы нынешнему своему неопределенному положению не только вследствие образовавшейся привычке к преподавательской деятельности, но и потому, что там я мог бы рассчитывать через 6 лет на полную профессорскую пенсию.

Если бы Вашему сиятельству благоугодно было иметь меня впоследствии в виду для продолжения дел по Сибирскому университету, то я во всякое время принял бы это поручение с охотой и благодарностью, даже состоя на профессорской службе, тем более что до открытия курсов в Сибирском университете едва ли будет предстоять надобность окончательно переселяться в Томск».

На это я получил от графа следующее ответное письмо от 21 сент[ября]: «Как мне ни прискорбно расстаться на несколько лет с вами, многоуважаемый Василий Маркович, но я не почитаю себя вправе мешать продолжению вашей ученой карьеры, на которой вы составили себе известность. Позвольте надеяться, что вы не откажетесь приехать на короткое время из Казани в Петербург для участия в комиссии о месте для учреждения Сибирского университета. К сожалению, открытие этой комиссии замедлилось, как знаете, за неприбытием г. Дзюбы и за не доставлением генерал-губернатором затребованных от него сведений. Искренно преданный вам гр[аф] Д. Толстой. Лесище, 21 сентября 1877 года».

Таким образом, граф благословил меня подать ректору Казанского университета заявление о моей кандидатуре и взял с меня обещание, будучи в Казани, относиться к Сибирскому университету так же, как я относился к нему до сих пор. Это было в сентябре 1877 г.

По университетскому уставу 1863 г. избрание профессоров было всецело предоставлено компетенции факультета и совета. Попечитель округа в этом случае играл лишь передаточную роль, а министр только утверждал представление, почти никогда не выражая в этих делах собственной инициативы. В автономии совета лежала основа университетских привилегий. С преподавательским составом Казанского университета я первый раз познакомился во время поездки комиссии в 1875 г., но независимо от того я имел здесь среди профессоров несколько прежних товарищей по заграничной командировке 1861–63 года, напр[имер] Н.О. Ковалевского, Н.А. Виноградова, Н.М. Мельникова, Ив. М. Гвоздева. Здесь же были мои старые знакомые проф. В.В. Ворошилов и В.В. Пашутин. Они весьма сочувственно отнеслись к моему заявлению, равно как и прочие профессора. В первых же заседаниях факультета и совета, 17 октября, я был выбран почти единогласно, за исключением двух черных шаров, в ординарные профессора по кафедре акушерства и женских болезней. Декан медицинского факультета и совета Н.А. Виноградов и профессор Пашутин тотчас известили меня об этом телеграммой, и я был утвержден в должности 17 октября 1877 г.

IV

Мои работы в Казани. – Утверждение университета в Томске. – Проекты Бруни и Жибера. – Приобретение книг для университетской библиотеки. – Пожертвования графов Строгановых. – Мой выезд в Сибирь. – Замечательная сделка между двумя архитекторами. – Устранение Бруни. – Выход графа Толстого в отставку. – Ядринцев и сибирская пресса

С переселением в Казань (10 февраля) для меня началась другая жизнь, с иными занятиями, интересами и отношениями. Город и университет приняли меня весьма ласково. После 25 лет столичной жизни (считая со времени студенчества) тихая провинция пахнула на меня живой струей и яркого солнечного света, и душевного спокойствия. Как нарочно, в год нашего переселения в Казани была необычно ранняя и чудная весна: в начале марта ездили уже на колесах, а в день Благовещения (25-го марта) мы гуляли в летних костюмах и любовались величественным разливом Волги. Но не одна природа и условия жизни подействовали благотворно на мое здоровье[1] и бодрое настроение духа. Гораздо важнее было то, что я здесь отрешился от бесконечных комиссий и сухих канцелярских дел, принадлежал только самому себе и своей кафедре, мог заняться своим делом по личному усмотрению. Лекции и клиника меня не обременяли; частная практика, не менее прибыльная, чем в Петербурге, не была слишком утомительна по отсутствию в городе больших расстояний и многоэтажных домов. С половины мая начинались университетские каникулы, и до сентября я мог считать себя совершенно свободным.

Первым каникулярным временем я воспользовался для того, чтобы попытать свои силы в сочинении руководства по народной медицине, по программе, предложенной Ученым комитетом в 1876 г. на конкурс для премии императора Петра Великого. Тема была предложена сроком на один год, но по истечении этого срока не было представлено ни одного сочинения, почему конкурс был продолжен еще на год. Будучи в то время членом Ученого комитета и принимая живое участие в осуществлены этого, мне казалось,

---

[1] В последние годы в Петербурге я страдал упорными мигренями и частым головокружением, что приписывал чрезмерному утомлению и высоким лестницам петербургских квартир. Занимаясь частной практикой, мне приходилось ежедневно делать по 10–15 визитов, не считая служебных и вечерних занятий.

весьма полезного дела, я имел основание опасаться по неудаче первого конкурса, что и второй его срок может остаться без результата. Поэтому я решился сам попробовать свои силы для осуществления данной задачи, после того, когда я, переселившись в Казань, мог выступить со своим сочинением как постороннее комитету лицо. Этот труд был начат мною в мае 1878 г.; в октябре того же года он уже был представлен в ученый комитет, согласно условиям конкурса, анонимно под девизом в запечатанном конверте. Рукопись под заглавием: «Домашняя медицина. Лечебник для народного употребления» – была рассмотрена особой комиссией ученых специалистов и была удостоена премии[1].

В 1881 г. в Казани же было мной задумано и выполнено издание замечательной рукописи Н.Н. Бантыша-Каменского под заглавием: «Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 год» (издание в память истекшего 300-летия Сибири, с предисловием и прибавлениями издателя. Казань, 1882. 565 с. in 8°).

В 1882 г. мной составлен и напечатан «Курс акушерства». Лекции, читанные в Императорском Казанском университете (397 с., как продолжение первых двух выпусков гинекологии, изданных в Петербурге в 1869 и 1870 г., когда я был профессором академии). Не перечисляя других мелких журнальных и газетных статей, по одним названным изданиям трех довольно объемистых томов можно судить о моей казанской жизни. Я здесь имею в виду не качество трудов, о чем не мне судить, я хочу лишь показать, на что употреблялись досуги в Петербурге и в Казани. Если бы можно было сравнить количество исписанных мною листов за трехлетний петербургский период (с 1875 по 1878 г.), то перевес оказался бы на первом из них. Но от петербургской деятельности не осталось почти никакого следа. Это были канцелярские донесения, представления, соображения, планы и проекты, большей частью безличные, неосуществленные и никому не нужные[2].

---

[1] Первое издание домашней медицины было напечатано мною в Казани в 1880 г. (875 с. in 8°); второе издание в 1884 г., третье в 1887 г., четвертое, в 1890 г., пятое, в 1892 г., шестое, в 1894 г., каждое по 2.000 экземпляров.

[2] Особенно много было письма по пересмотру университетского устава, so все это осталось балластом в моем портфеле или затерялось в архивных грудах министерства.

Устроившись в Казани, я надеялся, что вопрос о Сибирском университете пойдет помимо меня, своим чередом, не торопясь. Время от времени я получал из Петербурга частные сведения о ходе этого дела. Между прочим, князь А[лександр] Пр[охорович] Ширинский-Шихматов писал мне от 12 апреля 1878 г.: «Сообщаю Вам о положении дела по Сибирскому университету. Через общее собрание (Госуд[арственного] Совета) дело еще не прошло, но в департаментах его решили по-нашему. Министерству предоставлено будет представить свои соображения и планы о предполагаемых постройках. О денежном вопросе до тех пор и речи не будет, если еще не сядет нам на шею новая война, а если это будет, то, конечно, дело отложат на неопределенное время. Хорошо вы сделали, Василий Маркович, что стали опять на путь пенсионный. Будущего, конечно, никто предвидеть не может. Тяжкое мы переживаем время: война на носу и это всем известно, а нас истощают и сосут нашу кровь без боли».

В мае месяце я встретился с Казнаковым в Казани, когда он возвращался из Петербурга в Омск. От него первого я узнал, что наш проект о назначении Томска местом для Сибирского университета был принят в общем собрании Государственного Совета единогласно. Об Омске не было и речи. Передавая это, Николай Геннадьевич как бы выражал полное сочувствие такому обороту дела, хотя я знал очень хорошо, что это противоречило его взглядам. В скором времени я прочитал и высочайшее повеление от 16 мая 1878 г., в котором было указано:

1) «Разрешить учреждение Императорского Сибирского университета в г. Томске с четырьмя факультетами: историко-филологическим, физико-математическим, юридическим и медицинским.

и 2) «Предоставить министру народного просвещения ныне же заняться предварительными распоряжениями по устройству Сибирского университета с тем, чтобы по составлении и утверждении в установленном порядке технических смет и чертежей на постройку зданий университета и факультетских при оном клиник, он, министр: 1) немедленно приступил к выполнению строительных работ на счет как имеющегося в распоряжении Министерства народного просвещения, так и могущих впредь поступить сумм частных пожертвований и 2) вошел в Государственный Совет с представлением о требующихся на сие дело расходах из казны, а затем, в свое время,

внес прочие соображения с теми в них изменениями, необходимость коих в ту пору выяснится»[1].

О дальнейшем направлении дел по Сибирскому университету после моего отъезда из Петербурга в Казань удобнее всего видеть по письмам, полученным мною от лиц, близко стоящих к этому вопросу. Поэтому я считаю не излишним привести здесь некоторые извлечения из сохраняющейся у меня переписки преимущественно с кн[язем] А[лександром] Пр[охоровичем] Шихматовым. От 16 августа 1878 г. он сообщает: «По вашему будущему университету ничего хорошего еще нет. В М[инистерст]ве внутр[енних] дел для рассмотрения планов заседала новая комиссия вместо вашей, – Бруни, Менделеев и Фаминицын. Споры и пререканья дошли до крупной ссоры. Я просил сообщать мне, по крайней мере, суть дела, но за многими обещаниями ничего не получил и о судьбе проекта и о различных мнениях, встретившихся там, официально никаких сведений не доходит пока до меня. Словом, полное бездействие тормозит и наши начинания. Потерпеть надобно...

Начинается сбор учащихся. Болит и ноет душа, распечатывая от попечителя конверт «секретно». Все думается, все ли благополучно? С таким же чувством распечатывал я на днях бумагу с этою подписью от м[инст]ра внутр[енних] дел. Оказалось, что... не благополучно! Отправили на заключение казанского попечителя. Думаю, что всему причиной случайное и внезапное нездоровье ректора (Осокина), иначе и объяснить себе этого не умею. Возможно ли такое безобразие!»[2].

В другом письме от 10 апр[еля] 1878 г. кн[язь] Александр Прохорович пишет: «Решительно не везет делу постройки Сибирского университета! Глубокоуважаемый Василий Маркович! Несмотря на все мои хлопоты и настояния, чтобы мне сказали, хотя кратко, в чем заключаются недостатки проекта Бруни, – до сей минуты ответа нет (из М[инистерст]ва вн[утренних] д[ел]). Сам Бруни сначала жаловался на несправедливость к нему, теперь и носу не кажет ко мне и никаких сведений не доставляет. Частно мне сообщают, что он положительно разбит и что ему указаны ошибки такие серьезные, что ему нельзя и возразить против меня комиссии (в Техн[ическо]-

[1] Частных пожертвований на постройку университетских зданий в это время имелось в распоряжении министерства около 300 т[ыс]. руб., именно: капитал Демидова 160 т[ыс]., Цибульского 100 т[ыс]., Трапезникова 10 т[ыс]. и обещано Томской городской думой 25 т[ыс]. руб.

[2] Это было личное, довольно скандальное приключение с ректором Евгр. Гр. Осокиным.

строит[ельном] комитете М[инистерства] в[нутренних] д[ел]), которая сама начинает готовить новый проект. Может быть, все это вздор и сплетня, но у меня невольно залегло недоверие к Бруни, если не к его знанию, то к его равнодушию. С понедельника вступит в должность М.Е. Брадке, бывший председатель нашей комиссии (по выработке планов). Передам ему мои сомнения. Пусть он лично объяснится в комиссии, авось, узнаем что-нибудь, наверное. Генерал Казнаков тоже пока отмалчивается и не дает никакого заключения (по некоторым вновь возбужденным строительным вопросам или точнее справкам). Чуть это дело проявит признаки жизни, я вас уведомлю, и сведения, от вас полученные, пущу в ход при надобности».

Письмо князя Александра Прохоровича от 14 окт[ября] 1878 г.: «Наконец-то Министерство внутренних дел прислало свои замечания. Архитектору Бруни предложено сообразно им исправить план и истребовать из Томска по телеграфу нужные для этого сведения (план отведенной земли и справочные цены). Вот и все. Более и сказать нечего по этому вопросу. По будущему вашему университету получено 100 т[ыс] руб. от Сибирякова. Государь император изволил приказать благодарить его и представить к награде».

От М.Е. Брадке я получил извещение, что архитектору Бруни, кроме исправления планов, предложено составить, кроме того, проект факультетских клиник. По изготовлению его он отправлен был в медицинскую академию для просмотра и там забракован. А так как Бруни не соглашался перечертить все планы, то в министерстве решено поручить академику архитектуры Жиберу составление новых проектов построек Сибирского университета с вознаграждением за этот труд в 3.000 руб. из строительного капитала, Бруни заплачено столько же, по условию».

Письмо кн[язя] Ал[ександра] Прох[оровича] от 30-го октября 1878 г.: «Спешу ответить вашему превосходительству на оба ваши любезные письма и сказать несколько слов о вашем нарождающемся, но не народившемся еще чаде. Я говорил с графом Дмитрием Андреевичем (Толстым) о предположении вашем исходатайствовать у его высочества разрешение поощрить жертвователей на Сибирский университет внесением их имен на памятные мраморные доски и постановкой портретов некоторых из них в университетском зале. Граф не слыхал от Вас об этом предположении в бытность вашу здесь, но вполне сочувствует вашей мысли. От имени его я прошу

Вас, искренне уважаемый Василий Маркович, составить докладную записку, в которой изложите все мотивы, подкрепляющие ожидаемую от сего пользу, и ваше предположение о разделении жертвователей по категориям - какой категории, что вы предполагаете присвоить, какое из вышеназванных прав. Граф на основании вашей записки войдет со всеподданнейшим докладом. Записку эту будем с нетерпением ожидать. Угодно будет вам прислать ее на мое имя, я представлю ее графу и сообщу вам о последствиях. По ходу дел о постройке ничего нет нового. Бруни, говорят, переправляет планы. Еще новое пожертвование сделано на Сибирский университет, 10 тыс. руб., и это пригодится; а сибиряковские 100 тыс. руб. нельзя употребить на постройку: они назначены собственно на снабжение университета учебными пособиями».

Письмо кн[язя] Ал[ександра] Прох[оровича] от 27-го декабря 1878 г.: «С наступившими праздниками и близким новым годом поздравляю вас, искренне уважаемый Василий Маркович, и шлю вам с семейством вашим лучшие желания свои! Конец года, самая горячая пора разрешений, перечисление и тому подобного рода счетных работ, составляющих часть моих служебных занятий, в общем, вовсе не тяжелых, но скопляющихся и приходящих извне именно к концу года, т. е. ко времени сведения счетов для контроля за истекающий год. Не подивитесь же, что мой ответ на ваши письма и на докладную записку будет, ради праздников и соединенных с ними визитов, еще скуднее обычного. Граф разделяет вполне ваши предположения о наградах (за пожертвования Сибирскому университету) и думает привести их в исполнение. Он надеется, что предположение о портретах и записях жертвователей он исходатайствует с высочайшего разрешения, но он не соглашается только на предварительное опубликование в виде вызова (на новые пожертвования). Вообще же дело о постройке университета стоит точно так же, как и стояло, без движения, ибо доселе еще планы не выработаны на основании указанной комиссии Мин. вн. дел и от генерал-губернатора Казнакова еще не получили ни строчки по предложенным ему по университету вопросам. Терпение и терпение! Здесь естественно обращает на себя главное внимание ненормальное состояние духа наших высших учебных заведений. Точно головы у студентов помутились. Теперь, слава Богу, пока все эти нелепые движения улеглись, но кто поручится за прочность доброго настроения! Об уставе (университет-

ском) нет пока и речи. Насколько он изменен против предположений комиссии Ивана Давыдовича (Делянова), никто и ничего не знает, разве только один из ваших приятелей (А.И. Георгиевский). Словом... вот и все почти новости. Как видите, надобно подождать; оттого я и не торопился писать к вам и отвлекать вас от настоящих ваших служебных занятий к будущим. Всему есть свое время под небесем, говорит Премудрый!».

Из приведенных писем видно, что дело о планах для Сибирского университета в продолжение почти года после моего отъезда в Казань не двигалось вперед. Затрудняюсь, чем это объяснить, канцелярской ли формалистикой, или побочными влияниями лиц, не сочувствовавших Сибирскому университету. Таких лиц было много, и очень влиятельных, но к их числу, конечно, не принадлежали ни министр народного просвещения, ни его товарищ кн. А.П. Шихматов. Надо полагать, что слухи об этом, может быть, умышленном замедлении в разработке планов для построек Сибирского университета дошли до председателя Государственного Совета, великого князя Константина Николаевича, живо интересовавшегося этим вопросом. При встрече с князем Ширинским-Шихматовым его высочество высказал ему легкий упрек за такую медленность, что, конечно, крайне обидело Александра Прохоровича, так как задержка планов зависела не от него. По этому поводу в письме от 29-го января 1879 г. он высказывает мне свое горькое разочарование. Вот извлечение из этого письма: «На днях был бал в Зимнем дворце, в концертном зале. После ужина я, нежданно-негаданно, получил замечание от великого князя, а за что, решительно не знаю! Я выслушал нотацию за бездействие по делу о Сибирском университете, за холодное казенное отношение к нему. Я, по совести, могу только винить М[инистерст]во вн[утренних] дел за действия его строительного отделения, похоронившего и 3.000 р[уб.], заплаченные за планы Бруни и труды вашей комиссии. При Министерстве просвещения могу винить строительное отделение и за время, которое вперед еще будет потеряно, и за составление новых планов (Жибера), на что назначен срок не менее 6-ти месяцев, да на неизбежные при этом по закону сношения с начальством Западной Сибири и на рассмотрение новых планов в строительном отделении того же м[инистерст]ва потребуется столько же времени. Но все эти замедления отнюдь не произошли от нашего министерства, а тем более не от меня. Передав

по приказанию великого князя выражение его неудовольствия, кому должно было передать, я совершенно отстраняюсь теперь от дела, которое занимало меня не только как дело М[инистерст]ва народн[ого] просвещ[ения], но как дело, живо меня интересующее. Признаюсь, грустное я вынес впечатление от всего этого. На будущее время, душевно уважаемый и чтимый Василий Маркович, я буду Вас просить, по вашим предложениям и по нуждам будущего Сибирского университета, относиться более удобным путем, глядя на меня только как на человека, сердечно сочувствующего в этом деле и вам и графу Дмитрию Андреевичу, но не принадлежащего к деятельным членам управления по этому вопросу. Трудно и вам проводить ваши желания и мысли из такого громадного «далека», какова Казань от Петербурга».

Несмотря на полученное разочарование, князь Александр Прохорович продолжал, по-прежнему, деятельно относиться к Сибирскому университету и очень любезно ко мне. От февраля 20-го числа он писал мне: «Усердно благодарю вас за письмо от 12-го февраля. Слава Богу, что вы здоровы и покойно относитесь к опасениям будущего (ожидаемой Ветлянской чуме). Последнее письмо к вам, душевно уважаемый Василий Маркович, я писал под влиянием обиженного чувства. Я не имею теперь прямого отношения к делу устройства Сибирского университета. Дело это идет под руководством графа (Толстого), и я буду только, и то, когда узнаю что, сообщать вам о прогрессивном его движении. Граф живо интересуется скорейшим его ходом, и, не зная о дальнейших разговорах его с великим князем, я могу только уверить вас, что для скорейшего окончания ничто не будет упущено. Теперь делаются новые планы (Жибера), и засим опять представят их на проверку М[инистерст]ва вн[утренних] дел, и, вероятно, к лету вопрос о постройках будет разрешен».

От 18-го июня 1879 г. кн[язь] Ал[ександр] Прох[орович], между прочим, писал: «На последнее полученное мною от Вас письмо (в марте) я отвечал коротко, потому что оно застало меня при самом выезде в отпуск, который мне удалось получить на два месяца. Теперь я возвратился из отпуска, слава Богу, с некоторой пользой для здоровья и в спокойном состоянии духа... Вчера представлялся в Павловске возвратившемуся с Черного моря его высочеству генерал-адмиралу. Он без личного мне укора посетовал опять на ход дела по вашему университету. Я ответил только, что графа видел толь-

ко еще один раз и ничего не слыхал от него о переговорах с бывшим, говорят, тут Казнаковым. Кончили ли дело с планами по М[инистерст]ву вн[утренних] дел - тоже не знаю. Действительно, я еще не имел возможности просмотреть дела, бывшие без меня. Что ваши занятия? Собираетесь ли Вы в Петербург и когда? Нового ничего не могу сказать Вам, ибо еще сам как будто на новоселье. Хочу только дать весточку о себе и буду ждать таковую же от Вас».

Только через 17 месяцев, именно 15-го июля 1879 г., я собрался из Казани побывать в Петербурге, повидаться с родными и знакомыми. В министерстве мне показали новые планы и сметы Жибера, к тому времени уже изготовленные. При рассмотрении их, прежде всего, бросалась в глаза общая сумма стоимости построек, расцененных свыше миллиона двухсот тысяч рублей, без анатомического корпуса, водопровода и газового завода. Смета, таким образом, вдвое превышала смету Бруни, а самые постройки, хотя и проектированные в более изящной внешней архитектурной форме, по внутреннему расположению помещений все-таки не лишены были некоторых существенных учебных неудобств. На это я обратил внимание графа Толстого и князя Ширинскаго-Шихматова.

Об изготовлении новых планов и смет было доложено его высочеству председателю Государственного Совета, великому князю Константину Николаевичу, выразившему желание познакомиться с ними ранее представления в Государственный Совет вопроса о постройке зданий Сибирского университета. Его высочеству угодно было поручить князю Ширинскому лично ознакомить его с планами Жибера и Бруни, указав, вместе с тем, чтобы при этом докладе присутствовали также архитектор Жибер и я, для могущих встретиться разъяснений планов с учебной стороны[1]. Представление было назначено в Павловском дворце. По этому поводу граф Толстой прислал мне следующую записку: «Поспешаю уведомить Вас, многоуважаемый Василий Маркович, что его высочество генерал-адмирал изволит принять Вас в Павловске 23-го числа, в понедельник, в два часа, для рассмотрения планов Сибирского университета. Искренно преданный гр[аф] Д. Толстой. 21-го июля 1879 г.».

Прибыв в назначенное время, мы расположили развернутые чертежи в таком порядке, чтобы удобно было сравнивать проекты того

[1] Великому князю было известно о приезде моем в Петербург и о прежнем участии в составлении проекта Бруни.

и другого автора. Чертежи Жибера, как и следовало ожидать, произвели лучшее впечатление по грандиозности сооружений; но узнав сметную стоимость его высочество решительно объявил, что в настоящее, трудное для государственной экономики, время (не законченная Восточная война) невозможно рассчитывать на миллионные ассигновки из казны для постройки зданий учебного заведения. Относительно чертежей Бруни великий князь изволил обратить внимание на те же недостатки, какие были указаны мною выше, главное, на малые размеры церкви и на конструкцию окон в актовом зале и в так называемой сборной для студентов. Вместе с тем его высочество заметил, что эти конструктивные недостатки могли бы быть исправлены при самой постройке, если в других отношениях планы могут удовлетворять учебным потребностям. Я высказал свое мнение по этому поводу в том смысле, что Сибирский университет может удовлетвориться на первое время скромными помещениями без ущерба для его учебных и научных функций и что планы Бруни в этом отношении можно было бы признать достаточными, если в них сделать соответствующие исправления. Этим бесповоротно решился вопрос о выборе планов. Проект Жибера был устранен, и Министерство народного просвещения снова препроводило проект Бруни в Техническо-строительный комитета, прося рассмотреть его только с технической стороны. На этот раз комитет одобрил его с некоторыми техническими замечаниями, и в таком виде он был утвержден к исполнению товарищем министра внутренних дел 6-го сентября 1879 г. Смета была утверждена в сумме 648.312 руб. 47 коп. при расценке по справочным ценам Томска 1877 г., которые потом оказались далеко ниже действительности. Но об этом будет речь впереди.

Впоследствии мне приходилось слышать стороной, что некоторые профессора Томского университета ставили мне в укор, почему я не ходатайствовал пред его высочеством и не настаивал в министерстве на осуществлении проектов Жибера, если они, действительно, имели значительные преимущества перед проектами Бруни. В объяснение этого я могу сказать, что проекты Жибера отличались не столько удобством и простором внутренних помещений университета, сколько красотою и излишнею роскошью внешних фасадов. Но самое главное, они были расценены в смете, по тем же данным справочных цен 1877 г., как и у Бруни, вдвое дороже (1.200.000,

вместо 648.312 р[уб].). При тогдашнем положении русских финансов (последняя турецкая война) нельзя было думать, чтобы правительство ассигновало миллион на постройку университетского корпуса (около 200–250 т[ыс]. имелось в виду пожертвованных средств Демидова и Цибульского).

Предъявлять такие требования в то время значило бы отклонить вопрос о постройке университета на продолжительный срок, пока поправятся государственные финансы. По этой же причине ни в смету Бруни, ни в смету Жибера не входило устройство университетского водопровода и газового завода, необходимость коих сознавалась мной вполне, но я рассчитывал соорудить их впоследствии, изыскав на это те или другие средства. К 1885 г. их удалось построить на экономические остатки от сметных строительных сумм, не возбуждая ходатайств об особом на это ассигновали, что, естественно, потребовало бы много времени и не представляло тогда благоприятных условий для скорого удовлетворения такого ходатайства. В правительственных сферах, за исключением немногих лиц, на Сибирский университет в то время смотрели не сочувственно и недоверчиво. Зная это, я по возможности старался удовлетворить все непредусмотренные нужды университета, не прибегая к ходатайствам о дополнительном сметном ассигновали из государственного казначейства.

С принятием планов Бруни задача сооружения зданий Сибирского университета значительно осложнялась. Если вообще при постройках подобного рода невозможно ограничиться одним техническим надзором архитектора, а требуется непосредственное наблюдение лица, близко знакомого с потребностями сооружаемого учреждения, то в применении к предстоящим университетским постройкам требовалось не одно наблюдение, а исправление самих чертежей при их исполнении. Эту последнюю задачу невозможно было поручить ни строителю зданий, ни избранному из местных лиц в Томске Строительному комитету. Министерство ясно сознавало эту потребность еще в 1877 г., когда граф Д.А. Толстой настаивал на необходимости включить этот пункт в последнее свое представление в Государственный Совет о Сибирском университете (11 февраля 1878 г.).

После того, когда весть о предполагаемом учреждены Сибирского университета в Томске была распространена газетами по всей России, в министерство стали поступать многочисленные заявления

о приобретении для нового университета разных учебных принадлежностей, больше всего – книг. Министерство направляло все эти предложения ко мне для разбора и оценки. Так, в конце 1877 г., неизвестный мне почетный гражданин города Чигирина, Фома Маркович Бондырев, предлагал купить у него коллекцию старых книг духовного содержания. Судя по каталогу, в числе их значилось: 1) две рукописи - евангелие, писанное на пергаменте, и рукописная псалтырь; 2) сочинения Василия Великого, Острожское издание 1594 г.; 3) Шестоднев, Виленское издание 1650 г.; 4) творения Ефрема Сирина и Саввы Дорофея 1687 г.; 5) Маргарит и житие св. Иоанна Златоуста, изд. 1641 г.; 6) Толкование четырех евангелистов, изд. 1647 г.; 7) Октоих, Львовское изд. 1644 г.; 8) то же, Московское изд. 1593 г.; 9) книга о вере, избранная от многих отцов церкви, изд. в Гродне, 1785 г.; 10) Библия, изд. 1758 г. – и другие в этом роде редкие издания – XVII и XVIII столетий, всего 65 номеров. К сожалению, эту коллекцию не удалось прибрести по неимению в то время денежных средств.

В 1879 г. явился целый ряд предложений о покупке библиотек, большей частью после смерти их владельцев, со стороны их наследников. Многие из этих предложений, при рассмотрении присланных каталогов, оказались либо слишком высоко оцененными, либо мало пригодными, и потому были мною отклонены.

Таким образом, лето 1879 г., проведенное мною в Петербурге, против моего ожидания, почти все было посвящено делам Сибирского университета. Так складывались обстоятельства помимо моей воли. Кроме меня, в министерстве не было никого, кто бы так близко стоял к курсу этих дел, осложнявшихся больше и больше. Поэтому, в исходе 1879 г., граф Д.А. Толстой, сделал мне словесное предложение взять в свои руки созидающийся Томский университет, оставив профессорскую службу в Казани. Такая комбинация снова ставила меня в крайне неопределенное служебное положение, несмотря на предлагаемое достаточное вознаграждение (10 т[ыс]. руб. в год).

Служба Томскому университету при таких условиях считалась бы лишь временной командировкой, без определенных прав на пенсию, без ясного будущего. Должность, мне предлагаемая, или, точнее, ассигновка содержания, была рассчитана всего на три года; но можно ли было предвидеть, что в этот именно срок будут заключены все постройки и будет открыт университет, в котором и для меня

нашлось бы штатное место. С уверенностью нельзя было сказать ни того, ни другого. Поэтому я не мог решиться оставить казанскую службу, разорить только что свитое гнездо и снова, как в 1875 г., выступить на скользкий путь временных комиссий и командировок без прочной служебной почвы.

В таком смысле дан был мной ответа графу Дмитрию Андреевичу. После того он предложил мне другую комбинацию: не оставляя службы в Казанском университете, взять на себя временное поручение министерства по наблюдению за постройкой Сибирского университета, за его имуществом и за всем, что сюда относиться может. По этой инструкции мне вменялось в обязанность ежегодно, с половины мая и до конца августа, быть в Томске для наблюдения за строительными работами, а зимой, в свободное от лекций время (рождественские и пасхальные каникулы) являться в Петербург для личного доклада г. министру по делам созидаемого университета. Во время моего отсутствия из Томска (с сентября по май, когда строительные работы приостанавливаются), в Строительном комитете меня должен заменять другой член от министерства с определенным годовым содержанием в 3.500 руб. На него возлагались обязанности делопроизводителя комитета, а в мое отсутствие ему предоставлялось в комитете право голоса наравне с прочими членами[1]. Мое вознаграждение при этой комбинации определилось в 6000 руб. в год, в течение трех лет, причем половина этой суммы, если не более, должна была идти, по расчету, на путевые расходы по поездкам в Томск и Петербург и на содержание в этих городах во время почти полугодовой бивуачной жизни.

Не могу сказать, чтобы изложенная комбинация лично для меня представляла какие-либо выгоды. Напротив того, ежегодное, почти полугодовое отсутствие из Казани, для меня, как практического врача, неизбежно должно было резко отразиться на моих средствах, не говоря уже о неудобствах кочевой жизни вообще. Но на эту невыгодную сторону сделанного мне предложения я не обращал особого внимания. Меня гораздо более смущало сомнение, буду ли я в силах справиться с поручаемым делом. Если бы оно касалось только устройства учебной части и учебного имущества, то здесь я считал бы

[1] Делопроизводителем Строительного комитета был назначен чиновник департамента нар[одного] просв[ещения], статский советник А.С. Белявский. Он все время оставался в Томске, где и скончался от легочной чахотки в 1897 г.

себя более или менее сведущим лицом, способным принести известную долю пользы; но мне предстояло, как члену Строительного комитета, нести нравственную, а может быть, и материальную ответственность за качество самих строительных работ, о которых в то время я не имел никакого практического понятия. Общественное мнение семидесятых годов склонно было относиться к строителям казенных сооружений с большою долею скептицизма. Правильно или неправильно, но всюду мерещились упущения или злоупотребления. Такие, может быть, легкомысленные, суждения приходилось слышать даже в Петербурге, где строительное дело стоит на подобающей высоте. Что же сказать о далекой сибирской провинции? Для меня она была в этом отношении terra incognita, но какое-то смутное предчувствие заставляло думать, что самую трудную задачу мы встретим именно при сооружении зданий Сибирского университета. При всех добрых пожеланиях, здесь можно было ожидать разных непредвиденных случайностей, прежде всего, в выборе архитектора, в составе членов Строительного комитета и их отношений к порученному делу, в качестве местных рабочих и строительных материалов, одним словом, во всем, чем гарантируется правильное и экономическое ведение постройки.

С другой стороны, думалось мне, волка бояться, в лес не ходить. При доброй воле и энергии, при поддержке министерства, в чем не представлялось сомнения, можно устранить препятствия и затруднения, если бы они действительно оказались. Всякое другое лицо, поставленное на мое место, оказалось бы в тех же самых условиях, с той, быть может, разницей, что оно не относилось бы к созидаемому университету с таким теплым чувством, как я, в силу образовавшейся уже в течение четырех лет привычки. Таким образом, по зрелом обсуждении, я решился принять предложение министра народного просвещения и с 15 марта 1880 г. вступил в официальную роль устроителя Сибирского университета, оставаясь в то же время ординарным профессором Казанского университета.

В Казань я возвратился в начале сентября. Вскоре после того я получил от гр. Д.А. Толстого официальное письмо (от 11 окт[ября] 1879 г.), в котором, между прочим, сказано: «Признавая необходимым приступать ныне же к изготовлению строительных материалов для возведения зданий (Сибирского университета), покорнейше прошу Вас доставить мне, по возможности в скорейшем времени,

соображения Ваши о том, каким, по Вашему мнению, способом было бы удобнее произвести означенные работы, т. е. посредством ли подряда или хозяйственным образом. В случае же, если бы Вы полагали более полезным хозяйственный способ постройки, я покорнейше просил бы Вас сообщить мне также потребные соображения Ваши как по вопросу о составе той строительной комиссии, которую необходимо будет учредить в г. Томске для надлежащего наблюдения за постройкой университетских зданий и вообще для ведения всего этого обширного дела, так и о относительно той инструкции, которой нужно будет снабдить сию комиссию. Примите уверения и пр[очее]. Граф Д. Толстой».

Не зная местных строительных условий Томска, я не мог, конечно, наперед сказать, какой из способов постройки, подрядный или хозяйственный, будет выгоднее, но первый я находил едва ли применимым уже по тому самому, что во время сооружений зданий планы Бруни должны были подлежать значительному видоизменению, что было известно заранее. Строительная комиссия была намечена мною в следующем составе: председатель – местный губернатор, представитель от Министерства народного просвещения, председатель томского губернского правления, городской голова Цибульский, как крупный жертвователь из местных жителей, и строитель зданий (архитектор).

Проект инструкции я тоже составил, применяясь к существовавшим условиям, причем просил подчинить комиссию не генерал-губернатору Западной Сибири, а непосредственно министру народного просвещения. По этому вопросу граф должен был предварительно снестись с Н.Г. Казнаковым, который весьма неохотно, но все-таки выразил свое согласие об изъятии Строительного комитета из его ведения. В таком смысле инструкция была утверждена государем.

По этому поводу кн[язь] Ал[ександр] Прохорович писал мне от 15 марта 1880 г. Вот его письмо: «Вчера, глубокоуважаемый Василий Маркович, граф докладывал государю предположения министерства о способе постройки Сибирского, Вашего университета. Предположения эти высочайше утверждены. Строительная комиссия будет под председательством местного губернатора, под главным заведованием министерства, которому и подчиняется комиссия и ее деятели. При этом, конечно, архитектор отсюда, некто Арнольд, которого я не знаю. Все эти новости Вам, конечно, будут сообщены

официально, а я делаю это конфиденциально. Вероятно, и Вас скоро увидим в Питере».

Действительно, в скором времени меня вызвали в Петербург для личных объяснений, или, точнее, для инструкций по строительному делу, так как в мае месяце мне предстояло уже отправиться в Томск для начала построек. В Петербург я выехал из Казани 28 марта, в самую распутицу. Пришлось ехать горой (берегом), а не обычным зимним трактом, вдоль по Волге. Дорога в это время бывает отвратительная: в иных местах голая земля, а в других – глубокий рыхлый снег, с зажорами по овражкам и наледям по низинам и речкам. Темной ночью в 9 часов вечера я выехал из Казани.

С половины марта, когда волжский лед делается ненадежным, почту переводят на летний тракт, для чего требуется на протяжении 400 верст расчистить глубокий снег. Для этого сгоняют крестьян из окрестных деревень, но, при всем их старании, неезженый путь обыкновенно бывает очень плох. В зажорах мне приходилось сиживать по 3–4 часа, пока призванные из ближайшей деревни крестьяне не вытащат повозку и лошадей. Зажорой называется такое место в небольших оврагах, где под рыхлой коркой снега течет весенняя вода. На ночь я остановился на одной из станций (Кривой лог) переждать до рассвета. Здесь я совершенно случайно встретился с нашим будущим архитектором Максимилианом Юрьевичем Арнольдом. Ранее того об Арнольде я не имел никакого понятия и ни разу его не видал. Он меня лично тоже не знал, хотя слышал в министерстве и от Бруни о моем участии в делах Сибирского университета. Арнольд приехал на станцию раньше меня и расположился пить чай на единственном столе в маленькой комнате для приезжающих. По замашкам и костюму он напоминал богатого помещика, или цивилизованного купца. Ехал он в собственном щегольском экипаже, с ловким камердинером и ворохом дорожных ларцов, нагруженных закусками и прочими принадлежностями далекого путешествия. Я ехал один, на перекладных, с легким чемоданчиком. Разговор между нами завязался по поводу заварки моего чая из поданного ему самовара. Затем он перешел к обычным расспросам о качестве дороги и о том, кто куда направляется. Узнав, что мой собеседник едет из Петербурга в Томск, я сначала принял его за сибирского негоцианта и естественно поинтересовался расспросами о Сибири и о Томске в частности. Оказалось, что Томска он не знает и едет туда в первый раз –

строить Сибирский университет. После такого ответа я осведомился о фамилии собеседника и сообщил ему свою, так как мы ехали по одному и тому же делу, хотя и в противоположные стороны.

Из дальнейшего разговора с Арнольдом я узнал следующие, неожиданные для меня новости: 1. Главным строителем Томского университета назначен академик Бруни, но с тем, что он будет руководить постройками из Петербурга (!), а вместо него на месте построек будет находиться его помощник – этот самый Арнольд. 2. Оба они будут получать содержание из 4%, назначенной на постройку суммы, деля это вознаграждение поровну, т. е. 2% будет получать Бруни за свою фирму, другими словами, ни за что, ни про что, а двумя процентами будет пользоваться Арнольд, живя неотлучно в Томске, как действительный строитель. В счет этой суммы им уже получено от министерства (из строительного капитала) 2500 руб. на подъем и путевые расходы от Петербурга до Томска.

В 1880 г. наш строительный кредит был определен в 650 т[ыс]. руб., следов[ательно], 2% с него составляли 13 т[ыс]. руб. Этим выражалось вознаграждение архитектора за все время постройки. Предполагая, что строительные работы будут продолжаться никак не менее пяти лет и выключив из данной суммы 2500 р[уб]., полученного уже путевого пособия, содержание Арнольда в Томске определялось, таким образом, не свыше 2000 р[уб]. в год. На эти скромные средства он должен был содержать не только себя, но и оставленную в Петербурге свою семью, между тем как Бруни должен был получить из того же кредита свою половину (13 т[ыс]. р[уб].), сидя в Петербурге и ничего не делая. В этом дележе выходила глупая несообразность, что я не мог не выразить Арнольду моего крайнего изумления по поводу сообщенной мне уже состоявшейся комбинации. В заключение я сказал, что ныне же буду просить министра предложить Бруни либо отказаться от своей доли вознаграждения, либо принять на себя обязательство ежегодно проводить лето в Томске на постройках в качестве старшего архитектора. Иначе, получаемые им 2% будут иметь характер взятки, или, выражаясь деликатнее, переуступки права на вознаграждение строителя другому лицу, со скидкой 50%, как это иногда делается при передаче подрядов. Начинать с такими сомнительными задатками строительную практику Сибирского университета, по меньшей мере, неблаговидно. Арнольд ответил, что расчет с Бруни есть его личное дело, что

он имеет право в знак благодарности за рекомендацию и за могущие понадобиться его советы посылать своему патрону половину своего содержания даже в том случае, если бы это не было оформлено министерским распоряжением. Но с такими взглядами я никак не мог согласиться и заметил Арнольду, что не понимаю его щедрости относительно Бруни; если же он рассчитывает в Томске на добавочные строительные доходы, то ему благоразумнее было бы вовсе отказаться от работы. На этом мы и покончили наш первый разговор. Было около 12 часов ночи. Собеседник мой отправился в дальнейший путь, по-видимому, окрыляемый розовыми надеждами, а я остался на станции дожидаться рассвета, на досуге размышляя о впечатлениях неожиданной встречи.

Так-то, думалось мне, решает министерство первостепенный вопрос об осуществлении постройки Сибирского университета. Неужели ни графу Толстому, ни директору департамента не бросилась в глаза слишком прозрачная и наивная уловка строителей, так бесцеремонно разделивших между собой причитающиеся по закону 4% вознаграждения. Если министерство находит правильным, чтобы Бруни, сидя на месте, получил 13 т[ыс]. руб. только за рекомендацию Арнольда, то подумало ли оно, из каких источников и какими способами будет дополнять свое вознаграждение Арнольд. Наконец, можно ли полагаться на такую рекомендацию, в основе которой лежит корыстный расчет; имеет ли Арнольд достаточно технической опытности, чтобы довести до конца такое крупное дело, как постройка университета, притом в такой дали и глуши, как Томск, о строительных силах которого мы почти ничего не знаем. Мне представляется, что министерство совсем не задавалось таким вопросами, ограничившись канцелярской формой бумажных сношений. Такие мысли невольно тревожили меня. Будущее постройки и мое участие в ней рисовалось далеко не привлекательными.

По приезде в Петербург я первым делом постарался навести справки о прежней деятельности Арнольда. Прочитав в департаменте его послужной список, я узнал, что последними его работами были: постройка госпитальных бараков в Корнештах во время Восточной войны, и сооружение крыши на Корсунском храме св. Владимира близ Севастополя. Ранее того Арнольд служил в Петербургском строительном училище в звании преподавателя истории архитектуры. О постройке бараков в Корнештах я мог навести

справку у моего близкого знакомого доктора А.И. Байкова, заведовавшего этим госпиталем, а о храме св. Владимира – в канцелярии обер-прокурора св[ященного] Синода, в ведении которого находилось это сооружение. Как Андрей Иванович Байков, так и правитель обер-прокурорской канцелярии И.А. Ненарокомов, были моими старыми и близкими знакомыми. От них я мог получить не официальную справку, а именно такие сведения, какие мне были нужны. Оказалось, что в Корнештах Арнольд зарекомендовал себя с самой невыгодной стороны, а Ненарокомов о нем отозвался, что в их канцелярии возбуждено дело о взыскании с Арнольда 10 т[ыс]. рублей за неудачно построенную крышу на соборе, которую, вследствие слабых и неумелых скреплений, целиком унесло в море при первом шторме, вскоре после ее сооружения. Вот какую правду пришлось узнать о практических познаниях и способностях данного нам строителя.

Само собой разумеется, что обо всем этом я доложил министру, выразив ему свое сожаление, что постройка Сибирского университета, по-видимому, вручена человеку не вполне искусному. Вместе с тем я сообщил графу о странной комбинации между Бруни и Арнольдом и просил, чтобы первому из них также было предложено наблюдать за постройками не из Петербурга, а отправляться в Томск, подобно мне, на летнюю рабочую пору, или совсем отказаться от своей доли двухпроцентного вознаграждения. Замечательно, что граф вовсе не имел в виду поездки Бруни в Томск, находя, что при его больших работах в Петербурге, вознаграждение не только в две, но даже в три тысячи за лето не может его удовлетворить. Но тем не менее граф поручил мне переговорить с Бруни об этом вопросе и в случае его отказа передать ему, что он от Строительного комитета будет отчислен[1].

[1] По всеподданнейшему докладу г. министра народного просвещения, государь император 14 марта 1880 г. высочайше соизволил на учреждение в Томске Строительного комитета для возведения зданий Сибирского университета в составе следующих лиц: председателя – томского губернатора, членов: председателя томского губернского правления, томского городского головы Цибульского, члена от Министерства народного просвещения д[ействительного] с[татского] с[оветника] Флоринского и двух строителей зданий – инженера-архитектора, коллежского асессора Арнольда и академика архитектуры, коллежского советника Бруни. Последний в официальных бумагах именовался инспектором работ, но в чем должна была выражаться его инспекция, этого не указано. А так как Бруни вовсе не имел в виду посещение Томска, хотя бы только в течение летних месяцев, то, очевидно, он членом комитета мог бы числиться только номинально, а инспекторские обя-

Понятно, что Бруни на поездку не согласился, и, таким образом, он был совершенно отстранен от каких бы то ни было дальнейших отношений к комитету и к его денежным средствам.

Что касается до Арнольда, то граф советовал мне внимательнее наблюдать за его отрицательными действиями и в случае каких-либо неисправностей доносить об этом в министерство. По-видимому, министр сам сознавал, что назначение архитектора состоялось довольно легкомысленно и слишком поспешно, но поправить это было уже трудно. Оставалась надежда на то, что Арнольд, получая полное вознаграждение в 4% со строительной суммы, внимательнее отнесется к делу, и не будет иметь повода жаловаться на скудость своих средств.

В Петербурге на этот раз я пробыл 2½ недели (с 1 по 17 апреля). Сибирского дела здесь оказалось, как и всегда, гораздо больше, чем я ожидал. Независимо от разъяснения архитекторского вопроса и выбора надежного делопроизводителя для Строительного комитета (из чиновников департамента народного просвещения), который мог бы заменить меня в Томске во время зимних месяцев, пришлось немало хлопотать об университетской библиотеке. Выше я уже говорил, что уже в истекшем 1879 г. в Томский университет стали поступать обширные и богатые коллекции книг, большей частью в виде дарственных вкладов. Все эти сокровища, уложенные в сотни ящиков и составлявшие груз около трех тысяч пудов, сосредоточивались в министерстве, которое не знало, что делать с этим громадным грузом и где хранить его. Решено было отправить книги в Томск на мое попечение, но министерство не располагало никакими средствами для пересылки столь значительных тяжестей. Провозная цена от Петербурга до Томска в то время назначалась транспортными конторами от 4½ до 5 р[уб]. с пуда, что составляло расход около 13–14 тыс. руб. Нужно было, прежде всего, изыскать средства на эту пересылку[1]. В наличности никаких средств не имелось в виду, кроме обещанных томской городской думой 5000 руб., в счет кото-

---

занности его представляли бы пустую фикцию, или придуманный предлог для получения денежного содержания. Удивительно, как в министерстве не обратили на это внимание.

[1] Через контору Российского общ[ества] транспортирования кладей было отправлено из Петербурга в Томск весной 1880 г. 142 ящика книг библиотеки гр. Строганова, весом 1770 пуд[ов], 36 ящиков библиотеки князя Голицына – 372 пуда и 86 ящиков книг, купленных и пожертвованных другими лицами и дублетов, отобранных мной из публичной библиотеки, 739 пудов, а всего 264 ящика весом 2880 пудов. За пересылку приходилось уплатить свыше 13 т[ыс]. руб.

рых мной была уже приобретена библиотека академика Никитенко (2000 р[уб].), Артемьева (900 р[уб].) и около 3000 дублетов, отобранных из Императорской публичной библиотеки (расчет за них еще не был произведен). Таким образом, из этой суммы на пересылку оставалось не более 1000 руб. Но я наделся, что со временем добрые люди так или иначе помогут устроиться с этим делом, и я решился просить Российское общество препроводить наши грузы в Томск, не стесняя нас сроками расплаты. Надежды меня не обманули. В том же году в министерство были доставлены на этот предмет (И.В. Ефимовым) 4000 руб., собранные по подписке в сибирских городах; 3000 уплатил, по моей просьбе, многоуважаемый и всегда отзывчивый к нуждам Сибирского университета Александр Михайлович Сибиряков, остальная сумма была покрыта в разные сроки, частью из остатков на содержание членов Строительного комитета (ежегодно на непредвиденные расходы оставалось по 500 руб.), а в окончательный расчет в 1884 г. – из средств, отпущенных казной на первоначальное обзаведение университета[1].

Из отправляемых в Томск в 1880 г. книжных грузов самый важный по объему и ценности представляла библиотека графа Строганова (142 больших ящика, весом 1770 пуд[ов]). О ее приобретении я должен сказать несколько слов. О существовании этой замечательной библиотеки, хранившейся с конца пятидесятых годов в кладовых внутри Гостиного двора в Петербурге, я узнал случайно летом 1875 г. Это была библиотека Григория Александровича Строганова, отца Александра и Сергея Гигорьевичей, бывшего когда-то посланником в Константинополе и потом в Париже. После кончины графа Григория Александровича она перешла в наследство его детям, у которых имелись свои собственные громадные библиотеки. Потому, в ожидании раздела, она уложена была в ящике и помещена в складах Гостиного двора. Осенью 1875 г., когда я был в Одессе вместе с комиссией, объезжавшей университеты по случаю готовивше-

[1] Это была сумма в 25 т[ыс]. руб., отчисленная по моему ходатайству из сметного строительного капитала на сверхсметные расходы, именно устройство церковного иконостаса и церковную утварь, на первоначальную меблировку университетских помещений, в том числе актового зала (царские портреты, кафедра, кресла и стулья), меблировка канцелярий и библиотеки и пр. Эти 25 т[ыс]. руб. были удержаны в министерстве и расходовались по представляемым мною счетам помимо Строительного комитета. Из этого же источника производилась дальнейшая уплата за пересылку весьма богатого количества книг и ученых коллекций после 1883 г.

гося пересмотра общего университетского устава, мы встретились в этом городе с графом Д.А. Толстым. Через него я познакомился с Александром Григорьевичем Строгановым, жившим в Одессе в собственном великолепном доме, на Морском бульваре. Раз, будучи у него вместе с графом Толстым, зашла речь о Сибирском университете, вопрос о котором в то время составлял новость дня. Я не упустил случая напомнить при этом, что знаменитый род Строгановых, триста лет тому назад принимавший деятельное участие в снабжении Ермаковой дружины материальными средствами для первого завоевания Сибирского царства, по всей вероятности, отнесется также сочувственно и к духовному покорению Сибири, орудием которого предназначается быть Томскому университету. Здесь же мимоходом я завел речь о наследственной их библиотеке, упомянув, что вероятно, в ней не ощущается большая надобность, если она так долго остается в закупоренных ящиках. Граф Д.А. Толстой поддержал мою мысль и встретил со стороны многоуважаемого хозяина полную готовность пожертвовать эту библиотеку Сибирскому университету. Но Александр Григорьевич тут же заметил, что она принадлежит не ему одному, а совместно с братом, Сергеем Григорьевичем, с которым необходимо переговорить особо по этому поводу. По возвращении в Петербург граф Толстой возложил на меня это поручение, но Сергея Григорьевича мне удалось увидеть только в 1877 г. С его стороны я встретил ту же полную готовность передать библиотеку Сибирскому университету, если против этого не будет ничего иметь сын его, Николай Сергеевич. В конце концов, дело это устроилось. В 1879 г. ящики с книгами были переданы Министерству народного просвещения, а весной 1880 г., как я уже говорил, отправлены в Томск через контору Российского общества транспортирования кладей.

Принимая библиотеку графов Строгановых, я не знал в то время ее содержимого. По-видимому, и жертвователи имели о ней неясное представление. Каталоги ее, по словам главного управляющего Сергея Григорьевича, должны были находиться в одном из ящиков с книгами, но в котором именно, этого он не мог указать. Ящики переданы были весом и счетом. Граф Сергей Григорьевич заметил только, что в числе книг, в каком-то из ящиков, должны находиться фамильные бумаги и дела Григория Александровича. Их он просил при разборке книг переслать в Одессу. Редкие рукописи, какие най-

дутся в ящиках, по воле жертвователей, должны быть переданы в Императорскую публичную библиотеку. Само собой разумеется, что все это было в точности исполнено.

О значении Строгановской библиотеки я здесь распространяться не буду. Скажу лишь вкратце, что это оказался неоценимый научный клад, такое сокровище, каким едва ли могут обладать даже самые богатые и старые наши столичные университеты. Для юного и далекого Сибирского университета такое приобретение можно считать неожиданным счастьем. Я вспоминаю об этом с глубокой благодарностью к доблестному роду графов Строгановых, оказавшему Сибири незабвенные услуги, как во время ее первого покорения, так и теперь, когда над Сибирью загорается первая заря духовного света. Надеюсь, что будущие профессора Сибирского университета по достоинству оценят этот щедрый дар и воспользуются им для своих научных работ. Обширная и всесторонняя по содержанию библиотека есть необходимейший и самый прочный фундамент нашего духовного развития, и плохой тот профессор, который будет иметь перед глазами только новости текущего дня, не интересуясь, что делали и как думали наши предшественники. Профессор без хорошей библиотеки – это воин без оружия. Тот, кто идет на поводу только у текущей, хотя бы и научной журналистики, напоминает щеголя, для которого мода дня – выше всего. Мыслящий профессор должен искать в книге не текущие новости, а новые идеи. Для этой цели старая хорошая книга сплошь и рядом дает больше пищи, нежели современный газетный листок, которым, к сожалению, у нас слишком много увлекаются. Лично я всегда имел больше пристрастия к старым литературным друзьям, всегда ценил и лелеял их, имея свою собственную довольно богатую библиотеку. Без сподручных книг, казалось мне, невозможно начать ни одного научного дела. Так я смотрю и на потребности будущего Сибирского университета, стараясь раньше возведения его стен приготовить для него возможно больше духовной пищи.

Во время нынешнего пребывания в Петербурге мне пришлось узнать весьма прискорбную для меня новость о предполагаемых переменах в нашем министерстве. Глубоко мною уважаемый товарищ министра, князь Александр Прохорович Ширинский-Шихматов предполагает оставить свой пост. Предлогом к этому он ставит утомление и болезнь, но, независимо от болезни, кажется,

здесь имеют место и другие причины, именно недостаток гармонии в личных отношениях к графу Дмитрию Андреевичу. Так или иначе, но мне очень жаль Александра Прохоровича: он был самым близким для меня человеком в министерстве. По отношению к Сибирскому университету это был искренний ревнитель его осуществления и верный его слуга и заступник. О желании оставить министерство в самом непродолжительном времени князь говорил мне лично.

Вместе с тем в городе ходят упорные слухи, что и граф Д.А. Толстой скоро оставит службу. Об этом много раз говорили и раньше, но в данном случае я получил сведения из источника весьма компетентного. Графа многие не любят за его классическую систему воспитания. Либералы видят в нем упорного консерватора и единомышленника М.Н. Каткова, не пользующегося сочувствием у так называемой «молодой России». В высоких государственных сферах, где ныне у большинства представителей господствует стремление копировать конституционную Европу, графа Толстого тоже не считают сторонником такого направления. При подобных условиях ему трудно удержаться на месте: им должны будут пожертвовать для удовлетворения современных вкусов интеллигентной толпы.

На мой личный взгляд, такая уступка общественному мнению и нелогична и бесполезна. Я искренне уважаю графа Дмитрия Андреевича за добрые намерения и за многое им сделанное для русского просвещения (громадное увеличение числа учебных заведений и усовершенствование их строя), но не считал бы его человеком, идущим против течения. Напротив того, если не активно и по убеждению, то пассивно, по нерешительности, граф Толстой не принимал никаких деятельных мер против распущенности наших высших учебных заведений. В них господствовали в среде учащихся своеволие и разнузданность, чуть не открытая пропаганда анархии. Поэтому, если было основание сетовать на графа Толстого, то скорее за его индифферентизм к установившимся в учебных заведениях порядкам.

Из Петербурга я выехал в конце страстной недели, напутствуемый предписаниями и советами министра по делам Сибирского университета. Возвратившись в Казань 17 апреля (к Пасхе), я на другой же день прочитал в телеграммах, что министр народного просвещения граф Толстой высочайше освобожден от занимаемой им

должности, а на место его назначен управляющей министерством, бывший попечитель Дерптского учебного округа, тайный советник Андрей Александрович Сабуров.

В скором времени вышел из министерства и князь Александр Прохорович. На место его товарищем министра назначен Павел Алексеевич Марков. А.А. Сабурова я немного знал раньше, когда он был председателем Петербургского окружного суда, где мне нередко приходилось бывать в качестве эксперта или присяжного заседателя; потом в 1875 г. я встретился с ним в Дерпте во время пребывания там нашей университетской комиссии. В то время он только что был назначен попечителем округа. П.А. Маркова я ни разу до того времени не встречал.

Тотчас после Пасхи у меня начинались в Казани выпускные экзамены, а 14 мая я должен был уже выехать в Томск, чтобы по расчету попасть в Тюмени на первый пароход. Поэтому у меня не оставалось времени еще раз побывать этой весной в Петербурге, чтобы представиться новому министерству и, может быть, получить от него какие-либо новые указания относительно порученных мне обязанностей по Сибирскому университету. С графом Толстым и кн[язем] Ширинским я был в курсе дела, знал их воззрения и свои полномочия, не всегда даже оформленные на бумаге. Для Сабурова же это дело было совершенно новое. Я даже не был уверен, сочувствует ли он ему или нет, так как на Сибирский университет в то время многие смотрели как на праздную и бесполезную затею. При таких-то неблагоприятных условиях мне предстояло в первый раз отправиться в Томск, не зная, что я встречу там и что услышу при возвращении в Петербург. Много раз при этом я благодарил судьбу, что при делаемых мне раньше предложениях переселиться в Томск я не соглашался оставить службы в Казанском университете. Иначе я снова оказался бы в крайне неопределенном положении, гораздо худшем, чем в 1875 г., после моего выхода из военно-медицинской академии. Так или иначе, но теперь у меня в Казани есть прочная оседлость, которой я могу вполне удовлетвориться в том случае, если бы вопрос о Сибирском университете снова заглох или был бы отложен, по пословице, в долгий ящик.

В августовской книжке «Исторического Вестника» за 1894 г. напечатана статья Б.Б. Глинского под заглавием: «Николай Михайлович Ядринцев (Биографический очерк)». В этой статье, на стр. 425,

сказано: «По инициативе этого молодого деятеля было тогда же (в 1863 г. в Омске) основано общество для собирания пожертвований на местный университет, и, благодаря энергичной проповеди Ядринцева и общему сочувствию остальных сибиряков, средства, в конце концов, скопились на этот предмет очень значительные, так что получилась фактическая возможность в 1888 г. привести задачу в исполнение. С момента появления на публичной кафедре в Омске[1] и до последнего своего воздыхания Н[иколай] М[ихайлович] являлся самым горячим проповедником университетской идеи в Сибири. Он первый, после Сперанского, начал пропагандировать эту идею, ее проводил он красной нитью во всех своих статьях, каково бы ни было их содержание, он за нее представительствовал перед местной и столичной администрацией, он собрал на основание университета громадные суммы, он приветствовал его возникновение и о нем он говорил еще в наши дни» ... «Ратуя всю свою жизнь за необходимость высшего рассадника просвещения на востоке, Николай Михайлович *органически связал свое имя с Томским университетом, явившись его создателем и пророком*»[2].

Я не имею честь знать г[осподина] Глинского и не могу далее гадательно предположить, откуда он взял такие несправедливые сведения и суждения. Но я считаю своей обязанностью объяснить, что вся выше приведенная выписка совершенно не соответствует действительности. Находясь в наиболее близких отношениях к Томскому университету с 1875 г., я могу засвидетельствовать: 1) что никакого общества, по крайней мере, гласного и разрешенного, для собирания пожертвований на местный университет никогда не существовало; никогда ни одной копейки от г[осподина] Ядринцева, или через его руки, на устройство Томского университета не пос-тупало; 3) об его «энергической проповеди», призывающей сибиряков к пожертвованиям на Томский университет, мне ничего не известно; 4) ни о каком «предстательстве» пред местной, а тем более столичной администрацией по вопросам о Сибирском университете не могло быть и речи, так как Николай Михайлович по своему положению не имел к этому делу ровно никакого отношения. Отсюда следует, что г. Глинский не имел

[1] Публичная лекции в 1863 г. в Омске в пользу школы солдатских детей на тему о необходимости университета в Сибири.

[2] Курсив в этой выписке мой.

никакого основания сказать, что «Н.М. Ядринцев органически связал свое имя с Томским университетом, явившись его создателем (?) и пророком (?)».

Любопытно было бы уяснить себе, откуда взялись у почитателей г[осподина] Ядринцева такие преувеличенные, или даже совсем ложные понятия об его отношениях к Томскому университету? Нет дыма без огня, нет молвы без какой-нибудь фактической подкладки. В данном случае дело, по моему мнению, объясняется тем, что мечты принимались за действительность, желания и предположения – за совершившийся факт. Это можно видеть из нижеследующего.

В декабре 1863 г., когда Н.М. Ядринцев находился в Омске, был устроен литературный вечер в пользу школы казачьих детей. На этом вечере, в числе других лиц, Николай Михайлович прочел заметку о необходимости в Сибири собственного университета[1]. В числе мотивов для его учреждения юный автор, между прочим, приводит следующее: «Наше (т. е. сибирское) общество, выделяя даровитые личности, не получает от них никакой пользы для своего края. Воспитываясь по разным (русским) университетам, будучи разъединенными, они не пропитываются общим духом любви к родине (т. е. к Сибири), не вырабатывают никаких самобытных идей в интересах своего края и остаются космополитами, чуждыми своей земле, чуждыми своему народу. Думали ли мы, господа, об этих потерянных, лучших силах земли нашей?». Под выражениями: своя земля, наша земля, свой народ здесь разумелось не общее русское отечество, а именно Сибирь, которую г[осподин] Ядринцев, вследствие юношеского увлечения или непонимания (ему было тогда всего 21 год), представлял чем-то отдельным от России, государством в государстве. С этой точки зрения ему казались космополитами все те образованные сибиряки, которые потом основали свою деятельность в Европейской России, в числе которых он называет Д[митрия] Ив[ановича] Менделеева, [А.П.] Щапова, проф[ессора] Казанского университета [А.К.] Чугунова и [А.К.] Корсака. Эта нелепая мысль, вскоре доведшая незрелого автора до тюрьмы и ссылки за химерический проект отделения Сибири от России, была положена в основу доказательств необходимости для Сибири собственного

[1] Заметка эта была потом напечатана в «Томских губернских ведомостях» за 1864 г. № 5, стр. 28–31.

университета. Далее автор, идеализируя сибирское общество, высказывает желание и надежду, что оно может создать университет своими средствами. Он говорит: «Сочувствие Сибирскому университету до сих нор обнаруживалось только личными порывами. Так, несколько лет тому назад енисейским капиталистом Кузнецовым пожертвован капитал на учреждение Сибирского университета; недавно г[осподин] Сибиряков (Михаил Константинович)[1] предложил пожертвовать золотосодержащие площади в пользу того же». Автору эти сведения представляются осуществленными фактами, тогда как на самом деле это были лишь проекты и обещания до сих пор не исполненные. Но г[осподин] Ядринцев мечтал не об единичных вкладах, а о средствах, которые можно было бы собрать со всего народа не только по городам общепринятыми способами (спектакли, концерты, лотереи, подписки), но даже с крестьян посредством обложения специальным для того налогом. С этой целью он проектирует образовать «Общество учреждения Сибирского университета» с многочисленными комитетами по всем городам и намечает общие черты деятельности этого частного или вольного общества. Автору казалось, что университет – такое простое дело, что оно может быть осуществлено сибирским патриотизмом без материального содействия правительства.

В этой фантастической заметке, или, как говорит г[осподин] Глинский, публичной лекции юного мечтателя лежит первая канва слухов об основании общества для собирания пожертвований на Сибирский университет. Поклонники г[осподина] Ядринцева приняли эту мечту за чистую монету, потом дополнили ее своим воображением, будто бы, благодаря предполагаемому обществу, энергичной проповеди Ядринцева и общему сочувствие сибиряков, накопились средства, которые были нужны для постройки и открытия Томского университета. На самом же деле проповедь г[осподина] Ядринцева в 1863 г. не произвела ни малейшего действия на денежных сибиряков. Да вряд ли кто-нибудь и знал о ней, кроме слушателей вышеупомянутого литературного вечера да редактора «Томских ведомостей». На призыв проповедника не откликнулась ни одна душа. Зато молодая сибирская интеллигенция, разделявшая идеалы Ядринцева, приняла к сведению его идею о теоретической возможности создать в Сибири университет на местные средства, не обязываясь правительству.

[1] Речь идет о М.К. Сидорове (сост.).

Не находя этого в действительности, сибирские патриоты стали культивировать эту идею в устном предании и в местной прессе, стараясь доказать, что Томский университет, главным образом, обязан самим сибирякам.

После первого заявления г[осподина] Ядринцева в Омске в 1863 г. прошло 12 лет. О Сибирском университете не было ни духу, ни слуху. В 1875 г., как мы уже говорили выше, последовало высочайшее соизволение на учреждение сего университета вследствие представления вновь назначенного в Западную Сибирь генерал-губернатора Казнакова. В это время Ядринцев был в Петербурге и, зная мое участие в этом деле, явился ко мне с проектом «Общества для основания университета в Сибири». В то время я ничего не знал ни о заметке, читанной Ядринцевым в Омске в 1863 г., ни о самом авторе ее, теперь же вижу, что он продолжал носиться все с той же мечтой. Копию с проекта с собственноручными пометками он вручил мне с просьбой дать мое мнение и ознакомить с этими бумагами графа Д.А. Толстого. Прочитав их, я тотчас же сказал г[осподину] Ядринцеву, что проект его неуместен и неосуществим и что я считаю неудобным говорить об этом г[осподину] министру. На этом дело и остановилось. Копия проекта до сего времени сохраняется у меня в портфеле.

Прошение г[осподину] министру и воззвание к жертвователям написано г[осподином] Ядринцевым, а на проекте устава помечена фамилия Барановского. А так как г[осподин] Ядринцев в то время не пользовался в глазах правительства достаточным цензом для подобных петиций[1], то во главе просителей поставлен был М.К. Сидоров. Примкнули ли к этому проекту другие, более солидные сибиряки, живущие в столице, я не знаю, но ни в Москве, ни в сибирских городах, сколько мне известно, об этом не поднималось речи.

[1] Н.М. Ядринцев (родился в 1845 г. в Омске) учился в Томской гимназии до 6-го класса, после того, в самый разгар университетских смут, в 1860–61 г. числился вольным слушателем в Петербургском университете. Здесь на господствовавших тогда студенческих сходках, вечеринках и землячеких кружках он был вовлечен в омут завиральных идей того времени, за что пришлось ему немало пострадать на своем веку. Сначала, в 1862 г., он был выслан из Петербурга на родину в Омск, потом по делу о химерическом отделении Сибири от России был заключен в тюрьму, где провел около двух лет. Из тюрьмы его сослали на жительство в один из уездных городов Архангельской губернии, кажется в Шенкурск, где Н[иколай] М[ихайлович] провел не менее двух лет. В 1874–75 г. его прежние грехи были отпущены, но все же прошлая репутация не соответствовала тому, чтобы Н[иколай] М[ихайлович] мог выступить во главе проектируемого общества для сбора пожертвований на Сибирский университет.

Первые крупные вклады на Сибирский университет (не считая Демидовского 1804 г.), как известно, поступили в 1875–77 гг. от З.М. Цибульского и А.М. Сибирякова, затем от Томской городской думы и братьев Зензиновых в Москве (в 1878 г.). Заявления об этих пожертвованиях, равно как и о последующих (преимущественно на стипендии), делались непосредственно или в Министерство народного просвещения, или в Строительный комитет по возведению университетских зданий. Инициатива этих добрых дел всецело принадлежала самим жертвователям. Г[осподин] Ядринцев ко всем подобным случаям не имел ни малейшего касательства.

Вслед за назначением Н.Г. Казнакова на генерал-губернаторский пост, Ядринцеву, по рекомендации А.И. Деспот-Зеновича, дано было какое-то служебное назначение в Омске, куда он в скором времени и переселился (в 1876 г.). Из Омска в течение первых двух лет я получил от него не менее десятка писем, в которых он старается убедить меня в неудобстве основания университета в этом городе, так сказать, под крылом генерал-губернатора. Кое-чем из этих данных я воспользовался при рассмотрении университетского вопроса в вышеупомянутой комиссии, но более точные и ценные сведения из Омска мне были доставлены медицинским инспектором М.Г. Соколовым.

С 1878 по 1880 г. я не имел от Н.М. Ядринцева ни писем, ни сведений. При закладке Сибирского университета (26 августа 1880 г.) он не присутствовал и не прислал никакого приветствия, находясь в это время в Алтайской экспедиции. От 22 октября этого года он писал мне в Казань: «Собранные мной (во время экспедиции) коллекции, конечно, составят достояние музеев университета, если пригодятся. Кроме того, я заинтересовываю пожертвованиями разных частных лиц. В Самаре я уговорил одно лицо пожертвовать богатую коллекцию оттисков растений каменноугольной формации и окаменелых раковин, а также коллекцию древних жетонов. Кроме того, у меня есть мысль составить для Сибирского университета два альбома: археологический, со снимками предметов древностей, находимых в Сибири, и альбом этнографический, типов и видов сибирских, включая, конечно, и инородцев. Мысль эту начинаю осуществлять». Эти обещания, вероятно, получили другое назначение, так как Томский университет ни во время его постройки, ни в последующее время не получал от Н[иколая] М[ихайловича] ни коллекций, ни жетонов, ни альбомов.

Поводом к этому письму Н[иколая] М[ихайловича] было его личное дело. Оно состояло в следующем: «У меня была давнишняя мечта, – писал он, – создать научно-литературный орган в Томске, как будущем университетском городе. Хотя я знал, что газету создает Макушин, но газета, при настоящих условиях цензуры, не входила в мои планы. Моя мысль посвятить издание исследованию Сибири по географии, этнографии, истории, археологии и статистике Сибири. Здесь могут стекаться все научные вклады и вместе с тем это издание должно быть удобочитаемым и занимательным для публики, без чего оно, конечно, может остаться изданием архивным. Обстоятельствам угодно было подвинуть осуществление этого дела. Иркутские издатели, оканчивая дело с газетой «Сибирь» по неблагоприятному отношению к ним в Иркутске, решились передать его мне со всеми наличными средствами.

Орган этот с широкой программой по научным отделам может быть из еженедельного превращен в какой угодно. Важно получить теперь право издания мне, чтобы сосредоточить средства и завоевать почву. Вот моя новость, которую я тороплюсь довести до вашего сведения, надеясь на ваше содействие и сочувствие. Теперь, когда идут деятельные приготовления в Томске к созданию учреждения, около которого будет группироваться жизнь страны, пора и мне найти себе солидный труд на пользу нашей родины».

По поводу этого предположения я откровенно ответил, что, познакомившись с составом томской интеллигенции, нахожу подобное предприятие преждевременным и едва ли посильным. Если имеется в виду создать научный орган, то полезнее было бы обождать с этим вопросом до открытия университета и тогда, смотря по обстоятельствам, или примкнуть его к университетским изданиям, или, по крайней мере, воспользоваться университетскими силами. На этом дело и остановилось.

В следующем 1881 г. Н.М. Ядринцев оставил омскую службу и переселился в Петербург, по-видимому, не оставляя мечты об основании литературного органа. В 1882 г. он действительно получает разрешение на издание в Петербурге еженедельной газеты «Восточное обозрение». Нельзя сказать, чтобы в этом народившемся органе наш Строительный комитет пользовался особым расположением. Напротив того, томские сотрудники его и корреспонденты, настроенные на известный отрицательный лад, старались во всем находить темные

стороны. Не понимая дела, они критиковали и планы, и систему университетских построек. Я до сих нор не понимаю такого озлобленного направления нашей мелкой прессы: порицать все, что выходит не из их лагеря. В данном случае, нападки можно было объяснять личным нерасположением редакции к председателю комитета, томскому губернатору В.И. Мерцалову. Обиженный статьями «Восточного обозрения», он написал министру внутренних дел, графу Толстому, жалобу, вследствие чего газете было дано предостережение.

По этому случаю я снова получаю от Н.М. Ядринцева, от 29 октября 1882 г., следующее письмо: «Вчера мною получено первое предостережение, смысл которого вы прочтете в газетах. Это не дело министерства, а дело доносов В.И. Мерцалова по университетскому вопросу... У меня нет средств и возможности заявить министру, графу Толстому, что у меня искреннее стремление служить родине и что я не руководствуюсь личными антипатиями и интригами. Я боюсь, что эти жалобы подействуют на графа. Если вы можете быть полезны, если можете сказать доброе слово за газету, за ее поведение в университетском вопросе и за меня, как редактора, не откажите и напишите мне письмо, с которым бы я мог явиться к графу. Я ручаюсь за хорошее впечатление». Я не разделял такого мнения редактора и письма ему не написал. С тех пор наша переписка совсем прекратилась. Н[иколай] М[ихайлович] изредка продолжал напоминать о себе только в газетных статьях, тон которых был далеко не сочувственный строящемуся университету. Даже при самом открытии университета в 1888 г. редакция «Восточного обозрения» (к этому времени переселившаяся в Иркутск) приветствовала это радостное событие сдержанно и холодно, точно разочаровавшись в своих надеждах. Дальнейшее поведение этой газеты было уже явно враждебное, если не ко всему университету, то ко мне лично и к тем его представителям, которые направляли его начинающуюся жизнь не по рецепту «Восточного обозрения».

Вот истинные черты отношений Н.М. Ядринцева и его кружка к созидавшемуся и открытому рассаднику высшего просвещения в Сибири. Вспоминая все это, я должен сказать, что покойный сибирский публицист и местный патриот в былое время действительно увлекался идеей Сибирского университета, но его увлечение имело своеобразный характер. Университет рисовался ему с побочной стороны, с точки зрения вольного слушателя 60-х гг., в ореоле порядков

того времени. Юношеские мечты, думы и привычки часто оставляют глубокий след на целую жизнь. Раз созданные, излюбленные, хотя и фантастические, образы нередко представляются людям впечатлительным и странным как реальные, осуществившиеся факты. Эта, своего рода, галлюцинация, по-видимому, имела место при суждениях кружка Ядринцева о Сибирском университете, как во время его созидания, так и в первый период его жизни. Иначе я не могу объяснить себе настойчивого, продолжающегося чуть не двадцать лет уверения сибирской прессы, будто бы Томский университет с его громадными и богатыми научными коллекциями создан только усилиями и жертвами сибиряков, как результат их патриотического порыва. Эта басня, повторяемая на разные лады, продолжает оповещаться до сего времени вопреки очевидной действительности.

Такой мираж создан воображением Ядринцева. Вспомним его чтение на литературном вечере в Омске в 1863 г., когда он мечтал собирать по частному почину народные средства па постройку и содержание Сибирского университета; вспомним его узкий сибирский патриотизм, его юношеские фантазии о взаимных отношениях между Россией и Сибирью, и мы поймем, что в его воображении рисовался Сибирский университет не как русское государственное учреждение, а как народное и притом специально сибирское дело. На какие средства создавался Сибирский университет, это мы увидим ниже, но и здесь считаем не излишним повторить, что за исключением З.М. Цибульского и А.М. Сибирякова сибирское общество принимало наименьшее участие в осуществлении и обогащении этого государственного учреждения, по крайней мере, в период его постройки и в первые годы после его открытия. Иначе и быть не могло. Кто хорошо знает склад сибирского городского общества, тот поймет, насколько оно чуждо идейного увлечения высшим просвещением своей страны. Это я говорю не в укор сибирскому обществу. И прочие русские университеты созидались при таких же условиях. Отклик на подобные предприятия обыкновенно является у немногих отдельных личностей, масса же населения обыкновенно ограничивается только платоническим сочувствием доброму делу. И за то спасибо.

Прочитав в вышеупомянутом некрологе Н.М. Ядринцева неверные суждения об его отношениях к Томскому университету, я не обратил бы на это внимание, если бы подобные тенденциозные взгляды не повторялись уже много раз в сибирской прессе. Остава-

ясь без объяснений и опровержений, они, в конце-концов, приучили бы сибирскую публику верить этим басням. В последние годы то же стали печатать и в столичных газетах, Так, напр[имер], в 310 номере газеты «Русская жизнь» (15-го ноября 1892 г.) была напечатана корреспонденция из Томска, где в начале статьи сказано: «При первой вести о Сибирском университете более полумиллиона рублей частных пожертвований стеклось тотчас же, и это дало возможность начать постройку». На самом деле постройка университетских зданий производилась, главнейшим образом, на средства государственного казначейства, а не на частные пожертвования сибиряков. Из общей суммы 975 тыс. руб., израсходованных на это (с включением здания клиник), на долю казны приходится 612 т[ыс.] руб., а на частные пожертвования 362.923 руб. Притом эта последняя сумма составилась, главным образом, из двух крупных пожертвований: одно из них в 182 тыс. принадлежит Павлу Григорьевичу Демидову (не сибиряку), другое Захару Михайловичу Цибульскому, 140 тыс.[1] Остальные вклады на постройку университета выразились скромными цифрами. Самый крупный из них, 25 т[ыс]. руб., принадлежит Томской городской думе, 10 т[ыс]. руб. – г[осподину] Трапезникову (живущему в Москве), 3.000 руб. – барнаульскому купцу Сухову, 2.500 руб. – Сабашникову, 1.000 руб. – бийскому купцу Соколову, 1.000 руб. – Немчинову, 1.000 руб. – Кулакову; при закладке университета пожертвовано городскими обществами Барнаульским, Бийским, Семипалатинским и Минусинским по 1.000 руб., остальное выражается сотнями рублей.

Та же тенденциозная недомолвка видна и в дальнейших выражениях статьи: «Множество библиотек поступило в распоряжение Томского университета, как и частных коллекций». Здесь, очевидно, с умыслом, не упомянуто, откуда поступили эти библиотеки и коллекции, так как подробные сведения об этом были небезизвестны томичам из напечатанных мной ко дню открытия университета и клиник двух исторических записок. Наша библиотека и музеи действительно обладали замечательными сокровищами еще до открытия университета, но все они поступили из Европейской России, преимущественно из Петербурга, Москвы и Казани, благодаря моему старанию. Сибирь в этом отношении не могла дать ничего

[1] Из этой суммы 6 т[ыс.] руб. было заплачено за составление планов Сибирского университета архитекторам Бруни и Жиберу и 4000 руб. выдано на путевое пособие строителям университета Арнольду и Нарановичу.

ценного, потому что сама ничего не имела. Исключение здесь составляют только минералогические коллекции горного инженера Иванова, бывшего начальника Змеевского рудника на Алтае, и коллекция, собранная в Восточной и Западной Сибири горными инженерами, приобретенная на средства З.М. Цибульского.

Сравнительно охотнее сибиряки жертвовали на стипендии, но и эти суммы стали заметно возрастать только после открытия университета. До 1888 г. Томский университет располагал следующими стипендиальными капиталами: 1) капитал в 21.730 руб. (считая, в том числе, и прирост процентами) имени графа Н.П. Игнатьева, собранный в 1879 г. нижегородским ярмарочным купечеством; 2) 7.297 руб., собранные ирбитским ярмарочным купечеством на стипендии полковника Е.Б. Богдановича; 3) 7.232 р[уб]., пожертвованные Тобольским городским обществом на стипендию в Бозе почившего государя Александра II; 4) 6.037 руб., собранные проживающими в Москве сибиряками в 1881 г. в память трехсотлетия завоевания Сибири; 5) 10 т[ыс]. руб., пожертвованные па стипендии братьями Зензиновыми, живущими в Москве; 6) Ин[нокентий] Мих[айлович] Сибиряков пожертвовал 6.570 руб. на стипендии имени Кладищевой; 7) 25.317 руб., пожертвованные на стипендии З.М. Цибульским; 8) жителями Томской губернии собрано на стипендии по подписке 3.828 руб. и 9) фельдшером Васильевым завещано на тот же предмет 2.248 руб.[1]

Из приведенных сведений видно, что даже стипендиальные капиталы в большинстве случаев собирались до открытия университета вне Сибири, преимущественно по инициативе просвещенных москвичей.

Какая была цель у сибирской прессы упорно искажать все факты, относящиеся к Томскому университету, об этом я не буду высказывать никаких предположений. Может быть, со временем сама жизнь даст на это ответ, ибо думается мне, что литературные стрелы заготовлялись не для борьбы с покойным Строительным комитетом и в частности лично со мной, а для вооружения грядущих поколений учащихся сибиряков, призванных культивировать темные сибирские дебри.

[1] Все перечисленные капиталы показаны с наросшими на них по 1-е июля 1888 г. процентами.

Часть вторая

I

Путь от Казани до Тобольска. – Самовольное завладение ночлегом в чужом доме. – Тюмень и местная промышленность. – Плавание на пароходе до Тобольска. – Описание Тобольска. – По широкому раздолью сибирских рек. – Будущность Сибири

В первый раз я выехал из Казани в Томск 14 мая 1880 г. Такая отдаленная поездка в неизвестный для меня край, о котором много раз приходилось читать и слышать самые разноречивые рассказы, естественно возбуждала живое любопытство. Лица, возвращавшиеся из Сибири, сообщали о ней свои впечатления, то скорбные и угрюмые, то полные очарования и светлых надежд на будущее этой страны, смотря по тому, при каких условиях совершалось добровольное или невольное пребывание в этой, прославившейся ссылкою и золотом, русской окраине. Человек, попавший в Сибирь не по своей воле или испытавший в ней много нужды и горя, неизбежно будет окрашивать свои воспоминания темными красками. Более правдивые сведения сообщали добровольные туристы или служившие там образованные чиновники, но и их описания не всегда верны и беспристрастны. В данном случае многое зависит от точки зрения наблюдателя и, отчасти, от его расположения духа. Чтобы лично проверить все мною прежде слышанное и читанное о Сибири, с которою судьба, по-видимому, связывает меня на продолжительный срок, я запасся на дорогу письменными принадлежностями, чтобы занести в тетрадь живые сведения и личные впечатления.

Сибирское путешествие начинается собственно с Екатеринбурга, как первого города Азиатской России, где приходится собираться в путь на азиатский лад, запасаясь тарантасами и другими дорожными принадлежностями. По этой причине здесь пришлось остановиться на целые сутки. С городом я был давно знаком, и еще с детства он производил на меня приятное впечатление своим красивым местоположением, отличными постройками, правильностью и чистотою улиц. На этот раз мне было особенно приятно показать Екатеринбург в возможно лучшем свете своей семье, которая здесь еще не бывала. Мы посетили более замечательные места – женский монастырь, соборы, гранильную фабрику, городской сад, лучшие улицы и магазины.

Около 5 ч вечера, 19 мая отправились в дальнейший путь, в двух проходных экипажах, в одном ехали сами, в другом дорожные вещи и горничная девушка. Первые 3–4 станции проезжать было очень приятно: дорога хорошая, везут отлично, окрестные места живописны и разнообразны. Ночь была ясная и теплая. Несмотря на некоторое утомление, первая половина тарантасного пути, до Камышлова, имела вид приятной прогулки; но в Камышлове с раннего утра пошел дождь, преследовавший нас до самой Тюмени. По Пермской губернии виден был еще благоустроенный путь, но начиная с Марковской станции, мы сразу почувствовали, что въезжаем в Сибирь. Долго буду помнить это первое впечатление. От Марковской местность резко меняется: дорога проходит густым лесом по отлогой покати. Так и кажется, что с каждой верстой мы углубляемся в какую-то засасывающую трясину. Густой хвойный лес сменился болотом, через которое безобразной, изрытой, черной полосой извивается скверная хлябь, называемая большим Сибирским трактом. При въезде в эту болотину поставлен каменный столб, обозначающий границу между Пермскою и Тобольскою губерниями (в 9–10 верстах от Марковской). У ямщиков почему-то принято за обычай трепетно остановиться на этом пункте. Многие путешественники выходят из экипажа, чтобы посмотреть на этот печальный столб и воочию убедиться, что отсюда начинается Сибирь. Для людей, не бывавших в Сибири, знакомых с нею только по рассказам и описаниям, Тобольская пограничная черта производит удручающее впечатление. Нового человека здесь сразу обдает холодом после благоустроенных, привольных и веселых мест Пермской губернии. Прежде всего, поражает злосчастный столб, испещренный нацарапанными безграмотными надписями бродяг и беглых каторжников. Подобно тому, как счастливые туристы оставляют на память свои имена на посещенных ими более замечательных пунктах прославленных мест Западной Европы; сибирские бродяги, или по-здешнему варнаки, избрали местом для таких же отметок вышеупомянутый столб. Очень сожалею, что не списал дословно помещенных здесь характерных изречений. Они были в таком роде: «Иван из Кары, прошел здесь 27-го июня» или «Здрастуй Рассия, прощай Сибирь». Попадались также надписи ругательного или угрожающего свойства. Общий колорит их далеко не веселый.

От границы Тобольской губ[ернии] до Тюмени приходится проехать три утомительных и длинных станции. По случаю дождя, до-

рога была невозможная; хуже всего по болотистым местам, где настланы гати, большею частью разбитые, исковерканные. Впрочем, и по местам более возвышенным взрытый колеями черноземный грунт был не многим лучше. Ехать приходилось почти шагом, с опасностью на каждом шагу опрокинуться. Не видно никаких признаков, чтобы дорога ремонтировалась: ни песку, ни гальки, ни щебня нет на ней и следа; мосты устроены грубо, аляповато, большею частью не крашеные. При сравнении с пермским шоссированным и исправным трактом, невольно приходишь к заключению, что дрянное состояние тюменского участка зависит не столько от природных условий, сколько от сибирского неряшества.

В Тюмень приехали 21 мая около 4-х часов утра. Единственная в городе «Европейская гостиница» оказалась переполненной чающими движения парохода. По совету ямщика отправились искать приюта в каких-то номерах, но там оказалось нечто невозможное. В дрянном деревянном доме, вроде постоялого двора, сонный мужик (хозяин или дворник) указал мне большую комнату без всякой мебели, пол которой был покрыт спящими человеческими телами. Надо было шагать через эту живую настилку, чтобы добраться до другой смежной комнаты, в которой тоже были спящие на полу, но один уголок оставался свободным. Его-то и предлагали занять в ожидании прибытия томского парохода. Понятно, что я отказался от такой чести и был немало удивлен, что многие из ночующих в этом ночлежном доме, судя по разложенным туалетным принадлежностям, были не из чернорабочего класса. Неужели необходимость заставила их, за неимением другого помещения, довольствоваться таким грязным сараем. Невеселое предзнаменование в начале нашего сибирского странствования!

Остановиться все-таки где-нибудь было нужно. Почтовая станция слишком далеко от пароходной пристани, на противоположном конце города (более трех верст). Ехать туда по невылазной уличной грязи, со слабой надеждой найти какое-нибудь временное помещение мы не решились. В раздумье, не зная, что делать и куда преклонить голову, мы решились, по совету опытного сибиряка, горного инженера Н[иколая] Григ[орьевича] Пермикина, очутившегося в том же положении и случайно с нами познакомившегося на одной из предыдущих станций, – заехать в ближайший обывательский дом. Как ни казалось странным с непривычки, такое самовольное втор-

жение в чужую, нимало не знакомую нам квартиру, но мы поступили именно так. Ямщики отворили ворота, въехали во двор и стали развязывать багажный возок. Мы с Пермикиным тем временем вошли в незапертые сени. В первых трех комнатах не оказалось ни одной живой души, в четвертой на двух спальной широкой кровати мирно почивал хозяин с хозяйкой. Будить их было неудобно. Возвратившись назад, мы увидели, что наш багаж уже распакован и вынесен на крылечко. После того, по совету Н[иколая] Гр[игорьевича], мы преспокойно расположились в трех пустых комнатах, как у себя дома, и утомленные путешествием и проведенными перед этим двумя бессонными ночами, уснули крепким сном, кто на дощатом диванчике, кто на составленных стульях, кто на полу, разостлав пледы. Около 8 часов утра слышу, приотворяется дверь, высовывается голова вставшего хозяина. Он просит позволения войти в занятую нами комнату, чтобы взять какие-то нужные вещи. Я извиняюсь за наш самовольный поступок, но оказывается, что в Тюмени, действительно, это дело привычное. Хозяин не только не был в обиде, а напротив был рад посетителям. Так мы и остались здесь на целые сутки в ожидании парохода. Выбранный нами дом, недалеко от пристани, на горе около спуска, принадлежал одному из гласных городской думы, тюменскому мещанину, человеку очень любезному, словоохотливому и не особенно корыстолюбивому. За постой с обедом я заплатил ему 10 руб., и он остался этим очень доволен.

Сутки, проведенные в Тюмени, мы употребили на осмотр города. По правде сказать, и осматривать было нечего, кроме строящегося реального училища (на средства купца Подаруева) и загородного сада. Училище вчерне было уже окончено. Оно представляет собой красивое каменное двухэтажное здание, в лучшей части города, на так называемой Царской улице. Для Тюмени такое щедрое пожертвование – большая находка. Оно было бы в пору любому губернскому городу. Меня, естественно, более всего интересовали условия строительных работ. По этому поводу я вел переговоры с десятником строящегося здания и с некоторыми рабочими. Оказалось, что кирпич в Тюмени стоит 6–8 руб. 1000, кладка 4–5 р[уб]. с тысячи, известь 20–25 к[оп]. пуд, бутового камня совсем нет, фундаменты выложены из кирпича, каменщики выписаны из Екатеринбурга, чернорабочим платят 60–80 коп. в день. Все это не лишне принять к сведению при предстоящей постройке университета.

Кроме здания реального училища, тот же Подаруев выстроил на свой счет и подарил городу водопровод. Вода взята из реки Туры и разведена по площадям в бассейны и разборные краны. Принимая в расчет очень высокий и крутой берег, на котором расположен город, такое снабжение водою весьма важно, особенно в пожарном отношении. Жаль, что туринская вода очень загрязнена кожевенными заводами. В ней попадаются волосы от вымачиваемых кож и блестки жира, но жители уверяют, что для питья она безвредна.

В Тюмени много старинных каменных церквей, некоторые из них довольно красивы. Немало хороших каменных домов, но они разбросаны в одиночку между массою деревянных зданий, потому не дают общего впечатления. Улицы широкие, но невообразимо грязные. В дождливую пору по ним, как по грунтовым дорогам сибирского тракта, едва возможно проехать. Черноземные колеи глубиной чуть не в пол-аршина. Никаких следов мощения нет, и не было. По сторонам главных улиц проложены деревянные мостки, содержимые далеко не исправно. Нередко линия их прерывается, или они настолько ветхи, что опасно ходить. По главной улице, которая носит название Царской, есть хорошие магазины. Гостиный двор каменный, но безобразный. Из местных произведений известны тюменские ковры, недурных цветов и рисунков, но очень непрочные. Цены их от 3 до 10 руб., смотря по величине. Их употребляют чаще всего для покрывания сундуков в купеческих и мещанских домах, а также вместо попон для лошадей. Мы купили в Екатеринбурге для дороги два таких ковра.

Загородный сад представляет собой частью естественную, частью подсаженную рощу, преимущественно хвойных деревьев (пихта и ель) с просеками, площадками и двумя или тремя аллеями. Здесь же устроен деревянный ресторанчик и кегли. Тени достаточно. Вид на Туру довольно красив, но ехать в этот сад (версты две от города) по изрытой дороге не составляет никакого удовольствия. В самой Тюмени, при домах, садов почти совсем нет. Только в некоторых церковных оградах можно еще найти по десятку старых развесистых берез. Крытых извозчичьих экипажей нет ни одного; даже нет обыкновенных дрожек. Все ездят на так называемых долгушах, тряских и неудобных. На них садятся с одной стороны, как на скамейку. Для упора ног имеются подножки во всю длину линейки (долгуши). Фартуков не полагается, поэтому седока со всех сторон

обдает грязью. Такие же долгуши на деревянных дрожинах в большом ходу у пермских извозчиков. В Екатеринбурге их гораздо меньше (там предпочитаются линейки, иногда даже крытые, с откидным верхом). Большинство тюменских обывателей-мещан ездят по городу в простых телегах. Этот более надежный и безопасный способ передвижения вполне соответствует состоянию городских улиц.

Сам по себе город (Тюмень) далеко не беден и внешнее его благоустройство могло бы быть доведено до значительного совершенства, если бы люди, заправляющие городским хозяйством, были пограмотнее и поэнергичнее. Между тем, несмотря на 300-летнюю историю города, он до сих пор остается не более, как обширным торговым селом, где о городских потребностях никто не думает и даже никто их не сознает. Занимая очень выгодное положение как начальный пункт народного движения по системе сибирских рек, Тюмень держит в своих руках обширную операцию по доставке грузов между Камою и Турою. Миллионы пудов, доставляемых ежегодно на пристань, или проходящих зимой через Тюмень по главному сибирскому тракту, дают в пользу города весьма значительный повозный сбор. К этой же транспортной операции приурочена кустарная промышленность тюменских мещан, именно заготовка громадного числа телег и обозной сбруи. Издавна существующие в Тюмени кожевенные заводы дают возможность развить здесь другую немаловажную отрасль кустарного дела – приготовление обуви и рукавиц. Тюменские ковры дают работу преимущественно женщинам, не только в самом городе, но и по окрестным деревням.

Из частных предприятий в Тюмени наиболее выдающееся значение имеет завод Игнатова и Курбатова для постройки пароходов. Он находится на левом берегу Туры в 3–4-х верстах ниже города. Здесь работают не только корпуса, но и все машинные металлические части, так что плавающие ныне по Обской системе рек пароходы и баржи с полною отделкою выпускаются по преимуществу из этого завода. Это полезное предприятие Игнатова и Курбатова дало весьма заметный толчок развитию судоходства по сибирским рекам, которое с каждым годом должно развиваться больше и больше. В настоящее время всех действующих здесь пароходов считается около 30, из них наилучшие принадлежат товариществу Игнатова и Курбатова, именно: «Рейтерн», «Косаговский», «Беленченко» (существующие с 1871 г.; каждый из них в 120 сил, длина корпуса 220 фу-

тов). Той же компании принадлежат мелко сидящие пароходы: «Капитанов» и «Фортуна», в 35–40 сил и 140–150 футов длины, предназначенные для плавания по Туре на случай мелководья.

Только одна эта компания поддерживает срочное пассажирское пароходство между Тюменью и Томском, вместе с перевозкою арестантов на особой барже, остальные же пароходы (купцов Корнилова, Плотникова, Ширкова и др.) служат исключительно для буксировки грузов и срочных рейсов не делают. Пароходы Курбатова и Игнатова отходят из Тюмени раз в две недели; в Томск приходят через 9–10 дней. Навигация по сибирским рекам открывается около 20-го мая и прекращается в конце сентября.

22-го мая услышали свисток подходящего парохода. То был, действительно, давно ожидаемый «Рейтерн», на котором мы должны были совершить наше путешествие до Томска. Билетами на отдельную каюту мы запаслись заблаговременно по телеграфу из Перми, и в этом отношении были покойны. Пароходы Курбатова и Игнатова отходят из Тюмени по расписанию в 3 часа ночи, но мы, конечно, перебрались туда с вечера, чтобы устроиться не торопясь в новом помещении, где предстояло провести не менее 8–9 суток. После роскошных волжских и камских пароходов сибирский их собрат по первому впечатлению показался очень невзрачным. Рубка тесна, каюты убогие, вся обстановка более чем скромная. Но, все-таки, мы благодарили судьбу, что имеем возможность плыть по воде, а не по грунтовой грязи сибирского тракта. За трехместную каюту первого класса пришлось заплатить от Тюмени до Томска 75 руб., за место во 2-м классе для горничной девушки 15 руб. и за багаж по 1 руб. с пуда. Места на пароходе были все заняты. Особенно оказался переполненным 3-й класс, в котором, на палубе, под открытым небом, расположились преимущественно переселенцы с женами и детьми. Их было принято столько, сколько можно было втиснуть, так что вся поверхность палубы буквально была покрыта сидящими и лежащими человеческими телами и кошелями их убогого скарба. За билет в 3-м классе взрослые платили по 7 руб., не пользуясь решительно никакими удобствами. Во втором классе также было переполнено; в рубке и в общей каюте первого класса несколько посвободнее, но все же тесно. За пароходом на буксире идет арестантская баржа, в которой помещается до 700 человек ссыльных. За перевозку их до Томска правительство уплачивает компании Курбатова и Игнатова

по 8 руб. с человека, но арестанты помещены лучше переселенцев. Над палубой их борта имеется крыша, защищающая их от дождя, боковые стороны затянуты решетками из толстой проволоки и парусиновым брезентом и в холодные ночи они могут укрыться внутри баржи, где устроены нары для спанья. С арестантами отправляется конвойный офицер, доктор или фельдшер; есть лазарет и аптечка.

Если справедливо, как мне передавали, что на барже помещается 700 человек, с платою по 8 р[уб]., то на одной этой статье компания должна выручить в один конец более 5 т[ыс]. и примерно столько же с пассажиров парохода. Операция крайне выгодная, тем более, если принять во внимание, что вольные и невольные пассажиры здесь гарантированы на всю навигацию, а отопление парохода (дрова) на пути его следования крайне дешево. При всем том говорят, что на постройку пароходов и арестантских барж компания Курбатова получила еще значительную субсидию от М[инистерст]ва внутр[енних] дел. По этой причине и выстроенным пароходам дали названия в честь лиц, оборудовавших это дело (Рейтерн – мин[истр] финансов, Косаговский и Беленченко − чиновники, ведающие пересыльною частью).

До поздней ночи на пароходе продолжалась невообразимая сутолока. Кроме отправляющихся в дальний путь, суетящихся по поводу дорожных сборов и припасов, было немало провожающих и еще больше праздных зевак. То и дело приходили и уходили новые лица, и нет ничего удивительного, что в этой суматохе каждый пассажир должен был зорко охранять свои вещи. Утомленные этим гамом, часов около 11, мы отправились в каюту спать. Выйдя в рубку к утреннему чаю, мы были уже близ устья Туры (у деревни Артамоновой), а на следующий день прибыли в Тобольск.

Издали Тобольск довольно красив. Расположенный, как и большинство русских городов, при слиянии двух рек – величественного Иртыша и Тобола, в половодье он кажется точно приморским городом: левый берег настолько залит весенним разливом, что совсем не видно твердой земли. Только выдающиеся кустарники, как острова, показывают, что здесь была суша.

Город расположен на правой стороне Иртыша и разделяется на две половины: верхняя – на крутой и высокой горе, где красуется белый кремль, с высокими зубчатыми стенами и башнями, – многоглавые соборы и здания присутственных мест. Нижняя, или торго-

вая, часть лежит у подошвы горы, у самого берега реки. Здесь так же, прежде всего, бросаются в глаза многочисленные каменные церкви, семинария, большой губернаторский дом и много хороших каменных обывательских построек. Стоявшие у пристани (случайно) два парохода, десяток барж и барок, топы народа и извозчика берегу давали впечатление заправского, торгового, оживленного города. Вспоминая прошлую историю Тобольска, можно было подумать, что он и до сих пор служит столицею Сибирского царства. Но этот мираж исчезает, как только вы сходите на берег и ознакомитесь с закулисною стороною отжившего величия. То, что казалось красивым и величественным издали, действительно красиво, – это храмы Божии и старые правительственные постройки; все же остальное, новое, обывательское, носит печать мещанского пошиба. Тобольск видимо падает. Созданный и возвеличенный административною властью, в ней одной он находит источник жизни; но с уничтожением наместничества, а в новейшее время с переводом генерал-губернаторства в Омск, он превратился в будничный захолустный городок.

Наш пароход останавливается в Тобольске на 3 часа. Выйдя на берег, мы тотчас же взяли извозчика осматривать город. Первое, что здесь бросается в глаза, – это своеобразная мостовая из толстых плах (досок), которыми выстланы все улицы нижних кварталов. Такая настилка напоминает сибирские постоялые дворы. Если бы она содержалась исправно, то такие мостовые можно было бы считать целесообразными; но беда вся в том, что доски, укладываемые на болотистой почве, очень скоро гниют и проваливаются; поэтому, при неаккуратном ремонте, езда по ним хуже, чем по испорченной части. Колесо то и дело попадает в битые щели и ямы. В летние жары деревянные мостовые должны быть очень опасны в пожарном отношении, тем более что большая часть городских строений также деревянные. Не от того ли Тобольск так прославился грандиозными историческими пожарами?

В нижней части города нет ничего достопримечательного. Улицы содержатся неопрятно, площади изображают собой болотистые пустыри; там, где нет дощатой настилки, невозможно ни пройти, ни проехать. По главной улице, где стоит губернаторский дом, наберется 5–6 купеческих каменных домов приличной наружности, остальные постройки маленькие, деревянные. Замечательно, что стены многих каменных строений дали большие трещины. Такие прорехи

свежему человеку невольно бросаются в глаза; тоболяки, вероятно, к этому привыкли и не боятся, что здания могут обрушиться. Надо полагать, что трещины происходят вследствие осадки болотистого грунта, или дурного качества фундаментов. Твердого бутового камня в фундаментах Тобольска так же, как и в Тюмени, совсем нет. Фундаменты строят кирпичные.

Из нижней части города извозчик повез нас на гору, посмотреть памятник Ермаку и ссыльный углицкий колокол. Это, кажется, единственные достопримечательности Тобольска. Въезд на гору устроен довольно удобно. Почти в отвесной круче сделана громадная выемка земли, откосы обложены дерном, а полотно дороги так же, как и улицы, вымощены досками. Это и есть известный в летописях Тобольска Прямской въезд, сооруженный еще в цветущее время тобольского наместничества. Без такого подъема сообщение между верхней и нижней частью города было бы крайне затруднительно, хотя и теперь подъем все же очень крут. По левую сторону этой искусственной траншеи, на самой горе, стоит кремль и соборы, а по правую сторону, на мысу – памятник Ермаку, вокруг которого разбит небольшой сквер. Вид с этого пункта очень красив: под ногами раскидывается панорама нижнего города, а далее стелется необозримая площадь воды (при весеннем разливе) и широкая, величественная лента Иртыша. Самый памятник не представляет ничего особенного. Это мраморный обелиск екатеринбургской работы, довольно значительных размеров, но не выражающий собою ни художественного вкуса, ни идеи. В таком роде зачастую можно встретить на провинциальных кладбищах могильные памятники, – разница только в размерах, но не в форме. Может быть, и это правильнее считать могильным монументом в память исчезнувшего величия Тобольска. Вместо имени Ермака здесь следовало бы написать: «Sic transit Gloria mundi!».

Мыс, на котором стоит памятник, довольно узок. По одну его сторону лежит вышеупомянутая выемка Прямского въезда, по другую – глубокий овраг, вроде ущелья, по дну которого течет скудная реченка Курдюмка. За этим оврагом такой же вышины другой мыс, называемый Паней бугор. Он совершенно пустой, обнаженный, как голый череп, с крайне крутым подъемом. Название свое он получил, говорят, от того, что здесь когда-то существовало католическое кладбище. Следует заметить, что прозвище этого бугра существова-

ло уже в конце XVII в., как обозначено на плане Тобольска того времени. В имеющемся у меня точном снимке с этого плана (1698 г.) бугор носит имя Банина и на нем отмечена стоящая часовня.

Второю примечательностью Тобольска считается углицкий колокол. Этот колокол, 19 ½ пуд. весу, в настоящее время висит на особой деревянной колоколенке (4 столба, покрытые навесом с помостом), близ архиерейского дома, в Кремле. Внимание проезжающих привлекается к нему надписью, вырезанною в конце прошлого столетия по приказанию тобольского архиепископа Варлаама. Надпись эта следующая: «Сей колокол, в который били в набат при убиении царевича Дмитрия, в 1593 г. прислан из города Углича в Сибирь в ссылку, в город Тобольск, к церкви Всемилостивейшего Спаса, что на торгу, и потом на Софийской колокольне был часобитный». Воспроизведенная здесь история колокола, очевидно, передается по преданию, а не на основании каких-либо документов. Предание же, по моему мнению, здесь не вполне согласно с историей. Известно, что Тобольский острог (деревянная крепость) был основан Чулковым в 1587 г. Трудно предположить, что спустя 4 года после этого (убиение царевича Дмитрия, 15 мая 1591 г.) у Годунова явилась мысль о такой необыкновенной ссылке в только что возникший город. Правдоподобнее было бы предполагать, что это был не ссыльный колокол, наказанный кнутом с отсечением одного уха, а один из тех дарственных вкладов, которые нередко благочестивые цари посылали в отдаленные города и инородческие земли, где предполагалось водворить христианство. Может быть, это, действительно, был первый колокол, присланный в новосозданную деревянную крепость. В 1643 г. Тобольский острог постройки Чулкова весь выгорел. Пожары повторялись и после того много раз. Может быть, при одном из них колокол упал и отбил себе ухо, что и послужило поводом для легенды. Если бы это была не позднейшая легенда, а действительное событие, то оно, по своей необычайности, было бы занесено в Сибирские летописи, тем более что они составлялись по самым свежим воспоминаниям тут же в Тобольске и при участии таких лиц, как архиепископ Киприан (1624) и Савва Есипов. Страленберг, Спафарий и другие просвещенные писатели, жившие в Тобольске или проезжавшие через него, также о ссыльном колоколе не упоминают. О нем особенно стали трубить после того, как сделана была вышеупомянутая надпись. Почему-то она пришлась по вкусу

тоболякам, что они точно гордятся этим сомнительным событием. Каждого туриста непременно везут показать эту диковинку. Корноухий колокол изображают на разных изделиях и на фотографиях, о нем трактуют во всякой книжке, где только говорится о Тобольске. На меня все это производит грустное впечатление. Неужели, в самом деле, в древней столице Сибири нет более симпатичных воспоминаний, как кнут, ссылка, рваная ноздря и виселица. Неужели это должно служить эмблемою сибирского царства и радовать нас, что даже звук первого благовеста в первом сибирском храме раздавался не из освященного колокола, а из отверженного, наказанного и сосланного на заточение. При таком жалком пессимизме можно действительно подумать, что Сибирь проклятая страна, с первых дней осужденная для ссылки и каторги, что в ней нет ни светлого прошлого, ни отрадного будущего.

Раздавшийся с парохода первый свисток заставил нас прекратить дальнейший осмотр кремля и соборов и поторопиться к пристани. Через ¼ часа мы были уже на пароходе, а вскоре затем сняли сходни, зашумели колеса, и мы двинулись в дальнейший путь. Оставляя город, в первый раз мною осмотренный, но давно знакомый по историческим описаниям, я вышел на верхнюю палубу, чтобы еще раз полюбоваться на красивую панораму Тобольска. Издали особенно хороша его верхняя часть, с белыми стенами кремля, соборами и правительственными зданиями, точно уходящими в небо над высоким обрывистым берегом реки. И думалось мне: когда в первый раз выходила Ермакова дружина из Тобола в Иртыш против этих самых круч, не вспоминались ли комунибудь из них слова начальной летописи преподобного Нестора, вложенные в уста апостолу Андрею: «Видите ли горы сии, на сих горах воссияет благодать Божия»! Идея этой благодати должна была воодушевить на подвиг. Разбойник, вне закона, явился орудием Промысла, указавшего России предельный рост ее могучего организма, от западного моря до восточного. Как прежде, на берегах Днепра, на пути из варяг в греки, св[ятая] София приняла под свое покровительство южные пределы славянства, так и здесь, на берегах Иртыша, тоже св[ятая] София указывала неведомый путь в полнощные страны и в области восходящего солнца. На высотах Тобольска впервые было водружено ее святое знамя и отсюда свет христианства должен был разливаться по далекой северо-восточной Азии[1].

[1] Первый каменный храм в Тобольске (и во всей Сибири) был построен митрополитом Павлом в 1683 г., освящен во имя Софии – премудрости Божией в 1686 г. Это нынеш-

В продолжение двух с половиною веков Тобольск, действительно, был «матерью городов сибирских», столицей сибирского царства. Отсюда началась сибирская история, ознаменовавшая себя не ссылкой и каторгой, а рядом изумительных подвигов первых пионеров русской народной силы, прорезавших на утлых ладьях необозримые пространства невиданных земель, до устья Амура и до Камчатки включительно. Эти подвиги почти равносильны открытию Америки и доставили одной России не меньше запас территории, какой дал Колумб всей Европе. Значение Сибири в этом отношении далеко еще не оценено по достоинству. Только будущие наши поколения поймут, какую услугу оказали Ермак и его последователи русскому народу, обеспечив ему простор расселения на много столетий вперед и инстинктивно указав, что будущие исторические задачи России должны быть связаны не с классическим западом, а с далеким востоком. Китай, Япония и Америка – вот наши взаимодействующие соседи. Центр всемирной истории будущих столетий (может быть, скорее, чем нам теперь кажется) должен переместиться с европейских морей на восточные побережья Тихого океана. При посредстве Сибири Россия, как ближайшая соседка Китая и Японии, должна занять в отношении этих стран то же руководящее положение, какому она подчиняется ныне в отношении к Западной Европе, а с Америкой, через Берингов пролив, она должна вступить в культурное общение, как равная с равным. Все это дело будущего, но будущего возможного. Для приближения его Сибири нужно осуществить три грандиозные задачи: 1) населить ее пустыри трудолюбивым народом из добровольных переселенцев; 2) провести от Волги до Амура железную дорогу и благоустроить водные пути сообщения и 3) дать Сибири собственные центры просвещения. Все это рано или поздно должно осуществиться. Хорошо, если бы это совершилось не поздно!

Замечтавшись о судьбах Сибири при прощальном взгляде на Тобольск, я невольно переношу свои мысли опять на этот обиженный город, золотые маковки которого все еще видны с верхней палубы уходящего парохода. Падающий город, все равно как заглохший сад или покосившийся дом, как все, носящее признаки запустения и при-

---

ний Софийский собор. До него все церкви были деревянные, уничтоженные впоследствии пожарами. Первая деревянная церковь в Тобольском остроге была освящена во имя Всемилостивейшего Спаса.

ближающейся смерти, производит грустное впечатление. Когда переживает свою славу человек, или мельчает и вырождается некогда знаменитый род, этому можно найти оправдание в ограниченности человеческих сил. Но когда медленной смертью умирает некогда знаменитый город, дни которого не ограничены, как дни человеческой жизни, это служит признаком либо упадка народного духа, либо доказательством исторической ошибки в выборе пункта для основания таких центральных мест. В отношении к Тобольску могла иметь место и другая причина, но при всем том я думаю, что невзгода, ныне постигшая этот захудалый город, есть только временная. Правда, он не может вернуть себе прежнего значения столицы всей Сибири, но может снова сделаться богатым и многолюдным, торговым и промышленным городом. В нем существует для этого достаточно благоприятствующих условий: 1) многоводная река Иртыш, связывающая Тобольск с далеким югом и крайним севером. Только из Тобольска, а никак не из Тюмени, может со временем развиться в широких размерах пароходство по рекам Западной Сибири. Здесь должен быть исходный пункт этого движения и центр судостроения, а не на безводной Туре. Поэтому, 2) можно ожидать, что в непродолжительном времени Тобольск будет непосредственно связан с Уральскою железною дорогою, из Тагила, или Кушвы, через Ирбит, либо Туринск. Эта линия, соединяя кратчайшим путем Иртыш с Камою, сразу подняла бы Тобольск до степени первоклассного сибирского города. Вместе с тем он, естественно, взял бы в свои руки все северные и морские промыслы, которые, при благоприятных условиях, могли бы дать не только Тобольску, но и всей России громадные богатства; 3) в случае осуществления северного морского пути, о котором теперь так хлопочут М.К. Сидоров и А.М. Сибиряков, не жалея личных средств, наибольшая выгода от этого открытия досталась бы на долю Тобольска. Считать же этот проект неосуществимым, мне кажется, нет основания. Если не через Обскую губу и Карское море, то через Березовскую Сосьву и Печору, хотя бы при посредстве конно-железной дороги на коротком уральском перевале, все же можно дать удобный выход с Иртыша и Оби в свободный Северный океан. Все это дело близкого будущего.

При более счастливых временах и сам Тобольск выработал бы в себе более благоприятные условия жизни. Теперь его упрекают в том, что в нагорной части он страдает от недостатка воды, а в под-

горной – от ее избытка. Но это дело легко поправимо: водопровод на горе, канализация и набережная в нижней части – вот и все, что ему нужно. По условиям местоположения это был бы второй Нижний Новгород. Да, все это было бы возможно, если б в самом русском человеке было поменьше пессимизма, духа вражды, противоречия и подчас какого-то непонятного злорадства при виде развенчанных кумиров.

Кроме воспоминаний о сибирской истории, Тобольск доставил мне и другое удовольствие: спустившись в рубку, я узнал, что значительная часть пассажиров первого класса сошла в этом городе. Это обстоятельство имело немаловажное значение для тех, кто обречен был еще целую неделю оставаться в тесном пространстве пароходных кают, или в незнакомой толпе разнохарактерных и не всегда приятных спутников. Сошли большею частью купцы, вероятно тюменские, либо тобольские обыватели. В общей каюте и рубке сделалось гораздо свободнее, а два отдельных номера оказались совершенно пустыми, куда я перебрался с своим багажом и письменными принадлежностями, зная, что до самого Томска в этих пустынных краях новых пассажиров ожидать нельзя. Это значительно облегчило дальнейшее путешествие и сделало его тем более приятным, что в числе оставшихся оказались большей частью люди интеллигентные, с которыми мы и не замедлили познакомиться, составив впоследствии тесный, почти неразлучный кружок. В числе их находились: уже ранее известный нам Н.Г. Пермикин и двое молодых людей, недавно окончивших курс в Александровском лицее, граф Стенбок и Колосовский, решившиеся предпринять кругосветное путешествие через Сибирь. Пермикин, как горный инженер, владелец Абаканского железоделательного завода в Минусинском крае, сибирский старожил, много путешествовавший по Сибири и много видевший, оказался весьма поучительным собеседником. Стенбок и Колосовский, богатые и образованные туристы, едущие теперь на Амур и в Уссурийский край, как любители сильных ощущений, также были весьма занимательными членами нашей компании. Кроме нас, в числе первоклассных пассажиров находились три или четыре купеческих семейств, занимавших отдельные каюты и редко показывавшихся в общей рубке, которою мы, в силу таких обстоятельств, завладели как собственною квартирою. По столам разложили справочные и литературные книги, по стенам развесили имевшиеся у нас в запасе географические карты – и время пошло незаметно, день за днем, между разговором и чтением.

Иртыш по ширине и красоте берегов напоминает Каму. У Тобольска ширина его до 300 сажень в меженную воду; далее, к Демьянску и Самарову он увеличивается чуть не вдвое. Глубина реки, по рассказам нашего капитана, не меньше 3–5 сажень, а в некоторых местах до 10 сажень. Мелей и перекатов не встречается. Дно всюду песчаное или песчано-глинистое. Подводных камней – ни одного. Также и в берегах не видно ни одного прослойка какой-либо твердой каменистой породы – один песок и глина. В этом отношении плавание совершенно безопасно; разве карча (обвалившееся в воду большое дерево) могла бы попасть под киль парохода, но по Иртышу и эта случайность безопасна, так как крупный лес близко подходит к реке только со стороны правого берега, где глубина очень велика.

Правый берег на всем протяжении высок и обрывист. В иных местах он представляет почти вертикальную стену в 30–50 сажень вышины, кое-где прорезанную глубокими оврагами. Как берег, так и овраги, почти сплошь покрыты хвойным лесом, большей частью сосной, пихтой и елью. Левый берег, напротив того, везде низкий, отлогий, порос молодым тальником в виде островков. В полую воду он на большом пространстве заливается. Впрочем, и здесь нередки места более возвышенные, которые вода не покрывает, пригодные для больших поселений. Большей частью Иртыш течет одним руслом, не дробясь на рукава и притоки и не образуя многочисленных островов. Это придает ему больше красоты и величия. Направление его также редко делает большие отклонения, или излучины. Все это дает Иртышу превосходные навигационные качества. По простору и обилию воды здесь могли бы плавать огромные пароходы американского типа, если бы исходным пунктом их был Тобольск, а не Тюмень с крайне извилистою и мелководною Турою. Благодаря этой последней приходится сильно уменьшать размеры судов сибирской флотилии и не пользоваться в полной мере прекрасными качествами главных сибирских рек – Иртыша и Оби.

Сибирские реки часто упрекают в том, что они ведут в страну полярных льдов и мертвой природы и не дают свободного выхода в океан. В известной степени это действительно умаляет их значение для внешней мировой торговли, но как пути внутреннего сообщения они имеют громадную цену. Прорезая всю Сибирь с юга на север, от Алтайских гор и пределов Китая до Ледовитого океана, они могут служить такую же службу для Сибири, как Кама и Волга для Евро-

пейской России. Те же беляны с громадным количеством лесных материалов, которые спускаются с верхних камских пристаней к Саратову, Царицыну и Астрахани, те же миллионы пудов соли и рыбы, которые идут с низовья Волги к Нижнему, тот же хлеб и вообще все хозяйственное сырье, которое дает работу сотням пароходов на Волжском бассейне, может со временем дать не меньшую работу сибирскому пароходству. И там и здесь юг и север нуждаются в обмене продуктов. Морские промыслы северных морей не могут быть беднее рыболовства Каспийского моря, тоже замкнутого. Кавказ и Персия, дающие большие грузы Волге, в применении к Иртышу и Оби уравновешиваются до известной степени торговлей с западным Китаем и Монголией. Все это ставит сибирские реки в одинаковые условия с великорусскими, а между тем первые пустынны и мертвы, последние же кишат жизнью, богатством и движением. Причина этому не в природе страны, а в ее малонаселенности и заброшенности. Дайте Сибири, вместо нынешних пяти миллионов, пятьдесят миллионов трудолюбивого населения, дайте ей, как и остальной России, новые порядки, новые суды и такие же средства низшего и высшего образования, тогда явятся и промышленные центры и цветущие города. Обь и Иртыш, как Кама и Волга, покроются сотнями пароходов, и не таких убогих посудин, как наш нынешний «Рейтерн». Северные области Тобольской и Томской губерний, считающиеся ныне мало пригодными для оседлого заселения и предоставленные пока бродячим остякам и самоедам, густо покроются промышленными русскими селами, и все будут жить и благословлять Бога за широкое приволье даже в тех местах, в которых ныне нет ни человеческой души, ни человеческих путей сообщения. Скептики назовут эти мечты блаженной иллюзией. Они скажут: это можно ожидать разве через 1000 лет, когда изменятся не только люди, но и климат Сибири. Нет, отвечу я: не через 1000 лет, а спустя четверть века, много – полстолетие, мы не узнаем ни России, ни Сибири, если только сами не подорвем своих сил бесплодными распрями и не заморим народной энергии, с одной стороны, на чиновном формализме – с другой, на бесплодной и бессмысленной оппозиции, в роде нынешнего нигилизма и анархизма.

В жизни народов столетие немалый срок. В такой период творятся чудеса, вырастают государства. Сравните Россию Екатерины II и Александра II, Францию Людовика XVI и нынешнюю Францию:

какая колоссальная разница в народной жизни, в государственном строе, в просвещении и богатстве. Почему же не ожидать нам от будущего столетия того же культурного прогресса? Я смело ожидаю его, и для России тем более, так как она вступила ныне в период нормального юношеского возраста, когда физиологические процессы в ее колоссальном организме совершаются быстрее и заметнее. Будущее столетие, по очереди, должно быть русским столетием, подобно тому, как XVIII в. принадлежал Франции, а XIX – Германии. Всему свое время и своя доля, если только мы не мертвые люди.

Жизнь государств и народов представляет собою такой же правильный органический процесс, как и всякая индивидуальная жизнь. Она слагается из двух факторов: из запаса внутренних сил и из физических, географических и экономических условий окружающей среды. Слабая от природы или испорченная культурою раса вянет даже на самой благодатной почве; равным образом и сильная народность может заглохнуть от недостатка физического простора. Примером первого рода могут служить народы древнего классического мира и некоторые современные нам государства (Китай, Персия, Италия, Испания); примером второго – нынешние мелкие государства Европы (Швеция, Дания, Голландия, Бельгия), потерявшие свой политический вес вследствие географической тесноты. Они, как ножки китаянок; с детства затянутые в узкую обувь, не доросли до нормального роста, хотя и не утратили своей внутренней красоты и силы. В подобном же невыгодном географическом положении может оказаться и вся германская раса, сделавшая неудачный выбор границ своих поселений при первоначальном водворении в Европе. Вместо того, чтобы опереться на моря или горные хребты, она волею или неволею заняла открытые пространства между Рейном и Эльбою и этим самым поставила свой исторический рост в вечную зависимость от силы и противодействия соседних племен (с одной стороны галлов, с другой – славян). Было время, когда эти тиски давали трещины, живая стена подавалась под напором разраставшейся Германии, но это далеко не обеспечило ей желанного простора. Drung nach Osten до сих пор осталось заветною немецкою мечтой, вытекающею из жизненной необходимости, но для осуществления такой мечты уже упущено время. Ни Франция, ни славянство даром не уступят своих земель равносильному со-

седу. Остается искать простора за океаном, в Америке и Африке, что равносильно дроблению и распадению государства как политической силы.

Такие мысли невольно приходят в голову при виде необозримого простора и пустоты сибирских земель. Это клад, данный России самою судьбою. Народный инстинкт понял важность этого приобретения триста лет тому назад, когда в нем не чувствовалось еще никакой надобности. Только теперь мы можем оценить заботливую предусмотрительность наших предков, когда небольшое Московское княжество разрослось почти во стомиллионное государство. Теперь почувствовали, что своевременное разыскание «новых землец» дает нам возможность расти и крепнуть в своих пределах, вместо того, чтобы выселяться в другие части света, за океан, как это вынуждены делать остальные европейские народности. Глядя на массы переселенцев, наполняющих палубу нашего парохода, я живо представляю себе, какие результаты даст это народное движение. Несмотря на неустройство путей, на экономические трудности и даже на прямые запреты переселения, оно продолжается уже несколько лет, и по сибирским рекам, и прямо степью в Акмолинскую область. Говорят, не меньше десяти тысяч человек переселяется ежегодно в этом направлении. Что же будет, когда Западная Сибирь прорежется железною дорогою, примерно, от Самары на Уфу, Челябинск и Омск? Нет никакого сомнения, что тогда размеры переселения будут быстро возрастать, и не пройдет половины столетия, как Киргизские степи будут покрыты селами, а северная тайга по берегам ныне пустынных рек, закипит промышленностью. Напрасно стращают нас, что переселение отнимает рабочие руки из Центральной России. Это могут говорить только эгоисты помещики да недальновидные администраторы, старающиеся всеми мерами тормозить переселение. Нужно бояться не оскудения рабочих рук, а чрезмерного их избытка и связанного с этим пролетариата, порождающего не мечтательный социализм, которым заняты наши интеллигентные пролетарии, а настоящий рабочий вопрос, которого, слава Богу, у нас еще нет. Грозный в Европе, он у нас уравновешивается именно переселением, как предохранительным клапаном, и долго еще будет уравновешиваться, несмотря на то, что прирост русского населения нисколько не меньше, чем в остальной Европе.

Однако тайга Иртышских берегов слишком далеко увлекла мои мысли. Ничто так не располагает к мечтательному бреду, как путешествие на пароходе по громадным сибирским рекам. Плавное движение, однообразный шум колес при окружающей тишине, бесконечная даль горизонта и пустыня кругом. Глаз невольно ищет точки впереди, на которой можно было бы сосредоточить внимание. Однообразная природа не дает такой точки. Тот же хвойный лес по отвесной стене правого берега, та же широкая бесконечная лента воды. Редко где покажется дымок на далеком горизонте. Воображение цепляется за него, желая угадать, не встречный ли это пароход, или деревенька, скрытая в дальней лощине, или просто костер, разведенный на берегу каким-нибудь таежным промышленником. Чем дальше к северу, тем глуше и пустыннее. До Демьянска (250 верст от Тобольска), где был первый привал к берегу для нагрузки дров, кое-где еще была видна жизнь: то маленькая деревенька, то изгородь, то вспаханный клочок земли, бродячий скот, либо лодка с рыболовами, а дальше Демьянска – почти полное безлюдье, вплоть до устья Иртыша. При виде таких колоссальных пустырей и при таком монотонном плавании, путник, привыкший к мышлению, невольно сосредоточивается на отвлеченных представлениях. Вместо наблюдения действительной окружающей жизни он вспоминает историю и мечтает о будущем.

На всем протяжении Иртыша самый красивый и грандиозный вид представляет при его устье Самаровский мыс. Слившиеся воды двух могучих рек здесь образуют настоящее море. Узким полуостровом выдается в него высокая гора, покрытая, как зеленою коническою шапкою, густым хвойным лесом. Это и есть Самаровский мыс, который, постепенно понижаясь к материку, переходит в отлогий скат, занятый большим и богатым селом Самаровым. По преданию, занесенному в сибирскую летопись, здесь было укрепленное становище остяцкого князя по имени Самара, от которого и гора получила будто бы свое название. Верно это, или нет, название, во всяком случае, любопытное по сравнению с русскими (скифскими) Самарами. Географическое положение Самаровской горы, господствующей над двумя величайшими реками Западной Сибири, должно быть, обращает на нее внимание во все исторические и доисторические времена. При отсутствии сухопутных дорог, в местностях, покрытых глухою тайгою или болотами, реки, как и до сих пор на севере Си-

бири, служили и служат единственными путями сообщения. Кто владел реками, то владел всею страной. Поэтому речное судоходство и, по местам, береговые укрепления на важнейших пунктах в старину заменяли и нынешний броненосный флот, и стратегические железные дороги с крепостями. Той же системы придерживались и казаки ермаковской дружины и их последователи, покоряя страну по течению рек и намечая пункты береговой обороны. По Иртышу таких пунктов было ими основано три: Тобольск, Демьянск и Самарово. Они и до сих пор составляют главнейшие населенные места этой области.

Пароходы К^0 Курбатова пристают почти у самого Самаровского мыса, в расстоянии около двух верст от села. На нижней террасе берега построено несколько деревянных клетушек для склада провизии и товаров. Далее поднимается береговая круча, поросшая кедрами и пихтами. У пристани настоящий базар. Торгуют преимущественно самаровские бабы съестными припасами и кедровыми орехами. По одежде и лицам торговок и по выставленным продуктам видно, что народ живет в полном довольстве и приволье. То же подтверждают и сельские постройки. Много домов так называемых пятистенных, с крашенными тесовыми крышами. Есть даже крытые железом. Красивая церковь и хороший собственный дом для сельского училища. По ту и другую сторону села большое пространство по косогору занято огородами и загонами для скота. Овощи растут здесь очень хорошо, особенно картофель, морковь, репа и капуста. Кажется, были попытки и к хлебопашеству (ячмень и овес). Молочного скота очень много; достаточно и лошадей, хотя потребность в них здесь довольно ограничена по причине отсутствия сухопутных дорог. Летом все местные передвижения совершаются исключительно в лодках, по реке. Главные промыслы жителей состоят в рыболовстве, охоте на пушного зверя и в сборе кедровых орехов.

Цветущее состояние села Самарова служит явным доказательством того, что суровый северный климат этих широт не может препятствовать водворению здесь оседлых русских поселений в широких размерах. Слишком слабое население этих стран в настоящее время обусловливается не тем, что они непригодны для жизни, а избытком простора на юге. Колонисты-землепашцы естественно тяготеют к черноземной полосе. Туда влечет переселенцев и привычка к хлебопашеству, и любовь к степному простору. Не менее прибыльные северные промыслы требуют других привычек и другой снаров-

ки. Колонисту из Курской или Полтавской губернии трудно освоиться с глухой тайгой и бездорожьем, плуг заменить рыболовной снастью или охотничьей винтовкой, телегу – лодкой. Поэтому он равнодушно минует эти, на его взгляд, неприветливые страны и тянет на юг. Но дойдет очередь и до севера. Когда переполнится юг, а надвигающаяся культурная волна расчистит глухую тайгу и прорежет ее колесными дорогами, когда морские, речные и лесные промыслы потребуют десятки тысяч рабочих рук, тогда будут дорожить и северной природой. Не один миллион жителей она может пропитать, одеть и обогатить. Во всяком случае, этот запас необъятной территории будет гораздо полезнее для будущности единой и нераздельной России, чем какие-либо африканские или австралийские колонии, куда так неудержимо переливается переполненная Европа.

Так как наш пароход должен стоять у пристани больше двух часов, а погода была сухая и ясная, то мы воспользовались случаем подняться на самую вершину Самаровского мыса. Подъем хотя и очень крут, но довольно удобен по проложенной тропинке (со стороны оврага и протекающего по нему ручья). Поднявшись, мы не нашли там никаких исторических или доисторических следов. Гора оканчивается довольно ровной площадкой в сотню квадратных сажень, посредине которой вырыта свежая коническая яма, сажени полторы или две глубиной. Это самаровские крестьяне-археологи, от нечего делать, искали здесь воображаемый клад, будто бы зарытый князем Самаром при осаде его укрепления казаками ермаковской дружины. Клада, конечно, никакого не оказалось. По разрезу вырытой траншеи мы убедились, что почва на вершине горы – чистый, мелкий песок, вероятно, нанесенный сюда с окрестных дюн ветрами. Сверху песок покрыт, как мягким ковром, толстым слоем опавшей хвои. Никаких культурных остатков, вроде углей, черепков или костей животных, на этом пункте мы не заметили.

Если бы площадка не заросла лесом, то вид с нее должен бы быть восхитительный. И теперь, впрочем, можно найти несколько пунктов, спустившись к откосу, откуда, в прогалинах между деревьями, можно обозревать безграничную полосу воды двух величайших рек Западной Сибири. От Самарова до правого высокого берега Оби, или так называемого Белогорья, считают 23 версты. Все это низменное пространство речной долины весной сплошь покрывается разливом. И теперь, в конце мая, оно представляло необъятную массу во-

ды, в которой по местам выделялись небольшие островки, покрытые молодым тальником. Какая грандиозная картина должна представляться отсюда во время весеннего ледохода; какая гигантская разрушительная сила должна развиваться здесь при столкновении льдов обского и иртышского течения!

Возвратившись к пристани тем же путем, мы увидели, что пароход собирался уже отчаливать. Носка дров окончена. Торговки распродали почти все свои незатейливые товары и с пустыми ведрами и плетушками возвращаются в деревню. Пароходная прислуга торопит переселенцев, расположившихся на берегу, снимать с огня свои котелки и кончать кулинарную стряпню. По второму свистку все торопливо бегут на пароход. Большинство пассажиров всех классов запаслись кедровыми орехами и щелкают их без устали. Кто-то из наших спутников, по-видимому, купеческий приказчик или промышленник средней руки, суетится на берегу с переноской своих пожитков в почтовую лодку. По справкам оказалось, что он отсюда отправляется в низовья Оби, кажется, в Березов или Обдорск.

Почтовые обские лодки, или каюки, я увидел здесь в первый раз. Это нечто напоминающее венецианскую гондолу с крытым тесовым теремком посредине. Над теремком мачта с флажком и колокольчиком. На таких лодках совершают свои передвижения, от Самарова или Сургута до Березова и Обдорска, местные чиновники и другие казенные люди, платя прогоны поверстно, точно по почтовому тракту. Два гребца и рулевой соответствуют паре лошадей. Бывают лодки и с четырьмя гребцами, для людей более важных, или богатых. Гребцы сменяются в населенных пунктах, а лодка может быть проходная. Таким же способом попадают в северные бездорожные страны и частные путешественники, нанимая гребцов по вольным ценам. И сколько, подумаешь, невзгод, трудов и лишений предстоит перенести таким злосчастным путникам во время их многонедельного плавания по безлюдной пустыне. Мы жалуемся на утомительность почтовой езды по грунтовым дорогам; жалеем ямщиков, плетущихся по зимним ухабам, в мороз и метель, с бесконечными обозами, но вряд ли кто вспоминает те невзгоды, какие выпадают на долю лекаря, учителя или уездного чиновника, отправляемого на службу в Обдорский или Березовский округ, куда зимой можно попасть только на оленях или собаках, а летом на почтовых лодках по безлюдной реке. Скука и монотонность медленного движения здесь

уже не принимается в расчет. Нужно быть готовым встретить и холод, и ненастье, и сильное волнение на реке, и всякие случайности. Нередкие в этих широтах бури часто заставляют приставать к пустынному берегу и пережидать погоду по целым суткам. Можно вообразить, какую агонию должен испытывать такой путешественник, плывущий многие сотни верст на утлой лодочке по гигантской реке, точно затерянный среди пустыни, отрезанный невероятными пространствами от всего культурного мира. В других странах это считалось бы подвигом, а у нас считается заурядным делом. За какие-нибудь 200–300 руб. годового жалованья чиновник, уездный учитель или священник отправляется в Березов, Обдорск, Пустозерск или Колымск с таким же спокойным равнодушием, с каким он принял бы назначение в любой уездный захолустный городок. Правда, нередко он погружается там в зимнюю спячку или спивается среди мертвящего холода, самоедов и медведей, но зато он и не герой, а заурядный чиновник!

Глядя на почтовые лодки, насильно уносишься воображением к Березову и Обдорску. Дождется ли наше поколение того счастливого времени, когда и в этих широтах будут совершаться правильные, по меньшей мере еженедельные, пароходные рейсы, когда крайний север будет так же доступен и промышленнику, и чиновнику, и любознательному туристу, как ныне доступны Тобольск и Томск. Трудно заглядывать, когда это будет, но это неизбежно должно последовать: сама жизнь к тому приведет помимо нашей воли, или, точнее, нашей апатии. Могучим толчком к оживлению севера должна послужить необходимость изыскать для Сибири открытый выход в океан. Эта давнишняя мечта не одних русских людей, но и иностранцев – мечта вполне основательная и осуществимая, но еще не пришло время к ее выполнению. Время это наступит тогда, когда сибирские пустыри населятся трудолюбивым народом, когда производительность страны удесятерится и потребует удобнейших путей для дешевого вывоза продуктов за границу или в северо-западную область Европейской России. Закон равновесия потребует сбыта и обмена произведений, причем роковым образом будет устроен и соответствующий путь, указываемый самою природою.

При изысканиях северного пути мы не должны забывать, что Обская губа и Карское море с их полярными льдами всегда будут служить помехою правильному северному мореходству; но эти пре-

пятствия не трудно обойти, устроив либо искусственный канал от Обдорска к западному выходу Югорского шара, или при посредстве реки Усы на Печору, либо железную дорогу с Оби на Печору, как проектировал М.К. Сидоров. Планы его мне представляются весьма практичными и осуществимыми. Транзитную линию он предполагает начать от г. Березова, сначала по Березовской Сосве и Сыгве, рекам многоводным и вполне судоходным, – потом для перевала через Урал предполагается устроить железную дорогу на протяжении 100 верст, которая западным концом должна примыкать к печорской пристани Оранец, откуда опять по могучей реке остается 700 в[ерст] до Печорской губы и открытого моря, где не бывает полярных льдов, задерживаемых, как плотиной, Новою Землей. Не нужно быть пророком, чтобы верить в близкую осуществимость подобного плана: он так прост и доступен. Если до сего времени ничего не сделано в этом направлении, это объясняется только тем, что еще не назрел самый вопрос, другими словами, что производительность Западной Сибири до сих пор еще слишком мала и Печорский край слишком пустынен. Но оживление того и другого есть дело времени, которое и должно наступить в недалеком будущем. Обь и Печора – это наша главная северная дверь. Она оживит и обогатит северные тундры не только Обских областей, но и всего Печорского края. Если бы со временем также соединить железною дорогою Чердынь или Соликамск (на Каме) с Оранцем (на Печоре), то какой грандиозный водяной путь представлялся бы тогда между югом и севером, востоком и западом. При посредстве Каспийского моря, Волги и Камы произведения Персии, Туркестана, может быть даже Индии, пошли бы в северную Европу через Печору и Северный океан; произведения Сибири, Монголии и Западного Китая, при посредстве Иртыша, Оби и Сосвы, достигали бы тех же северных пределов. Эти линии непрерывных сообщений опоясывали бы почти половину нашего полушария, и Печорский порт со вновь устроенными соединительными линиями железных дорог отразился бы на всемирной торговле таким же колоссальным переворотом, как открытый недавно Суэцкий канал.

Более дорогой и более грандиозной кажется по настоящему времени мечта о морском канале, соединяющем Обь непосредственно с открытым Северным морем, западнее южного и восточного моря, но и эту мечту нельзя считать неисполнимой. С технической стороны здесь нет непреодолимых трудностей, если только будет соответ-

ствовать тому экономический расчет. А он окажется возможным в том лишь случае, когда население Сибири и ее производительность удвоится или утроится и явится насущная потребность в крупных международных оборотах торговли. Допустим, что канал будет стоить не менее сотни миллионов, но зато какие широкие перспективы он дал бы сибирской промышленности, какой грандиозный переворот он произвел бы в торговых сношениях востока с западом. Минуя Обскую губу и Карское море, этот искусственный водный путь открывал бы беспрепятственный выход в свободный от льдов. Северный океан оживил бы все наше северное прибрежье и был бы достойным памятником великой России. Конечно, мы не доживем до этого памятника, но наши потомки через 50–70 лет могут осуществить его и выполнить наши мечты о будущем нынешней безлюдной, бездорожной и убогой Сибири.

Вот какие мысли возбудили во мне обские почтовые лодки. При настоящем положении вещей многим это может показаться бредом пылкого воображения. Можно ли, скажут мне, от наших северных пустынь и полярных стран, где царит холод и мрак, ожидать такой жизни, какая свойственна южной природе с ее благодатным климатом. Может ли развернуться человеческий гений там, где самая природа остается в полугодовом оцепенении. Может ли, наконец, человеческий организм вынести постоянную борьбу с постоянною стужею и со скудостью живительных солнечных лучей. На это я отвечу, что климат крайнего севера, во всяком случае, легче переносится человеком, нежели знойный климат тропиков. Первый закаляет организм и укрепляет энергию физических и духовных сил, последний расслабляет, изнашивает и разрушает. Это подтверждает нам история древних и новых народов. Что же касается до скудости северной природы в смысле комфорта для цивилизованной жизни, то в наше время на это не обращают большого внимания. Человек на каждом шагу обуздывает природу искусством и эту борьбу приспособлены легче вести в холодных странах, чем в знойных. Ум, энергия и капитал могут сделать из Березова, Пустозерска и Колы такие же удобно обитаемые города, как и в остальной северной полосе России, если только явятся обильные средства для их благоустройства.

Раздается третий пронзительный свисток, пробудивший меня от грез о далеком севере. Все пассажиры были уже на своих местах. Берег опустел. Убрали сходни и наш пароход, медленно отчаливая,

стал огибать Самаровский мыс и вступил в еще более широкие обские воды. Впрочем, самое устье Иртыша приходится ныне не у Самаровской горы, а на 23 версты ниже. На этом пространстве Обь отступила к северо-востоку, оставив на своем прежнем ложе низкую заливную долину. В мае она сплошь покрыта водой, и только гребни противолежащих берегов Самарова и Белогорья дают понятие о прежних рамках этой гигантской реки. В высокую воду пароходы обыкновенно не доходят до устья, а на двенадцатой версте сворачивают вправо, направляясь т[ак] н[азываемой] Невлевской протокой, пересекающей низкую береговую долину и впадающей в Обь около 70 верст выше устья Иртыша. Таким образом, говорят, сокращается расстояние, а главное – при разливах точнее определяется фарватер и в самую свежую погоду устраняется сильная качка от волнения, разводимого на слишком большой водной поверхности. Замечательно, что упомянутая протока, направляющаяся почти параллельно руслу Оби, течет навстречу ей, т.е. составляет рукав не Оби, а Иртыша. Верно ли это, не знаю; передаю со слов капитана нашего парохода.

Вступив в настоящее русло Оби, я был поражен ее колоссальной шириной. Если бы эта река имела крутые берега, подобно Иртышу или Волге, и не дробилась бы на такое множество рукавов, она не имела бы соперников ни на Европейском, ни на Азиатском материке. Но благодаря тому, что она протекает по низкой долине новейших аллювиальных осадков, а коренные берега ее большею частью так удалены от нынешнего русла, что едва различаются вдали, Обь, особенно весной, почти теряет общий характер обыкновенной реки. Она скорее походит на цепь широких озер, перемешанных с бесчисленными островами. Острова и берега едва поднимаются над зеркалом воды, покрытые сплошь молодым тальником. Ширина такой долины во многих местах простирается на 40–50 верст и в высокую весеннюю воду все это пространство сплошь заливается. Это служит одною из причин, почему берега Оби представляются такими безжизненными. Это пустыня в полном смысле слова. Во второй половине лета, когда вода спадает и обнажаются прибрежные пески, здесь можно еще встретить кое-где расположившиеся ватаги рыбопромышленников, либо временные становища остяков, но во время первых пароходных рейсов (в конце мая), кроме необъятного горизонта воды, тальника и отдаленных лесных возвышенностей корен-

ного берега, взору путешественника ничего не представляется. Даже жутко становится при виде такого мертвого пространства, где на сотни верст кругом нет ни дорог, ни живой души. В каком положении оказались бы путешественники, если бы случилось какое несчастье с одиноким пароходом? Помочь некому и выбраться некуда, хотя на сухую землю. Такие мысли невольно приходят в голову, хотя о несчастьях с пассажирскими пароходами на Оби до сих пор ничего не было слышно. Тем не менее нельзя считать себя совершенно застрахованным от них. Правда, подводных камней здесь нет, но зато очень много карчей, которые в состоянии пробить дно судна не хуже любого камня. От порчи машины, взрыва парового котла или от пожара на пароходе также нельзя считать себя гарантированным.

На другой день после выхода из Самарова погода изменилась к худшему. Стало гораздо холоднее. Выходя на палубу, пришлось надевать осеннее пальто, да еще прикрываться пледом. Несколько раз показывались даже хлопья снега, а по берегам видны были кое-где еще не растаявшие льдины из куч, нагроможденных после ледохода. Качка была тоже изрядная, особенно против т[ак] н[азываемого] Лямин-Сора[1].

Первую остановку по Оби пароходы делают у Сургута (250 в[ерст] от устья Иртыша), но не вблизи города, а у так называемого Белого яра. Отсюда до города больше 8 верст, и он притом стоит не на самой Оби, а на речке Бардаковке. Белый яр представляет собою возвышенный песчаный берег, на котором построено две избушки и амбар для склада провизии и товаров. В этом заключаются все сооружения пристани. По свистку подходящего парохода потянулись сюда лодки с сургутскими мещанками, рассчитывающими на сбыт продуктов своего хозяйства. Когда положили сходни, нижняя терраса берега была уже оживлена рядами этих торговок. Товар был тот же, что и в Самарове, – молоко, творог, сухие баранки, пшеничный хлеб, сибирские шанежки, кедровые орехи, живая и вареная рыба и дичь. Пассажиры третьего класса опять расставили свои котелки и стали варить уху, а мы отправились походить по твердой земле.

[1] Так называется обширный залив, соединяющийся с Обью, по правую ее сторону, между Самаровым и Сургутом. Он имеет вид большого, почти круглого озера, верст 20–30 в диаметре. Говорят, что с северной стороны в него впадает река значительной величины, но настолько заваленная карчами (упавшим лесом), что подняться по ней на пароходе невозможно. При ветрах на Лямин-Соре разводится сильное волнение, дающее себя чувствовать и на Оби.

Взобравшись на гору по сыпучему песку, мы там не нашли ничего достопримечательного. Сухая и открытая площадка занимает пространство не больше половины квадратной версты, а дальше идет густой пихтовый лес на торфяном болоте. Идти больше некуда. Ближе к реке площадка заставлена поленницами дров, а далее вглубь – пустые остяцкие землянки, обитаемые только зимой. По этим образчикам я в первый раз познакомился с жилищами неприхотливых детей севера. Это нечто вроде собачьей конуры, отчасти врытой в землю. Внутрь землянки ведет маленькая дверь, подвешенная на петлях из ивовых прутьев. Ни окон, ни пола, ни потолка нет. По краям землянки врыты два столбика, на которые положены перекладины, как основа для двухскатной крыши из жердей. Поверх жердей крыша заметана торфом и отчасти поросла травой. В крыше вставлена деревянная труба против глинобитной возвышенной площадки на земляном полу, где раскладывается огонь. Высота внутреннего помещения не больше 2½ арш[ина] против конька. Таких землянок мы насчитали шесть штук. При двух из них были еще загородки из жердей, вероятно для оленей. Зимой все это должно сплошь заноситься сугробами снега, и можно себе вообразить, каково в этой темной норе коротать шесть суровых месяцев при морозе в 30–40^0 и почти ежедневных буранах.

Спустившись на нижнюю террасу берега, к пароходу, мы встретили здесь и счастливых владетелей этого унылого поселения – десятка два остяков, прибывших к пароходу на своих вертлявых челноках (обласках) для продажи рыбы. Между ними были и женщины и дети. Последние в рваных, донельзя грязных, коротких рубашонках плескались у прибрежного песка. День был холодный и пасмурный. Сургутские мещане были закутаны по-осеннему, а многие из наших переселенцев были даже в овчинных полушубках. Остякам же такая погода казалась нипочем: вот что значит привычка к местным климатическим условиям!

По окончании ледохода группа остяков, которую мы теперь видим, перекочевала с Белого яра на ближайший остров. Там, на влажной низкой почве, близ самой воды, у них поставлены летние шалаши, покрытые берестом. Главное, почти единственное занятие их здесь – рыболовство. Рыбою они питаются и зимою и летом: в первом случае сырою, мерзлою, превращая ее в тонкие стружки (строганина), во втором – варят ее в чугунных котелках уральского изде-

лия, без всякой приправы, крайне неопрятно. Кроме рыбы, летом они промышляют также дичь, позднее – собирают лесные ягоды (бруснику, клюкву) и съедобные травы и коренья. Между последними особенным вниманием пользуется у них так называемая черемша как испытанное средство от цинги. Русские крестьяне Северной Сибири также очень любят это растение, действительно очень полезное. По вкусу и запаху оно напоминает чеснок и растет здесь в большом изобилии.

По внешнему виду и образу жизни остяки – настоящие дикари. Хотя большая часть их считают себя христианами и носят медные крестики поверх рубашки, гордясь этим, как знаком отличия, но больше этого крестика у них нет ничего христианского: ни Божьего храма, ни обрядов, ни идей. По существу они остаются язычниками-фетишами, грязными, грубыми, совершенно неразвитыми. С незапамятных доисторических времен живут они в этой северной пустыне и до сих пор не сумели выработать для себя ничего похожего на культуру. При обилии леса остяк не додумался до того, чтобы выстроить себе, хотя сколько-нибудь пригодное зимнее жилище; при лютых морозах он не догадался устроить хотя бы глинобитную печь вроде татарского чувала. Не имея других потребностей, кроме утоления голода, он тем не менее не научился варить пищи. Даже теперь, после 300-летнего общения с русскими, он не позаимствовал от них почти ничего, что могло бы скрасить его житейскую обстановку. Остяк не усвоил себе даже привычки вымыть свое лицо или приобрести копеечный гребень для чесания вечно всколоченных волос, густым, сбитым войлоком покрывающих его голову. Одного он достиг – это сучить нитку из крапивного волокна. Она ему была необходима сперва для рыболовных сетей, потом для приготовления грубого холста, чтобы прикрывать свое тело, да и это искусство не им придумано, а заимствовано от более культурных народов. Гончарных изделий остяки тоже не знают. Посуда их либо деревянная (грубо выдолбленные корытца), либо берестяная.

С бытом остяков мы еще более познакомились на следующей пристани, у так называемой Светлой протоки. Здесь, на низком берегу Оби, в прогалинках между тальником, было разбито становище этих детей природы – пять или шесть берестяных летних шалашей и несколько землянок, как в Сургуте. Хижины эти были населены обитателями и могли служить образчиком нормального остяцкого

быта. Мы полюбопытствовали заглянуть в эти жилища и некоторые из них нашли достаточно уютными. Земляной пол покрыт сплетенными из камыша циновками, или сухим камышом; по стенкам на колышках развешан убогий домашний скарб; случилось видеть в числе утвари некрашеный деревянный сундук, как доказательство особой зажиточности. Такие прибранные хижины давали впечатление просторной землянки, но они не отталкивали посетителя отвратительной грязью. Снаружи их, как признак населенного места, были развешаны рыболовные сети, а у самого берега находилось десятка полтора маленьких лодчонок – однодеревок (обласков), как единственных орудий летнего передвижения остяка. При некоторых хижинах были выстроены особые бревенчатые клетушки на высоких столбиках – это амбары для хранения провизии (сушеной рыбы, кедровых орехов) и прочего имущества. Они строятся на столбиках, высоко над землей, для того, чтобы защитить съедобную кладь от зверей, отчасти и от собственных собак, а также и от почвенной сырости. Чтобы попасть в такую клетушку, хозяин приставляет к ее единственному окну, заменяющему дверь, толстую слегу с насеченными на ней глубокими зарубками, играющими роль ступенек.

В этом становище оказалось около дюжины обитателей, преимущественно женщин и детей. Взрослые мужчины почти все были на пристани у парохода. Население это производило еще более удручающее впечатление, чем его жилища. Женщины с непокрытыми, всклоченными прядями волос, безобразные лицом, в грязном рубище, напоминали настоящих дикарей. Но и слово дикарь не вполне выражало бы характеристику остяка. Первобытные жители южных стран и островов, при всем отсутствии культурного наследства, обладают, тем не менее, физическими и умственными качествами, дающими им надежду на лучшее будущее. Остяк, по-видимому, лишен этой надежды, и не потому, чтобы жизнь его была принижена и стеснена господствующим русским элементом, а вследствие его собственной слабости. Вековое влияние северной тундры и мертвящей природы отразилось на его организации угнетающим образом. Заброшенный в мертвые пустыни севера, остяк упал духом, потерял энергию в борьбе с окружающей природой, пассивно подчинившись ей. До крайности умалив свои потребности, он, как дикий зверь, довольствуется берлогою и сыроядением, охотно отказался бы и от одежды, если бы его не принуждала к тому непомерная зимняя стужа.

В русской прессе нередко высказывались предположения, что наши северные инородцы некогда были многочисленны и могучи, но теперь они быстро вымирают под влиянием господствующего над ними племени. В таком мнении, очевидно, кроется историческая ошибка. Какова была численность и сила финских народностей Северной Сибири до эпохи русского владения, об этом не сохранилось достаточных исторических данных. Но мы знаем, что в начале XVII в. горсть русских казаков была в состоянии почти беспрепятственно подчинить себе всю обширнейшую сибирскую территорию вплоть до Камчатки и Берингова моря. Это показывает, что северные инородцы были в то время далеко не многочисленны, а культурный уровень их стоял так же низко, как и ныне. Из этого следует заключить, что вымирание, или, точнее сказать, крайне медленное размножение, северных финских племен не имеет непосредственной связи с влиянием русской культуры. Крайне медленный прирост их естественно приписать суровому климату страны и низкому уровню развития ее исконных обитателей. При таких неблагоприятных условиях скорее надобно удивляться тому, как северные инородцы могли поддерживать здесь свой род в течение целых тысячелетий, а не тому, что размножение их почти не двигается вперед[1].

Следующий переход от Светлой протоки до Тымска представлял такую же пустыню, ни одного живого уголка мы не встретили на этом пути. Кругом вода и молодой тальник, как густая шевелюра, покрывающий низменные острова и берега Оби. Где берег, где остров, и понять трудно! Бесчисленные рукава, на которые разбивается могучая река, по ширине не уступающая первоклассным рекам земного шара, превращают Обь в беспредельный архипелаг островов и озер, наперекор общему понятию о текучих водах. Для непривычного глаза это представляет грандиозную, но удручающую картину как бы преддверия северного «Студеного моря».

Но вот показался и Тымск, на правом, достаточно возвышенном берегу. После длинного перехода по пустыне глаз отдыхает на первом оседлом пункте. Деревянная скромная церковь и десятка два довольно порядочных домов с тесовыми крышами придают Тымску вид настоящего русского села. Мы прошли его из конца в конец по

---

[1] Финские инородцы Европейской России находились сравнительно в более благоприятных условиях. Они рано подчинились влиянию арийской культуры, усвоили оседлость и гражданственность.

единственной улице, правильно распланированной и широкой. Попадавшиеся навстречу крестьяне и крестьянки оказались рослыми, красивыми, хорошо одетыми, стало быть, зажиточными. Хлебопашества нет, но есть огороды и, кажется, достаточно рогатого скота. Лошадей, по-видимому, немного, да и ездить на них некуда. Тотчас же за селом начинается глухая тайга. Лошадь пригодна здесь только зимой, когда мороз закует реки и болота и откроет путь в тайгу. Поэтому у тымских крестьян нет ни одной телеги, а имеются только сани и дровни. На санях по голой земле привезли к пристани небольшую кладь из села (корзины с кедровыми орехами и сушеной рыбой), что немало удивило наших пассажиров-переселенцев, не предполагавших, чтобы в коренной, старой русской деревне не нашлось для этого телеги. Вообще же тымцы живут зажиточно. Мы заходили в две-три избы посмотреть на их житье. Везде оказалась чистота и опрятность; глинобитные печи выбелены мелом, столы, скамьи и полы чисто выскоблены и покрыты самодельными скатертями и половиками; почти в каждой избе есть самовар и шкафчик с чайной и столовой посудой, а позади изб обширный двор с бревенчатыми службами, сараями и навесами, крытыми дранью, иногда и тесом. Судя по Тымску и Самарову, можно судить, что и в северной глуши смелый и домовитый крестьянин может жить хорошо и привольно. Источник благосостояния тымцев заключается в рыбных и звериных промыслах, в кедровых орехах и в торговле этими продуктами, получаемыми также от местных инородцев. Тымское село принадлежит уже не Сургутскому, а Нарымскому округу Томской губернии. Отсюда до Нарыма считается 110 верст по течению Оби. Береговых дорог, как и на всем пути от Тобольска до Томска, здесь не существует.

Областного города Нарыма мне видеть не удалось. Он расположен на берегу реки Кети в трех верстах от пароходной пристани. Вся эта местность болотистая, низменная, весной сплошь затопляется водой. Издали Нарым представляется убогим селом. В нем две церкви, из них одна каменная; дома все деревянные. Жителей считается около тысячи душ, исключительно русские казаки и мещане. Представителей этого населения мы видели на пристани. Они целой ватагой, мужчины и женщины, прибыли сюда на многочисленных лодках, по свистку парохода, с разными съестными продуктами. Это большей частью рослый, красивый и юркий народ. Женщины в сит-

цевых платьях, с претензией на щегольство, веселые, расторопные, настоящие торговки. Кроме этого подвижного базара, у пристани находится 2–3 деревянные лавки, где можно найти сухие баранки, черствые деревенские пряники, даже конфеты и папиросы. Доступ в эти лавочки был не особенно удобен, так как низкий берег был частью залит водой. Приходилось пробираться по узким дощечкам. В одной из этих лавочек мне предлагали купить национальный тунгусский костюм из хорошо выделанной коричневой замши, красиво расшитый разноцветным бисером и обвешанный металлическими фигурками и бляшками. Стоит он 25 р[уб]., что, в сущности, не дорого. Здесь же продавались за сходную цену лебединые шкурки и выделанные медвежьи шкуры.

Нарым славится коневодством. Низкорослые нарымские лошади, вроде вяток или шведок, отличаются бойким бегом и выносливостью. Говорят, они могут бежать сотню и более верст не кормя. Пользуются ими главным образом зимой, когда установится путь по рекам. В конце зимы, перед вскрытием рек, лошадей перегоняют по льду на один из островов и там оставляют на все лето на подножном корму без всякого присмотра.

Река Кеть, устье которой мы переехали близ Нарыма, представляется с парохода широкой и многоводной рекой; но это бывает только в начале лета. Потом она вскоре мелеет, и пароходы могут ходить по ней не более одного рейса (до Московского острога). Поэтому плывшие с нами на пароходе томские купцы с крайним недоверием относились к существующим предположениям воспользоваться Кетью и ее притоками для искусственного соединения бассейнов Оби и Енисея посредством Обь-Енисейского канала.

Следующая после Нарыма пристань – село Колпашево находится в 130 верстах при другом устье реки Кети. Это главный ее рукав, более многоводный. Колпашево стоит на высокой горе, повидимому, довольно богато и многолюдно. Мы пробовали подняться на высокий берег, но бывшая перед тем ненастная погода развела много грязи и не дала осуществить эту попытку. Кругом села много огородов и овинов, далее идут возделанные поля. Очевидно, здесь хлебопашество уже в полном ходу, и крестьянская жизнь подходит к общим условиям русской деревни. Самая Обь здесь имеет вид не системы озер, а настоящей реки с определенным ложем и высокими берегами, покрытыми старым хвойным

лесом. Удручающая пустыня с бродячими остяками осталась позади. Мы быстро направляемся к югу, в живой край, и видим перед собой расцветающую природу. Еще сутки и мы будем у цели нашего путешествия. Чем-то нас обрадует Томск?

II

Первые дни в будущем университетском городе

В пятницу, в 11 часов утра, 30 мая 1880 г., пароход наш приближался к Томску. Более чем за 10 верст были уже видны шпицы многочисленных церквей и темные очертания домов, расположенных на высоком мысу Воскресенской горы. Пассажиры, утомленные девятидневным плаванием по пустынным сибирским рекам, высыпали на палубу в ожидании скорого конца томительному плаванию. Многие с нетерпением ждали встречи с родными и знакомыми, а люди, едущие в первый раз, стремились издали угадать по неясным очертаниям приближавшегося города, какое впечатление он может произвести на новичков. Подъезжая к большим городам Европейской России, многолюдная жизнь обыкновенно чувствуется издали, по числу пригородных деревень и по учащенному движению. Здесь же ничто не говорит, что мы находимся вблизи крупного сибирского центра. Берега Томи так же безлюдны, как в Нарымском округе. Десяток убогих домиков деревни Белобородовой да мизерная архиерейская заимка вовсе не дают понятия о пригородных местах. Пасмурный день с мелким дождем еще более затемняли и без того невеселую картину, производившую на новичка не отрадное впечатление.

Раздался пронзительно-хриплый свисток. Пароход подходил к летней пристани, представлявшей на берегу несколько деревянных домиков и сараев. Баржу с арестантами оставили здесь, а пароход пошел дальше, к самому городу, что делается только во время первых рейсов, до спада весенних вод. Весенняя пристань помещается недалеко от гостиного двора, но, к сожалению, она остается здесь очень короткое время. К 8–10 июня Томь уже настолько мелеет, что пароходы должны останавливаться верст за 5 не доходя до города.

Бросили якорь. Положили сходни. Глазам нашим представилось море грязи на берегу, десятка два извозчиков и ни одного крытого экипажа. А между тем дождь усиливался больше и больше. К счастью, З.М. Цибульский позаботился выслать коляску, иначе мы про-

мокли бы до костей. Здесь же на пристани меня отыскал Александр Францевич Жилль, любезно предложивший свою квартиру (в Духовской улице, дом Истомина), так как семья его в это лето не жила в Томске. Я был очень рад этому предложению и с удовольствием согласился нанять меблированное помещение до сентября месяца. Впоследствии я вдвойне оценил эту услугу, ознакомившись с отвратительным состоянием томских гостиниц («Европейская гостиница» и «Сибирское подворье»), напоминающих собою скорее постоялые дворы или грязные трактиры, чем гостиницы. Квартира оказалась не дурна, в пять комнат, с приличной мебелью, но без всяких хозяйственных принадлежностей. Несколько ночей пришлось спать без тюфяка, на голых досках, покрываясь пледом. Не было ни чайной, ни столовой посуды, негде было достать обеда. То же обязательный Александр Францевич прислал нам самовар и рекомендовал человека для прислуги. Имея теперь в своем распоряжении местную силу, мы, прежде всего, осведомились, что в Томске существует одна колбасная, открытая недавно ссыльным поляком, где можно получить холодную закуску, и две бакалейных лавки (Сорокина и Карнакова), в которых можно купить привозные московские снеди, как-то: икру, сыр и т. п. Сделав коекакой запас провизии и заручившись необходимейшей посудой, мы чувствовали уже почву под ногами.

Около трех часов нас посетили пароходные спутники: Пермикин, граф Стенбок и Колосовский. Они остановились в «Европейской гостинице» и поведали нам о всех неурядицах этого несчастного притона. Оказалось, что там сбежал повар, и потому обеда не готовят. Чаю едва дождались, так как на все номера имелось в наличности не больше шести стаканов и один оборванный мальчик для прислуги. Спутникам тоже пришлось обратиться для завтрака в польскую колбасную, а для соображения насчет обеда они приехали к нам на общее совещание. По общему совету мы решили было отправиться на пароход, кухня которого нам была уже известна, но оказалось, что пароход ушел от городской пристани на летнюю, и мы остались в полном разочаровании насчет наших желудков. Тогда Н.Г. Пермикин, как человек бывалый, подал мысль отправиться в лагери, где, по его мнению, можно было заказать обед в офицерской столовой. Это предложение было охотно принято, тем более что дождь перемежился, а поездка в лагери давала возможность по-

знакомиться с городом и его ближайшими окрестностями, что нас, как новичков, интересовало в особенности. Не долго думая, наняли четыре линейки на дрожинах (рессорных извозчичьих экипажей в Томске не существовало) и отправились в лагери.

Выехав на Большую, или так называемую Миллионную, улицу, мы увидели Томск во всей его красе. Здесь открылись нашему взору с десяток каменных домов довольно приличной архитектуры, напоминающих губернский город средней руки. Односторонка набережной речки Ушайки могла даже претендовать на красоту, если бы не убийственная грязь, покрывавшая улицы и площади и портившая впечатление. Томская грязь представляет собою нечто своеобразное. Во всю длину улицы и ширину площадей вы видите сплошное море жидкого черного киселя, по которому приходится ехать вброд. Здесь не видно ни колеи от колес, ни следов от копыт, все немедленно затягивается глянцевитою, как расплавленный асфальт, жижею, скрывающей под собою неровности твердой почвы. Пешеходы, которым нужно перейти с одной стороны улицы на другую, снимают сапоги и обнажают ноги до колен. Более зажиточные мещане ездят по городу верхом или на телегах. Собственных городских, рессорных экипажей встречается весьма немного. Чиновники, учителя, купцы большей частью имеют открытые тележки на дрожинах, с плетенным из прутьев коробком. По местным условиям, говорят, это гораздо практичнее и безопаснее. Как бы то ни было, но такие способы сообщения не рекомендуют благоустройство города, а скорее напоминают собою большое торговое село. Впоследствии я убедился, что Томск и в других отношениях стоит не многим выше богатого села: уличного освещения в нем не полагается за исключением десятка тусклых фонарей на одной Миллионной улице. Не существует не только мостовых, но на второстепенных улицах нет даже мостков через болотинки и овраги. Улицы – это проселочные грунтовые дороги, проезд по которым в ненастное время предоставляется находчивости и изворотливости обывателя.

При виде ужасающей грязи и совершенно не приспособленных для защиты от нее туземных долгуш (извозчичьих экипажей) дамы наши хотели уже отказаться от поездки в лагери, но нас уверяли, что дальше, на том конце города, будет суше. Действительно, проехав шагом около полуверсты по прямой улице, начинается подъем на первую возвышенную террасу, называемую Юрточной горой. Здесь

мы ощутили под колесами нечто вроде бывшей когда-то мостовой из наваленной гальки, хотя сверху была такая же глубокая, но не такая жидкая грязь. В этой части улицы встретились три каменных дома: почтовая контора, дом бывшего винного откупщика Сосулина, занимаемый контрольной палатою, и архиерейский дом с духовною консисториею, купленный в прошлом году духовным ведомством у наследников умершего золотопромышленника Асташева. Остальные дома все деревянные, из них 3–4 довольно приличные, а остальные представляют собою полуразвалившуюся рухлядь. За архиерейским домом начинается обширный пустырь, носящий громкое название соборной площади. Собора пока еще нет, но он начат был постройкою лет тридцать тому назад, доведен до купола и, по обыкновению многих провинциальных соборов, обрушился. Теперь стоят только красные кирпичные стены, наверху которых уже выросли порядочной величины березки. Кругом этой рутины кучи битого кирпича и всякого мусора, а площадь представляет голую и грязную степь. Далее за площадью опять кучка каменных зданий: это лютеранская церковь, арестантские роты с домовою православную церковью, корпус присутственных мест и небольшой домик юрточной части с деревянной каланчей на крыше. Отсюда по правую сторону начинается березовая роща, предназначенная будущему университету, а по другую сторону дороги доживают свой век десяток покосившихся на бок деревянных домишек. Улица против университетского места (рощи), огороженного полусгнившим и наполовину растасканным частоколом, очень широка, но представляет собою изрытую котловину, в которой стоит почти не просыхающая грязь от стекающей сюда влаги со всех окрестных высот. От южной границы рощи опять начинается крутой подъем н вторую террасу, идущую до самого берега Томи, на котором расположены лагеря. Поднявшись на эту горку, направо и налево встречается еще небольшой ряд домиков, в том числе деревянный военный лазарет, неуклюжий, выкрашенный желтою краскою. Недалеко за ним начинается ограда губернского острога, выдающегося на улицу в виде серой полосы стоймя поставленных и заостренных бревен (палей). За тюрьмой начинаются кирпичные сараи и бесконечное число ям, из которых брали глину для выделки кирпичей.

Первое впечатление будущих университетских окрестностей было поистине удручающее. Тюрьма, арестантская рота, жалкие

покосившиеся домишки нищеты, пустыри, рытвины и овраги, одним словом – мерзость запустения! Не знаю как-то будет дальше, но первый день знакомства с Томском вконец разочаровал меня. Конечно, я и раньше не воображал его Москвой или Казанью, но все же думал, что это более или менее благоустроенный сибирский центр, своего рода столица Сибири. Вдвойне тяжело это разочарование: во-первых, потому, что с ним связано закрадывающееся сомнение в успехе великого дела – основания Сибирского университета, так настойчиво пропагандированного мной, и, во-вторых, потому, что я волей-неволей надолго должен буду связать свою судьбу с этим непривлекательным и грязным городом. Если я ошибся в расчетах на своевременность задуманного дела, если слишком доверчиво отнесся к идиллическим описаниям Сибири и рассказам людей, приезжавших отсюда в Петербург и с таким трогательным увлечением говоривших о своей родине, о ее неисчерпаемых богатствах и неудержимом стремлении к просвещению, если все это окажется мечтой и мистификацией, то результаты этой ошибки, прежде всего, я понесу на самом себе. Однако же не чересчур ли рано я впадаю в пессимистический тон? Не есть ли это хандра вследствие новой, непривычной обстановки? Грязь, пасмурное небо, убогая наружность города еще ничего не значит. Внешность Томска может быть очень плоха, но могут быть хороши люди, с которыми я еще совсем не знаком; даже если бы и люди были также грязны, как улицы, но все же может быть чиста и верна идея, с которою я сюда приехал. Новое дело задумано не для настоящего, а для будущего, и чем убоже нам представляется теперь Сибирь, тем нужнее употребить все усилия, чтобы рано или поздно сбросить кору этого убожества.

Под словом «лагери» здесь разумеют десяток домов барачной системы, выстроенных за городом на высоком и крутом берегу р. Томи, для летнего пребывания солдат местного батальона. Домики разбросаны по луговой равнине в половину квадратной версты; здесь же находятся бараки для офицеров и общая офицерская столовая, она же и клуб. Между постройками и рекой недавно разбить руками солдат довольно обширный садик с дорожками и беседками, обнесенный деревянной решеткой. Сюда по вечерам приезжают городские жители, чтобы подышать чистым воздухом, а по праздникам послушать военную музыку и солдатские песни.

По этому случаю офицерская столовая одновременно играет роль загородного клуба. Потому ли, что в день нашего приезда была очень пасмурная погода, или потому, что этот день не был праздничным, в садике и в столовой было совершенно пусто. Едва доискались прислуги и к великому удовольствию узнали, что обед заказать можно.

Пока готовили обед, мы пошли осматривать сад. Сам по себе он не представлял ничего особенного. Дорожки очень узки и по местам грязны; деревья посажены слишком густо, потому, несмотря на свою незначительную высоту (сад недавно разбит), они настолько затеняют проход, что при частых в Томске дождях дорожки не успевают просыхать. Впоследствии, вероятно, придется вырубить половину деревьев, чтобы дать простор движению воздуха. Лучшая сторона лагерей – это берег Томи. Высокий, обрывистый, он дает прекрасный вид на заливную долину реки, простирающуюся не менее 8–10 верст. По окраинам этого широкого пространства кое-где видны деревеньки. Внизу река оживлена проходящими плотами и здесь же устроенным перевозом, около которого копошится немало людей и животных. Перевоз устроен довольно оригинально. Несколько лодок поставлены вдоль средины реки, по течению, на якорях; от них проведен канат к парому, который, таким образом, двигается вроде маятника с одного берега на другой. Эта замысловатая механика называется в Сибири самолетом. Ширина Томи в этом месте на глазомер представляется около 60–70 сажен, а высота берега около 30−40 сажен. Этот пункт мог бы быть отличным местом для отдохновения городских жителей от присущей городу духоты, пыли и грязи. Здесь устроены скамейки, но и это единственное хорошее место испорчено присутствием нецивилизованного человека. Вместо отличного воздуха, каковым бы ему следовало быть, обоняние поражается чем-то весьма неприятным. Оглянувшись назад, мы увидели висящие над обрывом берега дощатые будочки, – очевидно, укромные места нижних чинов батальона. Заметив это и опасаясь испортить аппетит, мы отправились поскорее в столовую. Обед был приготовлен не дурно, может быть в силу пословицы, что голод есть самый лучший повар. Окончили мы его около 6 часов вечера и отправились тем же путем по домам, с удовлетворенным желудком, но далеко не с веселыми мыслями от всего виденного.

Садясь на тряскую долгушу, граф Стенбок, вероятно от избытка чувства, продекламировал вслух слова Некрасова:

Здесь гробовая тишина, здесь беспросветный мрак,
Зачем, проклятая страна, нашел тебя Ермак!

31 мая. Утром на другой день я специально отправился осматривать отведенное городской думой университетское место. Оно разделяется довольно глубоким оврагом на два участка: первый участок (со стороны соборной площади и присутственных мест) оказался наполовину застроенным дрянными зданиями. На самом углу стоит одноэтажный каменный дом в форме четырехугольного! неуклюжего ящика с каланчей, – это курточная городская часть. Рядом с нею громоздятся разные деревянные пристройки для нижних полицейский чинов и для пожарного обоза. В общем, они занимают большое пространство, но представляют из себя деревянную полусгнившую рухлядь. За этими постройками, задаваясь внутрь университетской земли, стоит не то обширный сарай, не то деревянный барак, крытый полусгнившим тесом, – это оказывается городской театр. Безобразнее этой хоромины трудно что-либо представить. Все эти постройки городская дума предполагает в нынешнем или будущем году продать на слом, как отжившие свой век и более ни на что не годные, как на дрова[1]. Сажен 40 далее за театром университетское место пересекается поперек оврагом, через который проложена грунтовая дорога с довольно крутым подъемом и спуском. Моста нет, потому в ненастную пору переехать этот овраг даже на простой долгушке не так легко. По другую его сторону начинается второй участок предназначенной университету земли. Он весь покрыт густым березовым лесом, потому называется городскою рощею. Площадь этого участка довольно значительная, около 150 сажен в длину, до следующего, еще более глубокого оврага, и столько же в ширину, но поверхность его неровная, представляющая несколько котловин и довольно значительный склон к стороне первого, северного оврага. Кроме того, в эту сторону впадает еще несколько глубоких промоин, с каждым годом размываемых весенними водами все больше и больше, так что в настоящее время они могут быть названы настоящими овражными отрогами. Сама по себе роща довольно привлекательна, хотя

[1] Театр был продан в 1881 г., кажется, за 200 р[уб]. После сломки и свозки осталась одна безобразная сорная яма, заросшая бурьяном.

она и не носит на себе никаких признаков культурной обработки, за исключением двух-трех просек, расчищенных под грунтовые дороги. Одна из таких просек ведет от театра к юго-западному концу рощи, где на крутом мысу стоит археологический памятник – порядочной величины земляной курган. С его вершины открывается широкий кругозор на заливную долину реки Томи. Мыс, на котором стоит курган, и вся западная окраина, рощи представляют собою старый высокий берег Томи, у подошвы которого лежит небольшое озеро, переходящее далее в вязкое болото. Сюда открываются все овраги, пересекающие площадь университетского места.

На восточной окраине рощи, ближе к улице, стоит деревянный дом с дощатой террасою. Это летнее помещение томского общественного собрания или клуба. От улицы роща ограждена низкой деревянной решеткой (палисадником), тычинки которой наполовину растасканы, а многие столбы подгнили. По этой причине роща посещается не только томскими жителями, но и городским скотом, во всякое время свободно гуляющим по улицам и площадям.

При осмотре университетского места я заметил себе два обстоятельства: 1) лучший его первый участок занят городскими постройками, от которых едва ли удастся скоро освободиться; 2) второй участок, собственно роща, по своей неровности и овражистости потребует больших планировочных работ для того, чтобы поместить на нем главный университетский корпус, имеющий по проекту 106 сажен длины. Такой более или менее ровной площади здесь совсем не оказывается. Придется ее создать искусственно, сняв возвышенный откос с одной (южной) стороны и перевалив его на другую (северную) сторону. Передняя часть этого места, обращенная к улице, в этом отношении еще более неудобна. Она представляет собой низкую ложбину, в которую стекают все дождевые и снеговые воды с окрестных высот, направляясь отсюда в боковые овраги. Поместить в этой яме университетское здание было бы крайне невыгодно. Его пришлось бы воздвигать на искусственной насыпи и ограждать от потопления со стороны дороги. Поэтому придется отнести главный корпус в глубину рощи, где место повыше и где можно выровнять требуемую площадь, сделав подсыпку только в одной северной половине здания. Здесь была бы только одна невыгодная сторона, именно та, что здание было бы не на виду, по улице, а скрыто в глубине, но с другой стороны, это имело бы и свои удобст-

ва: оно будет защищено от уличной пыли и более обезопасено в пожарном отношении. При таком размещении перед фасадом университета будет необходимо разбить довольно большой сквер, а место с улицы оградить приличной решеткой, что при составлении планов и сметы не имелось в виду, предполагая, что главный корпус будет поставлен фасадом прямо на улицу.

Явилась было у меня и другая мысль. С западной стороны, против обвалившегося собора, целый квартал занимают пять или шесть дрянных деревянных домишек. Все они в совокупности едва ли стоят более 10.000 руб. Если бы их купить на слом, университет поставить на этом месте, лицом к собору, – это было бы место самое подходящее. Оно значительно выше городской рощи.

Университетские здания здесь много выиграли бы в своей внешности и украсили бы будущую соборную площадь. Клиники в таком случае можно было бы поставить на том месте, где теперь юрточная часть и театр, т.е. через улицу от предполагаемого от покупки квартала; а рощу тогда обратить в ботанический сад. По моему мнению, эта комбинация не была бы даже убыточна для казны, так как планировка местности под здания в роще и устройство металлической решетки на протяжении более 250 сажен обойдется дороже, чем купить у частных владельцев весь соседний квартал с мизерными лачугами. Вся беда в том, что наше дело не частное, а казенное. Поэтому для осуществления помянутой комбинации пришлось бы начать длинную, переписку с министерством и отложить закладку университета, по меньшей мере, еще на год. Разве попробовать предложить Цибульскому не скупит ли он участки вышеупомянутого квартала на свое имя и за свой счет, с тем, чтобы потом подарить или продать их университету. Надо об этом переговорить.

Обойдя университетские участки во всех направлениях и познакомившись с их окрестностями, у меня оставалось еще достаточно времени, чтобы сделать беглый обзор этой половины города. Будучи в Петербурге и Казани, я судил о Томске по присланному мне городскому плану. Но какая разительная разница оказалась между планом и самым делом. По плану, например, значится, что университет выходит на Садовую улицу, а на деле здесь не только нет ни одного сада (не считая нашей рощи), но и самое слово улицы с трудом может быть применено к этому грязному корыту. Далее, показана

Бульварная улица, на которой вместо бульвара оказывается широкий пустырь, изрытый ямами, заросший бурьяном и заваленный кучами навоза. Это опять не улица, а деревенские задворки. Попробовал я подняться на пригорок, по переулку против самой городской рощи. На этом увале оказался десяток мещанских домиков, расположенных в одну улицу, а затем опять пустырь, изрытый оврагами, кирпичными ямами и заваленный всяким мусором. Вот каковы окрестности, будущего рассадника сибирского просвещения. Конечно, со временем все это изменится, застроится и будет приведено в благообразный городской вид, но теперь это мерзость запустения.

Приходилось мне читать, что при постройке новых американских городов сначала распланировывают улицы, проводят водостоки, устраивают мостовые и освещение, а потом уже, на подготовленном месте, начинают сооружать дома. У нас, наоборот, сначала запакостят место до невозможности, изроют его, завалят падалью и навозом, испортят дороги, не устроив ни мостиков, ни стоков, а потом на грязном пустыре начинают строиться. Мостовые и освещение при этом откладывают на самый задний план. Так было и в Томске. Казалось бы, что окрестности университетского места почти совсем за городом, где должна быть девственная почва, а на самом деле здесь все давно испорчено, как на задворках. Прекрасную луговую площадь сначала изрыли кирпичными ямами (из которых брали глину для кирпичных сараев), потом начали сюда свозить навоз и всякие нечистоты и затем уже селиться.

Возвратясь домой и позавтракав чем Бог послал, отправился делать первые визиты своим сослуживцам – членам строительного комитета, прежде всего к губернатору, губернатор, он же председатель нашего строительного комитета, Василий Иванович Мерцалов, только с нынешней весны назначен на этот пост, вместо оставившего службу Супруненко. Он только что приехал в Томск из Омска, где до того времени занимал место управляющая контрольною палатою. Раньше он служил в Тобольске чиновником по губернскому управлению. В Европейской России с именем губернатора привыкли соединять представление о более или менее внушительной особе, облеченной властью и должным авторитетом. В Сибири этого нет. Здесь он не что иное, как чиновник, командированный генерал-губернатором, во всем от него зависящий и им же поставленный. Может быть, по этой причине при выборе сибирских губернаторов

не требуется ни административного ценза, ни известного престижа. Вчерашний исправник или заурядный контрольный чиновник, по желанию главного начальника края, может быть сегодня назначен начальником губернии. Так вышло и с Василием Ивановичем, коему волею судеб вручено было управление громадной губернией. На вид он лет не более сорока, учился в Харьковском университете, теперь имеет чин статского советника и, по-видимому, чувствует себя поначалу, что называется, не в своей тарелке. На меня он произвел впечатление скромного чиновника, нерешительного и как бы подавленного новыми обязанностями. Этому соответствует и его домашняя обстановка. Казенного губернаторского дома здесь нет, поэтому губернаторы странствуют по вольнонаемным квартирам. Василию Ивановичу досталась скромная квартирка в доме купца Чернядева (против реального училища). Красный неоштукатуренный, двухэтажный дом; внизу лавки; крылечко со двора; в самой квартире пять небольших комнат с выбеленными известкой стенами и некрашеными полами. Семья Мерцалова состоит из жены и трех человек детей.

Другое впечатление производит обстановка городского головы Цибульского. Он живет в собственном доме с зеркальными окнами. Лестница парадных сеней устлана коврами; в прихожей торчат казачки, прислуга во фраках, дрессированная; внутренность дома также убрана довольно изящно, с штофными драпировками, коврами и дорогой мебелью. Сам Цибульский лет около 65-ти, по происхождению малоросс. Дед его принадлежал к добровольным выходцам, переселившимся в Сибирь в прошлом столетии. Здесь он женился на сибирячке и едва ли не на калмычке, так как в чертах лица Захара Михайловича видны монгольские черты (выдающиеся скулы и слегка косые глаза). Учился Захар Михайлович в уездном училище, женился на владимирской купчихе, Феодосье Емельяновне, почти одних с ним лет, но детей у них не было. Старики очень добродушны, отличаются русским хлебосольством, и потому их дом весьма часто посещается. В праздник и будни с 12-ти часов в зале накрывается большой стол, и кто бы ни пришел, первым делом начинается угощение. По этой ли причине или по доброй молве о радушных стариках, но редкий из проезжающих через Томск путешественников, или чиновников не посетит Цибульских; а томская знать бывает у них чуть не каждый праздник.

Цибульский не принадлежит к числу крупных капиталистов, подобно некоторым золотопромышленникам Восточной Сибири. Его благосостояние началось сравнительно недавно, лет 10–15 тому назад, когда он случайно напал на богатую золотую россыпь (Веселый ключ). До того времени он с страстным увлечением и долго занимался приискам, но, как многие другие золотопромышленники, часто терпел неудачу и бывал иногда в затруднительных положениях, не зная, как удовлетворить своих кредиторов. Последние годы Захар Михайлович, говорят, получает чистой прибыли от приисков около 100 тыс. руб. и уделяет от своих достатков значительную сумму на добрые дела. Так, напр[имер], он выстроил в Томске каменную церковь при исправительной арестантской роте и снабдил ее всей необходимой утварью. Также на дом реального училища он положил не менее десятка тысяч рублей и поддерживает содержание Владимирского детского приюта, где жена его, Феодосья Емельяновна, состоит почетной попечительницей. На Сибирский университет Захар Михайлович пожертвовал до 160 т[ыс.] р[уб.][1]. И по мере сил заботился о благосостоянии городского хозяйства как городской голова. Но что особенно выделяет Захар Михайловича из среды томского богатого купечества, это его безупречное прошлое. Про него никто не скажет, что он нажил состояние путем неправедным, как некоторые из здешних купцов, или их предков, которым молва приписывает не только обманы и подлоги, но даже открытые грабежи и убийства по большим дорогам. Равным образом, нельзя сказать, чтобы Цибульский, разбогатев, стал злоупотреблять своим богатством, обижая бедных и дозволяя себе разные самодурства, столь обычные у сибирских кулаков.

Третий член строительного комитета, Александр Ипполитович Дмитриев-Мамонов, был мне известен еще раньше, в Петербурге. Он окончил курс в Московском университете по естественному разряду физико-математического факультета, потом некоторое время состоял чиновником для командировок при Министерстве внутренних дел, откуда и получил назначение председателем губернского правления в Томске (кажется, в 1876 г.).

[1] За это пожертвование Цибульский награжден по представлению графа Д.А. Толстого орденом Владимира 3-й степени и правом поместить его портрет в актовом зале университета.

Это человек еще молодой (лет 30-ти с небольшим), хорошо воспитанный, с некоторыми привычками барства, унаследованными, вероятно, от предков Мамоновых, захудалым обломком которых он себя считает. Женат он на Елизавете Алексеевне Львовой, большой музыкантше, ученице Рубинштейна, мечтающей создать в Томске отделение Императорского музыкального общества. Взгляды А.И. и Е.А. на Сибирь диаметрально противоположны. Насколько он увлекается и смотрит на настоящее и будущее этого края через розовые очки, настолько она, не касаясь будущего, рисует настоящее мрачными красками. Не задаваясь отвлеченными мечтами, а анализируя все окружающее, она находит здесь и природу, и людей слишком суровыми, грубыми, изуродованными. Такой взгляд, может быть, действительно вернее и трезвее, нежели составленная нами в Петербурге идиллия. В своем месте мне придется еще коснуться этих данных, поскольку они будут связаны с ходом событий.

Мамоновы живут в каменном неоштукатуренном доме (Иваницкого), недалеко от новой соборной площади. Это одна из лучших наемных квартир, конечно, по томским понятиям. Здесь имеется крылечко с улицы, а не черный ход со двора, как обыкновенно. В квартире пять комнат, размещенных довольно толково. Две из них даже оклеены дешевенькими обоями, остальные выбелены. Есть маленькая терраса, выходящая в небольшой садик, проход в которую устроен из комнаты через окно по подставленной лесенке. Это нововведение придумано уже не хозяином дома, а жильцами и чуть ли не устроено на их счет. Я упоминаю о таких мелочах потому, что они характеризуют склад томской жизни в 1880 г. Пройдет десяток лет, явятся другие люди, разовьются другие привычки, и тогда никто не поверит, чтобы в Томске, еще так недавно, галерейка, наружный подъезд и обои в комнатах составляли выдающуюся новинку. Кто бы мог подумать, что оштукатуренный или обшитый тесом дом здесь составляет редкую роскошь, что дощатые тротуары (мостики) идут только по главной улице, и то с перерывами, что в темные ночи освещается только единственная улица и то сальными свечами, на расстоянии сажен 70 от фонаря! Если сказать при этом, что город получает ежегодного дохода до 170 т[ыс]. руб. и не имеет ни сносной полиции, ни порядочного пожарного обоза, то действительно можно прийти в недоумение, почему городское управление до сих пор не проявило никаких проблесков благоустройства. Виновато ли

здесь неряшество и небрежение городового самоуправления, или грубость и неумелость уполномоченных к тому лиц, об этом можно составить мнение тогда, когда удастся ближе познакомиться с городскими порядками.

За этот день отмечу еще один небезынтересный факт. Отправились мы в лавки купить кое-какие принадлежности домашнего хозяйства. Здесь нас, прежде всего, поразило то обстоятельство, что большая часть магазинов не имеет специальной торговли, а держат всего понемножку. Так, напр[имер], в одной и той же лавке вы найдете и фарфоровую посуду, и железные изделия, и закуски, и мануфактуры, и свечи. Каждый торговец старается, по возможности, разнообразить товар, но иметь всего понемножку. Этим, говорят, они больше привлекают покупателей и конкурируют друг с другом. Лучшие магазины помещаются по Миллионной улице, именно: мануфактурные Стахеева (елабужского купца, здесь не живущего) и фирма Петрова и Михайлова (Петров – московский купец, а Михайлов – его бывший приказчик в Томске). Здесь торгуют однообразным товаром (в одноэтажных каменных лавках, довольно грязных). Рядом с ними магазин Сорокина торгует колониальными товарами и разными сластями, чаем и сахаром. Здесь же продают мыло, свечи, табак, духи, канцелярские принадлежности и многое другое. Далее по той же улице находится магазин братьев Ненашевых. Здесь можно найти всякую всячину, начиная от золотых вещей и фаянсовой посуды и кончая грубыми железными и медными изделиями, армяками и конской сбруей. На той же улице существует небольшая китайская лавочка с природными китайцами, говорящими, впрочем, хорошо по-русски. Лавочка мизерная, но здесь можно найти, кроме чая и сахара, китайские шелковые ткани, фарфор (преимущественно вазы, блюда и чашки), тибетские белые меха и китайские бумажные картины. Все это, сравнительно, недорого и очень оригинально. Гостиный двор пребезобразный и непомерно грязный. Со всех сторон он окружен деревянными лавочками, сарайчиками и холщевыми шатрами, где торгуют по мелочи. Замечательно, что в целом городе нельзя купить приличной городской обуви. Продаются только мужицкие сапоги и бродни (кунгурской работы). Томская интеллигенция должна либо выписывать обувь, либо шить на заказ у местных мещан. Нет также ни одной сносной булочной, ни одной кондитерской. Обыватели, обыкновенно, заготавливают эти продукты на соб-

ственной кухне. Нет также ни одного перчаточного магазина и некому отдать вычистить перчаток. По знакомству сообщили нам, что этим делом негласно занимается жена учителя французского языка местной гимназии, но она это делает в виде одолжения, хотя и за плату по 40 к[оп.] за пару. Обратиться к ней можно не прямо, а через посредство ее знакомых. В данном случае мы воспользовались посредническими услугами Е.А. Мамоновой. Новых лайковых перчаток в Томске купить нельзя. В магазинах держат только вязаные, нитяные или шелковые.

Мебельных магазинов в Томске тоже не существует. Если кому понадобится стол, шкаф или стулья, нужно выжидать случая, либо присматриваться на толкучке (по пятницам), или заказать кому-либо из местных столяров. Нам нужно было приобрести для конторы строительного комитета стол, шкаф и полдюжины кресел. Посоветовали обратиться к лучшему здешнему мастеру: фамилия его Марсель, по национальности француз, сосланный сюда из Одессы за какие-то проступки. Когда мне его прислали, он оказался с виду настоящим томским мещанином: в азяме, подпоясан красным кушаком, в мужицких смазных сапогах. Обещался сделать мебель через месяц, кресла березовые по 12 руб., стол и шкаф сосновые, первый 15 руб., второй 35 руб. Другого столярного дерева, кроме сосны, кедра и березы, здесь нет. Хотелось обить кресла какой-нибудь материей, но Марсель за это не взялся, говоря, что в Томске обойщиков не имеется. Хотелось повесить на окна шторы, мне рекомендовали обратиться за этим к гробовщику, так как ему приходится иногда обивать гробы глазетом и позументами, а другие ремесленники обойным делом не занимаются. Усомнившись в правдивости такого ответа, я полюбопытствовал посмотреть мягкую мебель нашей гостиной, стоявшую под холщевыми чехлами. Оказалось, что на ней также нет обивки. Говорят, что в томских салонах это принято: под чехлами не видать, а шторы выписывают или покупают готовыми, большей частью соломенные или лощеные коленкоровые с разными пестрыми рисунками. Применяясь к обстоятельствам, и мы поступали также.

1-го июня. Воскресенье. Обедали сегодня опять в лагерях, за невозможностью достать в городе ничего горячего. Утром хлопотали по хозяйству, сделали необходимейшие покупки. В лавках трудно что-либо выбрать, а что есть, – страшно дорого. Говорят, теперь такое неблагоприятное время: что было запасено с прошлого лета, уже

распродано, а новые товары еще не получены. От такого объяснения ничуть не легче. Купили небольшой чайный сервиз на 6 персон, с чайником, сахарницей и полоскательной чашкой, из дрянного фаянса, и несколько глиняных тарелок с такими же судами, чтобы носить обед. Заплатили за эту дрянь 32 р[уб]. За пару дрянных тюфяков, набитых верблюжьей шерстью, пришлось дать 25 р[уб]., за две железные складные кровати 35 руб. (в Казани они стоили бы рублей 12–15). За медные подсвечники, железный поднос и разный хозяйственный хлам – 15 руб. Стеариновые свечи продаются здесь по 35–40 к[оп]. фунт, керосин 15–20 к[оп]., сахар 35 к[оп]. фунт. Я упоминаю об этом потому, чтобы дать понятие о томских ценах. Обед в лагерях (из трех блюд на три персоны) нам стоит каждый день пять рублей, да извозчик туда и обратно 3 руб. За квартиру в четыре комнаты мы платим А.Ф. Жиллю за три летних месяца 150 руб. Годовая цена ее 600 р[уб]. за голые, выбеленные известкой стены, без всяких житейских удобств. Из этого можно заключить, что жизнь в Томске далеко не дешева.

2-го июня. Наконец, удалось нам несколько устроиться с своим хозяйством. Нашелся такой антрепренер (мещанин Соколов), который взялся нас кормить помесячно и предложил в наше распоряжение пару вороненьких нарымских лошадок в открытой тележке и взял за все это по 210 руб. в месяц. Обед готовится у него на дому (по той же улице, но в другом квартале). Приносить его будет в судках наш человек, Александр, нанятый в Томске по 10 руб. в месяц. Каково будут готовить, еще не известно, но сыты, вероятно, будем.

III

Начало строительных работ. – Дальнейшее ознакомление с городом, людьми и порядками. – Характеристика сибирского купечества. – Разбойничье нападение. – Разбойник Лиханов. – Взгляд властей и жителей на разбои. – Пожары. – Чаепитие в театре. – Тюремный смотритель, глава шайки воров. – Легенда о Кузьмиче. – Затруднения для начала постройки

3 июня. Вторник. Сегодня состоялось первое заседание Строительного комитета в квартире председателя его, и.д. томского губернатора, статского советника Василия Ивановича Мерцалова. Членами комитета состоят, кроме меня, председатель томского губернского правления, коллежский асессор Александр Ипполитович

Дмитриев-Мамонов, томский городской голова, коммерции советник Захар Михайлович Цибульский и назначенный строителем университетских зданий, инженер-архитектор, коллежский асессор Максимилиан Юрьевич Арнольд. Делопроизводителем комитета состоит командированный от Министерства народного просвещения статский советник Андрей Семенович Белявский. В мое отсутствие, во время зимних месяцев, Белявский исполняет функции члена комитета, с правом голоса, сохраняя вместе с тем должность делопроизводителя. Это установлено с той целью, чтобы Министерство просвещения всегда имело в комитете свое уполномоченное лицо. Мне были даны министром народного просвещения особые поручения – следить за приспособлением строящихся помещений к учебным целям и заботиться о постепенном заготовлении (путем пожертвований) и хранении учебного университетского имущества. Как представитель министерства, специально знакомый с университетскими потребностями, я должен был наблюдать за целесообразностью построек в частностях и ежегодно представлять министру особые отчеты о ходе и направлении строительных работ. Белявский, в мое отсутствие, во время зимних месяцев, должен действовать по моим указаниям и письменно сноситься со мной.

В первом заседании комитета, прежде всего, был поднят вопрос об отведенной Томской городской думой земле под постройку. По плану на отведенном участке значилось 23 десятины, из коих половина, расположенная под горой и занятая озером и болотом, совсем не пригодна для построек, а участок на высоком берегу, покрытый березовой рощей, представляет местность неровную, изрытую оврагами. Вырубив рощу и засыпав часть оврагов и котловин, здесь можно было разместить главный университетский корпус и клиники, но для ботанического сада с оранжереями и питомниками места не оказывалось. Поэтому я просил комитет войти в думу с представлением о необходимости присоединить к университетской земле следующий южный участок (пустырь), за дальним оврагом, вплоть до военного лазарета. В том же заседании комитет ознакомился с вопросом о строительных материалах и убедился при этом, что при заготовке их предстоят весьма большие затруднения. Сметы на постройки составлялись по справочным ценам 1877 г., когда кирпич продавался в Томске по 8 р[уб]. тысяча, бут по 8 р[уб]. куб. саж., ныне же кирпич покупают, притом малыми партиями, по 14–

16 р[уб]., а бут по 17 руб. При всем том, даже за такую высокую цену невозможно было получить строительные материалы в должном количестве. А.И. Мамонов обещался несколько облегчить это затруднение более дешевым арестантским трудом томской исправительной роты.

Архитектором Арнольдом возбужден был вопрос о назначении ему помощника, двух десятников и двух чертежников. Я пробовал возразить, что, при неимении строительных материалов, в текущем году работы будут крайне ограничены, и потому в помощниках едва ли предвидится необходимость; но Арнольд настоял на своем. Потому ли, что члены комитета не вошли еще в курс дела, или просто потому, что в первом заседании они не хотели возбуждать споров и разноречий, все согласились удовлетворить предложение Арнольда. Рекомендованному им гражданскому инженеру Бетхеру (состоящему при губернской строительной комиссии) назначили содержание по 150 руб. в месяц, из строительных сумм, чертежнику по 50 руб., десятнику по 75 р[уб]. в месяц. Такое проявление архитекторских наклонностей Арнольда не предвещает добра. До будущей весны, когда собственно должны начаться настоящие строительные работы, его преждевременные помощники будут стоить комитету до 3000 руб., затраченных совершенно без пользы. Если мы так будем действовать, далеко не уйдем. В том же заседании председатель предложил на должность бухгалтера строительного комитета некоего О-скаго[1], ссыльного поляка, служившего у Мерцалова по вольному найму в омской контрольной палате, когда В.И. был там управляющим, до назначения в Томск. Бухгалтеру назначили содержание по 800 р[уб]. в год. Это назначение можно было бы признать своевременным и правильным, но по собранным мною частным сведениям прошлое О-скаго представляется далеко не безукоризненным. Говорят, он был приговорен за польское восстание в каторжные работы, но во время следования в Сибирь поменялся именем с другим ссыльным поляком, приговоренным к поселению в местах не столь отдаленных. Этот последний страдал чахоткой и должен был вскоре умереть и, действительно, умер спустя несколько недель в Тобольской пересыльной тюрьме, и О-ский, принявший фамилию умершего ссыльно-поселенца, остался в Западной Сибири, поступил

[1] Ольшевский (сост.).

впоследствии на службу в омский контроль и пользуется ныне благорасположением В.И. Мерцалова.

4–6-го июня. Продолжаю знакомиться с томским обществом. Первенствующую роль здесь играют купцы. Они задают тон жизни, правда, очень низменный, и являются самыми почетными гостями в салонах местной администрации. За эти дни я был у местных тузов-коммерсантов: Королева, Михайлова и Тецкова, предполагая, что они могут быть нам полезны в строительном деле, как здешние старожилы и капиталисты. Все они имеют в Томске собственные каменные дома, построенные по одинаковому типу, как снаружи, так и внутри. Вот тип сибирского городского дома: крепкие ворота, постоянно на запоре, большой двор, обнесенный высокими каменными стенами, как крепость; в глубине двора обширные навесы на каменных столбах, крытые железом; под ними вход в сараи, кладовые и погреба для склада товаров. Парадный подъезд всегда со двора. Богатые купеческие дома почти всегда двухэтажные: внизу помещается контора и приказчики, вверху квартира домохозяина, большей частью из пяти, или шести комнат, весьма неуютных. Стены выбелены известкой, иногда украшены литографированными портретами митрополитов и государей. В переднем углу каждой комнаты много икон в разных золоченых киотах с теплящимися лампадками. В первой комнате старомодные стулья расставлены только по стенам; во второй комнате (гостиная) у задней стены непременно помещается диван и круглый стол, от которого в глубину комнаты идут два ряда тяжеловесных кресел. Над диваном зеркало. Третья комната по фасаду, чайная или столовая, убрана попроще. Здесь непременно стоит комод или горка с серебром или чайной посудой. По заднему фасаду размещаются так называемые жилые комнаты, в отличие от необитаемых парадных. Штор и драпировок обыкновенно не полагается, но любят разводить комнатные растения. По этому типу устроены почти все богатые купеческие дома, в которых мне приходилось быть, кроме дома Цибульского, где имеются обои, драпировки и даже паркетные полы в двух комнатах.

Что касается до самих купцов, то для характеристики их я пока не имею достаточных данных. Тецков отрекомендовался мне чуть не потомком самого Ермака. Перед Цибульским он состоял городским головой, имеет, по-видимому, хорошее состояние, но в грамоте не далек. Михайлов П.В., человек новый, из владимирских офеней. Не-

давно он состоял приказчиком у московского купца Петрова по торговле мануфактурными товарами, теперь принят в долю, как компаньон. Большой краснобай и церковник, любит говорить о своих заслугах по части украшения церквей, но доверия к себе не внушает. Королев считается в Томске первым богачом. Он также был приказчиком у томского купца Ненашева, после смерти которого женился на его вдове и этим положил основание своему богатству. Человек крайне несимпатичный, завистливый и скупой.

Тецков, Михайлов и Королев считаются выдающимися гражданами города Томска. Они носят шитые мундиры, по званию попечителей каких-либо благотворительных или учебных заведений, имеют ордена на шее, но, по существу, они остаются теми же офенями, или бывшими крепостными, из среды коих они недавно вышли благодаря своей юркости или случайности. Другие сограждане, говорят, не лучше описанных. С ними я еще не имел случая познакомиться. При таком складе томского общества трудно рассчитывать на местную поддержку университета: он выше их понимания.

7-го июня. Суббота. Сегодня прибыл в Томск новый генерал-губернатор Восточной Сибири Анучин и был у меня с визитом. По-видимому, человек очень образованный и много обещающий, особенно по сравнению его с бароном Фридериксом, ныне живущим на покое у нас в Казани. После графа Н.Н. Муравьева Восточная Сибирь давно ждет умного и деятельного начальника. Нынешняя размолвка с Китаем по поводу Кульджи требует большой предусмотрительности и осторожности на наших восточно-сибирских границах. В этом отношении умный начальник края ныне более необходим, чем когда-либо. Анучин говорит, что в случае войны с Китаем ему предстоит трудная задача охранять Амурский и Уссурийский край, в котором нет ни дорог, ни войска, ни укреплений, ни продовольствия.

8-го июня. Воскресенье. Троица, мой любимый праздник. Город убран березками, но жаль, что погода не соответствует праздничному настроению. Небо пасмурно, по улицам невообразимо грязно. После обедни был с визитом у преосвященного Петра. Живет он в архиерейском доме, недавно купленном у золотопромышленника Асташева. Дом сам по себе хороший и удобный, но в нем нет ничего архиерейского. Что особенно странно, в зале оставлены от прежнего владельца некоторые картины и бронза совсем не духовных сюжетов. Домовой церкви тоже нет. Сам преосвященный не напоминает

святителя, а выглядит простым добродушным монахом. Впрочем, я вижу его в первый раз, может быть, и ошибаюсь.

Вечером погода несколько прояснилась. Ездили прогуляться в лагери. Там играет военная музыка, поют песельники, много народу, но интересного ровно ничего нет. Публика весьма невзрачная; у въезда много экипажей, но это большей частью плетеные коробки на дрожинах, либо долгушки[1]. Странно, что, несмотря на большое изобилие в Томске дождей, здесь совсем не видно крытых экипажей. Казалось бы, по здешнему климату всего пригоднее были бы крытые дрожки[2], а никак не плетеная из прутьев тележка (по местному названию «коробок»). Не объясняется ли это тем, что дрожек здесь некому сделать, а надо их выписать, по меньшей мере, из Екатеринбурга? Какой же, в таком случае, это жалкий и неразвитый город!

10-го июня. Вторник. Второе заседание Строительного комитета, в квартире В.И. Мерцалова. Главной темой рассуждений служило заготовление строительных материалов. Оказывается, что на томском рынке нет ни камня, ни леса, ни кирпича, ни извести. Существует пять или шесть кирпичных заводов, но все они в совокупности вырабатывают в год не более одного миллиона кирпичей для всех городских надобностей, преимущественно на печи, на фундаменты и мелкие постройки. Рассчитывать на это производство Строительный комитет не может не только в нынешнем, но и в будущем году. Бутового камня достаточно, но он не на рынке, а в окрестных горах, откуда его надо добыть (наломать) и привезти своими рабочими или заказать томским мещанам заблаговременно. В таком же положении известь и лесной материал. Комитет получил разрешение вырубить до 30 тыс. бревен в томской тайге, без попенной пошлины, но эту операцию можно начать только будущей зимой.

Между тем нам нужно, во что бы то ни стало, произвести закладку Сибирского университета 26-го августа текущего года, хотя бы только для почина дела. Для этого необходимо запасти не менее 50–100 куб. сажен бута и 100 или 200 тысяч кирпича. А.И. Мамонов, как председатель губернского правления, в ведении коего находится местная арестантская исправительная рота, предложил нам услуги этой последней. На этой же неделе поставят партию арестантов ломать бут на городской земле по берегу реки Ушайки. Часть извести,

[1] Телега, повозка с длинным кузовом (сост.).
[2] Легкий четырехколесный экипаж (сост.).

надеемся, пригонят на плотах с верховьев Томи, а сотню тысяч кирпичей раздобудем к концу лета. Для соблюдения законной формы объявим торги на все строительные материалы. Вперед можно видеть, что никакой пользы от этих торгов не будет, но они, по крайней мере, выяснят положение здешней строительной промышленности. Арнольд настаивает на том, чтобы комитет построил собственный кирпичный завод для летней и зимней машинной выделки по пяти миллионов кирпичей в год. Эта затея крайне осложнила бы наши обязанности и запутала бы все строительные расчеты. В.И. Мерцалов рекомендует поручить постройку завода купцу Михайлову на тех же основаниях, с субсидиями от комитета. Такая мера едва ли будет выгоднее и практичнее арнольдовского проекта. Надо осмотреться и не торопясь поискать другого, более надежного выхода.

В том же заседании я снова внес формальное заявление о недостаточности отведенного университету места и просил городского голову Цибульского предложить на обсуждение думы вопрос о прирезке смежного (с южной стороны, за дальним оврагом) пустыря вплоть до военного лазарета. Дмитриев-Мамонов по поручению старшин томского общественного собрания предложил Строительному комитету приобрести деревянный дом летнего собрания, стоящий на университетской земле и подлежащий сломке на своз. Комитет охотно принял это предложение и согласился оставить за собой это старое, но довольно обширное здание, при оценке его в 700 руб. Здесь предполагается поместить контору, чертежную, квартиру смотрителя, десятника и сторожей, и также склад инструментов и более ценных материалов.

11-го июня. Среда. Начал занятия по разборке книг будущей библиотеки Сибирского университета. Нынешней весной они препровождены в Томск (из Петербурга и Москвы) и хранятся в складах гостиного двора (в каменном, так называемом биржевом корпусе), в количестве 250 ящиков. Из числа этих обширных коллекций, переданных мне на хранение, по библиотекам гр. Строганова и Голицына я не имел никаких каталогов. Это обстоятельство, а равно необходимость осмотра ящиков после их доставки (из опасения порчи или подмочки книг в пути) заставили меня приступить к вскрытию ящиков и переписке находящихся в них книг. Это дело мы организовали таким образом: три переписчика (учитель реального училища Турнефор, г[осподин] Дикгоф, окончивший курс в Дерптском универси-

тете и бухгалтер Строительного комитета) должны ежедневно приходить в склад в 9 часов утра. К этому времени я и делопроизводитель комитета Белявский должны быть там же, снять с дверей печати (восковые) и отворить помещение. Занятие продолжается до двух часов, после чего магазин запирается тем же порядком. Заглавия книг переписываются на карточки, по 2 коп. за штуку. Таким образом, мы надеемся в течение лета переписать все ящики, за исключением тех, которые были приняты по каталогам.

12-го июня. Четверг. Был у купца Петрова-Родионова по случаю покупки леса. Дом этого купца находится на краю города, недалеко от Ермаковской[1] церкви. Из переговоров о лесе ничего путного не вышло: заломил такую цену, что никак на нее нельзя было согласиться (по 2 руб. за 7–8 вершков, 9-аршинное бревно).

Этот визит дал мне возможность познакомиться с редкостным экземпляром настоящего сибиряка. Родионов по виду лет 65–70, вышины и толщины непомерной, голова совершенно голая, лицо напоминает скорее тучного зверя, нежели человека. Рассказывает, что в молодости он был ямщиком. Нажил состояние, стал заниматься подрядами по перевозке товаров между Томском и Иркутском.

………………………………………………………………………
………………………………………………………………………
………………………………………………………………………

Теперь Родионов в периоде покаяния: строит церкви, жертвует на приюты и больницы. Дом у него прекрасный, полукаменный. Вверху парадные необитаемые комнаты, а внизу, в духоте и жаре, он живет сам, кажется, совершенно один. Были у него две дочери: одну из них он выдал за чиновника Кайдалова, а другую – за купца Еренева, и доживает свой век в пустых хоромах бобылем. Не знаю, насколько подобные рассказы правдивы, но, ознакомившись с томским купечеством, я составил о нем невыгодное понятие. Все они вчерашние приказчики или ямщики, едва умеющие читать и писать. Это было бы еще в порядке вещей, но ненормально то, что эти самые купцы задают здесь тон жизни, подчиняют своему карману весь чиновный мирок. Всюду они на первом месте: и у губернатора, и у архиерея, не говоря уже о второстепенных чиновниках. Все за ними ухаживают в видах той или другой благостыни, и это дает городу

[1] По всей вероятности, Ярлыковская (сост.).

убеждение, что вся сила в купеческих карманах. За ними интеллигенция и администрация являются как случайный квартирант-нахлебник в чужом дому, оттесненный на второй план. Такое приниженное положение чиновничества объясняется, по моему мнению, его малочисленностью и ограниченностью средств. Большинство из них получают содержание не свыше 1000 руб. в год, нередко при большой семье. Вице-губернатор получает всего 2000 руб., а губернатор, кажется, 4000 руб., советники по 800 руб. При таких ограниченных средствах честный человек забирается в конуру, ездит по городу в телеге, одевается чуть не в овчинный тулуп, а человек с податливой совестью невольно дружит с купечеством, лебезит и заискивает перед ним.

14-го июня. Суббота. Заседание комитета по поводу покупки у Королева круглого леса в количестве 5000 бревен. Цена оказалась подходящая, по 12½ коп. за погонный аршин, на круг, за всякую толщину (от 5 до 7 вершков в отрубе). На это предложение согласились все члены. Королев заготовил этот лес года два иди три тому назад, предполагая окончить на свой счет достройку обрушившегося собора. При этом он ставил два условия: 1) чтобы верхнюю часть собора и купола выстроить деревянными, а не каменными, и 2) чтобы местные архитекторы и администрация не вмешивались в это дело. На такие условия губернатор не согласился, почему Королев распродает теперь заготовленный строительный материал.

15-го. Воскресенье. Концертный вечер у Мамоновых по случаю приезда каких-то двух датчан. Они путешествуют по Сибири, частью с научными, частью с экономическими целями, предполагая отыскать здесь какое-либо промышленное предприятие. Думают, между прочим, устроить в Тобольске завод для приготовления консервов из нельмы, осетрины и стерляди для сбыта в Европейскую Россию, Швецию и Данию. Хотят там же фабриковать из бараньей кожи шведские куртки. Не знаю, как у них пойдет это дело, но завидно видеть энергию этих молодых иностранцев, открывающих у нас под носом, может быть, выгодные предприятия, до которых мы не могли додуматься сами. Да и кому у нас думать, когда безграмотная Сибирь три столетия спит непробудным сном. Беседа с датчанами была очень интересна, но концерт вышел уморительный. Сама Е.А. Мамонова очень хорошая пианистка, но остальные исполнители были из рук вон плохи.

16-го. Сегодня те же датчане обедали у Цибульского. Нас и Мамоновых пригласили на этот обед, между прочим, в качестве переводчиков, так как ни сами Цибульские, ни остальные гости совсем не понимают иностранных языков. Обед был приготовлен вкусно и стол сервирован весьма прилично; но странно было видеть иностранцев, попавших в такую среду, где они не могут ни поддержать разговора, ни сами понимать, что о них говорят.

17-го. Вторник. Томские врачи приглашали меня навестить их раненого товарища, доктора Скавинского. У него оказались три пулевых раны: одна навылет в правом плече, другая такая же в левом бедре, а третья пуля засела в сосцевидном отростке за левым ухом. Произошло это при следующих обстоятельствах. Доктор Скавинский, имевший значительную практику в городе, возвращался около трех часов дня к себе на дачу (на Хромовскую заимку, версты четыре или пять от города). Ехал он один в тележке на собственной лошади. В трех верстах за пересыльной тюрьмой, по Иркутскому тракту, его догоняет всадник и требует, чтобы доктор остановился и отдал ему добровольно деньги и лошадь. После такого нахального требования, Скавинский погнал лошадь во всю прыть, а догоняющий его разбойник начал в него стрелять из револьвера. Из четырех выстрелов три попали в цель и произвели вышеописанные раны, ксчастью, не смертельные. Быстрота лошади и близость заимки спасли жертву от дальнейшего преследования. Раны в плече и бедре оказались неопасными, без повреждения крупных сосудов и кости, а сплющенную пулю, засевшую в сосцевидном отростке, удалось извлечь. Раненый, все время оставаясь в сознании и очень хорошо приметив черты нападавшего, даже знал его в лицо – это был томский мещанин Кирпичников.

Любопытнее всего действия полиции по расследованию этого преступления. После опроса Скавинского Кирпичникова арестовали при полицейском участке, откуда он бежал в ту же ночь. При снятии показания, где и как провел он этот день, Кирпичников объяснил, что он выехал со двора верхом на рыжей лошади в 9 час. утра (это подтвердили и соседи), был потом на базаре и возвратился домой часов в 12 дня (этого соседи не подтвердили). При обыске в его квартире нашли револьвер со следами недавних выстрелов. Рыжую оседланную его лошадь нашли в кустах за пересыльной тюрьмой. Казалось бы, все улики были налицо, тем более, что и сам постра-

давший прямо указывал на личность грабителя, но блюстители сибирскаго правосудия нашли, что потерпевший не может быть свидетелем в своем личном деле, тем более, что он в данное время находился под влиянием сильного возбуждения, от страха и огнестрельных ран. Им почему-то хотелось свалить всю эту историю на другого, явного разбойника Лиханова, открыто грабившего в это лето и в городе, и по его окрестностям. Кирпичникова оставили в подозрении, после чего он тотчас же из бегов вернулся домой.

Кстати скажу здесь и про Лиханова. Легенды о его похождениях мне пришлось слышать в первые же дни после приезда в Томск. Не проходило дня, чтобы он не давал себя знать какой-нибудь отчаянной выходкой. Его боялись не только в окрестностях города, по большим и проселочным дорогам, но и в самом Томске. Грабил он только купцов и чиновников, крестьянам же и мещанам покровительствовал. С последними у него, очевидно, были постоянные сношения. Невозможно перечислить всех его деяний за это время, напоминающих сказочные времена. Может быть, в рассказах было кое-что и преувеличенное, но на город он, во всяком случае, наводил страх. И я, грешный, первое время по ночам сильно побаивался, не столько за себя, сколько за семью, тем более, что проникнуть к нам в квартиру с улицы было очень легко. Полиция и губернская администрация не оказывали жителям никакой помощи. Они наряжали крестьян почти целыми деревнями искать и ловить Лиханова, но, конечно, без всякого успеха. Крестьяне боялись выдать разбойника из опасения поджога деревни, а, может быть, и сочувствовали его деяниям, так как они лично их не касались. Томская городская дума напечатала и расклеила на всех перекрестках объявления, что тому, кто доставит Лиханова в Томск, живого или мертвого, будет выдано городским управлением вознаграждение в размере 300 руб. По этому поводу я говорил Цибульскому, что за такой приз разбойника непременно убьют те же крестьяне или мещане. На это он мне ответил, что цель объявления в том и заключается. Живого поймать очень трудно, а подстрелить за 300 руб. охотников найдется много. Губернатор был того же мнения и не претендовал против назначения приза. Чисто сказочные времена.

19-го. Четверг. Первый блин вышел комом. При ломке бута для университетских построек в числе, поставленных для того, арестантов оказался самоучка-пиротехник. Он убедил Мамонова, что

дело пойдет гораздо успешнее, если он применит порохострельные работы, техника коих ему, будто бы, хорошо известна.

Это предложение было принято. Навертели в скале дырок и положили заряды; но при первом выстреле от неуменья, или от неосторожности, самоучке-технику раздробило голову разлетавшимися от скалы осколками. Вот и первая жертва перед началом закладки Сибирского университета. Дай Бог, чтобы она была и последнею. Порохострельные работы после того, конечно, остановили и скалу начали грызть, по первобытному способу, кирками и железными клиньями.

20-го. Пятница. В городе почти ежедневные пожары, несмотря на сырую, дождевую погоду. Странно, что загорается обыкновенно на сеновалах и в холодных пристройках, при том в один и тот же час дня, точно по заказу. Лишь только успеем пообедать, после пяти часов, раздается учащенный звон набатного колокола. К счастью, ни один пожар до сего времени не принимал больших размеров. Городская пожарная команда работает довольно энергично, особенно по части разламывания заборов и деревянных пристроек, но средства тушения слабы. Больше всего затруднений с доставкой воды, если пожар начинается в нагорных частях города. Порядка на пожарах нет никакого; уличная толпа распоряжается по своему усмотрению, полиция в грош не ставится, да ее и незаметно.

21-го. Суббота. Опять пожар по Миллионной улице, рядом с Сибирским банком (в доме Некрасова) недалеко от гостиного двора. Становится страшно за наши книжные склады. Кругом биржевого корпуса, на задах гостиного двора, масса деревянных лавчонок, а ближайший конец Духовской улицы весь застроен деревянными домами. Долго ли до греха! Ежедневные пожары, очевидно, не случайность, а упорное поджигательство. Появились подметные письма. Томск угрожают выжечь так же, как сожжен Иркутск, в прошлом году. Любопытно, кто этим орудует: ссыльные бродяги или анархисты, свившие в Томске прочное гнездо. Все это очень дурные предзнаменования для будущего университетского города.

22-го. Воскресенье. Сегодня выдался ясный солнечный день. Ездили с Мерцаловыми и Цибульскими за город, на Степановку, верстах в четырех от Томска. Место очень красивое, отличные луга и рощи, недалеко живописные берега речки Ушайки, Здесь живет несколько дачников, но самые дачи весьма незавидные. Они по-

строены лет сорок тому назад, когда в Томске жили богатые золотопромышленники, но теперь эти летние резиденции скорее напоминают живописные руины, чем жилые места. Значительный участок казенной земли, прилегающий к Степановке, арендуется купцом Михайловым. Здесь под горой находятся весьма доброкачественные железные источники, правда, не разработанные, но очень обильные. Томские жители иногда употребляют эту воду внутрь с большой пользой. Хорошо бы было, если бы впоследствии удалось Сибирскому университету выпросить этот участок земли у Министерства государственных имуществ в свою собственность, или взять его на долгосрочную аренду. Здесь можно было бы развести, как отделение ботанического сада, питомники для акклиматизации плодовых деревьев и кустарников, а потом, когда осуществится открытие при физико-математическом факультете технических специальных отделений, здесь же, на Степановке, можно было бы основать учебно-образцовые заводы для практического изучения необходимейших для Сибири технических производств. Минеральные источники взял бы в свои руки медицинский факультет. Таким образом, сотня десятин земли, которую арендует теперь за ничтожную плату Михайлов, принесла бы несравненно большую пользу и государству, и университету, и местному краю.

В сумерках, возвращаясь со Степановки, мы встретили по дороге группу бродяг. Вез всякого опасения они подошли к нашим экипажам, прося подать что-нибудь. Мы велели им отдать остатки нашей провизии. К бродягам здесь так привыкли, что совсем их не боятся, даже в глухих загородных местах, равным образом, и они нисколько не опасаются даже при встрече с чиновниками в форменных сюртуках, как, например, в данном случае с губернатором Мерцаловым. Говорят, не было случая, чтобы бродяги ограбили бы или обокрали кого-нибудь. Со своей стороны и местное население относится к ним не только снисходительно, но даже сочувственно, давая им приют и заработок. Такие отношения к ссыльному элементу в Сибири настолько своеобразны и любопытны, что когда-нибудь на досуге я напишу об этом подробнее.

23-го. Понедельник. Утром было заседание комитета для рассмотрения разных текущих дел.

Познакомился с П.И. Макушиным. В Томске он считается деятелем по народным школам. Окончив курс в Петербургской духовной

академии, он первоначально служил при Алтайской миссии, а потом, кажется, при здешней духовной семинарии. Теперь находится в отставке (хотя сравнительно еще молодой человек), содержит в Томске библиотеку для чтения, книжный магазин, типографию и литографию, основанные на средства брата вышеупомянутого купца Михайлова, Василия Васильевича, человека холостого, достаточно грамотного, с некоторыми прогрессивными замашками. Дела этой компании, под фирмой Михайлов и Макушин, идут недурно: первый дает средства, второй – труд и умение. Все это очень хорошо и полезно. Жаль только, что конторщицы и продавщицы книжного магазина по манерам и облику напоминают, блаженной памяти, нигилисток конца шестидесятых годов. Те же стриженые волосы, очки, небрежность костюма и угловатость манер. В Петербурге и в Казани такие экземпляры отошли уже в предание, а здесь эта запоздалая мода все еще держится и, по-видимому, не без успеха.

24-го. Вторник. Были в театре. Играли раздирающую душу драму из русского быта. Актеры, применяясь к вкусу публики, старались изо всех сил воздействовать на нее отчаянными жестами и криками. В одной сцене, где по ходу пьесы требовалось убийство, артист выбежал со сверкающим топором в руке, бросился на свою жертву, как разъяренный зверь, и так неистово вонзил топор в деревянную скамейку, что нам сделалось просто страшно. От такого внушительного движения восторг у публики был неописуемый.

О внешности томского театра я уже говорил раньше. Внутренность его напоминает собой старый мрачный сарай со стойлами по бокам (ложи). Мы были в ложе с Цибульскими. Прежде чем войти в ложу, человек Цибульского разослал там тюменский ковер, поставил столик, покрыв его салфеткой. Все это было привезено из дому. Во время первого антракта подали нам в ложу самовар с чайным прибором, приготовили чай и печенья. Сначала это нас несколько удивило, но, осмотревшись кругом, мы заметили то же самое и в некоторых других ложах. Стало быть, такое чаепитие здесь в порядке вещей. Сказать по правде, это довольно удобно и остроумно: пьеса идет своим порядком, а публика в то же время, не торопясь, наслаждается чайком.

25-го. Среда. Разборка и переписка книг продолжается успешно. С каждым новым ящиком открываем новые и новые сокровища. Дай Бог все это сохранить (главным образом от огня) до окончания по-

стройки и открытия университета. Много пищи для любознательного ума и просвещенного вкуса найдут здесь господа профессора, если пожелают воспользоваться таким дорогим и редким книгохранилищем. Но пожелают ли? Этот вопрос я нередко задаю себе, считая его далеко не праздным. Нынешнее поколение ученых, по-видимому, не особенно дорожит стариной. Воспитанное на ежедневной газете, оно не привыкло оглядываться назад, живет исключительно текущими новостями и убеждено в том, что чем свежее листок, тем он содержательнее. Все наперерыв собираются делать новые открытия и точно стыдятся повторять зады. А между тем, если бы они почаще заглядывали в старые книжки и знакомились бы с ними в подлиннике, не увлекаясь новым влиянием, – какими мизерными показались бы им их новые quasi-опытные и самостоятельные «работы».

26-го. Четверг. Осматривал томские кирпичные заводы. Наибольшая их часть расположена за чертой города по Иркутскому тракту (за пересыльной тюрьмой). Все они принадлежат местным мещанам и устроены очень примитивно. Глину мнут рабочие собственными ногами, снимая исподнее платье; формировкой и правкой кирпичей (ручным способом) занимаются почти исключительно бабы. Кирпичи выходят, большей частью, неровные, неуклюжие. При ненастной погоде они очень медленно сохнут. К обжигу не могут приступить раньше августа. Запас сырых кирпичей на всех заводах (правильнее сказать, кирпичных сараях) не больше одного миллиона. Из них большая половина уже запродана с зимы с получением задатков. Без задатков кирпичные промышленники не могут вести дела, так как все они люди недостаточные. Производство кирпичей им обходится (с обжигом) не дороже 6–7 руб. с 1000 (по их словам), а может быть, и дешевле. Доставка в университетскую рощу обойдется не менее 2 руб. По этому расчету кирпич мог бы быть приобретаем не дороже 9–10 руб. за 1000, но беда в том, что заводчики не могут поставить этого дела в более широких размерах, по недостатку оборотного капитала.

На обратном пути заезжал посмотреть пересыльную тюрьму. Все корпуса деревянные, расположены весьма близко один возле другого. В них скопляется до 2000–3000 арестантов. При такой скученности развивается много заразных болезней. Арестанты и переселенцы суть главные рассадники и распространители эпидемий. Они занесли

в Сибирь холеру, дифтерит, возвратную горячку, которых здесь прежде совсем не было. При осмотре пересыльной тюрьмы, обнесенной деревянным высоким частоколом (палями), невольно приходит в голову мысль: какое бедствие мог бы причинить здесь, при скученности деревянных построек, пожар! Тысячи заключенных могли бы задохнуться в дыму и пламени. Воды здесь, кроме одного собственного весьма глубокого колодца, поблизости совсем нет. Из пожарных инструментов имеется один ручной пожарный насос, да и тот едва ли исправный. Крыши на зданиях все деревянные. Когда я высказал свои опасения смотрителю тюрьмы, он удивился, что мне пришла в голову такая мысль: о возможности пожара здесь никто не думает.

Из пересыльной тюрьмы арестанты отправляются далее в Восточную Сибирь партиями по этапу. При малочисленности томской конвойной команды эта отправка совершается очень медленно, не соответствуя числу вновь прибывающих на пароходах арестантов.

Оттого тюрьма всегда бывает переполнена в 3–4 раза больше комплекта.

27-го. Пятница. Базарный день. На гостинодворской площади, среди сплошного моря глубокой грязи расположились сотни деревенских телег с продуктами немудрого сельского хозяйства. Хозяйки, кухарки и прасолы снуют между возами, закупая недельную провизию, преимущественно лук, сметану, редьку, яйца, деревенских кур и поросят. Эту пеструю и оживленную картину я наблюдал сегодня с галереи биржевого корпуса, где мы с раннего утра разбираем книги. Между прочим, здесь же я был свидетелем отвратительной сцены самосуда над несчастным воришкой, стянувшим что-то из лавки гостиного двора. Десяток гостинодворцев догнали его на площади и начали немилосердно бить. Жертва не сопротивлялась, лишь неистово вопила о пощаде. Окровавленного, его бросили в грязь. Замечательно, что, несмотря на крик и гвалт, на месте происшествия не оказалось ни одного полицейского служителя. Это ли не деревенские порядки!

29-го. Воскресенье. Праздник Петра и Павла. После обедни большой съезд у нашего соседа (по квартире) П.В. Михайлова: он празднует свои именины. Архиерей с большой свитой духовенства, исполняющий должность губернатора и много других представителей власти явились почтить и поздравить богатого купца. Через отворенные окна нам было слышно, как архиерейский протодьякон

выкликал многолетие имениннику, подхваченное хором певчих. Во время парадного завтрака играла музыка, должно быть, из театрального оркестра. На улице, у окон и ворот, собралась толпа нищих и зевак. Точь-в-точь как в захолустных уездных городах матушки России, где тезоименитство знаменитого гражданина поднимает на ноги всю уездную знать начиная от соборного протопопа до исправника и городничего. В уезде это обычное событие; а в губернском городе Томске неужели так же все преклоняется перед денежным мешком?

30-го. Понедельник. Пасмурная погода, непролазная грязь и ежеминутные картины полного неблагоустройства города вызывают удручающее чувство. Невольно вдумываешься в предстоящие вопросы по устройству университета: поможет ли Бог привести это дело к концу? А сколько предстоит впереди трудов, препятствий и разочарований.

Июль. 4-го и 5-го. Заседание Строительного комитета. Все те же неотвязные вопросы о недостатке материалов и рабочих. О серьезных работах в текущем году нечего и думать: дай Бог кое-как оформить закладку в конце лета и подготовиться к работам будущего года.

8-го. Вторник. Опять заседание комитета, но дело вперед не подвигается. Наш строитель Арнольд внушает недоверие к его распорядительности и умелости. Говорит он красно и много, но все предложения его не отличаются практичностью. Еще мне не нравится в нем та самоуверенность, с которой он старается импонировать комитету своим техническим образованием. Специально строительного дела мы до сих пор еще не видели, а те вопросы, о которых приходится рассуждать, понятны для всякого здравомыслящего человека.

10-го. Сегодня я слышал оригинальный рассказ. Ночью в квартиру доктора Прибылева забрались воры через выставленное окно. Доктор, проснувшись от шума, зажег свечу и почти перед самой кроватью увидел двух, знакомых ему в лицо, арестантов из томской исправительной роты (он заведовал также лазаретом арестантского отделения). Сконфуженные воры тотчас же извинились перед его благородием, говоря, что они попали в его квартиру по ошибке. Оказывается, что смотритель выпускает арестантов по ночам на грабеж. Возвратившись, они передают ему награбленное имущество для сбыта местным евреям, а сами за это пользуются благоволением смотрителя и некоторыми подачками с его стороны. Невероятная

распущенность, если это правда. А похоже на правду, потому что то же самое мне приходилось слышать про солдат томского батальона и про местную полицию. Возмутительнее всего то, что подобные рассказы о воровских похождениях никого не поражают. Их выслушивают, как забавный анекдот, не углубляясь в отвратительный смысл существующих беспорядков. Об этом говорят в присутствии представителей власти, т.е. тех самых начальников, которые должны бы были сгореть со стыда от подобных рассказов про их команду, а они обращают это в невинную шутку: начальник военного батальона кивает на полицеймейстера, полицеймейстер на смотрителя тюрьмы или арестантской роты – это, дескать, штуки ваших, а не наших молодцов! А как же, спросят, губернатор относится к подобным фактам? – Да никак. Посмеется вместе с другими, если разбойная выходка была очень остроумна, и тем кончается дело. К явлениям подобного рода здесь все привыкли, принюхались, и их не поражает нестерпимое зловоние нравственной атмосферы, как не поражают бросающиеся в глаза физические недостатки городского благоустройства.

11-го. Пятница. День именин нашей Олечки. Были у обедни в Духовской церкви. Богомольцев, кроме нас и 5–6 нищих старух на паперти, никого не было. Служба по-деревенски с одним дьячком.

Сегодня принесли нам первый огурец, длиной чуть не в аршин, толстый, тяжелый, из китайской породы. Все-то в Сибири запоздалое, массивное, неуклюжее и, по правде сказать, очень невкусное: таковы люди и порядки, такова природа и ее произведения.

12-го. Суббота. Были у всенощной в женском монастыре. Монастырь расположен за городом версты полторы или две от университетской рощи, к стороне Томи. Он основан не больше 20 лет тому назад, но представляет теперь вполне благоустроенную обитель. Место обнесено высокой каменной оградой; внутри обширного двора стоят две красивые каменные церкви и небольшой корпус для монахинь. Соборная церковь освящена в 1871 г. Служат благоговейно, но пение женского хора мне не особенно понравилось: напевы какие-то необычные и голоса визгливые. Богомольцев очень мало, и доходы, очевидно, скудные. Монастырь поддерживается главным образом личным трудом монахинь. Женские монастыри, по моему мнению, более соответствуют потребностям и духу времени, чем мужские. Здесь находят мирный приют удрученные и разочарованные жизнью

старушки и сирые вдовицы, каковых гораздо больше в женской половине населения, чем в мужской.

13-го. Воскресенье. В Томске есть и мужской (Алексеевский) монастырь, в центре города на берегу речки Ушайки. Из уцелевших построек старого города, он едва ли не принадлежит к числу самых древних (1663 г. Томск основан в 1604 г.), но положение монастыря ныне весьма печальное. Кроме престарелого о. архимандрита, монашествующей братии, кажется, не более 2–3 человек, да сюда же временно прикомандировывают несколько штрафных священников и дьяконов («под начал»). Таким образом, мужской монастырь имеет значение скорее духовно-исправительной арестантской роты, чем богоспасаемой обители. Этому соответствует и его внешность, запущенная, обветшалая. На монастырском дворе стоит деревянный дом довольно приличной наружности; при нем имеется домовая церковь, так как здесь прежде была квартира преосвященного. Ныне этот дом отдается внаймы и в нем живет томский полицеймейстер Гомбинский. Квартира для полицейской власти, рядом с архиерейскою церковью, совсем не подходящая.

14-го. Понедельник. На кладбище при Алексеевском монастыре есть одна любопытная могила. Над нею стоит простой деревянный крест, обвешанный венками из живых цветов. Свежими цветами покрыт и могильный холмик. На кресте, выкрашенном масляной краской, находится следующая надпись: «Здесь погребено тело великого благословенного старца Федора Кузьмича. Скончался в 1864 г. 20 января». На нижней перекладине восьмиконечного креста написаны той же краской литеры: Е. И. В. А. I, т. е. Его Императорское Величество Александр I.

Крест и надпись поставлены томским купцом Хромовым, благоговеющим перед этой могилой. Им же и многими другими поклонниками приносятся на могилу свежие цветы. Причина такого внимания заключается в том, что о нареченном старце Феодоре в Томске существует целая легенда, будто бы это был не кто иной, как сам император Александр Благословенный, отрекшийся от мира и странствовавший по Сибири под чужим именем. Многие годы он жил в келейке, построенной в саду при доме Хромова в Томске и на Хромовской заимке, и своей подвижнической жизнью внушил к себе такое благоговение, что его признали за добровольного царственного изгнанника. Легенду про старца Феодора мне рассказывали мно-

гие здешние старожилы, в том числе служащий в Томском отделении государственного банка Чистяков, зять Хромова. Он приглашал меня побывать на их заимке и осмотреть келью, где жил загадочный старец. Там свято сохраняются все его вещи, в той обстановке как они были при его жизни; там же собрана и развешана по стенам кельи коллекция гравированных портретов Александра Благословенного и рядом с ними, для сравнения, фотографический портрет старца Феодора. Я, конечно, обещал с удовольствием воспользоваться таким приглашением при первом удобном случае.

На вопрос о том, какие основания имеют Хромовы считать старца за покойного императора, Чистяков сообщил мне следующее: «В двадцатых годах один из родственников их семьи служил в гвардейском флотском экипаже, в Петербурге. Летом 1826 г. он состоял в числе команды на императорской яхте, на которой император Николай Павлович отправился осматривать Свеаборгскую крепость. Это посещение крепости, будто бы, показалось морякам загадочным потому, что вместо осмотра укреплений Николай Павлович с яхты прямо проследовал в каземат содержавшегося в крепости неизвестного узника, долго с ним беседовал наедине и вслед затем снова вернулся на корабль; из этого моряки заключили, что целью посещения Свеаборга было только свидание с узником и что этот узник, имени коего никто не знал, должен быть лицом, близко стоявшим к новому императору. При распространившихся в то время разнообразных слухах по поводу неожиданной кончины Александра I, описанный эпизод (если он сам по себе не составлял ничего бы) дал повод предполагать, что в Свеаборгской крепости был заключен не кто иной, как Александр Павлович. Впоследствии загадочный узник каким-то способом будто бы исчез из крепости и некоторое время проживал в Новгородской губернии, чуть ли не в Грузине, у Аракчеева, а потом странствовал по Уфимской и Пермской губерниям. Будучи открыт полицией, он назвался не помнящим родства бродягой и, как таковой, понес положенное тогда по закону телесное наказание и был сослан в Сибирь на поселение. С этой легендой связали историю томского старца, так как он тоже был из числа непомнящих бродяг. Когда я возразил, что из фактов приведенного рассказа далеко еще до заключения о тождестве старца с Александром Павловичем, Чистяков сообщил дальнейшие основания Хромовских предположений. Они состоят в следующем: старец был образованный чело-

век, говорил на европейских языках, его посещали в келье (при городском доме Хромова, где он жил последние годы) некоторые высокопоставленный лица, проезжавшие через Томск в Восточную Сибирь, или обратно, а также томские губернаторы и епископ Парфений, в беседе с коими старец, будто бы, обнаруживал признаки своего происхождения из высшего образованного круга, хотя имени своего никогда не называл. Наконец, составившееся предположение основывалось на ясном, будто бы, сходстве лица и наружности старца с портретом Александра I.

Само собой разумеется, что вышеприведенная легенда принадлежит к числу фантастических увлечений старика Хромова, но тем не менее она не лишена интереса. Одно в ней несомненно, что Феодор Кузьмич не был из простых «Иванов Непомнящих», коих в Сибири целые легионы, а очевидно он происходил из образованного круга. Возможно даже, что это был какой-нибудь опальный дворянин, скрывший свое имя еще в Европейской России и во избежание более горькой участи назвавшийся бродягой. По всем признакам это был человек сильного характера и высоких нравственных принципов, на что указывает его подвижническая жизнь в Томске и та благоговейная народная память, которая сохранилась о нем до сих пор. Простой народ считает его святым, и едва ли по одному тому, что с ним связано представление об императоре, в нем чтут редко ныне встречающийся идеал высокого подвижника. В Сибирь на поселение Феодор Кузьмич был сослан в 1836 и 1837 г. по суду за бродяжничество из города Красноуфимска, где наперед был наказан 20 ударами плетей. Проследовав пешком по этапу в Томскую губернию, он был здесь первоначально водворен экспедицией о ссыльных в деревне Зерцалах. С первого же года после водворения Феодор Кузьмич внушил к себе глубокое уважение не столько необычайной в бродягах величавостью и благообразием своей наружности, сколько высокими нравственными качествами. Крестьяне выстроили ему особую келью и считали его за подвижника. К Хромову он переселился в 1858 г.

17-го. Четверг. Был я в знаменитой келье на Хромовской заимке (прямой дорогой от города не больше трех верст, если ехать по Сибирскому тракту мимо пересыльной тюрьмы, а вброд через Ушайку ниже т[ак] н[азываемого] Толстого мыса). Келейка стоит особняком, в расстоянии 40–50 сажен от дачного дома, в глубине рощи, ближе к реке Ушайке. Снаружи она представляет собой маленький, чис-

тенький бревенчатый домик в одну комнату, с холодными сенцами и крылечком. Единственная жилая комната имеет не более двух сажен длины и аршин 5 ширины, с двумя окошечками. У левой (от входа) стены устроено деревянное ложе (аршина полтора ширины) из сосновых досок с таким же изголовьем, вроде того, как это делается в русских банях. Доски представляются как бы вылощенными и несколько потемневшими от того, что они не покрывались ни тюфяком, ни войлоком. Не было также и подушек: старец Феодор все время спал на голых досках, на которых видны ясные следы положенья головы и отдыхающего тела. Пол кельи деревянный, некрашеный; такие же стены и потолок, несколько потемневшие от времени, но совершенно чистые. В переднем углу висит Распятие и несколько образов, прямо на стене, без божницы. Перед ними лампадка, которая, по словам старика Хромова, теплилась при жизни старца беспрерывно день и ночь, что поддерживается до сих пор заботами старика Хромова. Тут же в переднем углу, под образами, висят монашеские четки и приделана деревянная полочка с церковными и молитвенными книгами, представляющими ясные следы продолжительного их употребления. На полу, против этого места, лежит старый, порядочно потертый коврик. Окошечки прикрыты темными занавесками; в простенке между ними стоит некрашеный столик и два таких же стула. На стене, налево от образов, висит большой фотографический портрет самого старца Феодора во весь рост, величиной не менее полуаршина (судя на глазомер), в раме, под стеклом. Фотография снята не с оригинала, а после смерти старца с какого-то портрета, писан от руки местным живописцем. На нем старец Феодор изображен в стоячем положении, на вид лет 80 или даже больше. Он высокого роста, довольно стройный, хотя и несколько согбенный от старости. Одет он в холщевый халат (в роде монашеской рубахи), подпоясанный пояском. Окладистая седая борода опускается до половины груди. Лицо круглое, нос тонкий, небольшой, несколько вздернутый. На голове большая лысина; жидкие седые волосы, прямо расчесанные, падают ниже ушей только со стороны висков и затылка. Рядом с этим портретом помещаются, тоже в рамах, под стеклом, несколько литографий и гравюр, изображающих Александра 1-го в разные эпохи его жизни. Между ними есть снимки также в стоячем положении, во весь рост. Хромов поместил их сюда для сравнения с фигурой старца, предполагая, что в его чертах есть

сходство с императором. Некоторое сходство в очертаниях лица и носа, как будто, действительно существует, но это не может иметь никакого значения по той причине, что фотография старца Феодора была снята не с него самого, а после его смерти с писанного портрета. Могло, поэтому, случиться, что живописец работал под известным настроением и, может быть, отчасти подражал при этом портретам Александра Павловича. Очевидно, воображение и предвзятая идея здесь играли не малую роль.

В келью сопровождал меня сам старик Хромов. Он охотно рассказывал подробности образа жизни Феодора Кузьмича. При этом я полюбопытствовал узнать, не сохранилось ли после него каких-либо собственных записок. По почерку и стилю изложения было бы гораздо легче определить происхождение загадочного старца. Оказалось, что Феодор Кузьмич во все время пребывания в Сибири как бы умышленно уклонялся от всякого писания. Тем не менее Хромов говорит, что у него есть две-три незначительные записки, писанные рукой старца Феодора, но он не может показать их мне, имея в виду предъявить их где-то в Петербурге как доказательство правдивости своих предположений.

Отрекшись от мира и порвав с прошлым всякие связи, Феодор Кузьмич, по словам Хромова, вел жизнь отшельника в буквальном смысле этого слова. У него было только три занятая: молитва, изредка религиозная беседа с приходящим народом и физический труд. Все, что было нужно для его скромной кельи, он исполнял сам, низводя потребности до самых малых размеров. Пища его была хлеб и вода, собственности он не имел никакой, одежду ему приносили его почитатели, и он принимал ее только тогда, когда надетая на нем уже отказывалась служить. Приходящим он давал нравоучительные наставления, иногда, будто бы, угадывая их сокровенный мысли. Таким строгим, подвижническим образом жизни Ф[еодор] К[узьмич] внушил к себе глубокое уважение тотчас же после водворения в Сибири, с 1837 г. К нему стали обращаться за советом и поучением не только жители окрестных, но и отдаленных деревень. По такому слуху узнал его и Хромов еще в начале пятидесятых годов.

Вот все, что я мог узнать о старце Феодоре от самого Хромова. Если отбросить от этого рассказа баснословную и ни на чем не основанную политическую подкладку, то мы можем представить себе, в данном случае, довольно яркий образчик тех подвижников, какими

некогда изобиловала древняя Русь. Опальный ли боярин, или раскаявшийся грешник, или простой мирянин, под влиянием охватившего их глубокого религиозного чувства, бывало, уходили в лес, или «пустыню», порывая все связи с мирской суетой. Силой воли, или религиозного экстаза, сами того не ведая, они привлекали к себе массу поклонников. На месте одиночных келий или скитов возникали потом монастыри, служа в свое время центрами и проводниками чистых христианских идей. Такие примеры изредка встречаются и в наши дни. К числу таковых, очевидно, принадлежал и старец Феодор. Предполагать в нем скрывающегося императора нет ни малейшего повода. Трудно даже предположить, чтобы под именем старца мог быть кто-нибудь из придворных или именитых людей александровского времени. Прямых доказательств на это также нет. Рассказываемый Хромовым факт о знании Феодором Кузьмичом французского и немецкого языков сам по себе ничего еще не доказывает, при том же он требует подтверждения.

20-го. Воскресенье. Ильин день. Утром был у обедни в церкви Богоявления, потом ездил с визитом по знакомым. Погода отличная. Проезжая по городским главным улицам, встретил оригинальных наездников: несколько мужчин, должно быть мещан или приказчиков, верхом на неоседланных лошадях, с непокрытыми головами в одних рубахах, босиком и без нижнего белья! Потом я спросил одного из томичей: что значит такой патриархальный наряд? - Это лошадей купают в Томи, ответил он совершенно равнодушно.

Вечером собрались прокатиться в лагери. Полюбовались на Томь. С высокого крутого берега обширный вид на заречную долину. Вдали раскинуты татарская и русские деревни; вверх по Томи из-за зелени лесов видна белая церковь Басандайки. С юго-запада надвигалась громадная туча, заставившая нас поспешить домой. Едва мы успели вернуться, как грянул гром и туча разразилась ливнем. Илья пророк и в Томи оправдал народное русское поверье.

22-го. Вторник. Тезоименитство государыни императрицы. Служба в соборе. У нас также домашний праздник по случаю именин М[арии] Л[еонидовны]. По томским обычаям в именины, обыкновенно, задается пир; все мало-мальски знакомые обязательно приезжают с поздравлением на пирог и закуску. Мы, как временные обыватели, едва приткнувшиеся на чужой квартире, делать этого не могли, а потому именин своих в этот день не признавали. Тем не

менее день вышел праздничный, и у нас перебывало много гостей. В этом отношении провинциальные города существенно отличаются от столичных или больших университетских. Там можно прожить целые годы, имея весьма ограниченный круг знакомых; здесь же, даже заезжий человек через месяц уже знаком чуть ли не со всем городом. Правда, и общество здесь не велико: дюжина чиновников, дюжина педагогов, десяток грамотных купцов, архиерей, да еще 2–3 монаха с включением ректора семинарии, – вот и все. Не мудрено, что всякого знают здесь не только по имени и отчеству, но и его внутреннюю жизнь, что он думает и делает. Местной прессы здесь не имеется, зато устные рассказы (сплетни) процветают с избытком. За день наслушаешься того, что не уместишь в десятки газетных листов.

Вечером ездили в университетскую рощу (так мы стали называть ее теперь) вместе с В.И. Мерцаловым, Мамоновыми и Цибульскими. В хорошую теплую погоду, когда нет ни пыли, ни грязи, роща производит приятное впечатление. Свежая травка, полевые цветы, достаточно тени, – все это напоминает деревенский лес, где можно собирать грибы и с удовольствием напиться чаю, – кругом самовара на разостланном ковре. За этим занятием мы провели время до заката солнца, погуляли, потолковали о будущем университете. Часть рощи начали уже рубить на дрова, чтоб очистить место под постройки. Это первый акт разрушения, которое, к сожалению, обыкновенно предшествует почти всякому созиданию. В свежем девственном лесу мы, прежде всего, оголим почву, изроем ее ямами, загрязним всяким мусором, известью, щепами и щебнем, и потом будем воздвигать новый храм, уже не природный, а искусственный. Много пройдет времени, пока этот строящийся храм очистится от хаотического состояния, когда оголенные и засоренные лужайки снова покроются зеленью и зацветут. И должны цвести они не теми цветами, которые растут теперь по оврагам и в тени берез, а совсем особенными, аромат которых разносился бы по всему необъятному пространству русского царства. Эти цветы называются науками, а аромат их - гуманитарные идеи добра, нравственной красоты и пользы. Суждено ли нам будет воочию увидать такое возрождение или придется ограничиться лишь участием в черном хаотическом труде, а плоды будут пожинать потомки, - это все равно. Лишь бы только не применили к нам слов Щедрина: «Придет, старый храм разрушит, нового не возведет, насорит и уйдет!» Избави Бог от такого приговора!

24-го. Четверг. Заношу на свои листки разные заметки о томской жизни, я еще ни разу не касался своеобразного элемента здешнего общества – политических административных ссыльных. Я воздерживался от этого до сих пор потому, что долго не имел случая ознакомиться с характером и образом жизни этих кружков. Не скажу, чтобы и теперь я изучил их, как следует, но все же знаю больше, чем прежде. Со многими мне пришлось говорить лично, встречаясь у знакомых, и, таким образом, проверить, что такое воображают из себя эти господа по существу своих убеждение и стремлений.

Еще живя в Петербурге и постоянно вращаясь в более или менее либеральном кругу, начиная с 1863 г., я уже знал, что такое наши нигилисты и потом так называемые социал-демократы. Впоследствии, с 1878 г., я то же самое встретил в Казанском университете. Встречались и умеренные, и крайние, но сущность их принципов была одна и та же: недовольство существующим порядком и желание переделать Россию на новый лад. Между томскими жителями я встретил таких же точно людей, не лучше, не хуже, с той лишь разницей, что в Европейской России они числились легальными членами общества, только слыли красными, а в Сибири им повесили политический ярлык. От этого они не стали ни глупее, ни злонамереннее, но умными и радеющими об интересах своего отечества они никогда не были, как и их собратья, гуляющие на свободе.

Политически бред нашего поколения правильнее всего назвать болезнью роста. Это глупая погоня за европейскими модами без сознательной оценки, насколько эти моды приходятся по нашему плечу и климату. В разных степенях и проявлениях такая болезнь существовала и существуете повсюду. Еще так недавно модничало все наше образованное сословие французским разговорным языком, презирая свой отечественный. Для чего это делалось? Для того, чтобы убедить самого себя, что мы европейцы, чтобы мужики и лакеи не могли подумать, будто мы им равны. И вот мы коверкали французское с нижегородским, мечтали о Париже и презирали свою родину. В том же роде поступали многие из наших ученых и государственных людей, добиваясь стать под крылышко иностранного одобрения или напечатать ученую статейку в немецком или французском журнале. Это было верхом тщеславия: говорить по-французски, поместить работку в немецком издании, заслужить похвалу в германских политических сферах (у дипломатов). Сколько перенесла Россия от

таких недугов европейничанья, это мы знаем все. Причины их - наше недоразвитие, желание маленьких людей казаться большими. Лекарство против них – время, дающее здоровый рост тела и духа.

С той же точки зрения я смотрю и на наших социалистов. Это испорченные дети, желающие казаться большими. Подобно m-me Курдюковой, они воображают, что, коверкая непонятые ими европейские социалистические идеи, они идут за Европой, являются что-то думающими и что-то делающими прогрессистами. Вместо того, чтобы добросовестно изучать школьные предметы, развивать свой ум и присматриваться к вопросам и потребностям русской жизни, они избирают более легкий путь, соблазнительный для ограниченных и ленивых натур, пропагандировать модные европейские идейки. Куриное самолюбие удовлетворено. Вместо лентяя и тупицы школьника является своего рода герой, чуть не спаситель отечества. Таковыми представляются мне томские ссыльные социалисты. Это, большей частью, несчастные неудачники и нравственно-больные люди. Русской жизни и русских потребностей они совсем не знают, хотя большинство их и происходит из полуграмотного народа; выучившись понаслышке модному либеральничанью, они воображают себя выше не понимающей их толпы. Я уверен, что вся эта напускная пыль скоро пройдет, как отживает всякая срочная мода. Люди взрослые и благоразумные поймут, что Россия нуждается не в ломке, а в созидании; нам нужны не праздные болтуны, а образованные деятели, умеющие взяться за дело не с презрением к своей родине, а с любовью.

В петербургских чиновных сферах мне много раз приходилось слышать об опасностях, могущих угрожать Сибирскому университету со стороны томских социалистов: будто бы они развратят студентов и сделают из университета вертеп заговорщиков. Так могут думать только те люди, которые имеют о политических преступниках слишком высокое понятие, а о профессорах и студентах слишком низкое. Неужели наше правительство настолько не доверяет себе, что всюду и во всех склонно видеть своих порицателей, подкапывающихся под существующий государственный строй. Пора оставить это пугало малолеткам, а взрослые должны доверять русскому уму и русскому сердцу; снисходительно смотреть на наши действительные прорехи и недостатки, но надеяться, что они скоро будут устранены без борьбы и потрясений. Мы верим в национальный

прогресс, но ждем его не с того конца: не нигилисты подчинят себе общество, а само общество скоро дорастет до сознания, что его задача состоит не в глумлении над существующим строем, а в честной и умелой службе каждого на своем посту. Побольше знания и доверия к себе и поменьше страхов и подозрений с обеих сторон, и дело пойдет гораздо лучше.

25-го. Опять пожары. Сегодня около 4-х часов дня загорелось на сеновале дома, занимаемого уездным училищем. Когда повалил дым и сбежался народ, заметили какого-то оборванца, спускавшегося по лестнице с этого самого сеновала. Пойманный оказался чернорабочим, не имевшим к дому никакого отношения. Во время его допроса, тут же в толпе, он начал объяснять, что, проходя мимо и заметив дым, он бросился на сеновал тушить (с голыми руками!), но, увидев, что сено уже охвачено пламенем, он поспешил спуститься обратно, вниз по лестнице, где его и поймали. Как ни наивно такое объяснение, полиция ему поверила. Таким образом, из вероятного преступления вышел чуть не геройский поступок: человек рисковал жизнью, чтобы вовремя предотвратить бедствие.

26-го. Суббота. Заседание Строительного комитета. Сначала шла речь о песке. Арнольд заявил, что в настоящее рабочее время желающих взять доставку песка совсем не оказывается. Поэтому на заседание был приглашен некто Песляк, из ссыльных, которому и предложили взять эту операцию на нынешнее лето. Он заломил по 8 руб. за куб. сажень и только из особого уважения к председателю (губернатору) согласился уступить 50 коп. с сажени, т. е. по 7 р[уб]. 50 к[оп]. за кубик. Так и порешили. Сильно подозреваю, нет ли здесь сделки с Арнольдом, так как цена очень высока. Но других подрядчиков действительно нет; невольно пришлось согласиться. Заказано песка 80 куб. сажень на 600 руб. Вот наша первая глупость!

Другая неудача: Дмитриев-Мамонов, взявшийся поставлять бут арестантским трудом, отказался от этой операции. Говорит, что одна перевозка бута (с Толстого мыса) обходится до 12 руб. за кубик. Пришлось ограничиться тем количеством, какое было заготовлено до этого времени, и взять этот камень не по 12 руб., а по 15 руб. за кубик.

Бийский купец, Алексей Викулович Соколов, пожертвовал на постройку университета 1 000 руб. Это первый частный вклад после открытия действий комитета. Дай Бог, чтобы он был не последним.

Я предложил Соколову обусловить эти деньги специально на более изящную, чем положено по смете, отделку актового зала и церкви. Так и записали в журнал.

Арнольд, по-видимому, ненадежен. Все рекомендуемые им поставщики оказываются слишком дорогими. Едва ли это зависит от одних местных условий. Нужно внимательно следить за его действиями.

27-го. Воскресенье. Ездили на Басандайку. Это очень живописное местечко, верстах в шести от города, бывшая заимка (дача) золотопромышленника Попова. Здесь выстроена им же каменная церковь и довольно большая дача, ныне уже устаревшая. Кругом дачи сад и обширный парк, спереди большой двор, обнесенный службами, внизу, под горой, пруд и мельница, далее р. Томь. Все это некогда было устроено на большую барскую ногу, но теперь приходит в упадок. Попов давно умер, оставив значительное состояние (кажется, более 200 тыс. руб.) на проектированный им в Томске женский институт (ныне две женские гимназии, в Томске и Омске), а его Басандайская дача недавно куплена, по предложению Цибульского в собственность города. Теперь она стоит пустая, и мы сегодня устроили в ней в некотором роде пикник (с Мерцаловыми, Мамоновыми и Цибульскими). Напились чаю и позавтракали, много гуляли по парку и по окрестностям. Места очень живописные, особенно по берегу Томи. Это любимое место томичей. По праздникам в хорошую погоду сюда тянутся целые вереницы телег и долгуш, большей частью в одну лошадь, доверху нагруженных детьми и взрослыми, самоварами, котелками и разными съедобными припасами. Вся эта ватага располагается на лугу, в узкой долине речки Басандайки, на привезенных коврах и войлоках, изображая пестрый табор. Пьют чай и вино, поют песни под гитару или гармонику, некоторые занимаются рыболовством и тут же варят в котелках уху. Всем, по-видимому, весело. И мы тоже не скучали. Деревенская простота мне всегда была по душе. Гуляя по Басандайке, мне показывали деревянный одноэтажный домик, на склоне горы, где летом живал на даче декабрист Батеньков, оставивший после себя в Томске хорошее воспоминание.

28-го. Понедельник. Заходил А.В. Соколов, бийский купец. Много рассказывал об Алтае и о путях через горы в Монголию. Он торгует рогатым скотом, прогоняя этим путем гурты в Иркутск, мимо озера Косогола. Простой мужик, но куда умнее университетских

недоучек. Обширная наблюдательность и практичность сквозят в каждом его слове. Я люблю беседовать с такими людьми. Они живут своим, а не заимствованным умом; потому если что говорят, то говорят сознательно, не повторяя чужих заученных фраз. Этим мужицкий ум отличается от образовательной дрессировки, где все взято напрокат: и слова, и мысли, условные манеры и поведение. Особенно противны эти лощеные экземпляры в нашей молодой интеллигенции. На неопытный взгляд они как быть люди, даже подчас специалисты по разным наукам, а попробуй спросить их мнение по самому обыденному житейскому вопросу, какого не было в книжках, они бухнут такую несообразность, что стыдно становится за человеческий разум.

29-го. Вторник. Установилась ясная погода. Весь Томск на покос! Покос здесь составляет не то эпоху, не то народный праздник. Все, кого не задерживают в городе дела, едут и идут в поле: хозяева, имеющие лошадей, отправляются туда с семейством и запасами, прислуга бросает свое дело и бежит на покос за поденную плату, хотя эта последняя и не выше городской. Это стихийное переселение напоминает перекочевку бродячих племен. Наступает время покоса – и всех тянет в поле. Прислуга говорит, что там весело работать. Сам я не видел этих косарей на месте работы, но, вероятно, это нечто в роде помочей, только с поденной платой и угощением от хозяина. Очевидно, соблазняет здесь не столько заработок, сколько лесное приволье. В других местах я подобной сенокосной мании не видел. У томских жителей есть и другая страсть – это рыболовство, или по-здешнему рыбалка. На рыбалку ездят обыкновенно на ночь, целой компанией, запасаясь выпивкой и закусками. Ночь, а иногда и несколько ночей, проводят не столько в рыболовстве, сколько в оргиях на лоне природы. Это собственно и нравится. В своих вкусах томичи недалеко ушли от первобытных народов. Каждый из них думает: «мне душно здесь, я в лес хочу» – и бежит в лес при первой хорошей погоде и при первом удобном случае. Может быть, поэтому они так небрежно относятся к благоустройству города: город для них тюрьма, лес и луга – привычная стихия! Поскребите любого здешнего горожанина, в нем скажется бродяга или кочевник.

Августа 2-го. Суббота. Переписка и разборка книг университетской библиотеки идет очень успешно. В складах мы работаем каждый день, исключая праздники. Более восьми тысяч заглавий уже

написано на карточки, больше половины ящиков вскрыты, пересмотрены и вновь уложены с описью содержимого. Богатства замечательные, особенно из библиотеки графа Строганова. На днях в одном из ящиков нашли больше десятка рукописей, почти исключительно духовного содержания, на латинском и французском языках, писанных на пергаменте, с художественными виньетками и заставками. Между ними оказалось также одно замечательное русское издание – это Радищева, «Путешествие из Петербурга в Москву». Важность этого экземпляра заключается в том, что он принадлежал А.С. Пушкину. Внутри передней корочки переплета находится собственноручная подпись Александра Сергеевича, следующего содержания: «Экземпляр этот куплен в тайной канцелярии, заплачено 25 рублей. А. Пушкин». На полях книги более резкие места отмечены красным карандашом, вероятно, при просмотре этого экземпляра цензорами-следователями при производстве дела по поводу издания этой книги (книжка в красном сафьянном переплете). В том же ящике оказалась еще рукопись, принадлежащая Пушкину, – это русский перевод записок Манштейна (толстый том 4, в кожаном корешке с подписью на нем «Записки о России»). Судя по почерку, этот перевод и список, вероятно, принадлежит началу текущего столетия, следовательно, он был сделан раньше издания перевода Мальгина (Москва, 1823 г.). В рукописи 544 перенумерованных листа. На передней стороне корочки переплета написано: «Александра Сергеевича Пушкина», рукой самого поэта. Две последние находки вдвойне интересны: как библиографические редкости, и как дорогие воспоминания о нашем великом поэте. По этим отрывкам его библиотеки (вероятно, случайно попавших к графу Григорию Александровичу Строганову) можно судить, какими духовными интересами дорожил Александр Сергеевич.

Все рукописи, найденные при разборке книг мной лично, переписаны, переложены в особый сундук, заперты, запечатаны моей и комитетской печатью и сданы на хранение в томское губернское казначейство до открытия Сибирского университета (в начале 1889 г. все они, за исключением Манштейна, были отправлены в Императорскую публичную библиотеку, при особом списке, через канцелярию попечительства Западно-Сибирского учебного округа).

3-го. Воскресенье. Вечер провели у Цибульских, где, кроме нас, были все те же знакомые, так сказать, сливки томского обще-

ства. M-me Мамонова сыграла несколько пьес на рояле. Это все, что было интересного за вечер. Остальное крайне монотонно и скучно. Сам Цибульский не особенно разговорчив и, кроме золота, кажется, ничем не интересуется. По золотому делу он своего рода специалист и удачник, но потребности мысли и духа любознательности у него нет. По натуре он вял и апатичен, как малоросс. Его не расшевелишь ни рассказами, ни расспросами. Он ничего не читает и едва ли о чем-нибудь думает, кроме приисков и тайги. Если бы у него не было А.Ф. Жилля, который ведет за него все городское дело и пишет официальные и думские записки и проекты, то Захар Михайлович был бы совсем безгласным. Жилль, напротив того, весьма подвижен и духом и телом, на все отзывчив, любознателен и хорошо развит умственно, хотя и самоучка. Если бы ему было дано в юности надлежащее образование, то при его способностях, энергии и честных принципах из него вышел бы весьма недюжинный общественный деятель. В Томске едва ли это не самая светлая личность. Остальное – либо казенные заурядные чиновники, либо кулаки.

6-го. Среда. Весь Томск на ногах по случаю праздника и крестного хода. Провожают икону, которая здесь считается чудотворной. Ее приносят в город на летнее время, кажется, из села Спасского, а 6-го августа отправляют обратно в сопровождении массы народа и всего духовенства с архиереем во главе. Томские граждане, верные своим привычкам, пользуются и этим случаем, чтобы выбраться в лес. Поэтому за крестным ходом тянется бесконечная вереница телег с седоками и провизией. Проводив икону, они сворачивают куда-нибудь в сторонку и устраивают пир.

7–9-го. Последние три дня этой недели шел почти беспрерывный дождь, а мне пришлось усиленно хлопотать о строительных материалах. Скоро нужно будет открывать празднование закладки университета, а у нас почти еще ничего нет. Привезено сажень десять бутового камня, да ждем кирпич, когда он выйдет из печей, хотя бы тысяч 30. Купили извести с плотов, но она очень плоха (роспушонка). Содержим двух архитекторов и двух десятников, а проку от них никакого нет. Бетхер совсем тупица и мертвый человек. Рекомендованный Арнольдом десятник тоже плохо понимает дело и, по-видимому, плут. Сам Арнольд больше щеголяет фразами и своими модными костюмами, чем технической опытностью. Понаделал каких-то висячих бочек для взбалтывания известкового раствора, вы-

рыл два колодца без воды (по 5 саж. глубиной), да три шурфа для исследования почвы, вот и вся его техническая работа. Пробовал ему говорить, что бочки и колодцы будут бесполезны, отвечает, что я не знаю строительного искусства и не могу ценить последнего слова инженерной науки!

Председатель наш уехал на 3–4 недели обозревать свою губернию, заменяющий его Дмитриев-Мамонов говорит, что он занят теперь исполнением двух обязанностей (начальника губернии и председателя губернского правления), а Цибульский от активного участия в делах комитета уклоняется. Все практическое дело, таким образом, лежит только на мне и А.С. Белявском. Арнольду мы перестали доверять, а потому за всякой мелочью и справками относительно поставщиков ездим сами. Оно и лучше. По крайней мере, ознакомимся практически с местными условиями строительного производства, узнаем настоящие цены, не по запросам на торгах и не по нелепым справочным табличкам, а по существу дела, познакомимся с поставщиками и будущими подрядчиками, тогда, авось, нас не будут дурачить. Я уже теперь предвижу, что строить университет придется мне самому, а комитет будет лишь фирмой. Поэтому надо заблаговременно познакомиться со строительным искусством по толковым книжкам и не пренебрегать каждым практическим сведением, какое можно извлечь при сношениях с опытными людьми.

IV

Приготовление к закладке университета. – Торжество по этому поводу. – Отъезд из Сибири

10-го августа. Воскресенье. Погода ненастная, на улицах страшная грязь. Поэтому целый день сижу дома, принявшись за составление речи для близкого торжества закладки университета. Имея это в виду, я заблаговременно, еще до приезда в Томск, подобрал кой-какие исторические справки. Иначе, при отсутствии здесь каких бы то ни было литературных материалов, пришлось бы ограничиться общими местами. Сегодня писал целый день – благо никто не мешал. Завтра вечером надеюсь речь окончить и потом отдать в типографию.

11-го. Понедельник. Утром был на постройках. Там роют канавы под центральную часть здания, а в конце недели, может быть, удастся начать забутовку хотя бы одной передней стенки. К несчастию, погода стоит скверная, канавы и шурфы заливаются дождевой водой. Кстати о шурфах. По указанию Арнольда их вырыто три – два по краям будущего здания и один в середине, каждый глубиной до 4–5 сажень. Прикинув на глазомер расстояние между крайними шурфами, мне показалось, что они могут, при окончательной разбивке фундамента, войти в черту здания, имеющего по плану 106 саженей длины. Я высказал это опасение Арнольду, прося его проверить положение главных линий будущего университетского корпуса, которые должны идти от намечаемого ныне центра. Арнольд, со свойственной ему самоуверенностью, даже обиделся на мое замечание: неужели я настолько несообразителен, что буду рыть шурфы зря, не сообразуясь с планом постройки. Я, по крайней мере, настоял на том, чтобы шурфы были обнесены изгородью, иначе в них могут утонуть не только бродячий скот, но и люди. Я сам чуть не свалился в один из них (северный, до верху наполненный водой), приняв его за обыкновенную лужу.

12-го. Вторник. Все члены Строительного комитета, кроме председателя В.И. Мерцалова, не возвратившегося еще из поездки по губернии, собрались сегодня на частное совещание по поводу предстоящего празднования закладки университета. Я доложил о своей речи. Мамонов, Арнольд и Цибульский выразили желание то же приготовить и со своей стороны. У Мамонова речь, кажется, уже написана, Цибульскому напишет Жилль, или кто-либо другой, а Арнольд за словом в карман не полезет. На словах он великий краснобай.

Сегодня же редактировали текст надписи на медной вызолоченной доске, которая должна лечь в стену на месте закладки. Надпись, по-моему, слишком длинна; имен здесь поставлено больше, чем следует; в том числе перечислены все члены комитета, вероятно рассчитывающие, что этим они приобретут себе бессмертие. Было бы вполне достаточно указать: год и день основания, имя царствующего государя и министра народного просвещения. Доску решили заказать завтра же единственному в Томске ювелиру и резчику Ушарову, горькому пьянице. Других мастеров здесь нет, разве в остроге между ссыльными фальшивыми монетчиками.

Материальную сторону торжества, т.е. приличную закуску и выпивку, по заявлению Цибульского, город устроит за свой счет, тут же, в роще, в доме бывшего летнего общественного собрания. Извещения о дне закладки, назначенной на 26-е августа, были уже комитетом разосланы раньше.

14-го. Четверг. Опять объезжали кирпичные заводы, справляясь о кирпиче. Нынешнее дождливое лето сильно задерживает сушку и правку сырца. Поэтому обжиг идет крайне медленно. Пока можно собрать не более 10 т[ыс]. штук, да и этот кирпич неважный. По дороге посмотрел на плоты с известью, при устье Ушайки. Они все время стоят под дождем, ничем не прикрытые. Понятно, что вместо комковой извести (кипелки) образуется каша, и за эту дрянь просят по 15 к[оп]. за пуд. Известь для будущего года необходимо запасти зимой в полной годовой пропорции. Практикуемая в Томске доставка на плотах никуда не годится. На постройках дело продвигается. Начали строить павильон с широким дощатым помостом. Павильон будет поставлен как раз в центре здания, на том месте, где впоследствии будет вестибюль парадной лестницы, а над ним университетская церковь. Под передней алтарной стеной произойдет освещение начала работ при праздновании закладки. Дай Бог, чтобы к этому времени установилась ясная погода.

15-го. Пятница. Праздник Успения. Были на молебне в Иверской часовне, а потом я заехал к преосвященному Петру поговорить о праздновании закладки. Оттуда завернул к Мамонову. А[лександр] И[пполитович] прочитал приготовленную им речь. Написана очень недурно и довольно содержательна.

16-го. Суббота. Был приглашен в думскую комиссию по поводу организации празднования закладки университета со стороны города. Кроме Цибульского здесь участвовали из наших комитетских: я, Мамонов и Арнольд, а также полковник Нарский (начальник местного батальона), считающийся мастером устраивать фейерверки и общественные гулянья. Из купцов были: Королев, Акулов, Тецков, Михайлов, Еренев и многие другие. Комиссия желала прежде ознакомиться с нашей половиной программы праздника, а потом обсудить свою половину. Наша была немногосложна: молебствие в соборе, крестный ход в университетскую рощу, молебствие на месте закладки и произнесение речей и приветствий (адресов). Город на первом плане ставил завтрак и обед, а вечером народное гулянье

в университетской роще, с иллюминацией и фейерверком. Относительно назначения парадного обеда в день закладки я позволил себе заметить, что это было бы очень утомительно. Поэтому все охотно согласились перенести обед на следующий день, 27 августа. Явился другой вопрос: где устроить обед? Предполагалось, что в нем будут участвовать не менее 200 человек. Такого вместительного зала нет во всем Томске. Потому было решено просить Нарского уступить для этой цели батальонный манеж, украсив его по мере возможности. На этом и остановились.

Говорят, проектированный праздник обойдется городскому управлению не менее 5–6 тыс. руб. Если это справедливо, то я находил бы такую затрату слишком обременительной для скромного городского бюджета. Когда не удовлетворены самые элементарные и насущные нужды города, нерасчетливо бросать большие суммы на пиры и фейерверки, хотя бы и по выходящему из ряда случаю. Но томским гражданам нельзя этого говорить. Городское благоустройство для них мудреная грамота, а обед и иллюминация по их силам и вкусам.

18-го. Понедельник. Мерцалов все еще не вернулся из своей поездки. Сегодня было заседание комитета под председательством Мамонова. На этом заседании была доложена дарственная запись городской думы на уступленное университету место. По выслушании ее, я внес дополнительное предложение об уступке университету и того участка городской земли, который ныне арендуется пивоваренным заводом Крюгера, а также об отнесении западной границы до ручья под горой, где ныне устраивается нами мостик и взвоз со стороны Томи. Эта прирезка земли нам необходима: для округления границ, для непосредственного соединения северного и южного подгорных участков и для устройства здесь, под горой, системы водоснабжения из подгорных ключей. Постановили внести мое предложение в думу от имени комитета, а дарственную запись отправить в губернское правление для засвидетельствования ее крепостным порядком.

Докладывался также ответ, полученный от управляющего министерством, Сабурова, по поводу моего представления о вознаграждении строителя университетских зданий не 2, а 4% со строительной суммы. По сделке Арнольда с архитектором Бруни вторую половину законного четырехпроцентного вознаграждения должен был получить этот последний, живя в Петербурге, ни за что, ни про что. Еще

перед отправкой в Томск я разъяснил министру, в чем тут заключается фокус, и в ответ на это разъяснение получена нынешняя бумага.

Остальные дела в этом заседании не имели существенной важности. Большей частью они касались уплаты по счетам Арнольда и его нытья по поводу недостатка строительных материалов.

19-го. Вторник. Был на постройках. Павильон почти окончен. Передняя стенка под вестибюлем выведена до уровня земли. Начинают класть обратные кирпичные арки под устои будущих колонн. К будущему воскресенью все будет готово для осуществления форменной закладки. Погода начинает проясняться.

Сегодня мне рассказывали, что привезли в Томск убитого разбойника Лиханова. Его подстрелили где-то из-за куста, а труп привезли в городскую управу, чтобы получить обещанный по объявлениям приз в 300 руб. Говорят, Цибульский, действительно, выдал эту награду.

21-го. Четверг. Возвратился В.И. Мерцалов. Узнав, что мы все приготовили и уже напечатали свои речи, он остался этим недоволен. По-видимому, он предполагал, что речь на торжестве закладки должен произнести только он один, как председатель комитета, и уже заготовил ее, не говоря ничего ни мне, ни Мамонову. Должно быть, собственная речь показалась ему недостаточно изящной, или малосодержательной, потому что он при первой же встрече выразил мне сожаление, что не знал раньше содержания наших речей. Теперь ему трудно развить свою тему, потому что мы уже исчерпали все вопросы. Речь его отправлена в типографию с наставлением, чтобы ее напечатали более крупным шрифтом (может быть, от этого она будет казаться полнее).

22-го. Пятница. Сегодня опять заезжал к Мерцалову по делам. Он относится ко мне холоднее прежнего. Неужели причиной тому уязвленное самолюбие по поводу его злосчастной речи? Как часто самые пустые обстоятельства могут влиять на добрые отношения людей. А может быть, и на ход общего, порученного им дела!

23-го. Суббота. Начинают съезжаться депутаты от сибирских городов, командированные местными думами на праздник закладки университета. Сегодня у меня были такие представители из Каинска, Колывани и Кузнецка. Вчера тоже было человек пять. Это все купцы, на вид довольно благообразные, с медалями на шее, или даже орденами. Некоторые привезли с собой поздравительные адресы

и приветствия, не всегда, впрочем, удачно составленные. Я осторожно дал понять, что в редакции их можно было бы кое-что исправить, так как приветствия будут читаться с кафедры и предполагается их напечатать. Депутаты охотно уполномочили меня сделать нужные исправления.

Начинают получаться и с почты такие же адресы и приветствия от разных, более отдаленных городов, обществ, учреждений и частных лиц. Комитет поручил мне разобраться со всем этим материалом, привести его в порядок и быть по нему докладчиком во время самого праздника. На моей же обязанности лежит также заготовка телеграмм высокопоставленным лицам, с извещением о совершившейся закладке, и много других мелких хлопот.

24-го. Воскресенье. Целый день посетители, большей частью иногородние гости, приехавшие на праздник закладки. В разговоре с ними выносишь впечатление, точно они отбывают повинность. Большинство из них в первый раз слышат слово университет и имеют о значении его самое смутное представление. По наряду они приехали, по наряду вносят свои посильные вклады от имени городских дум, извиняясь скудностью городских средств. И это понятно. Может ли какая-нибудь Тюкала, Нарым, Мариинск, Колывань и тому подобные серьезно понимать университет и сознательно сочувствовать ему! Местный протопоп, уездный учитель, или чиновник объяснят им, что надо заготовить приветственный адрес, или телеграмму, нанизав кудрявых слов и напыщенных пожеланий; дума вручит эту грамоту своим уполномоченным, и те везут ее в Томск предъявить начальству. Наивные люди будут потом воображать, что она его искала, о нем ходатайствовала, его ценила и поддерживала. Все это пустой мираж! За весьма немногими исключениями, в нынешней коренной Сибири некому радеть о высшем просвещении. Идея Сибирского университета народилась и созрела не в местном обществе, а дана свыше центральным русским правительством и культивируется не сибиряками собственно, а вообще русскими образованными людьми, понимающими, что значит слово «просвещение». Не общество создает университет, а университет создаст новое общество, которое лет через 30–50 оценит его зиждительную силу.

25-го. Понедельник. Виделся с Мерцаловым. Говорили о завтрашнем дне. Сообщил ему, что на месте закладки все приготовлено, как следует. Павильон, обвитый гирляндами зелени, украшенный

вензелями и флагами, вышел очень хорош. При разговоре о том, что мы с преосвященным Петром условились включить в программу крестный ход от собора до места закладки, после окончания литургии и молебна, Мерцалов заметил, что он с этим не согласен. «Вам это все равно, − прибавил он, − у вас черные панталоны; а как я пойду по грязной улице в белых панталонах?». На это я сказал, что губернатору вовсе не обязательно идти за крестным ходом пешком; он может прямо от собора сесть в экипаж и отправиться в университетскую рощу другой улицей, или следовать за процессией в экипаже. По этому пустому поводу у нас опять чуть было не вышла размолвка. Мерцалов настаивал на отклонении крестного хода, я же возражал, что сделать это неудобно, между прочим, и потому, что эта часть духовной церемонии включена в опубликованную уже программу. Тогда Василий Иванович еще больше обиделся: почему опубликовали программу до рассмотрения и утверждения ее губернатором – председателем комитета (который все это время был в отсутствии и возвратился в Томск лишь несколько дней тому назад). В конце концов, программа осталась без изменений.

Возвратившись домой я снова занялся разбором адресов и телеграмм. Доставлено их довольно много. Нужно их приготовить для чтения к завтрашнему дню. Телеграммы государю, наследнику цесаревичу, великому князю Константину Николаевичу, графу Д.А. Толстому, управляющему Министерством народного просвещения А.А. Сабурову, генерал-губернаторам Казнакову и Анучину и гр. Н.П. Игнатьеву – мной уже заготовлены и переписаны. Завтра после совершения закладки отправим их по назначению от имени Строительного комитета.

Вечером заезжал ко мне Цибульский. Он, как городской голова, тоже рассчитывал послать благодарственные телеграммы от имени томского городского общества: государю императору, наследнику цесаревичу и великому князю Константину Николаевичу. Черновики этих телеграмм, составленных при участии членов городской управы, он привез мне для просмотра и, в случае надобности, для пополнения и исправления. Тотчас же мы выработали их окончательную редакцию.

Сегодня целый день был крайне суетливым. Завтра суеты будет еще больше. Дай только Бог, чтобы удержалась хорошая погода. Проливной дождь мог бы расстроить все наши планы и надежды.

От редакции газеты «Голос» получил 25 руб. с просьбой завтра же сообщить по телеграфу, в размере этой суммы, описание совершившейся закладки Сибирского университета. В редакции «Голоса» я никого не знаю, вероятно, и они столько же знают о моем здесь присутствии. Недоумеваю, кто им мог на меня указать; разве Деспот-Зенович? Поручение, конечно, будет исполнено.

26-го. Вторник. Радостный и памятный для меня день закладки Сибирского университета. Отныне это совершившийся факт его зарождения. Как ни туманно его будущее, как бы ни было трудно его выносить и пустить на свет Божий, но дело это уже не погибнет. Я искренне верю, что это будет доброе и полезное дело, и душевно радуюсь, что Господь сподобил меня принять в нем живое участие.

Хмурая до сих пор томская природа тоже улыбнулась нашему празднику. День с утра оказался прекрасным, теплым и солнечным. Дай Бог, чтобы это было доброе предзнаменование. С утра город принял необыкновенно праздничный вид. Дома украсились флагами и вензелями. Народ толпами направился к собору, который не был в состоянии вместить и десятой доли молящихся. Вся соборная площадь была наполнена народом, до которого едва доносились из окон и дверей звуки архиерейского служения. По окончании литургии и молебна с коленопреклонением за здравие и долгоденствие государя императора из собора в 12 часов был совершен крестный ход в университетскую рощу в сопровождении громадной толпы народа. В 12½ часов начался духовный обряд освящения места предстоящих построек. Павильон, помост и вся площадь перед постройками была переполнена народом. После молебствия с водосвятием преосвященный Петр положил на приготовленное место первый камень, а на него, в сделанное углубление – медную доску с выгравированной надписью. Вслед за этим положили по кирпичу все члены комитета и многие присутствующие на закладке почетные лица, после чего архимандриты Виктор и Лазарь обошли по линиям очерченного здания и окропили его святой водой. Этим закончилась церковная сторона праздника; после небольшого перерыва начались наши речи. Первым на кафедру выступил наш председатель Мерцалов. Речь его, действительно, оказалась очень жидка и была прочитана конфузливо и неумело. После того была моя очередь, Мамонова, Арнольда и Цибульского. Последний прочитал от имени томского городского общества коротенькое (строк 20) приветствие, написанное тепло

и толково, но читал он тихо, невнятно, вследствие непривычки. После того началось чтение телеграмм, заготовленных нами на имя высочайших особ и министров, затем, полученных от разных лиц, обществ и учреждений. В общем, все это вышло довольно торжественно[1]. Акт закладки окончился в 4 часа 15 минут по полудни. По окончании его интеллигентная публика и почтенные гости были приглашены городским управлением в дом бывшего «летнего собрания», в нескольких саженях от места закладки, на чай и закуску. Здесь завершился третий акт праздника, с новыми телеграммами и бесконечными тостами за шампанским, лившимся весьма изобильно. Гости разъехались после пяти часов.

Можно сказать с уверенностью, что Томск никогда еще не видал такого торжественного праздника и едва ли увидит такой даже в день открытия университета. В то время празднование будет совершаться в замкнутых стенах, в актовом зале и церкви, ныне же оно было всенародное, под покровом ясного неба, так сказать, на лоне природы. Весь город видел и чувствовал, что для его грядущей истории зарождается нечто новое, что может согреть и осветить его заскорузлую жизнь. Пускай это предчувствие будет неясное, смутное, инстинктивное, но, раз зародившись в тайниках простонародной души, хотя бы у сотой доли видевших наш праздник, оно не исчезнет, как блуждающий огонек во мраке тьмы. Возрастающий и действующий университет всегда будет перед глазами, как путеводный маяк, к которому невольно будут устремляться взоры. То, что ныне лепетали уста сибиряков в приветствиях и телеграммах, может быть, бессознательно, с чужого голоса, впоследствии поймут и оценят те же самые люди, или их дети. Мелкие молодые поросли обыкновенно тянутся за более крупными экземплярами, силясь догнать их в росте. Также точно и отсталое сибирское общество будет тянуться за университетом и скоро дорастет до него. Не пройдет и четверти столетия, как нынешние сибирские нравы и порядки будут вспоминаться как давнее, почти невероятное предание.

Едва успел набросать под свежим впечатлением эту страницу заметок, меня опять стали торопить на гулянье. К нам заехали Мерцаловы, Цибульские и Мамоновы, чтобы вместе отправиться

---

[1] Подробное описание закладки Сибирского университета, с включением всех речей, телеграмм и приветственных адресов, мной составлено и напечатано отдельной брошюрой.

в университетскую рощу на иллюминацию. Было около 8 часов. Ночь теплая, чудная. Улицы города уже освещены, не фонарями, конечно (которых нет), а плошками и вензелями. На многих окнах выставлены транспаранты с разными приветствиями университету и сибирскому просвещению, но чаще с инициалами царствующей четы по случаю царского дня. Очень много флагов и гирлянд из зелени.

Иллюминация университетской рощи удалась как нельзя лучше. Особенно эффектными оказались разноцветные фонарики, массами разбросанные по деревьям. Их было несколько тысяч. Горящие плошки расставлены не только по линиям дорожек и зданий (павильона на месте закладки и «летнего собрания»), но также по всем лужайкам на траве. В роще были два хора военной музыки и два хора песельников, а также были раскинуты шатры для продажи сбитня, чая, пива, разных сластей и закусок. Все это привлекло множество народа, гулявшего в роще до 11 ч[асов]. По справедливости должен заметить, что, несмотря на громадную толпу и давку и на полное, почти, отсутствие полиции, за весь вечер я не встретил ни одного пьяного человека, ни одного бесчинства, или какого-либо замешательства. Народ вел себя крайне прилично.

В 9 часов начался фейерверк. Место для него удачно было выбрано за оврагом на высоком мысу ботанического участка (вновь нам прирезанного по моему ходатайству). По сю сторону оврага есть достаточно широкая луговая площадка, не покрытая лесом, куда и устремился весь гуляющий народ при первой пущенной ракете. Мы любовались фейерверком с так называемой горки, на которой есть деревянные скамеечки. По окончании фейерверка мы отправились напиться чаю на террасе «летнего собрания». В залах собрания гремела музыка и начались танцы, но мы, порядочно уже утомленные впечатлениями этого достопамятного дня, направились по домам.

27-го. Среда. Все утро занимался описанием вчерашнего празднества для брошюры, приготовляемой к печати, и перепиской прочитанных телеграмм для той же цели. Перед отъездом из Томска эту рукопись надо окончить и сдать в типографию. Большую часть содержания брошюры составят речи, оттиски которых уже имеются, и телеграммы, которые переписывает писец под моим руководством. Дополнительного текста приходится прибавлять немного. В 4 часа сегодня назначен парадный обед в манеже.

С обеда вернулся очень поздно, около 11 часов. Столы были накрыты на 200 человек (дам не было). Все устроено очень торжественно, тостов было без конца. Подробное описание обеда помещу в брошюре.

28-го. Четверг. Сегодня целый день гости. Большая часть бывших вчера на обеде «депутатов» приезжали с визитом, а некоторые прощаться, собираясь домой. Все остались в восторге от наших празднеств. Благодаря этому случаю я познакомился теперь не только с томским городским обществом, но и со многими представителями провинциальных сибирских городов. Из Восточной Сибири были только красноярцы (Прейн, Родственный, Ларионов и Ковригин – от думы, и директор Красноярской гимназии Еленев от учебного ведомства) и минусинцы, из Омска медицинский инспектор М.Г. Соколов и главный инспектор народных училищ Н.Я. Максимов. Больше всего депутатов было из городов Томской губернии, почти исключительно купцов.

Вечером было заседание Строительного комитета, главным образом для того, чтобы занести в журнал поступившие ко дню закладки денежные пожертвования, сделанные разными городскими обществами в пользу основанного Сибирского университета. Поступили следующие суммы: 1) от тобольского общества 5 000 р[уб]. на стипендии; 2) от минусинской думы 1 000 р[уб]. в строительный капитал; 3) от барнаульского общества 1 000 р[уб]. (собраны по подписке на постройку университета); 4) от усть-каменогорской думы 500 р[уб]. на тот же предмет; 5) из города Акмолинска 500 р[уб].; 6) от семипалатинской думы 1 000 р[уб].; 7) ишимской думы 300 р[уб].; 8) бийской думы 1 000 р[уб].; 9) нарымской – 200 р[уб].; 10) красноярской – 2 000 р[уб].; 11) мариинской – 309 р[уб]. (собраны по подписке) и 12) от бурята Ковригина 200 руб. Всего 13 009 руб., не считая пожертвований 2 101 руб. на постройку дома для бесплатных квартир студентов (по подписке, по моему предложению, на вчерашнем обеде) и обещанных по телеграмме 10 тыс. рублей от братьев Зензиновых на две стипендии.

Нынешним заседанием я, вероятно, закончу свое активное участие в Строительном комитете в этом году. 2 или 3 сентября ожидают пароход Курбатова, с которым мы должны возвратиться в Казань. Оставляя комитетские дела, я не могу сказать, что уношу с собой разочарование в людях и средствах для осуществле-

ния нашей задачи. Первое лето мы (члены комитета) провели мирно и дружно, помогая друг другу по мере сил. Если и случались кое-когда маленькие заминки и шероховатости, то где же их не бывает при сложном деле? Это в порядке вещей. Главное, чтобы в нашей среде не оказалось умышленно-вредных, своекорыстных людей, чего я более всего опасался, зная сибирские порядки. В этом отношении, кажется, можно быть совершенно покойным, за исключением, впрочем, одного Арнольда. Он внушает большое сомнение, не столько в практической опытности по строительному искусству, сколько в устойчивости своих нравственных принципов. Личные денежные дела его до такой степени запутаны, что он легко может поддаваться соблазну. Прошедшее также не говорит в его пользу. Действия его у нас нынешним летом, по меньшей мере, могут быть названы недостаточно осмотрительными и неэкономными. Что-то будет во время полного разгара работ и поставок? Я старался обеспечить Арнольда материальным вознаграждением, вместо 2%, 4% со строительной суммы, но где гарантия, что он этим удовлетворится? Из Петербурга я слышу, что он бросил жену и детей, что бесчисленные кредиторы его рассчитывают на нынешнее содержание Арнольда как на единственный источник уплаты его долгов. Что значит при таких условиях 3–4 тысячи годового содержания, которое он будет получать от комитета! По приезде в Петербург следует серьезно переговорить об этом с нашим министром и принять заблаговременно какие-либо меры.

А.С. Белявский бесспорно честный человек, достаточно расторопный, усердный и практический. В мое отсутствие он хорошо поведет дело и будет на страже наших интересов. На него я рассчитываю больше всего.

З.М. Цибульский, при всех его хороших качествах, останется деятелем пассивным. Вникать в дела он не будет. Вреда от него, конечно, ожидать нельзя, но и деятельной помощи тоже. Он будет думать, что вполне исполняет свою обязанность, посещая заседания Строительного комитета и подписывая его журналы. Даже умного практического совета по местным условиям построек я от него ни разу не слыхал, да и не может он его дать, так как сам в этом отношении сущее дитя. При случае он может накинуть что-нибудь к своему пожертвованию, но нам была гораздо полезнее деятельная практическая помощь при сооружении построек.

А.И. Дмитриев-Мамонов, образованный и доброжелательный человек, легко увлекающийся первым порывом, но без достаточной выдержки. Желая облегчить комитету его задачи, он брался поставлять и бут, и кирпич, при помощи арестантской роты, за умеренную цену, но ничего из этого не вышло. В сущности – это юноша-теоретик, немного сибарит и барин. К делам комитета он относится весьма сочувственно, охотно будет давать небесполезные советы, но сам работать не будет.

Что сказать о нашем председателе В.И. Мерцалове? Пока это скромный и довольно усердный чиновник. Но боюсь, что губернаторство вскружит ему голову. До сих пор он радел университетскому вопросу и был нам полезным сотрудником, но и теперь иногда у него начинает проявляться мания власти и некоторое упрямство в характере. Хорошо, если это будет регулироваться рассудком и знанием дела, – тогда эти качества могли бы говорить в его пользу; но мы нередко видим, что при таких задатках в провинциальной глуши легко из упрямства развивается самодурство.

Вот каковы наши главные силы. При начале дела, когда строительные работы, можно сказать, еще в зародыше, поводов к недоразумениям не было, но будет ли так продолжаться дальше? Остальные вспомогательные силы совсем плохи, но это беда поправимая. Она зависит, частью, от недостатка в Сибири сведущих людей, частью, от неумения Арнольда выбирать их. При первом подходящем случае второму архитектору Бетхеру следует отказать как человеку лишнему и совершенно бесполезному. Десятников придется также прогнать. Они совсем не знают своего дела. Бог даст, к будущей весне все эти недостатки исправим. За это лето я достаточно ознакомился с положением дела и знаю теперь, чего можно ожидать от Сибири и что следует искать в Петербурге.

29-го. Пятница. Закончили дела по переписке книг. С 23 августа мы уже там не занимались по недостатку времени, но зато раньше переписка была усилена. Всего написано около 15 т[ыс.] карточек. Сегодня были в биржевом корпусе (в книжном складе) для того только, чтобы привести в порядок ящики. Склад заперли двумя замками и положили на них сургучные печати до будущей весны.

Остальное время дня приводил в порядок письменные заметки и комитетские бумаги. Передал их А.С. Белявскому с некоторыми

разъяснениями и наставлениями. Закончил брошюру о праздновании закладки Сибирского университета.

30-го. Суббота. Были в соборе на молебствии по случаю тезоименитства государя. В три часа приглашен на обед, устраиваемый томскими учителями и другими лицами, окончившими курс в высших учебных заведениях. Обед дается тоже в манеже, по подписке, в честь Сибирского университета, по 5 р[уб]. с человека.

На обед собралось человек 30. В первый раз здесь я поближе познакомился с томскими педагогами, и не могу сказать, чтобы вынес впечатление в их пользу. Большей частью это люди новой университетской закваски, с приправой провинциальной распущенности. Медики производят лучшее впечатление: они и постарше и посолиднее, но среди них слишком много поляков.

31-го. Воскресенье. Ездил проститься с епископом Петром и с университетской рощей. И странное дело, прошло всего три месяца, как я приехал сюда, а Томск представляется мне теперь совсем родным городом. Живо вспоминаю первое удручающее впечатление, какое он произвел на меня своей мизерностью, пустотой и грязью, а теперь все это точно переменилось. В сущности, остаются те же пустыри, те же завалившиеся лачуги, та же грязь и стаи собак по безлюдным улицам. Но смотришь на них не с тоской и унынием, а скорее с сожалением, что приходится их покидать. Правду говорят, что каждый предмет может быть «не по хорошему мил, а по милу хорош». А красен Томск не своими углами, а своим радушием, своей простотой и для меня в частности тем, что с ним отныне связана увлекательная идея задушевной, давно желанной работы. Чувство, мною ныне испытываемое, напоминает мне далекие годы, когда, бывало, возвращаясь с каникул, грустишь о покидаемом родительском доме. Там притягательной силой служили ласки матери и полный душевный покой, здесь говорит предчувствие, что Томский университет будет для меня дороже отца и матери: в этом деле я найду себе полное нравственное удовлетворение, цель моей жизни, венец моих земных трудов.

После завтрака делали прощальные визиты. Обедали у Мерцаловых. После обеда долго беседовали с Василием Ивановичем о наших комитетских делах и, главным образом, о том, каким способом приобрести для будущего лета кирпич. Мерцалов и Цибульский высказывали мысль разобрать стены обвалившегося нового собора и вы-

строить из этого материала главный университетский корпус. При затруднительных обстоятельствах Строительного комитета этот план мог бы казаться заманчивым по своей наивной простоте, но против него говорят религиозное и нравственное чувства. Что бы сказали про нас, если бы мы для сооружения здания науки умышленно разрушили наилучший и обширнейший в Томске храм Божий, хотя бы и не освященный. По моему мнению, это было бы варварство и глумление над религией. Рано или поздно, собор необходимо достроить. На это сооружение затрачены десятки, а может быть, и сотни тысяч рублей доброхотных приношений; не может же оно быть, по фантазии членов Строительного комитета, сметено с лица земли и употреблено для другой, хотя бы и доброй цели. Мерцалов и Цибульский, однако же, сильно настаивают на этой мере, но едва ли имеют право привести ее в исполнение без разрешения Св. Синода.

1-го сентября. Понедельник. Хлопоты по сборам в обратный путь. Не надеясь на сибирскую осень, особенно в широтах Нарыма и Сургута, мы приобрели себе овчинные шубы (барнаулки). Из Казани мы собрались по-летнему и в передний путь, в мае месяце, иногда чувствовали, что одеты не по сезону. В сентябре может быть еще холоднее. Кроме шуб, запасли также достаточное количество провизии: теперь уже мы опытные путешественники, знаем, что значит переезд от Томска до Тюмени.

2-го. Вторник. Ожидаемый пароход еще не пришел. На пристани сказали, что он должен быть сегодня к вечеру, или в ночь, если только идет благополучно. До первого свистка об этом нельзя иметь никаких положительных сведений. Тем не менее я заручился билетом на каюту и буду ждать свистка.

3-го. Среда. В 6 часов вечера перебрались на пароход. Все более близкие знакомые приехали нас проводить (на летнюю пристань, верст 5 от города, по скверной дороге) и пожелать благополучного пути. Оставляя Томск до будущей весны, я могу искренне сказать, что увожу отсюда доброе чувство о людях и делах. Если мы не успели многого сделать по выполнению нашей задачи, в этом не наша вина. На первый раз достаточно и того, что мы разведали почву действий, узнали людей, познакомились с предстоящими нам трудностями и можем теперь, не торопясь, принимать меры для устранения этих трудностей.

1865–1880
V

Прибытие в Петербург. – Беседа с графом Толстым. – Пререкания в строительной комиссии. – Положение дел в Петербурге. – Похищение доски и денег, положенных под фундамент во время закладки. – Характеристика Казнакова. – Университетские безобразия в Казани

Описывать обратный путь на пароходе считаю излишним. Та же широкая Обь с ее пустынными берегами, тот же печальный Нарым, Томск и Сургут с грязными остяками и крошечным русским населением. Погода вовсе время нашего плавания, несмотря на сентябрь месяц, была замечательна теплая и ясная. Спутники на пароходе, также как и в передний путь, оказались весьма симпатичные и интересные. Ближе всего мы сошлись с семейством барона Штакельберга, возвращавшегося в Европейскую часть России с Амура, из Благовещенска. С ним мы делились во время длительного путешествия мыслями и впечатлениями: он – по Восточной Сибири и Китайской Манчжурии, я – по Западной; во время привалов на пристанях делали мелкие береговые экскурсии, стараясь подметить что-либо стоящего внимания. Плыли мы девять суток и добрались только до деревни Иевлевой (на р. Тобол), так как причине мелководья Туры дальше пароход следовать не мог. От Иевлевой до Тюмени (120 верст) пришлось ехать на перекладных, что при ясной и теплой погоде не представляло еще очень большого неудобства. В Тюмени на почтовой станции нашли пароходные экипажи и благополучно добрались до Екатеринбурга. Этот раз дорога оказалась веселей, так как не было удручающей грязи.

В Казань возвратился только 19 сентября, а 1 октября должен был снова отправиться в путь, по вызову министра, в Петербург, для представления отчета за текущее лето и для личных объяснений по делам Сибирского университета.

В Казани меня ожидало длинное письмо от многоуважаемого Александра Прохоровича Ширинского-Шахматова, извещавшего меня о своем выходе из министерства, хотя я уже знал об этом раньше. Не могу воздержаться, не привести извлечений из этого дорогого для меня письма. «Доселе я не ответил на письмо Вашего превосходительства из Томска, − писал Александр Прохорович, − а теперь отвечаю уже Вам в Казань. Совершилась закладка Сибирского университета – слава Богу! Дай вам Бог в добром здравии

и в полном сердечном удовольствии и спокойствии дождаться, когда и материальный гвоздь будет вбит, и когда последует окончательное сформирование духовных и научных сил будущего рассадника образования в Сибири. Сердечно Вам желаю, глубокоуважаемый Василий Маркович, благополучно дожить до той минуты, когда Вы сознательно и вполне возрадуетесь о вашем творении. По старой памяти порадуйте меня из Казани вестью о благополучном возвращении вашем и ваших. Я должен сказать вам, во-первых, письмо ваше застало меня на излете из столицы в деревню. Еще при графе (Толстом) я просил об увольнении меня от должности товарища министра народного просвещения, но получил просимое только через Сабурова. По милости государя оставлен сенатором общего присутствия (чего мне очень хотелось) и почетным опекуном, с получением содержания, мне производившегося. Благодаря такой милости, я в семь почти лет службы своей при графе ныне имел в первый раз возможность провести лето в деревне и заняться лечением (от которого, в прочем, немного получил пользы)… В Министерстве народного просвещения я служил 31 год, 15–16 лет был попечителем в трех округах и, слава Богу, вспоминаю с удовольствием это время, хотя бывшее иногда нелегким. Всегда, что начинается, то кончается. Я считаю окончание моей службы через меру взысканным милостью государю императора и совершенно соответствующим моим желаниям и моему 58-летнму возрасту, в который энергия уже слабеет и немощи требуют успокоения... Я удаляюсь под вахту, на кубрик, простояв 43 года на вахте; но с тем, чтобы по первому свистку «все наверх» немедленно явиться, если потребуют...[1] Да хранит вас Бог. Сердечно уважающий и преданный вам кн. А. Шихматов». 30 авг[уста] 1880 г.

К сожалению, князь не дождался этого свистка, призывающего к новой деятельности. Здоровье его было расшатано больше, чем мы предполагали; тяжкий недуг подкрадывался незаметно. Не прошло и трех лет, как у него совершенно неожиданно развилась параплегия, а вслед за нею тяжелое психическое расстройство, после чего он в скором времени скончался. Вспоминая ныне об этом высокогуманным, добрейшем человеке, с которым мне приходилось много работать, а еще больше и чаще делиться в семейном кругу мыслями

[1] Князь Александр Прохорович первое время своей службы состоял морским офицером и потому любил иногда употребляет морские термины.

и чувствами по современным вопросам, я считаю за особую для себя честь и удовольствие многолетнее знакомство с этим прекрасным семейством. Такие люди не часто встречаются на жизненном пути, особенно в наше эгоистическое время.

Но пора возвратиться к прерванному рассказу о поездке в Петербург. Прошло с небольшим пять месяцев, как я был в министерстве в последний раз, но как изменились здесь и люди, и порядки. Из лиц, с которыми я имел деловое соприкосновение, только директор департамента М.Е. Брадке остался в прежнем положении, остальные либо отошли на второй план, как, напр[имер], А[лександр] Ив[анович] Георгиевский, либо совсем оставили министерство. Для меня, конечно, важнее всего были взгляды на наше сибирское дело самого министра А.А. Сабурова и его товарища П.А. Маркова. К счастью, у того и у другого я нашел ласковый прием и полное сочувствие Сибирскому университету. Отчасти я объясняю это влиянием великого князя Константина Николаевича, который, попрежнему, ко мне милостив. На другой день после приезда министр назначил мне особый час для доклада в своей квартире. Там же были П.А. Марков и директор департамента. Независимо от отчета, представленного накануне, я подробно изложил на словах положение нашего дела, – затруднения, какие предвидятся впереди, и мои предположения об их устранении. Из нашей беседы я вынес убеждение, что новое министерство питает ко мне полное доверие и готово поддержать зародившийся университет всеми зависящими от него мерами.

Будучи в Петербурге, я счел своим долгом навестить бывшего министра народного просвещения графа Д.А. Толстого. Граф незадолго перед тем вернулся из деревни и жил на частной квартире, по Моховой улице, в довольно скромной обстановке. Он принял меня весьма радушно и, как мне показалось, был даже тронут моим визитом. «Я теперь генерал в отставке, – иронически заметил он, и грустные ноты звучали в его голосе. – Не правда ли, вы не ожидали видеть меня на этой квартире?». Действительно я так привык видеть графа в его парадной казенной обстановке (по Литейной, в доме духовного ведомства), с толпой курьеров, чиновников и посетителей, в постоянных деловых заботах, что его теперешнее положение показалось мне каким-то сиротствующим. Он много расспрашивал меня о Томске и о закладке университета, благодарил за телеграмму, посланную ему 26 августа, и выразил по отношению к Сибирскому

университету самые теплые чувства. «Сибирский университет, – заметил он, – будет одним из украшений настоящего царствования, а для меня лично будет служить самым дорогим воспоминанием из всего мною сделанного в продолжение 14 лет»[1]. И я верю, что это была не фраза.

Потом граф перевел разговор на современную прессу, именно на ее крайне несправедливую оценку его мероприятий и трудов по Министерству просвещения. «Только ленивый меня теперь не бьет», – выразился он, вспомнив при этом басню Крылова. И это было вполне верное замечание. Наши газеты и журналы долго переполаскивали отставку графа Толстого, третируя это, как освобождение от тяжкого ига. И при этом никто не потрудился уяснить себе, как много было сделано графом полезного (в смысле громадного увеличения числа учебных заведений и полного обновления их строя) и в чем именно усматривают его мнимые грехи перед русским обществом. Более всего негодовали на классицизм, не понимая того, что без классической подкладки немыслимо современное высшее образование. По отношению к университетам одни обвиняли графа в стеснительных мерах, другие, из противоположного лагеря, считали его чуть не насадителем нигилизма, породившего целый ряд волнений и хронических беспорядков во всех наших высших учебных заведениях. Вся эта пристрастная и близорукая критика отвечала духу времени, представлявшему непостижимый хаос увлечений, нелепых вожделений и противоречий. Сбитая с толку учащаяся молодежь играла при этом не последнюю роль, но ее увлечения были лишь результатом общего атмосферного чада, ошеломившего почти все слои образованного русского общества, в том числе и литературу. В этом общем водовороте граф Толстой не принадлежал, конечно, к сонму поклонников новых веяний, но вместе с тем, по отношению к университетам, он не обнаружил также и достаточной твердости в активной борьбе против господствующей распущенности. Не знаю, руководился ли Дм[итрий] А[ндреевич] Толстой при этом общим ходом внутренней политики того времени, вообще довольно либе-

[1] Граф Толстой состоял министром народного просвещения с 14-го апреля 1866 г. и вместе обер-прокурором Св[ященного] Синода с 3-го июня 1865 г. Во время его управления особенно широко было развито женское образование. Большинство существующих ныне женских гимназий и прогимназий были открыты в это время. То же можно сказать про реальные училища, учительские институты и семинарии. Бюджет Министерства народного просвещения за эти 14 лет удвоился.

ральной, или не желал вмешиваться в университетские дела, по уставу 1863 г. подлежащие ведению Советов (т. е. корпорации профессоров), но во всяком случае он как бы не замечал происходивших в университетах безобразий и не предпринимал против этого никаких строгих мер. Такое отношение консерваторы ставили ему в вину, а либералы считали его недостаточно сочувствующим их вожделениям. Это и было причиной удаления графа Толстого, по настоянию именно либеральных сфер, а не консервативных, как многие думали. Об этом я имею сведения из довольно компетентных источников.

У графа Дмитрия Андреевича я просидел более двух часов. Говорили о многом, в том числе и о новом нашем министерстве. А.А. Сабурова граф считает ненадежным министром, слишком либеральным, как он выразился. «Как же, ваше сиятельство, – заметил я, – в городе говорят, что вы его рекомендовали государю на этот пост?» – «Никогда я не мог этого сделать, – ответил он, – это было бы против моих убеждений». О своих старых сослуживцах по министерству граф высказал сожаление, что почти никто из них его теперь не навещает. В конце концов мы расстались как близкие знакомые. Граф просил навещать его, когда буду в Петербурге. «Помните, – сказал он, – у нас есть общее дело – Сибирский университет, которому я всегда останусь верен в душе».

В Петербурге на этот раз я пробыл всего одну неделю, спеша в Казань к своим профессорским обязанностями 12 октября я был уже дома в кругу собственной и университетской семьи.

Возвратившись в Казань, я нашел у себя несколько писем из Томска от своих комитетских сотрудников. Судя по ним, я видел, что там дела скорее запутываются, чем налаживаются. После моего отъезда вопросы о подрядах и поставках, более или мене налаженные при мне, совсем остановились. Важнее всего был вопрос о кирпиче, который мне почти удалось уладить перед отъездом из Томска с заводчиком Даниловым по 11 руб. за 1000 (поставка 1½ миллиона на каждое лето). В комитете нашли эту цену слишком высокой. По этому поводу я получил от председателя комитета, от 11 сентября, следующую депешу: «Данилов утверждает, что вы выразили ему согласие на 11 рублей с 1000 кирпича без доставки, правда ли это?» – Я отвечаю: «Мое мнение не выше 12 рублей с доставкой, что почти равносильно 11 руб. без доставки. Желательно покончить не

выше этой цены». Машины Данилова (для паровой выделки кирпича) видел 15 сентября на пути между Екатеринбургом и Тюменью (они направлялись с последним пароходом в Томск для строящегося кирпичного завода).

Между тем Мерцалову и Цибульскому желательно было передать кирпичный подряд не Данилову, а купцу Михайлову, никогда этим делом не занимавшемуся. По этому поводу Арнольд мне телеграфирует от 30 сентября: «С материалами ничего не сделано. Почти месяц Михайлов не дает никакого решения. Данилов дожидался и уехал (в Красноярск). Комитет бездействует. Я внес энергическую записку, копию которой послал вам письмом». В тот же день я телеграфирую председателю: «Министр желает знать положение дел постройки. Третьего октября еду в Петербург. Боюсь нареканий за медленность. Сообщите, почему до сего времени не заключен подряд о поставке кирпича, бута и извести. Какие заготовки будут зимой и по каким ценам?». На это получаю ответ Мерцалова от 1 окт[ября]: «Министру готовится отчет. Вам сегодня адресовано подробное письмо. Михаилов отказался. Данилов поставил невозможный условия. Вопрос кирпичный разрешится после получения ответа думы о соборном кирпиче. За бутовый камень просили 18 руб. Теперь понизили до 12 руб. за кубическую сажень. Песок не отдан. Известь не решена». В дополнение к этому 4 окт[ября] В.И. Мерцалов сообщает: «Вчера в заседании комитета я внес вопрос о бутовом камне, песке и извести, но по настоянию Арнольда решено заключение контрактов отложить на месяц. Кирпичный вопрос будет рассмотрен на следующей неделе». 20 окт[ября] я снова телеграфирую: «Время уходит. Кончайте скорее с кирпичом и прочими поставками».

От 21 окт[ября] Мерцалов мне отвечает: «Цибульский в заседании комитета заявил, что торговый дом Петрова и Михайлова в компании с ним, Цибульским, принимает на себя выделку кирпича для университета по 10 руб. с 1000 без доставки. На днях будет представлено письменное предложение. Окончив кирпичный вопрос, приступим к заготовке бута, извести и песку. О действиях Арнольда сообщено вам почтой».

В свою очередь Арнольд мне телеграфирует от 23 ноября: «Вчера комитет большинством решил кирпич с Михайловым и Цибульским. Поставка начнется только с июня 1882 г. и менее трех мил-

лионов в год. Поэтому окончание главного корпуса можно ожидать не ранее 1887 г., а остальных зданий в 1889 г. Цена 12 руб. с доставкой. Обеспечения и ответственности никаких, подряду придается вид благодеяния. Дело посылается на утверждение министра. Я представляю отдельное мнение. Остальные материалы поручено заготовлять Цибульскому и Мерцалову, не стесняясь ценами. Отчет не послан. Действие комитета – неизлечимый хронизм. Дела заставляют меня просить увольнения. Подробности письмом». Вслед за этим В.И. Мерцалов сообщает мне по петербургскому адресу: «Представление о кирпиче сделано 30 ноября (т. е. послано в министерство). Законтрактовано 1000 кубов бута по 16 рублей (вместо 12 руб. по сентябрьской цене), известь по 16 коп. пуд, кирпича 160 т[ыс] по 15 руб. на месте. Залоги получены, задатки выданы. Не откажитесь ходатайствовать теперь же о назначении Михайлова (поставщика кирпича?!) и Жилля членами комитета, людей опытных и деятельных. Я часто в разъездах, Цибульский намерен отправиться на прииски, исполнять поручения некому. Указанные меры (т.е. назначение новых членов) удовлетворят общественному мнению. Мерцалов».

Судя по этим телеграммам, видно было, что дела в комитете идут крайне печально. Благодаря промедлениям и пререканиям, упущено было время для выгодных подрядов. Предложение Цибульского в компании с Михайловым, на мой взгляд, было не вполне благовидно, так как Цибульскому, состоящему членом комитета, едва ли удобно было выступать в роли подрядчика. В письмах от Белявского, Арнольда и Мерцалова я нашел еще больше странностей в действиях комитета. В суждениях и мероприятиях было нечто детское, халатное, совсем не гармонирующее с серьезностью возложенной на нас задачи. Но самое главное, из писем я усматривал, что личные отношения между членами комитета получили какой-то острый враждебный характер. На архитектора Арнольда жалуется и председатель и Белявский. Арнольд, в свою очередь, порицает всех томских членов, находя их действия пристрастными, неряшливыми, непрактичными, в иных случаях даже незаконными. И эти взаимные жалобы направляются не только ко мне, но и в министерство. Председатель пишет, что он формально просит об отчислении Арнольда за его упрямство и неряшество.

Между тем заготовка строительных материалов не двигается с места. Вот что, между прочим, пишет об этих пререканиях А.С. Бе-

лявский: «В последнем заседании комитета (20 сент[ября]) между председателем и Арнольдом вышла размолвка. В[асилий] Ив[анович] (Мерцалов) еще за три дня до заседания высказал желание ваше, чтобы выяснить, нужен ли на эту зиму второй архитектор Бетхер, которому комитет платит по 150 руб. в месяц, и какие работы ему поручались раньше и предполагается поручить впоследствии. Арнольд этих сведений не доставил и в заседании начал доказывать, что члены комитета, как не техники, не могут быть судьями или ценителями работ Бетхера. Прения, по-видимому, происходили в весьма приличных выражениях, но тем не менее обе стороны были сильно раздражены. Дело кончилось без внесения мнения спорящих в протокол, но несомненно, что Бетхер будет устранен губернатором от занятий по комитету, так как это было и ваше желание, десятника Мещерякова тоже уволят, так как он сильно пьет и никакого дела ему поручить нельзя». В другом письме сообщают, что Арнольд устраивает разные затруднения сдаче подрядов на строительные материалы. Для выделки кирпича он настаивает на постройке собственного завода на средства комитета, что значительно осложнило бы строительные задачи, замедлило бы начало постройки университетских зданий и едва ли принесло бы какую-либо материальную выгоду. При определении количества строительных материалов, потребных на будущее лето, он назначает слишком большие пропорции, затрудняя этим поставщиков и заставляя их вследствие того возвышать цену. Так, напр[имер], относительно бутового камня он находит необходимым, чтобы к весне его было вывезено до 1000 куб. сажен, тогда как по расчетам прочих членов комитета для фундамента одного главного университетского корпуса достаточно 600 куб. сажен. То же относительно пропорции песку, извести и т[ому] под[обное]. Одним словом, действиями Арнольда в комитете недовольны, в особенности председатель и Цибульский.

В следующих письмах, за октябрь месяц, сетования еще более увеличились. В.И. Мерцалов прямо пишет, что с Арнольдом дело вести невозможно, и он будет просить об увольнении такого строптивого и малосведущего архитектора. Все это не было для меня неожиданностью. Еще при первом знакомстве с Арнольдом я уже видел, что из него не будет проку. Наблюдая за ним прошлое лето, я еще более убедился в этом. В томских письмах меня тревожило другое обстоятельство: начинающийся разлад между членами коми-

тета. В.И. Мерцалов не ладит с Дмитриевым-Мамоновым, Белявский с Цибульским, а отчасти и с председателем. Издали трудно судить, кто подает к тому повод, но отсутствие гармонии в такой маленькой коллегии, несомненно, отражается на успехе дела.

В начале декабря я снова получаю из министерства приглашение приехать в Петербург по делам Сибирского университета[1]. Отправляюсь в Николин день (6 дек[абря]). В департаменте мне показывают целую серию депеш и бумаг из Томска. Это большей частью жалобные письма и нашего председателя, и Арнольда, и Белявского, в которых незнакомому человеку действительно трудно было разобраться. Были там и технические вопросы с разными проектами относительно заготовки строительных материалов. Министр и товарищ министра недоумевали, как разрешать подобные жалобы и проекты на расстоянии 4000 верст, не зная ни лиц, ни местных условий. П.А. Марков предложил предоставлять спорные технические и хозяйственные вопросы местному генерал-губернатору и в этом смысле изменить соответствующий параграф инструкции Строительного комитета[2]. По существу дела это было правильно, но могло иметь и неблагоприятные последствия, именно в смысле преобладания в комитете томской губернской администрации. Члены от Министерства внутренних дел имели здесь и численный перевес, и более близкие отношения к генерал-губернаторской канцелярии, тогда как члены от нашего министерства (я и архитектор) до сего времени не имели с Омском никаких сношений и едва ли могли рассчитывать на поддержку с этой стороны в случае разногласия мнений. К нам генерал-губернаторская канцелярия относилась скорее враждебно, чем сочувственно, вследствие прежних инцидентов по случаю спора об избрании города для Сибирского университета. Это и было причиной, почему я настаивал у графа Толстого о необходимости подчинения комитета непосредственно министру просвещения. Кроме

[1] Приглашение получено депешей такого содержания: «По вопросу, не терпящему отлагательства, касающемуся Сибирского университета, прошу немедленно приехать в Петербург. Управляющий министерством Сабуров». 29-го ноября 1889 г. – На это 2-го декабря послан мною такой ответ: «Ледоход во всю Волгу; выехал сегодня, но затертый льдом при переправе принужден вернуться назад. Отправлюсь снова при малейшей возможности». Через Волгу удалось переправиться только 6-го декабря, притом с большими трудностями. Переезд от Казани до Нижнего (на перекладных) по неустановившемуся пути тоже был не из легких.

[2] По инструкции Строительный комитет был подчинен непосредственно министру народного просвещения, а к генерал-губернатору не имел почти никакого отношения.

того, мне казалось не вполне нормальным, даже странным, если бы постройка университета, производящаяся для целей и на средства нашего министерства, оказалась бы во властных руках чужого ведомства, да притом еще в такой дали и в сибирской нравственной атмосфере, не отливавшейся ни бескорыстием, ни беспристрастием, ни должным пониманием наших задач.

Все это я высказал А.А. Сабурову и П.А. Маркову. Они приняли к сведению мои доводы и, по-видимому, разделяли их, но тем не менее признали нужным, хотя отчасти, изменить инструкцию, предоставив генерал-губернатору окончательное разрешение всех вопросов по заготовке строительных материалов и технических вопросов по сооружению университета. Представленное в министерство спорное дело о заготовке кирпича Цибульским и Михайловым, таким образом, было предложено комитету немедленно препроводить на рассмотрение и разрешение генерал-губернатору.

Относительно архитектора Арнольда, по поводу жалоб на него, я высказал мнение, что в данном случае можно было бы уволить его от занимаемой должности, согласно его прошению. С этим согласились, и в тот же день председателю комитета была послана телеграмма министра об увольнении нашего неудачного строителя, а мне было поручено приписать на его место новое лицо.

Имея в Петербурге много знакомых, в том числе и архитекторов, мне удалось исполнить это поручение без большого труда. Мне рекомендовали молодого, но очень талантливого и опытного строителя г[осподина] Иванова. Он выстроил несколько больших домов в Петербурге и в настоящее время не был занят новыми работами. Осведомившись о его постройках и переговорив с некоторыми домохозяевами, где он работал, я получил о нем самые лестные отзывы. После того переговорил с самим г. Ивановым, сообщил ему наши условия и с его согласия представил его г[осподину] министру как намеченного мной кандидата. Г[осподин] Иванов был утвержден, но, к сожалению, два месяца спустя он под благовидным предлогом отказался ехать в Томск. Впоследствии я узнал, что причиной его нерешимости было письмо Арнольда, который описал ему Томск и наш комитет в самых мрачных красках. Арнольд узнал о назначении Иванова из министерской телеграммы, посланной председателю комитета. Об этом мне писал Белявский.

Вопрос о назначении в комитет новых членов, Михайлова и Жилля, как того желал председатель, само собой разумеется, мною не был возбуждаем. Это дало повод к неудовольствию на меня В.И. Мерцалова. Неудовольствие усугубилось еще тем, что я не поддержал в министерстве указанного нашим председателем кандидата на место отказавшегося архитектора Иванова. Кандидат этот был мне совершенно неизвестен; раньше он служил в каком-то губернском отдаленном городе, в строительном отделении, и, вероятно, по качествам был не выше нашего Бетхера. Рекомендовать неизвестное мне лицо на такое сложное и ответственное дело, как постройка университета, было не в моих правилах.

В Петербурге я оставался до 24 декабря. За это время, кроме устройства комитетских дел, мне пришлось неоднократно видеться со старыми добрыми знакомыми и наслушаться петербургских новостей и сплетен. Слухи были крайне неутешительные. С одной стороны, шла по городу неустанная молва о разных государственных сановниках, оказавшихся не на высоте своего положения по неразумию или неряшеству во вверенных им частях управления. Больше всего глумились над министром финансов С.А. Грейгом, который в конце октября и был уволен от этой должности, над министром государственных имуществ, князем Ливеном, по поводу расхищения башкирских земель в Уфимской и Оренбургской губ[ерниях], порицали генер[ал]-губ[ернатора] Оренбургского края Крыжановского за те же проделки. Но, кроме этих злоб дня, злой критике подвергалось почти все высшее правительство за действительные или мнимые неудачи в управлении. Доставалось и военному министру Милютину за последнюю Восточную войну, и кн[язю] Горчакову за Берлинский трактат, и всем, кто играл какую-либо выдающуюся роль в последнюю злосчастную эпоху. Пресса разжигала эти страсти; устная молва досказывала то, что не попадало в печать. Положение России, действительно, было незавидно. Все промахи и недочеты общественное мнение ставило на счет государю, будто бы не умевшему выбирать себя талантливых и честных сотрудников. Радикальным средством против господствовавших неурядиц многие даже из здравомыслящих людей считали перемену формы государственного управления, т. е. установление конституции. Другие, наоборот, находили такое предположение величайшим злом для России, так как эта форма не соответствовала ни нашему народному духу, ни поли-

тическому составу нашего государства (принимая в расчет его разноплеменность), ни даже народному развитию, с чем нельзя не согласиться.

Соответственно этим двум течениям петербургское интеллигентное общество разделялось на два лагеря, если можно так выразиться, – консерваторов и прогрессистов. Такое деление было заметно даже в высших правительственных сферах: одни сочувствовали Москве и старым народным традициям, другие благоговели перед Европой и ее административными порядками. При хаотическом брожении общественной мысли самым тяжелым кошмаром являлись шайки анархистов, терроризировавших и правительство, и даже, отчасти, общественное мнение. Не проходило месяца без того, чтобы где-либо не были обнаружены злодейские покушения на жизнь государя императора, или кого-либо из его приближенных. Стыдно и страшно сказать, государь в собственной столице мог выезжать из дворца не иначе, как в закрытом экипаже, окруженный конвоем. Это последняя степень терроризма!

Грустно было все это видеть и слышать. И до переселения моего в Казань бывало нечто подобное, но теперь это грустное направление вместе с расшатанностью общественных сфер дошло до Геркулесовых столбов. И кто в этом виноват? Наш собственный индифферентизм, неумелость отличать черного от белого, наше детское непонимание основных государственных интересов, наше попустительство. Мы возмущаемся на словах против дерзких выходок анархистов и вместе с тем чуть не рукоплещем напыщенным речам их защитников в залах суда или при чтении в газетах судебных процессов подобного рода. Все это не более как погоня за современной модой, близорукая несостоятельность нашей мысли, очерствелость истинного русского сердца. Будем надеяться, что нравственный угар, временно омрачивший наше общество, скоро пройдет, и мы, оглядываясь назад, будем стыдиться прежних детских увлечений.

Скажу еще несколько слов о наших учебных заведениях. Говорят, что в Петербургском и Московском университетах разрешено студентам устраивать открытые сходки для обсуждения своих дел, позволено иметь студенческую кассу самопомощи и формировать земляческие кружки. Одним словом, что прежде считалось проступком и приводило в отчаяние университетскую

администрацию, ныне признается явлением нормальным. Видно, что Андрей Александрович совсем не знает настоящего положения наших университетов, да не знает и человеческого сердца. Что из этого выйдет, поживем – увидим.

Последние дни перед отъездом из Петербурга устраивал дела с моими и университетскими книгами. Изданный мной лечебник («Домашняя медицина») идет прекрасно, несмотря на то, что о нем не было ни одной публикации, ни одного отзыва в газетах. В петербургских книжных магазинах до настоящего времени продано более 700 экземпляров этого издания и новые требования быстро возрастают. Магазин «Нового времени» просить прислать еще экземпляров 500. Книга пришлась по вкусу публике и мне дает хороший гонорар.

Для Сибирского университета еще отобрал из дублетов Публичной библиотеки большую партию книг. Иван Давыдович Делянов и Афанасий Федорович Бычков настолько любезны, что не потребуют немедленной уплаты и позволяют оставить отобранные экземпляры на хранение в библиотеке до тех пор, пока Сибирский университет изыщет средства для расплаты и пересылки.

С И.Д. Деляновым много беседовал о злобах дня и о проекте нового университетского устава. Последний в конце истекшего года был напечатан для представления в Государственный Совет, но после выхода графа Толстого дело это остановилось и, кажется, не обещает скорого движения. А.А. Сабуров до сих пор еще не успел достаточно ознакомиться с этим проектом и, по-видимому, не вполне ему сочувствует. Редакция проекта составлена, главным образом, А[лександром] Ив[ановичем] Георгиевским. В ней есть, по моему мнению, некоторые излишества, не вполне согласные ни с общими выводами бывшей университетской комиссии, ни с требованиями жизни. В беседах с Ив[аном] Д[авыдовичем] Деляновым я обратил на это внимание, особенно на предполагаемые семестры и на гонорар. Мне лично проект не нравится: вышло не то, чего я ожидал, да и большинство членов бывшей комиссии, прочитав его, вероятно, вынесут такое же впечатление. Мне даже показалось, что и Делянов не особенно доволен редакцией. Граф Толстой и прежде относился к этому делу холодно, а теперь он вовсе умывает руки, заявляя, что новый университетский устав не его творение. Вообще, из проекта вышел какой-то недопеченный пирог, неизвестно для какого праздника состряпанный.

Рождественские праздники провел в Казани. Из Томска получаю много писем, и все они в минорном тоне. Дела по заготовкам строительных материалов несколько налаживаются, за исключением несчастного кирпича, с которым, вероятно, предстоит еще много хлопот. Бут и песок подряжены несвоевременно, потому очень дорого: зимой при лютых морозах и под глубоким снегом затруднительно добывать этот материал. Но наиболее удручающее впечатление в письмах производят личные распри между членами комитета. Кто из них прав, кто виноват, – трудно судить издали. Отчасти, может быть, виновата провинциальная глушь, где каждый желает играть выдающуюся роль. Дмитриев-Мамонов не ладит с председателем, Белявский – и с тем и с другим. После удаления Арнольда помощник архитектора Бетхер и десятник тоже отчислены, комитет остался без техников. Даже подготовительные чертежные работы совсем остановились. Ясно, что вся зима пройдет бесполезно, нисколько не подготовив нас к длительным работам на предстоящее лето.

В одном из писем Белявский, между прочим, сообщает мне, что томская полиция недавно доставила председателю комитета ту самую медную вызолоченную доску, с выгравированными на ней надписями, которую в прошлом августе мы так торжественно положили в основание университетского фундамента. Ее нашли в одном из кабачков, где она играла роль столешницы для импровизированного стола. Тут же разыскали и виновников ее похищения. При расследовании оказалось, что доска вместе с замурованными в стенку серебряными и золотыми рублями, положенными в память закладки университета, были вынуты каменщиками (рабочими) в ту же ночь. Хищники предполагали, что доска приготовлена из чистого золота и надеялись сбыть ее томским евреям на сплав, но, узнав, что она медная, оставили ее в кабаке за штоф водки. Весной доску предполагается водворить на прежнее место, но уже без монет.

19-го февраля генерал-губернатор Западной Сибири Н.Г. Казнаков уволен в отставку по расстроенному здоровью. На место его назначен генерал-лейтенант Мещеринов, с которым теперь мне придется иметь дело. Казнаков захворал и уехал из Омска в Петербург еще прошлой осенью. С тех пор я его не видал. Говорят, случилось нечто вроде удара, или мозговая эмболия с явлениями паралича в одной половине тела. Лечение в столице не поправило здоровья, и продолжение деятельной службы на окраине империи сделалось невоз-

можным. Я искренне жалею Николая Геннадьевича, хотя в последнее время и расходился с ним во мнениях по вопросу о Сибирском университете. Как генерал-губернатор он был деятельным, энергичным и дальновидным начальником, вникал в нужды края и, несомненно, оставил бы добрый след своего управления, если бы дольше оставался на своем посту и ближе присмотрелся к местным вопросам и людям. Из пяти лет его сибирской службы в первый год он едва успел бегло ознакомиться со своей территорией; потом почти ежегодные поездки в Петербург и довольно продолжительное пребывание там, хотя и по служебным делам, едва ли давали ему возможность глубже сосредоточиться на интересах и потребностях своего края, обширного и своеобразного.

У Николая Геннадьевича не было ни аристократического придворного лоска, ни напускного величия, столь свойственных лицам в его положении. Отправляясь в Омск, он не окружал себя, подобно другим главным начальникам провинций, плеядой петербургских недорослей, так охотно и усердно рекомендуемых вновь назначаемым начальникам. Он хотел прежде познакомиться на месте с личным составом своих сослуживцев, а потом уже ценить их по достоинству. В этом виден хороший принцип управления. Предвзятое недоверие к людям, ломка без нужды, желание окружить себя своими креатурами часто составляет слабую сторону не только главных начальников края, но даже заурядных начальников губерний. Николай Геннадьевич не страдал этим недугом. Омск сохранит о нем хорошее воспоминание уже за то одно, что при его содействии город получил вполне благоустроенные мужскую и женскую гимназии, техническое училище и порядочные начальные школы. Что же касается до всей Западной Сибири, то я не знаю тех мероприятий и заметных усовершенствований в положении края, которые составляли бы следы управления Н.Г. Казнакова, за исключением, может быть, установившегося при нем пароходства по Иртышу выше Тобольска и последнего разграничения с Китаем в пределах Семипалатинской области. Впрочем, в продолжение пяти лет и трудно было создать для страны что-либо более осязательное и крупное[1].

[1] Во «Всемирной иллюстрации» 1895 г. (№ 1375, 3 июня), на стр. 446, в статье «Дворяне Казнаковы», между прочим, было сказано, что Н.Г. Казнаков, назначенный в 1875 г. генерал-губернатором Западной Сибири, «в бытность свою там положил много труда на устройство Томского университета». Это сведение не совсем точно. Н[иколай]

1-го марта 1881 г. страшное, потрясающее происшествие: русский император Александр Николаевич варварски убит анархистами среди белого дня на одной из многолюдных улиц Петербурга. Вот чем разразился финал наших 15-летних смут, революционных попыток и систематического развращения русского общества. Подробности этого злодейства пока еще до нас не дошли, но они, конечно, вскоре будут известны и займут скорбную страницу в русской истории. Под этим удручающим впечатлением невольно приходится оглянуться теперь на прошлое и подумать, каким путем мы пришли к такому ужасному концу.

Всем известно, что царствование императора Александра II принадлежит к числу наиболее плодотворных для России. Ни одна эпоха не ознаменовала себя такими крупными и давно желанными реформами, какие совершились в истекшие 26 лет. Освобождение крестьян, установление земского самоуправления, новые суды, свобода печати, широкое развитие образования, облегченная воинская повинность, присоединение Кавказа, Амурско-Уссурийского и Туркестанского края и многое другое составляют такие крупные шаги внутренней государственной жизни, каких Россия не делала еще никогда! Она чуть не вдвое выросла за это время и во внутренних силах и по внешним границам. Казалось, нужно было бы благоговеть перед таким государем, которому отечество обязано столь крупными успехами и благодеяниями. Между тем на деле вышло совсем противоположное. Ни при одном царе не было столько недовольства и столько злобы против него, как при Александре II. И такое настроение обнаружилось не в последнее только время, когда русское самосознание было уязвлено первыми дунайскими событиями, неудачными Плевнами, дурной организацией интендантства и вообще неудовлетворительным исходом Восточной войны и некоторой расшатанностью в высших правительственных сферах. Недовольство началось в самом начале царствования, вслед за освобождением крестьян. Дух критики и порицания особенно усилился после польского мятежа и франко-прусской войны, когда государь явно симпатизировал немцам, вопреки настроению всей России. Исход Восточной войны с Берлинским трактатом переполнили чашу национального

Г[еннадьевич] не мог быть по болезни даже на закладке университета, так как осенью этого года навсегда оставил Сибирь, и в устройстве Томского университета он не принимал никакого участия. Скончался Н.Г. 12-го февраля 1885 г.

огорчения. В Берлине, Вене, Лондоне, даже в собственном нашем Остзейском крае нас третировали, как низшую расу. Во внутренних делах мы видели тоже постоянные промахи, недомыслие или даже прямые злоупотребления. Все это ставилось на счет правительству и не подогревало симпатий к государю. В общественной атмосфере стоял какой-то удушливый чад, не позволявший даже людям благомыслящим разобраться в текущих явлениях. При таких условиях не трудно было зародиться и вырасти зерну анархизма, доведшего Россию до нынешних печальных дней. Он, как злокачественная бактерия, нашел себе приют и пищу в гнилой среде и не встречал достаточной реакции или противодействия в незараженных общественных слоях.

Но что такое анархизм и анархисты? Есть ли это особая группа озлобленных, фанатизированных и злонамеренных людей, представляющих особую касту и резко отделяющихся от легальных и благоразумных граждан? Думаю, что такой касты нет, как нет сословия воров или нищих. Те и другие суть продукты самого общества, если оно ненормально поставлено и переполнено враждебными правительству элементами. Все эти клички: нигилист, социалист, анархист или либерал, радикал и т. п. суть только степени или отклики одного и того же протестующего настроения. Между ними есть общая традиционная связь, взаимные симпатии, а, следовательно, должна быть и общая нравственная ответственность за деяния анархистов, поскольку они являются порождением самого общества. Социализм и анархизм есть болезнь нашего века, уродливое проявление жизни, для развития которых требовалось, кроме благоприятной почвы, и некоторое систематическое воспитание. В этом последнем, к стыду нашему, принимало участие, хотя и помимо своей воли, наше злосчастное Министерство просвещения вместе с другими ведомствами, где существуют учебные заведения.

Вспомним беспристрастно, что такое представляли собой наши высшие учебные заведения (за исключением духовных академий и привилегированных лицеев) в последние 15–20 лет, как не настоящую школу либеральной распущенности, своеволия и политических бредней. Беспрерывные студенческие истории и беспорядки сделались притчей во языцех. Какие смешные меры правительство принимало для устранения их (вспомним Валуевскую комиссию), а вместе с тем главные начальники учебных заведений почти открыто по-

творствовали этим беспорядкам или старались игнорировать их. Сходки, вечеринки, уличные манифестации, студенческие библиотеки и кассы, разные подписки и петиции от имени студентов были явлением самым обыкновенным. Студенты сами судили своих товарищей и профессоров, сами решали, какая наука достойна их внимания, какая нет, кого из профессоров можно слушать, кого не следует, как человека отсталого или не сочувствующего духу времени. Приученные к такому самосуду, они и политические вопросы решали с таким же легким сердцем, воображая себя истинными ценителями и людей и событий. Такая многосторонняя роль опьяняет незрелые умы. Многие выносили из этой школы наивное убеждение, что современная молодежь должна взять на себя высокую миссию в жизни – произвести переворот в обветшалом, по их мнению, общественном строе, обновить если не все человечество, то, по крайней мере, русское государство. Сколько сил погибло из-за этих детских бредней, сколько людей, бросив серьезное дело личного образования, погрязли в этой утопии и на целую жизнь остались бременем для самих себя и для общества. Я уже не говорю об упадке религиозного и нравственного настроения. Религии стыдились, как признака отсталости; нравственность считали требованием условным; гордились дарвинизмом, производившим род человеческий от обезьяны, считая это для себя за великую честь, ибо это ново и научно, а происхождение от Духа Божия пахнет религиозной рутиной!

Вот какова была наша школа 60–70 гг. и что из нее могло выйти путного. Этой закваске вторило общество и литература, играя в те же детские игрушки. Школа выпускала новых деятелей на все поприща жизни, чтобы там продолжать и пропагандировать прежние школьные увлечения. Отбросы шли на подпольную деятельность. Из них формировались анархисты и открытые агитаторы. Грустно все это вспоминать. Еще грустнее сознавать слепоту тех солидных людей, которые должны бы были предвидеть, к чему поведет такое извращенное направление. Оно уже привело к 1-му марта. Многие надеются, что оно может привести к государственному перевороту, по меньшей мере, конституционному отчего Боже упаси наше дорогое отечество. Но если Господь и сохранит нас от такого ложного шага, то все же нынешнее направление школы даст нам много хлопот в будущем, пока наше поколение не сменится другим, может быть, более солидным и благоразумным, которое будет иметь в виду не туман-

ные картины европейских красот, а собственные потребности русского самодержавного государства.

Мир праху твоему, Царь-мученик! Прости наши прегрешения вольные и невольные, как и мы, оставшиеся в живых, прощаем тех твоих ближайших сотрудников, которые по неразумию омрачили славу твоего великого царствования!

2-го марта Казань, как и вся Россия, принимала присягу новому воцарившемуся государю Александру Александровичу. И в этом случае наш университет не мог обойтись без крупного скандала. Почти все студенты, в числе не менее 700 человек, собрались в актовом зале и устроили здесь колоссальную сходку. На приглашение ректора пожаловать в церковь (рядом с актовым залом), где должна была совершиться присяга, они ответили, что присягать не будут. Тем временем на кафедру взошел один из студентов, медик 5 курса Н., и обращается к товарищам с такой речью: «Господа! Старая пословица говорит: de mortuis aut bonum, aut nihil. Это глупая пословица. В жизни нужно говорить только одну правду, невзирая на то, хороша она или дурна. Такую правду я и намерен вам сказать про покойного государя». В это время в актовом зале была налицо вся университетская инспекция с ректором и проректором во главе и многие из профессоров, привлеченные необыкновенной сходкой. Успел приехать и попечитель Шестаков, которому было дано знать о беспорядке. Увещания прекратить сходку не имели никакого успеха. Лишь только попечитель или ректор заведут об этом речь, начинаются свистки и крики: «вон». Даже оратору университетские власти не имели силы запретить его речь с кафедры. Она продолжалась в порицательном духе истекшего царствования, причем доказывалось, что монархическое правление в России отжило свой век и в настоящее время нужно позаботиться о другом государственном порядке. Все это мы слушали, видели всех сочувствующих таким речам и не имели силы ничего сделать. Когда «правда» оратора стала уже переходить всякие границы приличия, декан медицинского факультета Виноградов, любимец студентов, бывший по обыкновению «навеселе», взошел на кафедру и провозгласил, что он будет продолжать речь, и просил Н. уступить ему место. Толпа закричала: «Хотим слушать Виноградова». Тот заплетающимся языком в шутливом тоне произнес несколько бессвязных фраз. Толпа захохотала, закричала «браво!» и этим сходка закончилась.

По этому образчику можно видеть, в каком положении находятся наши университеты. Тяжело и стыдно заносить такую повесть на страницы дневника, но это необходимо для характеристики времени. Здесь обращает на себя внимание не самая сходка (к ним мы уже привыкли), а повод к ней и отношение к ней местных властей. Возмутительная дерзость студентов, которой трудно приискать название, обращена была в какую-то глупую шутку. О ней не только не сообщили министерству, но не сделали даже никакого замечания более выдающимся участникам и коноводам. Как будто все это произошло в порядке вещей. Оратор Н. в том же году благополучно окончил курс и, как стипендиат, получил место врача в одном из областных городов Западной Сибири. Пройдет ли у него с годами и с более зрелым разумом прежний юношеский чад? Вероятно, пройдет, и он когда-нибудь, может быть, под старость, в глубине своей совести устыдится своего неуместного красноречия. Но до того времени сколько посевов своего незрелого разума он распространит на жизненном пути и сколько юных, таких же неразумных, голов совратит с пути истинного!

Кроме сходки, казанские студенты проделали и другую, не менее дерзкую выходку. После получения телеграммы о кончине Александра II, они скупили в магазине канцелярских принадлежностей купца Печаткина всю почтовую бумагу, налитографировали на ней множество экземпляров возмутительных прокламаций и в первую же ночь расклеили их на всех фонарных столбах и на других видных местах, где обыкновенно расклеиваются городские афиши. Утром полиция, конечно, сорвала все эти воззвания к народу и тут же без труда расследовала, у кого и кем была куплена такая масса почтовой бумаги. Оказалось, что ее купили студенты. Легко было узнать по почерку литографированных листков, кто именно занимался этим художеством, но такие расследования не признали нужным производить. Губернатором в Казани в это время был генерал Гейнс, человек очень мягкий и добрый, сочувствовавший молодому поколению. И на это дело посмотрели сквозь пальцы, как на невинную шутку.

В связи с прокламациями произошел один забавный случай в соборе во время панихиды по усопшем государе. На полу соборного храма полиция подняла заряженный револьвер. В первое время подумали, не есть ли это признак какого-нибудь злого умысла, но потом разъяснилось, что револьвер принадлежит бывшему генерал-

губернатору Восточной Сибири, барону Фридериксу (жившему в Казани после своей отставки). Барон, напуганный прокламациями, вообразил, что в городе может вспыхнуть мятеж, и, отправляясь в собор на молебствие, захватил с собой на всякий случай огнестрельное оружие, положив его в боковой карман шинели. Лакей, которому была передана эта шинель, нечаянно вытряхнул из нее револьвер и таким образом был причиной некоторого смущения полиции.

Кстати, для характеристики казанских сходок, упомяну здесь еще об одной бурной сходке, бывшей в ноябре 1882 г. Поводом к ней послужило увольнение из университета студента Воронцова[1], отъявленного негодяя и пьяницы. Три года он числился на первом курсе, не посещал лекций и, отличаясь разными дебошами, получал вместе с тем стипендию, помнится, от Пермского земства. По существовавшим правилам, студент, не выдержавший курсового испытания в течение двух лет, лишался права пользоваться каким-либо денежным пособием, а пробывший три года на одном и том же курсе подлежал увольнению из университета. Несмотря на это, Воронцов пользовался стипендией три года и был уволен не столько за малоуспешность, сколько за дурное поведение. Достаточно сказать, что он, будучи студентом, исполнял обязанности регента в хоре бродячих арфисток, певших по трактирам. Мало того, он последнюю зиму состоял за известную плату кассиром в одном из казанских домов терпимости, продавая входные билеты. За эти добродетели его, наконец, исключили из университета[2].

Студенты все это знали и не только не возмущались безнравственным поведением своего товарища, но выразили коллективный протест против его исключения. Они доказывали, что правление университета не имело право лишать его стипендии, так как стипендия была не казенная, а земская; равным образом, и мотив к исключению был в их глазах недостаточен на том основании, что университетское начальство не должно вмешиваться в частную жизнь студента и контролировать способы, какими он зарабатывает себе средства к жизни. По студенческой этике того времени не считалось зазорным гулять по трактирам во главе хора арфисток или сидеть за прилавком в публичном доме.

---

[1] Воронцов поступил в Казанский университет из Пермской гимназии.

[2] Воронцов принял активное участие в студенческих волнениях в Казанском университете 28–29 октября 1882 г., в ходе которых нанес оскорбление профессору Н.А. Фирсову, исправляющему должность ректора (сост.).

Когда ходатайство студенческой депутации с вышеизложенными аргументами не было уважено, студенты решились действовать силой, т. е. устроить сходку и этим способом произвести давление на совет профессоров. Сходка состоялась весьма бурная. Прежде всего, толпа студентов выломала двери актового зала, заблаговременно запертые по распоряжению ректора, чтобы предотвратить многолюдное сборище. В обширном зале собрались почти все студенты, человек 600 или 700, и начались обычные речи на тему о стеснении студенческой свободы и о необходимости дать отпор университетскому начальству. Ректора и инспектора, явившихся с увещеваниями разойтись, выгнали вон свистками и криками. Та же участь постигла и попечителя Шестакова. Пришлось послать за ротой солдат, с прибытием которой студенты разошлись. Университет был временно закрыт. У всех входов поставлены часовые с ружьями. По распоряжению попечителя назначена была следственная комиссия из профессоров для расследования произведенного беспорядка и определения зачинщиков. В числе членов комиссии пришлось быть и мне. Нам было предложено опросить всех участвовавших на сходке и от каждого из них взять письменное объяснение. Это потребовало двухнедельного труда с 10 ч утра и до 8–10 ч вечера, с небольшими перерывами. Эти экстраординарные занятия были крайне утомительны и неприятны, но для меня они были небесполезны. Здесь в откровенных и нередко крайне наивных и оригинальных суждениях студентов я ближе познакомился с существующими у них воззрениями на университетские порядки, с их взглядами на дисциплину, современную этику и на цели их пребывания в университете. И раньше я не был высокого мнения о современном строе наших университетов, но, наслушавшись теперь откровенных речей учащейся молодежи, невольно задумываюсь: что готовит многострадальной России наше злосчастное грядущее поколение.

По окончании расследования комиссия представила собранные данные ректору. Затем было назначено экстренное заседание совета под председательством попечителя Шестакова для постановления взыскания с виновных. Совет постановил пятерых студентов, как зачинщиков и подстрекателей, исключить из университета без права поступления в другое учебное заведение, с остальных участников сходки взять подписку в том, что они впредь не будут принимать участия ни в каких открытых демонстрациях. К числу исключенных

принадлежали: два брата Яковлевы (донские казаки), Осипанов[1] (бывший воспитанник Красноярской гимназии), Померанцев (бывший воспитанник Пермской гимназии) и студент 1 курса, фамилии которого теперь не припомню, по национальности бурят, поступивший из Иркутской гимназии.

В то время, когда в стенах университета производилось расследование вышеописанных беспорядков и университетские входы охранялись военной командой, кто-то из студентов написал по этому поводу стихотворение, циркулировавшее потом в стихах по всей Казани. Вот его содержание:

Братья! Наши генералы
Нас отлично просветили:
Храм науки злополучный
Вдруг в казармы превратили.
***
Вместо бюстов тех героев,
Что в принципах были тверды,
Видим мы теперь воочию
Полицейские все морды.
***
Все солдаты, все берданки…
Все куда не кинешь взоры...
Сам оплеванный проректор
Поступил в табур-мажоры.
***
Чтоб ходили все по струнке,
По-солдатски; для примера
Нам поставили в начальство
Войцеховича в Вольтеры.
***
И во всех аудиториях
Тупоумны, дерзки, грубы,
В вицмундирах просвещения
Заседают Скалозубы[2].

---

[1] Несмотря на исключение без права поступления, Осипанов был принят в 1885 г. в Петербургский университет вольным слушателем, 1-го марта 1887 г. он был уличен в покушении на цареубийство (захвачен полицией на углу Невского и Морской ул. с разрывными снарядами в руках).

[2] Здесь имеется в виду наша комиссия.

А Ш… знаменитый[1]
Этот сикофант двуличный,
При газете вместо премий,
Открывает дом публичный.
***
Пошлой газетки издатель,
Разных статеек кропатель,
Кличка твоя нам не нова,
– Верное эхо Каткова,
Жалкий урядник Толстова,
Сводня печатного слова.

Сколько мне известно, студенты восхищались этими виршами, находя их очень остроумными и едкими. О правде, конечно, никто не заботился. В людей чужого лагеря можно было, по настроению того времени, бросать грязью, не справляясь, есть ли к тому повод. Куда бы ни шло, если бы это говорилось только для красного словца; но подобные скороспелые приговоры отражались на репутации профессоров, по крайней мере, в глазах корпоративного студенчества и местного либерального общества.

Распущенность университетов составляет истинную злобу наших дней. Потому считаю не лишним коснуться этого вопроса, как он рисуется в моей памяти и представляется моему пониманию. Начиная с преобразовательной эпохи 60-х гг., когда явился усиленный спрос на образованных деятелей во всех сферах общественной и государственной жизни, сложилось естественное и вполне правильное убеждение, что чем больше и скорее мы расплодим людей с высшим образованием, тем успешнее осуществим задуманные планы обновления России. В то время нельзя было и думать иначе. У всех было еще слишком свежо воспоминание о последствиях стесненного доступа в гимназии и университеты в предшествовавшее царствование императора Николая I. Этому не без основания приписывали долю неудач проигранной Крымской кампании и бросавшиеся в глаза недостатки во всех частях внутреннего управления. Обновленная Россия требовала новых людей. Поднятый вопрос об уравнении образовательных прав привилегированных и податных сословий распахнул

[1] Проф. Ш. раньше был любимцем студентов. Его блестящим лекциям часто аплодировали, но достаточно было раз взглянуть на увлечения молодежи с другой точки зрения, чем смотрят сами студенты, и прежний кумир повергался в прах.

двери учебных заведений не только для дворян, духовенства и разночинцев, но и для тех классов, для которых образование считалось прежде запретным плодом. При таких условиях, естественно, явилось стремление воспользоваться дарованным правом в возможно более широких размерах. Правительство и общество покровительствовали этому доброму порыву всеми возможными средствами. Из всех концов России хлынула новая волна молодого поколения в распахнутые двери средних и высших учебных заведений. И этому можно было только радоваться. Но таков закон природы, что добро и зло, свет и тьма всегда идут параллельно. И в деле народного просвещения стремительный поток не мог не вызвать вместе с добрыми началами некоторых нежелательных крайностей.

В силу реакции против прежних стеснительных мер пресса и общество склонны были преувеличивать успехи нового образовательного направления. Быстрое умножение числа учащихся они отождествляли с прогрессом просвещения, предполагая в данном случае, что количество и качество должны идти рука об руку. Также смотрели учителя и профессора учебных заведений. Они считали грехом лишать молодого человека соответствующего образования даже в том случае, когда это было ему явно не под силу, или когда он не заслуживал этой привилегии по своим нравственным качествам. Достойные смешивались с недостойными, талантливые с бездарными, ленивые и распущенные с искренне желающими учиться и трудиться. Всю эту разнохарактерную массу одинаково прикрывал университетский диплом, дававший одни и те же права годным и негодным элементам. В этом заключалась первая, так сказать, принципиальная, ошибка нового взгляда на русское просвещение. Благодаря ей, нередко профанировалось значение университетского диплома и подрывалось доверие к русским интеллигентным силам.

Вторая, еще горшая, ошибка заключалась в том, что к вопросам образования стали примешивать политику. В этом грехе повинны и общество, и правительство, и более всего сами студенты или вообще учащиеся. Вспоминая теперь печальную эпоху 60, 70-х гг., невольно удивляемся существовавшей в то время путанице понятий. Общество и правительство стали друг против друга как два враждебные лагеря, не понимая того, что они идут к одной и той же цели – прогрессивному развитию внутренней жизни отечества.

Вместо того, чтобы поддержать благие начинания правительства сочувствием к преобразовательным мерам, общественная интеллигенция, смущаемая и подстрекаемая извне темными силами, требовала ломки всего государственного строя. Во внутренних делах государства она отмечала только слабые стороны, старые прорехи, не залеченные еще раны, не обращая внимания на совершившиеся крупные преобразования и благодетельные меры. Со своей стороны и правительство, видя чрезмерные притязания противной стороны и превратное толкование его мероприятий, было подчас вынуждаемо платить недовольному обществу той же монетой. Хуже всего то, что орудием этой борьбы страстей была избрана школа. Это обстоятельство можно считать истинным несчастием для русского образования.

24 марта 1881 г. в Казань пришла весть, что министр народного просвещения Сабуров отчислен от этой должности. На место его назначен барон Николаи, которого раньше мы совсем не знали. После совершившихся событий на последнем акте С[анкт]-Петербургского университета нельзя было не ожидать такой перемены, но что нам даст новый министр, это трудно предугадать. Во всяком случае, можно ожидать новых порядков, может быть более строгих, что собственно вытекает из предшествовавших обстоятельств. Благоразумные люди о такой перемене курса сожалеть не будут. Но для меня лично перемена министерства имеет особое значение, именно по отношению к Сибирскому университету. Новые птицы – новые песни. В каком тоне они отзовутся на наших томских делах, и без того шатких, запутанных, еще не пустивших прочных корней. Этот вопрос начинает меня тревожить. Под этим впечатлением я написал длинное письмо М.Е. Брадке (директор департамента), прося его совета – не следует ли мне, ранее отъезда в Томск в мае месяце, снова побывать в Петербурге, чтобы переговорить с новым министром и ориентировать в направлении дел. Брадке посоветовал не делать этого, а идти своей дорогой, как было предначертано при последнем моем посещении министерства в конце декабря. Такое решение вывело меня из затруднительного положения, так как в первой половине апреля, до вскрытия Волги, ехать было невозможно вследствие полной распутицы, а в конце апреля и до половины мая у нас должны были происходить экзамены, не позволявшие мне оста-

вить Казань. Да и что можно было сказать барону Николаи о постройке Сибирского университета, когда и сам я в точности не знал, как направится это дело предстоящим летом после перемены архитектора при полной неопределенности строительных предположений в нашем комитете. Будет гораздо удобнее представиться новому министру и познакомить его с этими вопросами уже после возвращения из Томска осенью. Так я и решил поступить.

Несчастный Томский университет! Как складно и удачно направился он на первых порах, когда вопрос разрабатывался, так сказать, теоретически, и как неблагоприятно стали для него складываться обстоятельства потом. Ежегодная смена министров, перемена генерал-губернаторов, затруднения и неурядицы в Строительном комитете далеко не содействуют гладкому и успешному ходу дел. Но самым крупным и неблагоприятным осложнением в данном случае является 1-е марта. Как оно отразится на наших университетах вообще и на Сибирском в частности, это покажет близкое будущее. Пока можно сказать одно: наступают другие времена, выходят на сцену другие люди, может быть, с другими планами и взглядами, и при такой общей пертурбации мне придется ощупью нести трудное, может быть, для многих теперь не симпатичное дело созидания нового университета на далекой русской окраине. Дай Бог довести его до конца. О трудах, временных препятствиях и разоча-рованиях я не сокрушаюсь. Все это неизбежно во всяком крупном предприятии, лишь бы не была забракована основная идея. При таком невеселом настроении мне приходится ныне отправляться в Томск, утешаясь одной мыслию, что доброе и полезное дело не должно страшиться препятствия. Так или иначе, он направится на свой путь, выразится в осязательной форме и будет давать соответствующие плоды. Темные точки стушуются, трудные эпизоды забудутся, останется на виду один результат безвестных трудов, и он должен служить нам теперь путеводною нитью, наградой и утешением в скорбные минуты.

Русская старина – 1906. – Янв. – С. 75–109; – Февр. – С. 288–311; – Март. – С. 564–596; – Апр. – С. 109–156; – Май. – С. 280–323; – Июнь. – С. 596–621.

ДМИТРИЕВ-МАМОНОВ Александр Ипполитович (1847–1915)

Историк, библиограф, государственный деятель. Окончил Московский университет. В 1877–1881 гг. – председатель Томского, в 1881–1885 гг. Тобольского губернского правления, в 1885–1898 гг. – Акмолинский вице-губернатор. В начале 1900-х гг. – чиновник Министерства путей сообщений. Председатель Западно-Сибирского отделения Русского географического общества. Действительный член Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. В 1913 г. ему был пожалован графский титул (с передачей старшему в роде). Интересовался социально-политической историей, историей общественных движе-ниий, сибиреведением, книгопечатанием в Сибири, автор работ по истории крестьянской войны под руководством Е.И. Пугачева и истории декабристов. Автор «Путеводителя по Туркестану» (СПб., 1913). Сотрудничал с Н.М. Ядринцевым. Поддерживал дружеские отношения с В.М. Флоринским, состоял с ним в переписке. Действительный статский советник.

К ИСТОРИИ ПЕРВОГО УНИВЕРСИТЕТА В СИБИРИ (1875-1899)

Учреждение первого университета в Сибири, по исключительным условиям, в которых она находилась, ощущая постоянно недостаток в образованных людях по всем отраслям государственной и общественной деятельности, было особым выдающимся историческим событием в ее жизни.

Вопрос о расширении образования являлся существеннейшим в Сибири, так как все лучшее, наиболее способное, что воспитывалось в местных учебных заведениях и стремилось получить высшее образование, убывало в Европейскую Россию и редко возвращалось в Сибирь. Поэтому Сибирь представляла странное, исключительное явление – это было общество без образованного молодого поколения.

Необходимость создания в Сибири высшего учебного заведения сознавалась как многими выдающимися русскими государственными деятелями, так и местным – сибирским обществом и в продолже

ние многих лет, еще с конца XVIII столетия, неоднократно проявлялись весьма определенные стремления к осуществлению этой идеи.

По меткой характеристике сибирского историка-публициста и патриота Н.М. Ядринцева, университетский вопрос среди неприглядных сумерек сибирской жизни был единственным вопросом, освещающим царивший мрак и соединявшим около себя общественные симпатии. Шестидесятые годы минувшего столетия, столь богатые на будущее и ознаменованные великими освободительными реформами, не могли не вызвать ожиданий и в отдаленной Сибири, сосредоточившейся на заветных идеях об освобождении от ссылки и создании университета.

В этот период мысль об университете была особенно излюбленною у молодых выступавших сибирских писателей Н.М. Ядринцева, Г.Н. Потанина, С.С. Шашкова, А.П. Щапова и др.

Об этом писались статьи не только в столичных журналах и газетах, но и в местных – сибирских органах периодической печати.

Сибирские «Губернские ведомости» того времени представляют целый ряд свежих литературных статей по вопросам об абсентизме интеллигентных сил и о необходимости поднятия уровня просвещения в крае учреждением университета.

Тогда же читались публичные лекции в Иркутске, Красноярске, Томске, Омске. Особенным одушевлением отличались лекции С.С. Шашкова и Н.М. Ядринцева.

Проектировалось целое общество для сбора пожертвований на сооружение университета.

Сибирская публицистика, пропагандировавшая мысль об учреждении университета в Сибири, увлекалась одновременно сепаратистскими веяниями, видя в университете не только спасательное средство против убега молодежи из области, но и возможность развития понятий о гражданских обязанностях у сибирской молодежи в сфере сибирских областных вопросов.

По свидетельству Н.М. Ядринцева, наиболее выяснившего областное значение Сибирского университета, вопрос об университете сосредоточивал в то время все надежды и идеалы будущего, он отождествлялся вообще с лучшею будущностью края, на нем покоилась вся сила убеждения и жар молодого сердца. Он сделался не чужд и массе населения. Последний горожанин, последний мещанин в глухом уездном городе говорил об университете.

Бедные городские классы в Сибири и мелкие чиновники были заинтересованы в нем более чем кто-либо, так как в Сибири, за ограниченным составом землевладельческого класса и за неимением крупного и богатого дворянства, контингент гимназий наполняется почти исключительно бедняками.

Энергичное ходатайство, сделанное в 1875 г. генерал-губернатором Западной Сибири, генерал-адъютантом Николаем Геннадьевичем Казнаковым при вступлении в управление краем, о необходимости высшего образования в Сибири поставило вопрос об учреждении в Сибири университета на почву действительного осуществления. 25 апреля 1875 г. Император Александр II, признав предположения генерал-адъютанта Казнакова вполне уважительными, повелел: «подняв уровень общего образования, дать возможность сибирским уроженцам подготовить из своей среды людей сведущих и образованных, в числе, по меньшей мере, достаточном для удовлетворения нужд местного населения и по ближайшему и всестороннему обсуждению этого предмета, повергнуть через министра народного просвещения на Высочайшее воззрение соображения об учреждении общего для всей Сибири университета».

В том же 1875 г. (3 ноября) Н.Г. Казнаков прислал из Омска в Министерство народного просвещения свое представление об университете, которое немедленно было рассмотрено в особой комиссии при министерстве, состоявшей из профессоров Ходнева, Васильевского, Пахмана, В.М. Флоринского и члена совета министра народного просвещения Георгиевского, а затем благодаря сочувствию бывшего министра народного просвещения графа Д.А. Толстого проект об университете 27 мая 1876 г. препровожден был в Государственный совет.

Местом основания университета по выработанному проекту, согласно предположению Н.Г. Казнакова, был избран Омск.

Славянское движение за Дунаем и война с Турцией в 1876–1878 гг., как и финансовые обстоятельства России, отодвинули этот, почти решенный, вопрос на второй план и приостановили на время практическое осуществление начатого дела.

В этот период застоя в решении вопроса о Сибирском университете Василий Маркович Флоринский, занимавший должность экстраординарного профессора медико-хирургической академии и состоявший членом ученого комитета Министерства народного про-

свещения, оставил службу в военно-медицинском ведомстве, будучи приглашен к деятельному участию в Высочайше утвержденную комиссию под председательством товарища министра народного просвещения И.Д. Делянова, на которую возложен был пересмотр общего университетского устава 1863 г.

С этого же времени В[асилий] М[аркович], считавший себя сибирским уроженцем, связал свою служебную деятельность с нарождавшимся первым Сибирским университетом и затем до 1899 г., т.е. в продолжении 23 лет, не было ни одного момента в истории этого университета, когда бы он не принимал своего участия.

Независимо от разных комиссий, учреждавшихся по этому поводу, в которых он был непременным членом и редактором журналов и трудов, он вел обширную официальную и частную переписку с разными учреждениями и лицами по всем вопросам, касающимся Сибирского университета.

Познакомясь со мною еще в 1870 г. и навещая по специальности врача мою семью, В[асилий] М[аркович] часто делился со мною многими интересовавшими его общественными и научными вопросами и узнав в 1876 г., что я отправляюсь по приглашению генерал-губернатора Западной Сибири Н.Г. Казнакова в Томск, на должность председателя губернского правления, просил меня доставить ему возможно точные статистическо-экономические данные о положении тех городов Сибири, которые намечались для учреждения Сибирского университета.

Просимые данные потому являлись особенно необходимыми, что избрание места для университета получало первостепенное значение для края, ввиду несогласия между собою предположений главной администрации Западной Сибири, с ходатайствами большинства сибирских городов.

Еще в 1803 г. по мысли первого жертвователя на Сибирский университет Павла Григорьевича Демидова местом для основания университета предполагался Тобольск, но этот город уже давно потерял свое первенствующее значение в Сибири. В 1860-х гг. пропагандировалось основание университета в Иркутске, но впоследствии неоднократно высказывались преимущества Томска как центрального пункта для Западной и Восточной Сибири. При поднятии вопроса об университете в 1875 г. большинство полагало, что выбор падет на

Томск как на самый видный город Западной Сибири, обладающий всеми условиями, необходимыми для университетского города.

Такое же было ожидание жертвователя Захария Михайловича Цибульского, давшего в числе первых 100000 руб. на основание университета в Томске. По административным соображениям в проекте, представленном Н.Г. Казнаковым в Государственный Совет, все доводы приводились в пользу Омска.

Мысль избрания резиденцией Омска противоречила интересам всей Сибири и общества, вызвав многочисленные протесты. Общественное мнение Сибири весьма решительно выступило против Омска.

Сибирские городские общества по этому поводу оставляли многочисленные адреса и представления, ходатайствуя за выбор Томска, местная и столичная печать также отдавала предпочтение Томску.

Составив подробную статистическо-экономическую записку о положении городов Западной Сибири, я препроводил ее 10 июля 1877 г. из Томска в распоряжение В.М. Флоринского со многими документами и планами для всестороннего обсуждения дела и наиболее правильного решения вопроса об избрании резиденции первому Сибирскому университету.

Оценка сообщенных мною материалов и то решающее значение, какое они имели при выборе места для университета, выражались в письмах Василия Марковича ко мне, в которых он подробно описывал все положение дела о борьбе за университет, излагая свои взгляды о наилучшем устройстве и будущем значении Сибирского университета.

5 августа 1877 г. В[асилий] М[аркович] писал мне из С[анкт]-Петербурга:

«Сейчас получил вашу записку и с величайшим вниманием прочитал все заключающиеся в ней документы. Не знаю, как и благодарить вас. Присланные сведения более чем удовлетворительны, и все, что нужно было нам знать, все, что мы предполагали иметь в подтверждение наших доводов в пользу Томска, я нашел в вашей записке и приложениях, так что с этим оружием мы спокойно можем ждать предстоящего сражения с омскими депутатами. Я надеюсь, что мы победим, и было бы странно не иметь успеха в деле совершенно справедливом и ясном для всех знающих это дело, не желающих искажать его по личным симпатиям и эгоистическим соображениям.

Вдвойне благодарен Вам за сочувствие к Томску, за Ваш личный большой труд, за Вашу искренность и правдивость. Можно ли, в самом деле, думать не только о процветании, даже о существовании Сибирского университета в Омске, где он был бы мертворожденным созданием, вечным укором нашего незнания и непредусмотрительности. К сожалению, весной нынешнего года дело стояло так, что 14 мая были все шансы на утверждение университета именно в Омске. Я чутьем понимал всю непрактичность такого решения, которое не только не удовлетворило бы потребностям сибиряков, но послужило бы в явный ущерб и самому университету.

Нужно было употребить все средства помешать такому решению, что до известной степени и удалось: дело отложено до осени и для обсуждения вопроса о выборе места для университета составлена особая комиссия, в которой состою и я с Александром Ивановичем Деспот-Зеновичем. Вы поймете теперь, насколько нам нужны присланные Вами сведения и как я благодарен Вам за них. Если мы выиграем дело, в чем я почти не сомневаюсь, то Томск и Сибирский университет Вам будут многим обязаны благоприятным разрешением этого вопроса.

Очень рад, что Вы прислали подробные планы отведенной под университет земли. Они нам нужны в особенности: чтобы отпарировать один из доводов Н.Г. Казнакова, будто в Томске нет удобного места для постройки университетских зданий (странный довод); для соображения по проектам построек, которые предполагается выработать нынешнею осенью в особой комиссии из профессоров и лучших петербургских архитекторов, где также буду участвовать и я. Копии с мнений городских обществ тоже будут очень полезны; на них можно сослаться как на общий голос сибиряков, что тем более важно, что Н.Г. Казнаков высказался, будто бы сибирские города в этом отношении совершенно индифферентны, а мы в своих руках имели против этого весьма слабые документы. Остальные числовые данные в ваших сведениях также очень важны, и мы ими в должной мере воспользуемся. Извините меня, что я долго не отвечал на вашу телеграмму. Более месяца я провел вне Петербурга в Либаве, где нынешнее лето живет моя семья. Надеюсь, что запоздалый ответ мой не послужит поводом к отправке депутации. Было бы очень жаль, если бы эта депутация состоялась теперь, так как, за отсутствием Государя, министра народного просвещения и вообще всех

лиц, имеющих отношения к вопросу о Сибирском университете, она вынуждена была бы очень долго оставаться в С[анкт].-Петербурге без всякой цели. Я не думаю даже вообще, чтобы депутация эта имела особенное значение, если она намерена была выражать только личные просьбы и ходатайства. В пользу дела гораздо более будут говорить факты и цифры, которые мы теперь имеем, а личные просьбы и влияния на убеждения лиц, власть имеющих, мы постараемся пустить в ход, может быть с большим успехом, чем неизвестные члены депутации. *Я считаю дело слишком близким моему сердцу, чтобы упустить какой бы то ни было случай повлиять на благоприятное его разрешение*. Впрочем, если бы в силу каких-либо особенных соображений и обстоятельств, депутация впоследствии оказалась полезною и необходимою, то я извещу Вас об этом заблаговременно.

Было бы гораздо полезней пропагандировать между томским купечеством мысль о будущих пожертвованиях в пользу Томского университета. В вашей записке я нашел сведения, что приказ общественного призрения в Томске предполагает расширить городскую больницу и имеет на это средства. Эта статья очень хорошая. Еще было бы лучше, если бы томское городское общество или вообще добрые сибиряки, после утверждения университета в Томске решились выстроить сами и на свой счет по крайней мере часть факультетских клиник. Денег на постройку университетских зданий у нас очень мало, всего предполагается отпустить 600000 руб., считая в том числе капиталы Цибульского и Демидова. На эти деньги можно выстроить хороший главный корпус и корпус анатомического института, навряд ли много останется на постройку клиник и других вспомогательных учреждений. Поэтому всякое лишнее здание было бы для дела очень полезно. Эта форма пожертвований была бы тем удобней, что она реальнее сохраняла бы в потомстве имя жертвователя и предоставляла бы ему более свободы распорядиться суммою по своему личному усмотрению. В случае надобности некоторые клиники, например акушерскую и глазную, можно устроить в отдельных, даже деревянных, небольших домах, по павильонной системе. Планы я мог бы прислать. При дешевизне леса и даровой университетской земле, каждый из таких домов мог бы, я думаю, обойтись не более 10000 руб. Точно так же у нас в моде жертвовать на стипендии для учащихся. Эту форму пожертвования я считал бы менее практичной, чем устройство для несостоятельных студентов

дарового помещения. В этом отношении один устроенный дом мог бы заменить десятки стипендий, обеспечив студентов, самое главное – здоровую квартиру вблизи университета, а содержание стола для них было бы уже не трудно взять на свой общий счет. Вообще я надеюсь, что местное томское общество после окончательного решения вопроса о сибирском университете в Томске не оставит этот университет своим вниманием. Я ратую за Томск именно потому, что предвижу здесь широкое развитие университета, возможность удовлетворительного устройства всех учебных приспособлений, что привлечет хороших профессоров и возможность хорошего устройства быта студентов.

Вздор говорят, что в Сибири юный университет будет хромать на все ноги. Напротив, я убежден, он должен быть и будет образцовым, должен превзойти многие из ныне существующих университетов Европейской России. На первых же порах он должен получить и высокий научный тон, и хороший студенческий дух, так, чтобы и учащие и учащиеся не только не пренебрегали им, а по существу самого дела предпочитали бы его многим остальным университетам. Всего этого можно достигнуть при сердечном отношении к делу, при сочувствии и содействии общества. Нужно, чтобы университет был не казенным только созданием, а живым выражением местной жизни, свободным проявлением нравственных народных сил.

Что будет дальше – не знаю, но в настоящее время я уже имею для Томска (но не для Омска) не один десяток лучших профессоров наших университетов, изъявивших желание на деятельность в Сибирском университете, какое влияние будет иметь университет на развитие самого города, можно судить по аналогии с другими университетскими городами. В Харькове, 70 лет назад, при открытии университета было всего 5000 жителей, теперь там более 100000. Казань в такой же срок с 20000 увеличилась до 120000. Такой же, если не более быстрый, рост можно предсказать и Томску, если в нем будет университет. *Томские жители должны это иметь в виду и из любви к своему городу должны содействовать устройству его будущей красы и славы, источника богатства и нравственной силы – Томского университета.*

Душевно бы желал, чтобы все мои мечты осуществились поскорее, чтобы не повлияли на это нынешние политические события, чтобы в деле, которым я увлекаюсь, не встретить разочарования ни

в Петербурге, ни в Сибири. Еще раз благодарю вас за содействие и прошу верить моей всегдашней и искренней к вам привязанности. Завтра я передам все присланные вами бумаги А.И. Деспот-Зеновичу для ознакомления с ними».

Образованная в 1877–1878 гг. Высочайше утвержденная комиссия для изучения вопроса об избрании города для Сибирского университета состояла из председателя товарища министра народного просвещения кн[язя] А.П. Ширинского-Шихматого и членов: члена ученого комитета Министерства народного просвещения В.М. Флоринского, члена совета министра внутренних дел А.И. Деспот-Зеновича и как представителей мнений генерал-губернатора Западной Сибири – главного инспектора училищ Западной Сибири А.П. Дзюбы и вице-губернатора Акмолинской области М.Н. Курбановского.

Самая идея этой комиссии была возбуждена лично Василием Марковичем, который сумел заинтересовать вопросом о Сибирском университете бывшего тогда председателя Государственного совета Великого князя Константина Николаевича. Поэтому, естественно, В.М. должен был выступить в комиссии во всеоружии доказательств преимущественного значения Томска как резиденции для будущего университета. Задача, во всяком случае, была тем более трудна, потому что вопрос в пользу Омска был уже предрешен в присутствии генерал-губернатора Западной Сибири Н.Г. Казнакова в Соединенных департаментах (Законов и Государственной экономии) Государственного Совета.

О ходе работ в комиссии, а также о предпринятой им разработке планов сооружения будущего университета при участии директора департамента народного просвещения М.Е. Брадке, профессоров Д.И. Менделеева, Овсянникова, академика архитектуры А.К. Бруни, В[асилий] М[ихайлович] сообщал мне подробно в письме от 22 января 1878 г. из С.-Петербурга.

«Сейчас только окончил последний лист корректуры ”Трудов комиссии”, которые завтра явятся в свет и пойдут по своему назначению. Сегодня утром я известил вас об этом, в ответ на вашу телеграмму; но это письмо не считайте ответом на нее, потому что и без того, во всяком случае, я написал бы вам, чтобы известить о ходе нашего дела.

Вам, вероятно, уже известно, что комиссия наша не собиралась очень долго, все ждала из Омска Дзюбу и Курбановского, которые,

наконец, приехали 20 ноября. 22-го у нас было первое заседание, а 19 декабря мы окончили все дело. Затем в течение последнего месяца, считая тут и праздники, я занят был редакцией наших, или лучше сказать, своих трудов, – возился с типографией и корректурами, а отчасти и с омскими членами, чтобы убедить и уломать их на единогласное решение, без особых мнений и противоречий с их стороны. Много было бы описывать вам всю эту историю; может быть, со временем удастся рассказать вам ее на словах, а теперь достаточно сказать, что результат вышел пока очень хороший. Омичи, несмотря на все их упорство и желание угодить Казнакову ничего не могли сказать против неоспоримых фактов и должны были высказать и подписать вместе с нами общее заключение, что Сибирский университет можно основать только в Томске, а никак не в Омске. В пользу первого и против последнего слишком много доводов, против которых нельзя было спорить. Да и по правде сказать, некому было спорить, потому что омские бойцы были слишком слабо вооружены.

Труды наши составили целую книжку, 10 печатных листов, которая со временем многими прочитается с большим интересом. До сих пор ее прочитал министр народного просвещения и, по-видимому, внял доводам разума, – переменил свое прежнее мнение относительно Томска и Омска. Многие из членов Государственного Совета тоже уразумели дело, так что теперь можно выступать с ним гораздо смелей. В нашем министерстве, на основании трудов комиссии пишется теперь при моем содействии новое представление в Государственный Совет на Томск, а не на Омск, как прежде. Есть основание думать, что недели через две это дело будет внесено в Государственный совет, и в конце февраля, Бог даст, окончательно решится. По крайней мере, теперь оно так стоит: с ним спешат и все налажено как нельзя лучше. Об одном жалею, что через неделю я уезжаю из Петербурга в Казань, получив там место в университете, по приглашению казанских профессоров, я не хочу этим сказать, чтобы мое присутствие здесь для Сибирского университета было крайне необходимо, и все что нужно было сделать, я сделал, настроил кого следует и как следует, – но тем не менее мое личное присутствие могло бы пригодиться на случай какой-либо неожиданности, например если бы приехал сюда Казнаков и захотел кого-либо сбить с толку, напустив туману про Сибирь. Но и против этого я принял свои меры. *Вообще сибиряки могут считать меня самым искренним*

и самым деятельным их адвокатом, и таким я останусь, несмотря на отъезд в Казань. Я слишком люблю Сибирь и свою идею, чтобы изменить ей, слишком много возлагал надежд на Сибирский университет, чтобы оставить его на половине пути. Даже сама перемена моей службы в настоящее время до известной степени связана с идеей о Сибирском университете, но я не объясняю Вам эту отдаленную связь.

Очень хотелось бы послать вам экземпляр наших последних трудов, зная, что они вам были бы не безынтересны, но, говорят, это неудобно до тех пор, пока окончательно не пройдет дело. На всякий случай сохраню у себя для Вас лишний экземпляр и пришлю его, как будет можно. В трудах комиссии я поместил, между прочим, и записку Цибульского, она написана очень хорошо, и в извлечении свод заявлений сибирских городов в пользу Томска. Вопрос о ссыльных разработан прекрасно А.И. Деспот-Зеновичем, пользовавшимся, между прочим, и присланными вами данными (не упоминая вашего имени), за что приносит вам большое спасибо. При вопросе о климатических условиях Томска и Омска, о лечебных учреждениях и в частности о значении Омского госпиталя, мне очень помогли медицинские отчеты, взятые мною из медицинского департамента и военного-медицинского управления. Результат вышел блестящий. остается желать, чтобы и конец дела был такой же.

Третьего дня я приступил к другому делу, – к выработке проектов зданий для университета. Присланные сибирские планы забракованы, надобно составлять новые, более соответствующие современным требованиям архитектуры и науки, что мы теперь и делаем. Собираемся каждый день (я, профессор Менделеев и Овсянников и архитектор Бруни), надеясь окончить это дело через неделю, вчерне, т.е. выработать основные требования и набросать эскиз чертежей, а подробная архитектурная обработка чертежей может быть исполнена и без меня. Во всяком случае, в течение этой зимы планы должны быть утверждены в Министерстве внутренних дел, так чтобы весной можно было приступить если не к постройке, то по крайней мере к заготовлению материалов. Хотелось бы поговорить с вами об этом деле подробнее, как с знатоком, но боюсь утомить ваше внимание. Мне казалось бы: не лучше ли производить постройки хозяйственным способом, учредив на месте строительный комитет, чем сдавать их с торгов, что вероятно обошлось бы дороже и было

бы хуже. Возник у нас вопрос об устройстве полов: дуба у вас нет; из чего же их делать? Я предложил попробовать кедровый паркет, или торцовые полы из кедра, додумавшись до этого сам, но мне говорят, что этого никто не пробовал. Как Вы думаете об этом предположении, не было ли у Вас опыта в этом роде? Мне казалось бы также, что и рамы, двери и внутреннюю отделку аудиторий, музеев, библиотек (шкафы, столы и проч.) можно было бы сделать из кедра, так как он у вас в изобилии и должен представлять собою материал крепче сосны и березы. Занимает нас и отопление. Предполагается водяное, но, боюсь, как бы в Сибири с ним не наплакаться, в случае порчи труб или какой-нибудь неудачи в выполнении. Мне кажется, для больших нежилых помещений лучше применять усовершенствованные калориферы. Воду думаем провести из Томи. Как жаль, что у вас нет газа, как бы он был необходим для лабораторий и вообще для освещения университета. Интересно было бы знать: можно ли в Томске иметь дешевый каменный уголь хорошего качества (напр[имер], из Кузнецкого бассейна, сплавом по Томи). Если да, то, может быть, со временем можно будет подумать о газовом заводе: это не Бог знает, как стоило бы дорого, а было бы очень хорошо.

Сейчас получил известие, что Н.Г. Казнаков приедет в Петербург около 10–15 февраля. Было бы очень желательно провести университетское дело до его приезда, но не знаю, удастся ли это: времени осталось так немного. В случае решения вопроса я буду извещен об этом немедленно и в свою очередь не замедлю сообщить об этом и Вам из Казани.

Думаю выехать из Петербурга в конце этого месяца, поэтому если бы вы полагали написать мне, то прошу адресовать в Казань. Кланяюсь усердно Вашей супруге, надеюсь, она начинает привыкать к Томску. Очень хотелось бы, согласно с обстоятельствами, побывать у вас нынешним летом, но не знаю еще, как сложатся дела. Благодарю Вас от души за Ваше участие в общем нашем деле».

Окончив существенную задачу – выбора резиденции Сибирскому университету и перейдя снова к временно оставленной им профессорской деятельности, Василий Маркович не прерывал своих отношений к Сибирскому университету. Напротив того, он решился оставить Петербург и переселиться в Казань именно для того, чтобы иметь возможность совместить по профессорской службе (остав-

ляющей каникулярное время) активное участие в предстоящих сложных трудах по созданию Сибирского университета.

Благодаря энергическому содействию Председателя Государственного совета Великого князя Константина Николаевича вопрос о Сибирском университете был разрешен в Государственном совете в пользу Томска и 16 мая 1878 г. последовало утверждение Государя причем повелено было учредить университет с 4 факультетами: историко-филологическим, физико-математическим, юридическим и медицинским.

По этому поводу Василий Маркович из Казани телеграфировал мне 22 мая: *«Поздравляю окончательным решением Томского университета, постройку предполагается начать безотлагательно, еду по этому делу Петербург»*.

Вслед за окончательным решением вопроса в пользу Томска местные симпатии общества к Сибирскому университету выразились новыми щедрыми пожертвованиями. Томское городское общество внесло 25000 руб. на клиники и 5000 руб. на покупку книг для университетской библиотеки. На приглашение генерал-губернатора Западной Сибири Н.Г. Казнакова известный сибирский деятель, почетный гражданин г. Иркутска А.М. Сибиряков пожертвовал 100000 руб. на устройство кабинетов и вообще на учебные пособия университету; он же предложил в дар университету библиотеку нашего знаменитого поэта В.А. Жуковского. Кроме того, более мелкие суммы поступили: из Иркутска от коммерции советника Трапезникова и золотопромышленника Немчинова, Кяхты от почетного гражданина Сабашникова и мещанина Кулакова, Бийска от купца Соколова, Барнаула от купца Сухова и др.

Предположения Василия Марковича о безотлагательности постройки университетских зданий не осуществились, и после Высочайшего повеления 16 мая 1878 г. протекло еще два года до начала осуществления Высочайшей воли. Этот срок времени был употреблен Министерством народного просвещения на составление проектов зданий Сибирского университета, на рассмотрение их в Министерстве внутренних дел и на Высочайшее утверждение. Одновременно В[асилий] М[аркович] собирал сведения о способах постройки будущих университетских зданий, вырабатывал инструкцию строительному комитету для возведения тех зданий и в особенности увлекался обогащением библиотеки нового универ-

ситета и разборкою приобретавшихся им для университета частных книгохранилищ.

В этот период времени из С.-Петербурга и Казани В[асилий] М[аркович] писал мне:

12 июня 1878 г. С.-Петербург

«Рассчитывал нынешним летом быть у вас в Томске, многоуважаемый Александр Ипполитович, но обстоятельства сложились иначе. Не так скоро дело делается, как бы хотелось. А хотелось мне нынешним же летом что-нибудь сделать для подготовки сооружения зданий Сибирского университета. Для этой цели я немедленно отправился в Петербург, чтобы поторопить дело, но при этом явилась необходимость преодолеть много формальностей и пройти много инстанций, чтобы дождаться конца. Потребовалось время, чтобы провести наши планы через Министерство внутренних дел, затем нужно решить вопрос о системе постройки. Не знаю прав я или нет, но я хлопочу теперь о том, чтобы разрешили постройку хозяйственным способом, что, мне кажется, будет выгоднее и удобнее, хотя быть может и хлопотливее. Мне бы очень дорого было знать об этом ваше мнение, как человека не только опытного, но и специально знакомого с условиями Томска.

К сожалению, громадные расстояния препятствуют быстрому обмену мыслей. Вопрос о системе постройки должен решиться месяца через полтора и вероятно в том смысле, чтобы учредить из местных представителей, при моем участии, строительный комитет. На случай такого решения я хотел бы знать ваше мнение:

1) Из кого было бы лучше всего учредить этот комитет. По моему мнению, в него могли бы войти: местный губернатор или вы, как председатель; городской голова, Цибульский и еще кто-нибудь из представителей города; городской архитектор и один из членов губернского строительного комитета, член от контрольного ведомства и представитель от министерства народного просвещения.

2) В случае решения в этом смысле можно ли устроить так, чтобы нынешняя зима не пропала даром, т.е. чтобы приступить к заготовке некоторых строительных материалов, напр., лесу, буту, частью кирпича и извести и пр., чтобы с будущего лета можно было бы начать и самую постройку. Это было бы нам год выигрыша для открытия университета. 3) Интересно было бы знать: не встретится ли каких-либо особых препятствий в приобретении достаточного количе-

ства доброкачественного кирпича и прочих материалов к постройке вчерне; можно ли около Томска найти гидравлическую известь, хорошие плиты и проч. 4) Хотелось бы знать ваше мнение о местном томском архитекторе. Нельзя ли было бы ему поручить постройку. Этот вопрос очень важный. Приглашать архитектора из Петербурга, конечно, хорошего, а следовательно, очень занятого, обошлось бы нам очень дорого. Местный был бы значительно дешевле, если бы только можно было ему поручить дело. Больших тонкостей в постройке не предвидится. Отопление у нас принято пневматическое. Газовый завод и водопровод, предположенные в проекте, думаем пока не строить, а отложить до более благоприятного времени. Следовательно, здание предстоит выстроить хотя и довольно массивное, но без особенных архитектурных специальностей. Если бы ваш архитектор оказался пригодным, то желательно было бы знать его условия, для соображений относительно выбора строителя. Должен вам сказать, что к постройке мы приступаем на авось, имея в распоряжении 261000 руб., считая в том числе и 25000 руб., пожертвованных томским городским обществом. Это все жертвованные деньги. Казна пока дать ничего не может, потому что вы сами знаете, какие ныне финансовые ресурсы Государственного казначейства. *Нам предстояло одно из двух: или удовлетвориться решением о необходимости университета в принципе и ждать его осуществления может быть, десятки лет, пока государственная казна будет в силах осуществить это дело, или начать постройку на частные средства. Мы предпочли последнее, имея в виду возвести самые необходимейшие здания на имеющиеся средства, которые, может быть, еще будут пополнены добрыми людьми.* Так дело не заглохнет и года через четыре университет можно будет открыть. Из этого вы видите, какую нам необходимо соблюдать экономию, и вопрос об архитекторе является вопросом самым важным. *Сибирский университет, можно сказать, взят с бою, разрешен в такую критическую для государства минуту, когда его утверждение все считали невозможным. Это единственный у нас университет, утвержденный не столько по инициативе правительства, сколько по инициативе и желанию самого общества. Он и должен быть университетом народным, и общество, мне кажется, должно поддерживать его первые шаги. Может, я заблуждаюсь, увлекаюсь этим делом, как сибиряк, но мне кажется, что это будет так.*

5) Не можете ли вы мне сообщить, в каком отношении к строительному комитету и вообще к постройке будет находиться генерал-губернатор Западной Сибири. Отношение его к этому вопросу вам известно. Томск выбран не по его желанию, потому я боюсь, что он не будет особенно сочувствовать этому делу. Если бы можно было тем или другим способом уменьшить его влияние на осуществление построек, мне кажется, от этого дело скорее бы выиграло, чем проиграло. Впрочем, это мое субъективное мнение, и здесь более важна юридическая почва. Если можете что либо объяснить по этому пункту, – буду вам очень благодарен.

Из Казани, кажется, 20 мая, послал вам телеграмму с известием об окончании дела, а вслед за ним письмо. Не знаю, получили ли. После того я уехал в Петербург и живу здесь до сих пор. К концу июня опять буду в Казани. Если удостоите меня вашим письмом, то прошу адресовать в Казань. Буду ждать его с нетерпением. Из Петербурга только два дня тому назад я писал вашему городскому голове Е.И. Королеву в письме, между прочим, упоминал о деньгах (5000 руб.), пожертвованных на покупку книг. Книги я отобрал (дублеты Публичной библиотеки), купил ящик на свой счет и в библиотеке их уложили. Покупка очень выгодная и хорошая. Было бы весьма желательно рассчитаться теперь с библиотекой и прислать эти книги к вам, так как хранение их обременяет библиотеку. Если можете посодействовать скорейшей присылке денег на имя товарища министра народного просвещения или прямо в министерство народного просвещения, которое и сделает по этому формальный расчет с Публичной библиотекой, – этим меня крайне обяжете.

Извините, что Я вам надоедаю письмами и поручениями, я уверен, что Вы не обременитесь этим общим делом, в котором много капель лежит и в Вашем меду. За Ваши прежние сведения и разъяснения я не перестану быть Вам всегда благодарным. Не забудет их и Сибирь и Сибирский университет, который, может быть, когда-нибудь заплатит за наше участие в его создании воспитанием в стенах своих Ваших детей».

17 апреля 1879 г. Казань

«Закладка Сибирского университета, а вместе с ней и моя поездка в Томск нынешним летом опять не состоится. Об этом я очень сожалею. *Неожиданная остановка явилась за планами, которые Министерству внутренних дел* (техническо-строительному комите-

ту) *угодно было забраковать, хотя, по-моему, несправедливо. Теперь поручено академику архитектору Э.И. Жиберу составить новые проекты планов*, которые будут доставлены не ранее августа месяца. После того они опять должны идти в Министерство внутренних дел, следовательно, ранее зимы Государь подписать их не может. Вот и приходится опять терять один год, если бы только этим потеря и ограничивалась.

Несмотря на то, что министерство не спешит с открытием университета, сочувствие к нему не пропадает. Добрые люди продолжают обогащать его своими пожертвованиями, в числе которых есть очень ценные. О пожертвовании А.М. Сибирякова 100000 руб. вы, конечно знаете. Он же подарил нам весьма ценную библиотеку знаменитого нашего поэта В.А. Жуковского; может быть, еще подарит весьма редкую и дорогую библиотеку покойного профессора Бодянского, о приобретении которой идут теперь переговоры. На присланные в прошлом году Томским городским управлением 5000 руб. приобретено из дуплетов Публичной библиотеки весьма много редких и ценных книг и притом по очень дешевой цене, всего за 1335 руб. На остальную сумму мы предполагаем купить библиотеку покойного академика Никитенко, вероятно, за 2000 или за 2500 руб. Остаток суммы пойдет частью на пересылку книг, частью на новое приобретение их. Вообще наша университетская библиотека растет не по дням, а по часам и обещает быть очень солидной.

Недавно мне сообщили о новом пожертвовании Захария Михайловича Цибульского (12000 руб. на 2 стипендии). Спасибо ему за доброе дело, но, по моему мнению, было бы еще полезнее построить на эти деньги дом для квартир студентов. Пособие беднякам от этого значительно расширилось бы, так как вместо двух стипендиатов на те же деньги, могли бы иметь даровое, сухое и теплое помещение вблизи университета, может быть, 20 студентов. *Для учащейся молодежи – главное квартира; со столом она справится гораздо легче, устроив свой общий стол в том же студенческом доме, что может обойтись не более 2–3 руб. в месяц на человека, я видел такой студенческий дом при Гельсингфоргском университете, и он приносит там громадную пользу, при затратах сравнительно небольших. Мне очень хотелось бы устроить со временем нечто подобное в Томске, не в форме, конечно, казенного общежития, а в форме свободных, но даровых квартир для нуждающихся*. Само собой ра-

зумеется, что высказанные соображенными соображениями я не имею в виду умалять значение доброго дела Захария Михайловича, которого искренно, от души благодарю за его неослабевающее сочувствие Сибирскому университету. Без сомнения, он уже знает о разрешении Государя Императора поставить портрет Захария Михайловича в актовом зале университета. Нельзя ли попросить его заблаговременно озаботиться и приобретением такого портрета».

20 сентября 1879 г. Казань

«Из Петербурга вернулся в половине августа. Дело о Сибирском университете направил на путь, но это было не более, как исправление недоразумений прошлой зимы. В сущности, этот вопрос стоит теперь в том же положении, как и прошлое лето, т.е. *новые проекты планов* (академика-архитектора Э.И. Жибера) *отклонены как не соответствующие целям и средствам и вместо них снова обратились к прежним нашим планам*, которые теперь подлежат новому рассмотрению в техническо-строительном комитете Министерства внутренних дел. Надобно надеяться, что до нового года этот вопрос будет окончательно решен и тогда можно будет приступить к постройке.

Библиотека наша растет и процветает. До настоящего времени мы имеем уже около 30000 томов весьма хороших сочинений по всем научным отделам. В бытность в Петербурге нынешним летом я отобрал в Публичной библиотеке еще около 3000 прекрасных и очень ценных книг, но не знаю, удастся ли оплатить их. При выборе я имел в виду сумму, собранную по подписке И.В. Ефимовым в Томске и в других городах Сибири в 1878 году, но не знаю, можно ли располагать этой суммой. Очень бы хотелось узнать об этом».

Разрешение вопроса о Сибирском университете в пользу Томска, при неуваженном представлении генерал-адъютанта Казнакова об Омске, отозвалось на служебном положении главного инспектора училищ Западной Сибири А.П. Дзюбы, который должен был выйти в отставку, так как к вине его отнесена была неверная мотивировка данных в представлении генерал-губернатора о выборе резиденции для Сибирского университета и от которых он должен был отказаться, убежденный доводами комиссии.

Долговременное ожидание открытия работ по сооружению Сибирского университета, естественно, порождало в сибирском обществе, мало осведомленном о положении дела, сомнение в осуществлении университета.

По поводу замещения должности главного инспектора училищ Западной Сибири новым лицом и той осведомленности о положении дела об университете, какая была в Омске, тогдашней резиденции генерал-губернатора Западной Сибири, сообщал мне из Омска в конце 1878 г. Николай Михайлович Ядринцев с его живой, чуткой и меткой характеристикой:

«По университетскому вопросу познакомился и говорил с главным инспектором Н.Я. Максимовым. Смиренный петербургский директор-классик, приехавший на отдых и на пенсию в Сибирь, занял большой дом вроде дачи и очень доволен положением. Вот его характеристика. Энергии никакой. Сообщил, что на пожертвования начинать строить нельзя – демидовский капитал в билетах непрерывного дохода, курс низок и брать его невыгодно, сибиряковские 100 000 руб. условны до основания университета; остается Цибульского 100 000 руб. и тысяч десять еще. Межу тем менее как с 300 000 или 400 000 руб. и начинать нечего. Все покоряются обстоятельствам и не настаивают. Не зная о моем знакомстве, Максимов заметил про Василия Марковича:

“Был один, который хотел строить университет, но теперь в Казани и, кажется, забыл про него”. – Вероятно, Максимов ошибается. Пишите Василию Марковичу, чтобы хлопотал. Мы двинем вопрос литературно сколько можем. Писал в Тюмень и другие места о пожертвованиях. Все говорят, если бы генерал-губернатор настоял, дали бы многие. Такова – Сибирь!»

Н.М. Ядринцев был прав, отнесясь скептически к сведениям Максимова о безнадежности скорого сооружения университета и об охлаждении к университетскому делу В.М. Флоринского. В действительности в это время университетское дело вырабатывалось в своих деталях в министерствах без участия главного управления Западной Сибири, но при всесторонней помощи В.М. Флоринского.

Составитель новых проектов-планов академик архитектор Э.И. Жибер представил смету на сумму более миллиона руб[лей], которая вдвое превышала сумму, ассигнованную на этот предмет по первоначальному проекту академика А.К. Бруни (585745 руб. 6 коп.). Это обстоятельство заставило Министерство народного просвещения остановиться на первом проекте, несмотря на его недостатки, имея в виду устранить их и по мере возможности при производстве самих построек и просить Техническо-строительный коми-

тет Министерства внутренних дел рассмотреть его только с технической стороны. Находя проект Бруни в этом отношении удовлетворительным, комитет одобрил его с некоторыми техническими замечаниями, и в таком виде он был утвержден к исполнению 6-го сентября 1879 г. в сумме 648312 руб. 47 коп. Энергические хлопоты Василия Марковича о скорейшем осуществлении приступа к постройке университетских зданий, об организации комитета и об ограждении распорядительных действий его от влияния главного управления Западной Сибири и генерал-губернаторской власти подвигались вперед, несмотря на явно выражавшиеся недоброжелательства к решению университетского дела, и в этом направлении со стороны главного управления и главного инспектора училищ Западной Сибири, желавшими быть преимущественными распорядителями.

14 марта 1880 г. состоялось Высочайшее повеление об учреждении строительного комитета для возведения зданий сибирского университета в Томске.

Согласно инструкции, утвержденной министром народного просвещения графом Д.А. Толстым, строительный комитет состоял в ведении Министерства народного просвещения. В состав комитета входили: председатель – томский губернатор, члены – председатель Томского губернского правления, томский городской голова, член от Министерства народного просвещения по назначению министра народного просвещения. Кроме того, в комитет допускались к участию, как члены, с правом голоса два строителя, которым поручалось министерством народного просвещения сооружение зданий.

На представителя от Министерства народного просвещения возлагалось наблюдение за приспособлением созидаемых зданий к учебным потребностям. Делопроизводитель комитета назначался министром народного просвещения. Член от Министерства народного просвещения и делопроизводитель получали содержание от Министерства народного просвещения.

Эта инструкция совершенно игнорировала главную административную власть в крае генерал-губернатора и главное управление с главным инспектором училищ и совершенно освобождала строительный комитет от подчинения этой власти, чего в особенности добивался Василий Маркович.

В своем составе комитет являлся вполне авторитетным и компетентным для выполнения возлагавшейся на него трудной задачи не

только с точки зрения требований строительного устава и интересов казны, но и с точки зрения специальных целей учебного ведомства, которое имело в комитете своего представителя. Будучи назначен членом от министерства народного просвещения в Строительный комитет В[асилий] М[аркович] для выполнения своей обязанности ежегодно приезжал в Томск на летнее время, в период строительных работ, а осенью возвращался в Казань к своим профессорским обязанностям. Из Казани В[асилий] М[аркович] имел возможность каждую зиму лично являться в С.-Петербург для доклада о ходе строительных работ. Таким образом, он служил живым связывающим звеном между действовавшим в Томске строительным комитетом и Министерством народного просвещения.

В начале июня 1880 г. Василий Маркович, с женою своею Марией Леонидовной, впервые прибыл пароходным путем в Томск.

Тогда же комитет открыл свои действия, и 26-го августа, в день Коронования Александра II, была произведена памятная для Томска и всей Сибири торжественная закладка зданий Сибирского университета.

День закладки университета был праздником для всей Сибири, какого она еще никогда до тех пор не переживала. Он радостно приветствовался всюду, где встречались сибиряки. И в Петербурге, и в Иркутске, и на далекой восточной окраине сибиряки сошлись в этот день, чтобы поздравить друг друга с событием. Но особенно необыкновенные для Сибири дни переживал тогда Томск. Город принял оживленный праздничный вид, дома были украшены флагами. Заботы по устройству праздника были разделены между строительным комитетом и городским управлением. Комитет должен был приготовить все необходимое для церемоний закладки университетских зданий; город принял на себя все заботы и расходы по угощению гостей, среди которых были депутации от разных городов Сибири, и по устройству вечером, в день закладки, народного праздника в университетской роще, с иллюминацией и фейерверком. С 9 часов утра со всех концов города народ толпами направился к кафедральному собору и к месту закладки, где был выстроен павильон, убранный зеленью. После торжественного молебствия в соборе последовал крестный ход из собора к месту закладки, где вновь совершено было молебствие преосвященным Петром епископом Томским и Семипалатинским в присутствии представителей мест-

ной администрации, депутаций городов, воспитанников и воспитанниц всех мужских и женских заведений. Затем последовал обряд заложения, причем в основании здания заложена была медная таблица со следующей надписью:

«*Лета от Рождества Христова тысяча восемьсот восьмидесятого, августа в двадцать шестой день, в годовщину дня священного коронования благополучно царствующего Государя Императора Александра Николаевича, Высочайшим Его повелением заложено сие здание Сибирского университета по представлению генерал-губернатора Западной Сибири генерал-адъютанта Николая Геннадьевича Казнакова и Министра народного просвещения графа Дмитрия Андреевича Толстого. Первый камень сооружения, воздвигаемого по планам архитектора академика Александра Константиновича Бруни, положен под сею доскою в управление министерством народного просвещения тайного советника Андрея Александровича Сабурова, в присутствии членов строительного комитета: исправляющего должность Томского губернатора Василия Ивановича Мерцалова, председателя Томского губернского правления Александра Ипполитовича Дмитриева-Мамонова, томского городского головы коммерции советника Захария Михайловича Цибульского, ординарного профессора Императорского Казанского университета Василия Марковича Флоринского и строителя здания инженер-архитектора Максимилиана Юрьевича Арнольди*».

По совершении обряда закладки в том же павильоне открыт был акт: с поставленной кафедры и[справляющим] д[олжность] губернатора В.И. Мерцаловым, по объявлении Высочайшего повеления о даровании Сибири университета, прочтено было приветствие Великого князя Константина Николаевича Строительному комитету, затем произнесены были торжественные речи – В.И. Мерцаловым как председателем Строительного комитета, В.М. Флоринским, членом Строительного комитета, А.И. Дмитриевым-Мамоновым и строителем университетских зданий М.Ю. Арнольдом. Затем следовало чтение многочисленных телеграмм и адресов. Н.Г. Казнаков не мог присутствовать на торжестве закладки. После воспаления легких и нервного удара, он 22 августа совсем больной выехал из Омска в разрешенный ему одиннадцатимесячный отпуск, с дороги из Тобольска он приветствовал строительный комитет и Томское городское общество телеграммой, выражая сожаление, что «болезнь не позволя-

ет ему лично присутствовать при начале осуществления дорогого ему дела, которому в течение пяти лет посвящено им немало труда».

Представителем его на торжестве был присланный им из Омска главный инспектор училищ Западной Сибири Н.Я. Максимов. Акт завершился пением гимнов.

Василий Маркович в своей блестящей, прочувствованной речи, останавливаясь на вопросах о том, какое имеет значение Сибирский университет для края, насколько мысль об его учреждении современна и может ли Сибирский университет рассчитывать занять подобающее ему почетное место среди своих собратьев – других университетов Европейской России, указывал, что «*Университет это духовное солнце, восходящее над холодною Сибирью и долженствующее согреть и оживить ее, разбудить дремлющие силы. Для всех будущих преобразований и улучшений, какие предначертаны Сибири волею высшего правительства, университет должен служить наилучшим, самым прочным фундаментом, ибо всякое преобразование и улучшение прежде всего требует достаточного числа образованных выполнителей. – Университет будет иметь нравственное влияние на весь склад сибирской жизни, служа через своих представителей и питомцев образцом высших идеалов и духовных стремлений*». Упоминая о целом ряде патриотических поступков, какими сибиряки ознаменовали великое народное дело – учреждение университета, Василий Маркович заключил свою речь пожеланием, «*чтобы общение университета и общества продолжалось и на будущее время и чтобы взаимная любовь и взаимная помощь были бы заветом дальнейшего существования нашего дорогого учреждения*».

По окончании акта архиерей и духовенство, строительный комитет, депутаты и приглашенные городским управлением гости направились в здание бывшего «летнего собрания» вблизи от места закладки на чай и завтрак.

Вечером в городской роще, которая теперь стала университетским садом, было устроено народное гулянье. Город был иллюминирован. На площадке, на которой разбит был контур главного университетского корпуса, стояли четыре громадных транспаранта с изображением: 1) вензеля Александра II, с надписью «Боже Царя Храни», 2) здания главного университетского корпуса, 3) надписи на доске, заложенной в основание возводимого здания. Внизу этого транспаранта изображено было полушарие с картою Сибири, а по

сторонам на широком бордюре – эмблемы четырех факультетов, 5) Ермака Тимофеевича, на коне, с надписями: «1880 г. основание сибирского университета», «1580 г. начало завоевания Сибири Ермаком Тимофеевичем». На единственном в городе книжном магазине П.И. Макушина горели слова Гете: «Света! Света! Света!» Народ был в восторге. В толпах слышались восторженные замечания, что Томск никогда еще не видел такого удачного и блистательного торжества. По окончании фейерверка, приглашенные на праздник гости снова сошлись в залах бывшего общественного собрания, где многие из гостей приняли участие в танцах. В некоторых семьях вечером устраивались семейные праздники, пили за процветание университета; родители внушали детям, что это собственно их детский праздник. И старики, и дети слились в одну ликующую толпу.

Но до крайнего напряжения воодушевление дошло на другой день, 27 августа, на обеде, устроенном по подписке, на который собралась вся интеллигенция города. Чтение полученных поздравительных телеграмм, от Государя, посланную из Ливадии через министра внутренних дел графа Лорис-Меликова, от наследника Александра Александровича, от графа Н.П. Игнатьева, генерал-губернатора Западной Сибири Н.Г. Казнакова и многих частных лиц, – приподняло дух общества. Здесь произнесено было несколько застольных содержательных, интересных речей, придавших первому в Сибири университетскому празднику большое одушевление и выдающийся интеллектуальный характер.

На обеде П.И. Макушиным была предложена подписка на устройство дома для бесплатных квартир будущих студентов. Это предложение было принято с радостью, и тут же на месте было подписано 2100 руб.; музыканты, игравшие туши во время обеда, вырвали листок из нот и покрыли его своими подписями по мере своих средств, кто рубль, кто два.

Сибирские писатели, борцы за Сибирский университет, во главе с Н.М. Ядринцевым, могли только радоваться, видя эти овации населения университету; они полагали, что жизнь университета пойдет в самой близкой связи с жизнью сибирского общества, что взрывы общественного сочувствия университету при его закладке превратятся в постоянную об нем заботливость и никогда не наступит время охлаждения в населении к этому верховному рассаднику просвещения в крае. Так думал и Василий Маркович, выражая в

письмах и в речах своих мечты о будущем значении и развитии университета в Сибири.

Первый год деятельности строительного комитета по недостатку материалов и рабочих рук ограничился незначительными работами только центральной части главного университетского корпуса, развитие работ отложено было до весны следующего 1881 г., поэтому в начале осени 1880 г. Василий Маркович с семейством возвратился в Казань.

С весны 1881 г. служебная моя деятельность перенесена была в Тобольск, куда я переведен был на место председателя губернского правления, а потому и участие в строительном комитете окончилось.

Приехав в июне 1881 г. в Томск В[асилий] М[аркович] уже не нашел среди комитета дружных энергических сотрудников. Общий разлад, внесенный в Томскую губернию и, в особенности, в самый город Томск губернатором В[асилием] И[вановичем] М[ерцаловым] и назначение на место просвещенного, энергичного, талантливого администратора Н.Г. Казнакова, генерал-губернатором Западной Сибири генерал-адъютанта Г.В. Мещеринова, человека доброго, уступчивого, но нисколько не знакомого с Сибирью и вообще с гражданскими частями управления, повлияли на успешный ход университетских сооружений. Нецелесообразные, своевольные распоряжения губернатора В[асилия] И[вановича] М[ерцалова] как председателя строительного комитета и совершенно равнодушное отношение к созидавшемуся университету генерал-адъютанта Г.В. Мещеринова парализовали также и общественную деятельность в пользу университета.

Осенью 1881 г. В[асилий] М[аркович] писал мне из Казани:

26 сентября 1881 г. Казань.

«По возвращении из Томска я должен был через несколько дней отправиться в Петербург по делам Сибирского университета. Здесь, между прочим, я обратился к Михаилу Константиновичу Сидорову с просьбой приобрести для археологического музея Сибирского университета осмотренную нами коллекцию древностей г[осподина] Знаменского, на что получил самое любезное согласие. Вероятно, с этим письмом вы получите от г[осподина] Сидорова 300 руб. для этой цели, которые прошу вас передать г[осподину] Знаменскому и принять от него запроданные вещи. Атласы, если вас не затруднит, я просил бы переслать мне в Казань, чтобы продемонстрировать

в нашем археологическом обществе, а самую коллекцию подержать у себя до весны, когда я могу захватить с собою в Томск. После получения вещей будьте добры уведомить об этом г[осподина] Сидорова. Извините, что я утруждаю вас всеми этими просьбами, в расчете на вашу доброту и на ваше теплое сочувствие Сибирскому университету.

«Сегодня вернувшись в Казань, нашел у себя на столе целую кучу писем из Томска. *Сообщают, что* В[асилий] И[ванович] М[ерцалов] *окончательно спешил с ума, дурит и мудрит в комитете до безобразия. Все, что мною было направлено и налажено летом, он отменяет безо всякого основания; половину рабочих отпустил 3-го сентября, несмотря на то, что весь сентябрь стоял теплый и работу можно было продолжать отлично;* Шестакова (смотрителя материалов) прогнал ни с того, ни с сего, назначив на его место какого-то полячка; к Белявскому (делопроизводителю комитета) и архитектору донельзя придирчив и оскорбляет их на каждом шагу. *Не знаю, какой будет этому конец, но постройки при таких отношениях успешно двигаться не могут*».

Одновременно с письмом В.М. получено было мною и денежное письмо от *М.К. Сидорова, в котором, ссылаясь на Н.М. Ядринцева и В.М. Флоринского, рекомендовавших коллекцию Знаменского, М[ихаил] К[онстантинович] просил меня* передать 300 руб. Знаменскому, а *археологическую коллекцию и альбом почислить от моего имени в дар Музею Сибирского университета, к предстоящему празднику трехсотлетия Сибири* (6 декабря 1882 г.). Эта коллекция, тогда же принятая мною, хранилась у меня до 1885 г., когда и переслана была В.М. Флоринскому в Томск.

Об археологическом значении этой коллекции и о сделанном даре мною напечатана была небольшая заметка, разосланная многим учреждениям и лицам, интересовавшимся сибирской археологией.

В[асилий] М[аркович] вскоре вновь писал из Казани:

29 января 1882 г. Казань.

«*Из Томска чуть не ежедневно получаю вести самого печального свойства.* В[асилий] И[ванович] М[ерцалов] *дурит непозволительно, транжирит без толку строительный капитал и вместе с тем тормозит постройку. Не знаю, чем это кончится, но, по моему мнению, необходимо принять какие-либо меры для обуздания этого самодура*. 7 января послал вам только что вышедшую книгу

Бантыш-Каменского о сношениях с Китаем. На досуге пробегите ее и обратите внимание на мое прибавление о “границах с Китаем”.

Будущей весной непременно заеду к вам, если только изберу путь через Тобольск. Относительно “Иртыша, превращающегося в Иппокрену”, то его нет ни в библиотеке Сибирского, ни Казанского университетов. Я знаю этот журнал по экземпляру, находящемуся в библиотеке нашего профессора Булича, и то неполному. Если бы возможно было достать экземпляр этого издания и не за особенно дорогую цену, то я был бы очень благодарен за такую находку. Для библиотеки Сибирского университета это был бы ценный вклад, как редкое и первое литературное сибирское издание».

Нецелесообразные распоряжения Томского губернатора В[асилия] И[вановича] М[ерцалова], отражавшиеся на успешном ходе работ по сооружению университетских зданий, на которые жаловался в своих письмах Василий Маркович, представляют яркую, типичную картину «воеводского управления в Сибири в конце XIX века», напоминающую времена Трескина и Лоскутова из эпохи сибирского своеволия и самовластия, ярко охарактеризованной сибирским генерал-губернатором М.М. Сперанским в его ревизии.

С уходом из края Н.Г. Казнакова, при слабом режиме нового, мало осведомленного генерал-губернатора Г.В. Мещеринова, В[асилий] И[ванович] М[ерцалов] не знал пределов своего губернаторского самовластия.

Прежде мирный, живший здоровой жизнью г. Томск, будущий рассадник университетской молодежи из Сибири, которого надо было оберегать от всякого вредного стороннего влияния, сделался ареною политических смут, – пошли разные доносы, а затем многочисленные обыски и аресты с их прискорбными последствиями. Все это давало повод клеветникам пугать петербургские сферы тем, что будущий Сибирский университет сделается ядром противоправительственной пропаганды, и Василий Маркович начинал серьезно опасаться, что создание близкого его сердцу Сибирского университета может быть приостановлено и что все уже сделанные затраты получат другое назначение.

Только благодаря энергии Василия Марковича, имевшего возможность лично разъяснять в Петербурге действительное положение вещей, созидание Сибирского университета не гибло и понемногу подвигалось вперед.

К концу строительного периода 1882 г. Томский губернатор В[асилий] И[ванович] М[ерцалов] уволен был в отставку, и на вакантное место назначен был московский вице-губернатор И.И. Красовский. В этом же году упразднено было генерал-губернаторство Западной Сибири и генерал-адъютант Г.В. Мещеринов получил новое назначение – командующего Казанским военным округом. Освободившись от злополучного председателя, строительный комитет, хотя и приобретал в лице И.И. Красовского человека доброго, честного, близко стоявшего в конце шестидесятых годов к интересам Московского университета, по должности инспектора студентов, но в деловом практическом отношении комитет оставался без руководителя, по совершенному незнакомству И[вана] И[вановича] с хозяйственной и гражданской частями управления.

Добрейший И[ван] И[ванович] не стеснялся откровенничать томским обывателям о совершенном своем незнакомстве с порученным ему делом, так как на предшествующей должности московского вице-губернатора все обязанности его заключались во встречах и проводах приезжавших и отъезжавших сановников и в разделении с архиереями праздничных трапез с пирогами в митрополичьем доме.

В конце 1882 г. (15 декабря) умер Захарий Михайлович Цибульский, что было огромной утратой как для созидавшегося университета, которому он много способствовал своими крупными пожертвованиями, личными и письменными ходатайствами, так и для Василия Марковича, которому он был деятельным сотрудником во всех делах строительного комитета в качестве Томского городского головы и члена строительного комитета. Таким образом, уже в 1883 г., т.е. спустя всего два года после закладки, из личного состава строительного комитета оставался только один Василий Маркович, все остальные члены были заменены новыми, так как и строитель здания, архитектор М.Ю. Арнольд, оставил свою должность еще в конце 1881 г. и на его место был командирован Министерством народного просвещения инженер-архитектор П.П. Наранович.

При таких переменах в составе комитета во многом осложнялась деятельность Василия Марковича, и неоднократно при свидании во время поездок из Казани в Томск и обратно, через Тобольск, он передавал мне все подробности тех тяжелых условий, при которых часто приходилось ему работать.

Нелегко было и добрейшему Ивану Ивановичу Красовскому вести сложное дело управления и хозяйства губернии при расстроенном, распущенном наследстве, какое он получил от своего предшественника. Он чувствовал себя совершенно одиноким в Томске и бессильным в постоянной борьбе с местными интригами, почему 30 января 1885 г. писал мне в Тобольск, как к лицу, наиболее ему близкому в Сибири и знакомому еще по Московскому университету.

«Сегодня день моего ангела, а потому под покровительством его я обращаюсь к Вам, мой ангел, мой любимый студент, с величайшей просьбой: спишитесь по телеграфу, но только без упоминания моего имени, с Н.Н. Петуховым, не согласится ли он перейти в Тобольск на Ваше место, а Вы не броситесь ли в мои знакомые Вам издавна объятья. – Писать неудобно, ссоры нет, но сору много. Уверяю Вас в том, что Вас встретят здесь, как родного. Мне же Вы сделаете просто жизнь покойную, счастливую и даже, может быть, более продолжительную. Кланяюсь Вашей супруге и скажите ей, что это I – она, а это – я, лежу у ее ног и умоляю воздействовать на Вас».

Приняв ранее предложение Степного генерал-губернатора Г.А. Колпаковского перейти на должность вице-губернатора в Омск, я не мог исполнить желание И.И., предчувствовавшего непродолжительность своей жизни в Томске: 24 июня 1885 г. он скоропостижно скончался от апоплексического удара, вызванного постоянными служебными огорчениями. Ненормальные условия жизни, в которых находился в то время Томск по бездействии и распущенности местной администрации, ярко и справедливо охарактеризовывались тогда же Н.М. Ядринцевым в издаваемом им «Восточном обозрении». В статье «Накануне открытия Сибирского университета» (31 января 1885 г.) Ядринцев писал: «Обозревая Сибирь, мы видим повсюду проблески жизни, видим, как выдвигается молодая интеллигенция. Томск в этом случае самый отсталый, общество его апатичное и равнодушное, погружено в личные интересы. Мало того, в Томске скопилось столько безнравственных элементов, и элементов в высшей степени вредных для морального развития общества, что становится страшно. Томск стал средоточием, куда, благодаря ссылке, собрались все герои ошельмованной адвокатуры и все герои черной банды, они проникли в высшее общество и заправляют городом. Едва ли это будет благоприятно для будущего университета, если эти господа будут фигурировать при открытии университета и со свой-

ственным им пронырством. Кажется, надо пожелать, чтобы к открытию университета эта “черная банда” была бы выслана из Томска».

Назначенный на место И.И. Красовского А.Г. Анисьин, пробыв в должности всего полтора года, по пассивному отношению к делу, оставался как бы безучастным свидетелем всего того, что творилось в губернии и ее учреждениях, а потому, естественно, условия томской жизни, охарактеризованной Ядринцевым, не только не улучшились за время этого губернаторства, но даже во многом ухудшились по развившемуся взяточничесттву. Только с назначением Томским губернатором А.И. Лакса, человека деятельного, умного, который заботился оградить население от произвола местной власти и, по возможности, упорядочить местную администрацию, водворился некоторый порядок в Томской губернии.

К сожалению, губернаторство А.И. Лакса было весьма кратковременно, всего 10 месяцев, так как он умер в начале 1888 г. в Томске.

1-го июля 1885 г. учрежден был Западно-Сибирский учебный округ, в состав которого входили губернии Тобольская и Томская и области – Акмолинская, Семипалатинская и Семиреченская, и первым попечителем был назначен Василий Маркович Флоринский.

При новой обширной служебной обязанности В.М. все-таки оставался наиболее преданным своему детищу – Сибирскому университету, наблюдая за ходом сооружения и приводя в порядок приобретенные и жертвуемые библиотеки и вклады для будущих музеев.

Положение дел в средних и низших школах губерний Западной Сибири и областей Степного края, входивших в состав нового учебного округа, оставалось в главных чертах неизменным, скорее можно было заметить неблагоприятные для школьной жизни явления: живое, заботливое отношение к школе, какое проявляли такие выдающиеся администраторы, как бывший генерал-губернатор Западной Сибири Н.Г. Казнаков и бывший Семиреченский губернатор, впоследствии генерал-губернатор Степного края Г.А. Колпаковский, заменилось мертвою педантичною зависимостью школы от окружного учебного начальства.

В.М. все заботы о средней и низшей школе возлагал на окружных инспекторов.

В этот период времени В.М. увлекался археологическими изысканиями, интересуясь и результатами производившихся мною рас-

копок курганных могильников и городищ, расположенных в окрестностях Тобольска и по бассейнам рр. Иртыша и Оби.

Посещая проездом Тобольск и Омск, В.М. неоднократно осматривал мою археологическую коллекцию, увлекаясь широкими обобщениями.

Собранная мною лично руководимыми раскопками археологическая коллекция, заключавшая несколько сотен предметов, относящихся к доисторической эпохе Сибири, пожертвована была мною Томскому университету.

Только через 8 лет после закладки, 22 июля 1888 г., в день тезоименинства Государыни Марии Федоровны состоялось торжественное открытие первого в Сибири «Императорского Томского университета» в составе одного медицинского факультета, порученного Министерством народного просвещения Василию Марковичу Флоринскому как попечителю Западно-Сибирского учебного округа[1].

Историческая важность этого дорогого для Сибири дня живо чувствовалась как Томским городским обществом, так и всей интеллигенцией Сибири; официальной помпы при этом торжестве было более, чем при закладке, т.е. более было получено телеграмм и адресов, больше съехалось представителей от городов и обществ, но, однако, не было заметно того наивного любовного увлечения, захватывавшего неофициальную публику, как это было в 1880 г. при закладке.

Торжество открытия началось в 2 часа дня благодарственным молебном, отслуженным в университетской церкви преосвященным Исаакием, епископом Томским и Семипалатинским. По окончании молебствия преосвященный сказал попечителю округа прочувственное слово, в котором указал на заслуги В.М. Флоринского по отношению к возникающему университету, много обязанному его трудам и заботам.

После молебствия в актовом зале, по объявлении Высочайшего повеления об открытии Императорского Томского университета, В.М. Флоринским произнесена была торжественная речь, в которой он указывал, что «*День рождения Томского университета мы имеем пра-*

---

[1] На новый университет распространялись действия общего университетского устава 1884 г.; министру народного просвещения предоставлено было право разрешать прием в число студентов нового университета также и воспитанников духовных семинарий, после установленного для них проверочного испытания.

во считать счастливейшим днем из всего трехсотлетнего существования Сибири и великим праздником всего русского просвещения».

«Да сияет Томский университет на восточной окраине нашего дорогого отечества, как восходящее солнце, оживляя и согревая своими теплыми лучами нравственную атмосферу холодной Сибири. Пусть откроет он в недрах народной жизни источники новых деятельных сил и докажет потомству, что, при помощи света, правды и разума, можно превратить страну ссылки, скорби и запустения в благоустроенную и равносильную с остальными русскими областями, нераздельную часть великого Русского государства». Национальное самосознание, как залог самостоятельности русской мысли и русской науки, должно лечь на основу нашего высшего учебного заведения. *«Будем же помнить и ежегодно праздновать нынешний, счастливый для Сибири день, как день духовного возрождения».*

После речи были прочитаны полученные в день торжества многочисленные приветствия новому университету от Наследника, от Великих князей Константина Николаевича и Михаила Николаевича. Далее были прочитаны телеграммы от министерств – внутренних дел, графа Д.А. Толстого и народного просвещения, И.Д. Делянова, от всех русских университетов и других высших учебных заведений, от многих ученых обществ Европейской России и Сибири и т.д. Затем, по произнесении небольшой приветственной речи профессором Н.М. Малиевым, правителем канцелярии попечителя Г.С. Томашинским была прочитана, составленная ко дню торжества историческая записка о возникновении в Сибири университета. Акт окончился пением «Достойно есть», после чего публика разошлась под звуки торжественного марша, сочиненного одним из местных любителей-музыкантов в честь открытия университета. Вечером здание университета было роскошно иллюминировано, а в саду военного лагеря было устроено народное гулянье.

24 июля в залах ремесленного собрания город давал обед съехавшимся гостям по случаю совершившегося торжества. За дружеской беседой всех объединяла мысль, что в Сибири есть теперь давно желанный умственный центр, вокруг которого вся интеллигенция Сибири может честно и мирно группироваться во имя общего блага.

В этот день попечителем Западного Сибирского округа была получена от министра народного просвещения телеграмма следующего содержания: «На всеподданнейшей телеграмме вашей по случаю

открытия университета Государь Император изволил собственноручно начертить: “*Дай Бог, чтобы Сибирский университет оправдал мои ожидания*”».

Точно так же была получена приветственная телеграмма от имени Императрицы Марии Федоровны, посланная заведующим собственною Ее Императорского Величества Канцелярией.

Учебные занятия открылись в новом университете 1-го сентября 1888 г., приветствуя в этот день первых студентов и всю университетскую коллегию с новой духовной жизнью, Василий Маркович, обращаясь к студентам, говорил: «*лучшую половину своей жизни я с увлечением посвятил Томскому университету и потому не могу иначе смотреть на вас, как на олицетворение и на венец моих трудов». – «Любите свою alma mater, любите университетскую науку с увлечением юношеского любознательного ума, любите чистым сердцем “не мудрствуя лукаво”, вашу дорогую родину и ее Верховного Вождя и будьте уверены, что в этом вы найдете ваше счастье и прочный залог вашей будущей полезной деятельности*».

В число первых студентов было принято 72 человека, из которых большинство, 40, были из воспитанников разных духовных семинарий Сибири и Европейской России. 30 были воспитанниками сибирских гимназий, преимущественно сибирские уроженцы, и 2 перешли из других университетов.

27 августа того же 1888 г. произошло открытие дома общежития на 100 человек.

С момента открытия университета началась для него серая будничная жизнь.

Сибирское общество и печать, посвященная интересам Сибири во главе с Н.М. Ядринцевым, как будто перестали интересоваться университетом обескураженные открытием только одного факультета из числа четырех, ранее обещанных, что вместо учреждения, разрабатывающего науку во всем ее разнообразии, давало Сибири одну только медицинскую школу.

Десятилетнее затем существование одного медицинского факультета давало повод общественному мнению в Сибири приписывать Василию Марковичу Флоринскому личное нерасположение открывать другие факультеты. Неприятно также действовали на сибирское общество доходившие до него известия о столкновениях попечителя с профессорами. Возникавшую рознь между В.М. и кор-

порацией профессоров объясняли тем, что округ хотел видеть в профессорах не ученых, двигающих науку, а обучателей. Отсюда будто бы происходило то, что В.М. всегда имел нелады с самыми лучшими профессорами, с такими как Н.А. Гезехус, А.С. Догель, С.И. Коржинский, Э.Г. Салищев. Обвиняли также В.М. в том, что он более всего старается создать себе репутацию строгого приверженца устава 1884 г., подавляя в университете всякое проявление живой научной силы, вследствие чего будто бы ни в каком другом русском университете свобода преподавателя не стесняется так, как в Томском университете, и ученая деятельность этого университета исключительно замыкается в тесные академические рамки.

Все эти стеснения были причиной того, что те научные силы, которые имели возможности оставить Томский университет, бежали из Сибири в Россию.

Сибирская пресса, преданная местным, областным интересам, отмечая многие неблагоприятные явления в жизни университета за время попечительства В.М. Флоринского, относила причину их возникновения к тому, что Томский университет начал жизнь свою с устава 1884 г. и не знал устава 1863 г., почему ему не суждено было образовать традицию прежнего либерального режима, а молодая корпорация профессоров, не имевшая преданий старого режима, не могла давать в нужных случаях дружный отпор личным капризам попечителя.

Такая история университета, за время попечительства В.М. Флоринского, по заявлению той же местной сибирской печати, конечно, не могла окончательно уничтожить в сибирском обществе интереса к учреждению, но она была в состоянии пошатнуть убеждение в существовании духовной связи университета с местным обществом; последнее уже не могло думать, что слава университета дает право местному обществу гордиться им, и что, наоборот, оно должно стыдиться, если окажется, что Сибирский университет хуже других русских.

Все слухи, распространявшиеся в сибирском обществе о неурядицах и несогласиях во внутренней жизни университета, а также резкие суждения местной сибирской прессы, в особенности о распорядках и о деятельности ученых обществ, соприкасавшихся к университету, глубоко запали в душу Василия Марковича, огорчая его и подрывая его здоровье.

Особенное свое недовольство В.М. выражал по поводу статьи профессора Томского университета Э.Г. Салищева, помещенной

в «Atchiv Klin. Chirurgie» за 1897 г. и в выдержках обошедшей страницы всей русской общей и медицинской прессы, обрисовывавшей незавидное положение томских университетских клиник, в особенности госпитальной и хирургической. Все подобные статьи, указывающие на недостатки медицинского преподавания в Томском университете, В.М. принимал как бы за нападки на его личную деятельность.

О многих прискорбных и нежелательных явлениях в университетской жизни В.М. неоднократно высказывал мне свои соболезнования при встречах в Омске, особенно его всегда огорчали всякие репрессивные меры, какие он вынуждаем был принимать по отношению к тем из учащихся, которые подпадали под полицейский надзор и признавались «политически неблагонадежными».

Много жаловался мне В.М. на распоряжения томской администрации, вторгавшейся со своим полицейским усмотрением в жизнь студенческой учащейся молодежи. Со времени закладки университета и в продолжение первого десятилетия существования университета, т.е. в течение 18-летнего пребывания Василия Марковича в Сибири, Томская губерния имела 7 губернаторов: В.И. Мерцалова, И.И. Красовского, А.Г. Анисьина, А.Н. Лакса, А.П. Булюбаша, Г.А. Тобизена, А.А. Ломачевского, кроме исправлявших в разное время должности губернаторов в периоды так называемых междуцарствий, при вакантности должности.

Каждый из этих многочисленных, быстро сменявшихся администраторов относился к юному университету по-своему. Были такие, которые не признавали необходимости университета в Сибири, находя создание его только затрудняющим управление, некоторые охарактеризовали Томск ядром опасного политически неблагонадежного элемента, и оттуда несомненно происходили все замедления в открытии новых факультетов и вообще разные препятствия к расширению ученой и учебной университетской деятельности.

30 августа 1898 г. В.М. выехал из Томска в С.-Петербург в отпуск с тем, чтобы отдохнуть от своих долговременных трудов и поправить расшатанное здоровье. Из Петербурга, уже совершенно больной он имел утешение приветствовать открытие юридического факультета, состоявшегося 22 октября 1898 г., следующей телеграммой: «Душевно поздравляю дорогой мне Томский университет, желаю ему дальнейшего процветания на почве мира и взаимного согласия, столь необходи-

мых для научного прогресса, горячо приветствую с открытием давно желанного юридического факультета». Совет Томского университета, во главе с ректором, профессором А.И. Судаковым, исправлявшим обязанность попечителя округа, со своей стороны приветствовал телеграммою В.М. в С.-Петербург: «Вспоминая Ваши труды по устройству Томского университета, Вашу любовь к этому учреждению и твердую веру в блестящую будущность отдаленного Сибирского края, на служение коему Вы посвятили 16 лет Вашей жизни, совет университета вменяет себе в особенное удовольствие довести до сведения Вашего о совершившемся радостном для всех нас и для Вас событии».

Вся печать, посвященная интересам Сибири, радостно приветствовала давно желанное событие об открытии в Томском университете юридического факультета, признавая, что «Сибирский медицинский институт тем самым сделал шаг вперед, чтобы стать настоящим полным университетом».

Недолго пришлось радоваться Василию Марковичу научному росту его детища, предвещающему выполнение заветной его идеи о широком, всеобъемлющем Сибирском университете: болезнь приковала его к Петербургу и 30-го января 1899 г. он скончался от астмы на 65-м году жизни в «Северной гостинице», откуда смертные останки его препровождены были в Казань для предания их «вечному упокоению». Посвятив лучшую половину своей жизни созданию Сибирского университета, Василий Маркович в тот же период времени ревностно отдавался изучению и исследованию Сибири в научном, историческом и археологическом отношениях, обогатив сибирскую научную литературу многими трудами.

Полная и совершенная оценка заслуг Василия Марковича, в особенности Сибири, которую он считал своею родною и которой он отдал всю свою жизнь и энергию, принадлежит истории, в настоящем очерке, посвященном его памяти, я имел в виду осветить только те стороны его жизни, как исторической для Сибири личности, которые мне известны по переписке и по совместной служебной и научной деятельности.

Глубоко веря в искренность увлечения Василия Марковича теми идеалами, которые он ставил на основу своей деятельности при начале трудной созидательной работы, посвященной первому Сибирскому университету, с пожеланием, «чтобы университет был не казенным только созданием, а живым выразителем местной жизни, свободным проявлением нравственных народных сил» и «чтобы Си-

бирский университет, как единственный из университетов, созданный у нас не столько по инициативе правительства, сколько по желанию самого общества, был бы университетом народным» – считаю все сведения, проникавшие в общество и в печать, о стремлениях, какими будто бы руководствовался В.М., по личной своей инициативе, стеснять всякое свободное проявление умственной научной жизни Сибирского университета, весьма мало обоснованными.

Несомненно, все печальные стороны внутренней жизни первого Сибирского университета должны находить себе объяснения в том общем угнетенном укладе русской жизни, в котором она находилась в продолжение всего последнего двадцатилетия.

К торжеству всей Сибири и тех деятелей, имена которых исторически связаны с учреждением первого Сибирского университета, численный состав учащихся в Томском университете постепенно растет и ученая деятельность его развивается, несмотря на функционирование в нем только двух факультетов и на многие еще несовершенства в его научном благоустройстве.

Уже к 1-му января 1904 г. студентов в Томском университете было 665 человек, распределившихся в процентном отношении по сословиям: духовного 47%, дворянского (чиновничьего) 19%, мещанского 18%, крестьянского 6%, купеческого 6%, казачьего 2%, остальных сословий 2%. Со времени своего существования по 1904 г. университет дал врачей (11 выпусков) 478 и юристов (2 выпуска) 97.

При университете имеются стипендии: 20 казенных и 54 частных. Стипендиальных капиталов к 1-му января 1904 г. было 475856 руб. 21 к. Капиталов на выдачу пособий и ссуд к тому же времени было 24927 руб. 45 к. Стипендиями пользовались в продолжение последнего отчетного года 103, пособиями 205 студентов. При университете 2 студенческих общежития, в которых помещается: в первом – 75, во втором – 112 человек.

В Томский университет, как видно из отчетов, стремятся бедняки, преимущественно дети малосостоятельного духовенства из Сибири и, в значительной части, из Европейской России, остальной же контингент студентов, за ограниченным составом земледельческого класса и за неимением в Сибири крупного поместного дворянства, составляется из детей нуждающегося чиновничества, мещанства и крестьянства, громадное большинство которых нуждается в материальной помощи.

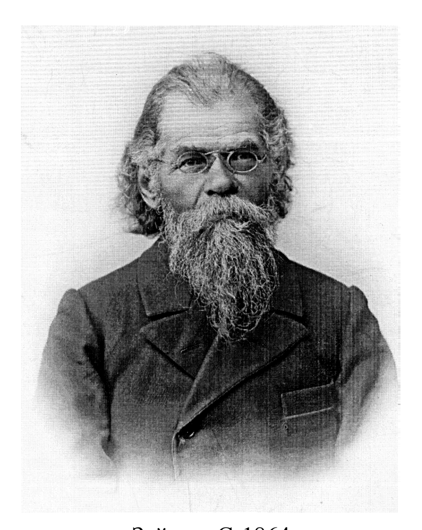
При таком составе учащихся, с оказанием огромному большинству материального пособия и с освобождением от платы за слушания лекций, Томский университет, действительно, является истинно народным университетом.

Надо желать, чтобы Императорский Томский университет не останавливался в своем дальнейшем росте и чтобы скорей осуществился план открытия всех четырех факультетов, что составляло заветное стремление его устроителя Василия Марковича Флоринского.

В особенности расширение учебной и научной деятельности университета необходимо теперь Сибири, как для общеобразовательного ее подъема в виду призыва ее к земской деятельности и к представительству в общегосударственном управлении, так и для всестороннего развития всех жизненных сил ее в видах создания могущественного *культурного* оплота русскому государству на Азиатском Востоке.

Всемирный вестник. 1905. № 10. С. 28–67

ПОТАНИН Григорий Николаевич (1835–1920)

Ученый, общественно-политический деятель. Из семьи казачьего офицера. Окончил Сибирский кадетский корпус (1852), в качестве вольнослушателя обучался на естественноисторическом отделении физико-математического факультета С[анкт]-Петербургского университета (1859–1861). С 1853 г. служил офицером в Сибирском казачьем войске, принимал участие в походе в Заилийский край. После выхода в отставку (1858) жил в Санкт-Петербурге. Участвовал в революционно-демократическом движении. Был одним из организаторов землячества студентов-сибиряков Санкт-Петербургского университета. В 1861 г. был на два месяца арестован за участие в студенческих волнениях. В 1863–1864 гг. был участником экспедиции для обследования озера Зайсан. С 1864 г. служил в Томске чиновником в статистическом отделении губернского правления, преподавал в томских мужской и женской гимназиях. В 1865 г. был арестован по

обвинению в организации преступного сообщества, стремившегося к отделению Сибири от Российской империи. Приговорен к 5 годам каторги с последующей ссылкой на поселение. Отбывал наказание в крепости Свеаборг (Финляндия). В 1871–1876 гг. находился на поселении в Вологодской губернии. Известность Г.Н. Потанину принесли его экспедиции в Центральную Азию (1876–1877, 1879–1880, 1892–1893, 1894–1896, 1899), во время которых были обследованы ранее малоизученные районы Восточной и Центральной Монголии, Северного Китая, Тувы, восточного Тибета. В 1887–1890 гг. Г.Н. Потанин работал правителем дел Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества (Иркутск). Вместе с Н.М. Ядринцевым активно пропагандировал идею организации Сибирского университета. С 1902 г. Г.Н. Потанин проживал в Томске, занимался научной и общественно-политической деятельностью. В 1906–1910 гг. вместе с А.В. Адриановым с разрешения ректора В.В. Сапожникова занимался разбором коллекций в Археологическом и этнографическом музее Томского университета. Идеолог сибирского областничества. Являлся одним из организаторов и руководителем Общества попечения о народном образовании, литературно-артистического кружка, литературно-драматического общества. Почетный гражданин Сибири (1918).

ДЕНЬ ЗАКЛАДКИ УНИВЕРСИТЕТСКИХ ЗДАНИЙ (30 августа 1880 г.)[1]

В жизни Томска немного было таких дней, как день закладки университета 30 авг[уста]. 1880 г. Можно по пальцам пересчитать те дни, в которые наблюдалось в Томске подобное, более или менее сильное возбуждение. Лекции Шашкова по истории Сибири, литературный вечер в память малорусского поэта Шевченко, лекции Кулябко-Корецкого, дни освободительного движения 1905 г., позднее – вечер в честь Л.Н. Толстого, в память Пирогова и др.

В большей части этих случаев волновались только верхние слои томского общества, интеллигенция; глубоко вниз волнение не проникало. По высоте волнение не проникало. По высоте волны возбуждения и по захвату широких слоев день закладки не был самым выдающимся, но день 22 октября имел особенное значение; это был областной сибирский праздник. В этот день впервые Сибирь почувствовала себя отдельным целым, сибирское население впервые осознало себя солидарным на пространстве от уральского столба, отделяющего Европу от Азии на западе, до Абагайтуевского караула на востоке.

[1] Закладка университетских зданий была произведена 26 августа 1880 г. (сост.).

Дню закладки университета предшествовала широкая агитация в обществе, читались лекции в городах, писались статьи в газетах. Правда, все это было страшно мизерно – всего было две лекции, Ядринцева в Омске и Шашкова в Томске; в журналистике распинался за Сибирский университет исключительно один Ядринцев; но, как бы то ни было, грамотные слои Сибири были оповещены о предстоящем всесибирском торжестве. Томское общество впервые переживало такой подъем духа.

Надобно сказать, что в то время Томск был порядочной глушью; в нем не было ни одной газеты, кроме «Томских губернских ведомостей», в городе не было учащейся молодежи, и всколыхнуть это спокойное болото общественной идеей было в высшей степени трудно.

В год закладки университета я вместе с А.В. Адриановым возвращался из монгольской экспедиции в Петербург. Мы приехали в Томск за несколько дней до торжества.

Был теплый осенний день; солнце весело светило и грело, как будто природа сочувствовала и хотела разделить радость сибирского населения.

Меня пригласил пойти вместе на торжество Инн[окентий] Гавр[илович] Муромов, томский общественный деятель, собиравшийся издавать в Томске первую частную газету («Сибирскую газету»). Он жил тогда на Дворянской улице, в доме, который стоял у подъема на Юрточную гору. Мы собрались в его квартире и выступили большой компанией; тут были и взрослые и дети. По улице и впереди нас и сзади шли другие обыватели туда же, куда и мы направлялись, то есть к месту, где ныне стоит университет.

Когда мы вышли на Соборную площадь, то в разных углах ее увидели группы разряженных людей, двигающиеся к месту торжества. В то время все пространство от угла клиник до технологического института было сплошной рощей. Это была городская роща, в которой устраивались общественные гулянья.

В середине рощи деревья были вырублены, и тут был построен павильон, убранный пихтовыми лапами и тонкими прядями лесной спаржи. За барьером, вокруг павильона, были поставлены ученики и ученицы мужской и женской гимназий и реального училища; были ли тут ученики народных школ, не помню, но осталось в памяти, что семинаристов совсем не было: говорили, что преосвященный не разрешил. Полное противоречие с составом студенчества – отсутствовали семинаристы и были гимназистки. Остальное пространство во-

круг павильона, усеянное пнями срубленных деревьев, было занято пестрой толпой горожан.

После молебна было прочитано несколько речей. Читали Флоринский, будущий попечитель Западно-Сибирского учебного округа, архитектор Арнольд, приглашенный строить университетские здания, и, кажется, губернатор Мерцалов.

Можно было задуматься, какой момент в жизни Томска. Речи на общественную тему и на открытом воздухе! Простой народ так близко, рядом с возбужденной интеллигенцией! Но ничего необычайного, неожиданного не произошло.

Первый параграф программы получил характер шаблонного бюрократического торжества. Речи, отмеченные официальной скукотой, читались под навесом павильона. Ораторы чуть видны публике, заслоненные космами спаржи. После речей публика, стоявшая вне павильона, разошлась по домам, а бывшая внутри павильона была приглашена на завтрак, устроенный в ресторане. Все прошло благополучно, т.е. никакого соприкосновения народной массы с интеллигенцией не произошло.

И все-таки, несмотря на казенный характер торжества, в публике появилось приподнятое настроение. Простоять целый час в напряженном молчании, целый час наблюдать толпу, объединенную одной благородной целью – еще бы не почувствовать, что это не будни, а как-никак все-таки праздник.

Вечером в городе была зажжена иллюминация, в которой никаких оригинальных проявлений не было, кроме балкона при квартире П.И. Макушина (на Набережной Ушайки у Думского моста, где теперь электрическое бюро), где горели предсмертные слова Гете: «Свету, свету, свету». В городской роще было устроено народное гулянье. Здесь были выставлены два щита, на которых были написаны две картины; на одной была изображена, кажется, Минерва, на другой Ермак; тогда строитель университета Флоринский еще платил дань сибирскому областничеству и не отдался еще всецело служению государственной идее. Шаблонная иллюминация и оркестр музыки во время гулянья в городской роще – вот все, что было сделано для приобщения народной массы к идее о Сибирском университете.

Зато томская интеллигенция была в ажитации в течение нескольких дней. В тот же день вечером, или на другой день, был устроен обед по подписке в военном манеже. Одноэтажное здание, в ко-

тором состоялся обед, а теперь существует на углу Нечаевской и Офицерской улице. В то время не было другой, более поместительной залы.

У меня осталась странная память об этом обеде в манеже: как будто мы сидели в каком-то подземелье, отчего это, не знаю; может быть, ступени, по которым мы входили в залу, вели вниз, и вместо того, чтобы подниматься, как это всегда приходится в других случаях, нам пришлось спускаться. У задней стены залы был центр пира; там было видно несколько красных генеральских лент; там сидели Флоринский, губернатор и архиерей. Я был очень доволен местом, которое мне досталось, потому что товарищем, сидевшим рядом, оказался художник Пав[ел] Мих[айлович] Кошаров, преподаватель рисования в мужской гимназии и инспектор классов, самый добродушнейший участник томских пиршеств; человек, душа на распашку.

Духовная часть программы обеда началась генеральскими речами и чтением адресов, приветствий и поздравительных телеграмм; это чтение постепенно поднимало настроение публики. Всегда телеграммы или письма отдельных лиц производят самое сильное впечатление. На этот раз особенно трогательна была телеграмма с парохода, шедшего по Оби; телеграмму послали сибирские приказчики, кажется, ехавшие в Томск с нижегородской ярмарки и не успевшие поспеть в город ко дню закладки.

От лирического характера речей других ораторов отличалась речь П.И. Макушина, имевшая практические последствия. Набросав картину жизни бедных студентов, полную лишений, Макушин обратился к присутствующим с воззванием о сборе денег на постройку интерната при университете. Зала пришла в движение; настроение, приподнятое чтением телеграмм, еще более повысилось. Гости стали раскрывать свои кошельки; в тарелку посыпались деньги.

Выступил с речью бурят, сказав, что настоящее событие – праздник и для инородческого населения Сибири, он из своих скудных средств жертвует сто рублей, надеясь, что этим он открывает приток пожертвований на университет со стороны сибирских инородцев.

Увлечение, охватившее всю залу, дошло и до пюпитров оркестра. Музыканты, игравшие туши, тоже собрали между собой два десятка рублей. Жаль, что архив университета не сохранил в своих

папках тот лист, вырванный из нотной тетради, на котором эти скромные жертвователи писали свои имена! Жаль, что погиб этот чудесный памятник тому воодушевлению, которое тогда царило в сибирском обществе.

Мой экспансивный сосед, художник Кошаров, захлебывался от восторга; он не владел собой, часто соскакивал со стула, бросался в сторону оратора, протягивал к нему руки, аплодировал, не жалея своих ладоней, неистово кричал: браво! Все переживали редкие в их жизни благородные минуты. Над этим скопищем в стенах пронеслась живая, благотворная струя, очистила воздух, и всем дышится легко.

Генерал в красной ленте, известный всему городу бюрократ, говорит речь в один тон с другими благородными речами этого вечера. Может быть, он припомнил свои милые студенческие годы, так не похожие на его последующую жизнь, усеянную многочисленными грехопадениями, под божественной властью ликующей толпы преобразился, хотя бы и только на время, до завтрашнего утра, внутри своей души раскаялся в грехопадениях, почувствовал, что он встал над самим собой. Ему хочется слиться с ликующей толпой, и, быть может, он сомневается в своем полном возрождении, но он жадно ловит минуты наслаждения этим сиянием.

Из других речей я сохранил в памяти только одну, сказанную Флоринским, затем повторенную им через 8 лет при открытии университета. Была личная причина, что я ее не забыл. Флоринский говорил в ней против мнения, что нельзя говорить о русской, немецкой или французской науке; истина для всех одна. Что истина одна, это – правда, но способы ее достижения, приемы разработки у различных народов различны; выбор и, главное, предпочтение той или иной научной дисциплины зависит от народного характера, от народного вкуса. Поэтому есть полное основание говорить и о сибирской науке. Долг справедливости к покойному обязывает сохранить для потомства это мнение бывшего попечителя учебного округа, характеризующее его не таким суровым государственником, каким он стал позже.

Кроме банкета в манеже, в городе устраивались, по-видимому, и другие, для менее богатой публики. На одном из таких банкетов, менее многолюдном, мне также довелось присутствовать. Эти овации университетской идее дробились и иногда получали вид семейных картин. Один чиновник вечером в день закладки университет

ского здания зажег в своей квартире лампы и свечи, выставил на стол бокалы и бутылки с вином, призвал к столу своих детей и в тесных пределах своей семьи отпраздновал основание высшей школы, в которой, как он мечтал, его дети-гимназисты будут потом учиться. Это был, вероятно, не единственный отец, для которого этот день был великим праздником. Глубокую борозду в сибирском обществе провел этот день.

Сибирская жизнь. 1913. 22 окт.

КРЫЛОВ Порфирий Никитич (1850–1931

Ботаник, профессор. Из купеческой семьи. В 1873 г. поступил на фармацевтические курсы при медицинском факультете Казанского университета, одновременно слушал лекции по университетской программе по ботанике, зоологии, химии, геологии. В 1875 г. сдал экзамен на провизора. С 1876 г. – сверхштатный лаборант, С 1883 г. – садовник Ботанического сада Казанского университета. Работая в университете, совершил несколько научных экспедиций для изучения флоры Поволжья. В 1884 г. выдержал экзамен на степень магистра фармации. В 1885 г. по приглашению В.М. Флоринского занял должность ученого садовника строившегося Императорского Томского университета. Магистр фармации (1897). С 1898 г. – приват-доцент кафедры фармации и фармакологии. В 1909 г. по результатам исследований П.Н. Крылов без защиты диссертации был удостоен Казанским университетом степени почетного доктора ботаники (honoris causa). С 1909 г. вел практический курс фармацевтической ботаники в Томском университете. В 1913 г. по приглашению Императорской АН переехал в Петербург и стал работать младшим ботаником Ботанического музея АН. В 1917 г. вернулся в Томск и занял должность сверхштатного ординарного профессора университета. П.Н. Крылов является создателем Ботанического сада Томского университета, под его непосредственным руководством строились каменное здание главной оранжереи и теплица, закладывались питомники, разбивались парк и скве-

ры на территории университета, где были высажены древесные и кустарниковые породы, способные выносить сибирский климат. П.Н. Крылов спланировал и засадил деревьями Университетскую рощу, Городской сад и Пушкинский сквер, парк на территории психиатрической больницы, а также аллеи города. В 1900-х гг. П.Н. Крылов был приглашен произвести снегозащитные насаждения по линии Сибирской железной дороги от Урала до Байкала. Им были основаны питомники в Томске, Судженке и на озере Иссык-Куль. За время своей научной деятельности П.Н. Крылов совершил 36 экспедиций, в т. ч. на Алтай (1901, 1903, 1911, 1915, 1920 – 1923), в Нарымский край (1904), в степные районы (1903, 1908, 1910, 1912, 1913) и др. В ходе этих экспедиций П.Н. Крылов вместе с учениками собрал и систематизировал много новых образцов растений, пополнивших коллекцию основанного им Гербария Томского университета. Результатом его научных исследований стал фундаментальный труд «Флора Алтая и Томской губернии». С 1901 г. по 1914 г. вышло 7 выпусков этой работы, в которых описано 1787 видов растений. В 1914 «Флора Алтая и Томской губернии» была удостоена премии им. академика К. Бэра Петербургской АН. В 1927 – 1928 гг. П.Н. Крылов (в сотрудничестве с Б.К. Шишкиным, Л.П. Сергиевской, Е.И. Штейнберг и др.) начал издание «Флоры Западной Сибири», итогового труда его жизни. Продолжение этого издания было осуществлено его ученицей проф. Л.П. Сергиевской. П.Н. Крылов была основана крупнейшая научная школа ботаников. Он был почетным членом 9 научных обществ. В его честь названо 50 видов растений и 1 род (Krylovia). После смерти П.Н. Крылов Гербарию ТГУ постановлением коллегии Наркомпроса было присвоено его имя (1933). В 1950 г. в связи со 100-летием со дня рождения П.Н. Крылов прах его был перенесен на территорию созданного им Ботанического сада. На могиле установлен памятник. С 1925 г. П.Н. Крылов был Член-корреспондент АН Украинской ССР (1925), член-корреспондент АН СССР (1929). Награды: орден Св. Владимира IV ст. (1917), орден Св. Анны II ст. (1908), орден Св. Анны III ст. (1896), орден Св. Станислава III ст. (1888) и медаль «В память царствования императора Александра III».

НАКАНУНЕ ОТКРЫТИЯ ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Я приехал в Томск еще до открытия университета, в июле 1885 года. Строитель университета В.М. Флоринский пригласил меня заблаговременно для разбивки ботанического сада и достройки оранжерей, выведенных к этому времени вчерне по составленному мной же плану. Путь из Казани в Томск на пароходах и на лошадях (от Камышлова до Тюмени) потребовал времени около месяца (26 июня – 22 июля). Я ехал со своей семьей и садовником и вез с собой большую коллекцию оранжерейных растений, пожертвованных Казанским университетом Томскому.

Приехали в Томск в дождливую погоду, и первое впечатление о городе было из не веселых. Тогда в нем насчитывалось не более 25 тысяч жителей, и он мало походил на современный. Даже на главных улицах преобладали невзрачные деревянные дома, а местами виднелись и избушки; улицы пустынные с непролазной грязью.

Я был первым, приехавшим в университет из России. Покойный Флоринский, увидев из окон своей квартиры (нынешняя квартира попечителя округа) наш поезд, очень радушно встретил и, не дав мне переодеться, всего залепленного томской грязью, повел осматривать университет, в постройке которого он принимал такое живое участие. Главное здание университета было уже вполне окончено, не доставало лишь водопровода и газового освещения, стоявших на очереди. Кроме того, было готово здание анатомического театра (у моста, ведущего в ботанический сад, впоследствии перестроенное и занятое кабинетами и лабораториями других кафедр). Клиники еще не было, на ее месте возвышалась городская каланча.

Поселился я со своей семьей в доме, выстроенном также по моему указанию в районе будущего ботанического сада для квартир его служебного персонала; в этом доме я провел затем с лишком ¼ века – до 1911 г.

Привезенные растения пришлось поместить временно в амбаре и отчасти в своей квартире и другой, пока пустовавшей, половине дома. Оранжереи не могли быть окончены в этом году, почему для помещения растений на зиму пришлось поспешить с постройкой небольшой деревянной теплицы.

Университетское место после постройки представляло невзрачную картину, особенно спереди главного здания. Много ям, где брали землю, кучи строительного мусора, пни от срубленных деревьев. Сзади – в сторону р. Томи – откосы были безобразно изрыты ради выемки там песка. Флоринский поручил мне облагообразить все эти места, сделать древесные посадки и разбить сквер. Первые годы этими работами, совместно с достройкой каменного здания оранжерей и разбивкой ботанического сада, я и занимался. Кроме того, я поставил себе задачей положить основание ботаническому музею, для чего по праздникам и в другое свободное время делал ботанические сборы сперва в ближайших окрестностях Томска, а затем и в более отдаленных местах Томской губернии; также сносился с некоторыми учреждениями и частными лицами, рассылая напечатанные воззвания о присылке в зарождающийся университет бота-

нических коллекций. Благодаря этому к открытию университета скопилось уже довольно значительное число коллекций из разных мест Сибири, преимущественно же из Томской губернии.

Вслед за мной в Томский университет приехали со своими женами библиотекарь С.К. Кузнецов, правитель канцелярии попечителя Зап[адно-] Сиб[ирского] учебн[ого] округа Г.С. Томашинский и механик Энгель. Вместе с семьей В.М. Флоринского и архитектора П.П. Нарановича, строившего университет, составилось маленькое университетское общество, довольно тесно сблизившееся и до открытия университета проводившее совместные часы досуга. В нем принимал участие также инженер Ренкуль, строивший тогда университетский водопровод и газовое освещение. Летом, вечером, по окончания работ, большинство из компании часто собиралось в роще позади университета поиграть в крокет на устроенной там площадке, причем В.М. Флоринский не проявил себя особенно искусным игроком.

Открытие университета ожидалось с нетерпением, однако время шло, а определенных вестей на этот счет не было; стало казаться, что открытие затянется надолго; механик Энегель даже совсем потерял надежду и уехал, пробыв в не открытом университете с лишком два года. Но в 1888 году наступил, наконец, желанный день.

Приехали первые профессора, о лучшем составе которых так заботился Флоринский, и жизнь в университете забила ключом. Слово науки раздалось в малокультурной стране с кафедр этого первого в ней рассадника просвещения и жадно впитывалось собравшимся в нем молодым поколением. Помню то неотразимое впечатление, какое произвела на слушателей первая по открытию университета лекция профессора С.И. Коржинского «О жизни».

Теперь большинство этих первенцев-профессоров Томского университета сошло уже со сцены, но имена многих из них – Коржинского, Гезехуса, Догеля, Салищева, Курлова, Виноградова и др[угих] надолго останутся в памяти потомства.

Сибирская жизнь. 1913.22 окт.

II. ИМПЕРАТОРСКИЙ ТОМСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ 1888-1917

ТИМАШЕВ Сергей Михайлович
(1866–1922)

Врач, профессор. Из семьи священника. После окончания Уфимского духовного училища (1881), затем Уфимской духовной семинарии (1887) поступил в 1888 г. поступил на медицинский факультет Императорского Томского университета. Его учителями были професора А.С. Догель, И.Н. Грамматикати, С.И. Залесский, С.И. Коржинский, Э.Г. Салищев, Н.М. Малиев и др. Окончил университет со степенью лекаря с отличием (1893). С 1894 г. – ординатор госпитальной терапевтической клиники при университете. В 1896 г. был переведен на должность сверхштатного ординатора при факультетской детской клинике. В мае того же года в совете Томского университета защитил диссертацию «Вторичные заражения при туберкулезе легких» на степень доктора медицины. С 1897 г. – приват-доцент по кафедре детских болезней, заведующий клиникой детских болезней. С 1901 г. – экстраординарный, с 1907 г. – ординарный профессор, с 1920 г. – заведующий кафедрой детских болезней. С.М. Тимашев является основателем томской школы педиатров. Его научные труды касались различных сторон педиатрии. Помимо преподавательской и научной деятельности, С.М. Тимашев был организатором детских яслей в Томске, председателем правления общества «Ясли» (1903). После Гражданской войны занимался организацией отдела охраны материнства и младенчества и детского диспансера им. Н.А. Семашко. Награды: орден Св. Владимира IV ст. (1917), орден Св. Анны II ст. (1914), орден Св. Станислава II ст. (1909), орден Св. Анны III ст. (1903), орден Св. Станислава III ст.

ОТРЫВКИ ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ СТАРОГО СТУДЕНТА

С 1886 г. в периодической печати начали время от времени появляться заметки о скором открытии Томского университета. Эти заметки с большим интересом перечитывались семинаристами, для которых вопрос о времени открытия университета имел особо важное значение,

так как им были обещаны разные льготы для поступления в последний. С введением в жизнь устава 1884 г. доступ в университеты семинаристам сделался возможным только при условии получения аттестата зрелости, что было почти равносильно запрету.

Наконец, 22-го июля 1888 г. долгожданное открытие Томского университета совершилось и вместе с тем официально стало известно, что семинаристы будут приниматься с поверочным экзаменом только по русскому и латинскому языкам. К сожалению, эти условия приема не были широко опубликованы в общей прессе. Об них, главным образом, были оповещены только правления духовных семинарий. В июле же месяце все семинарии были пусты по случаю каникулярного времени, а потому многие из семинаристов, жаждавших поступить в университет, узнали об этой возможности слишком поздно.

25-го июля 1888 г. в Уфе была получена телеграмма о льготном приеме в университет семинаристов, а 28 числа я уже отправился в Томск. Предстоял далекий неведомый путь. В то далекое от нас время слово «Сибирь» произносилось еще со страхом и трепетом и наводило на грустные размышления. Путь держать приходилось сначала водой до Перми, отсюда железной дорогой до Тюмени и снова целой системой рек – Турой, Тоболом, Иртышом, Обью и Томью – до Томска. При самом счастливом укладе на этот путь от Уфы до Томска приходилось тратить 16–17 суток, а если считать разные остановки и ожидания на пересадках и пристанях, то путешествие затягивалось до 20 и более суток. Первый путь до Тюмени был довольно тягостен. Одиночество, неизвестность будущего, новизна окружающего – все это в значительной степени подавляло.

В Тюмени, где в ожидании отхода парохода на Томск пришлось прожить на пристани несколько дней, произошла первая встреча и знакомство с будущими товарищами студентами, пока семинаристами, случайно съехавшимися к одному пароходу. Общность интересов сблизила нас всех, и мы незаметно с первых же дней сошлись в одну дружную семью. На одном пароходе вместе с нами отправились в Томск и трое из первых профессоров, это были – А[лександр] Ст[аниславович] Догель, С.И. Коржинский и А.М. Зайцев. Знакомство с будущими нашими преподавателями произошло само собой, мы как-то невольно, чутьем, узнали друг друга, и весь путь до Томска находились уже в постоянном общении.

Так как времени свободного было много, то решено было использовать его подготовкой к предстоящему экзамену по латинскому языку. Всех нас одинаково беспокоила неизвестность, какие будут предъявлены требования и какова вообще программа экзамена. Чтоб не попасть впросак, мы спешно повторили этимологию, синтаксис и занялись переводами с латинского на русский разных классиков. Все необходимые учебники и книги предусмотрительно были захвачены с собой.

Пароход, на котором нам суждено было отправиться в Томск, особыми удобствами не отличался. Это был обыкновенный буксирный пароход, несколько приспособленный к перевозке пассажиров, но очень грузный. Сзади его тянулась на канате больших размеров груженая баржа. Все помещения настолько были переполнены пассажирами, что почти не оставалось места для проходов. С этими неудобствами можно было мириться 1–2 дня, оставаться же среди грязи, в духоте и без надлежащего питания 10 суток – было свыше человеческих сил, это был, своего рода, подвиг.

Путь до Тобольска представлял еще некоторый интерес. По берегам рек кое-где были видны небольшие деревни и села. Тобольск, с его деревянными мостовыми, произвел на меня впечатление заброшенного, захолустного, мертвого города. Пароход стоял здесь около 2 часов, и этого времени вполне было достаточно, чтобы осмотреть весь город. Этот пункт был последним, где еще представлялась возможность запастись более или менее сносной провизией. Еще в Тюмени предупреждали нас, пассажиров, не пользующихся (за безденежьем) пароходным буфетом, чтоб мы озаботились закупкой разной снеди до самого Томска. Хорошо поступили те, которые послушались этого разумного совета. В дальнейшем пути на редких пристанях можно было получить только кислые хлебные лепешки, кое-какую рыбу, преимущественно сырков, да яйца, и то не всегда.

Через несколько верст от Тобольска окружающая местность сделалась тоскливо-однообразной. Мутные воды быстрого Иртыша омывали низкие, глинистые берега, в большинстве с чахлой растительностью. Ни села, ни деревни, ни хутора, не только часами, а даже целыми днями не встречалось. Остановки парохода, преимущественно только для погрузки топлива, происходили чрезвычайно редко, иногда раз за целые сутки. Чем севернее мы поднимались, тем глуше, тоскливее становилось, тем делалось холоднее. Единственная пристань, несколько поласкавшая взор, это было село Самарово.

Расположенное у подошвы высокой горы, покрытой густым, красивым кедровником, Самарово было видно с парохода за несколько верст. Эта действительно красивая местность привела всех пассажиров в полный восторг. За 2-часовую стоянку парохода в Самарове мы достаточно нагулялись, насмотрелись и несколько отдохнули от томительно-однообразного путешествия.

Недалеко от Самарова Иртыш впадал в Обь. Это был самый северный пункт нашего водного пути. Картина слияния двух грандиозных рек, из которых каждая в отдельности была шире Волги в ее среднем плесе, поражала своим величием. Взору представилась необъятная водная равнина, границы которой не обнимались невооруженным глазом. Для довершения красоты не хватало только высоких гор с могучим вековым лесом. Берега оставались все такими же низкими, с такой же чахлой хвоей, покрытой серым мохом. Холод давал себя знать и пришлось доставать теплое платье.

Не радовал нас путь и по величественной по своему простору реки Оби. Те же пустые берега, та же окружающая картина гнетущего одиночества. Одно только бодрило и радовало нас, что с каждым днем, с каждым часом мы ближе и ближе к цели своего путешествия. Это сознание заставляло нас терпеливо переносить разные неудобства в дороге и лишения.

Но вот и Обь пройдена. Мы вступаем стремительно в маленькую реку Томь, от устья которой до города Томска оставалось всего 60 верст. Берега стали населеннее и интереснее. Чем ближе к Томску, тем больше переживалось волнений.

Наконец, вдали показались строения большого города. Некоторые из пассажиров-томичей указали нам на выступающую на краю города рощу деревьев, из чащи которых вырисовывались очертания большого белого здания. Это было здание университета.

Как радостно забилось наше сердце, когда мы увидели нашу будущую alma mater. Еще несколько минут и пароход наш пристал к так называемым «Черемошникам». Как облегченно мы вздохнули, когда, наконец, после 10-дневного непрерывного водного пути вступили на берег!.. С пристани оставалось несколько верст сухопутной дороги, и мы были в городе.

На завтра же по приезде в Томск мы узнали, что поверочные экзамены для семинаристов назначены на 25-е августа, и, таким образом, для окончательной подготовки нам оставалось всего несколько дней.

Приведя себя в порядок после долгого и утомительного пути, мы направились в университет. Большое и красивое здание последнего произвело на нас огромное впечатление. С благоговением переступили мы порог главного подъезда и с замиранием сердца вошли под кров того здания, в котором потом обрели самый теплый приют.

Попечитель Зап[адно]-Сиб[ирского] учебн[ого] округа, покойный В.М. Флоринский, принял нас как нельзя более любезно, как желанных и давно жданных гостей. Участливо расспросил, откуда мы, как доехали, хорошо ли устроились, не нуждались ли в чем, и успокоил относительно экзаменов.

Такое сердечное отношение, такая заботливость как-то сразу приободрили нас, и мы без особой робости и страха отправились потом на экзамен. По русскому языку было назначено только письменное испытание. Предложено было написать в предельный срок времени сочинение на тему: «Значение Отечественной войны». По латинскому языку экзамен был разделен на устный и письменный. Для того и для другого были предложены для перевода отрывки из авторов, читаемых в мужских классических гимназиях.

Прошений в университет было подано 236, а принятыми в студенты оказалось только 74, из коих семинаристов было 40 (из 41 державших экзамены).

Учебные занятия начались 1 сентября. После молебна перед началом лекций попечитель учебного округа собрал студентов в актовом зале и обратился к нам с краткой речью, в которой, между прочим, сказал: «Мы приступаем к началу учебных занятий в новом университете. Поздравляю вас, г.г. первые студенты, а равно и всю университетскую коллегию, с новой духовной жизнью. Всем нам, участникам этого исторического акта, выпала завидная доля встать во главе такого события, которое невольно связывает наши имена с историей народившегося университета. Мы должны помнить это и должны постараться сделать себя достойными памяти потомства… Пройдет ли четверть века, полстолетие или даже столетие, как бы при этом широко и могуче ни развились силы окрепшего учреждения, но в историческом воспоминании самой светлой и незабвенной точкой является тот момент, с которого началась жизнь этого учреждения… Первые участники этой жизни всегда будут на виду, всегда будут приковывать внимание потомков… Поэтому не забывайте, что нам предстоит выступить в роли первых представителей воспи-

танников нашего университета. Покажите себя достойными этого исторического положения, поддержите честь и историческую память первого университетского курса… Любите свою alma mater, любите университетскую науку с увлечением юношеского любознательного ума… и будьте уверены, что в этом вы найдете ваше счастье и прочный залог вашей будущей полезной деятельности…».

Это обращение попечителя к первым студентам было сказано с большим чувством и подъемом.

Неизгладимое впечатление произвела на слушателей первая лекция, произнесенная покойным проф[ессором] С.И. Коржинским с присущим ему истинным ораторским талантом. Лекция его была посвящена рассмотрению мнений различных ученых о том, «что такое жизнь».

Своей лекцией С.И. Коржинский предпослал краткое вступление, в котором, обращаясь к студентам, между прочим, сказал: «Вы готовитесь посвятить себя изучению медицины, вы выбрали на свою долю великую миссию быть стражами, охранителями здоровья и жизни человечества. Это заставляет меня посвятить свою первую лекцию именно вопросу о жизни. Вопрос о жизни есть коренной вопрос биологических и медицинских наук. Это есть азбука и вместе с тем конечная цель, альфа и омега биологии. Вы пришли сюда изучать жизнь – пусть же первое слово, которое вы услышите в этих стенах, будет слово о жизни…».

Со 2 сентября постепенно начались правильные занятия по всем предметам первого курса. Само собою, разумеется, что в короткий срок нельзя было обставить кабинеты всеми необходимыми для преподавания предметами и материалами, а потому на лекциях физики и химии долгое время профессорам приходилось пользоваться приборами, взятыми из гимназии и реального училища. Но уже со 2-го полугодия лаборатории и кабинеты были приведены в такой порядок, что могли в значительной доле удовлетворять своему назначению, и практические занятия, и разные опыты велись уже на своих приборах и своими средствами. Что касается вообще ведения и обстановки занятий, то студенты первого курса в этом отношении находились в исключительно счастливых условиях. Почти все профессора, за неимением кадра подготовленных помощников, производили всякие опыты и вели все практические занятия со студентами самолично. Благодаря этому, студенческие работы отличались особенной успешностью, продуктивностью. Постоянное общение с профессорами, близость к ним, как-то животворили работу, поддерживали энергию и развивали особый интерес к научным заняти-

ям. Немудрено, поэтому, что студенты одинаково охотно, усердно и с любовью занимались как анатомией, физиологией, гистологией, так и минералогией, ботаникой и зоологией. Для нас тогда не существовало делений наук на более и менее важные. И первые отчеты университетские гласят, что студенты проявляли одинаковое усердие и успешность по всем предметам первого курса.

С открытием занятий в университете большинство студентов устроилось на квартире в доме общежития. К концу ноября здесь разместилось уже 58 человек, т.е. около 85% всего числа студентов. Плата за квартиру с очень приличной обстановкой и прислугой, за освещение и полное пищевое довольствие колебалась от 8 р[уб]. 50 к[оп]. до 9 р[уб]. 50 к[оп]., смотря по тому, какой величины занималась комната на двоих студентов. В это же время частная квартира в городе, на указанных условиях, стоила 10–12 р[уб]. на месяц. К удобствам жизни в общежитии присоединилось еще и то, что здесь находилась очень приличная библиотека с отделом специально медицинских пособий и учебников и довольно богатая читальня, в которой получалось несколько десятков разных газет и журналов, в том числе и медицинских. Если к этому еще прибавить, что общежитие находилось на дворе университета, поблизости от всех его учреждений, то и немудрено, что первые студенты стремились устроиться в этом так называемом студенческом доме.

Заканчивая свои краткие отрывки, я считаю необходимым отметить, что томское городское общество, в лице всех его слоев, относилось к первым студентам настолько дружелюбно, любезно и вообще внимательно, что большего и желать было нельзя. Всюду, как в частных домах, так и в общественных учреждениях, студенты всегда являлись желанными гостями. В клубах, театрах, концертах и вечерах они всегда пользовались разными льготами и всюду их дарили особым вниманием и даже почетом. Первые студенческие благотворительные вечера в пользу нуждающихся товарищей давали битковые[1] сборы, достигая в чистой выручке до нескольких тысяч рублей.

С течением времени, год за годом, как в общественной жизни, так, в частности, и в жизни университета, в студенческой среде, в их взаимоотношениях, произошло много разных перемен, некоторые из них едва ли к лучшему.

Сибирская жизнь. 1913. 22 окт.

[1] Битковый сбор – сбор, выручаемый с битком набитого зала, театра и т. п. (сост.).

МАЛИНОВСКИЙ Иоанникий Алексеевич (1868–1932)

Юрист, профессор. Из мещан. После окончания Коллегии Павла Галагана (1888) поступил на юридический факультет университета св. Владимира в Киеве. Окончил с дипломом I ст. (1892). Был оставлен при университете в качестве магистранта. С 1897 г. – приват-доцент университета св. Владимира. С 1898 г. – и.д. экстраординарного профессора, в 1904–1911 гг. – и.д. ординарного профессора по кафедре истории русского права Томского университета. В 1910 г. за книгу «Кровавая месть и смертные казни» (Томск, 1909) был привлечен к ответственности за «возбуждение к бунтовщическим деяниям и ниспровержению существующего строя». В 1911 г. был уволен из Томского университета. Приговором Омского окружного суда от 27 сентября 1912 г. был признан виновным по п. 3 и 4 ст. 129 Уголовного уложения (возбуждение к неисполнению законов) и приговорен к тюремному заключению на 1 месяц. Книги постановили уничтожить. И.А. Малиновский был амнистирован по случаю 300-летия Дома Романовых. С 1913 г. – экстраординарный профессор по кафедре истории русского права Варшавского университета, затем профессор Донского (позже Ростовский) университета. В 1920 г. был арестован Ростовской ЧК, обвинен в сотрудничестве с белыми и приговорен к расстрелу, но под давлением общественности был помилован. В декабре 1920 г. заочным постановлением ВЧК был приговорен к заключению в лагере на 15 лет. В марте 1921 г. вследствие общего декрета ВЦИК о 5-летнем предельном сроке заключения срок наказания был сокращен до 5 лет. Отбывал наказание в Ивановском лагере в Москве. В 1924 г. был амнистирован. В 1926 г. после избрания академиком Всеукраинской академии наук И.А. Малиновский переехал в Киев, где заведовал кафедрой обычного права. Областью научных интересов И.А. Малиновского была история русского права. Магистр государственного права (1904), доктор государственного права (1912). И.А. Малиновский избирался товарищем председателя Общества вспомоществования учащимся (1904), входил в состав комитета Общества земледельческих колоний и ремесленных приютов. Являлся одним из организаторов создания отделения партии «Народной свободы» в Томске (1905). В 1905–1906 и 1907–1910 гг. был редактором газеты «Сибирская жизнь». Позднее являлся редактором газеты «Приазов-

ский край». Был учредителем и первым директором Ростовско-Нахичеванского народного университета, председателем совета профсоюза научных работников Ростова. Награды: орден Св. Анны III ст. (1905). Имел чин статского советника (1902).

МАРУСЯ И ДЕТИ. ВОСПОМИНАНИЯ[1]

Глава VI. Первый год на новом месте

В Томске были 4 ноября [1898 г.], в день моих именин. Приехали в гостиницу. Заняли номер. Внесли наши вещи. Было холодно, неуютно. Маруся забилась в угол дивана, расплакалась. Я начал ее ласкать, успокаивать. Мы разобрали и разложили вещи. Позавтракали, напились горячего кофе. Прислуга подбросила в печку дров. В комнате потеплело. Мы подкормились и повеселели. Я переоделся и направился в Университет. Маруся села писать письмо маме в Киев.

Здание университета в глубине ботанического сада, белое, длинное, простое и величественное, с крестом на куполе домовой церкви произвело очень хорошее впечатление. Я познакомился с ректором, деканом, товарищами по факультету; условился, что вступительную лекцию буду читать ровно через неделю.

В то время профессора обязаны были быть в форме при исполнении служебных обязанностей. Форма была двух родов: старая, традиционная – вице-мундир и новая, заведенная министром юстиции [Н.В.] Муравьевым для членов судебного ведомства, а потом заведенная и другими ведомствами – сюртук с погонами на плечах (я заказал себе вице-мундирную пару). Шил портной [Григорий] Рязанов, шил с большим усердием, так как сына своего отдал в Университет на юридический факультет. Я делал визиты членам Совета. Отдавали визиты обыкновенно в мое отсутствие; Маруся принимала. Искал квартиру. Вместе с Марусей ездили на фабрику Лопухова, заказали мягкую мебель. Когда нашли и наняли квартиру в доме [В.П.] Щепетева, на Преображенской улице. По случаю приобрели очень приличную столовую мебель и гардеробный шкаф, выбрали тюлевые занавески на окна и гардины на двери и окна. Я купил 10 саженей дров на городском складе по 2 р[уб]. 70 коп. сажень. Ма-

[1] Печатается с сокращениями.

руся договорила в прислуги девушку Дуню, служившую прачкой в гостинице. Вместе с ней покупала разные вещи домашнего обихода.

Читал вступительную лекцию, когда еще были в гостинице. После скандала на лекции [С.И.] Живаго вступительные лекции в торжественной обстановке были отменены. Вступительная лекция теперь именовалась первой лекцией. На нее не приглашали профессоров. На моей лекции был только декан [И.Г.] Табашников. В своей первой лекции я говорил о методах изучения права – о догматическом изучении римского права в средние века, о школе естественного права в новое время, об историческом изучении права в XIX веке, указал на формы такого изучения – история всемирного права, история славянского права, история национального русского права и выяснил научное и общественное значение истории национального права. Эту лекцию я записал, прочитал Марусе, но рукопись оставил дома. Студентам говорил наизусть. Так с тех пор делал всегда. Лекции мои нравились студентам. Аплодировали не только после вступительной, но и долго потом после каждой лекции, пока это, наконец, не показалось лишним.

Вечером, в день вступительной лекции, переехали на квартиру. Квартира большая: шесть комнат, передняя, ванная, кухня, комната для прислуги. Мы так распределили комнаты: отдельная комната направо от передней с окнами во двор – мой кабинет, рядом с ней за стеной спальня, прямо из передней дверь вела в большую комнату с выходом в сад. Это была столовая: в столовой было несколько дверей: кроме двери в переднюю и против нее двери в сад, направо была одна дверь в спальню и рядом с ней дверь в комнату для прислуги, оттуда в кухню и на черный ход: налево из столовой была дверь в угловую комнату; налево от передней была тоже большая комната с окнами на улицу – гостиная; из гостиной дверь вела в Марусин кабинетик, а оттуда в угловую комнату. Пока эта угловая комната была для нас лишняя и не имела никакого назначения. Потом, когда родилась Муся, мы ее сделали детской, а еще позже, когда во второй раз поселились в той же квартире, и у нас уже было трое детей, в угловой комнате сделали гостиную, а бывшую гостиную, самую большую, теплую и солнечную комнату превратили в детскую.

Когда переезжали на квартиру, многого еще не было. Постепенно привезли то, что было заказано; прикупили то, чего недоставало; пришли вещи из Киева. К рождественским праздникам квартира уже была совсем готова; мягкая мебель, венские стулья, ковры, гардины,

занавески, фотографии на стенах, пианино (системы Смит и Вегенер, купленное в рассрочку у [П.И.] Макушина). Нанятую в гостинице прислугу Дуню Маруся определила на роль горничной со стиркой белья. В кухарки наняли женщину с маленькой девочкой – Машу. Дуня при найме сказала, что весной уйдет на пароход, и ушла. Ушла и Маша. Тогда взяли прислугу Зайцевых, уехавших на каникулы из Томска, толстую кухарку, которую скоро рассчитали, горничную Полю и кучера Петра Ширяева. Великим постом купили лошадь – маленькую, но выносливую и быстроходную, нарымку, с большой гривой за 50 руб. Купили также санки, тележку и телегу, упряжь и все прочее. Первые два кучера были неудачны, теперь напали на хорошего кучера, честного и преданного нам человека. Он сначала жил гражданским браком с Полей (был женат, жена находилась в психиатрической лечебнице); потом женился; я его устроил служителем юридического кабинета в университете; Маруся крестила его двух, детей.

В Киеве перед нашим отъездом в Томск С.Н. Щербина дала нам письмо к Салищевым. Жена томского хирурга Эраста Гавриловича Салищева – младшая сестра матери Софьи Николаевны. С Салищевыми мы, прежде всего, познакомились в Томске и ближе всего сошлись. У Салищевых познакомились с Ефимом Лукьяновичем Зубашевым, первым директором и строителем технологического института. Скоро Ефим Лукьянович сделался у нас своим человеком. Своим человеком был также [С.И.] Живаго. Затем, у нас были хорошие отношения с [В.Н. и Е.В.] Великими, [В.В. и С.А.] Сапожниковыми, [Ф.Я. и А.С.] Капустиными, [А.М. и Е.В.] Зайцевыми, [П.В. и М.Е.] Буржинскими и [Я.И. и М.Ф.] Пивовонскими. Пивовонские незадолго до нас приехали в Томск тоже из Киева. Яков Иванович был прозектором при кафедре анатомии; кроме того, занимался хирургией у Салищева. Марья Федоровна была одновременно с Марусей в гимназии. Когда мы решили ехать в Томск, Маруся написала Марии Федоровне и получила ответ с подробным описанием условий томской жизни.

Я читал лекции в университете, посещал совещания и факультетские заседания. Готовясь к лекциям, я их записывал и читал Марусе. Таким образом, Маруся прослушала полный курс истории русского права. Я подробно рассказывал Марусе о советских и факультетских [делах]. После приезда в Томск вскоре отправился в редакцию «Сибирской жизни», познакомился с редактором-издателем П.И. Макушиным и братом его (соредактором) Алексеем

Ивановичем, предложил свои услуги в качестве сотрудника. Писал довольно много, длинные статьи на темы педагогические и научные. Получая по наивысшей таксе – 5 коп. за строчку. Часть гонорара получал деньгами, часть книгами и канцелярскими принадлежностями из магазина Макушина. Когда приходил в магазин, мне показывали все новинки. Я откладывал то, что представляло для меня интерес, и мне все это присылали на квартиру; по моему заказу магазин выписывал для меня книги. Все, взятое мною в магазине или присланное мне из магазина, записывалось на мой счет, а при уплате гонорара за газетные статьи делался расчет.

Я принимал участие в Обществе попечения о начальном образовании, именно в комиссии народных чтений. Маруся занималась в воскресной школе. Мы познакомились с другими учительницами и учителями воскресной школы – Воложаниной (Елиз[аветой] Петр[овной]), [Н.В.] Борзовым, [И.И.] Березнеговским и др. Мы выписывали «Русскую мысль», «Русские ведомости», «Журнал для всех», «Ниву»; кроме того, мне присылали из Киева «Жизнь и искусство». Приносили, конечно, «Сибирскую жизнь». Газеты и журналы мы обыкновенно читали вместе. Иногда вместе читали и книги.

Я уже начал работать над диссертацией. Остановился на теме о «Раде Великого княжества Литовского в связи с боярской думой древней России». Остановился, отчасти следуя советам М.Ф. Владимирского-Буданова, отчасти подчиняясь своей собственной научной любознательности: интересовался вопросом о роли и значении аристократического начала в государственной жизни. Изучал уже изданные акты литовско-русского права. Маруся делала выписки из печатных актов по моим отметкам. В несколько приемов я составил списки книг по истории русского права для фундаментальной библиотеки. Маруся помогала мне составлять эти списки, переписывая по моим указаниям названия книг из курсов, монографий и журналов.

Предстоящее появление на свет нашего первенца было одним из важнейших интересов нашей жизни. Мы были у профессора-акушера Ивана Николаевича Грамматикати: он исследовал Марусю, дал инструкции как себя вести. Мы просили его быть во время родов. Пригласили заблаговременно акушерку Аполлинарию Семеновну Зенкевич – святую женщину, как ее в шутку звали в университетских кругах. Маруся шила пеленки, рубашечки, распашонки,

конверты; столяр по ее указаниям сделал пеленальный стол, какой рекомендован в книге [В.Н] Жука. Следуя наставлениям Жука и Грамматикати, Маруся аккуратно каждый день гуляла. Я очень часто ее сопровождал. Один раз мы гуляли недалеко от нашей квартиры на площади около Ярлыковской церкви. Была чудная лунная зимняя ночь. Хороши лунные летние ночи у нас в Малороссии, в Крыму. В одну из таких ночей в Жорновке на поляне леса около дачи я пел, а Маруся меня слушала. В одну из таких ночей я сидел у Маруси в ее кабинетике. Мы потушили огонь, открыли окно. Молча сидели, мечтали; на ночь глядела полная луна. Позже, в одну из таких ночей я катался с Марусей в Ялте, один раз в лодке, другой раз в экипаже. Также хороши зимние лунные ночи севера, в Сибири. Внизу белый, слегка голубоватого оттенка снежный простор, фантастические тени от церкви, домов, деревьев, телеграфных столбов, а вверху в безграничной, голубой глубине еле мерцают звезды и между ними выделяется своим ярким, но нежным приятным, освещающим, но не ослепляющим блеском, как царица, окруженная бесчисленной свитой луна. Тихо так, что слышен каждый шорох; светло так, что, кажется, можно книгу читать. Мы любовались этой дивной ночью. И все-таки нам сделалось грустно, «Как мы, однако, далеко забрались, подумать страшно», – сказала Маруся. «Что, давай укатим в Киев, – предложил я, – недели через три будем назад». Дело было перед рождественскими каникулами. «Нет, это было бы малодушием с нашей стороны», – сказала Маруся.

Приближался день родов. Маруся обязательно каждый день гуляла, несмотря на грязь и не взирая на любую погоду. Я боялся оставлять ее одну и всегда сопровождал. Перед вечером 22 апреля мы были на вечерне в Ярлыковской церкви, потом ходили по Ярлыковской площади перед домом. Вечером к нам зашли Буржинские (наши соседи), играли. С утра 23-го Маруся почувствовала боли. Я побежал за Аполлинарией Семеновной Зенкевич; пришла, осмотрела, сказала, что еще не скоро; но уже не уходила. Часов около 8 вечера посоветовала пригласить профессора. Я привез Ивана Николаевича Грамматикати, который был предупрежден и ждал, когда его позовут. С какими-то инструментами в руках он вошел в спальню. Я мельком взглянул на Марусю. Она лежала на спине, выражение лица было страдальческое. Меня к ней не пустили. Я был в соседней комнате, в своем кабинете. Писал статью для «Сибирской жизни».

Старался сосредоточиться на статье, так как все равно помочь ничем не мог, и все равно, что нужно, сделано. Но мысли невольно перелетали от темы статьи в соседнюю комнату. Настроение было одновременно жутко-тревожное и радостно-счастливое. Около 11 час. вечера раздался резкий и короткий не то крик, не то писк. Первый звук нового человека. Я вскочил с места. Бросился из кабинета и остановился у дверей спальни. Через некоторое время показался Иван Николаевич Грамматикати. «Поздравляю вас с дочерью», – сказал он мне. Я вбежал в спальню, молча поцеловал Марусю, с любовью и любопытством посмотрел на то, что лежало на руках акушерки и было нашей дочерью.

Маруся знала, что не в состоянии сама кормить, и заблаговременно подыскала кормилицу Таню, молодую, здоровую женщину; подвергла ее медицинскому осмотру, обшила. Мы давно уже решили, что сыну дадим имя Алексея, а дочери – Марии, по дедушке и бабушке. Настоятель университетской церкви отец Дмитрий Никанорович Беликов прочитал молитву над новорожденной и родильницей и, согласно нашему желанию, назвал новорожденную Марией, а мы ее стали звать Мусей. Теперь это новое малое существо сделалось центром нашей жизни. Купали, пеленали, кормили; следили за тем, чтобы кормилица хорошо питалась, достаточно спала, не сердилась.

26 мая 1899 г. праздновали 100-летие со дня рождения Пушкина, Совет университета постановил устроить в этот день торжественное публичное заседание. Речи поручено было произнести мне и В.В. Сапожникову. В.В. Сапожников говорил о природе в поэзии Пушкина; я об общественной жизни в произведениях Пушкина. Я внимательно перечитал полное собрание сочинений Пушкина, прочитал какие были в университетской библиотеке и у меня сочинения по истории русской литературы пушкинского периода и по русской истории первой половины XIX в. Еще к 19 февр[аля] я поместил в «Сибирской жизни» большую статью на тему «О крепостном праве в сочинениях Пушкина». Теперь, 26 мая, почти весь № «Сибирской жизни» был заполнен моими статьями о Пушкине. Речь о Пушкине я, по обыкновению, написал, прочитал Марусе. На торжественном заседании говорил наизусть. Уже прошло более месяца со дня рождения Муси. Маруся уже оправилась, давно встала и выходила. Была на пушкинских торжествах. Когда Надежда Владимировна Сапожникова спросила: «А где же рукопись

речи вашего мужа?» Маруся ответила: «В голове». Рукопись оставил дома. В кармане были только сделанные Марусей выписки текстов из Пушкина и других книг. В своей речи я проводил ту мысль, что Пушкин был певцом свободы, и закончил выражением надежды на то, что настанет время, когда заря просвещенной свободы засияет над нашим обширным отечеством и над его отдаленной окраиной – Сибирью. Речь произвела большой фурор. Некоторые профессора говорили, что с моей стороны было неслыханной смелостью выступать с такой речью в публичном заседании и что мне это даром не пройдет. Томск того времени и в особенности университет при попечителе [В.М.] Флоринском был тише воды ниже травы. Эраст Гаврилович Салищев рассказывал мне много любопытных эпизодов из истории самодержавного управления Флоринского Томским университетом.

Летом приехали мама и Надя и пробыли у нас до первой половины августа. Мусю крестили первого июля. Крестными были мама и Эраст Гаврилович Салищев. Крестил настоятель университетской церкви проф. Д.Н. Беликов. После церковного обряда был у нас парадный обед с очень обильной выпивкой, а после обеда решили ехать на дачу к Салищевым в Басандайку. Мама с Е.Л. Зубашевым поехали на извозчике, я с Надей на своей лошади. Салищев тоже на своей. Маруся осталась дома. Вернулись обратно поздно ночью. Мама и Надя познакомились в Томске с нашими знакомыми. Ездили к Салищевым на дачу, были у Сапожниковых, у Капустиных. Е.Л. Зубашев, занятый в то лето постройкой технологического института, все свободное время проводил или у нас, или у Салищевых; приходил к нам и по вечерам.

В это лето я сошелся с Надей; первая из Марусиных сестер приехала к нам, довольно долго прожила у нас; мы стали говорить друг другу «ты», и с тех пор из всех Марусиных сестер самой близкой мне стала Надя (хотя со всеми у меня всегда были наилучшие отношения). Мы много катались с Надей, она любила сама править лошадью. Мы объехали все окрестности Томска, любовались живописными видами: широкой Томью, ее высоким гористым берегом с одной стороны и бесконечной зеленой пеленой лугов с другой стороны, обширными холмистыми полями, то безлесными, то покрытыми лесом. Мама часто ездила с Марусей на базар, знакомилась с обиходом томской жизни. Томск ей нравился: напоминал ее север-

ную родину, Вологодскую губернию. Мама советовала нам купить дом в Томске. Это очень легко было сделать при помощи кредита. Но мы отнеслись индифферентно к совету: коммерческие расчеты всегда были нам чужды, а в то время в особенности.

Глава VII. Летопись последующих событий до отъезда из Томска

В начале второго учебного года приехали Соболевы, Прокошевы. Мы близко сошлись с Соболевыми. Приехала О.А. Зубашева с детьми; с нею тоже сошлись. Еще через год приехали [И.А. и Л.П.] Базановы, [Н.Н. и Е.Н.] Розины и [А.А. и ?] Раевские и еще через год [С.П.] Мокринский, [В.А.] Уляницкий, [П.С. и ?] Климентовы, [П.М.] Богаевский и [В.А.] Юшкевич; позже в состав факультета вошли [И.В.] Михайловский (сначала был мировым судьей, потом и приват-доцентом) и [Н.Я.] Новомбергский; еще позже [М.И.] Боголепов, [Г.М.] Колоножников и [Н.Н.] Кравченко. В начале у нас были хорошие отношения со всеми членами факультета, потом испортились с [М.А.] Рейснером и Михайловским, отчасти и с Базановым.

Из профессорского персонала технологического института, кроме [Е.Л. и О.А.] Зубашевых, сошлись с [В.А. и Е.И.] Обручевыми и [Н.В. и А.Т.] Некрасовыми (позже, когда Н.В был уже депутатом Государственной думы); были знакомы со многими – [Б.П. и М.Е.] Вейнбергами, [И.И. и Е.А.] Бобарыковыми, [А.А. и М.И.] Потебнями, [Д.П. и С.К.] Турбабами, [А.М. и Е.К.] Крыловыми, [Г.Л.] Тираспольским и другими.

Из профессорского персонала медицинского факультета, кроме тех, с которыми познакомились и сошлись после приезда в Томск, впоследствии сошлись семьями только о [В.Н. и А.А.] Саввиными и [В.М. и Л.А.] Мышами; лично я, по университетским делам, сначала был близок с [М.Г.] Курловым; потом с [С.В.] Лобановым и [А.Е.] Смирновым. Знакомы были, конечно, со всеми.

Вне университета и технологического института близко сошлись с [А.Н. и М.Л.] Толмачевыми и [В.И. и Е.Г.] Кенге; знакомства имели в разных сферах: среди сибирских деятелей ([П.И. и А.И.] Макушины, Потанины[1], [А.В.] Адрианов, [А.Н.] Шипицын и другие), су-

[1] Имеются в виду Г.Н. Потанин и М.Г. Васильева.

дейских и адвокатов ([Ф.Ф.] Депп, [А.В.] Витте, [Ф.К.] Ненарокомов, [А.М.] Вакар, [С.А.] Журов, [П.Н.] Васильев, [М.Р.] Бейлин, [П.В.] Вологодский, [А.М.] Головачев, [С.В.] Александровский и др.), педагогов: [Г.К.] Тюменцев, [С.Г. и ?] Егоровы, [Н.В. и С.А.] Борзовы, [И.Д. и Е.И.] Муратовы, [П.А.] Поляков, [А.А. и ?] Скороходовы, [А.М., А.Ф. и С.Л.] Федоровы, [О.В.] Миркович, [Н.П.] Карпова, [?] Рязанова, [Н.А.] Тихонравова и др.); врачей ([П.Ф.] Ломовицкий, [А.Я.] Прейсман, [К.А.] Кытманов, [К.Д.] Иванов, [Т.Д.] Боровков и др.); инженеров-железнодорожников ([В.А. и ?] Штукенберги, [В.С. и В.Н.] Реутовские, [С.А. и Е.С.] Жбиковские, [А.М. и ?] Красовские, [А.А. и Е.И.] Жемчужниковы, [С.Н. и ?] Самойловы и др.), музыкантов ([Я.С.] Медлин, [Ф.Н.] Тютрюмова и др.); торгово-промышленного мира ([Н.А. и ?] Молчановы, [К.Р. и ?] Эманы, [И.И. и А.И.] Житковы, [Е.Н.] Зандрок и др.); служащих в разных учреждениях ([А.А. и Е.Г.] Бароки, [И.Н. и М.Ф.] Хроновские, [В.И. и К.Ф.] Родзевичи и др.); газетных сотрудников ([Г.Б.] Баитов, [В.М.] Крутовский, Ганко, Воевода, [Ф.] Борисенко и др.)

Бывало у нас много студентов: [С.Ф.] Петров, [Г.М.] Колоножников, [Е.А.] Павловский, [В.Г.] Балдовский, [П.Ф.] Бычковский, [И.И.] Кузнецов, [Д.С.] Козминых, и др.). С.Ф. Петров получил у меня золотую медаль за сочинение и был библиотекарем юридического кабинета. Г.М. Колоножников тоже был библиотекарем юридического кабинета. В.Г. Балдовокий и Е.Арс. Павловский – студенты-медики, украинцы, познакомились с нами, потому что я украинец по происхождению, а Маруся – дочь известного украинофила А.Я. Конисского. П.Фил. Бычковский был библиотекарем юридического кабинета, мой земляк, украинец Волынской губернии, женился студентом. Маруся была посаженной матерью. И.И. Кузнецов – украинец и кадет. Козминых по моему представлению был командирован факультетом в Москву для занятий в Архиве Министерства юстиции. Шишлов, очень занимающийся студент, сначала был правым лидером студентов-академистов, во время войны изменился, сделался социалистом, был одним из видных деятелей революции 1905 г.

Приблизительно через год после рождения Муси – 14 апреля 1900 г. родилась Женя. Зенкевич была тяжело больна; ей делали операцию, уехала за границу вместе о И.Н. Грамматикати. Принимали Женю доктор Прейсман и акушерка Фомина. Через две недели

после рождения крестили. Крестными были: В.А. Салищева и М.Н. Соболев. На каникулы решили ехать в Киев.

Нашли новую квартиру в доме Китца по Дворянской улице, в самом центре города. В нашей квартире на Преображенской хотел поселиться сам хозяин В.П. Щепетев, бывший директор мужской гимназии, теперь назначенный директором народных училищ и потерявший казенную квартиру. Новая квартира была лучше старой, более нарядная, комнаты выше и больше; хотя не было ванной. Но старая была на окраине, на высоком, здоровом месте; при ней был сад и вокруг сады, а невдалеке лес. Тут ни одного кустика. Зато в двух шагах от главной Почтамтской улицы, недалеко от университета, очень близко от редакции «Сибирской жизни» и от типографии Макушина, в которой печатались профессорские работы. Перед отъездом перевезли вещи на новую квартиру, ликвидировали конское хозяйство, так как в новой квартире не было помещения для лошади, да и не было надобности, живя в самом центре города, держать лошадь.

Благодаря Салищеву, через посредство главного железнодорожного врача [П.И.] Никанорова удалось устроить так, что из управления Сибирской железной дороги была послана телеграмма в Красноярск о том, чтобы для меня от Тайги было оставлено 4-х местное купе второго класса. За несколько дней до нашего отъезда был большой пожар. Загорелось сразу в двух местах – на Воскресенской горе и за Истоком. Пожар на Воскресенской горе удалось ликвидировать. Все Заисточье выгорело дотла. На другой день после пожара мы ездили с Марусей за Исток: на месте улиц и домов были груды обуглившихся, обгоревших развалин.

Мы двинулись в далекий путь. Жене было всего только шесть недель. Мусе – год и четыре с половиной недели. Взяли с собой Женину кормилицу Катю рыженькую и Мусину няню Настю белую. В Тайге пересели в сибирский экспресс, в свое купе; скоро освоились и жили как в своей квартире. Женино питание было вполне обеспечено. Рыженькая Катя была на редкость хорошая кормилица. А так как в поезде был ресторан с кухней, а по дороге можно было покупать свежее молоко, то легко устроились и с Мусиным питанием. Катя и Настя первый раз в жизни ехали по железной дороге. Совершенно не были знакомы с железнодорожными порядками. Когда приехали на станцию Межениновку и сидели в зале I класса в ожи-

дании поезда, кормилица обратилась к Марусе с вопросом: «Барыня, с этим поездом мы поедем в Киев?». Мы не могли рассчитывать на помощь наших прислуг в пути: напротив, должны были заботиться и о них. Но главное это то, что был обеспечен присмотр за детьми.

В Туле пересадка. Поезд оказался переполненным. Носильщики с трудом нашли для нас место в общем харьковском вагоне. Когда поезд тронулся, я пустился в поиски отдельного купе. Дул сильный ветер; во время перехода из одного вагона в другой у меня ветром сорвало с головы шляпу; так и доехал без шляпы до Киева. Найти купе мне не удалось. Но пассажиры вступились за нас, не столько в наших, сколько в своих интересах: присутствие в общем вагоне маленьких детей не предвещало ничего заманчивого. По требованию пассажиров обер-кондуктор отвел нам служебное отделение.

В Курске снова пересадка. Когда наш, московский поезд остановился, от него двинулась такая процессия по перрону, по направлению к стоявшему на другом пути киевскому поезду, впереди я, без шляпы, в расстегнутом пальто, на руках у меня конверт с Женей; сзади за мной Катя с какими-то детскими вещами и Настя с Мусей на руках; дальше два носильщика с нашими вещами; шествие замыкала Маруся с зонтиками, палками, ридикюлем. В Курске удалось попасть в отдельное купе. Благополучно доехали до Киева. Сравнительно благополучно, но не совсем; еще перед Тулой Муся прихворнула. В Туле пришлось обратиться к железнодорожному врачу. Врач успокоил: желудок не в порядке, советовал давать красное вино с чаем. Но обидно было то, что и бабушка и все домашние увидят Мусю не такой, какой она была обыкновенно: веселая, живая, забавная теперь сделалась совсем вялой, побледнела.

<…> Пробыли несколько дней в Киеве. Посетили знакомых. Ходили на музыку в Купеческий сад. Дома на Бибиковом бульваре, находившиеся в общей собственности А.Я. и М.А. Конисских, к тому времени были проданы. Марья Александровна-старшая купила на свое имя двухэтажный дом на Мариинско-Благовещенской улице и занимала в нем верхний этаж. Нам отвели здесь две комнаты.

Из Киева уехали в Боярку. Здесь провели все лето на даче Марии Александровны-старшей вместе со всеми Конисскими.

<…> Перед отъездом обратно в Томск заказал через посредство брата С.И Живаго купе в сибирском экспрессе от Москвы с предупреждением, что займу его от Тулы. Из Киева до Тулы Маруся

с детьми занимала отдельное купе; я сидел в общем вагоне. Все вещи были в купе. Перед Тулой я просил посчитать, сколько всего наших вещей. Насчитали пятнадцать. В Тулу приехали ночью. Освещение в купе было плохое: одна свеча в фонаре. Наши вещи выносили, а в это время новые пассажиры уже вносили свои вещи. Я посчитал вещи, вынесенные носильщикам, и успокоился: пятнадцать, значит все. <…> Оказалось, что не хватает одного большого свертка в парусине, принадлежащего Насте и Кате. <…> Я немедленно принял энергичные меры. Обратился к дежурному жандарму. Тот послал в Серпухов своему коллеге служебную телеграмму: осмотреть такой-то вагон в таком-то поезде и такую-то забытую вещь отправить в Томск по такому-то адресу. Я просил жандарма телеграфировать мне в Омск до востребования, найден ли злополучный сверток. <…> В Омске получили телеграмму, что сверток найден и уже отправлен, и недели через три после нашего приезда он был уже в Томске. <…>

В доме Китца на Дворянской улице мы прожили четыре года: с осени 1900 г. по осень 1904 г. В доме Щепетева родились Муся и Женя, и я начал магистерскую диссертацию; в доме Китца родилась Оля, и я окончил диссертацию.

Осенью 1900 г. приехал в Томск из Петрограда новый окружной инспектор Западно-Сибирского учебного округа Александр Николаевич Толмачев. Его жена Марья Львовна оказалась подругой детства М.Н. Соболева. У Соболевых мы познакомились с Толмачевыми; потом близко сошлись. Близко сошлись также с приехавшей к Толмачевым и поселившейся у них их родственницей Надеждой Павловной Алфеевой; Н.П. получила место учительницы математики в женской гимназии и осталась в Томске и после отъезда Толмачевых. У Толмачевых мы познакомились с приехавшим из Харькова Федором Андреевичем Павловским. В год приезда Толмачевых Маруся крестила у них сына Васю. В том же году крестила у Розиных Борю.

6 декабря 1900 г. происходило торжество открытия Томского технологического института. Приезжал товарищ министра народного просвещения Н.А. Зверев. Остановился в университете. Был на моей лекции. Писал в Москву своим приятелям, что не ожидал, что в Томске молодые профессора могут так скоро и так хорошо поставить преподавание; при этом ссылался на мою лекцию. Мне об этом говорил в Москве проф. [И.Т.] Тарасов. Е.Л. Зубашев пригласил Зверева к себе на обед; на обеде были все профессора технологиче-

ского института, а из университетских: ректор [А.И.] Судаков, Салищев, Соболев и я. Торжественный акт открытия технологического института происходил в зале, в главном корпусе института. Я был на торжественном акте; был и на обеде, данном по этому случаю городским управлением в зале Общественного собрания.

Вечером после обеда уехал в Москву заниматься в Архиве Министерства юстиции собиранием материалов для диссертации. В Москве остановился у Живаго, в их небольшом особняке на Спиридоновке, где останавливался и летом. Родители С.И. Живаго отнеслись ко мне с чрезвычайным радушием. Во время рождественских праздников уезжал на несколько дней в Киев; незадолго перед этим умер А.Я. Конисский. В Москве познакомился с некоторыми профессорами и начинающими учеными Московского университета: А.С. Алексеевым, Тарасовым, гр[афом] [Л.А.] Камаровским, [П.Н.] Мрочек-Дроздовским, [В.М.] Хвостовым, [А.Э.] Вормсом, [В.А.] Краснокутским. Еще раньше, летом, познакомился и теперь поддерживал знакомство с П.И. Новгородцевым, в то время приват-доцентом Московского университета. На его имя некоторое время брал книги в университетской библиотеки. У него познакомился с Ф.Ф. Кокошкиным. Пробыл в Москве до февраля. Заказал сделать два увеличенных Марусиных портрета: один с последней карточки – Маруся снята по пояс в черном муаровом платье, другой – с гимназической карточки – Маруся снята девочкой-подростком в форменном платье с длинной косой. Оба портрета были вставлены в рамы и висели у меня в кабинете. Сгорели.

Лето 1901 г. провели в Басандайке на даче Озориной. В одной усадьбе с нами жили Толмачева и [Л.И. и ?] Лаврентьевы, по соседству Зубашевы, недалеко Салищевы и Соболевы. К нам приезжали Женя с Волей. Я много с ними гулял по окрестностям Басандайки. Я ездил с Женей в Томск, показывал ей достопримечательности, были в университетской библиотеке, в ботаническом саду, в технологическом институте, в келье Федора Кузьмича и на его могиле. С Волей несколько раз ходил пешком в город.

Этим летом я составлял по поручению избранной Советом комиссии записку об университетской реформе. Этим же летом скоропостижно скончался Эраст Гаврилович Салищев. Из Басандайки тело перенесли в Томск в университетскую церковь. Похоронили на кладбище Женского монастыря, где уже была одна профессорская

могила [И.И.] Судакевича (за мое время прибавилось несколько новых могил – [Д.И.] Тимофеевского, [А.Е.] Смирнова, [М.Н.] Попова, [П.С.] Климентова, [В.Г.] Камбурова. Похороны Салищева были очень торжественны. Я говорил речь над гробом покойного в университетской усадьбе; кроме меня говорили Курлов, доктор [В.Д.] Добромыслов и Зубашев. Потом, по инициативе Зубашева, открыли подписку на памятник Салищеву и на образование фонда его имени. Поставили памятник простой и величественный: из черного гладкого блестящего мрамора черный крест на обломанном стволе дерева: надпись лаконическая: «Профессор-хирург Э.Г. Салищев; умер тогда-то». Учредили премию при Обществе естествоиспытателей и врачей, где покойный был первым председателем.

В конце лета В.А. Салищева ликвидировала хозяйство в Томске (мы купили на память два громадных ковра, дубовый большой буфет и большое зеркало-трюмо) и уехала с детьми в Харьков; потом переехала в Москву, В одном поезде с ней уехали в Киев Женя и Воля.

Осенью 1901 г. открылась частная женская гимназия Миркович. Маруся принимала участие в учреждении и организации гимназии и взяла уроки географии и арифметики. Учительницей немецкого языка в новой гимназии была жена инженера, помощника начальника службы пути Екатерина Германовна Кенге. Мы познакомились сначала с ней, потом с ее мужем Виктором Ивановичем и сблизились с ними.

Зимой я читал лекции и писал диссертацию. Маруся занималась в школе и возилась с детьми.

Весной университет устроил торжественной заседание, посвященное памяти Жуковского и Гоголя. Я говорил речь о жизни и деятельности Гоголя. После заседания мне подали в запечатанном конверте карточку преосвященного Макария, архиепископа Томского и Барнаульского: что, по случаю нездоровья, не мог быть на университетском торжестве и послушать меня. Пришлось в ближайшее воскресенье делать визит.

На лето (1902 г.) уезжали в Киев. <…> Я ездил в Вильно из Плиски; занимался в публичной библиотеке и в архиве. Обратно уехали в Томск прежним порядком, без прислуги. На вокзале в Межениновке нас встретил Петр Ширяев, наш бывший кучер, а теперь служитель юридического кабинета. На квартире ожидал Ал. Ник. Толмачев, которому мы оставляли ключи. Квартира была прибрана. Марья Львовна прислала нам завтрак и пригласила к себе на обед. Несколько дней обедали у

Толмачевых, пока не устроились с прислугой. Для детей взяли русскую бонну Анну Степановну, не очень удачную. Написали Наталии. Просили найти в Петрограде русскую бонну. Прислала Марью Александровну Петрову, которая пробыла у нас около двух лет.

Зимой я заболел настоящей натуральней оспой. Заразился или в окружном суде, куда ездил раз в месяц, как почетный мировой судья, на заседания уголовного отделения, или в губернском присутствии, где участвовал, по приглашению губернатора князя [С.А.] Вяземского, в заседаниях по инородческому вопросу. Лечил М.Г. Курлов и лечил чрезвычайно внимательно: почти никаких следов не осталось. М[ихаил] Г[еоргиевич] всем домашним сделал прививку; а когда я встал, была произведена под его руководством дезинфекция всей квартиры формалином. Ухаживала за мной Маруся, никаких мер предосторожности не принимала и, слава Богу, не заразилась.

Во время моей болезни умер молодой и очень талантливый профессор финансового права Петр Степанович Климентов.

20 мая 1903 г. родилась Оля. Через 2 недели ее уже крестили. Крестными были О.А. Зубашева и В.В. Сапожников; на крестинах пили шампанское (впервые, на крестинах Муси и Жени было обыкновенное хорошее вино).

После крестин уехали на Басандайку, где наняли: большую и очень хорошую дачу Усачева. Там же проводили лето и Толмачевы на даче, которую когда-то занимали Салищевы. Из Басандайки я уехал вместе с В.В. Сапожниковым и Ф.А. Павловским в Красноярск; мы совершили очень интересное путешествие вверх по Енисею до Минусинска. На обратном пути заехали на озеро Шира.

Летом 1903 г. я закончил свою магистерскую диссертацию, осенью печатал, а в январе уехал в Киев защищать ее. Диспут происходил в первых числах февраля. Осенью назначен исполняющим должность ординарного профессора.

Лето 1904 г. проводили в городе, но переехали в Ботанический сад: вместо дачи наняли на лето квартиру В.В. Сапожникова. Осенью оставили квартиру в доме Китца и переехали в свою прежнюю квартиру в дом Щепетева на Преображенской улице (Щепетев получил должность инспектора студентов с казенной квартирой в университете, и его квартира освободилась).

Зимой разыгралась история с Педагогическим о[бщест]вом.

Осенью я читал в Юридическом обществе доклады о Чехове. Весной происходили заседания Юридического общества на политические темы и с политической резолюцией; принят редактированный мной «Проект положений о земских учреждениях в Сибири».

Так как уже три года мы не уезжали из Томска, то решили уехать на более продолжительное время. Вещи перевезли в университет. Маруся условилась с Верой Петровной Соболевой, что после каникул на время ее отсутствия я буду жать у Соболевых на полном пансионе. Поехали в Киев. <…>

В начале сентября я уехал в Томск и остановился у Соболевых, где и прожил до февраля. Вспыхнула всеобщая забастовка. Остановились железные дороги. По всей России пронеслась после Манифеста 17 октября полоса черносотенных погромов. После томского октябрьского погрома я и М.Н. Соболев сделалась редакторами «Сибирской жизни». Занятий в университете не было, а проехать из Томска в Киев нельзя было. Как только восстановилось правильное пассажирское движение, уехал.

В начале февраля был в Киеве. Из Киева ездил в Москву на кадетский съезд. В конце марта уехали в Крым, До Севастополя ехали по железной дороге, от Севастополя на лошадях. Поезд в Севастополь пришел рано утром. Напились кофе. Наняли лошадей и поехали. Не останавливались нигде до Байдар. В Байдарах дали лошадям отдохнуть и отправились дальше. Вечером были в Ялте. Остановились в гостинице «Метрополь», заняли два номера: один для нас и другой для бонны и детей. Через несколько дней нашли великолепную дачу: по Левадийскому шоссе, на берегу моря, за банями Суук-су лежит обширная усадьба московского промышленника-мануфактуриста Балакина; громадный сад, цветы, фруктовые деревья. Часть сада с фруктовыми деревьями и домиком хозяина была отгорожена; отдавался внаймы верх и низ в другом домике; отдавались также две комнаты во флигеле, где жили дворники. За 100 руб. в месяц мы сняли весь верх дома: две большие комнаты, крытая большая веранда во всю длину дома, выходящая в сад, с видом на море, передняя и балкон с противоположной стороны. В комнатах только спали; пили чай, кофе, завтракали и обедали на веранде. Здесь стоял большой обеденный стол, стулья и мягкая кушетка. По желанию открывали или закрывали окна веранды, задергивали занавеси или нет. Иногда вечерний чай пили и ужинали на балконе –

балкон выходил на запад. Там вечером было светлее. Дети целые дни проводили в саду или на берегу моря. Маруся тоже часто сидела в саду; для этой цели я специально купил ей очень удобное и легкое плетеное кресло. Когда уставала, поднималась наверх и лежала на веранде на кушетке. Приехали в самом конце марта. Скоро зацвела глициния. Наша дача была вся покрыта глицинией и одно время приняла нежно-фиолетовый цвет. После глициний зацвели розы и цвели все лето. На Троицу жена дворника, прислуживавшая нам, посыпала весь пол в даче лепестками роз. Сад нашей дачи обрывом спускался к морю; за обрывом шла узкая полоса, усеянная галькой. Для того; чтобы волна не разрушала обрыв, на этой полоске сделано было заграждение из громадных камней, положенных в ряд, один за другим. В одном месте с обрыва проложена была дорожка к морю: здесь была наша купальня. <…>

Политическая жизнь била ключом: выборы в первую Думу, открытие и заседание Думы, роспуск Думы и Выборгское воззвание. Мы покупали каждый день столичные газеты, покупали юмористические альманахи; мне присылали «Киевские отклики», «Свободу и право», «Волынь», «Сибирскую жизнь». Мы уходили с Марусей в сад или располагались на веранде и читали эту газетную литературу. Я был товарищем председателя Ялтинского комитета партии народной свободы; читал доклады в устраиваемых комитетом собраниях; один раз чуть не попал под обстрел, когда полиция потребовала закрыть собрание и вызвала уже военную силу.

1 мая наблюдали любопытное зрелище: ялтинские рабочие устроили митинг на лодках против нашей дачи.

По вечерам часто ходили в городской сад слушать музыку. Нашей спутницей была соседка, жившая в соседней усадьбе, красивая и эффектная молодая дама Татьяна Ивановна Шевырева (вдова внука известного московского профессора). <…> Приезжал Н.Н. Розин. Я вместе с ним на катере ездил в Судак и в Алупку. В лунные ночи катались на извозчике: Маруся, Татьяна Ивановна, он и я. Ездили всей компанией в церковь. С разрешения и благословения Маруси я слегка ухаживал за Татьяной Ивановной. Когда Марусе нездоровилось или не было настроения, я ходил в городской сад на музыку с нею. В следующем году Маруся снова была в Ялте, отдыхала после лиманного лечения в Ялте, встречалась с Татьяной Ивановной и привезла мне большой портрет с дарственной надписью.

Во флигеле поселилась учительница из Тулы. Вместе с ними и с детьми мы ездили в Учан-су; на обратном пути были на даче Чехова; ездили с детьми в Массандру; снимались в парке.

<…>

Одновременно с нами были в Ялте Некрасовы Николай Васильевич и Анна Тимофеевна. Николай Васильевич скоро уехал. Анну Тимофеевну мы не раз навещали. Хрупкая, нежная, очень миловидная, не глупая, она страдала неизлечимым пороком – туберкулезом. Сразу чувствовалось, что не пара ей краснощекий, жизнерадостный, упитанный Николай Васильевич. Один раз к нам на дачу пришел Алексей Андреевич Раевский с какой-то незнакомой дамой. Дама оказалась женой П.М. Богаевского. Мы познакомились раньше с ее родителями и сестрами. И тоже видно было, что эта молодая, интересная урожденная княжна Львова, воспитанная в кадетских кругах, привыкшая к Москве и Парижу, дорожащая комфортом, не пара Петру Михайловичу и не поедет она за ним в Томск.

В Ялте провели больше четырех месяцев. Нам наняли квартиру в Томске, ту, которую занимали Базановы в доме Гарькина (верхний этаж). Написали Петру Ширяеву, чтобы перевез наши вещи, хранившиеся в университете. После 10 августа уехали из Ялты; до Севастополя пароходом, от Севастополя до Тулы скорым поездом. В Туле пересели на сибирский экспресс; купе было по обыкновению заранее заказано. На вокзале в Межениновке нас встретил Петр Ширяев; отвез в город. На квартире нас ждал студент Бычковский.

Снова купили лошадь и обзавелись конским хозяйством. Без лошади было трудно обойтись, т[ак] к[ак], с одной стороны, жили на окраине, а с другой стороны – я был редактором и мне часто приходилось бывать в редакции. Лошадь доставляла большое удовольствие детям. Часто катались, заезжали за мной в редакцию.

1 ноября в день моих именин было заседание Совета. Выбирали впервые проректора. Избрали нашего кандидата Н.Н. Розина. Я пригласил к себе Розина и многих наших единомышленников. Праздновали победу.

В начале следующего 1907 г. были выборы во вторую Государственную думу. Из томичей выбрали Розина и Вологодского. Устроили проводы членов Думы. В отдельном кабинете в гостинице «Россия». Была вся наша компания, в том числе Маруся и я.

Лето 1907 г. проводили в городе. Я редактировал газету и не мог уехать. Марусе нужно было подлечиться на лимане; уехала в Одессу; взяла курс лиманного лечения; из Одессы уехала на отдых в Ялту, где жила в гостинице «Джалита». Выписали из Киева Надю, которая пробыла у нас, пока Маруся была в отсутствии. Я же приступил к собиранию материалов для «Кровавой мести и смертных казней».

Осенью был обыск в редакции «Сибирской жизни» по распоряжению губернатора барона Нолькена. Хотя ничего решительно компрометирующего не нашли, тем не менее закрыли «Сибирскую жизнь» на три недели. Издавалась «Сибирская мысль» под редакцией М.Р. Бейлина. Зимой были выборы в третью Государственную думу. Меня избрали выборщиком от Томска. Предлагали баллотироваться в депутаты. Я отказался в пользу Н.В. Некрасова, который и был избран.

Еще зимой факультетом и Советом [Томского университета] возбуждено было ходатайство о разрешении мне годичной командировки. Так как за 10 лет службы в Томском университете я ни разу не пользовался долговременной командировкой, то был уверен, что ходатайство будет удовлетворено. Поэтому, не ожидая ответа из министерства, ликвидировали свое томское хозяйство, вещи перевезли в университет, а сами уехали в Петроград, предполагая оттуда проехать на рижское побережье и там прожить каникулы. В Петрограде остановились у Натали. Я пошел в министерство, где узнал, что согласно заключению попечителя [Л.И.] Лаврентьева ходатайство о моей годичной командировке не удовлетворено. Но министр [А.Н.] Шварц, по моей просьбе, разрешил мне командировку до половины октября.

Лето (1908 г.) провели в Бильдерлиннгсгофе около Риги. <…>

Я этим летом привел в исполнение мое давнишнее желание побывать за границей. В Риге купил круговой билет 2[-го] класса. Заплатил всего только около 150 р[уб]. Маршрут был такой: Рига – Берлин – Дрезден – Лейпциг – Кельн – Майнц – Кельн (по Рейну) – Париж – Женева – Лозанна – Люцерн – Цюрих – Вена – Варшава – Рига. Всего пробыл за границей около месяца. Видел очень много. Привез много открыток, альбомов и, конечно, гостинцы Марусе и детям. Ездил налегке: небольшой купленный в Риге специально для этого саквояж, в нем две перемены белья и надувная резиновая

подушечка да плед. Вот и все. По приезде в какой-нибудь город шел пешком в ближайшую к вокзалу гостиницу, оставлял там вещи и целые дни бродил с путеводителем в руках. В Берлине исходил все главные улицы, был в Тиргартене, в Зоологическом саду, в Цейхгаузе, в музеях, в королевском театре на опере «Лоэнгрин»; в Дрездене – в знаменитой картинной галерее, в королевских дворцах, на выставках картин, в городском саду; в Саксонской Швейцарии; в Кельне любовался величественным Кельнским собором, осматривал старый город с его узенькими, кривыми уличками и новый город с бульварами, площадями, широкими улицами и грандиозными домами; проехал по Рейну от Майнца до Кельна; в Париже был в универсальном магазине, в Лувре, в Булонском лесу, поднимался на Эйфелеву башню, спускался под землю и ездил на метрополитене, в гранд опера смотрел и слушал того же Лоэнгрина проехал в Версаль, видел «залу мячей»; в Швейцарии ездил по Женевскому, Фирвальштеттерскому и другим озерам, подымался на вершины гор; в Вене был в храме Святого Стефана, в музеях, на Пратере; заходил в кафе и рестораны, пил пиво в Германии, вино в Париже, кофе повенски в Вене, кофе с медом в Германии и Швейцарии.

В конце лета поехал в Петроград; вместе с Наталей принялся за поиски квартиры. Решили, что Маруся год проживет в Петрограде и что старших детей Мусю и Женю отдадут в гимназию Стоюниной. А потому квартиру искали недалеко от гимназии, в районе Загородного проспекта. Нашли на Подольской улице, между Загородным и Клинским проспектами подходящую квартиру из 4 комнат и кухни; все удобства - ванная, электрическое или газовое освещение по желанию, не высоко – 3[-й] этаж; и цена сравнительно невысокая – 65 р[уб]. в месяц. С помощью Натали купил необходимую обстановку – кровати, столы, стулья, шкаф, гарнитур мягкой мебели, электрическую арматуру; выбрал обои. Через неделю квартира была готова. К 15 авг[уста] мы переехали в Петроград. Маруся купила посуду, нашла прислугу; потом нашли бонну для детей; к нашему сожалению, рижская бонна не решилась ехать в Петроград. Детей отдали в гимназию Стоюниной.

В начале октября заболела Муся. Вызвали Наталю. Определили – аппендицит; посоветовали немедленно делать операцию. В тот же день отвезли в Биржевую лечебницу, а на следующий день известный хирург Домбровский делал операцию; Наталя ассистирова-

ла. Маруся осталась с Мусей в лечебнице. Женю и Олю переселили временно к Натале. Я один остался в квартире с прислугой. Мог пробыть в Петрограде только несколько дней после операции. В лечебницу, конечно, ездил каждый день. Когда убедился, что опасности никакой нет, уехал в Томск.

В Томске жил у Соболевых, печатал «Кровавую месть и смертную казнь». К декабрю первый выпуск был готов. На рождественских каникулах приехал в Петроград, В Юридическом обществе читал доклад о «Кровавой мести и смертной казни»; на докладе были мама, Гуревичи и Маруся,

Весну 1909 г. прожил у Зубашевых в технологическом институте. Печатал вторую часть «Кровавой мести и смертной казни». В Томском юридическом обществе читал доклад о смертных казнях. К Пасхе вторая часть уже была напечатана. Посвятил ее «Жене и детям», так как тут формулировал святая святых своих политических и научных убеждений.

Весной 1909 г. было торжество по случаю 100-летия со дня рождения Гоголя. Я читал речь об «Общественном значении литературной деятельности Гоголя». Речь тщательно обработал, читал с подъемом, произвел впечатление. Под этим свежим впечатлением О.А. Зубашева написала Марусе в Петроград восторженное письмо.

Лето 1909 г. провели в окрестностях Вендена Лифляндской губернии, недалеко от Риги. <…> У нас была прекрасная дача: особняк с большим садом, расположенным на откосе горы. За садом луг, потом река, за рекой лес. Громадный резервуар чистого воздуха. Живописная местность. Вблизи нашей дачи на горе стояла скамейка. Это место называлось Königsthl; отсюда открывался чудный вид вдаль.<…>

1909–1910 учебный год прожил у Зубашевых на Черепичной ул. в доме Богашева. Работал над книгой «Русские писатели-художники о смертной казни». Читал публичную лекцию «Начальная страница из истории русской интеллигенции».

Осенью уезжал в Петроград на выборы членов в Государственный Совет.

Рождественские праздники тоже провел в Петрограде. В Сибирском собрании читал доклад «Сибирь и культура». В Литературном обществе (под председательством В.Г. Короленко) читал доклад «Русские писатели-художники о смертной казни».

На лето 1910 г. уезжали в Евпаторию. До Симферополя доехали по железной дороге; от Симферополя на лошадях. Потом нашли дачу: две комнаты и веранда в большем абрикосовом саду. Много купались. Оля ходила на детский пляж. Маруся лечилась грязями в Майнаках. <…>

1910–1911 учебный год жил у [А.И.] Малкова в технологическом институте. По требованию министерства официально отказался от редактирования «Сибирской жизни». Был избран деканом, но не утвержден. Скоропостижно умер А.Е. Смирнов.

Перед рождественскими каникулами, раньше обыкновенного, уехал в Петроград, так как получил от Маруси телеграмму о том, что Муся заболела брюшным тифом. Когда приехал, опасность уже прошла.

Маруся прожила в Петрограде с детьми три года. Предполагала поселиться на один только год, но так понравилась гимназия Стоюниной и так пришлась по душе вообще жизнь в Петрограде, что за первым годом последовал второй, а за вторым третий. Конечно, не могло быть тех житейских удобств, какие были в Томске, но все-таки и Маруся и дети были окружены достаточным комфортом. Поместительная, теплая солнечная квартира с электрическим освещением, ванной и телефоном, две прислуги и третья бонна. Я присылал ежемесячно по 300 рублей; по тому времени это была сумма порядочная; кроме того, приезжая в Петроград, я привозил всегда довольно много денег и тратил без счета. Недоставало нашей великолепной томской библиотеки; в особенности она пригодилась бы теперь, когда дети подросли и почувствовали вкус к чтению; отчасти этот недостаток восполнялся тем, что я записался в ближайшей частной библиотеке, из которой Маруся брала журналы для себя и книги для детей.

С приездом Маруси в Петроград совпал женский съезд, Маруся посещала заседания съезда. Затем она записалась в члены женского клуба; посещала вечера, устраиваемые клубом, записалась также в члены Сибирского собрания. Бывала на заседаниях Государственной думы, на публичных лекциях, на интересных заседаниях ученых обществ <…>. Посещала концерты и театры; между прочим, прослушала цикл вагнеровских опер в Мариинском театре; была на гастролях Московского художественного театра.

<…>

Я приезжал в Петроград на рождественские каникулы и на летние каникулы; один раз, кроме того, приехал на выборы членов Государственного Совета; а один раз на летние каникулы приехал уже перед Пасхой. Зимой всегда привозил рыбу – нельму и муксуна – и икру. Покупал всего около пуда; завязывал в рогожу и сдавал в багаж. В холодном вагоне на морозе рыба в прекрасном виде доезжала до Петрограда. Но тут скоро могла испортиться, потому что хранить было негде. Поэтому на третий или четвертый день привезенную рыбу отваривали и приглашали гостей «на нельму и муксуна».

<…>

Когда приезжал в Петроград, часто ходили в театр – всей семьей и вдвоем с Марусей. Были с Марусей в Мариинском театре на «Борисе Годунове» (в ложе учительниц Стоюнинской гимназии), когда весь хор, артистки и артисты, в том числе Шаляпин, пели гимн на коленях перед царской ложей. Шаляпин, как всегда, играл неподражаемо. В театре особенная публика: царь, царица, много великих князей и княгинь, министры, члены Государственного Совета, дипломаты, генералы. После того действия, в котором Годунов поет арию «Достиг я высшей власти…», вызывали Шаляпина и поднесли громадный венок; Шаляпин отвесил русский поклон в сторону царской ложи, потом поклонился публике. Занавес опустили. В партере раздалось несколько голосов «гимн, гимн». Подняли занавес. На сцене уже были хор артистки и артисты. Пропели гимн. Занавес. Крики «bis». Пропели второй раз. Снова крики «bis». Когда на этот раз подняли занавес, то все бывшие на сцене уже стояли на коленях, в таком положении исполнили гимн в третий раз.

Были в том же Мариинском театре на «Сказании о граде Китеже». Опера длинная. Но мы так были очарованы гениальной музыкой Римского-Корсакова, что не заметили, как просидели около пяти часов подряд. Мечтали о том, чтобы еще раз послушать. Но не удалось. Почему-то не ставили больше.

Посещали спектакли Художественного театра, когда он приезжал в Петроград. Мы с Марусей были на «Братьях Карамазовых», «Miserere», «У жизни в лапах», «Дяде Ване», «Вишневом саду». Кроме того, Маруся была без меня на «Синей птице» и др. Были с Марусей на концерте Плевицкой в Дворянском собрании. Были на выставках картин, на выставке художественной промышленности, в музее Александра III.

Лето 1911 г. провели на Сиверской. Красивая двухэтажная дача стояла на горе около р. Оредежа; мы занимали верх, Ратновские низ. В той же Сиверской, в собственной даче жили Жижиленки; мы с ними познакомились. На Мусины именины (22 июля) ездили в Финляндию. С Волей ездили на выставку в Царское Село.

Решили ехать в Томск. Узнали, что освободилась квартира, в которой жили Толмачевы, по Бульварной улице против технологического института в доме Брик. Послали управляющему конторой «Сибирское жизни» Тернеру телеграмму о том, что просим нанять эту квартиру для нас. Потом послал письмо Петру Ширяеву, что приедем тогда-то и что прошу к приезду перевезти наши вещи на новую квартиру. Получил ответ: «Все будет сделано, квартира очень хорошая; одно только сомнительно, что во дворе баня». Я знал об этом, но знал также, что в этой квартире жили Толмачевы, жил вице-губернатор, потом полицеймейстер, а в последнее время помещалась канцелярия сенаторской комиссии. Думалось, что, вероятно, приняты все противопожарные меры.

Летом 1911 г. получил письмо от М.Н. Соболева. Сообщал, что по слухам, прокуратура предполагает привлечь меня к ответственности по 129[-й] статье за книгу «Кровавая месть и смертная казнь». Я написал П.В. Вологодскому и члену окружного суда Н.Н. Шаблиовскому: просил проверить эти слухи. Получил ответ, что слухи верны, мое дело находится у прокурора.

Накануне отъезда проходил мимо дачи Жижиленок. Узнал неприятную новость: министр Кассо предложил М.Я. Пергаменту перевестись из Петроградского университета в Юрьевский, угрожая увольнением в случае несогласия. (Впоследствии М[ихаил] Я[ковлевич] был уволен, т[ак] к[ак] не согласился на перевод.) Это были неприятные предзнаменования.

Приехали в Томск 26 августа. Все вещи уже были перевезены – и те, которые хранились в университете, и те, которые были отправлены малой скоростью из Петрограда после ликвидации петроградской квартиры. Перевезены были и книги – 25 ящиков. Раньше, когда жили в Томске, я страховал имущество; перестал страховать, когда после переезда Маруси с детьми в Петроград вещи оказались в безопасном в пожарном отношений месте – в университетских подвалах. Нужно было перестраховать. Но не успел: приехали 26-го; следующий день, 27-го – суббота, прошел в разных спешных хлопотах, а дальше следовали три дня праздника.

Наняли прислугу. Начали разбирать вещи. Распределили комнаты. В воскресенье 28-го мы с Марусей днем делали визиты. Вечером после чаю, когда дети улеглись спать, я вскрыл ящики с посудой. Много посуды у нас было и раньше; в Петрограде Маруся прикупила у Кузнецова чайный и обеденный сервизы. У Салищевых мы купили большой дубовый украшенный резьбой буфет. Легли спать поздно, во втором часу ночи. Утром, когда мы еще спали, раздался резкий стук в дверь. Стучали Муся и Женя. «Вставайте, во дворе пожар». Я бросился в столовую к окну во двор. Из окон бани, которая находилась в нескольких саженях от дома, шли густые клубы дыма, показывался и огонь. «Забирай детей и уезжай к Соболевым», – сказал я Марусе. Минут через пять Маруся уже уехала. Я поспешно обошел все комнаты. Бросил в корзину Марусино новое платье, в котором она накануне делала визиты, захлопнул крышки корзин с платьем и бельем, стоявшие на полу; захватил в карман часы свои и Марусины и еще какие-то мелочи, схватил в руки чемодан и бросился на улицу. Мимо меня вбежали в квартиру какие-то незнакомые люди, схватили, что попало под руки, и тоже вынесли на улицу. Хотел пробраться в квартиру еще раз и еще что-нибудь вынести. Но уже нельзя было. Стекла в окнах лопнули, и вся квартира наполнилась едким дымом. Я остался на площади перед домом; около меня стояли прислуги – горничная и кухарка, успевшие вынести все свои пожитки. Из нашего имущества вынесли корзины и чемоданы с бельем и платьем, два сундука, Марусин письменный стол, средний ящик моего письменного стола, два-три стула, мой диван и подаренный мною Марусе книжный шкаф.

Пожарная команда, для того, чтобы локализировать пожар, усердно поливала дом водой со стороны бани. Баня превратилась в пылающий костер; дул довольно сильный ветер; до того времени недели две уже не было дождя, а дом деревянный, окрашенный масляной краской. Отстоять дом не было возможности. Я видел, как на углу под крышей показались языки огня и как змейками огонь пошел быстро по всему верхнему этажу (где была наша квартира). Всего через полчаса после этого от довольно большого дома в два с половиной этажа остались только обгорелые кирпичные стены полуподвального этажа да кирпичные столбы в тех местах, где были печки. Сгорело еще несколько домов, стоявших рядом с усадьбой Брик.

Погибло все наше имущество: мебель, буфет с посудой, ножами, ложками, кровати о подушками, простынями и одеялами; новая обувь, заказанная в Петрограде для всех по паре и уже вынутая из корзин; пианино, перевезенное из Томска в Петроград и теперь снова водворенное на место жительства («для того, шутил Медлин, чтобы на родине умереть»); зеркальный шкаф, купленный а Петрограде и весь наполненной всякой всячиной. А главное, погибла библиотека, прекрасная библиотека с богатым подбором книг. Мы так о ней мечтали, когда ехали в Томск. Когда уже горела наша квартира, я все же надеялся, что, авось, уцелеет хоть часть библиотеки; ящики с книгами стояли один на другом на площадке в передней; думал, что когда загорится площадка, ящики провалятся вниз, что книги – плохой горючий материал. И эта надежда не оправдалась. На другой день после пожара мне принесли лишь несколько обгорелых книг, найденных на месте пожарища. Погибло и то, что невознаградимо: фотографии, книги с автографами, некоторые мои рукописи. Правда, уцелело самое главное: рукопись докторской диссертации; Маруся, прежде всего, вспомнила о ней и захватила с собой вместе со своим чемоданчиком, в котором были золотые и серебряные вещи, когда уехала к Соболевым.

Спасенные вещи перевезли в технологический институт. В новую квартиру всего несколько дней тому назад ввезли наше имущество на шестнадцати подводах; то, что уцелело, поместилось теперь свободно на одной подводе. Я пришел к Соболевым и сказал Марусе: «Ну, начнем сначала».

На пожар сбежался весь город. Было много знакомых. Выражали свое сочувствие, предлагали свою помощь. Мы решили воспользоваться приглашением Елизаветы Исааковны Обручевой и переселились к ней в казенную квартиру в технологическом институте. Прожили здесь около недели. Встретили очень радушное и предупредительное отношение к себе.

Уже в день пожара я получил записку от Гарькина. Писал, что слышал о постигшем меня «маленьком несчастии» и предлагает охотно освобождавшуюся квартиру в его доме внизу (там жил проф. Муратов, который уезжал в Москву). Мы знали эту квартиру, там жили Соболевы, потом Капустины, знали дом Гарькина и усадьбу, так как раньше прожили два года наверху. Мы воспользовались приглашением и наняли квартиру в доме Гарькина.

Мы еще не успели обзавестись собственным хозяйством. Добрые люди нам помогли. Е.И. Обручева, В.П. Соболева, С.А. Сапожникова прислали все самое необходимое – кухонную столовую и чайную посуду, столы и т.п. Понемногу стали обзаводиться хозяйством. Заказали мебель подушки, купили одеяла, купили пианино (Шредера) и т.п. Жизнь начала входить в нормальную колею.

Но… «пришла беда, отворяй ворота». В начале октября заболела Оля Пришлось делать операцию (аппендицит). После операции Маруся осталась с Олей в лечебнице Красного Креста. В это время я получил телеграмму из Петрограда от Покровских. Бегло взглянув на текст телеграммы и заметив слово «сочувствие», думал, что до них дошла весть о пожаре или об операции. Оказалось не то: Покровские выражали сочувствие по поводу моего увольнения из университета и надежду на скорое наступление лучших времен, когда я снова вернусь к академической деятельности. Этого я никак не ожидал. Но сомнения быть не могло. Покровские – люди очень осторожные и чуткие; не имея достаточных оснований, такой телеграммы не прислали бы. Я поехал в общину Красного Креста, подготовил Марусю к этой неприятной вести, потом показал телеграмму. Вечером прибежал встревоженный М.Н. Соболев, в то время редактировавший «Сибирскую жизнь»: в редакции получена телеграмма Н.В. Некрасова о моем увольнении. Но он не решился пока, без моего согласия, печатать ее. Я телеграфировал Некрасову, просил сообщить точный текст приказа об увольнении; получил ответ: «По случаю причисления к Министерству народного просвещения увольняется от должности профессор Томского университета такой-то». Я был у попечителя Лаврентьева. Тот не скрывал, что увольнение состоялось по его докладу, что причина – вся моя деятельность – профессорская, политическая и литературная, а ближайший повод – привлечение к ответственности по 129[-й] статье. Потом была у Лаврентьева Маруся; он выражал ей сочувствие по поводу пожара, но сказал, что пока он занимает должность попечителя Западно-Сибирского учебного округа, не быть мне профессором Томского университета.

В начале декабря меня вызвали в камеру судебного следователя. Впоследствии я узнал, что моей книгой «Кровавая месть и смертная казнь» заинтересовался казанский губернатор, который сообщил в Главное управление по делам печати о «крамольном» содержании.

Главное управление предписало местному инспектору по делам печати, бывшему цензору привлечь меня к ответственности по 129[-й] статье. В то время 129[-я] статья была в большой моде. Привлекали писателей, общественных деятелей. Между тем в Западной Сибири до сих пор еще не было ни одного дела по 129[-й] статье и вообще не было громких политических процессов. Прокурор Омской судебной палаты [В.В.] Едличко решил воспользоваться случаем и из моего дела создать громкий политический процесс. Томская прокуратура, инспирированная Едличкой, дала соответствующие инструкции судебному следователю, и судебный следователь уже составил акт о привлечении меня к ответственности по 1[-му] пункту 129[-й] статьи. Меня вызвал следователь для того, чтобы я дал свои объяснения по поводу его постановления. Я собственноручно написал длинное объяснение на нескольких листах бумаги: доказывал, что пункт 1 статьи 129 тут совершенно неприменим. Следователь рассказывал потом, что я дал очень обстоятельное, исчерпывающее и вполне убедительное объяснение. Тем не менее товарищ прокурора [М.А.] Китц, ловкий делец, старавшийся сделать карьеру именно на политических процессах, составил обвинительный акт: я привлекался к ответственности по 1[-му] и 2[-му] пунктам статьи 129.

Обстановка было крайне неблагоприятная. В Петрограде, в Москве и в других городах по 129[-й] статье обыкновенно выносили обвинительные приговоры; практика выработала уже и готовый шаблон для писателей: год крепости. Вскоре после составления обвинительного акта заехал ко мне присяжный поверенный С.В. Александровский, бывший член Окружного суда, и сообщил следующее: был он у председателя суда гр[афа] Подгаричани-Петровича на вечере по случаю приезда сессии судебной палаты; начался разговор о моем процессе, граф сказал: «Ужасно неприятное дело; судить человека, которого мы все знаем, который в течение 8 лет был в нашей среде в качестве почетного мирового судьи; а между тем обвинительный приговор неминуем; благодаря сенатским разъяснениям оправдать никак невозможно; самое лучшее, чтобы он уехал куда-нибудь далеко: будем рассылать повестки, а там подоспеет и манифест». Говоря это, граф в упор смотрел на Александровского, и Александровский понял так, что должен меня предупредить. Я не согласился никуда уезжать.

Защитниками своими я пригласил присяжного поверенного М.Р. Бейлина и профессора Н.Н. Розина. Мы тщательно подготови-

лись, распределили роли. Напротив, обвинение было построено слабо. Составитель обвинительного акта Китц, обидевшись на то, что его недостаточно ценят; ушел в адвокатуру. Два товарища прокурора Томского участка под благовидными предлогами отказались от обвинения. Предполагал обвинять сам прокурор [С.Г.] Дубяго, в полном смысле слова дубина, попавшая в прокуроры благодаря своим связям в высших правительственных сферах. Но дня за два до разбора дела приехал из Барнаула молодой товарищ прокурора Зеленин, бывший студент Томского университета, мой слушатель. Предложили ему обвинять, и он согласился. Говорил своим университетским товарищам, что ему неудобно было отказаться, хотя понимает, как неприятна и тяжела его роль. Однако вошел во вкус и обвинял не за страх, а за совесть.

Судил Томский окружной суд с участием основных представителей; председатель суда Подгоричани-Петрович, член суда [Я.И.] Семенов (докладчик), член суда [М.А.] Лалетин (бывший товарищ прокурора, тип глупого чиновника в судейском мундире), почетный мировой судья князь Н. Трубецкой (добродушный мягкий человек, ж.-д. служащий, помощник городского головы Ив[ан] М[ихайлович] Некрасов (один из лидеров местного союза русского народа) и волостной старшина. Разбор дела был назначен на вербную субботу (кажется, 24 марта). Открыв заседание, председатель заявил, что дело будет слушаться при закрытых дверях, что могут присутствовать только члены судебного ведомства, в том числе адвокатура, и сверх того, три лица по моему выбору. Я просил разрешить остаться в зале Марусе, Юрию (брату Маруси, приехавшему из Ново-Николаевска специально на процесс) и М.Н. Соболеву.

Прочитали обвинительный акт. Защита заявила, что обвинительный акт в 8 пунктах содержит в себе заведомо ложные утверждения и просила суд разрешить ей доказать это. Товарищ прокурора запротестовал. Суд вышел в совещательную комнату и вынес резолюцию: отказать. И этот отказ и та суровость, с какой держал себя суд, показывали, что исход дела предрешен и пощады ждать нельзя. Постепенно настроение суда изменялось. Этому, помимо своего желания, содействовал Зеленин. Он не успел ознакомиться с делом, а потому ходатайствовал об оглашении на суде некоторых мест из моей книги; а так как книги не читал, то назвал около 100 страниц, подлежащих оглашению. Защита не только не протестовала, а, наобо-

рот, ходатайствовала со своей стороны об оглашении некоторых мест, и именно таких мест, которые говорят в мою пользу и против обвинения. Началось чтение моей книги. Читали по очереди члены суда – Семенов и Лалетин. Защита обращала внимание суда на некоторые фразы, выражения, мысли: просила занести в протокол эти мысли и их формулировку. Чтение продолжаюсь целый день до вечера. Перед судьями все яснее и яснее обрисовывался общий тон книги: протест против всякого насилия – и слева и справа, и сверху и снизу. Все яснее и яснее становилось, что в книге нет пропаганды революционных разрушительных идей, что пропагандируется лишь идея уважения к человеческой личности, идея святости и неприкосновенности человеческой жизни. И по мере того, как это выяснялось, изменялось настроение судей. Изменялась и вся атмосфера в суде (судебные курьеры и канцелярские служащие всячески начали оказывать мне знаки внимания, относились не как к подсудимому, которого ждет строгая кара, а как к почетному гостю. Исчезла суровость судей. Формально осталось в силе постановление о том, что дело слушается при закрытых дверях, но была открыта дверь в соседнюю с залой заседаний комнату и там сидела публика (между прочим М.Р. Бейлин).

Вечером начались прения сторон. Товарищ прокурора Зеленин поддерживал обвинение в пределах обвинительного акта и требовал высшей меры наказания, так как обвиняемым является профессор, наставник учащейся молодежи, который должен с особенной осторожностью относиться к своим поступкам. Со стороны защиты первым говорил Н.Н. Розин. Он произнес длинную, красивую, академическую речь; выяснил смысл 129[-й] статьи; указал на то, что моя книга – научный труд, продиктованный, с одной стороны, научной любознательностью, с другой стороны, высокими идеями христианской любви к человеку, и сделал тот вывод, что в данном случае 129[-я] статья совершенно неприемлема. Судьи слушали с напряженным вниманием. Речью Н.Н. Розина закончился первый день суда. Было поздно. Объявили перерыв до 10 часов следующего дня. Говорил М.Р. Бейлин; вступил в полемику с товарищем прокурора, разбил все его аргументы, остроумно высмеял отдельные места его речи; от обвинения осталось пустое место. Товарищ прокурора Зеленин имел неосторожность выступить еще раз; это дало возможность защите еще раз демонстрировать перед судом тупость това-

рища прокурора и полную необоснованность и тенденциозность обвинительного акта. Последнее слово было предоставлено мне. Я говорил о том, что как ученый-исследователь привык искать научную истину; как университетский преподаватель привык говорить правду и только правду. В своей книге, которая привела меня на скамью подсудимых, я сказал правду о тех явлениях окружающей действительности, которые окутаны кровавой атмосферой. Сказал то, что мне подсказывала моя научная совесть. Какой приговор меня ожидает здесь – я не знаю. Но знаю, что история меня оправдает.

«Совсем, как лекцию читает», – говорили сидевшие рядом с Марусей молодые адвокаты, мои ученики. А один прибавил: «Будет оправдан». «Почему вы думаете?», – спросила Маруся. «Посмотрите на председателя: кивает головой в знак согласия; это хороший признак».

Судебное следствие кончилось. Суд удалился в совещательную комнату, чтобы постановить приговор. Совещались около двух часов. Собралось много знакомых. Со мной заговаривали, но чувствовалась какая-то осторожность, боязнь разбередить рану, неосторожно причинить боль. Я ходил по длинным коридорам суда. Старался думать о чем-нибудь нейтральном, постороннем. Но одна мысль засела в мозгу, и нельзя было освободиться от нее: если «осудят», как быть тогда? что будет с Марусей? с детьми?

Из совещательной комнаты вышел секретарь. Подбежал к Бейлину. Бейлин ко мне: «Оправданы, пока не говорите никому». Через две минуты раздался звонок. Публика повалила в залу заседания. «Прошу встать. По указу его Императорского Величества...» – начал председатель… «Оправдательный приговор», – шепнул П.В. Вологодский Марусе. «У нашего председателя особая манера читать оправдательные и обвинительные приговоры». Председатель окончил. Начались поздравления. По телефону сообщили домой детям. Оправдательный приговор постановлен большинством четырех голосов: Подг[оричани]-Петрович, Семенов, кн[язь] [Н.Н.] Трубецкой и волостной старшина) против двух – Лалетин и Некрасов).

Известие об оправдании быстро разнеслось по городу. Звонили к нам на квартиру по телефону, просили передать привет и поздравление, спрашивали, где мы. А мы из суда отправились вместе с защитниками и всеми бывшими при объявлении приговора в гостиницу (не помню, в «Европу» или в «Россию»), заняли большой кабинет и устроили импровизированный банкет; некоторые были вызваны по

телефону, некоторые сами пришли. Говорились речи, предлагались тосты за нас, за наших защитников, за правый суд. Все расходы по банкету мои защитники приняли на свой счет. В тот же вечер и в следующие дни я начал получать поздравительные телеграммы – городские и иногородние; были телеграммы даже от малознакомых людей: между прочим, коллективную телеграмму прислали томские молодые адвокаты, другую – студенты третьего курса.

После Пасхи был составлен (членом суда Семеновым) мотивированный приговор. В приговоре приведены мотивы, в силу которых 1[-й] и 2[-й] пункты статьи 129 в данном случае неприемлемы, а в заключение указывалось на то, что суд не нашел возможным осудить автора книги, в которой проводятся высокие начала христианской нравственности. Приговор окончательный, и так как все законные формальности были соблюдены, то можно было ожидать, что он не будет отменен и вступит в законную силу. Но вышло не так. Когда сообщили по телеграфу Едличке в Омск об оправдательном приговоре, он предписал прокурору Дубяге подать кассационный протест и для подробных инструкций прислал в Томск одного из своих товарищей. Протест был составлен до такой степени безграмотно юридически, что Розин сказал: «Если бы студент-юрист обнаружил на экзамене такое невежество, как составитель кассационного протеста, я бы поставил ему единицу». Составитель протеста оспаривал правильность приговора по существу, на что не имел никакого права.

По своей простоте и наивности я думал, что Сенат, конечно, протеста не уважит, и приговор войдет в законную силу. Поехал на разбор дела в Сенат. Защитником пригласил проф. М.П. Чубинского. М.П. сказал, что нужен еще один защитник-юрист-практик – [М.Л.] Гольдштейн или [О.О.] Грузенберг, лучше Грузенберг. М.Я. Пергамент через посредство редактора «Речи» [В.М.] Гессена устроил так, что Грузенберг согласился и назначил мне свидание. Я пришел к нему, изложил сущность дела. Когда только заикнулся о гонораре, Грузенберг замахал руками и сказал, что об этом не может быть и речи, что он считает своим долгом оказать посильную помощь отданному под суд по политическому делу, да к тому же уволенному от должности профессору. В дальнейшем разговоре Грузенберг как будто бы вдруг неожиданно вылил на голову ушат холодной воды: сказал что, конечно, дело бесспорное, но оно будет решаться не с точки зрения права, а с точки зрения видов правитель-

ства; весь вопрос в том, желают меня осудить, или нет; нужно создать вокруг дела такую атмосферу, чтобы не было желания во что бы то ни стало осудить. Грузенберг сказал, что пустит в ход свои связи, что нужно, чтобы то же самое сделали я и [М.П.] Чубинский, По моей просьбе Наталя была у И.Я. Фойницкого (она недавно с ним познакомилась, крестила у какого-то знакомого лаборанта и была его кумой), оставила ему приговор и протест; Фойницкий написал Натале, что протест совершенно несостоятелен и что, конечно, приговор Томского суда не будет отменен. Я был в Академии наук у Н.А. Котляревского (по совету И.А.Покровского). Н[естор] А[лександрович] устроил так, что три академика, пользовавшиеся влиянием в высших сферах (имен их Н[естор] А[лександрович] мне не назвал), написали коллективное письмо министру юстиции [И.Г.] Щегловитову, обращали его внимание на то, что привлечение меня к ответственности за книгу научного содержания является нарушением свободы научного исследования. Был у Н.В. Некрасова. Он накануне процесса подошел в кулуарах Государственной думы к Шегловитову и заговорил о моем деле; Шегловитов сказал, что дело идет судебным порядком, что суд пользуется полной самостоятельностью и никакое давление на суд, в особенности на высшую судебную инстанцию – на Сенат недопустимо. Нужно узнать, кто войдет в состав присутствия Сената по моему делу: те, которые способны судить по закону и по совести, или те, которые будут судить, как начальству угодно. Дал мне письмо к обер-секретарю Сената [Р.О.] Гоувальту. Тот сообщил список сенаторов: [Н.З.] Шульгин (председатель), [М.О.] Гредингер (докладчик, выкрещенный еврей, карьерист), [А.Н.] Кривцов и [А.А.] Глищинский. Обычный состав для политических процессов, обыкновенно выносивший обвинительные приговоры. Н.С. Таганцев обещал переговорить с Глищинским.

На разборе дела в Сенате были – Наталя, профессор Юридической академии [В.Д.] Плетнев и профессор, князь [С.А.] Друцкой. Докладчик Гредингер слишком уж подчеркнул свое тенденциозное отношение к моему делу. Полностью прочитал обвинительный акт, составленный Китцем, и, наоборот, лишь в кратком извлечении познакомил Сенат с мотивированным приговором суда; в заключение хлопнул делом по столу и сказал: «И по такому делу Томский суд оправдал Малиновского». Между прочим, Гредингер вступил в полемику с Томским судом: в числе мотивов в пользу оправдания суд

указал на то, что мое сочинение напечатано с одобрения факультета и Совета Томского университета в «Университетских известиях», что тот том «Известий», в котором напечатано мое сочинение, через министра народного просвещения был поднесен Государю Императору, как почетному члену Томского университета, и Государю Императору угодно было принять и благодарить. Гредингер обратил внимание Сената на то, что будто бы Государю были поднесены только две части сочинения, а третья часть, которая главным образом мне инкриминируется, у Государя не была.

Грузенберг и Чубинский произнесли блестящие речи, до такой степени убедительные, что, казалось, не было никакой возможности отменить оправдательный приговор. В частности, Грузенберг указал на то, что докладчик ввел Сенат в заблуждение: книга Малиновского состоит из трех частей и напечатана в виде двух выпусков; оба выпуска поднесены Государю Императору, как об этом свидетельствует имеющаяся в деле официальная справка ректора Томского университета.

По другим делам, разбиравшимся в тот же день, Сенат, не уходя в совещательную комнату, читал заранее приготовленные приговоры. По моему делу тоже уже был заранее заготовлен приговор, согласно протесту: отменить приговор Томского суда и сделать суду замечание. Канцелярия суда известила об этом Грузенберга. Но было бы большим цинизмом прочитать без совещания такой приговор; даже Сенат времен [И.Г.] Шегловитова не пошел на это. Сенаторы ушли в совещательную комнату и там оставались больше двух часов. Передавали, что сенатор [А.Н.] Кривцов (аристократ, крупный землевладелец) кричал на Гредингера: «Это недопустимо, чтобы адвокат публично уличал сенатора в искажении фактов». Прямо отменить приговор нельзя было; слишком было очевидно, что не было признаков преступления, предусмотренного п.п. 1 и 2 статьи 129. Оставить приговор в силе тоже, очевидно, не могли. Как же быть? Думали, думали и придумали: приговор отменить и поручить Омскому суду судить меня по 3[-му] и 4[-му] п.п. той же 129[-й] статьи.

Когда дело поступило в Омский суд, я написал своему знакомому омскому нотариусу [И.Л.] Усановичу (бывшему в Томске мировым судьей), просил узнать и сообщить, каково настроение судей. Получил ответ; раз Сенат отменил оправдательный приговор, то суд обязан обвинить, иначе подвергнется дисциплинарной ответствен-

ности; речь может идти только о том, чтобы по возможности смягчить наказание.

Суд происходил в октябре или в ноябре. Судили: председатель, член суда [В.Э.] Шух, еще два члена суда, почетный мировой судья (отставной генерал), омский городской голова и станичный атаман. О председателе Шухе мне говорили, что это очень богатый человек, миллионер, и потому может проявить самостоятельность и смелость. Но оказалось, что бюрократические инстинкты взяли верх. Сразу видно было, что приговор предрешен; судьи (коронные) совершенно равнодушно слушали моего защитника М.Р. Бейлина и меня. Совещались страшно долго – целых четыре часа. Секретарь рассказывал потом, что происходило в совещательной комнате: генерал первый подал голос за оправдание; к нему присоединились городской голова и станичный атаман; коронные судьи указывали на то, что оправдать никак нельзя, так как Сенат уже отменил оправдательный приговор; приступили к баллотировке: три против трех. Сословные представители настаивали на оправдании, так как всякое сомнение толкуется в пользу обвиняемого. Коронные судьи говорили, что голос председателя дает перевес, и отыскали соответствующий закон. Тогда начали говорить о наказании, решили от ссылки на поселение перейти к следующему роду наказания – тюремному заключению от 2 недель до 1 года. Прокурор в своей обвинительной речи предлагал 1 год тюрьмы. Сословные представители предлагали остановиться на минимальном размере – две недели. Коронные судьи находили, что это была бы демонстрация и настояли на 1 месяце тюрьмы.

Прочитали приговор, причем председательствующий сам рекомендовал подать кассационную жалобу. Был такой мотив кассации, по которому Сенат всегда отменял судебные приговоры: мне не объявили о переменах в составе суда и таким образом лишили меня права отвода. Я подал кассационную жалобу. Ее поддерживал в Сенате помощник Грузенберга. Но Сенат на этот раз приговора не отменил.

В Сенате дело слушалось в самом конце декабря 1912 г. Пока об этом известили Омский суд, уже был опубликован Манифест по случаю 300-летия царствования Романовых, В силу манифеста все литературные дела по 128[-й] и 129[-й] статьям были ликвидированы, и обвиняемые освобождены от суда и наказания.

Мое увольнение состоялось в первой половине октября 1911 г. Но сообщение об этом дошло до Томска после 20 октября, и я успел получить октябрьское жалованье. С того времени этот источник заработка был закрыт для меня. Нужно было подумать, на какие средства жить. Я стал писать в «Сибирскую жизнь» больше, чем раньше. Был фактическим бессменным редактором «Сибирской жизни». Читал в Омске публичные лекции за гонорар. Получил гонорар за справку в архиве Министерства юстиции в Москве по делу (земельному) томских татар, которое вел присяжный поверенный Александровский; получил пособие от министерства (600 р[уб].) на печатание диссертации; получил пособие от Академического союза (ок[оло] 2000 р[уб].). В конце концов, я имел не меньше того, сколько получал, когда был профессором, и жили мы с прежним комфортом.

Был в виду еще один источник заработка, предложенный П.И. Рудченко. По частному поручению бывшего первого русского премьер-министра С.Ю. Витте, чиновники Министерства финансов под руководством П.И. Рудченко сделали выписки из русских газет и журналов всего того, что писалось о Манифесте 17 окт[ября] 1905 г; небольшие заметки были переписаны; большие статьи были собраны в оригиналах. Кроме того, собраны были протоколы заседаний комитета министерства и разных совещаний, в которых обсуждался вопрос о государственной реформе. Накопилось материалов два ящика. Нужно было их обработать. П.И. Рудченко предложил мне взять это дело в свои руки. Предполагалось, что выйдет большое издание в 3–4 томах, что это издание может быть напечатано какой-нибудь большой фирмой, вроде Брокгауза и Ефрона или Сытина. Я обдумал это предложение, заинтересовался такой работой, составил свой проспект издания. Был с П.И. Рудченком у С.Ю. Витте, изложил ему свой план: историческое введение (очерк русского государственного строя в прошлом); русское государство и русское общество накануне 17 октября; летопись событий 1905–1906 гг.; отношение русского общественного мнения разных оттенков к Манифесту 17 октября и к государственной реформе 1906 г. С.Ю. Витте одобрил этот план. Был у петроградского представителя Сытина, помощника присяжного поверенного Руманова. Он заинтересовался изданием, обещал переговорить с Сытиным. Был в Москве в заседании правления товарищества Сытина. Там изложил свой план и свои условия: все издание около 40 печатных листов, мне за труды по ре-

дактированию по 100 рублей за лист. Вел эти переговоры в начале декабря 1912 г. по дороге в Харьков на диспут. В Харькове получил телеграмму Сытина: на все мои условия правление согласно. Но я раздумал. В предполагаемом издании мне пришлось бы касаться так же вопросов, каких я касался в «Кровавой мести и смертной казни». И после моего судебного процесса цензура была бы в особенности внимательна к тому, что выходило под моей редакцией. Я сам мог пострадать, мог причинить убытки и неприятности издательству Я отказался. Сытин обратился к профессору В.М. Гессену. Тот согласился. Предложил мне написать историческое введение в размере 15–20 листов за гонорар по 150 рублей за лист. Я уже получил аванс от издательства (300 р.) и приступил к работе. Но потом раздумал Сытин. Нашел издание рискованным с цензурной точки зрения и отказался от него

Думал не только о заработке. Главная забота состояла в том, чтобы вернуться к академической деятельности. А для этого нужно было во что бы то ни стало и как можно скорее получить докторскую степень. Все материалы для докторской диссертации уже были собраны. Нужно было только их обработать, дать литературную отделку, Я усердно принялся за это дело. Летом и осенью 1912 г. печатал диссертацию, в декабре защитил. Теперь, имея высшую ученую степень доктора государственного права, я был уверен, что получу снова профессорскую кафедру.

Получил два предложения баллотироваться: от Ярославского юридического лицея и от юридического факультета Казанского университета. Ответил согласием и был избран самым почетным образом: единогласно и Советом Ярославского лицея, и юридическим факультетом Казанского университета. Это было в весеннем семестре 1913 г. И директор лицея, и ректор университета наводили справки в министерстве, можно ли рассчитывать, что в случае избрания я буду утвержден. Получили утвердительный ответ. В июне 1913 г. поехал в Петроград, хлопотать о том, чтобы были утверждены ярославские выборы; хотелось быть поближе к центрам – Москве и Петрограду. До меня был у [Л.А.] Кассо с докладом ректор Казанского университета [Г.Ф.] Дормидонтов. Когда попытался заговорить обо мне, то Кассо перебил его и сказал: «Относительно профессора Малиновского у меня свой особенный план». Я спрашивал у заведующего разрядом высших учебных заведений Палечека, у за-

ведующего личным составом Кривошеева, какой план у Кассо относительно меня. Никто ничего не знал. На приеме у Кассо я начал с того, что прошу допустить меня снова к академической деятельности, что я избран в Ярославль и Казань и хотел бы, чтобы были утверждены ярославские выборы. Ни Казань, ни Ярославль, возразил Кассо. Вы получите кафедру в Варшаве». «Но в Варшавском университете кафедра истории русского права занята. Занята неспециалистом». «Я переведу профессора [П.В.] Верховского на церковное право». «Насколько мне известно, в настоящее время эта кафедра замощена во всех университетах». «Да, но в Варшавском университете она не полагается по уставу; это дефект устава, который я устраню: Верховский получит кафедру церковного права в Варшавском университете, а Вы в том же университете – кафедру истории русского права». «Я все-таки просил бы В[аше] В[ысочест]во утвердить ярославские выборы». «Об этом не может быть и речи, да я и не понимаю вашей настойчивости. Варшава гораздо лучше и Ярославля и Казани». С этими словами Кассо поднялся и подал мне руку. Значит, прием окончен. Я вышел.

Я был совершенно ошеломлен, не знал, на что решиться, как поступить. Польский город вместо русского. Назначение вместо почетного избрания. Я пошел к М.Я. Пергаменту, который в то время уже был уволен из Петроградского университета. Рассказал ему все подробно. «По-моему, – сказал М[ихаил] Я[ковлевич], – нужно соглашаться. Впрочем, устроим консилиум. Кстати, еще не уехал Иван Михайлович Гревс; мы его зовем академической совестью, и его мнение особенно ценно». М[ихаил] Я[ковлевич] пригласил обедать к себе на следующий день И.М. Гревса, М.А. Дьяконова и меня. За обедом обсудили мой вопрос. Все говорили, что нужно соглашаться и ехать в Варшаву: неизвестно, сколько времени будет еще продолжаться господство Кассо. Может быть, и долго; Он человек мстительный и, пока будет министром, отказа мне не простит и в другой университет не пустит. Кроме того, вопрос о системе назначения получил большую остроту в Москве и в Петрограде, благодаря самодурству Кассо. Для Варшавы же он не имеет никакого значения. Да, наконец, ввиду заполнения русских университетов ставленниками Кассо важно удержать в наших руках по возможности больше университетских кафедр.

Был я еще у Н.В. Некрасова, чтобы узнать мнение думских кругов. Некрасов, [А.И.] Шингарев и сибирский депутат [Н.К.] Волков тоже находили, что нужно соглашаться. По их мнению, это был очень ловкий шаг со стороны Кассо. Если не соглашусь, у него готовый ответ левым – предлагал кафедру, сам отказался; если соглашусь, у него готовый ответ правым – не мог не назначить, потому что у него высшая ученая степень, но назначил в Варшаву, где он будет безвреден. Я больше в министерство не заходил, не заявлял о согласии или несогласии. Уехал в Томск. Пусть будет, что будет,

Лето проводили на даче профессора А.М. Крылова в Басандайке, вместе с Конисскими – женой и детьми Юрия Александровича. Я редактировал «Сибирскую жизнь» и поэтому должен был каждый день быть в редакции. Но очень часто приезжал в Басандайку, иногда на лошади, еще чаще на моторной лодке.

Во второй половине августа переехали в Томск. А в начале октября был опубликован приказ о моем назначении в Варшаву. И тут Кассо сделал мне пакость: я имел уже докторскую степень и назначен был экстраординарным профессором, между тем как в Варшаве почти все магистры были исполняющими должность ординарных. И я сам уже был исполняющим должность ординарного в Томске.

Начались приготовления к отъезду. Купили кое-что из платья, так как знали, что наши сибирские шубы в Варшаве не пригодятся. Распределили вещи: что распродать, что взять с собой в Варшаву. Многое из того, что предположили взять с собой, запаковали и отправили малой скоростью. Делали прощальные визиты. Редакция и контора «Сибирской жизни» предложили мне сняться группой. Группу эту мне потом прислали в Варшаву; внизу автографы снимавшихся: Г.Н. Потанина, [П.И. и А.И.] Макушины, Бейлина, Шипицына и других.

Перед самым отъездом устроили банкет в отделе в кабинете гостиницы «Россия». Когда мы вошли, Марусе поднесли букет цветов. Много было народу. Много тостов. Рядом с Марусей сидел Новомбергский. Оригинальный и остроумный оратор. Маруся подзадорила его сказать несколько слов. Он начал говорить о том, что в моих руках знамя редактора было чистым и незапятнанным, а после моего отъезда «Сибирская жизнь» попадет в грязные руки. Из-за этой речи после моего отъезда разыгралась целая история. М.Р. Бейлин, оставшийся после меня фактическим редактором «Сибирской

жизни», привлек Новомбергского к суду за клевету. На банкете управляющий конторой «Сибирской жизни» М.Я. Тернер поднес мне от служащих в конторе на память о Сибири слиток золота, отделанный в форме брелка к часам.

Уехали в самом конце октября или в начале ноября, спустя ровно 15 лет после приезда. Нам устроили торжественные проводы. На вокзале оказалось очень много знакомых, сотрудников по работе. Принесли в наше купе больше десяти коробок конфет, корзины с фруктами, свертки с пирожками, а А.И. Макушин оставил «сибирский гостинец» – мешочек кедровых орехов.

Глава VIII. Томск и томская жизнь

С начала самостоятельной жизни, со времени поступления в университет я вынужден был собственным трудом зарабатывать средства к существованию. Прочного и постоянного заработка не было. Приходилось иногда рассчитывать на разные случайности. Понятно, что привык интересоваться вопросом о хлебе насущном. В пользу переезда в Томск, помимо других соображений, говорило и то обстоятельство, что там я рассчитывал избавиться от забот о заработке, иметь верный источник доходов и достаточный для того, чтобы отдаться науке и преподаванию

В Томске я сразу стал получать жалованья 3000 р[уб]., да сверх жалованья – гонорара за чтение лекций около 2000 р[уб]. Мы считали себя богатыми людьми. Имели возможность завести приличную обстановку, хорошо себя одеть, нанять просторную квартиру в 6 комнат и жить припеваючи. Впоследствии жизнь вздорожала, семья увеличилась, увеличились и расходы. Но повысился и мой заработок (адвокатура, прибавки за пятилетки, жалованье редактора, гонорар за статьи в газетах и журналах) доходил до 8, даже до 10 тысяч в год. На эти деньги можно было в Томске жить с комфортом и откладывать необходимую сумму на поездки из Томска в Европейскую Россию. У нас всегда была большая квартира; всегда держали двух прислуг – горничную и кухарку; кроме того, при детях были сначала кормилицы, потом няни, а позже бонны, еще позже приглашали учительниц музыки и новых языков. В два приема заводили конское хозяйство. Тогда прибавлялся кучер. Обыкновенно кучером и кухаркой нанимали мужа и жену. Раз в месяц стирала по-

денная прачка; часто приглашали поденную швею. Питались всегда хорошо и сытно: утром молоко, кофе, хлеб с маслом; на завтрак мясное, рыбное или молочное блюдо и кофе или чай, обед из трех блюд и кофе или чай; вечером чай, молоко, хлеб, масло; закуски – колбасное или оставшееся от обеда мясное. Довольно часто приглашали гостей. При томских тогдашних ценах на все хватало того, что зарабатывал. За квартиру в доме Щепетева первый раз платили 55 р[уб]. в месяц, второй раз 65 р[уб]., у Китца 70 р[уб]., у Гарькина 1000 р[уб]. в год. Когда приехали в Томск, сажень дров стоила 2 р[уб]. 70 к[оп].; потом цена увеличилась, но не превышала 6 р[уб.] Фунт мороженого мяса, когда приехали, стоил 4–5 к[оп].; мы покупали только свежее и платили по 7–8 к[оп]., потом 10–12 к[оп]. Ветчина стоила 25–30 к[оп]. за фунт, а в окороке и того меньше; перед рождественскими праздниками и Пасхой заказывали по два окорока: себе большой, заднюю ногу, фунтов 25–30, прислуге меньший, переднюю ногу, оба стоили около 10–12 р[уб]. и т.д. Хватало на жизнь в Томске, хватало на летние поездки за Урал, которые стоили довольно дорого. Правда, почти не делали сбережений, почти все проживали. Другие ухитрялись откладывать. Соболевы купили дом, Капустины после отъезда из Томска имение около Москвы, Базановы и Зайцевы держали деньги в банке. У меня же обыкновенно хранилось на текущем счету 3–4 тысячи и только.

Когда приехали в 1898 г. из Киева, Томск еще походил на большую деревню или на уездный город. На наших глазах происходил рост городского благоустройства, и Томск превращался в крупный культурный центр. Когда мы приехали, каменных домов еще было мало: университет, здание присутственных мест, гимназия, несколько магазинов. При нас появились два громадных корпуса технологического института, студенческое (второе) общежитие, позже превращенное в госпитальные клиники, анатомический корпус в университете, бактериологический институт там же, общественное собрание, гостиница «Россия», корпус Второва с магазинами и гостиницей «Европа», здания окружного суда, коммерческого училища, учительского института, железнодорожного училища и т.д.

Когда приехали, не было ни одной мощеной улицы. Весной и осенью улицы и площади утопали в непролазной грязи. Рассказывают, что один раз экипаж губернатора завяз в грязи, и городовые на руках вынесли его превосходительство на тротуар. Я сам видел, как

на Почтамтской улице, в самом центре города, какие-то праздные молодые люди стояли на тротуаре у стены магазина, смотрели на улицу перед собой и считали: три, четыре, пять и т. д. Это они подсчитывали, сколько калош уже оставили в грязи проходившие через улицу. При нас начали мостить и замостили главные улицы: Почтамтскую, Миллионную, Магистратскую, Бульварную, Садовую, Нечаевскую, Солдатскую. Таким образом, весь город оказался прорезанным мощеными улицами. Но окраины все-таки оставались не замощенными. В год отъезда из Томска, в 1913 г., мы не могли быть на заутрене в великую субботу: на Преображенской улице, где мы жили, была такая грязь, что нельзя было пройти, и извозчики отказывались ехать туда. На Пасху 1907 г. (или 1908 г.) я получил официальное приглашение пожаловать к пасхальному столу его превосходительства томского губернатора барона Нолькена. Отказаться было невозможно: это могло отразиться на «Сибирской жизни». Я был на первый день Пасхи у барона Нолькена. Через несколько дней в правой газете, которой покровительствовал губернатор, была помещена заметка о том, когда и к кому делал пасхальные визиты его превосходительство. Названа была и моя фамилия. Иван Николаевич Грамматикати страшно обиделся: как это так, у него, правоверного члена союза русского народа, губернатор не был, а был у такого крамольника, как Малиновский. Но губернатор не был и у меня. Встретившись потом в общественном собрании на концерте, извинялся, поехал на катере, заявил, что на Преображенскую нет возможности проехать, такая грязь. А заметку с расписанием губернаторских визитов чиновник особых поручений заблаговременно отправил в редакцию газеты, она и была напечатана

Электричество уже было, когда мы приехали. Но им пользовались только магазины да казенные здания; в редкой частной квартире было электрическое освещение; довольствовались керосиновыми лампами. Мы завели электричество после приезда из Крыма в 1906 г. Но тогда уже редко где можно было встретить другое, не электрическое освещение. Телефоны появились при нас. Мы завели у себя телефон тоже, когда приехали из Крыма в 1906 г. Тогда, как редактор «Сибирской жизни», я не мог обойтись без телефона. Помню, первый опыт разговора по телефону привел Марусю в такое нервное настроение, что она бросила трубку и ушла в другую комнату. Потом так привыкла к телефону и так полюбила этот усовершен-

ствованный способ сношений, что могла по полчаса сидеть на стуле около телефона и вести разговоры со знакомыми. Зная это телефонное пристрастие, я завел для Маруси телефон в Петрограде.

При нас появились новые громадные магазины; Второва – мануфактурный и готового платья; Вытнова – гастрономический; Голованова – обувной и шапочный; [Товарищества] «Усачева и Ливена» – писчебумажный и канцелярских принадлежностей и другие. При нас появились кондитерская и кофейная Бронислава. При нас начали привозить из Средней Азии виноград и фрукты – яблоки, груши, дыни арбузы. При нас были роскошно оборудованы гостиницы «Европа» и «Россия». При нас содержатель гостиницы «Европа» [В.Л.] Морозов арендовал пустовавшую усадьбу Плотникова с рощей на Александровской улице и устроил там сад «Буфф» с летним театром, открытой сценой и рестораном.

Рядом с материальной культурой постепенно распространяется духовная культура. Мимо Томска прошла сибирская магистраль, причем управление Сибирской железной дороги с громадным штатом служащих разместилось в Томске. Введены в Сибири новые судебные учреждения, и в Томске открыт окружной суд с довольно большим штатом судей, чинов прокурорского надзора, присяжных поверенных и их помощников – все люди с высшим университетским образованием. Открыт университет, сначала в составе одного только медицинского факультета, потом прибавился другой факультет, юридический; еще позже открыт технологический институт в составе четырех отделений. Появились новые средние учебные заведения – коммерческое училище, учительский институт, частная женская гимназия. Появились высшие женские курсы. Все это сопровождалось глубокими изменениями в составе томского населения. В среду этого населения прибавлялась все большая и большая примесь интеллигентных элементов, и культурный уровень этого населения повышался. Интеллигенция культивировала новые взгляды, вкусы, привычки. Постепенно отходили в область преданий старинная грубость и темнота. Мне рассказывали и о томском богаче [И.Е.] Кухтерине (младшем). Когда-то ему доставляло величайшее удовольствие – после обильной выпивки выйти на улицу и закатить по физиономии околоточному надзирателю, потом вызвать к себе и сунуть четвертной билет в руки: «Получай, будь доволен и мол-

чи». А когда был открыт университет, это развлечение вышло из моды: «Стыдно. Профессора, студенты, пить теперь нельзя».

При нас Томск был уже интеллигентным городом, городом учебных заведений, по преимуществу «Сибирскими Афинами». Интеллигенция составляла значительную часть населения. Появились благотворительные, просветительные и научные общества. Устраивались общие собрания обществ, публичные заседания. Устраивались литературно-музыкальные вечера, концерты, публичные лекции, выставки картин, Издавались две и даже три газеты; печатались книги и другие издания. Выписывались столичные журналы и газеты, выписывались новые книги.

Когда мы приехали, в Томске был частный театр Королева. Он отдавался в аренду антрепренерам. В течение сезона здесь давались драматические представления. Труппа была приличная и репертуар довольно интересный. Мы обыкновенно ходили в ложу с кем-нибудь из знакомых. На один сезон абонировали ложу вместе с Салищевыми и Соболевыми. Иногда вместо драматической играла опереточная труппа. Во время великого поста приезжала опера из Иркутска. Один раз мы были с Салищевыми на бенефисе известного в провинции баса старика Шакуло. Шла «Рогнеда». В антракте стали вызывать бенефицианта. Смотрим, в проходе партера идет капельдинер и над головой несет довольно большой сверток; сверток передали бенефицианту: оказалась великолепная меховая шуба. Старик Шакуло, несмотря на томские морозы, щеголял по улице в какой-то старенькой холодной шинели; местный театрал, богач [Г.И.] Фуксман, поднес ему шубу. Другой раз я был на «Фаусте» и в исполнительнице роли Зибеля узнал свою старую знакомую Марию Антоновну Янса. Она в Киеве пела в Народной аудитории на общедоступных концертах, когда была еще ученицей музыкального училища. Я пошел за кулисы, возобновил знакомство. Я часто бывал в опере. Познакомил М.А. Янса с Марусей; она запросто заходила к нам, отдыхала в семейной обстановке от неурядиц кочевой жизни. Потом М.А. Янса пела в Киевской области и приезжала к нам на дачу, когда мы проводили в Боярке лето 1905 г. Во время октябрьского погрома 1905 г. театр Королева сгорел. Залу общественного собрания приспособили для театральных представлений. По-прежнему играли драматическая труппа или опереточная; иногда приезжала на гастроли труппа, подобранная какой-нибудь театральной знаменито-

стью специально для своего репертуара (братья Адельгейм, Комиссаржевская, Варламов, Ге); иногда приезжала опереточная труппа, приезжала труппа художественного передвижного театра. В этой же зале давались концерты приезжих знаменитостей (Мравиной и Долиной, Собинова, Вяльцевой, Тартакова, Каминского, Шевелева, Петровой-Званцевой, Плевицкой и др.) В то время я уже был редактором «Сибирской жизни» и имел бесплатный постоянный билет на место во 2[-м] ряду. Ходил часто, то один, то с Марусей, то с детьми. В «Буффе» у меня тоже был бесплатный билет 1[-го] ряда. Когда на лето оставались в Томске, часто ходил в «Буфф». Довольно хорошо играли летом 1912 г.; я был с детьми на «Потонувшем колоколе», с Марусей и детьми на старинной испанской пьесе «Овечий источник». Пьеса была поставлена в старинном стиле; играли на открытом воздухе; в антрактах между отдельными действиями был дивертисмент, причем исполнители ролей в пьесе теперь изображали публику. Когда ходили в «Буфф» с Марусей, то после спектакля оставались ужинать с кем-нибудь из знакомых.

При нас в Томске было музыкальное общество (отделение тогдашнего Императорского общества с главной дирекцией в Петрограде); при нем музыкальное училище. Мы записались в члены общества и посещали устраиваемые обществом музыкальные вечера и симфонические концерты. Для членов отводились бесплатные почетные места. Некоторые вечера были очень удачны. Помню, например, камерный вечер, посвященный произведениям Шопена, и другой, посвященный Григу. Оба с участием Ф.Н. Тютрюмовой. Начало было в 8 ч[ас].; конец рано, около 10 ч[ас]. вечера. По окончании собиралась компания знакомых и отправлялась ужинать в «Европу» или в «Россию»: мы, Соболевы, Бейлины, Медлин, Розин и другие. Иногда ужинали в обшей зале, за столиком перед открытой сценой; чаще в отдельном кабинете, откуда выходили в общую залу смотреть более интересные номера.

Один раз встречали вскладчину Новый год (1907 или 1908) в «России». Была вся наша компания (мы, Соболевы, Зубашевы, Сапожниковы, Обручевы, Бейлины, Розин, Медлин, Н.П. Алфеева и др.). Заняли самый большой кабинет. Заказали ужин с разнообразными закусками, фруктами, винами и шампанским. За ужином сотрудник «Сибирской жизни» Вяткин прочитал свое новое, очень остроумное стихотворение на тему «губернатор барон Нолькен

и “Сибирская жизнь”». Муся и Женя потом выучили его наизусть и декламировали.

В той же «России» праздновали кадетские победы на выборах в Государственную думу, устраивали ужины юристов после заседаний Юридического общества, праздновали мое оправдание Томским окружным судом, устроили банкет по случаю нашего отъезда из Томска.

Часто устраивались благотворительные вечера. Дамы торговали столами в антрактах и по окончании концерта во время танцев. Некоторые дамы обыкновенно выступали в одних и тех же излюбленных ролях. Надежда Ивановна Образцова была шампанской дамой. З.И. Бейлина тоже шампанской или ликерной, А.И. Вакар – крюшонной, Маруся – демократической чайной. Маруся обыкновенно сидела за демократическим чайным столом: там чай, бутерброды и фрукты продавались по таксе, дешево. Но так как и дешевая такса давала прибыль, а к демократическому столу подходило очень много публики, и так как подходившие к Марусе знакомые платили сверх таксы, то выручка от демократического стола была обыкновенно выше выручки от стола аристократического.

Пользовались особенным успехом в первые годы после нашего приезда в Томск и отличались особенной торжественностью студенческие вечера 22 октября в день университетского акта. Профессора получали почетные билеты и являлись обязательно все, in corpore, с женами, взрослыми дочерьми, во фраках; профессорские дамы надевали нарядные туалеты, иногда специально для этого вечера заказывались новые платья. Я помню несколько раз накануне вечера ездил с Марусей по магазинам, покупали перчатки, цветы, ленты и т.п. Один раз я купил Марусе для этого вечера прекрасные гребешки на голову, осыпанные настоящими уральскими камнями. Публики на студенческих вечерах было столько, сколько мог вместить зал; заняты были все места и все проходы. В начале и в конце выступал студенческий хор и пел «Gaudeamus». Хор большой и великолепный, так как среди томского студенчества было много семинаристов, любителей хорошего пения. В антрактах профессорские дамы и барышни и их знакомые городские дамы вели благотворительную торговлю – шампанское, чай, фрукты, цветы, разрисованные программы и т. п. Маруся обыкновенно торговала за чайным столом. Один раз я подвел к ней и познакомил с нею члена Государственной думы Челышева. Он выпил стакан чаю

и положил 25 р[уб]. Это была крупная сумма; тогда за бокал шампанского платили обыкновенно по 5 р[уб].

Концерт и благотворительные столы были наверху. А внизу отводили большую комнату для студентов. Тут после концерта рекой лилось пиво, пили также вино и водку. Раздавалось хоровое пение, говорились речи. Сюда особая депутация студенческая приглашала популярных профессоров. Им давали бокал пива в руки, просили стать на табуретку, чтобы всем было видно, и сказать несколько слов. Меня приглашали несколько раз. Я говорил о том, что студенческая молодежь – надежда России, что наука – могучее средство, при помощи которого человечество может создать для себя счастливую жизнь. Приглашали также Курлова, Салищева, Смирнова, Сапожникова, Соболева, Рейснера, Розина, Климентова.

В 1907 (или 1808) г. был устроен грандиозный студенческий вечер в помещении технологического института. Сбор предназначался в пользу всех студентов – и универсантов, и технологов. Официальными ответственными распорядителями были Ефим Лукьянович Зубашев и я. Громадная чертежная и аудитории были очищены от обычной учебной мебели и роскошно декорированы. Публики было до 7 тысяч человек. Сбор громадный. Билеты продавали и получали пожертвования студенты. Мы отнеслись к ним с полным доверием. Но между ними оказались партийные деятели, члены социалистических партий. Они воспользовались частью выручки для партийных касс. Об этом каким-то образом проведали попечитель Лаврентьев и губернатор барон Нолькен. Полицеймейстеру было поручено произвести расследование. Познакомившись с документами (корешками билетов, счетами, записями пожертвований) и наличностью, мы и сами убедились, что дело неладно. Нахальство дошло до того, что не записали даже пожертвований, полученных от нас, распорядителей, – от меня и Е.Л. Зубашева. Мы написали объяснение в том смысле, что в финансовую сторону дела не вмешивались лично, тем более, что эта сторона была в руках людей, которым мы вполне доверяли. Действительно, надзор за кассой был поручен Н.В. Некрасову и смотрителю зданий технологического института Е.В. Лурьи, которых, очевидно, провели студенты. Наше объяснение не удовлетворило барона Нолькена. Он передал дело мировому судье для привлечения нас к ответственности за нарушение обязательного постановления министра внутренних дел об устройстве

благотворительных вечеров. Дело попало к А.Н. Гаттенбергу. Он его назначал несколько раз, но по разным предлогам откладывал, а затем прекратил за истечением срока давности.

Популярностью пользовались также малорусские вечера памяти Шевченко. Обыкновенно устраивались в Бесплатной библиотеке, иногда в общественном собрании. Хор, мужской и женский, был в малороссийских костюмах. Распорядителем одного такого вечера был, почему-то, Рейснер. Я читал реферат об исторических и общественных мотивах в «Кобзаре» [Т.Г.] Шевченко. Сам Рейснер говорил о жизни Шевченко, передавал общеизвестные факты из книги А.Я. Конисского и так при этом кривлялся, что сидевшая с нами в глубине ложи О.А. Зубашева не выдержала и сказала Марусе, которая сидела впереди: «Покажите ему дулю».

Запросто к хорошим знакомым заходили часто. Я чаще всего заходил к Соболевым; бывал также у Зубашевых, Обручевых, Сапожниковых, Бейлиных. Маруся чаще всего виделась с В.П. Соболевой и М.Л. Толмачевой; звали друг друга «подружками». Когда уехали Толмачевы, Маруся часто виделась с Екатериной Германовной Кенге, Н.П. Алфеевой.

Праздновали именины и дни рождений. Приглашали на пирог с закусками и выпивками на обед и пирог. 17 сентября было праздество у Соболевых (Вера), Салищевых (то же), Сапожниковых (Софья), 4 ноября у нас (Иоаникий), 8 ноября у Соболевых (Михаил), 11 ноября у Салищевых (Эраст), 6 декабря у Розина (Николай), 1 января у Сапожниковых (Василий), 20 января у Зубашевых (Ефим), 1 марта у Жбиковских (Евдокия).

Кроме приемов по случаю именин и дней рождения, устраивали званые обеды или ужины без всяких поводов и случаев. Званый обед или ужин имел свой стиль в зависимости от того, кто устраивал. Салищевы очень радушно и тепло принимали гостей; но у них бывала только своя тесная компания; мы сразу вошли в эту компанию. У Образцовых, наоборот, бывало очень много разношерстного народа. Образцовские вечера отличались некоторой вульгарностью. Я был, кажется, на одном только вечере, Маруся не была ни разу. На званых вечерах Великих лежал отпечаток хорошего тона. На этих вечерах бывал «весь Томск», т. е. томская аристократия: губернатор, вице-губернатор, судейские, профессора, инженеры. Великим пыта-

лись подражать Зайцевы и Базановы, но не вполне удачно; копия выходила хуже оригинала, в особенности у Зайцевых.

В нашей компании культивировались музыка и литература. Когда приехали Соболевы, начали устраивать литературные вечера: одно воскресенье у нас, другое у Соболевых. Михаил Николаевич играл на рояле, Буржинский на виолончели, приват-доцент, доктор Иван Михайлович Левашев на скрипке; иногда для квартета приглашали профессионального альтиста [А.К.] Эршке (брата управляющего спичечной фабрикой Кухтерина). Пробовал играть вторую скрипку Сабинин, да неудачно. Я пел solo, со скрипкой или виолончелью. Пела Ольга Алексеевна Зубашева. Программа была одна и та же: собирались к 8 часам вечера, пили чай с вареньем, печеньем, сладким сдобным хлебом; потом музыка. Около 12 часов ночи подавался ужин – рыба, рябчики и пломбир; иногда вместо рябчиков, куропатки или другая птица, вместо пломбира, мороженое, крем или компот, но рыба обязательно – муксун или нельма, или осетрина. Один раз, когда было наше очередное воскресенье, Маруся прихворнула. Все равно, программа в точности была выполнена: было заказано все, что нужно к чаю и ужину; Маруся лежала в спальне; к ней перед ужином вносили блюда с рыбой, рябчиками, форму с пломбиром – показать, как вышло.

Новый год (1900) встречали у нас в складчину. Маруся и Вера Петровна ездили на базар за солидными покупками. Я и Михаил Николаевич Соболев закупали водки, ликеры, вина, шампанское и закуски. На кухне помогала Соболевская Татьяна. Были мы, Соболевы, Зубашевы, Сапожниковы, Салищевы, Буржинские, Капустины. Собрались часам к 10. До ужина играли. Читали новый рассказ Чехова. За ужином были тосты. Разошлись поздно.

Музыкальные вечера устраивались в течение всего учебного года (1899–1900), когда мы жили в доме Щепетова. Когда переехали на Дворянскую в дом Китца, очередные воскресенья у нас и у Соболевых продолжались; по-прежнему, играли, пели, читали вслух. Но уже не было музыкальных трио и квартетов: Левашов и Буржинский как-то откололись от нашей компании.

И позже у нас на вечерах почетное место отводилось музыке и литературе. Пела Ольга Алексеевна Зубашева. Пели студенты (Наумов, Балдовский и др.). Играл на скрипке Я.С. Медлин. Н.Н. Розин читал стихотворения Бальмонта и шутки Кузьмы Прут-

кова, «Сон статского советника Попова» графа А. Толстого. Тираспольский читал «Буревестника» Горького и «Сакиа-Муни» Мережковского. Читали рассказы Чехова, Горького, Л. Андреева.

Характерной чертой наших вечеров было присутствие студенческой молодежи. Особенной популярностью пользовалась среди студентов наша «кутья» 24 декабря. В этот день устраивали елку для детей, по случаю именин Жени, и «кутью» для взрослых. Маруся хлопотала целый день. В устройстве елки помогали студенты. Но, кроме того, нужно было приготовить большой горшок «узвару», несколько сортов «кутьи» – ржаной, рисовой, с медом, с маком, с миндальным молоком – и целые горы пирожков самых разнообразных сортов. Гостей было много, часть студентов пела хором.

Карт у нас не было совсем. У Сапожниковых допускалась в некоторой степени литература, допускалась и музыка, но господствовали карты. У Зубашевых карты и музыка занимали самостоятельное и равноправное положение. Ольга Алексеевна Зубашева обладала замечательным голосом, контральто громадного диапазона, мягкого и сочного тембра; была очень музыкальна; на публичных вечерах и концертах иногда до того волновалась, что далеко не давала того, что могла дать. Гостеприимная, обаятельная хозяйка, Ольга Алексеевна по приезде в Томск начала устраивать приемы. Гости на этих приемах делились на две группы. Одна – картежники – отправлялись в отдельную комнату и тут упражнялись за зеленым полем. Другая, оставалась в гостиной. Ольга Алексеевна пела, С.А. Жбиковский аккомпанировал, Я.С. Медлин играл на скрипке. Сходились за ужином, который кончался часа в 2 ночи. После ужина опять музыка, пение. Иногда случалось, что на Ольгу Алексеевну находило музыкальное настроение именно после ужина; тогда-то и начинался настоящий концерт и продолжался до глубокой ночи или до раннего утра.

У Жбиковских бывало то же самое. Одна группа играла в карты в отдельной комнате; другая в это время слушала игру на рояле Станислава Антоновича Жбиковского. Станислав Антонович был замечательным пианистом. Как поляк, увлекался Шопеном, изучал литературу о Шопене, исполняя произведения Шопена, он обыкновенно прерывал игру очень интересными объяснениями. Один раз мы с Марусей были у Жбиковских в конце 1904 или в начале 1905 г. Уже слышалось приближение революционной грозы. Поужинали часа в 2 ночи, Станислав Антонович начал играть «Марсельезу».

Яков Соломонович Медлин сказал: «Слышите, Шипицын уже будит свою супругу: вставай, говорит, пора, идем». Александр Николаевич Шипицын – местный радикал из политических ссыльных, жил в своем доме, внизу, Жбиковские над ним вверху.

У коренных сибиряков любимым зимним удовольствием было катанье на лошадях; летом выезжали в поле. Зимой по воскресеньям и праздничным дням главная улица покрывалась длинной вереницей саней и лошадей. Тут были и прекрасные рысаки, запряженные в элегантные сани с роскошными меховыми одеялами, были и клячи, тащившие розвальни или базарной работы санки. В этих праздничных катаньях мы не принимали участия. Но когда была лошадь, часто катались вдвоем с Марусей по вечерам. Кучер подавал лошадь, и мы отправлялись. Я правил. Маруся сидела в теплой шубе. Катались по дороге на вокзал, по главным улицам. Возвращались часа через два-полтора, через два; отдавали лошадь кучеру; после холода с удовольствием пили горячий чай.

Один раз устроили катанье на тройках. В ноябре 1899 г. я читал публичную лекцию (о ссылке в Сибирь). В антракте условились на следующий день поехать на тройках. Э.Г. Салищев отрядил своего служителя Якова к татарам за Исток заказать три или четыре тройки. Поехали мы, Салищевы, Зубашевы, Соболевы, Родзевичи и Сабинин. День был сравнительно теплый, около 5 градусов мороза, не больше, ясный; прекрасный санный путь по реке Томи. Доехали до села Зоркальцева, верстах в 15 от Томска. Остановились в квартире управляющего мельницей [А.Д.] Родюкова. Гуляли, осматривали мельницу, пили чай, ели привезенные с собой в мороженом виде и снова отваренные в кипятке пельмени. Много было выпивки. Мужчины пили на высший духовный чин. Кажется, Эраст Гаврилович допил до митрополита или даже патриарха; далеко ушли также В.В. Сапожников и Е.Л. Зубашев; я и М.Н. Соболев остались чуть ли не иподиаконами. Вечером возвращались назад. По дороге сани, в которых сидели посредине Маруся и К.Ф. Родзевич, а по сторонам Эраст Гаврилович Салищев и Михаил Николаевич Соболев, опрокинулись и сидевшие вывалились в снег...

Я принимал участие еще в одном катании. На масленицу (1899 г.) С.И. Живаго предложил барышням Великим покататься на тройке. Так как хороший тон не позволял барышням быть вместе с молодым человеком без посторонних, то пригласили меня. Поехали на вокзал

Томск I и вернулись обратно к нам. У нас ужинали. После ужина Сергей Иванович провожал Великих. Барышни были в восторге.

Позже организовали катанье на тройках в татарские юрты за Томью. Бейлины. Был сильный ветер, и мы не поехали.

Лето мы обыкновенно проводили на даче, и не было надобности ехать в поле. В Басандайке много раз видели по воскресеньям и праздничным дням приезжавших из Томска. Довольно обширная долина на берегу Томи с утра покрывалась телегами и коробками. Распрягали лошадей и пускали их пастись; располагались под деревьями, ставили самовары, варили кашу, гуляли в лесу, купались в Томи. К вечеру возвращались в Томск.

Мы, когда оставались в городе, иногда ездили на дачу к знакомым. Один раз, в 1907 г., когда Маруся была на лимане, я возил детей в поле – наших, Кенге и Кмитовичей. С утра уехали в лес и там пробыли до обеда. Другой раз, в 1904 г., когда жили в Ботаническом саду, ездили на целый день в лес на берег Томи с Миницкими.

Когда приехали в Томск, прежде всего, конечно, завязали знакомство в профессорской среде. Постепенно круг знакомых расширялся и выходил за пределы университета и технологического института. Вначале, в течение первых лет нашего пребывания в Томске, профессорская компания и, в частности, наша юридическая, жила довольно дружно. Конечно, не могло быть и не было полной солидарности. Был раскол на почве академических разногласий, отражавшийся и на частных отношениях: левые профессора не сходились с правыми. После 1905 г. присоединились разногласия политические. Раскол усилился и образовался там, где его раньше не было, когда бывшие друзья к единомышленники (например, Соболев и Базанов) сделались политическими противниками. Для нас последние годы томской жизни были отравлены личными несчастьями. И, тем не менее, я вспоминаю томский период нашей жизни с теплым чувством удовлетворения. Мне нравился Томск, нравилась Сибирь, и я уехал из Сибири, вероятно, навсегда, не по своей воле, а подчиняясь постороннему непреодолимому давлению, с глубоким сожалением. Мне нравилось все в Сибири – и климат, и природа, и люди, и моя деятельность.

Нравилась томская зима. Лучшее время года. Морозы иногда доходили до 45°. Но тихо, нет ветра. Наденешь шубу, пимы, меховую шапку, и тепло на улице. А в комнатах так натоплено, что только по замерзшим окнам с разрисованными на них причудливыми матовы-

ми узорами можно предполагать, что на дворе большой мороз. Приблизительно в конце октября установлялась санная дорога и держалась до середины, даже до конца марта. Все время стоял мороз, в среднем до 10°. Если и случалась оттепель в течение одного двух дней, то промерзшая аршина на два и больше земля не могла оттаять за такое короткое время. Никогда не было гнили; все время был «здоровый ядреный воздух», который бодрил человеческие силы. Снега выпадало очень много. Вывозить не было возможности. К концу зимы около больших домов лежали целые горы. А какая красота! Как хороши зимние лунные ночи, когда в таинственной тишине по нежно-голубому, усеянному сверкающими искрами небу плывет полная луна и освещает уснувшую, покрытую необозримой белой пеленой землю! И как хороши зимние солнечные дни: наверху безграничное синее небе, внизу – безграничный, блестящий белый снеговой покров; ветки деревьев, проволоки на телеграфных столбах покрыты пушистым белым инеем...

И другие времена года имеют свою оригинальную прелесть. Мне нравилась весна, когда уже грело солнце, таял снежный покров земли, и по краям улиц бежали мутные ручьи, а с улиц скалывали толстые глыбы утоптанного, примерзшего к земле снега, когда вскрывалась широкая Томь, уносила на своих волнах нагроможденные друг на друга ледяные громады, заливала окрестности, и тогда казалось, что Томск стоит на берегу большого озера или даже моря. Были неудобства в это время: трудно было проехать по улице, когда скалывали снежные глыбы; трудно, а иногда и невозможно было пройти или проехать, когда улица покрывалась непролазной грязью. Но мысль об этих неудобствах бледнела перед мыслью о могучих силах природы, о том, что человек может и должен обратить эти силы природы на служение себе.

Нравилось даже лето, жаркое днем, прохладное по ночам. Когда жили на даче, гуляли по полям, покрытым роскошным ковром разнообразных полевых цветов, по гористому берегу Томи, любовались чудным видом на Томск и широкую даль противоположного низкого берега. Когда оставались в городе, гуляли и катались по окрестностям города и тоже любовались живописными видами. И тут были неудобства: на даче – комары, в городе – пыль, когда не было дождя. Но с этими неудобствами можно было мириться.

Мне нравилась и осень. Когда жили на Преображенской (а здесь прожили из 15 целых 11 лет), любил осенью по утрам гулять по до-

роге к вокзалу и дальше, за линию железной дороги. По сторонам широкой дороги лес, в лесу иногда попадаются длинные просеки с видами на окрестности Томска далеко на горизонте. Дальше за полотном железной дороги равнина, река, а еще дальше высокие холмы, покрытые лесом. Осенняя окраска листьев с разноцветными оттенками, начиная от бледно-желтого и кончая ярко-пунцовым и темно-красным, производили чарующее впечатление.

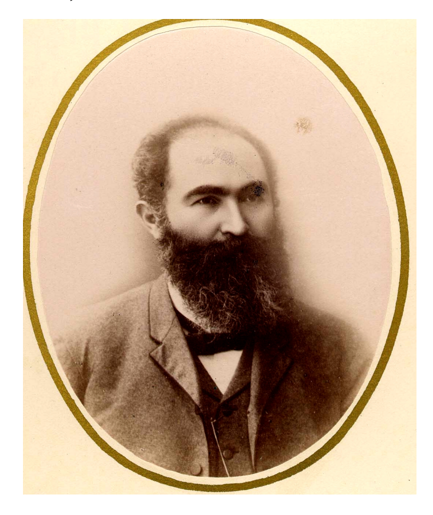
Мне нравились сибиряки, настоящие, коренные, оседлые сибирские крестьяне сибирских сел, деревень и заимок, приезжавшие в Томск на базар с разными продуктами и в магазины за покупками. Эти давнишние насельники Сибири, неблагоприятными общественными условиями изгнанные из метрополии сюда, в далекую окраину, не знали крепостного права, воспитали в себе независимость и самостоятельность, привыкли полагаться на собственную инициативу и энергию, привыкли в борьбе с суровой природой упорным трудом создавать свое благосостояние. Эти крепкие здоровые сибирские мужики, приезжавшие зимой в город в больших теплых шубах и больших пимах, в меховых шапках с наушниками, с закрывавшими усами и бородами, представлялись мне пионерами русской культуры в Азии. Я мечтал о том, чтобы, покончив с начатыми уже научными работами на другие темы, вплотную засесть за историю Сибири и нарисовать картину колонизации русским народом этой далекой, обширной и богатой окраины, изобразить строй жизни русского человека здесь в новых условиях, выяснить взаимоотношения между русскими пришельцами и коренными аборигенами края, проследить судьбу этих аборигенов Сибири. Занятый другими работами, я не в состоянии был отдаться этой работе, – но все-таки время от времени принимался за сибирские темы.

Мне нравилась и вполне меня удовлетворяла моя деятельность в Сибири. Я видел перед собой широкие перспективы благодарной и плодотворной культурной работы на почти девственной, но богатейшей, плодороднейшей почве. Мне нравился Томский университет, молодой университет с еще не сложившимися, но складывающимися, и при моем непосредственном участии, академическими традициями; университет с пришлыми профессорами и большинством пришлого студенчества; университет, призванный служить культурным центром обширного и богатого края, распространять русскую культуру через посредство пришлого русского элемента, приобщать к этой культуре туземные элементы.

Мне нравился Томск, нравилась Сибирь. Может быть, дело не только в Томске и Сибири, а и в том, что именно здесь прошли зрелые созидательные годы жизни. Томск – это начало моей семейной жизни, моей преподавательской, научной, литературной и политической деятельности. То, что было до Томска, имело характер введения, пролога; начало действий здесь – в Томске, в Сибири; не только начало, но и время расцвета сил, первых успехов, первых радостей и первых испытаний. Здесь прошли первые годы супружеского счастья с Марусей; здесь родились, росли, утешали, а подчас и причиняли огорчения и тревоги дети. Здесь выработались приемы преподавания и научного исследования, определился круг научных интересов. Здесь определились окончательно общественные симпатии и политические убеждения. Здесь вышли в свет важнейшие научно-литературные труды. Правда, здесь же обрушились несчастья. Но для меня было ясно, что они вызваны общими условиями русской жизни, а не географическим положением Томска.

Музей истории ТГУ

КАЩЕНКО Николай Феофанович
(1855–1935)

Зоолог, профессор. Из дворян. После окончания Екатеринославской мужской гимназии (1875) поступил на медицинский факультет Московского университета. В 1876 г. перевелся в Харьковский университет и окончил его со степенью лекаря и званием уездного врача (1880). В 1881–1882 гг. состоял частным ассистентом при эмбриологическом кабинете профессора З.И. Стрельцова, помощником директора земской повивальной школы. В 1882–1884 гг. – профессорский стипендиат. Доктор медицины (1884). Экстраординарный (1888), а с 1891 г. – ординарный профессор кафедры зоологии и сравнительной анатомии Томского университета, которую он возглавлял до 1912 г. С 1889 по 1912 г. возглавлял зоологический институт (музей) при Томском университете. В 1893–1895 г. был ректором Томского университета, в этой должности способствовал развитию материальной базы университета

(в 1893 г. было введено в эксплуатацию здание факультетских клиник). С 1912 г. – профессор Киевского политехнического института по кафедре зоологии, директор Акклиматизационного сада АН УССР, организатор и директор Зоологического музея АН УССР. Является основоположником томской школы зоологов. Им был проведен ряд важных исследований: на р. Оби (лето 1890 г.), глистной эпизоотии рыб на Барабинских озерах (1891), фауны позвоночных Центрального Алтая (1898). Н.Ф. Кащенко внес значительный вклад в создание и развитие зоологического музея, который к моменту его отъезда из Томска насчитывал около 950 чучел животных, скелетов, моделей и спиртовых препаратов (около 3350 экз.). Он лично передал музею коллекцию позвоночных животных, собранную им во время экспедиций в различные районы Сибири. На базе музея им были организованы практические занятия со студентами по курсу зоологии. Н.Ф. Кащенко уделял большое внимание акклиматизационно-гибридизационной деятельности, ему принадлежит ряд работ по акклиматизации плодовых и др. культурных растений в условиях Сибири. В 1902 г. он заложил в Томске опытный акклиматизационный сад. В 1908 г. по его инициативе была возобновлена деятельность Общества садоводства, основанного в Томске еще в 1892 г. Многие выведенные Н.Ф. Кащенко сорта яблонь (Багрянка Кащенко, Бугристое наливное, Сибирское белопятнистое, Сибирское золото, Сибирская заря, Сибирская звезда, Янтарка и др.) послужили основой для развития сибирского плодоводства. После отъезда из Томска (1912) работал профессором Киевского политехнического института, директором Акклиматизационного сада АН УССР, организатором и директором Зоомузея АН УССР. Н.Ф. Кащенко – автор более 150 научных трудов. Академик Украинской академии наук (1919). Награды: орден Св. Владимира IV ст. (1906), орден Св. Анны II ст. (1899), орден Св. Станислава II ст. (1894).

КРАТКАЯ АВТОБИОГРАФИЯ

заслуженного ординарного профессора Томского университета (ныне академика Украинской академии наук) доктора зоологии и доктора медицины Николая Феофановича Кащенко

Я родился и провел детство в помещичьем поселке Веселом (принадлежащем моим родителям), Александровского уезда Екатеринославской губернии, 25 апреля старого стиля (по документам 1 мая, так как метрическая запись сделана неточно) 1855 года. Родители мои, оба украинского происхождения (мать, урожденная Рудь), занимались сельским хозяйством. Всех нас у родителей было девять: три брата, я и четыре сестры старше меня и один брат моложе меня. Домашняя первоначальная подготовка дана мне моими сестрами Екатериной и Александрой, а среднее образование я получил в Екатеринославской гимназии. Мое гимназическое учение вначале шло

плохо главным образом потому, что я не имел возможности купить все, какие требовались, учебники и в то же время не пользовался ничьей помощью при домашнем приготовлении уроков. Однако с пятого класса дело пошло много лучше. Хотя внешне условия не изменились, но я умственно как бы прозрел и перестал нуждаться в посторонней помощи. В результате при выпуске я был награжден серебряной медалью.

Любовь к естествознанию проявилась у меня с самых юных лет, но окружающая обстановка не особенно этому благоприятствовала. Только самый старший брат, Арсений, обнаруживал те же наклонности и впоследствии сделался известным коллектором и знатоком бабочек. Но он был много старше меня, и с тех пор, как я себя помню, в доме не жил (он воспитывался сначала в Полтавском кадетском корпусе, а затем в военной академии генерального штаба. Книг по естествознанию в доме было мало. Помню несколько книжечек «Музеума для юношества»[1] и журнал «Вокруг света», который, впрочем, выписывался только один год. Была, однако, одна книга, которую я считал моим лучшим другом с тех пор как научился читать, несомненно, именно эта книга определила все дальнейшее направление моей деятельности, и я до сих пор храню ее, как драгоценность. Ее подарил мне дядя с материнской стороны и мой крестный отец, Николай Семенович Рудь. Это, именно, «Мир Божий» А. Разина, 1860 г.

С поступлением в гимназию моя наклонность к естествознанию отчасти удовлетворялась только в младших классах, где в то время еще преподавалась естественная история, впоследствии совсем выброшенная из учебного плана. С благодарностью вспоминаю имена учителей естествознания: в первом классе Клименко, который преподавал зоологию, и во втором К.Г. Лавриченко, преподававшего ботанику. Под влиянием толковых уроков последнего я собрал гербарий и даже позднее снабдил его русскими и латинскими названиями, из которых, наверное, большинство были ошибочными, потому что определителя у меня не было, а руководствовался я при своих определениях теми скудными сведениями, которые можно почерпнуть из элементарных руководств по ботанике. К учителям же я вообще за помощью не обращался вследствие свойственной мне в детстве (да и позднее) конфузливости. Особенно интересовал-

[1] Полное название книги – «Музеум для юношества, или Изложение различных предметов из области человеческих знаний» (СПб., 1861) (сост.).

ся я микроскопическими исследованиями: я еще будучи гимназистом добыл себе плохонький микроскоп. Однако за отсутствием руководителя заметной пользы это владение микроскопом мне тогда не принесло.

В 1875 г. я поступил в Московский университет на медицинский факультет. Здесь я впервые нашел вполне необходимую обстановку для удовлетворения своей охоты к занятию естествознанием и микроскопией. Все свободное от лекций время я посвятил работе в зоологическая музее под руководством покойного профессора А.П. Богданова, его ассистента Н.Ю. Зографа и при некоторой товарищеской помощи студентов старших курсов естественного отделена А.Д. Тихомирова и Н.В. Насонова.

Однажды мне посчастливилось найти в строении человеческой нематоды одну подробность, которой раньше в этом музее не замечали. Когда я показал свой препарат А.П. Богданову, то он сказал «Не медиком бы Вам быть!». Эти слова оказались пророческими.

К сожалению, имущественное положение моих родителей к этому времени настолько пришло в упадок, что мне пришлось для сокращения расходов в следующем же 1876 г. перевестись в более близкий и более дешевый Харьков, впрочем, без потери времени, т.е. на второй курс. А так как в то же время я понял, что при моих наклонностях выбор факультета был мною сделан не совсем правильно, то вместе с тем я сделал попытку перевестись с медицинского факультета на естественное отделение физико-математического. Попытка эта, однако, не была доведена до конца отчасти потому, что при переводе оказалось необходимым потерять один год, отчасти же потому, что на медицинском факультете я нашел хорошего руководителя, при наиболее меня в то время интересовавших работах по эмбриологии, в лице профессора З.И. Стрельцова. В его эмбриологическом кабинете (закрытом после введения устава 1884 г.) я непрерывно работал в течение всего времени моего студенчества. Отсюда же вышли и мои первые печатные статьи. Вообще я должен заявить, что считаю себя очень многим обязанным покойному Зосиму Ивановичу. Как в студенческие времена, так и позже, он делал для меня все, что мог, от меня же почти ничего не требовал. Повидимому, его очень утешало то, что я целые дни проводил за микроскопом, и он не желал меня отрывать от этих занятий.

Прохождение мною университетского курса представляло одну особенность, которая, по-видимому, наблюдается не часто. Я редко получал отличные отметки, но в то же время, за все пять лет, ни разу не получил неудовлетворительной отметки. Это объясняется тем, что для меня вообще не составляло затруднений подготовиться к экзамену, и ленивым я никогда не был. Но зато я отличался быстротой соображения и умением показывать товар лицом. Положим, что чисто медицинские предметы меня не увлекали, но я иногда получал посредственные отметки даже по таким наукам, в изучение которых вкладывал душу.

Курс медицинского факультета я окончил в 1880 г. После этого посещал еще в том же университете лекции и практические занятия естественного отделения физико-математического факультета по сравнительной анатомии и эмбриологии (А.Ф. Масловского).

В 1881–82 гг. состоял частным ассистентом при том же эмбриологическом кабинете проф[ессора] З.И. Стрельцова на жаловании 200 р[уб]. в год. Но так как этой суммы, даже при моем более чем скромном образе жизни, было явно недостаточно, то З.И. Стрельцов выхлопотал мне еще должность помощника директора при земской провинциальной школе. Эта с довольно громким названием, но, в сущности, очень скромная служба давала мне, сколько помнится, около 300 руб. в год. Обязанности мои заключались в преподавании ученицам кратких сведении по анатомии, гистологии и эмбриологии. Кроме того, изредка приходилось подавать помощь при родах, если директор (проф[ессор] П.А. Ясинский) почему-либо не мог при них присутствовать. Эти последние обязанности мне не нравились, хотя и не особенно тяготили меня. Что же касается преподавания, то оно увлекало меня почти до самозабвения. Однажды, совершенно забыв о времени, я, стоя на ногах, прочел без перерыва четырехчасовую лекцию и, что всего удивительнее, не заметил никаких признаков утомления или нетерпения со стороны своих слушательниц, хотя многим из них, за недостатком места, пришлось все время стоять.

Мое полуторамесячное пребывание при втором военно-полевом Джажурском госпитале в Закавказье, куда я был командирован на лето перед окончанием русско-турецкой войны вместе с другими студентами, и эта годичная служба при повивальной школе были единственными периодами моей жизни, когда я имел действительно соприкосновение с медициной.

Во второй половине 1882 г. я был избран стипендиатом для приготовления к профессорскому званию по эмбриологии и сравнительной анатомии, желая всецело отдаться научной работе, оставил службу при повивальной школе.

По сдаче экзамена на доктора медицины и по защите диссертации под заглавием «Эпителий человеческого хориона и его роль в гистогенезе последа» я получил в начале 1884 г. степень доктора медицины, а по прочтении в том же году двух пробных лекций получил звание приват-доцента для преподавания сравнительной анатомии при медицинском факультете Харьковского университета, которую и читал в течение трех полугодий. Но так как вводившимся в то время новым уставом сравнительная анатомия была исключена из состава предметов медицинского факультета, то в 1885–86 г. мне пришлось переменить предмет преподавания и вести параллельный теоретический и практический куре по гистологии и эмбриологии. Это был очень интересный период в жизни Харьковского университета – по одной и той же только что названной кафедре велись три параллельные курса: профессором К.З. Кучиным, приват-доцентом Н.К. Кульчицким и мною, и для всех находилось достаточное количество слушателей. Кажется, другого примера трех параллельных курсов не было ни в Харьковском, ни в других русских университетах.

С мая 1886 г. по август 1888 г. я находился в заграничной командировке, во время которой работал в лабораториях Гиса, Вальдейера, Оск. Гертвига и на зоологической станции в Неаполе; равным образом слушал лекции как выше названных ученых, так и некоторых других, между прочим Э. Геккеля и Альтмана. По возвращении из командировки я возобновил преподавание в Харьковском университете и притом по двум факультетам одновременно: на медицинском вел, по-прежнему, параллельный курс по гистологии, а на физико-математическом читал по поручению этого факультета отдельный курс сравнительной гистологии.

Нужно заметить, что хотя мои научные занятия с самого начала шли хорошо, но собственно служебная карьера складывалась очень туго. Для меня нигде не было готовой вакансии и мне с большими лишениями приходилось пробивать себе дорогу. Через восемь лет по окончании университетского курса, несмотря на преподавание по двум факультетам, я получал всего около 700 р[уб]. в год, в том числе 400 р[уб]. от физико-математического факультета (за 2 годовые

часа). Медицинский же факультет мне ничего не платил (параллельные курсы вообще не оплачивались), так что здесь я получай только гонорар от студентов, который составлял около 300 р[уб]. в год, хотя конечно колебался. Материальные затруднения стали в это время особенно чувствоваться потому, что, с одной стороны, мой отец в это время стал очень нуждаться в помощи, а с другой стороны, потому, что 17 августа 1888 г. я женился.

17 ноября 1888 г. я был назначен экстраординарным профессором в Томский университет по кафедре зоологии и сравнительной анатомии при медицинском факультете (физико-математического тогда в Томске не было). С этого времени существование мое сделалось более обеспеченным и в то же время передо мною открылось широкое поле для исследований.

В 1891 г. я был повышен в звании ординарного профессора по той же кафедре. В 1901 г. по представлению профессоров зоологии А.А.Тихомирова, М.А. Мензбира и Н.Ю. Зографа я получил от Московского университета степень доктора зоологии.

В 1909 г. получил звание заслуженного профессора. Преподавание по кафедре зоологии и сравнительной анатомии оставалось на мне все время до моего переезда из Томска в Киев (осенью 1912 г.), хотя с 1907 г. я уже состоял внештатным, за выслугой пенсии. При решении вопроса о поручении мне преподавания на пятилетие была применена закрытая баллотировка шарами, причем факультет оказал мне большую честь тем, что в баллотировочном ящике не оказалось ни одного черного шара.

Попробую сделать коротенький очерк своей деятельности в течение этого (томского) периода, который уже по одному тому занимает главное место в моей жизни, что он продолжался без малого четверть века и притом относится к тому возрасту, который обыкновенно называется «цветущий» в жизни человека.

Как преподаватель я употреблял большие усилия к тому, чтобы быть понятным. Различные демонстрации и, в особенности, рисование на доске всегда играли у меня большую роль. Своими слушателями я всегда был доволен. Рукоплескания на моих лекциях (кроме публичных) раздавались только в виде редкого исключения, но никогда я не замечал, чтобы моя аудитория была невнимательна. С особенным удовольствием могу заявить; что ни малейше не стремясь к популярности, я в то же время никогда не чувствовал враж-

дебного или недостаточно уважительного к себе отношения со стороны своих слушателей, хотя в периодах наибольших университетских волнений (а тогда они бывали часто) этого можно было бы ожидать, потому что ко всякому нарушению порядка я всегда относился с открытым неодобрением. С отдельными студентами, правда, иногда бывали маленькие столкновения, преимущественно из-за отметок на экзамене. Но такие случая были редки.

Мои университетские лекции в 1889/90 акад. году были отлитографированы, а затем я их переработал и напечатал. Эта книга («Краткое руководство по зоологии, преимущественно для студентов медицины». Томск, 1891) была первым на русском языке печатным руководством по зоологии для студентов медицины. Она давно разошлась и в продаже более не встречается.

В последние годы моего пребывания в Томске здесь открылись Сибирские высшие женские курсы, в организации которых я принял живое участие, так как издавна очень симпатизировал земскому образованию. Здесь, на естественном отделении, я преподавал предметы зоологического цикла, сначала один, а затем совместно с Г.Э. Иоганзеном.

Так как я явился первым заместителем кафедры зоологии в Томском университете, то помимо преподавания и специальных исследований мне пришлось употребить еще много усилий на организацию зоологического музея, который, как и все учреждения юного в то время университета, нужно было устраивать совершенно заново и с очень ограниченными средствами. Но путем постоянного сбора коллекций, путем обмена, привлечения пожертвований, а отчасти, конечно, посредством покупки, удалось кое-что сделать. Для начала очень важную в этом отношении роль сыграла моя годичная командировка 1892/3 акад. года в Европейскую Россию и за границу. Во время этого путешествия я изучил зоологические и сравнительно-анатомические музеи всех русских университетов и Академии наук, многие иностранные зоологические учреждения и сады (всего изучено 35 различных зоологических учреждений, завел с ними обмен препаратами и, наконец, лично собрал порядочные коллекции). Обыкновенно учреждения, вступавшие в обмен, давали нашему музею, как молодому, гораздо больше, чем от него получали. В этом отношении нужно особенно благодарить Академию наук, Московский и Харьковский университеты. Таким способом, т.е. без расхо-

дов со стороны университета, были приобретены обширные и разнообразные коллекции, именно 7 готовых чучел, 103 птичьи шкурки (68 видов), 350 различных спиртовых препаратов (250 видов), преимущественно позвоночных, 950 очень ценных раковин (400 видов), коллекция насекомых, коллекция яиц, коллекция по шелководству и различные другие препараты. В течение этого же путешествия, во время экскурсии в окрестностях Неаполя, Рима, Порреты, Болоньи, Венеции, Киева, Харькова, Екатеринослава, Кременчуга на берегах реки Волги, мною самим, при участии моей жены, собрана коллекция моллюсков, в числе более двух тысяч экземпляров, принадлежащих к 165 видам. Разных других животных (преимущественно позвоночных) собрано более тысячи экземпляров, принадлежащих к 169 видам. Многие из них были на месте же препарированы и монтированы, как сравнительно-анатомические, или как биологический препарат. <…>

Но главную рель, конечно, играло все-таки собирание местных, сибирских, коллекций, о чем будет сказано ниже. В результате уже за несколько лет до моего переезда из Томска оказались собранными настолько значительные коллекции, что помещать их было буквально негде. Многое приходилось держать в не отапливаемых кладовых.

Немало хлопот создало для меня желание как следует обставить кафедру зоологии служебным персоналом. По штату, кроме профессора и служителя, полагался только консерватор музея, больше никаких помощников. Но так как без препаратора кафедра зоологии в Томске обойтись никак не может и надобность в таком лице особенно живо чувствовалась в первое время организации музея, то на должность консерватора было назначено лицо, по своей подготовке именно подходящее для исполнения обязанностей препаратора, обязанности же консерватора (хранителя музея) приходилось нести мне самому. Года через два, после выслуги этим лицом полной пенсии, должность консерватора была замещена лицом с высшим образованием, но тогда обнаружились большие неудобства вследствие отсутствия препаратора. Во время предпринятого мною в 1892 г. объезда всех наших университетов я, между прочим, старался подыскать препаратора для нашего музея. Пришлось, однако, убедиться, что сделать это почти невозможно при том нищенском вознаграждении, которое уни-

версите́т мог ему предложить из своих специальных средств за отсутствием такой штатной должности. Только в 1908 г. и то, собственно говоря, случайно удалось достигнуть этой цели. Еще несколько раньше мне удалось добиться учреждения должности ассистента, необходимой при помощи при практических занятиях со студентами, а также и для научной обработки наших зоологических коллекций, так как двум лицам (профессору и консерватору) справляться с ними стало уже не под силу, вследствие большого их количества.

Таким образом, постепенно, в течение почти двух десятков лет, мне удалось обставить свою кафедру персоналом, вполне достаточным в ее положении при медицинском факультете. Больным местом во время моего отъезда оставался только вопрос о помещении. В этой отношении все мои усилия не привели к какому-нибудь законченному результату. Зоологические музей, лаборатория (так называемый кабинет) и препаровочная не только были переполнены, но и расположены в разных местах разных этажей. Это громадное неудобство после многократных моих просьб решено было устранить отводом для надобностей кафедры зоологии нынешних помещений библиотеки, когда для последней будет выстроено новое здание. К сожалению, эта постройка, давно ожидавшаяся, по разным причинам все откладывалась, так что начата только в год моего переезда в Киев. Утешительно все-таки и то, что мои преемники теперь работают в лучших условиях.

Направление моей научной деятельности только в первое время пребывания моего в Томске оставалось таким же, как и раньше, т.е. преимущественно эмбриологическим. <…>

Мои эмбриологические работы обратили на себя внимание многих специалистов. <…> Мой метод графического изолирования неоднократно был описываем в английских, американских и других изданиях… <…>

Перехожу теперь ко второму периоду моей научной деятельности, характеризующему мое пребывание в Томске. В соответствии с местными потребностями, здесь постепенно выступили на первый план работы по зоологической систематике, по зоогеографии и отчасти по прикладной зоологии. Позднее я сосредоточился почти исключительно на млекопитающих, так что маммология сделалась моей окончательной зоологической специальностью. В тесной связи

с этим направлением моих работ находится большая часть предпринимавшихся мною поездок. Первые годы были посвящены фаунистическому обследованию прилежащих к Томску местностей. Эта новая для меня страна интересовала меня тем более, что свою молодость я провел в южной России, так что не только сибирская, но и вообще северная фауна была мне мало известна. Позднее, однако, явилось естественное желание изучить более отдаленные местности.

Перечислять экскурсии в окрестностях г. Томска, которые производились ежегодно помногу раз, конечно, нет ни возможности, ни надобности. Укажу, однако, на то обстоятельство, что в этих экскурсиях часто мне сопутствовали и помогали и другие лица, как, напр[имер], д-р К.Ф. Дмитриевский, проф. П.М. Альбицкий, экзекутор университета В.И. Ржеуский и студенты Скрипченко, [Д.Ф.] Олюнин, [К.М]. Осипов и В.Г. Шипачев. Из числа собранного при этом разнообразного материала заслуживает особенно быть отмеченной коллекция птичьих гнезд и яиц, переданная мною в собственность зоологическому музею Томского университета, впрочем, как и весь без исключения материал, собранный мною при моих ближайших и дальних поездках и вообще за время службы в Томском университете <…>

Из числа более отдаленных моих экскурсий и экспедиций укажу на следующие:

Поездка на р. Обь летом 1890 г. Во время этой экскурсии производилось исследование рыболовства (преимущественно сетями, переметами и вершами, так как летом здесь обыкновенно неводят) и коллектирование птиц. Особенно тщательно было изучено гнездование орланов <>, один из которых живым привезен в Томск. Сотрудниками экскурсии были студенты Г. Скрипченко и служитель В. Векшин. <…>

Поездка на рыболовные озера Чаны, Сартлан и Убинское, по поручению М[инистерст]ва государственных имуществ, летом 1891 г. Задачей экспедиции являлось изучение свирепствовавшей в этих озерах глистной эпизоотии рыб и ее причин. Во время исследования было произведено вскрытие 99 водных птиц, принадлежащих к 8 родам, и 951 различных рыб как из выше названных, так и из некоторых других озер той же местности. Причиной эпидемии оказались два вида ленточных червей из сем[ейства] ремнецов, причем один из них (Zigula digramma) найден исключительно в карасях,

а другой (Z. monogramma) – в различных других рыбах из сем[ейства] Cyprilae. Главными, а, быть может, и единственными разносителями заразы в данном случае служили, несомненно, чайки, так как из 44 исследованных экземпляров этого рода (Zaruq) зараженными оказались 11. Результат этот был довольно неожидан, так как по предшествовавшим указаниям европейских исследователей главными и разносителями ремнецов считались утки. Здесь же, наоборот, среди 42 исследованных уток не оказалось ни одной зараженной, так же как и среди всех прочих исследованных птиц (кроме чаек). Попутно было произведено коллектирование различных животных (68 птичьих шкурок, несколько десятков рыб и более 1000 различных рыбьих и птичьих паразитов). Между прочим, добыто три вида орлов в шести экземплярах. Помимо моих собственных статей <…>, результаты экспедиции использованы и другими, именно, собранные экспедицией черви (кроме ремнецов), обработанные В. Клером, опубликованы в его статье «Обзор нескольких гельминологических коллекций» (Записки Уральского общества любителей естествознания. Т. 25. 1904), а птицы, обработанные проф[ессором] М.А. Мензбиром и Г.Э. Иоганзеном, опубликованы в книге последнего «Материалы для орнитофауны степей Томского края» (Изв. Томского университета, 1907). Участникам этой экспедиции были консерватор зоологического музея В.П. Аникин и служитель В. Векшин.

Командировка в центральный Алтай летом 1898 г. Исследованы были районы рек Черга, Урусул, Онгудай, Чарыш, озера Теньга, Маргалинские белки и Уймонская долина. Научными результатами явились подробное описание алтайской косули, алтайского сурка (который раньше никем не был описан), новых видов зайца, полевой ящерицы, лягушки (раньше Алтай считался совершенно лишенным лягушек), нескольких форм мышей, рыб и различных других алтайских животных. Всего позвоночных было собрано 818 экземпляров, принадлежащих к 155 видам и подвидам, из которых десять являются новыми. <…> Сотрудниками этой экспедиции были студенты А. Сидонский, А. Леман и служитель М. Толмачев. <…>

Экспедиция вдоль линии в то время только что открытой Сибирской железной дороги между городами Омском, Томском и Красноярском летом 1899 г. Главными пунктами исследований явились ок-

рестности железнодорожных станций Коченево, Каинск, Убинская, Татарская, Ижорская и Красная, причем, однако, нужно заметить, что в двух последних пунктах деятельностью экспедиции вместо меня руководил Г.Э. Иоганзен. Помимо выяснения общего состава фауны изученной местности, очень важным результатом этой экспедиции явилось открытие нового рода полевок.<…> Сотрудниками этой экспедиции был консерватор музея Г.Э. Иоганзен, С.М. и М.С. Чугуновы и служитель М. Толмачев. <…>

Экспедиция в степные местности западного и юго-западного Алтая 1900 г. Исследована местность вдоль почтового тракта от г. Барнаула до г. Змеиногорска, отсюда на запад до с. Локоть, от Локтя до Семипалатинска, отсюда до с. Убинского на р. Иртыш и отсюда вдоль почтового тракта до г. Змеиногорска. Главными местами изучения являлись: с. Саушка (близ Змеиногорска), с Локоть, поселок Шульба (близ Семипалатинска) и с. Убинское. Благодаря этой экспедиции выяснен общий состав фауны этой местности, также различные подробности относительно систематических признаков и образа жизни алтайского сурка, местных мышеобразных грызунов, многих птиц и гадов.<…>

Сотрудниками при этой экспедиции были студент А.П. Велижанин и служитель М. Толмачев.<…>

Благодаря этим сборам зоологического материала, а также сборам, производившимся моими более молодыми сотрудниками и томским профессором ботаники В.В. Сапожниковым, зоологических коллекций накопилось такое количество, что даже с одними только млекопитающими мне стало очень трудно управляться, тем более еще, что мне часто присылали для научной обработки материал и со стороны, т.е. собранный лицами, не принадлежащими к составу Томского университета и притом нередко совсем из других местностей.<…>

С грустью должен сказать, что и ко времени моего переезда в Киев я не только не успел научно обработать весь накопившийся в Томском зоологическом музее материал по млекопитающим, но и не успел опубликовать всего того, что уже более или менее обработано.

Необходимость сравнения сибирских животных форм с европейскими сблизила меня с зоологическим музеем Академии наук, где

я никогда не упускал случая поработать во время пребывания в Петербурге по каким бы то ни было причинам. Один же раз мне удалось выхлопотать себе специальную командировку для этой цели, именно на весеннее полугодие 1901 г. <…>

В 1896 г. мне случилось сделать вблизи Томска замечательную находку, скелет мамонта с ясными следами современного ему человека. Это обстоятельство заставило меня познакомиться поближе с доисторической археологией так называемого каменного периода. Мне приходилось делать в окрестностях Томска также другие раскопки, но уже несравненно более позднего периода, называемого обыкновенно курганным.<…>

В общем обзоре моей научной деятельности следует упомянуть также о занятиях садоводством. Первоначально я стал растить в саду глазным образом ради гигиенических целей, но затем сильно увлекся этим делом, что и не удивительно, так как страсть к садоводству очень распространена в нашем роду. Меня заинтересовала, именно, мысль о возможности создать плодоводство там, где его, собственно говоря, не существует и где внешние условия для него в высшей степени не благоприятны. Таким образом, акклиматизация плодовых и отчасти цветочных растений, на научных основах сделалась моим любимым отдыхом от зоологических работ.<…>

Для изучения сибирского садоводства была предпринята одна из моих более отдаленных поездок. Именно, в конце лета 1907 г. я ездил в Енисейскую губернию для изучения плодовых питомников А.И. Олениченко (в Красноярске) и М.Г. Никифорова (в 60-ти верстах от г. Минусинска). <…> Участником поездки был Н.А. Иваницкий…<…>

Результаты этой моей деятельности обнаружились гораздо позднее, когда выработанные мною специально для Сибири гибридные яблони начали плодоносить. Они послужили основой для развития сибирского плодоводства, которое и настоящее время стало уже на прочную ногу. Западно-Сибирское общество сельского хозяйства, Омское общество плодоводства и Минусинское общество краеведения отблагодарили меня за эту сторону моей деятельности избранием в свои почетные члены.<…>

Само собой разумеется, что мне приходилось многократно делать доклады и вообще принимать участие в деятельности различных обществ научного или просветительного характера. К участию

в съездах, напротив, меня как-то не тянуло и, насколько могу вспомнить, я был только на следующих съездах: 1) Анатомическом в Лейпциге, 14–15/2–9/ апреля 1887 г.; 2) Трех почти одновременных съездах в августе 1892 г. в Москве (Международном антропологическом с 1 по 8, Междунар[одном] зоологическом с 10 по 18 и Акклиматизационном ботанико-зоологическом с 22 по 30 ав[густа]); 3) Десятом Археологическом в Риге с 1 по 15 августа 1896 г.

Наконец, чтобы покончить с моими поездками, преследовавшими научные или служебные цели, упомяну еще о том, что осенью 1903 г. я был вызван в Петербург для участия в работавшей под председательством министра народного просвещения (Зингера) Комиссии по преобразованию высших учебных заведений. Здесь мною был разработан доклад о порядке замещения профессорских вакансий, который и напечатан в трудах этой комиссия.<…>

В Томске большой спрос на интеллигентных работников, которые могли бы поддерживать различные культурные предприятий, особенно необходимые для этого края, только недавно призванного к более полной и более современной жизни. Волей или неволей мне приходилось работать и в этом направлении. Между прочим, мне удалось сыграть некоторую роль в развитии деятельности двух очень симпатичных обществ: сельского хозяйства и садоводства. Именно, в 1895 г., вместе с агрономом В.Г. Бажаевым, мы организовали Томский отдел Импер[аторского] Московского общества сельского хозяйства, открытие которого было разрешено еще за несколько лет раньше, но фактически не состоялось. Мне пришлось быть и председателем этого общества в течение нескольких первых лет. За этот период было издано две книжки «Трудов отдела», и, наконец, Отдел был преобразован в самостоятельное Западно-Сибирское общество сельского хозяйства.<…>

Подобную же роль пришлось мне сыграть по отношению к Томскому обществу садоводства, которое было открыто еще в 1892 г., имело даже свой участок земли с оранжереей, но, тем не менее, в то время, когда я начал заниматься садоводством, совершенно не существовало, собственно как общество. В 1905–08 годах в нем числился только одни единственный член, который в течение нескольких лет состоял председателем, секретарем, казначеем, заведующим участком и вообще единоличным распорядителем и представителем общества. Собраний докладов, конеч-

но, не бывало. Каких-либо опытов и наблюдений не производилось. На участке же общества велась только торговля овощами и цветами, как во всяком так называемом «садовом заведении».

В 1908 г. совместно с известным любителем садоводства Н.А. Иваницким и с согласия уполномоченного свыше единственного представителя числившегося юридически Общества садоводства мы сорганизовали общество заново, привлекли значительное количество членов, и с тех нор оно стало функционировать так, как и должно функционировать всякое научно-практическое общество. В его заседаниях сделано мною несколько докладов.

Неоднократно мне случалось читать публичные лекции на различные темы. Одна из них <> послужила толчком к организации в Томске детского Майского союза, который после того в течение продолжительного времени действовал очень недурно. Очень важное значение, по моему мнению, имел организованный мною в 1897 г. при участии нескольких других лекторов ряд публичных лекций по различным вопросам, касающимся изучения нынешнего края. Эти лекции затем были мною изданы, в виде сборника под общим заглавием «Научные очерки Томского края» (№ 1). Средства для этого издания собраны стараниями покойного управляющего Томским отделением Государственного банка В.Е. Пудовикова от нескольких жертвователей.

Не все мои публичные лекции напечатаны, частью потому, что иной раз другие дела мешали обработать их для печати, а частью и по случайным причинам. Так, напр[имер], еще в первые годы своего пребывания в Томске я отправил почтой в редакцию «Русского богатства» (в периоде редакторства Л. Оболенского) вполне обработанную рукопись своей публичной лекции «О жизни и смерти в царстве животных», и с тех пор она исчезла бесследно. Мне даже неизвестно, была ли она доставлена по назначению.

Мне приходилось, между прочим, принимать участие в Томском городском управлении в качестве гласного, члена нескольких комиссий, члена-попечителя совета женской гимназии (от города) и т.п. Эта сторона деятельности была для меня наиболее тяжела, так как она отнимала много времени, а между тем редко встречались такие вопросы, для решения которых были бы необходимы мои специальные знания.

Вообще, я должен сознаться, что деятельность административно-хозяйственная мало соответствует способностям, и она подходит для меня тем менее, чем более связана с представительством и властью. В начале 1894 г. мне пришлось занять должность ректора университета в силу особенным образом сложившихся обстоятельств. Дело в том, что перед этим я провел целый год в командировке, и как раз в течение этого года в университете случилось одно неприятное событие, разделившее всех наличных профессоров на две враждовавшие между собой группы. Благодаря своему отсутствию, я один только остался непричастным к этому расколу, и, как я думаю, именно поэтому министерство после произведенного через особого ревизора расследования нашло необходимым поставить меня во главе университета. При данных условиях я не счел себя вправе отказываться. Однако при первой же возможности, именно через год, я постарался освободиться от этих тяжелых обязанностей.

Смена лиц в Томске происходит быстро, а потому в 1912 г. я оставался единственным профессором из числа назначенных в первый год существования университета и единственным почетным мировым судьей из числа назначенных при самом введении судебной реформы в Сибири (в 1897 г.).

Я долго не тяготился пребыванием в Сибири, тем более, что направление моей деятельности, как в области зоологии, так и в области акклиматизации, связало меня с Сибирью чрезвычайно тесно. Наконец, все мои дети родились за время моей службы в Томске, и вся моя семья, не исключая и жены, хотя она уроженка Петербурга, очень привязалась к Томску. Однако упадок здоровья все-таки пробудил у меня в последние годы пребывания в Сибири потребность переселиться в более родные края. В мае 1912 г. я был избран на вакантную кафедру зоологии при сельскохозяйственном отделении Киевского политехнического института, а в августе того же года переселился в Киев, с грустью ликвидировав все свои дела в Томске.

<…>

Как видно из всего вышеизложенного, в течение моей жизни мне приходилось работать в нескольких областях биологии, но, главным образом, в четырех: в микроскопической технике, в эмбриологии, в маммологии и в акклиматизации. Я поэтому считаю себя биологом

в широком смысле этого слова. Некоторым кажется странным, что, получив медицинское образование, я сделался зоологом, а, в конце концов, стал заниматься акклиматизацией растений. Да, так своеобразно сложилась моя судьба. На медицинский факультет, как очень скоро выяснилось, я поступил по ошибке. Эту ошибку до некоторой степени очень великодушно исправил Московский университет, выдав мне диплом на степень доктора зоологии honoris causa. Идею акклиматизации заронила во мне суровость сибирского климата, и сначала я пытался акклиматизировать животных <>, но затем должен был перейти на растения, так как акклиматизация животных требует уже очень больших средств.

Как бы то ни было, я испытываю большое нравственное удовлетворение, видя, что в каждой из четырех только что перечисленных областей биологии от моих работ остался некоторый прочный вклад, которым пользуются позднейшие исследователи, иногда даже такие, которые работают через несколько десятков лет после напечатания тех моих работ, на которые они ссылаются.

Само собою разумеется, что за такой продолжительный период времени, в течение которого мне пришлось работать, я попал в чле-ны очень многих научных обществ. Некоторые из них теперь уже закрылись, о некоторых я забыл. Но вот о каких я хорошо помню. Я состоял почетным членом Томского общества попечения о начальном образовании, Томского отдела Общества покровительства животным, Томского общества сельского хозяйства, Омского общества плодоводства, Минусинского общества краеведения; непременным членом Общества любителей естествознания при Московском университете и Московского общества любителей аквариума; действительным членом Международного анатомиического общества, Обществ естествоиспытателей при Петербургском, Харьковском, Томском и Киевском университетах, Общества испытателей природы при Московском университете, Общества опытных наук при Харьковском университете и Общества любителей природы в Киеве. Что я состою действительным членом Украинской Академии наук и заслуженным профессором Томского университета, об этом упоминалось уже выше.

1913 и 1927 гг. (дополнено).
Музей истории ТГУ. Машинопись

КОНАРЖЕВСКИЙ Игнатий Константинович
(1866-1917)

Врач, выпускник Томского университета. Из дворян. После окончания Омской мужской гимназии (1888) поступил на медицинский факультет Императорского Томского университета. Среди его университетских преподавателей профессора Э.Г. Салищев, М.Г. Курлов, А.П. Коркунов и другие. Окончил университет со степенью лекаря (1894). После окончания университета служил врачом вначале в Сибири, затем в Европейской России. В последние годы жизни был военным врачом. Занимался изучением целебных свойств озера Шира и других озер Минусинского округа Енисейской губернии.

К ДЕСЯТОЙ ГОДОВЩИНЕ ИМПЕРАТОРСКОГО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА: КОЕ-КАКИЕ МЫСЛИ ВСЛУХ

Вот уже с лишком десять лет прошло с того момента, как впервые я перешагнул порог в новом храме науки на далекой окраине дорого отечества, а между тем вспоминания о многих эпизодах из нашей последующей пятилетней студенческой, тяжелой трудовой жизни до такой степени рельефны, интенсивны и свежи в памяти, как будто они прожиты лишь несколько дней тому назад.

На первый курс медицинского факультета Томского университета, только что начавшего свою индивидуальную жизнь осенним семестром 1888, нас собралось со всех концов обширной русской земли, около семидесяти пяти человек, из которых на долю воспитанников различных духовных семинарий приходилось около сорока человек, осталь-

ных же первенцев Томского университета доставили 9 сибирских гимназий. Екатеринбургская гимназия дала нам семь человек товарищей. На долю первенцев Томского университета выпало немало разного рода воспоминаний, как хорошего, приятного, так и тяжелого, невеселого характера. Последних, к сожалению, больше, чем первых.

Тяжелые воспоминания связаны больше с безысходной нуждой многих из нас, для удовлетворения которой приходилось прибегать к общественной благотворительности путем устройства студенческих вечеров, концертов, приходилось не раз сталкиваться с горькой действительностью: кулачеством, самодурством и вообще с неподготовленностью большей части томского общества к университетской жизни, к принятию в свою среду студенчества.

Разумеется, этого нельзя сказать про все томское общество, отнесшееся, в общем, к нам очень дружелюбно, можно, пожалуй, сказать с распростертыми объятиями; это давало нам необходимую нравственную поддержку в тяжелой борьбе с материальной нуждой, вековыми предрассудками кулаков-скопидомов, так как симпатизировавшая нам часть томского общества особой материальной помощи все же не могла нам оказать.

Первоначально все надежды на солидную материальную поддержку, при устройстве студенческих вечеров, мы возлагали на добровольные пожертвования при продаже выходных билетов со стороны томских крезов, но первый же студенческий вечер нам доказал, как мы жестоко ошибались в своих расчетах. Распорядителями первого томского студенческого вечера решено было входные билеты на это вечер развозить по домам.

В числе распорядителей был и я. Как сейчас помню то тяжелое грустное чувство сожаления о душевном убожестве, сердечной пустоте, мелочности, болезненной щепетильности, с которыми нам пришлось познакомиться во время этой поистине нелегкой миссии. Я, как сейчас, помню то горькое чувство унижения, какое мы, привезшие билеты, испытали в доме известного миллионера, бывшего тогда томским городским головой![1]

«В концертах мы не бываем, да и не танцуем, следовательно, нам нечего и делать на вашем вечере, а потому билета я у вас не возьму», –

[1] Речь, по-видимому, идет о Е.И. Королеве, томском городском голове в 1887–1890 гг., который, в свое время, отказался пожертвовать на строительство Сибирского университета (сост.).

сказал он нам. Но таким ответом мой товарищ не особенно смутился и ответил: «Если уж не желаете удостоить своим посещением наш вечер, то, наверное, не откажетесь пожертвовать сколько-нибудь от своих достатков в пользу недостаточных студентов, которым за несвоевременный взнос платы за слушание лекций придется оставить университет». На это почтенный городской голова сказал: «Что ж, пусть их оставляют свою науку, коли им нечем жить; хочешь учиться, барином быть – значит, должен иметь для этого и свои средства; нечего надеяться на чужие карманы»… Выслушав такое назидательное нравоучение, взволнованный и оскорбленный товарищ моментально оставил дом богача, не получив от него, таким образом, ни одного медного гроша.

Помню и то, какое невеселое чувство закралось в мою душу по уходе из дома другого томского богача, более свежего пошиба, с более благородной душой, но до крайности мелочного, тщеславного, оказавшего материальную поддержку не по существу, не по идее, а по чувству лишь удовлетворения грубого эгоизма.

Не желая быть голословным, приведу здесь весь разговор, который вызвал у меня эти размышления. От известной в Томске богатой семьи, пожертвовавшей сверх платы за взятые ими билеты еще, кажется, двадцать пять рублей, я поехал с товарищем прямо к не менее в то время шумевшему томскому купцу, так сказать, «образованного покроя»; встретил он нас очень любезно, предупредительно, словом, вполне по современному купеческом этикету, а на наше предложение взять билет на первый студенческий вечер ответил полной готовностью, фамильярно похлопывая меня по плечу: «Как же-с возьмем, беспременно возьмем, еще бы *нам* не взять билетов на первый вечер нашему сердцу милых, давно желанных студентов, дайте, дайте, билетика с три».

Когда я из купонной книжки оторвал ему три билета, а по получении с него пяти рублей сверх стоимости трех билетов, стал на купонах своей книжечки записывать его пожертвование, он спросил меня: «Что это вы, батенька мой, там пишете?» На что я ему ответил, что отмечаю для отчета его посильную лепту на нужды бедных товарищей. Тогда сей великий муж, подойдя ближе ко мне, сказал: «А ну-ка, покажите-ка мне, что у вас тут пишется, у кого побывали» и, взяв у меня из рук книжечку, стал ее быстро, тревожно рассматривать, причем лицо его при встрече знакомых ему жертвователей постоянно быстро менялось, а когда он дошел до фамилии богатой семьи, против которой было отмечено пожертвование в 25 рублей,

воскликнул: «А, пожертвовали двадцать пять рублей» и, возвращая мне книжечку обратно, сказал: «Коли так, то обождите минутку заносить мое пожертвование в пять рублей» и тут же добавил из бумажника, кажется, двадцать рублей.

Вышеприведенная сцена очень характерна, по-нашему, для уяснения понятий о благотворительности некоторых тузов, жертвующих не делу, не по идее, а для удовлетворения своего грошового тщеславия, какого-то болезненного себялюбия. Тем не менее, все-таки, эти господа подчас полезнее обществу господ, вроде упомянутого городского головы, которыми в наше время все еще богато русское общество

Свежи каждому из первенцев Томского университета и воспоминания о грустных, подчас невероятных эпизодах неуместной в стенах храма науки партийной борьбы на почве не менее мелочного тщеславия, желчности, болезненного самолюбия в знаменитом Томском обществе врачей и естествоиспытателей членов его с бывшим, ныне уже покойным, председателем этого общества[1]. Борьба эта прогремела в свое время не только на всю матушку-Россию, но и Европу, и доставила нам, студентам, немало тяжелых минут нравственного испытания и душевных терзаний.

На нас, студентах, борьба эта отразилась всесильным veto посещать научные заседания общества без особого на то каждый раз разрешения со стороны г-на председателя, предложившего нам однажды публично, громогласно оставить залу заседания почетного общества, единственно только потому, что мы еще не члены этого ученого общества. Кому же, как не нам, искавшим знаний, были интересны научные доклады этого общества, состоящего в преобладающем большинстве из наших же профессоров-учителей.

Да мало ли еще есть грустных воспоминаний из моей студенческой жизни, обусловленных, с одной стороны, некоторой бестактностью, какой-то нервозностью, подчас, быть может, переутомлением бывших наших наставников, которые тем не менее оставили в нас глубокое уважение за эту любовь, увлечение, с которыми она предавалась своему делу, за желание выработать в нас любовь к научному труду, дать нам возможность получить обширное медицинское образование, выпустить нас из университетских стен людьми с основа-

[1] Имеется в виду профессор Э.Г. Салищев, избранный вместо В.М. Флоринского председателем Общества естествоиспытателей и врачей при Томском университете в сентябре 1892 г. (сост.).

тельными знаниями своего дела, вполне хорошо научно подготовленными борцами к предстоящей, по выходе из университета, тяжелой житейской борьбе.

Этим искупаются все тяжелые воспоминания некоторых эпизодов нашей неприглядной студенческой жизни с массой всевозможного рода ошибок и промахов верующей в идеалы молодости. Но ведь тот только не ошибается, кто ни во что не верит и ничего не делает.

Надо отдать вполне заслуженную справедливость и честь г[осподам] профессорам первого выпуска Томского университета, из которых большая значительно часть, к положительному несчастью томских студентов, в настоящее время составляет гордость Императорской военно-медицинской академии и других университетов, за то, что сумели вести дело преподавания так, что у нас не было, не существовало de facto преподавателей или безмолвных слушателей, а были действительно искренне любящие науку профессора и студенты, часто взаимно обменивавшиеся друг с другом своими мыслями; мы не боялись своих профессоров, а откровенно высказывали им волновавшие наши умы и непонятные нам вопросы, на которые всегда находили у них сердечное, толковое, чисто товарищеское, но авторитетное разъяснение.

В кабинетах и клиниках у нас не чувствовалось начальников и их подчиненных; здесь нередко между директором той или другой клиники по поводу встречавшихся болезненных форм происходили целый дебаты, во время которых иногда нами высказывалось много и смешных, ничем не обоснованных, предположений, но никто из нас не был строго осужден, не был зло осмеян; зато, напротив, путем целого ряда научных доводов, ссылок на соответственные литературные источники старались наши профессора разубедить в заблуждениях, ошибках, не так понимаемых у кровати больного наличных явлений, доказать путем надлежащего освещения фактов истину.

Да! Тут-то всегда чувствовалась искренность, сердечность, правдивость, ибо мы не видели, повторяю, в своих профессорах начальников, а только желавших нам добра, если хотите, даже искренно нас любивших более опытных, знавших товарищей, с которыми мы имели возможность беседовать в какое вам угодно было время; у нас не было особо установленных часов для совещаний, для нас всегда были открыты двери их кабинетов в свободное от лекций время, чего, к сожалению, нельзя сказать обо всех профессорах других университетов, где имеются так называемые «генералы от медицины», которые смотрят на свои

лекции, как на отбывание лишь своих законных часов, вроде общевоинской повинности, нисколько не заботясь о том, что из аудитории выносят слушатели: усваивают ли хоть часть ими читаемого курса, понимают ли достаточно излагаемый предмет.

Такое же счастливое исключение составляют профессора Императорского клинического института великой княгини Елены Павловны, где все чутко следят за пробелами своих слушателей – правда, врачей, стараясь всеми своими силами прийти им на помощь в деле пополнения этих пробелов и уделяя массу времени на богатые разнообразным материалом амбулаторные приемы больных при активном участии слушателей в присутствии и под непосредственным руководством самого профессора по той или другой специальности, а также и его ближайших помощников – старших ассистентов и ординаторов – людей все крайне внимательных, всегда готовых к посильным услугам своих слушателей.

Особенно же в этом отношении отличается лейб-акушер, профессор Дмитрий Оскарович Отт, в лице которого все его слушатели находят не только высокоталантливого акушера-хирурга гинеколога, но и искренне любящего своих учеников, чисто отеческой любовью человека, способного во всякое время откликаться на все нужды своих многочисленных слушателей и слушательниц.

Есть много других приятных воспоминаний из нашей студенческой жизни первых голов существования Томского университета, но, в общем, темный фон их преобладает над светлым, благодаря тем тяжелым минутам, какие нередко нам приходилось переживать отчасти вследствие первоначальной нашей разрозненности, деления на студентов-семинаристов и студентов-гимназистов, названных почему-то первыми «пескарями», но, главным образом, благодаря нашей почти всеобщей, кроме казенных стипендиатов, материальной необеспеченности, которая, отчасти, впоследствии теснее соединила как тех, так и других, ибо общими силами легче было бороться с нуждой.

Из семидесяти пяти человек, кажется, нас до пятого курса дошло и благополучно окончило тридцать с небольшим. Такой большой урон, потеря товарищей за пятилетний срок пребывания в университете красноречиво, без всяких комментариев, говорит за то, как нам красно и легко давалось прохождение медицинского факультета, а еще красноречивее на то, насколько семинаристы оказались более стойкими, более подготовленными к такой работе сравнительно с гимназистами, так как

из числа 32 или четырех человек врачами вышло из университета пять или шесть человек бывших гимназистов, а остальное число, получивших диплом врача, пало на долю семинаристов.

Все выше здесь изложенное и многие другие воспоминания, которые считаю невозможным восстановить путем настоящей краткой заметки в Вашей памяти, многоуважаемые товарищи первого выпуска Томского университета, уже доживающего и одиннадцатую годовщину своего существования как рассадник знания, истины и света, как храм науки на далекой окраине дорого отечества, заставляет меня хоть через посредство общей прессы обратиться к Вам с предложением увековечить память первой десятилетней годовщины дорогого для нас университета, как Alma mater, положением начала посильными трудовыми пожертвованиями постоянного неприкосновенного капитала в шесть тысяч рублей имени всеми нами уважаемого и любимого профессора, ныне уже члена Академии наук Сергея Ивановича Коржинского, на долю которого выпало поистине редкое счастье начать индивидуальную жизнь Carissimae Almae Matris nostrae его блестящей речью на тему: «Что такое жизнь».

Проценты с этого капитала должны обеспечить безбедное существование одного из достойнейших и беднейших студентов-медиков. Среди томских студентов ничуть не меньше, если не больше бедняков, чем в других университетах, для которых всякая лишняя материальная поддержка является гарантией от тех роковых последствий, к каковым ведет материальная нужда студентов-медиков, которым, кроме почти непосильного труда на усвоение преподаваемого им в течение пятилетнего курса, выпадает еще забота о добывании средств к существованию, удовлетворению чувства голода.

Роковые последствия такой непосильной борьбы за существование при усиленном спросе на умственную работу сами собой понятны и не заставляют себя долго ждать: достаточно вспомнить тяжелую, грустную кончину товарища Голубева, студента Быстрова, недавно преждевременно сошедшего в могилу, доброго товарища и честного труженика – Ольгского (см. «Врач» за 1898 г. № 46) и т.п.

Ввиду того, что казенных стипендий, которыми Томский университет обладает в сравнительно большем количестве против

других университетов, все-таки недостаточно для удовлетворения насущных нужд, по моему глубокому убеждению, горю должно помогать общество, а, тем более, бывшие воспитанники Томского университета, из которых некоторые, насколько мне известно, живут куда как хорошо обеспеченными в материальном отношении.

Чем будет больше при Томском университете частных стипендий, являющихся подмогой казенным, тем легче, свободнее будет дышаться его питомцам. Так пусть же каждый из нас пошлет посильную для него лепту от своих трудовых достатков на имя ректора Томского университета, перед которым мной еще в январе месяце текущего года, в бытность нашу в Казани, возбуждено ходатайство взять на себя заботу о доведении до конца предлагаемого мной дела, осветить его надлежащим законным путем.

Пользование стипендией имени проф. Коржинского не должно быть связано ни с какими особыми обязательствами по окончании курса со стороны пользовавшегося ей пять лет. Подробные же условия пользования ею можно предложить выработать тому, в честь кого она учреждается. Я глубоко убежден, что никто из Вас, дорогие товарищи, не будет иметь ничего против названия учреждаемой стипендии именем любимого всеми нами наставника, ибо убежден, что десятилетний период не успел еще изгладить из нашей памяти того сильного впечатления, которое на нас произвела первая лекций талантливого лектора в стенах нового храма науки.

Вспомните, товарищи, какое горькое сомнение закралось в наши души по выходе из аудитории относительно нашей достаточной подготовленности к усвоению, пониманию естественных наук, как многие из нас тут же совершенно неосновательно и преждевременно решили, а в числе таковых был и я сам, что наш мозг создан вовсе не для усвоения естественных наук, будучи обременен бесполезной восьмилетней долбежкой разных аористов[1] и plusquam perfectum'ов, всевозможного рода правильных и неправильных глаголов, бесцельным, неосмысленным задалблива-

[1] Аорист (греч.) – грамматическая форма времени, свойственная ряду языков (греческому, древнеиндийскому, старославянскому, древнерусскому и др.) (сост.).

нием хронологии и т. п. прелестей гимназического и семинарского преподавания, а между тем уважаемый профессор талантливо, мастерски, чисто художнически в общепонятных и доступных всякому истинно интеллигентному человеку словах излагал современные научные взгляды на затронутый им вопрос!

Да! Эта первая лекция, как и весь читанный им наш курс, неоднократно заставлял нас над многим задумываться, анализировать самих себя, глубоко заглядывать в тайники нашего интеллекта, нашего я. Пусть же и то благое дело нашей общей благотворительности, которое мы думаем сделать сообща в первый раз по выходе из дорогого нашему сердцу университета, будет сделано в честь его как нашего первого учителя. Feci quod potui (я сделал все, что мог сделать).

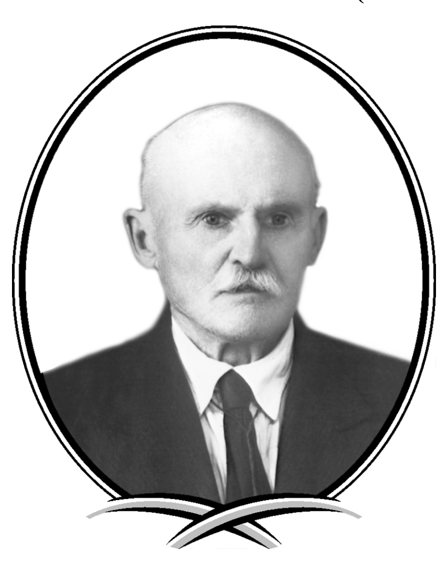
Успешная же реализация моего предложения в действительности будет зависеть от того, с каким сочувствием отнесутся к нему не только Вы, товарищи – первенцы Томского университета, но и вообще все, как настоящие, так и бывшие члены томской университетской семьи, для которых интересы учащейся молодежи должны быть, по принципу, дороги и для которых слова Alma Mater не составляют пустого звука.

Еще в январе, как я уже выше упомянул, текущего года из г. Казани мы послали при соответственном письме г. ректору Томского университета посильную лепту с целью положить начало основному капиталу имени проф. Коржинского с просьбой, по прошествии года со дня получения им нашего письма и появления в печати настоящего, сильно запоздавшего по не зависящим от меня причинам воззвания, ознакомить нас всех путем печатного же слова через посредство редакции «Врача» или «Еженедельника» с положением настоящего вопроса. Не теряю надежды, что большинство из моих товарищей – первенцев Томского университета охотно откликнется на мое предложение, хотя бы в силу только народной пословицы, что с миру по нитке – голому рубаха.

Всегда с любовью вспоминающий своих однокурсников – первенцев Томского университета. Др. И.К. Конаржевский.

Сибирский вестник. 1899. 25, 26 авг.

ГРЕЧИЩЕВ Ксенофонт Михайлович (1873–1957)

Медик, профессор. Из семьи владельца кирпично-изразцового завода кустарного типа. После окончания духовной семинарии в 1894 г. поступил на медицинский факультет Томского университета. На 5-м курсе принял участие в студенческих волнениях, вызванных избиением полицией петербургских студентов. В начале февраля 1899 г. был отчислен из университета без права поступления в университеты России и выслан под надзор полиции в Рязань. Осенью 1899 г. уехал в Германию для завершения образования. Окончил медицинский факультет Берлинского университета (1900). В том же году вернулся в Россию, где выдержал испытания в медицинской испытательной комиссии Казанского университета и получил диплом со степенью лекаря с отличием. В 1901–1902 гг. – участковый врач на Екатеринославской железной дороге. С февраля 1902 г. – Томский городской санитарный врач, один из первых санитарных врачей Сибири. В 1904 г. был призван в ополчение и служил старшим врачом 5-й и 8-й дружин, расквартированных на ст. Тайшет и Тулун в Иркутской губернии. После демобилизации (1905) вернулся в Томск и продолжил работу городским санитарным врачом. С 1907 г. – участковый врач Макинского переселенческого участка Кокчетавского уезда Акмолинской области. В 1910–1911 гг. – санитарный врач управления курортов Кавказских минеральных вод в Ессентуках. С 1911 г. – заведующий Томским городским санитарным бюро. В 1913 г. – старший врач на строительстве и эксплуатации Оренбургско-Орской железной дороги. В 1914 г. был мобилизован, служил старшим врачом и ординатором 565-й и 694-й дружин Оренбургского военного госпиталя, затем 124-го Оренбургского эвакогоспиталя. В июле 1918 г. – заведующий отделом народного здравия при МВД Временного Сибирского правительства. В правительстве адмирала А.В. Колчака – начальник врачебно-санитарного управления. Занимался организационными мероприятиями по борьбе с эпидемиями брюшного и сыпного тифа, холеры. В конце декабря 1919 г., находясь в Иркутске, был назначен Военно-революционным комитетом членом бюро комиссариата здравоохранения. В 1920 г. заведовал санитарно-статистическим подотделом Иркутского губздрава, затем санитарно-эпидемиологическим подотделом Сибздрава в Омске. В 1920 г. принял активное участие в организации Омского медицинского

института. В 1921–1940 гг. – профессор, заведующий кафедрой общей (экспериментальной) гигиены этого института. На основании решения ВКК при НКЗ РСФСР (1935) ему приказом НКЗ РСФСР (1937) были присвоены ученая степень доктора медицинских наук и ученое звание профессора по кафедре коммунальной гигиены. В 1940–1951 гг. – зав. кафедрой коммунальной гигиены Томского медицинского института. Занимался изучением распространения инфекционных болезней, их профилактикой и организацией противоэпидемических мероприятий, вопросами планировки и застройки населенных мест с точки зрения гигиены. В круг его научных интересов входило изучение распространения сифилиса, туберкулеза, холеры, чумы, сыпного и возвратного тифа. Изучал роль железной дороги в распространении эпидемических болезней. Автор более 100 работ. Награды: медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1946).

ИЗ ЖИЗНИ СТУДЕНТОВ ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА (ДО 1900 г.)

I. Нелегальные землячества студентов

Полсотни лет Сибирь ожидала учреждения для нее университета. Вопрос о нем не встречал сочувственного к себе отношения в царском правительстве. Оно, вообще, как известно, было глухо к просвещению народа и к высшему образованию в частности. Сеть университетов в пределах обширной страны оставалась до крайности жалкой. Томскому университету выпало на долю стать по счету восьмым в пределах Европейской России и Сибири.

Строительство Томского университета затянулось на 10 лет, с момента решения о нем в 1878 г. до открытия в 1888 г. Оно происходило, как известно, в те мрачные годы истории страны, когда царский режим стремился всеми мерами заглушить всякие проблески свободной мысли и таким образом укрепить свое положение. Эта тенденция мракобесия отразилась и на положении Томского университета.

Томский университет был открыт в 1888 г. в составе только одного медицинского факультета. Второй факультет – юридический – был открыт в 1898 г.

С учреждением Томского госуниверситета открылась возможность лицам, окончившим среднее образование в духовных семинариях, получить в нем высшее светское образование. До этого семинаристам возможно было поступать с этой целью только в Варшавский университет на физико-математический факультет и в ветеринарные институты.

Но двери Томского университета были открыты не очень широко для семинаристов. Можно было поступить только «студентам семинарии», т.е. окончившим с аттестатом первого разряда. А таких оказывались среди семинаристов немного. В Рязанской духовной семинарии, например, оказалось в 1894 г. только девять окончивших по первому разряду из 140 окончивших и, кроме того, «студенты семинарии» могли поступить в Томский госуниверситет только после предварительных испытаний – по русскому языку (письменная работа – сочинение на заданную тему) и по латинскому языку.

В силу этого в Томский университет приезжали поступать воспитанники семинарий со всей России и Сибири. Ежегодно их приезжало около сотни человек. Таким обр[азом] и обеспечивался набор студентов на 1[-й] курс медицинского факультета университета, для которого был установлен штатный набор в количестве 100 студентов.

Приезжавшее в Томск студенчество, естественно, группировалось по земляческому признаку. Смелей ехалось в далекую Сибирь тому студенту семинарии, который имел возможность предварительно списаться с земляками и получить от них ответы на многие интересующие вопросы, в частности, о маршруте пути, о процедуре зачисления в студенты, о плате за обучение, о стоимости жизни, о возможности заработка и т. д.

Возможность заработка особенно интересовала поступающих в Томский университет, так как среди них было очень много необеспеченных. В моей статье – о заработках томских студентов, напечатанной в майской книжке журнала «Начало» в 1899 г., было охарактеризовано материальное положение томского студенчества и была дана характеристика заработка студентов. В общем можно сказать, что предложений о заработках было немного, и все они, как правило, были случайными и низко оплачивались, так что студенту, жившему только на свой заработок, редко можно было ограничиться одним только каким-либо видом заработка, например, уроком, нужно было искать и дополнительный заработок.

Эта материальная сторона томского студенчества благоприятствовала развитию студенческих землячеств, которые в Томском университете превращались в стойкие образования и становились организациями со своим статутом и сложными задачами.

Помочь студенту устроиться по приезде в Томск, помочь ему найти заработок, если он в нем нуждается, ввести молодого сту-

дента в курс общестуденческой жизни, и прежде всего, той, которая будет содействовать правильному развитию его общественного мировоззрения, а также предохранить молодого студента от пагубных влияний увлекавшихся нетрезвым образом жизни и сибаритством, отдалить его от так называемой «золотой молодежи».

Все те задачи, которые выпали на долю томских землячеств, во главе которых оказывались «студенты-старички», первые пионеры, лично пережившие многое при поездке в неведомую Сибирь.

«Золотая молодежь» оказывалась в составе студенчества того времени в очень ограниченном количестве и почти исключительно в рядах бывших гимназистов. Вела себя она нередко вызывающе, бравируя своими ретроградными взглядами, насмехаясь над инакомыслящими. Внешне она выделялась своими богатыми костюмами. Обязательная для ношения одежда − мундир − бывал у них на белой шелковой подкладке, почему студенты этого типа назывались «белоподкладочниками». Форменное платье у них превращалось иногда в «крылатку» николаевского типа, а зимняя «крылатка» бывала с дорогим бобровым воротником.

Эта группа студентов была на отличном счету у всей администрации университета, особенно у университетской инспекции. Инспекция была представлена тогда инспектором, двумя помощниками инспектора и двумя педелями и выполняла широкий круг обязанностей не только по линии политического сыска, но и по линии учебно-воспитательной. Инспекция вела учет явки студентов на лекции (по учету фуражек и одежды на именных студенческих вешалках) выполняла слежку за ношением формы, за своевременным возвращением студентов в общежитие и вообще «за благонравием». В то время ежедневно вызывалось немало студентов в кабинет инспектора и выслушивало там замечания и за пропуск лекций, и за появление на улице не в форменной одежде, и за не почтительное отношение к агентам инспекции и т. д.

Относительно некоторых «белоподкладочников» студенчеством были установлены факты их фискальной помощи инспекции. Возмущалось студенчество и тем обстоятельством, что студентам этого типа предпочтительно, и даже игнорируя нередко их малую успеваемость, назначались стипендии. Они обычно освобождались от платы за обучение. Преимущественно им доставались казенные стипендии, а не частных благотворителей, т.е. стипендии с боль-

шим размером, до 300 руб. в год. «Золотая молодежь» представляла обычно компактную группу, была завсегдатаем ресторанов, вольно или невольно становилась развратителем для мало устойчивых, еще неустановившихся групп студентов.

Организованным землячество становилось при наличии не менее трех членов. Тогда в нем выбирался один на роль председателя землячества, другой становился секретарем, а третий – казначеем. Председатель в качестве представителя входил членом в совет землячеств, который составлял из этих предстателей директивный центр землячеств и объединял их деятельность. Этот центр чаще именовался не советом землячеств, а «организацией», которая была особо законспирированная. Но и каждое землячество за рассматриваемый период времени было на нелегальном положении.

Если земляков не собиралось в достаточном количестве, чтобы организовалось самостоятельное землячество, то они входили в состав других уже действующих землячеств и там иногда оставались до окончания учения, получалось смешанное землячество. В описываемый период времени функционировало 17 организованных землячеств, в том числе Владимирское, Рязанское, Костромское, Нижне-Новгородское, Вологодское, Тульское, Орловское, Курское, Пензенское, Сибирское, Уфимское, Пермское, Полтавское, Сибирское, от которого потом отпочковались Иркутское, Белорусское, Тверское. Многие из этих землячеств были многолюдными. В Рязанском землячестве, напр[имер] в 1895/96 уч[ебном] году, состояло 15 студентов от первого до четвертого курсов.

Землячества обычно собирались на заседания раз в месяц и на экстренные заседания по тому или другому неотложному вопросу, выдвинутому советом землячеств.

Все члены землячеств не только вводились в курс общей жизни землячеств и общестуденческой жизни, но и выявляли свою инициативу по выдвижению тех или других вопросов на общее обсуждение и даже задавали свой тон для деятельности других землячеств, а через них и для общестуденческой жизни.

В процессе своей деятельности каждое землячество превращалось в дружную семью, где забота о каждом члене, обо всем студенчестве, становилась обязательной и находила свою форму для проявления в практических делах.

Само собой понятно, что главной заботой землячеств становилась материальная помощь нуждающимся. Для этого члены землячеств уплачивали месячные членские взносы. Землячества практиковали сбор средств и на стороне. Например, члены Рязанского землячества, во время каникул, выезжая в родные места, обращались с просьбой о материальной помощи к кому было возможно, главным образом, к местному духовенству. На эту же цель поступала и значительная доля средств, получаемых в качестве дохода от предприятий землячеств, например, от кооперативной торговли. Пензенское землячество, например, организовало кооперативную торговлю чаем, сахаром и табаком, покупая их по оптовым ценам и продавая студентам по обычным розничным ценам и притом с доставкой на дом.

В целях материальной помощи нуждающимся в землячествах дискуссировалась мысль об организации в общестуденческом масштабе специального бюро по приисканию и распределению разных видов заработков для нуждающихся студентов. Таким путем предполагалось не только умножить количество спроса на труд студентов, но и урегулировать распределение заработков, чтобы беднейшие студенты не оказывались обделенными ими. Была попытка организации такого бюро в общестуденческом масштабе, она не удалась из-за политических преследований землячеств.

Трудное материальное положение студенчества заставило совет землячеств обратить внимание и на распределение пособий со стороны Томского общества вспомоществования учащимся, где не всегда удовлетворялись просьбы о пособиях для студентов, попавших в немилость инспекции университета. Совет землячеств в 1897 г. выдвинул студента 4[-го] курса Цветаева (старосту курса), поручив ему договориться с председателем общества, которым был тогда проф[ессор] Е.С. Образцов, об участии студенчества в деле решения вопроса о пособиях. Правление общества пошло навстречу, зачислило представителя студенчества на должность делопроизводителя с окладом 5 руб. в месяц. И дело о назначении пособий урегулировалось. И, надо сказать, с большой пользой и для самого общества. Дело в том, что представитель студенчества при правлении общества выяснил всех лиц, получавших пособия от общества с начала его учреждения и остававшихся по полученным ссудам задолжниками, установил их адреса работы, напомнил им о возвра-

те долга, и в кассу об[щест]ва стали поступать значительные средства в возврат когда-то полученных пособий.

Общество вспомоществования учащимся возникло в Томске еще до открытия университета. Денежные пособия выдавались также и гимназистам, отправляющимся в центральные вузы, и студентам томичам. Поэтому лиц, обязанных возвратом пособий, было немало. Со времени открытия Томского университета помощь общества оказывалась почти исключительно студентам университета. В это время часть профессуры университета принимало деятельное участие в работе общества содействия студентам. Это общество оказывало денежные пособия нуждавшимся студентам, главным образом в размере платы за учение (50 руб.). Кроме того, обществом была организована и содержалась дешевая столовая для нуждающихся студентов, которая обслуживала до 100 студентов в день, снабжая обедами из двух блюд за 4 рубля в месяц, предоставляя некоторым студентам в дополнение к двум блюдам по стакану молока. Работа столовой была в общем безупречной, она протекала под наблюдением дежурных членов общества. Помещалась столовая вблизи университета по Черепичной ул[ице] (теперь ул. Крылова, дом № 37).

К делу материальной помощи студентам землячества стали особенно чутко относиться с 1896 г., когда один из нуждающихся студентов, Быстров, покончил жизнь самоубийством. Безысходная нужда, как причина смерти, была установлена авторитетной группой студентов.

Советом землячеств были организованы общестуденческие гражданские похороны погибшего товарища. Похороны оказались грандиозной демонстрацией, что чрезвычайно огорчило инспекцию университета и очень потревожило покой архиерея.

В похоронах приняло участие все студенчество. Митинг на могиле явился потрясающим выражением скорби и возмущения существующим порядком. Было спето всей массой студенчества стихотворение Никитина:

Вырыта заступом яма глубокая

Стихотворение И.С. Никитина

Вырыта заступом яма глубокая.
Жизнь не веселая, жизнь одинокая,
Жизнь бесприютная, жизнь терпеливая,
Жизнь, жизнь как осенняя ночь, молчаливая –

Горько она, моя бедная, шла
И, как стенной огонек, замерла,
Что же? Усни, моя доля суровая!
Крепко закроется крышка сосновая,
Плотно сырою землею придавится,
Только одним человеком убавится...
Убыль его никому не больна,
Память о нем никому не нужна?
Вот она – слышится песнь беззаботная –
Гостья погоста, певунья залетная,
В воздухе синем на воле купается;
Звонкая песнь серебром рассыпается...
Тише! ... о жизни покончен вопрос:
больше не нужно ни песен, ни слез!
1850 г.

Многие студенты за участие в похоронах пошли в кондуитные списки инспекции, которая сумела им зло отомстить. Но жестоко пострадавших не оказалось.

Второй основной задачей землячества было усвоение студенчеством прогрессивного мировоззрения.

Этой задаче служила нелегальная студенческая библиотека, об организации которой и ее работе говорится в специальном очерке.

Эта задача выполнялась землячествами и в порядке обмена мнений, не только по различным вопросам из жизни студенчества, но и по поводу интересных общественно-политических статей в таких журналах, как «Русское богатство» и «Русская мысль», а также и по поводу новых произведений художественной литературы.

С большим интересом, например, землячества отнеслись к опыту журнала «Студент», инициаторами создания которого были в 1897/98 уч[ебном] году некоторые члены Нижегородского и Рязанского землячеств. В этом рукописном журнале помещались обзорные статьи о заграничной жизни, самостоятельные политические статьи на русские темы, картинки из жизни студенчества и профессуры. В 1897/98 уч[ебном] г[оду] вышло три выпуска этого журнала.

Статьи же в журналах «Русское богатство» и «Русская мысль» стали жгуче интересовать передовое студенчество в связи с начавшейся борьбой марксизма с народничеством, поэтому стали чаще становиться не только предметом обмена мнений, но и поводом

для дискуссий и в среде отдельных землячеств и даже для всего томского студенчества.

Дело в том, что передовое студенчество в Томске до 1893–1894 гг. было исключительно представлено народниками, за которыми и следовало рядовое, организованное землячествами студенчество. И нужно сказать, что в это время среди и передовой интеллигенции в Томске не было явных марксистов, но было много ярых эрудированных народников, оказывавших свое большое влияние на передовое студенчество. В числе них был известный областник Потанин, Швецов, Овсянкин, Шипицин, Вознесенский и др.

Первыми марксистами в составе томского организованного студенчества оказались члены нижегородского землячества, приехавшие из нижегородской семинарии: Вилков, прибывший в 1893 г., М.Ф. Владимирский, прибывший в Томск в 1894 г. Кстати, отмечу, это тот М.Ф. Владимирский, который в дальнейшем стал «старейшим деятелем большевистской партии» (он умер 2.4.1951 г., будучи на посту председателя Центральной ревизионной комиссии ВКП/б/ и депутата Верховного Совета Союза СССР. См. некролог о нем № 77 «Известий» за 1951 г.).

Вилков и Владимирский прибыли из семинарии не только солидно эрудированными марксистами, но и солидно заряженными воинствующими марксистами вследствие того, что им посчастливилось на скамьях семинарии знакомиться с трудами В.И. Ленина, в частности, с его трудом: «Что такое “друзья народа” и как они воюют против социал-демократов». Этот труд распространялся в рукописях, а весной в 1894 г. он был напечатан. В 1894 г. осенью по инициативе Вилкова и Владимирского и под их руководством группой студентов Нижегородского и Рязанского землячеств была сгектографирована «Эрфутская программа». Они же и начали дискуссионную борьбу с народниками в среде организованного студенчества, где у них скоро образовался большой деятельный круг последователей, что представило уже возможность расширить арену дискуссий.

Советом землячеств и была организована по их инициативе расширенная дискуссия о марксизме и народничестве в темный осенний вечер 1894 г. в двухэтажном доме в пределах Кирпичных улиц города Томска.

Устроители этого дискуссионного вечера не рассчитывали на тот громадный поток студентов, который оказался заинтересованным в борьбе марксистов с народниками и потянулся к месту дискуссии, конечно, не в одиночку, а группами, так как местность была незнакомая и было очень темно. Этот поток переполнил оба этажа здания и накапливался у дома. Обстоятельства не давали основания рассчитывать, что дискуссия останется законспирированной.

Так, к сожалению, и случилось, тем более, что в дальнейшем выяснился и донос полиции о вечере. Как только началась дискуссия, здание оказалось окруженным и конной, и пешей полицией и начались переговоры начальников полиции с устроителями. Переговоры кончились тем, что устроители в числе пяти студентов назвали свои фамилии, изъявили готовность быть арестованными, но потребовали, чтобы всем остальным студентам был предоставлен свободный выход из оцепления, без каких-либо в дальнейшем репрессий.

Полиция согласилась на эти условия, переписала фамилии устроителей, удостоверившись в их личности, отпустила и их домой. В числе объявившихся так[им] обр[азом] устроителей оказались Вилков, Михайлов, Покровский, а фамилии двух не помню.

Эти студенты по решению правления университета на экстренном его заседании были исключены из состава студентов и выбыли из Томска.

Студент М.Ф. Владимирский выбыл из Томска в 1895 г., переведясь на второй курс Московского университета. После неудавшейся общестуденческой дискуссии споры о марксизме и его борьбе с народничеством стали дебатироваться по землячествам и на случайных собраниях студентов, даже по отдельным студенческим квартирам, где жил или куда приходил кто-либо из рьяных передовых студентов народников, в числе которых были известны, в частности, Кустря, Ермолович и др.

Вместе с этим осведомленность о марксизме стала быстро растекаться по студенчеству. И если до этого студентов, организованных в землячествах, считали «радикалами», а уклонявшихся от вступления в землячества и вообще «диких» именовали антирадикалами или попросту «антистами», то теперь кличка «радикал» стала все более и более закрепляться за марксистами и за симпатизирующими марксистам.

II. Нелегальная библиотека студентов

Студенты, поступающие в Томский университет, особенно студенты с семинарским образованием, приезжали в Томск в значительном своем числе заряженными не только получить специальное, высшее профессиональное образование, но и расширить свой общий кругозор знаний, чтобы стать сознательными сынами отечества и полезными общественными деятелями.

Но богатейшая фундаментальная библиотека Томского университета разочаровала эту часть студентов. Библиотека оказалась «оскопленной». Основные руководства по социологии, политической экономии, государственному праву, даже по естественной теории были изъяты из нее и попали в особое книгохранилище, запретное для студентов.

Этот факт стал известен студенчеству первых наборов (1888–1890 гг.), которое отличалось большим рвением к широкому высшему образованию и было очень энергичным в этом отношении. В его составе образовалась небольшая группа из 5 студентов, поставившая себе задачей открыть возможность пользования запретными литературными источниками, создать из них свою нелегальную студенческую библиотеку, доступную для интересующихся.

Эта задача была выполнена следующим образом[1]. Помещение, в котором была спрятана часть университетской библиотеки, находилось под амфитеатром первой аудитории с дверью из бокового коридора на втором этаже главного университетского корпуса. Амфитеатр частью своего западного края прикрывал в аудитории некоторую часть единственного нижнего окна, оставляя возможность сделать лаз от окна под амфитеатр и таким образом проникнуть в запретное книгохранилище. Такой лаз был указанной группой студентов устроен и использован с соблюдением всех предосторожностей в отношении посторонних глаз. Незаметно для посторонних один или двое из указанной группы проникали через лаз в книгохранилище, отбирали там книги и подносили к лазу, чтобы по условленному знаку затем передать некоторое количество своему товарищу в аудитории (каждый раз небольшое).

[1] Как сообщил мне один из членов этой группы Д.Д. Калинников, с которым мне посчастливилось встретиться в условиях его участковой врачебной деятельности в Иркутской губ. в период русско-японской войны 1904–1906 гг. /из подл. рук./.

Таким образом и образовалась та нелегальная студенческая библиотека, которая функционировала и в период моего студенчества, т.е. в 1894–[18]99 гг. О дальнейшей же ее деятельности мне неизвестно. Эта библиотека поступила в ведение совета студенческих землячеств, тоже существовавших тогда на нелегальном положении.

Совет землячеств намечал места для хранения библиотеки, выделил лиц для обслуживания ее. Во главе библиотечной организации ставился главный библиотекарь, кандидатура которого одобрялась землячествами на их собраниях. На него и возлагалась ответственность за хранение библиотеки, ее развитие и функционирование. Автор этих заметок был главным библиотекарем в 1897 и в 1898 гг.

Библиотека была многотомной, в основном фонде было не меньше 300 книг. Она была разделена в целях лучшего хранения и функционирования на три отдела, или на три отдельных библиотечки, с таким подбором книг в каждой: первый раздел включал книги по социологии, политэкономии и государственному праву.

В нем, в частности, был «Капитал» Маркса и «Критика политической экономии», сочинения Лассаля, Плеханова – «К вопросу о монистическом взгляде на историю» и других авторов. Второй раздел был представлен главным образом такими журналами, как «Современник», «Отечественные записки», «Слово». Эти журналы редко оказывались полными по годам. Но «Современник» за два года имел полный комплект месячных номеров. Помимо журналов в этом отделе хранилась художественная литература, например, «Что делать» Чернышевского и др. Третий раздел библиотеки содержал книги по естествознанию. Среди них, в частности, были «Рефлексы головного мозга» Сеченова, «Происхождение видов» Дарвина, «Жизнь растения» Тимирязева и др.

Каждым из этих разделов библиотеки заведовал отдельный библиотекарь, кандидатура которого утверждалась иногда советом землячеств по предоставлению главного библиотекаря, но чаще оставалась на исключительной ответственности главного библиотекаря, которому иногда срочно приходилось по соображениям конспирации перемещать разделы библиотеки. Но в общем надо сказать, что перемещать библиотеки приходилось редко, библиотека, например, со вторым отделом книг несколько лет оставалась в доме № 30 по Садовой улице в двухэтажном доме с двумя студенческими комнатами. Теперь это угол Тимирязевского проспекта и Пироговой ул[ицы], место весового завода, которым старый дом снесен. Биб-

лиотекари разделов библиотеки находились в постоянном контакте с главным библиотекарем, который и инструктировал их и сам ими информировался о работе библиотеки и нуждах.

Инструктаж помощников библиотеки сводился главным образом к указаниям относительно того, кого и с применением какой методики вербовать в число читателей библиотеки. Обычно библиотекарь, захватив и ту и другую книгу для рекомендации, шел сам к студенту и предлагал познакомиться с книгой и затем вернуть ее ему, как правило, в книгохранилище. Библиотекарь принимал на себя обязанность доставить просителю книгу и из другого отдела библиотеки. Словом, библиотекарь был и книгоношей и агитатором. В тех случаях, когда требуемой книги в библиотеке не оказалось, выдвигался на очередь вопрос купить ее для библиотеки в книжном магазине, раз она поступила в продажу.

Путем покупки новых книг пополнялся основной книжный фонд библиотеки. Для покупки новых книг, а также для расходов по переплету книг библиотеке выделялись советом землячеств средства в виде отчисления некоторого процента от месячных взносов членов землячеств. Книги при этом покупались в местном книжном магазине по оптовым ценам, о чем главный библиотекарь договаривался с самим хозяином книжного магазина, известным П.И. Макушиным.

Кроме отчисления на библиотеку членских взносов в землячества, на покупку новых книг расходовались частично и поступления от некоторых предприятий отдельных землячеств. Например, Пензенское землячество вместе с главным библиотекарем организовало в своем общежитии кооперативную торговлю такими продуктами, как чай, сахар и табак, закупая эти продукты по оптовым ценам, согласно предварительной договоренности и продавая их студентам по обычным ценам, причем чаще всего с доставкой на дом.

Таким образом, в общем, для развития библиотеки путем покупки книг оказывались иногда немалые средства. Бывали месяцы, когда книг покупалось на 100 руб. О покупке новых книг главный библиотекарь докладывал Совету землячеств, предоставляя списки купленных книг. И должен сказать, бывали случаи, когда Совет землячеств не одобрял приобретение библиотекой некоторых книг. Совету землячеств предоставлялся и отчет о работе библиотеки. Что касается эффективности работы биб-

лиотеки, то нужно сказать, что она в значительной степени зависела от агитационной энергии библиотекарей. С другой стороны, всегда был живой спрос на книги, представлявшие больший интерес для студенчества. К таким книгам относились книги по социологии, политэкономии, естествознанию и художественной литературе. За этими книгами студенты, нужно сказать, опасались обращаться в фундаментальную библиотеку, зная, что там следят за тем, какие книги предпочитают читать студенты и на основании этого портят им репутацию: инспекция записывала таких студентов в кондуит.

III. Забастовки студентов 1896 и 1899 гг.

А. Забастовка студентов 1896 г.

Забастовочное движение среди студентов в Томске проявилось ранее забастовок в других университетах. Оно началось с забастовки в Томске в 1895 г. в форме курсовой забастовки студентов 2-го курса медицинского факультета. Произошла эта забастовка по следующей причине:

Студенты 2-го курса увлекались лекциями профессора химии Е.В. Вернера, которые всегда сопровождались интересными демонстрациями опытов и всегда читались научно и четко. Лекции по химии читались в небольшой сравнительно аудитории, вернее в комнате при кафедре, причем все помещение кафедры, обучавшей и по неорганической и органической химии, состояло из двух комнат, одной, служившей аудиторией, и другой, служившей лабораторией и кабинетом профессора.

Комната-аудитория, типа классной комнаты, едва вмещала всех студентов 2-го курса, которых было 50 человек, причем только в первом ряду студенты оказывались в выгодных условиях: они лучше видели опыты, и записывать лекции им было удобно.

Хорошего печатного руководства по химии в распоряжении студентов не было. Проф[ессор] Вернер излагал свой курс оригинально. Запись его лекций представляла для студентов понятную необходимость, и поэтому все студенты стремились записывать лекции.

Отсюда понятно то рвение, с которым студенты 2-го курса стремились попасть в аудиторию кафедры химии и занять в ней скамьи первого ряда. Посещаемость лекций проф[ессора] Вернера была, без преувеличения можно сказать, 100-процентной.

Студенты обычно рысью бежали на лекцию по химии с предшествующей лекции.

В феврале 1896 г. случилась так; что дверь в аудиторию оказалась прочно закрытой. Обычный легкий стук в дверь не заставил открыть ее. И около двери образовалась толпа почти из всех студентов курса. Постучали в дверь аудитории погромче, и это обстоятельство дало профессору основание ответить на стук в запертую дверь грубым оскорблением студентов.

Дверь в аудитории осталась закрытой, несмотря на то, что прошло уже более четверти академического часа. Но из соседней двери, ведущей в лабораторию и кабинет профессора, показался профессор и грубо обругал студентов, не потрудившись выяснить значение стука в дверь аудитории, и громко захлопнул свою дверь.

Студенты опешили. Выпад профессора ошеломил и тотчас стал предметом обсуждения студентами почти всего курса у двери в аудиторию его кафедры. Последовало предложение заставить профессора взять обратно свое оскорбление студентов курса, а если профессор не согласится на это, не посещать его лекций, пока он не извинится перед курсом.

Это предложение не встретило ни единого возражения. Грубое оскорбление курса для всех студентов оказалось понятным и для каждого оскорбительным, тем более, что профессор Вернер отказался принять депутатов курса и выслушать решение курса.

И с этого дня лекции профессора Вернера студенты перестали посещать. Началась курсовая забастовка, продолжавшаяся больше месяца. Забастовка встревожила администрацию университета и заставила ее реагировать.

Ректор университета вызвал весь второй курс студентов в актовый зал и потребовал немедленно прекратить не посещение лекций проф[ессора] Вернера, причем, к требованию курса о том, чтобы проф[ессор] Вернер извинился перед курсом, отнесся насмешливо отрицательно и, пригрозив студентам репрессиями, ушел из зала.

Такое отношение ректора, профессора Судакова, к курсу студентов «подлило масла в огонь», укрепило волю и решение студентов продолжать забастовку, пока проф. Вернер не одумается и не извинится перед курсом.

После этого прошла еще неделя забастовки. За эту неделю инспекция вызывала к себе студентов по одиночке, в первую очередь

тех, которые были хорошо известны ей, как во всех отношениях «паиньки», и требовала под угрозой исключения из университета приступить к посещению лекций проф[ессора] Вернера.

Эта мера инспекции оказала свое действие в том смысле, что 7 студентов этого курса стели штрейкбрехерами забастовки, начали посещать лекции проф[ессора] Вернера.

Любопытно отметить при этом, что эти же студенты оказались штрейкбрехерами и в общестуденческой забастовке 1899 г. Вместе с тем нельзя не отметить тот факт, подтвержденный в дальнейшем из профессорских источников, что проф[ессор] Вернер читал свои лекции штрейкбрехерам очень неохотно, без опытов и даже с презрением. Это обстоятельство давало студентам подумать, что проф[ессор] Вернер уклонился от извинений перед студентами в силу только запрета со стороны ректора.

Когда штрейкбрехеры стали посещать лекции проф[ессора] Вернера, ректор проф[ессор] Судаков во второй раз вызвал весь курс студентов в актовый зал, но держал себя иначе, чем в первый раз, уговаривал студентов прекратить забастовку, подчеркивая, что часть курса стала посещать лекции. Когда студенты и на этот раз потребовали, чтобы проф[ессор] Вернер извинился, ректор Судаков ответил в том смысле, чего-де вы хотите, когда проф[ессор] Вернер – химик, а все химики – люди нервозные, своеобразные.

Студенты на этот раз, обсудив вопрос после ухода ректора из актового зала, решили не сдаваться, продолжать забастовку, отвечая своим презрением штрейкбрехерам.

Начался второй месяц забастовки. Время близилось к переходным экзаменам. Среди забастовщиков началось беспокойство и укреплялось сомнение относительно удовлетворительного исхода забастовки. Стал дебатироваться вопрос о том, как заставить администрацию университета отказаться от репрессивных мер в отношении забастовщиков. Этот вопрос, оставаясь не решенным, продолжал стимулировать забастовочное настроение.

Разрешился этот вопрос, когда ректор в третий раз собрал курс в актовый зал и уговаривал посещать лекции проф[ессора] Вернера, чтобы не остаться на повторительный год из-за отсутствия отметки по химии.

Студенты на этот раз ответили согласием посещать лекции проф[ессора] Вернера, но при условии, если со стороны админист-

рации университета не последует какого-либо возмездия студентам за забастовку.

К этому требованию студентов ректор Судаков отнесся оригинально, можно сказать, как «отец родной». Он так и отвечал (передаю почти его словами): «о каком-де наказании может идти речь. Разве я не отец родной вам, разве мне не жалко студентов. Кроме пользы, я ничего им не желаю. Не беспокойтесь и идите спокойно заниматься, наверстывать упущенное».

Студенты доверчиво отнеслись к таким заявлениям ректора Судакова и, прекратив забастовку, начали посещать лекции проф[ессора] Вернера и с большим беспокойством готовиться к экзамену по неорганической и органической химии, полагая, что проф[ессор] Вернер не преминет свести счеты с забастовщиками.

Но эти опасения студентов не оправдались. Проф[ессор] Вернер держал себя во время экзаменов беспристрастно, относясь к ответам студентов скорее снисходительно.

Иначе повернулось для студентов с реализацией обещания ректора не применять к забастовщикам наказаний. Последовали наказания. Больше 20 студентов, перешедших на 3-й курс, были лишены освобождения от оплаты за обучение; два студента, получавших стипендии на втором еще курсе, оказались лишенными стипендии, и их не освободили от оплаты за обучение. Эти последние настойчиво опротестовали применение к ним репрессий. Прежде всего, они явились со своим протестом к инспектору университета Пятницкому. Инспектор откровенно и злобно отчеканил, что они наказаны за участие в забастовке. Они пошли со своей жалобой к ректору Судакову, когда он вернулся из летнего отпуска.

Ректор принял их хмуро. Прежде всего, он сделал студентам замечание, что они не умеют стоять перед начальством и у одного мундир не был застегнут на все пуговицы. И только когда студенты «стали во фронт» и сделали руки по швам, ректор стал разговаривать. Разговор был короткий. Студенты сообщили, что их наказали за забастовку, тогда как он, ректор, уверял, что никаких наказаний за забастовку не будет. Ректор в ответ сообщил, что он был в отпуске, когда правление решало вопрос о стипендиях и об освобождении от оплаты за обучение в отношении перешедших на 3[-й] курс, и поэтому не в курсе мотивов, почему просители оказались обделенными, и посоветовал направиться к инспектору. Студенты сообщили,

что они уже были у инспектора и от него узнали, что пострадали за забастовку. «Отец родной» тяжело вздохнул и сказав, что ему пора идти на лекцию, повернулся и ушел.

Студенты не успокоились и решили отправиться со своим протестом к его превосходительству попечителю округа проф[ессору] Флоринскому, имея на руках письменные просьбы. Попечитель принял. На жалобу студентов, что они наказаны за забастовку вопреки обещанию ректора, попечитель, усомнившись в таком мотиве решения, сказал, что студенты, вероятно, оказались с пониженной успеваемостью. Это дало основание обратить внимание попечителя на то, что их экзаменационные отметки много выше отметок тех студентов, которым были правлением назначены стипендии впервые по переходе на третий курс. Это заявление студентов явно не понравилось попечителю, он взял неохотно письменные заявления студентов, повернулся и ушел.

Через несколько дней после этого из канцелярии правления студенту Г. сообщили по секрету, что попечитель округа надписью на заявлении наказал ректору: «назначить стипендии обоим студентам, а если свободных стипендий уже нет, дать пособие и освободить от платы».

Ректор после этого освободил пострадавших от платы за обучение и определил каждому из этих двух студентов пособие в размере 50 рублей.

Б. Забастовка 1899 г.[1]

В 1899 г., 8 февраля, студенчество Петербургского университета впервые за свою историю отреагировало на бестактную грубость академического начальства и дикий произвол полиции организацией общестуденческой забастовки.

Забастовка произошла при следующих обстоятельствах: в 1899 г., 8 февраля, в годовщину Петербургского университета ректор университета Сергеевич вывесил грубое, оскорбляющее студенчество объявление, в котором требовал от студентов сохранения спокойствия и порядка, угрожая в случае неисполнения различными карами. Это объявление ректора возмутило студенчество. Студенты покину-

[1] Автор касается только забастовок 1896 и 1899 гг., так как ими началось забастовочное движение томского студенчества. Эти забастовки были в годы студенчества автора и прошли с его участием.

ли торжественный годичный акт университета, высыпали на улицу, где были встречены конным полицейским отрядом и подверглись избиению нагайками.

В связи с этим и началось организованное студенческое движение с лозунгом борьбы за неприкосновенность личности. Форму борьбы подсказала окружающая обстановка. Всем была еще памятна 30-тысячная стачка питерских ткачей 1896 г., и студенческое движение организовалось в забастовку. Для нее был организован организационный комитет. Делегаты комитета разъехались по другим городам призывать студенчество к забастовке. Студенческое движение стало разрастаться, и скоро забастовка охватила 25 тысяч студентов в 30 вузах.

Томское студенчество примкнуло к общестуденческой забастовке 24 февраля 1899 г. с некоторым запозданием потому, что только 22 февраля письмо, полученное от студента Лесного института из Петербурга, осведомило более или менее о событиях, происшедших в Петербурге и о начавшейся общестуденческой забастовке. До этого же в Томск доходили лишь разного рода слухи без точно определенного содержания.

Полученное письмо о петербургских событиях и начавшейся общестуденческой забастовке немедленно стало предметом горячего обсуждения в Совете землячеств, где и было решено собрать 24 февраля в университете общественную сходку, обсудить петербургские события и призвать томское студенчество к участию в забастовке, 23-го же февраля провести подготовительною работу по землячествам и группам для организации сходки.

К 9-ти часам утра 24 февраля студенты стали собираться в первую, самую большую аудиторию, в аудиторию с амфитеатром. Лекции и занятия в главном университетском корпусе состояться не могли за отсутствием студентов. В других корпусах (анатомке, гигиеническом корпусе и клиниках) занятия быстро прекращались, как только получалось сообщение о начавшейся общестуденческой сходке.

Аудитория оказалась переполненной. На кафедре появилось несколько студентов-осведомителей. У открытой двери в аудитории занял свою наблюдательную позицию встревоженный помощник инспектора Корнилович.

Сходка открылась тем, что с кафедры было оглашено письмо студента Лесного института, осведомляющее о событиях в Петербурге и о начавшейся общестуденческой забастовке протеста против дикой расправы полиции, ее произвола и издевательства над личностью студентов.

Последовали затем вопросы и ответы, вносившие ясность в подробности событий. И начались выступления и предложения. Выступления студентов на сходке выражали гневное возмущение дикой расправой полиции над студентами в Петербурге, решительное требование о наказании виновных в избиении студентов и резкую критическую оценку поведения университетской администрации в петербургских событиях.

Большое впечатление произвело выступление одного из студентов пятого курса, студента Г.[1], отметившего, в каком бесправном положении оказывается студенчество по сравнению даже с уголовными каторжниками, которые не лишены права на суд, тогда как студенты вместо суда получают нагайку. «Надо, − говорил он, − пригласить на сходку ректора университета и даже попечителя округа, заявить им протест томского студенчества по поводу дикой расправы над петербургским студенчеством, потребовать поддержать требование о наказании виновных в расправе. И, если они останутся глухи к этим требованиям студенчества, сказать им, что “очевидно яблоко от яблони не далеко падает”, и присоединиться к Российской общестуденческой забастовке, неотложно начать ее в Томске и дружно провести».

Настроение студентов на сходке оказалось боевым. Не только не последовало возражений против забастовки, но требование начать ее неотложно и продолжать ее во всем согласованно со студенчеством Петербурга оказалось решительным. Причем в отношении студентов, которые будут не согласны с забастовкой и станут срывать ее, предлагалось прервать с ними товарищеские отношения и ответить им полным презрением.

В этом смысле и оформилось решение на сходке 24 февраля с добавлением: студентам в одиночку не являться в университет, не принимать никаких приглашений начальства, считать университет закрытым.

---

[1] Г. – Гречищев К.М., автор записок (сост.).

Эти решения сходки и начали проводиться в жизнь с 24-го февраля под наблюдением специально образовавшегося забастовочного комитета.

На следующей общестуденческой сходке, состоявшейся 2-го марта в университете, были оглашены новые письма из Петербурга, подробно излагавшие ход событий в столице после 8-го февраля. Эти письма со своей стороны стимулировали боевое настроение томского студенчества, а оно и без того оставалось массово боевым в такой степени, что забастовка протекала единодушно, без штрейкбрехеров.

Это обстоятельство убедило начальство университета в том, что обычные меры – уговоры и угрозы – не сломят забастовки, что требуются более жесткие, репрессивные меры воздействия и их поспешили осуществлять.

После второй сходки состоялось решение правления университета об исключении из состава студентов 38 студентов, как организаторов и вдохновителей забастовки. Относительно этих студентов состоялось и совместное решение университетского и губернского начальства о высылке их из Томска в этапном вагоне на родину в распоряжение местного губернского начальства. Это последнее решение было приведено в исполнение в следующем порядке: эта группа студентов 4 марта была вызвана в 3-е отделение губернского управления (охранка), где студентам было объявлено об исключении их из состава студентов и решении губернского начальства о высылке их на родину в распоряжение местного губернского начальства. Причем высылаемым по железной дороге были выданы жел[езно]дор[ожные] билеты на проезд и предложено явиться 6-го марта на станцию Томск-I к пассажирскому поезду для следования в специальном вагоне (№ вагона был указан).

Забастовка студентов стала большим событием в жизни Томска. Движением студентов интересовались широкие массы населения. Предстоящая же решенная начальством высылка большой группы студентов из Томска, как организаторов и вдохновителей забастовки, усилила этот интерес, встревожила и стала предлогом для симпатии студентам со стороны большой массы жителей города, со стороны учащихся, интеллигенции и рабочих, особенно типографских.

На проводы высылаемых студентов к отходу поезда на вокзал явилась большая масса провожающих. И перрон, и вокзал, и пло-

щадь у вокзала были заполнены провожающими. К этапному вагону трудно было протискаться. Среди провожающих были и видные общественные деятели. В частности, среди них был строитель, а в дальнейшем и директор Томского технологического института проф[ессор] Е.Л. Зубашев.

Поезд отходил ночью и отошел, кажется, с некоторым опозданием. У поезда создалось напряженное томительное ожидание. Последовало выступление высылаемых студентов с площадки этапного вагона. Особенно волнующее выступление сделал студент Г. Он тепло поблагодарил провожающих за сочувствие, сказал приблизительно следующее: «В храме науки, в университетах, находит теперь, к сожалению, такое оскорбительное отношение к личности студентов, что учеба отходит на второй план, все помыслы и рвение к науке поглощаются протестом против диких расправ со студентами, требующими справедливости и борьбы с произволом. Таков пока удел студентов. Но студенчество не мирится с таким уделом и не будет мириться, невзирая ни на какие кары».

Эту прощальную речь исключенного и высылаемого студента оставшиеся в Томске товарищи развернули в трогательное стихотворение следующего содержания:

В память 6-го марта 1899 г.

Без крика и шума теснился народ
Вокруг дорогого вагона.
Никто не спешил с громким словом вперед:
Никто не нарушил закона.
Безмолвно страдая незримой слезой,
Мы лучших друзей провожаем…
Лишь звуки торжественной песни порой
Протест небесам выражали…
Но время спешило. Уж час наступил
Тяжелой нежданной разлуки…
Вдруг сдержанный стон над толпой прозвучал,
Стон полный томленья и муки:
Друзья мои, камни готовы рыдать,
Когда неповинных терзают,
Когда заставляют убийц почитать
И чести порыв заглушают.
Храм чистой науки вновь кровью облит

Ни в чем не повинного брата.
В том храме профессор Молчалин царит,
Сменивший на орден Сократа.
Друзья мои, истине надо служить.
Она не тускнеет от века.
Тот счастлив, кто с ней научился дружить,
Нашел в ней себе человека.
За правое дело, друзья, мой завет,
Идите дорогой прямою.
Само провиденье спасет вас от бед,
Прощайте, мужайтесь душою.
И замер в толпе этот крик молодой.
И сотни ему отвечали:
Нет, нет, до свиданья – мы все за тобой
Идти до конца обещали!
Без шума и крика толпился народ
Вокруг дорогого вагона…
И плакал окутанный мглой небосвод
Над грубою властью закона.

Настроение провожающих тонизировала и песня, несколько раз спетая всей массой студентов (из песен И.С. Никитина), в части следующих куплетов:

Медленно движется время,
Веруй, надейся и жди...
Зрей наше юное племя,
Путь твой широк впереди.
Молнии нас осветили,
Мы на распутье стоим...
Мертвые в мире почили,
Дело настало живым.
Сеялось семя веками,
Корни в земле глубоко;
Срубишь леса топорами,
Зло вырывать не легко:
……………………………
……………………………

При торжественном пении этой песни особенно волнующе выделялся голос баритона – студента-медика 4[-го] курса В.А. Кочурова, установившего свой голос в Томском музыкальном училище.

Кочуров в дальнейшем был также исключен и выслан, он все же закончил свое медицинское и музыкальное образование в Москве и стал оперным артистом с фамилией Томского в Московском оперном театре Солодовникова (теперь филиал Большого театра).

От провожающих было передано в этапный вагон несколько писем, в том числе оказалось письмо «от сочувствующих гимназисток» следующего содержания: «Дорогие братья! Глубоко сочувствуя Вашему делу и не имея возможности помочь Вам или присоединиться к Вам в действительности, мы хоть на словах выражаем Вам глубокое сочувствие и искреннее желание достигнуть намеченной цели.

Не смущайся правдивой душой,
Милый друг! И во имя любви
Смело бейся с неправдой людской,
И в борьбе справедливой терпи.
Будет время и правда святая
Изменившийся мир озарит:
Разрушает упорный гранит.

Администрация университета, несомненно, рассчитывала, что исключение и высылка 38 студентов произведет на оставшуюся массу студентов влияние в том направлении, что забастовка оборвется, и университет приступит к своей работе.

Но общественные проводы 6 марта исключенных студентов оказали столь сильное стимулирующее влияние на бастующих, что администрация университета растерялась и начала выхватывать из массы бастующих группу за группой и исключать из университета, тоже как энергичных вдохновителей забастовки и стойких продолжателей ее, но избегая выслать из города уволенных, чтобы не повторять торжественных проводов. В этом отношении было сделано в дальнейшем исключение только для одного студента, вышеупомянутого Кочурова, который позволил себе гоняться в общежитии за студентом-штрейкбрехером Корелиным и угрожал застрелить, когда обнаружил его спрятавшимся под койкой. Студент Кочуров был исключен и выслан. Остальные же исключаемые студенты уезжали на родину по своему усмотрению и за свой счет.

Таких групп, исключенных после 3 марта, было три. Это до того момента, когда по решению администрации университет был объявлен закрытым и все студенты уволенными.

Вслед за решением о закрытии университета последовало объявление о том, что студенты, желающие продолжить образование, должны подать в правление университета индивидуальное заявление.

Оставалось два месяца до окончания учебного года. Администрация университета полагала, что студенты поспешат с заявлениями, чтобы подвергнуться переходным экзаменам и перейти на следующий курс. Но в этом отношении получился просчет. Значительное количество студентов предпочло разъехаться, а не спешить с заявлениями об обратном приеме в университет, тем более, что ожидался жесткий подход со стороны администрации к таким заявлениям. Ожидался серьезный отсев студентов, тем более, что некоторые студенты из числа уволенных были уже уволены за свое участие в беспорядках по пункту «Ж» параграфа 51 правил для студентов во время прохождения курса, т.е. без права обратного приема. Рассчитывалось, что время смягчит для студентов тяжесть их положения, а угроза быть зачисленным в солдаты еще не чувствовалась (призыв на военную службу производился осенью).

Для студентов угроза попасть в солдаты действительно оказалась вскоре столь же реальной, как в николаевские времена. Известно, что правительство после расправы со студенчеством издало «временные правила», по которым за всякие беспорядки, «учиненные скопом», студентов должно отдавать в солдаты, а с 1901 г. эти «временные правила» стали приводить в исполнение. В 1901 г. за беспорядки были отданы в солдаты 163 студента Киевского университета.

Томские студенты, повторяю, оказавшись уволенными в марте и апреле 1899 г., не придавали еще значения этой надвигавшейся опасности. Они искали других выходов из своего положения. Некоторые рассчитывали на переход в другие университеты. Студенты-медики старших курсов стали помышлять о поездке за границу для окончания медицинского образования. И некоторым из них посчастливилось действительно уехать за границу и там, окончив курс обучения, получить после экзамена и предоставления диссертации диплом «доктора медицины», который затем и открыл правовую возможность держать государственный экзамен на врача в русских университетах совместно с окончившими в них.

В Берлине осенью 1899 г образовалось целое томское землячество 4[-го] и 5[-го] курсов, уволенных за забастовку, землячество в составе 8 человек.

Туда же перекочевало несколько студентов-томичей в 1900 и 1901 гг. для продолжения своего образования. Многие из них пользовались щедрой помощью со стороны томского студенчества и томской общественности.

За время общестуденческой томской забастовки штрейкбрехерство было, в общем, представлено единицами. В этом отношении показательно то обстоятельство, что в составе 70 студентов-медиков с курса бастовавших, можно сказать, накануне выпускных государственных экзаменов на врача, штрейкбрехеров оказалось только 7 человек, которые и держали выпускные экзамены в 1899 г. Любопытно при этом отметить, что эти студенты, став врачами, стыдились говорить о себе как врачах выпуска 1899 г., краснели. Как отразилась забастовка 1899 г. на выпуске врачей из Томского университета? Это отмечают следующие официальные данные: в 1899 г. окончило 52 врача, в 1899 г. – 9 врачей, в 1900 г. – 25 врачей, в 1901 г. – 55 врачей.

Заканчивая описание томской общестуденческой забастовки 1899 г., должен подчеркнуть, что она по характеру своему не была революционным движением, а только академическим. Но она широкому студенчеству открыла глаза на то, что борьба с произволом, борьба за неприкосновенность личности будут эффективны только тогда, когда поведутся методом политической революционной борьбы и вольются в орбиту совместного рабочего революционного движения.

Забастовка томского студенчества, как и всего российского движения 1899 г., стала, несомненно, поворотным пунктом для перехода на подлинно революционные рельсы.

В какой степени эта забастовка соответствовала взглядам В.И. Ленина на студенческое движение, отмечает отклик его на вышеотмеченный факт отдачи в 1901 г. в Киеве 183 студентов в солдаты, по поводу которого В.И. Ленин писал в январе 1901 года (а напечатано в феврале 1901 г. в «Искре» № 2): «… и единственным достойным ответом на это со стороны студенчества было бы исполнение угрозы киевлян, устройство выдержанной и стойкой забастовки всех учащихся во всех высших учебных заведениях с требованием отмены временных правил 29 июня 1899 г.» (см. 4-е изд. трудов В.И. Ленина, т. 4, с. 388–393).

IV. Профессура того времени

Для Томска профессура открывшегося университета представляла серьезный интерес. Она ожидалась как значительное пополнение для местной передовой интеллигенции. С нею были связаны надежды на оживление культурной жизни в городе. Поэтому вопрос о том, каков общественный и политический облик профессуры университета, являлся важным.

К сожалению, ярких общественных выступлений профессуры в первые, да и в последующие годы университета не было. Профессура прочно ушла в свою ученую и учебную скорлупу, откуда являлась обществу только изредка – в торжественные дни университета, – в его годовщину и когда происходили в актовом зале университета экстраординарные собрания с докладами, например, по поводу открытия лучей рентгена и их демонстрации, юбилейной даты Дженнера и предложенной им вакцинации против оспы.

Почти единственным местом регулярной встречи профессоров с общественностью были ученые заседания Томского общества естествоиспытателей и врачей. Это общество было утверждено 19 августа 1889 г. и было связано с Томским университетом. Заседания его были публичными, в общем ежемесячными, на которых заслушивались доклады и профессоров и других действительных членов этого общества. Но стоит пересмотреть протоколы заседания этого общества, а они напечатаны в трех книжках, чтобы сказать, что доклады, заслушанные на заседаниях этого общества, были узкоспециальными, и поэтому проходили обычно без значительного участия широкой общественности. Тем не менее «Томское общество естествоиспытателей и врачей при Томском университете» оказалось базой, в условиях которой свалилась вуаль с облика большинства профессоров университета. Дело в следующем.

По истечении первого трехлетия своей деятельности Томское общество естествоиспытателей и врачей провело в заседании 25 сентября 1892 г. перевыборы своего правления. В процессе перевыборов тайным голосованием, как это предусмотрено уставом общества, получился неожиданный инцидент. На заседании, на котором в числе 30 голосовавших членов было 10 профессоров, 11 ассистентов, лаборантов и ординаторов и 2 врачей и других специалистов, председатель общества проф. В.М. Флоринский – устроитель Томского университета, он же – попечитель Западно-Сибирского учебного

округа и один из шести учредителей общества оказался забаллотированным: получил только 14 избирательных голосов и 16 не избирательных. Вместо него был избран председателем профессор Э.Г. Салищев, получивший 22 избирательных и 6 не избирательных голосов.

Этот сюрприз профессору Флоринскому, попечителю округа и университета, повел к буйной реакции со стороны профессуры. Эта реакция началась 25 сентября на заседании. Переизбранные проф. Малиев (товарищ председателя), проф. Судаков (секретарь) и проф. Леман (казначей) отказались от этих постов. Причем секретарь проф. Судаков не постеснялся заявить: «Я при таком составе правления общества оставаться в должности секретаря не желаю», а в дальнейшем 10 октября отказался и от звания действительного члена общества.

С 27 сентября начался массовый выход профессоров из состава членов общества. В общем, отказались оставаться членами общества 11 профессоров (Судаков, Репрев, Малиев, Леман, Коркунов, Грамматикати, Ерофеев, Великий, Попов М., Капустин и Буржинский), инспектор студентов Еленев и три учителя гимназии и реального училища.

Отказ был оформлен письменным заявлением каждого: «Прошу не считать в числе членов общества», в большинстве случаев, без какой либо мотивировки. Но некоторые не постеснялись щегольнуть своим раболепством. Например, профессор Буржинский в своем заявлении 1 октября 1892 г. написал: «Вследствие забаллотирования бывшего председателя... Я не могу считать себя более в числе членов», профессор Репрев А.В. в своем длинном заявлении 27 сентября 1892 г. чуть не всплакнул, когда писал: «Председатель, облеченный доверием высшей власти, облеченный доверием первого и главного хранителя научных интересов России, его сиятельства господина министра народного просвещения, облеченный единогласным доверием господ профессоров – учредителей общества, оказался недостойным доверия только что народившегося Общества врачей и естествоиспытателей в Томске». Закончил свое заявление профессор Репрев (проф. патологической физиологии) следующими словами: «Считаю недоверие, выраженное обществом лицу, которому вверены высшие интересы того же университета, при котором состоит общество, недоверием, оскорбительным для университета и для себя лично».

Так вывернулись души большинства профессоров университета под первым впечатлением факта забаллотирования попечителя округа проф. Флоринского на пост председателя Общества естествоиспытателей и врачей. В дальнейшем их раболепство развернулось глубже и дошло до мракобесия под влиянием «закваски» со стороны попечителя округа профессора Флоринского.

Оставшиеся участники заседания 26 сентября, очевидно встревоженные развертывающимся событием, поспешили позолотить свою пилюлю, единогласно почтили проф[ессора] Флоринского присвоением ему звания почетного члена общества и избрали специальную комиссию для личного вручения ему соответствующего диплома. Но попечитель Флоринский отказался принять звание почетного члена Томского общества естествоиспытателей и врачей. Он ответил тем, что выдвинул вопрос об изменении устава общества, написал пространную объяснительную записку, согласовал ее с мнением Совета университета и 14 декабря 1892 г. вручил новому председателю общества проф[ессору] Салищеву ноту следующего содержания: «Желаю дать скорейший ход делу об изменении действующего устава общества... И получив уже постановление по сему поводу Совета Императорского Томского университета, имею честь покорнейше просить Вас, Мил[остивый] гос[ударь], не отказать сообщением мне постановления по сему предмету общества... согласно отношению моему 18 ноября за № 2685».

Отношение же за № 2685 представляет удивительный пространный документ, в высокой степени странный по содержанию, но выдержанный по крепостническим замашкам.

«Вследствие перемен, последовавших в составе общества, после 25 сентября текущего года, когда большинство профессоров Томского университета признали необходимым сложить с себя звание действительных членов и отказались принимать участие... общество естественно должно изменить характер своей научной жизни и своих отношений к университету... общество... едва ли будет выполнять свои задачи и цели, для которых было основано...» и дальше проф[ессор] Флоринский отметил недостатки устава общества, которые он усмотрел в нем, в частности, следующие:

«В п. 353 устава: обществу присвоена не только научная, но и учебная функция “публичные чтения и популярные курсы”. В п. 10… определяются условия для избрания действительных чел-

нов общества без достаточной гарантии их научно-образовательного ценза. “Главные основные задачи должны сосредоточиться на медицинском отделе, а не на отделе естествознания”. Так как общество, как ученое общество, может существовать в Томске только при университете, желательно связать его более крепкими духовными интересами с университетом. В этих видах необходимо дополнить устав новыми параграфами, гарантирующими общество от численного преобладания таких действительных членов, которые, будучи мало полезны в научном отношении, могут вместе с тем силой большинства голосов существенно влиять на дух и направление административных дел общества, как это и выразилось в заседании 25 сентября». Новые же параграфы, предложенные профессором Флоринским для внесения в устав, устанавливают: а) профессора, изъявившие желание быть членами утверждаются без баллотировки; б) действительными членами могут быть только лица, окончившие курс высшего учебного заведения, со специальным образованием по медицинскому и физико-математическому факультетам; в) в основном медицинском отделе общества правление избирается не иначе как из профессоров Томского университета. Профессор Флоринский предложил исключить из устава п. 4 § 2 и п. 3 § 3, а эти пункты устава предусматривали:

П[ункт] 4 § 2 «Распространение в публике естественно-исторических и медицинских сведений и привлечение наибольшего числа лиц к естественно-историческим исследованиям».

П[ункт] 3. § 3. «Общество открывает публичные чтения в виде отдельных лекций или систематических популярных курсов по естествознанию и медицине».

Отмеченное послание попечителя округа проф[ессора] Флоринского было осуждено на специальном заседании общества, на котором члены общества единогласно постановили: «отклонить изменение устава, так как ни в побуждениях для изменения устава, ни в самых предложенных изменениях общества не усматривает достаточных оснований».

Обществу, в составе которого осталось только шесть профессоров, делает честь то обстоятельство, что оно дало солидно аргументированную отповедь попечителю Флоринскому и Совету университета. Этот ответ напечатан на 8 стр. (50–57) в «Трудах Томского общества естествоиспытателей и врачей» за 4-й год (изд. 1894)[1].

[1] Из этого выпуска «Трудов общества» и извлечены сведения об инциденте 25 сентября 1892 г. в Обществе естествознания и врачей в Томске.

Интересны факты и соображения, которые отражены в ответе проф[ессору] Флоринскому. Отмечу некоторые из них: новый председатель общества проф[ессор] Салищев отметил: «Выход профессоров из ученого общества представляет собою действительно не нормальное явление, но причина его лежит никак не в действующем уставе, а в том, что его превосходительство, господин попечитель, не избран в председатели общества».

В первые три года г[оспода] профессора сделали 23 доклада, 11 из них принадлежат тем профессорам, которые оставили общество, и 12 докладов принадлежат тем шести, которые остались в нем, отсюда видно, что в обществе не бездеятельные члены университета.

Хранитель ботанического музея П.Н. Крылов, речь идет о том ученом Крылове Порфирии Никитиче, в честь которого одной из улиц г. Томска в советское время присвоено его имя (бывшей Черепичной)[1], фармацевт по образованию, напечатал много важных работ по ботанике, делал обширные экскурсии по Сибири, собрал и обработал огромный материал, в силу предлагаемого изменения устава должен быть исключен из общества, как «малополезный в научном отношении член...». Едва ли справедливо заботиться о том, чтобы убавить у врачей возможность участвовать в обществе, где голос их необходим при обсуждении различных санитарных вопросов, вопросов медицинской статистики и пр.

Врач А.И. Макушин сообщил, что он просмотрел протоколы за три года и оказалось: «Громадное большинство членов баллотировалось при участии г. попечителя, в заседаниях: под его председательством. Попечитель сам участвовал в предложении 13 человек, причем 4 из них (а, может быть, и больше) по вновь предлагаемому уставу членами общества быть не могут. Профессора участвовали в предложении 38 человек. Из них по новому уставу подлежит исключению не менее 14 человек. Такое исключение было бы фактом беспримерным в истории и научных обществ и оскорбительным для исключения членов общества».

К сказанному врач А.И. Макушин добавил: «Ведь везде принято с приглашенными к себе в дом обходиться вежливо и на порог не указывать». <…>

---

[1] Автор ошибается. Улица названа в честь поэта-баснописца И.А. Крылова (сост.).

Очевидно, профессорам, ушедшим из общества, и самому попечителю проф[ессору] Флоринскому не по себе стало от мысли, что их бескультурье и мракобесие станет широко известным публике, последовал такой заключительный аккорд инцидента: 15 декабря 1892 г. попечитель обратился к председателю общества проф[ессору] Салищеву с уведомлением, что «Совет Имп[ераторского] Томского университета вошел ко мне согласно своему постановлению от 20 ноября с ходатайством, чтобы впредь до пересмотра устава труды и протоколы общества допускались к печати только после предварительного на то согласия Совета университета. Предлагая по сему вопросу войти с представлением в министерство, т[ак] к[ак] этот вопрос в уставе недостаточно выяснен, сообщаю, что было бы желательно, чтобы общество... воздержалось от печатания своих трудов и протоколов».

Общество естествоиспытателей и врачей, обсудив этот вопрос в заседании своем 22 декабря 1892 г., пришло к заключению, что на основании 4[-го] и [17-го] параграфов устава оно имеет несомненное право печатать свои протоколы и труды, и деликатно отказалось выполнять просьбу бывшего своего председателя попечителя округа проф[ессора] Флоринского.

Описанный инцидент в лоне Томского общества естествоиспытателей и врачей убедительно доказал, что врачи – члены общества, а в среде их были такие активисты, как врачи А.И. Макушин и В.С. Пирусский, напрасно ожидают от общества и его членов активной помощи делу организации и развития здравоохранения в городе. И поэтому в г. Томске возник в 1902 г. вопрос об учреждении Общества практических врачей. И это общество начало с 1903 г. функционировать под председательством врача В.С. Пирусского при секретаре, городском санитарном враче Гречищеве К.М. В связи с этим небезынтересно отметить, как характерную особенность томской профессуры, что в деятельности Томского общества практических врачей принимали участие только 4 профессора: Бутягин П.В. – микробиолог, Крюгер Ф.К. – биохимик, Зимин А.Н. – хирург-отоларинголог, Чистяков П.И. – глазник.

В рассматриваемый период времени не устанавливалось интимных отношений между студентами и профессорами. Подавляющее большинство профессоров явно избегало таких отношений со студентами, опасаясь, видимо, потерять себя в глазах начальства, толь-

ко студентам белоподкладочникам делалось исключение со стороны некоторых профессоров, например, Великого, Грамматикати и даже самого попечителя Флоринского, особенно же его преемника попечителя Лаврентьева. Так[им] обр[азом], взаимоотношения студентов и профессора были исключительно учебно-деловыми.

Студенты охотно посещали лекции и практические занятия тех профессоров, которые читали и проводили их, что называется, с душой, увлекая своим энтузиазмом и четким изложением науки. Но таких профессоров в мои годы (1894–1899) было немного. Назову их: Сапожников В.В., профессор-ботаник, увлекательно читавший свой курс, посвятивший много труда исследованию Горного Алтая. Кащенко Н.Ф., зоолог, организовавший богатый зоологический музей, дававший ему возможность излагать учение Дарвина с особенной убедительностью. Проф[ессор] Кащенко был в советское время затем действительным членом Академии наук Украины.

Догель А.С., профессор-гистолог, с особенным увлечением и ясностью читавший гистологию и эмбриологию, подвизавшийся затем на кафедрах в Петербурге. Вернер Е.В., профессор химик, о его интересных лекциях отмечено мною при описаниях забастовки в 1896 г. Буржинский П.В., профессор-фармаколог, увлекавший студентов своими блестящими лекциями и демонстрационными опытами, по просьбе студентов давший гектографированный курс своих лекций.

По клиникам Томского университета пользовались большим вниманием и уважением студенчества следующие профессора. Профессор Курлов М.Г., известный ученый, создавший в Томске свою школу терапевтов, умело, настойчиво, не жалея своего времени и сил, учивший студентов быть диагностами, терапевтами. Все врачи, учившиеся под его руководством, с большой признательностью относились к нему и вспоминают его. Изучению и развитию курортного дела в Сибири он уделил большое внимание; он был пионером курортологии Сибири.

Профессор Салищев Э.Г., известнейший хирург, смелый новатор в хирургии, прекрасный учитель, отличавшийся особенно располагающим обращением со студентами и больными, глубоко принципиальная личность, бывшая потому в немилости у попечителя округа, известного профессора Флоринского В.М., акушера-гинеколога.

Относительно проф[ессора] Салищева и проф[ессора] Курлова нужно сказать, что их врачебная деятельность и преподавание гос-

питальной хирургии и терапии протекали в кошмарных условиях томской больницы приказа общественного призрения, всегда переполненной больными, провонявшей своим специфическим запахом, где эти ученые не имели даже своего кабинета.

Приходится поражаться одному обстоятельству, что кипучая оперативная деятельность профессора Салищева давала счастливые исходы, когда для аспетики и антисептики, в частности, удивившую врачебный мир операцию удаления ноги вместе с полтазом (полную четверть человека) по случаю саркомы бедра проф[ессор] Салищев производил в своей операционной, представлявшей по размерам больничную палату для трех коек. Здесь же ему приходилось ночью, при освещении керосиновой лампы, оперировать, в частности, с изрешеченным дробью кишечником от руки браконьера-охотника. И эта операция закончилась выздоравливанием. Вообще нужно сказать, что к проф[ессору] Салищеву нередко направлялись на операцию больные, признававшиеся в благоустроенных факультетских клиниках неоперабельными.

В этом отношении особенно охотно в больницу приказа отправлял таких больных на операцию профессор Рогович Н.А. из факультетской хирургической клиники. Работа в таких тяжелых условиях сломила жизнь Э.Г. Салищева: при операции гнойного больного он получил слабо заметное, но ранение, заболел заражением крови, и умер 12 июня 1901 г. По случаю смерти проф[ессора] Э.Г. Салищева Томское общество естествоиспытателей и врачей учредило в память его ученой и педагогической деятельности премию на деньги, пожертвованные обществу учениками и почитателями, в размере 4280 руб. Славную хирургическую деятельность проф[ессора] Э[раста] Г[авриловича] продолжает его сын профессор Салищев Всев[олод] Эр[астович] в 1-ом Московском ордена Ленина мединституте.

Из числа других клиницистов пользовался вниманий студенчества профессор Е.С. Образцов, дерматолог и венеролог, хорошо учивший студентов на лекциях и особенно хорошо на амбулаторных работах, которые он проводил всегда сам. К тому же он был очень деятельным председателем Томского общества вспомоществования учащимся, при котором общество не оскудевало в средствах. Состоял он всегда и гласным городской думы, где ратовал по вопросам городского устройства, доказывая, в частности, крайнюю необходимость приступить к мощению улиц, без которого улицы в ненастную

погоду становились непроездными. Сам он в коляске на паре своих коней завязал по дороге от клиник к своему дому на углу Александровской улицы (теперь ул. Герцена) и Офицерской (теперь ул. Белинского), где теперь хлебный магазин. Правда, однако, его голос в городском управлении, представленном купцами и торговцами, был обречен на провал. К мощению улиц в Томске было преступлено только в 1903 г., когда городским головой стал врач Макушин А.И., и в городской думе образовалось большинство гласных из интеллигенции.

Но преподавание большинства профессоров медицинского факультета не пользовалось теплым отношением студенчества и посещалось неаккуратно. Расскажу о применении некоторых фокусов для введения в заблуждение инспекции. Например, студент, придя в главный корпус университета, где читалось много предметов первых трех курсов, оставлял свою фуражку и одежду на именной вешалке, а сам перебегал в другой корпус, чаще всего в анатомический, отрабатывать практические задания или забивался в тот или другой уголок здания и готовился к экзаменам, или проводил беседы с товарищами, или уделял внимание литературному чтению.

Преподавание некоторых профессоров проводилось так, что оказывалось для студентов совершенно бесполезным. Например, проф[ессор] Великий В.Н., физиолог, маленький по росту, читал лекции в большой аудитории, уставившись в свои гектографированные лекции, монотонным голосом, как пономарь.

Совершенно бесполезно было слушать лекции профессора Попова М.Ф. по судебной медицине.

Профессор Попов у студентов слыл «шипящим», так он чаще в среде студентов именовался. Эта кличка закрепилась за ним вследствие того, что лекции он читал почти шепотом, так что студенты могли понимать его, слушая на самом близком расстоянии. Он читал поэтому свои лекции не с кафедры, а стоя у стола, вокруг которого усаживалась группа студентов, в составе не больше семи человек. Большой группы студентов, больше семи человек, на лекциях профессора Попова никогда не получалось. Каждый студент, раз побывавший на его лекции, избегал уже являться на лекции, считал их для себя бесполезным. И профессор Попов, невзирая на то, что он как неизменный декан, должен был требовать явку на лекции, не был в претензии на студентов, что они его лекций не слушали. Он ограничивался тем, что студенты аккуратно группами приходили на

судебно-медицинские вскрытия, которые он производил неизменно сам и очень толково для студентов.

На лекции некоторых профессоров студенты ходили больше для того, чтобы развлечься и посмеяться. С этой целью, например, студенты посещали лекцию по анатомии проф[ессора] Малиева Н.М., который читал свой курс, следуя во всем руководству проф[ессора] Гиртля и анекдотам последнего с добавлением своих, которые он сообщал со смешной гримасой на лице. С той же преимущественно целью посещались лекции профессора общей гигиены Судакова А.И.

Профессор Судаков А.И. смешил студентов провалами своей памяти относительно имен и дат, а главным образом очень частым использованием такого сочетания слов, как: затем, потом, далее, наконец – при чтении лекций и в разговоре, что являлось у него вроде какого-то трамплина.

«Ну, затем, потом, далее, наконец, милостивые государи, начинаем изучать новую для нас науку, которая называется гигиеной». Так он обычно начинал излагать свой курс общей гигиены студентам третьего курса, причем иногда запинался на слове «гигиена». Поэтому один мой собеседник из студентов старших курсов уверял меня, что у профессора Судакова имеет место такой казус на вступительной лекции: он запамятовал название своей дисциплины и обратился к садящему в аудитории своему ассистенту – П.В. Бутягину за помощью: «Павел Васильевич, да как же наука наша называется?». Получив ответ, профессор Судаков снова начал лекцию словами: «Ну, затем, потом, далее, наконец, милостивые государи…» и т. д.

Особенно часто на лекциях проф[ессора] Судакова слышалось: «Ну, затем, затем, потом, далее, наконец», когда он читал свою лекцию, видимо, без предварительной подготовки, когда вынужден был часто заглядывать в папку со своими записями и перелистывать их. Со своей папкой проф[ессор] Судаков всегда приходил на лекцию.

В составе нашего третьего курса был студент А.П. Лебедев, который всегда приходил на лекцию проф[ессора] Судакова, садился на верхнюю скамью амфитеатра и записывал лекцию, отмечая каждое – «ну», «затем», «потом», «далее», «наконец», произносимое профессором. В перерыв между лекциями, а иногда после лекции студент Лебедев прочитывал громко свои записи и вызывал в аудитории дружный смех, усиливавшийся, когда он сообщал, сколько раз за время лекции были произнесены профессором слова: «ну, затем,

потом, далее, наконец». Это число, по его подсчетам, доходило иногда до сотни за двух часовую лекцию.

Причина дружного смеха в аудитории стала известна проф[ессору] Судакову и дала ему повод на лекции обратиться к студенту Лебедеву со словами: «Вы, Лебедев, бросили бы записывать мои лекции».

Один год нашего времени ознаменовался курьезом в период переходного (с первого на второй курс) экзамена по богословию, которое тогда было обязательно для студентов курса. Читал этот курс протоирей Беликов, в дальнейшем ставший Дмитрием, митрополитом Томским. Читал он богословие по программе «основного богословия», что представляло некоторый интерес для студентов из гимназистов, но не для студентов семинаристов, которые в семинарии проходили много разных богословий (основное, догматическое, нравственное). Поэтому посещаемость лекций проф[ессора] Беликова студентам была незначительной, и он очень волновался во время переходных экзаменов, во всяком случае, не меньше, чем студенты. Тем более, что экзамен по богословию в университете стал интересовать известного томского архиерея Макария, и последний из года в год начал являться на экзамены студентов по богословию. Курьез, который случился, когда ожидался приезд преосвященства на экзамен и происходила суета в коридоре у дверей актового зала, где экзамен производился, произошел в результате следующего стечения обстоятельств.

Архиерей, поднявшись на второй этаж, приближался к актовому залу. В этот момент спустился с третьего этажа студент, занимавшийся там в зоологической лаборатории и в темноте коридора встретил вытянутую к нему для благословления руку архиерея, схватив ее, потряс, как при обычном рукопожатии, и прошел далее не останавливаясь. Произошло замешательство архиерея и окружавшей его свиты. Архиерей почувствовал себя оскорбленным и скоро удалился с экзамена.

Началось расследование инцидента, которое оказалось для студента благоприятным. Студент доказал, что в условиях темноты коридора, где он наткнулся на архиерея, выйдя из освещенного помещения, глаза его не успели адаптироваться, и он принял протянутую руку как от знакомого и потряс ее, сделав это без всякого злого умысла.

Но архиерея Макария, видимо, не удовлетворило такое объяснение поведения студента. Он перестал после этого инцидента посещать экзамены студентов по богословию в университете.

Характеристику профессоров медицинского факультета закончу упоминанием о проф. Грамматикати И.Н., акушере-геникологе. Студенты злобно относились к проф[ессору] Грамматикати И.Н., откровенному ретрограду, неизменному прихвостню губернатора и попечителя и их советнику по вопросам о режиме для студентов и репрессивных мерах к ним. Он хорошо читал лекции, но не вел практических занятий и редко оперировал на глазах студентов, предпочитая оперировать в отсутствие их, в частных платных лечебницах.

На юридическом факультете Томского университета, открывшемся в 1898 г., укомплектование профессуры происходило в течение нескольких лет, по мере развития учебного процесса.

Но уже к концу 90-х гг. в составе профессуры юридического факультета оказались представители, достойные большого внимания, именно следующие.

Климентов П.С., профессор финансового права, с марксистским уклоном. Его деятельность в Томске продолжалась, к сожалению, недолго, т[ак] к[ак] он умер в 1902 г. Но он успел подготовить себе смену в лице Боголепова М.И., талантливого ученика, марксиста, который заменил его на университетской кафедре, а затем, получив ученую степень доктора, профессорствовал в Петрограде. В советское время М.И. Боголепов работал некоторое время на посту заведующего экономической секцией Госплана и оставался консультантом Госплана до смерти, последовавшей 4 августа 1945 г. Профессор М.И. Боголепов был членом-корреспондентом Академии наук. Президиум Академии наук СССР, отделение экономики и права и Институт экономики с глубокой скорбью известили в газете «Известия» о смерти его, как крупного ученого и деятеля в области финансовой науки.

В г. Томске Боголепов вел со времени своего студенчества борьбу с народниками. Его дискуссионные схватки с ярым народником Швецовым С.П., отбывавшем в Томске свою ссылку, приводили в восторг передовое студенчество и общественность.

Рейснер М.А., приехавший на кафедру политической экономии и статистики и с 1 июля 1899 г. занявший кафедру государственного

права, отличившийся своим красноречием, которым он блеснул на вступительной лекции. Эта лекция его была построена на базе его работ по вопросам религиозного исповедования, праве морали и религии и др., и поэтому произвела на студентов странное впечатление и в связи с тем обстоятельством, что Рейснер во время лекции расшаркивался перед попечителем и профессором богословия, заставила думать о нем, как о махровом монархисте, заинтересованном в том, чтобы скорее уйти от скромного звания – исп[равляющий] должность экстраординарного профессора.

Но Рейснер в Томске скоро стал смело переходить на новые позиции, и мнение о нем студенчества и общественности радикально изменилось. На благотворительных вечерах, устраиваемых в общественном собрании в пользу или Общества попечения о начальном образовании, или Общества вспомоществования учащимся, М.А. Рейснер всегда окружался студенчеством, становился душой его и говорил ему зажигательные речи. Я лично помню одну из его речей на таком вечере, произнесенную вскоре после убийства Карповичем министра народного просвещения Боголепова, кажется, в 1903 г. Эту речь Рейснер начал так: «Господа студенты, атмосфера сгущается, стало погромыхивать…» и призывал готовиться к грядущей большой общественной работе. Рейснер выехал на работу в Москву видным революционером.

У меня, работавшего с 1902 г. в Томске санитарным врачом, составилось в дальнейшем яркое представление и о профессоре Новомбергском. Новомбергский Н.Я., профессор-доктор полицейского права, пользовался за свое красноречие и сочность речи, пересыпанной цитатами из художественной литературы, большим вниманием студенчества и общественности. Его исторические исследования, особенно его докторская диссертация «Врачебное строение в до-Петровской Руси», высоко оценены и в советское время. В 1943 г. Академия наук СССР присвоила ему степень доктора исторических наук без защиты диссертации. В «Огоньке» 16 апреля 1948 г. целая страница посвящена его жизнедеятельности. Он умер 17 февраля 1949 г. на посту профессора истории СССР в Архангельском педагогическом институте, на 78-м году жизни.

Музей истории ТГУ.10.ХП. 1953 г. Машинопись

РУБИНШТЕЙН Липман (Леонтий) Эльевич (Ильич) (1869–?)

Врач, выпускник Томского университета, врач.

Из мещан. Окончил Слуцкую гимназию (1887). В августе 1888 г. по аттестату зрелости был принят в число студентов медицинского факультета Императорского Томского университета. Среди его преподавателей были Н.А. Гезехус, В.Н. Великий, А.И. Судаков, М.Г. Курлов и др.

В 1893 г. Л.Э. Рубинштейн окончил университет со степенью лекаря. Служил участковым врачом в с. Бочаты Кузнецкого уезда Томской губернии. Полтора года проработал в с. Тисуль Мариинского уезда, затем городовым врачом в Каинске.

Переехав в Томск в конце 1905 г., Л.Э. Рубинштейн занимался частной практикой. После Гражданской войны работал заместителем заведующего Томским губернским отделом здравоохранения, главным врачом губернской больницы (впоследствии Томская городская больница). Принимал активное участие в общественной жизни. С 1923 г. – член Томского городского совета, в 1924 г. – делегат первого окружного съезда советов, затем и I Краевого съезда советов, в 1929–1939 гг. – депутат Томского городского Совета, являлся председателем секции здравоохранения. С 1935 г. – главный врач поликлиники № 2.

После выхода на пенсию переехал в Москву. Один из его сыновей, Владимир (р. 1895 г.), окончил медицинский факультет Томского университета в 1918 г.

ВОСПОМИНАНИЯ ПЕРВОГО СТУДЕНТА ИМПЕРАТОРСКОГО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Посвящаю жене и сыновьям

Еще задолго до 22 июля 1888 года интеллигентная часть населения Евр[опейской] России и в особенности Азиатской с нетерпением ожидала официального известия о времени открытия университета в г. Томске. Долго ожидавшийся день наконец настал: открытие Томского университета было решено.

Весть об этом быстро разнеслась по всем концам необъятной России, в особенности благодаря ныне покойному попечителю Западно-Сибирского учебного округа В.М. Флоринскому, разославшему сообщения во все университеты, ученые общества и в правления духовных семинарий, как сибирских, так и зауральских, о дне открытия университета и о приеме в Томский университет окончивших семинарии, с дополнительными экзаменами.

Так как это был единственный университет, двери которого так гостеприимно раскрывались пред бывшими семинаристами, то они и потянулись с Кавказа, Волги, Дона, Днепра и Западного края в Томск, томимые жаждой просвещения.

Материальное положение большинства из них было незавидное, к тому же сведения о Сибири были скудные и мрачные; каждый знал, что Сибирь – страна ссылки за тяжкие преступления; пути сообщения неудобные и требующие даже летом значительного времени, а зимой Сибирь была почти недоступной: путешествие на лошадях в суровые морозы, на расстояние нескольких тысяч верст, было дорого и требовало много времени.

Эти обстоятельства приводились родными с целью повлиять на молодые умы, но это не остановило молодежь, стремившуюся попасть в храм науки. И многие с небольшим скарбом. И вот юноши, напутствуемые слезами и мольбами близких, направились в неведомый край. Помню, мне пришлось поехать в центр северо-западной Руси – в Вильно, чтобы добыть маршрут в Томск.

Тракт в Сибирь был один: Москва – Нижний Новгород по ж[ележной] д[ороге], Нижний – Пермь – на пароходе, Пермь – Тюмень по Уральской ж[елезной] д[ороге] – теперь Пермь-Тюменской – и, наконец, от Тюмени до Томска водой.

6–7 августа 1888 г. в Тюмени, на пристани самой богатой фирмы Курбатова и Игнатова нас собралось 10–12 чел[овек]. На видном месте имелось объявление фирмы о предоставлении едущим в Томск для поступления в университет бесплатного проезда в III кл[ассе] на своих пароходах, причем при выдаче билета не требовалось доказательств цели поездки в Томск. Так велико было в то время доверие к молодежи! В ожидании парохода нас устроили на пристани бесплатно в удобном и теплом помещении, бесплатно отпускался также кипяток в любое время. 8-го августа на пароходе «Рейтерн» мы отплыли из Тюмени. Как командир, так и пассажиры, которыми пароход

был переполнен, относились к нам с редким расположением; в приглашениях в рубку на стакан чаю недостатка не было. Как теперь помню старика Н.В. Смирнова, томского купца, возвращавшегося с Нижегородской ярмарки, не раз приглашавшего меня откушать стерляжьей ухи и повествовавшего нам об условиях жизни в Томске.

Эти сердечные отношения окружающих, рассказы их о Сибири, как о стране богатой, в особенности гостеприимной, уверения их о том, что Сибирь не так мрачна и сурова, как она кажется сначала, а в особенности преувеличенное их уверение о богатстве и величии зданий университета, возымели на нас свое действие. Скорбь по всем, как нам казалось безвозвратно оставленном за Уралом, в связи с неизвестным будущим среди чужих людей в отдаленном холодном крае, унылое, тоскливое настроение, навеваемое пустынными берегами многоводной Оби, вид баржи с арестантами, которую вел на буксире «Рейтерн», приводили нас порой в отчаяние.

И вот, благодаря сердечному отношению наших спутников, мрачное настроение просветлялось; по мере приближения к Томску чувствовалось и уменьшение расстояния между заветной мечтой и исполнением ее – и это вливало в нас струю бодрости. С каким нетерпением мы выходили на берег в Сургуте, Нарыме, Колпашеве, надеясь найти на твердой земле свежие сведения о Томском университете, но каждый раз возвращались разочарованными! Тем не менее эти 10 дней путешествия живо сохранились в памяти, вероятно, всех нас, невзирая на прошедшие 25 лет. Думаю, что все мы до сих пор питаем глубокую благодарность к пассажирам «Рейтерна», поддерживавшим в нас в тяжелое время бодрость духа.

В Томск мы прибыли 18 августа, в 2–4 дня. Многие устроились в популярных в то время номерах Наумова на Миллионной, как недорогих и сравнительно удобных; многие в меблированных комнатах за Истоком. В Томске мы застали человек 30–40 семинаристов, готовившихся к экзаменам, и первых из них мы узнали С.М. Тимашева и А.А. Смородинцева. Часов в 6–7 вечера в университетском саду, около квартиры попечителя округа, нас собралось десятка два, желавших подать прошение лично ему. За поздним временем прием попечителем был отложен на следующий день, пишущий же эти строки, как явившийся с письмом от попечителя Виленского округа тайн[ого] сов[етника] Сергиевского, был тотчас принят.

Расспросив подробно об условиях жизни в Западном крае, о причинах, побудивших меня двинуться в далекую и трудно доступную в то время Сибирь, о средствах к существованию и пр., В.М. Флоринский в присутствии правителя канцелярии Г.С. Томашинского долго распространялся о том, как себя должен вести студент, чтобы оправдать надежды, возлагаемые на университет сибирским обществом и правительством, и на прощанье велел мне на следующий же день передать инспектору студентов А.С. Еленеву свое распоряжение о предоставлении мне бесплатно комнаты в общежитии. Остальные товарищи были им приняты на следующий день также любезно, но им он сообщил, что двери университета раскрыты пред семинаристами, благодаря его усиленным ходатайствам, что он симпатизирует им, как бывший семинарист и пр., почему убедительно просил их заниматься в университете только науками и приложить все старание для того, чтобы оправдать его труды для них. На прощанье он им заявил, что двери его кабинета всегда будут открыты для студентов.

25–27 августа происходили в стенах университета поверочные испытания для семинаристов (гимназисты приняты без испытаний). Как и следовало ожидать, все выдержали их успешно, так как основательно готовились к экзаменам. К 30 августа оказались зачисленными на медицинский факультет 74 чел[овек] и один вольнослушатель; последний – известный в то время золотопромышленник Енисейской губ[ернии], г. Кузнецов, большой меценат.

К 1 сентября оказались налицо и профессора: ректор Н.А. Гезехус – проф[ессор] физики, Ал.С. Догель – гистологии, Ал.М. Зайцев – минералогии и геологии, С.И. Залесский – химии, С.И. Коржинский – ботаники, Н.М. Малиев – анатомии, Д.Н. Беликов – богословия, Эд.Ал. Леман – фармации.

Днем открытия начала лекций было назначено 1 сентября. В 11 ч утра в университетской церкви было совершено молебствие, после чего студенты были приглашены в актовый зал. Здесь попечитель округа произнес речь, в которой поздравил нас, первых студентов и всю университетскую коллегию, с новой духовной жизнью. «В случае каких-либо сомнений или недоразумений, – сказал он нам, – обращайтесь ко мне не как к начальнику, а как к любящему вас отцу». По окончании речи он пригласил нас, профессоров и должностных лиц университета на первую лекцию. Ее прочел

проф. ботаники С.И. Коржинский, впоследствии столь любимый студентами, на тему: «Что такое жизнь?»: «Вопрос о жизни есть коренной вопрос биологических и медицинских наук. Это есть азбука и вместе конечная цель, альфа и омега биологии. Вы пришли сюда изучить жизнь – пусть же первое слово, которое вы услышите в этих стенах, будет слово о жизни», – сказал С[ергей] И[ванович]. «Но едва ли мы сумеем ответить на вопрос, что такое жизнь». «Человек не может определять такие понятия, которые не созданы его умом и не могут быть всецело объяты им». Перешел к вопросу о самозарождении, распространялся о теориях Геккеля и Гегеля, перешел к критике афоризма Линнея об отличии трех царств природы: «Mineralia sunt. Vegetabilia sunt et vivunt. Animalia sunt. Vivunt el sen-bunt» – (минералы существуют, растения существуют и живут, животные существуют, живут и чувствуют). Далее он подробно разобрал особенности питания и дыхания растений и животных, отличительные черты животных от растений и т.д. Лекция эта впоследствии была напечатана. Интересная тема, превосходный лектор, хотя и страдавший небольшим недостатком произношения (слегка шепелявил), наш нервный подъем, малое знакомство наше с природоведением и физиологией сделали то, что мы по окончании лекции впали, если так можно выразиться, в какое-то оцепенение и только пришли в себя, когда раздались аплодисменты профессоров. Начались долго не смолкавшие аплодисменты и с нашей стороны.

С 3 сентября началось регулярное посещение лекций. Профессора ботаники и минералогии удивлялись аккуратному посещению нами практических занятий в их кабинетах. Пишущий эти строки на первом курсе не пропустил ни одной лекции, ни одного часа практических занятий, а таких было большинство. С какой любовью занимались с нами профессора в лабораториях! Все они были молодые люди, только что получившие кафедры.

Богатейшая библиотека университета еще была в беспорядке, но библиотекарь С.К. Кузнецов (недавно умерший) не отказывался достать нам нужную книгу.

Анатомический театр помещался в неприспособленном для работы над трупами здании; освещался он скудно газом, и нам приходилось брать с собой туда свечи. Недостатка в трупах не было – их доставляла пересыльная тюрьма. Во всякое время можно было за-

стать в институте 3–4 десятка студентов и большей частью вблизи них профессора Малиева или прозектора С.М. Чугунова.

Так текли мирно наши занятия до 20 октября, когда у нас разыгрался маленький инцидент, но об этом поговорим позднее, а пока сделаю отступление для изложения квартирных и других хозяйственных сторон жизни студента.

Квартирный вопрос у нас разрешался очень легко. Студентам при поступлении было объявлено, что все желающие могут устроиться в здании общежития на следующих условиях. Обед, ужин и белый хлеб к чаю в количестве 1 ф[унт] в день за 6 руб. в месяц, за комнату в 2 окна для двух человек по 2 руб. 50 к[оп]. и за освещение по 1 стеариновой свече пятерику по 1 руб. в месяц с каждого. По желанию можно было занять одному человеку комнату в одно окно за 3 руб. в месяц. Таким образом, квартира со столом и освещением обходилась в 9 руб. 50 коп. в месяц. Эти условия были заманчивыми, и в начале сентября из 74 чел[овек] общежитием воспользовались 52. Малосостоятельные освобождались от платы за комнату, для чего требовалось лишь словесное заявление инспектору, для получения разрешения попечителя. 5 человек пользовались и бесплатным столом.

Открытие дома общежития было назначено на 27 августа. На торжество прибыли приглашенные лица во главе с преосвященным Исаакием и губернатором А.П. Булюбаш (вскоре умершим). Гостям и студентам был предложен попечителем завтрак и чай. Губернатор обратился к нам с теплым словом, которое закончилось так: «Вы – фундамент той славы, которая сложится о Томском университете, того мнения, которое о нем распространяется. На вас лежит долг своим трудом, своим поведением обеспечить вашему университету прочную и хорошую славу». За завтраком выразил нам добрые пожелания и просвященный, а также В.М. Флоринский.

Дом общежития был выстроен трудами В.М. Флоринского при помощи частной благотворительности с поддержкой со стороны университета, причем предполагалось, что сибирское общество будет поддерживать его и впредь; в противном случае правление университета было бы вынуждено доплачивать на содержание дома значительную сумму. Кажется, предположение не вполне оправдалось.

Общежитием пользовались и богатые студенты, так как комнаты были удобные и теплые, а стол великолепный. Хозяйство вела, конечно, бесплатно, супруга инспектора, обедал и ужинал с нами ин-

спектор. Обед состоял из 2-х мясных блюд и ужин из одного мясного или заменялся молоком по желанию. Самовар подавался утром и вечером в столовой; одни пили чай тут же, другие брали кипяток к себе в комнату или, по желанию, приносил служитель; для этой цели имелась специальная казенная посуда. Стол всегда сытный, вкусный; блюда повторялись не чаще, как через 5 дней. Наверное, многие до сих пор помнят вкусные пироги, которыми нас угощала в общежитии m-me Еленева по воскресеньям. Из обстановки имелось все необходимое. Освещение стеариновыми свечами было для нас выгодно и служило некоторым образом доходной статьей. Дело в том, что электрического освещения Томск 25 лет тому назад еще не знал; университет освещался газом, улицы и дома керосином. Мы, получая по 2 свечи в день на двоих, занимались при 1 свече и экономили в течение месяца фунтов 6 на двоих; эти экономические свечи нами продавались в лавочке недалеко от университета, подобно тому, как еще сравнительно недавно в лавках торговали «экономическими» свечами Сиб[ирской] жел[езной] дор[оги].

Для уборки комнат и услуг нанимались 3 служителя, но, кажется, для посылок мы охотно пользовались педелями, жившими в общежитии. Их назначение состояло в записывании по вешалкам присутствующих на лекциях студентов и в надзоре за студентами в стенах общежития. Отношения между «поднадзорными» и опекунами были наилучшие, и ничего дурного мы от них не испытывали. Отношения между студентами и инспектором Еленевым были все время хорошие. В то время, как в Московском университете то были времена Брызгалова – за несоблюдение правил о форменной одежде студентов подвергали аресту в университете, в Томске многие студенты вовсе не имели форменного верхнего платья. Инспектор Еленев в таких случаях ограничивался частыми, правда, напоминаниями, но в очень корректной форме, о необходимости обзавестись форменным пальто. Многие из нас эти напоминания слышали до 5[-го] курса и ни для кого они не были обидны.

На частных квартирах устраивались также недорого, там цены на квартиры и в особенности на продукты были очень низки. За небольшую комнату с полным столом и «прикускою» к чаю студент платил 11–12 р[уб]., при готовом освещении, причем кормили очень хорошо. В общежитии, конечно, было уютнее, теплее и удобнее, да

и стол был разнообразнее, к университету ближе, веселее и пр. Да, наконец, в общежитии было и дешевле.

Университетская жизнь текла мирно. Мы учились, профессора были с нами. Первая для нас сибирская зима была холодная, но в стенах общежития в большинстве комнат было уютно, тепло и весело.

Заниматься друг другу не мешали. В свободные вечера собирались в читальной, где имелись газеты и журналы, из коих многие доставлялись редакциями бесплатно. Многие обзавелись знакомыми. Сибирь и теперь еще славится гостеприимством, а 25 лет тому назад, когда приезд из-за Урала был невелик, были рады каждому новому человеку, а студенту в особенности. Недостатка в приглашениях на вечера не было, так как молодежи в Томске было мало, то студентов везде охотно принимали.

В общественном и коммерческом собраниях студенты пользовались бесплатным входом на танцевальные вечера и маскарады, устраивавшиеся почти каждое воскресенье; среди танцующих всегда бросался в глаза десяток, а то и более студенческих форменных сюртуков. Словом, вряд ли где можно было встретить такой радушный прием, какой оказывался студентам в первый год существования университета. Играла тогда в театре Королева хорошая драматическая труппа под дирекцией владельца, но и им давалась студентам значительная скидка.

Поздно ночью возвращаться в общежитие по одиночке было рискованно. На университетской усадьбе, кроме здания университета, старого анатомического театра и служб, других построек не было; сплошная роща начиналась на улице Московский тракт и тянулась вдоль Садовой губернской тюрьмы с одной стороны, а с другой граничила со зданиями больницы общ[ественного] призр[ения]. Главные университетские ворота на ночь запирались и приходилось пробираться у здания общежития через решетку или через маленькую калитку, не запиравшуюся на ночь, против театра Королева. Роща окарауливалась внутри скудно; запоздавший студент стремглав пробегал через рощу к общежитию через калитку. Веселее становилось, когда раздавался, хотя и вдали, стук колотушки сторожа, охранявшего рощу.

Да и по улицам небезопасно было ходить запоздавшему студенту: освещение было скудное, керосиновое, тротуары плохие даже на главных улицах, а грязь непролазная (извозчики за пятачок перевозили че-

рез улицу), рассказы о грабежах и нападениях из-за платья свежи были в памяти. Запоздалого прохожего сопровождал стук колотушки ночного сторожа, дряхлого старика, но, к сожалению, довольно редко попадавшегося, так как сторожа предпочитали спать в будках.

Отношения между студентами установились с самого начала дружественные; большинство студентов – бывшие семинаристы, но отдельной группы они не образовали; чувствовалась во всем общая солидарность.

Старостой был избран покойный П.Ф. Ломовицкий, служивший нам верой и правдой до окончания курса; он был одним из более старших. Сколько неприятностей ему переносить на старших курсах при исполнении постановлений курса о переговорах с ректором, а в особенности с некоторыми профессорами. И всегда он в точности исполнял наши поручения, а благодаря своей корректности удачно выходил из затруднительного положения.

Во все мелочи университетской жизни вникал попечитель, так что ректор существовал только номинально. Симпатичный и любезный Н.А. Гезехус, когда к нему обращались студенты за каким-нибудь разъяснением, неизменно отвечал: «Я охотно согласен, но не знаю, как Вас[илий] Марк[ович] (попечитель); пойду, спрошу его», – и отправлялся к попечителю. Это объяснялось тем, что умный и настойчивый попечитель, строивший и открывший университет, считался как бы хозяином его – и соответственно этому держал в «черном теле» ректора и профессоров. Н.А. Гезехус по личности характера и необычной доброте своей сразу попал в крепкие руки Вас[илия] Марк[овича], а затем уже не мог высвободиться и через год ректорства перевелся в Петербург.

Отношения наши с профессорами были наилучшие, попечитель же переменил к нам или вернее к некоторым из нас свое расположение по следующему поводу. Он решил устроить 22 октября – день храмового университетского праздника, на специальные средства, бал в стенах университета и свое желание передал нам через инспектора, прося нас быть хозяевами. Каждому из нас было предоставлено право пригласить 2-х дам, список которых мы имели сообщить г[осподину] Еленеву, для рассылки приглашаемым от имени попечителя. Но вскоре оказалось, что из списка вычеркнуты приглашенные студентом К[ореневым] (теперь д[окто]р медицины, занимает видное административное положение).

На нашу просьбу повлиять на попечителя об отмене им своего решения, так как по нашим сведениям никаких поводов для исключения двух дам не было, г[осподин] Еленев заявил, будто он сам упрашивал попечителя, но последний остался непреклонным. Тогда решили отказаться от участия в вечере. Но когда 20 октября инспектор, пообедав с нами в общежитии, пригласил нас идти с ним в университет, чтобы украсить помещение по нашему вкусу, мы все-таки пошли. Здесь мы нашли массу разной зелени. Г[осподин] Еленев первый взялся за пихтовую ветку и пригласил нас последовать его примеру; несколько человек заговорили, что мы из-за понесенного К[ореневым] оскорбления не можем быть на вечере. Просьба инспектора не огорчать «старика», так много сделавшего для студентов и желающего предстоящим вечером лишь доставить удовольствие юным слушателям университета, дать им возможность развлечься и ближе познакомиться с томской публикой не возымела действия: студенты стали уходить домой.

На следующий день нам стало известно, что попечитель распорядился разослать приглашенным им на вечер письма с уведомлением, что вечер не состоится. Таким образом, злосчастный вечер послужил поводом к тому, что попечитель при встречах с некоторыми студентами перестал подавать руку, что он прежде обязательно делал. Надо думать, что от инспектора он получил список студентов, оказавшихся более активными в истории злосчастной «забастовкой» и не остался в долгу. Он с нами рассчитался при переходе со 2-го курса на 3-й, при сдаче «полулекарских» экзаменов, о чем речь впереди.

Отношения с инспектором остались как бы прежние. Новый год многие встречали в общежитии с ним за обильным столом, многие же были приглашены к знакомым.

На Пасхе повторилось то же. Вскоре начались приготовления к экзаменам. Многие старались сдать, что только возможно, при переходе на 3-ий [курс] из экзаменов было много, и притом довольно трудных. Вот экзамены сданы. Некоторые имевшие достаток отправились на родину, многие остались здесь, устроившись или в городе или в ближайших деревнях, где можно было достать урок у дачников. Первое лето в Сибири нам жилось не особенно хорошо: тоска по родине, жаркие дни, короткое лето, невыносимая пыль в городе послужили причиной желания скорейшего наступления зимы и приступления к занятиям в университете.

Наступил сентябрь; число студентов значительно увеличилось и хотя в общежитии отстроили 3-й этаж, но там стало теснее и значительнее шумнее. Заниматься по-прежнему уже невозможно было, почему многие решили покинуть общежитие и переселиться на частные квартиры, где хоть и не было таких удобств, как в общежитии, но каждый мог располагать временем по-своему. И в университете уже не стало прежнего единодушия. Прибыли проф[ессор] зоологии Н.Ф. Кащенко и проф[ессор] физиологии Великий.

Год прошел незаметно, так как свободного времени было мало: лекции поглощали время до 3-х часов, практические занятия с 5 до 7 ч. Затем у большинства имелись уроки. Таким образом, многие являлись на квартиру часам к 10 вечера усталыми, нередко и голодными. Настала весна. Начались полукурсовые экзамены. Вот тут В.М. Флоринский и рассчитался с «забастовщиками». Из поступавших на 1-й курс 74 ч[еловек] 2-ое оставили университет еще на 1-м курсе, 4–5 человек, слабо подготовленных, не рискнули подвергнуться испытаниям, так как попечитель присутствовал на многих экзаменах, принимал самое деятельное участие; в результате на 3-й курс перешло только 36 человек. Это было весной 1890 г.

Осенью этого года прибыли уже клиницисты: М.Г. Курлов, А.П. Коркунов (ныне покойный), Н.А. Рогович, Э.Г. Салищев (ныне оба покойные), П.М. Альбицкий, И.Н. Грамматикати, И.И. Судакевич (ныне покойный), К.Н. Виноградов (умерший).

Число студентов значительно увеличилось. Мы считались старшими и притом первыми, почему пользовались уважением и отчасти расположением как младших товарищей – студентов, так и профессуры; профессора с нами всегда здоровались, подавая руку, чего не делали по отношению к младшим студентам. Открылись клиники; ординаторов было мало, мы их заменяли; приемы и обходы, предоставляемые обычно ординаторам, делались профессорами непосредственно. Занятий было очень много и притом очень интересных; за отсутствием старших курсов мы в клинике работали 3 года вместо обычных 2-х лет.

Кто из нас не помнит лекций П.М. Альбицкого (переведенного через год в Военно-медицинскую академию на кафедру, освободившуюся за уходом знаменитого проф. Пашутина)? Как он читал о голодании! Как он, бывало, выпьет глоток воды и, как бы прячась за доску, начнет излагать собственные исследования по вопросу о го-

лодании, грустным тоном, извлекаемым откуда-то из глубины сердца, словно голодал он сам, а не животное. Кажется, будь П[етр] М[ихайлович] здесь, и я бы охотно и теперь послушал бы его задушевные лекции. А кто не помнит лекций К.Н. Виноградова по патологической анатомии? А Эраст Гаврилович Салищев? А обходы проф[ессора] Курлова? Вот кто нас учил!

На 4-й курс перешли мы все – 36 человек. Оставшиеся на летние каникулы в Томске и окрестностях студенты 5 июня 1891 г. были приглашены в университет для встречи наследника цесаревича. Нас собралось человек 30, нам выдали специальные билеты на проход за цепь охраны. Во 2-м часу мы явились в университет, где встретились в верхнем коридоре. Наследнику цесаревичу показали весь университет; в кабинете гистологии были приготовлены под микроскопами препараты крови.

Вот уже мы и на 4-м курсе. Прибыли профессора: Ерофеев Ф.А., Образцов Е.С., Поповский Ив.С., Репрев Ал.В., Судаков А.И., Бартенев Л.Л., Буржинский П.В., Анфимов Як[ов] Аф[анасьевич]. Занятий оказалось столько, что приходилось проводить большую часть дня и вечера в клиниках, лабораториях, аудиториях.

Весной 1892 г. мы уже были переведены на 5-й курс. Тут вспыхнула холера в Евр[опейской] России, с волной переселенческого движения грозная гостья пожаловала в Приамурье и в Сибирь. 3-ое нас – я, Тимашев и Коренев были назначены на Уральскую ж[елезную] д[орогу] и 20 июня должны были выехать из Томска в Тюмень. Но какая разница! В 1888 г. мы ехали из Тюмени в Томск в III кл[ассе], а теперь на пристани в Томске на нашу просьбу получать с нас деньги за проезд во II кл[ассе] нас упрашивают не отказать в помощи пассажирам в пути и принять за это бесплатно каюту 1-го кл[асса]. Мы охотно согласились.

И вот на пути, когда в III кл[ассе] заболела холерой женщина, умершая на следующий день, а девать ее некуда было, так как до пристани и жилья оставались сутки плавания, мы поняли милые порядки на пароходах, плававших тогда по рекам Западной Сибири.

В Тюмени мы были в конце июня. Смертность от холеры там была огромная. Тоска и уныние в городе не поддавалась описанию, и мы очень были обрадованы, когда нас передвинули к западу. Пробыли мы на службе до конца сентября. На обратном пути, как теперь помню, в конце сентября около Сургута температура воды была + 1 R;

пассажиры были в отчаянии, опасаясь, как бы пароход не замерз в пути. В Томск мы прибыли 10 октября; здесь до 15 октября стояли чудные, теплые дни, а 16[-го] сразу ударили морозы, а вскоре установился и санный путь.

Занятия в университете начались в октябре, по возвращении студентов, бывших на борьбе с эпидемией. Многие прикопили кое-что за лето и не нуждались в течение года в заработке, получив возможность предаться исключительно занятиям в клиниках. А работы было масса: надо было в течение последнего года чем больше увидать больных, операций, самому проделать побольше операций, побольше вскрытий и проч. Вот пройден и 5[-й] курс. Получаем свидетельства об окончании университета. Таких у нас оказалось 36 человек.

Снова разъехались на холерную эпидемию, уже в качестве заместителей врачей, на хорошие по тому времени оклады. Собрались снова в Томске к половине октября, но 4 уже убыли: 2-ое утонули в Томи, 1, будучи душевно больным, скрылся из Иркутска и умер от голода в лесу, а 4-й психически заболел. Экзамены государственные начались 1 ноября и окончились 17 декабря; председателем государственной комиссии был В.М. Флоринский. Окончили 32 человека. Экзамены начинались в 7 ч. вечера и тянулись далеко за полночь, таким образом, каждому студенту приходилось отвечать около часа и притом стоя.

С каким волнением и радостью мы вошли в первый раз в университет и с какой тоской покинули его; чувствовалось, что насильно отрываешься от того, что стало так дорого и мило сердцу и откуда поневоле приходится уходить! Каждый утешал себя, что разлука временная, что со временем двери университета опять откроются пред нами, уже умудренными опытом житейских и специалиста-медика. Но, увы, суждены нам благие порывы! Одни умерли – Прасолов (утонул), Голубев (умер от туберкулеза), Смирнов и Орлов (от сыпного тифа в Ачинске), других увлекла борьба за существование, а третьи, оставшиеся при университете, состоят жрецами науки уже давно. Это профессора Кулябко А.А. (физиология), Тимашев С.М. (детские болезни), Левашев И.М. (диагностика), Левковский А.М. (психиатрия – в Саратове), приват-доценты П.В. Бутягин (бактериология), И.П. Коровин (патологическая анатомия в Военно-медицинской академии). Некоторые занимают видные административные должности: Коренев Ев.Н. (Петербург), Тепляшин П.Ел. и Павский С.Ег. – врачебные инспектора и друг[ие].

25-летний юбилей существования университета исполнился 22 июля с. г., но по традиции празднование перенеслось на 22 октября, почему позволяю себе воспользоваться сегодняшним днем, знаменательным для нас, питомцев Томского университета, и привести слова В.М. Флоринского, сказанные им нам 1 сентября 1888 г., в день открытия учебного курса, в актовом зале университета: «Много раз я участвовал и на главных праздниках наших университетов. Самым почетным гостем в этих случаях является старший по выпуску из бывших воспитанников университетской семьи. И для вас, господа первые студенты Томского университета, придет такое время, как бы оно ни казалось теперь отдаленным. Поэтому не забывайте, что вам предстоит выступить в роли первых представителей воспитанников нашего университета». Хочется верить, что мы показали себя достойными этого исторического положения и поддержали честь и историческую память первого университетского курса.

В сей знаменательный для нас день позволяем себе вспомнить со скорбью и благоговением умерших – попечителя округа В.М. Флоринского, профессоров и товарищей врачей, в особенности павших жертвой долга; приносим поздравление профессорам, как бывшим, так и ныне занимающим кафедры, и врачам – воспитанникам Томского университета и высказываем мысль о необходимости ознаменовать юбилей образованием фонда для учреждения стипендии или премии имени врачей, питомцев Томского университета первого двадцатипятилетия. Думаю, что это легко осуществить, если принять во внимание, что университет выпустил уже около 1000 врачей.

В этот торжественный для нас, томичей, день от души желаю, чтобы первыми студентами второго двадцатипятилетия Томского университета, среди которых имеет честь состоять и сын мой, жилось также привольно, как нам, первым студентам, чтобы они пользовались таким расположением и симпатиями местного общества, какие доставались на нашу долю, чтобы они так старательно изучали естественные науки и медицину, как мы, чтобы профессора с такой любовью и охотою занимались с нами, как бывшие наши профессора, и чтобы под девизом «университет для учения» они стремились ко всему высокому, честному и доброму!

Утро Сибири. 1913. 22, 24 окт.

МОРАЧЕВСКИЙ Андрей Николаевич (Н. Зарницын) (1876–1917)

Родом из Черниговской губернии, сын священника, выпускник Черниговской духовной семинарии (1898). В 1898 г. поступил на юридический факультет Императорского Томского университета и в том же году бросил учебу. В 1899 г. вновь был принят на первый курс того же факультета. После 4-го курса не стал держать выпускной экзамен. Работал помощником у своих товарищей юристов. Сотрудничал в томских газетах («Сибирский вестник», «Утро Сибири»), литературный псевдоним – Н. Зарницын. В «Сибирском вестнике» вел отдел вместе с М.И. Боголеповым, тогда студентом, а впоследствии профессором юридического факультета. Придерживался демократических взглядов. В Первую мировую войну был призван на военную службу, которую проходил в Петропавловском гарнизоне. В 1917 г. был избран членом Петропавловского совета солдатских и рабочих депутатов, секретарем исполкома. Умер в Томске, куда прибыл в кратковременный отпуск.

ДНИ ЮНОСТИ

Посвящаю памяти бывших
товарищей по университету

Еще задолго до окончания духовной семинарии я мечтал об университете. Быть студентом я решил, во что бы то ни стало. Для достижения этой, казалось бы, вполне естественной и даже похвальной цели не встретится никаких препятствий…

Но семинарская рутина того времени по традиции никак не могла примириться с уходом своих питомцев в высшие светские школы. Нас, оканчивающих, между прочим, спросили – кто желает быть священниками. При этом дали ясно понять и почувствовать, что «инакомыслящих» постараются «проэкзаменовать, возможно, построже». «Это для того, – пояснил ректор, – чтобы, попавши в университет или куда-нибудь на чиновничью должность, вы не ударили лицом в грязь и не запятнали имени воспитавшей вас школы». Ректору, конечно, никто не верил. Все знали, что он, как начальник учебного заведения, ревниво оберегает каждого из нас и желает сохранить для духовной среды, нуждающейся в образованных пастырях.

Стремление «в свет» рассматривалось как вольнодумство, и провинившиеся в этом попадали под строгий контроль. Их «резали» на экзаменах, всячески за ними следили и если выпускали из стен школы, то только по второму разряду, что, в свою очередь, лишало права

поступления в университет, где решающую роль играло семинарское свидетельство первого разряда.

С нашей стороны требовалась огромная осторожность, чтобы обмануть бдительность начальства. Мы так и делали, не передавая нашей заветной тайны даже многим товарищам. Только после получения на руки аттестатов раскрывались карты. Напутствуемые косыми взглядами и упреками наших педагогов мы покидали семинарию. Я подал прошение в Томский университет.

После целого ряда формальных мытарств и поверочных испытаний меня зачислили на юридический факультет. Сколько радости, сколько самых радужных мечтаний пришлось пережить в этот памятный день! Шутка ли сказать: студент, вольный человек…

Позади осталась суровая мертвая школа, впереди жизнь, согреваемая ярким пламенем, пылавшим на алтаре храма науки. Помню, как тревожно билось мое сердце, когда я входил первый раз в двери университета, я, еще совсем юный, жаждущий чистого знания, семинарист.

Высокий, почтительный швейцар приветливо распахнул огромную дверь. Я в вестибюле мрачного каменного здания, от стен которого веет холодной немой серьезностью. Кругом шум от бодрых молодых голосов гулко разносится по длинным коридорам.

«Вот ваша вешалка…», – указал дежурный педель… В голове на секунду встал вопрос: откуда он меня знает. Очевидно, в этот момент мое лицо изобразило самое беспомощное недоумение, потому что педель тотчас же разъяснил: «Вас мы знаем давно по карточке, которая присылается при прошении…».

Поднялись по лестнице. Все незнакомые лица. Сами подходят, протягивают руки… Ни тени жеманства и обычной неловкости. Чувствуется тесная товарищеская среда, доверие и общность интересов.

Случайно я натолкнулся на двух своих земляков-гимназистов. Зная в родном городе только в лицо друг друга, мы поздоровались, как давно знакомые товарищи. Разговорились…

В глубине коридора в это время показался какой-то приземистый человек в форменном учительском сюртуке. На лицах старых студентов засияла улыбка. Ему почтительно кланялись. Проходя мимо нашей группы, он остановился, прищурил заплывшие глазки, пристально посмотрел каждому в лицо и помчался колесом дальше.

По ходу бросил отрывистую фразу: «Я ректор университета, ректор Александр Иванович…». Студенты засмеялись. Кто-то пояснил: «Ректор университета, он всегда блажит и имеет привычку разговаривать с самим собой, но мужик ничего себе, простоватый». Так состоялось знакомство с главным хозяином университета, про которого и сейчас передают серию смешных анекдотов.

Естественно, что мы с большим нетерпением ждали первой лекции. С затаенным дыханием прослушали вступительную речь популярного в то время, любимца студентов М.А. Рейснера. Мощный оратор, прекрасный теоретик, он до самого последнего дня своего пребывания в университете собирал на свои лекции полную аудиторию.

И в то время как к прочим профессорам мы ходили по очереди, к Рейснеру собирались охотно, задолго до звонка занимали места. Вместе с нами на первую лекцию послушать М.А. собралась половина университета.

Живыми образами оратор очертил нам будущую нашу деятельность, привлекательными красками обрисовал студенческую среду и закончил восхвалением юности, как лучшего времени всей жизни…

«Порывы ее, – подчеркнул он, – иногда бывают безумными, но всегда святыми…». Гром рукоплесканий был ответом профессору. Он вышел из аудитории, а мы еще долго оставались под гипнозом его слов и делились друг с другом впечатлениями. И первая лекция и память о М.А. останутся неизгладимыми на всю жизнь.

Популярными профессорами считались М.Г. Курлов, Э.Г. Салищев, Е.С. Образцов, Вернер на медицинском факультете, на юридическом, помимо Р[ейснера], больших талантов не наблюдалось.

Профессор римского права, он же декан юрид[ического] факультета Т[абашников], читал лекции по запискам. Регулярно, через день, являлся он в аудиторию, раскладывал листки и монотонно вычитывал «от сих и до сих». При первом звуке звонка профессор бросал на полуслове и убегал быстрыми шагами. Слушать такого ученого никто не хотел: под руками у каждого был такой же учебник, в котором совмещалась вся профессорская мудрость.

Не лучше обстояло дело с догмой римского права. Профессор С[абинин] буквально изводил своих слушателей, читая даже при одном человеке, сводя с отсутствующими счеты на экзаменах.

Угрюмый и замкнутый С[абинин] проявлял раз в году одну странность: в день традиционного студенческого праздника 22-го октября он танцевал полонез и своим «ученым» видом приводил в немалое смущение веселящуюся молодежь. Кончив танец, С. незаметно исчезал, и мы его видели только в аудитории…

Профессор политической экономии С[оболев] «сушил» аккуратно интересный предмет, впадая в частые противоречия и осторожно обходя самые животрепещущие вопросы: рабочий, экономического материализма, добавочной стоимости и пр. Лекции его изобиловали всегда массою ненужных цитат, затемняющих основную мысль…

Постепенно мы узнали и о других профессорах, подметили их слабости, недостатки и достоинства, знали, кто и что больше любит, кому каким тоном отвечать, на кого ссылаться и пр…

Например, на проф. М[алиновского] производило магическое действие упоминание имени Владимирского-Буданова, теории которого он рабски следовал.

Профессор церковного права П[рокошев] любил, если студенты за ним записывали.

Толстяк Ю[шкевич], читающий торговое право, кажется, несравненно больше заботящийся о двух своих породистых таксах, чем о науке, выражался странным языком, называя программу «нитью», учебник «памяткой» и т. п.

Непочатый угол чудаков оказался и на медицинском факультете; один резал котов и находил удовольствие в их пронзительных криках, другой обещался обо всем рассказать «потом», третий непристойно ругался, четвертый зимой и летом жил с открытыми окнами.

Однако, надо отдать справедливость, по отношению к студенчеству все профессора были в высшей степени внимательными и держались просто, по-товарищески.

Иначе и нельзя было: за профессорской спиною стояла тесно спаянная единой волей и единым духом плотная, компактная масса молодежи, готовая в любой момент дать дружный отпор всяким посягательствам на свою личность и свои права, освященные старыми традициями.

Описываемое мной время совпадало как раз с периодом, после которого началась новая жизнь высшей школы и нашей учащейся молодежи, ничего общего не имеющая с понятием «juvenes dum sumus».

Были в расцвете землячеcкие организации, пользовались весом курсовые старосты, функционировали беспрепятственно вечеринки, научные кружки, читались рефераты… словом, внутренняя жизнь молодежи кипела бурным ключом и то, о чем теперь не имеют понятия, считалось необходимым, насущным, без чего никак нельзя было обойтись.

Отсюда как прямое следствие – солидарность интересов, сознание своего «я», высокий уровень развития нравственности и корпоративной чести. Недаром прежнему студенту верили безгранично и считались с его званием.

За малейшие проступки виновные строго карались товарищеским или земляческим судом.

Не тот был и нынешний облик студента. О мундирах едва ли некоторые даже имели понятие. Зато большим почетом пользовались простенькие блузы и скромные серые тужурки. Пижоном и франтов не терпели. Награждаемые презрением товарищей, они быстро тушевались.

Всякое проявление благородства и устойчивости в убеждениях поощрялись всеми силами. Не было той разрозненности и беспринципности, которые теперь наблюдаются на каждом шагу.

Студенчество жило дружно, близко придерживаясь товарищества, по пословице «все за одного и один за всех». Частые встречи вне университета способствовали в сильнейшей степени скорому распознаванию друг друга и тяготению отдельных личностей в массе.

Как хороши были знаменитые студенческие вечеринки. В складчину, группой, а то и всем землячеством, нанимали большую квартиру. Потом закупали все необходимое, приглашали знакомых и собирались скоротать длинный, зимний вечер.

На дворе мороз. Бушует снежная метель. А где-нибудь, среди полусонных обывательских домов, непринужденно, из открытых форточек, несется стройная, молодая, полная юных переживаний песня… Тускло горят огни. Не хватает воздуха. Дым заполняет все помещение. Всюду народ… стоят на подоконниках, сидят на полу, на стульях, на столах… Пышут задором молодые лица… Вот оборвалась песня. Точно из-под земли, на пружинах, вскакивает на стол «collega» и открывает собрание речью… Затевается спор, искренний, горячий…

Аудитория разными способами реагирует на речи ораторов. Хлопают в ладоши. Свистят. Кричат: «Долой! Браво!». Пьяная чарка с пивом ходит вкруговую. Хмель туманит головы. Расходятся далеко за полночь, а выручку с вечеринки несут в земляческую кассу.

На вечеринках почти постоянно читались рефераты на жгучие темы и злобы дня. Нередко сюда приглашали профессоров…

Полиция никогда почти не вмешивалась и не запрещала студентам собираться в любое время дня и ночи. Поддерживать во всем порядок лежало на обязанности распорядителей. Объявления о вечеринках вывешивались в университете, в общежитии, столовой…

Раз в год, 22 октября, томское студенчество праздновало свой университетский праздник. К нему начинали готовиться заблаговременно. Лучшим номером программы вечера всегда считался хор. В последнем смысле наш университет находился в особенно благоприятных условиях. Основной контингент слушателей составляли семинаристы и среди них насчитывалось немало первоклассных певцов.

Память о Щеглове, Надеинском, Балдовском – жива до сих пор, особенной любовью товарищей пользовался первый. Сашу Щеглова знал весь город… Обладатель прекрасного голоса, он был таким же прекрасным товарищем.

Ни одна студенческая затея не обходилась без участия «Щегла» или «Птицы», как звали его. Пел он везде и всегда, в любое время.

В день праздника, утром в актовом зале университета устраивался торжественный акт, вечером же бал в общественном собрании. Гвоздем в прежние времена была знаменитая «мертвецкая». Так называлась специальная комната в нижнем этаже собрания, где устанавливался особый буфет для студентов.

В то время, когда наверху гремела музыка и танцевали, внизу говорили речи профессора и студенты. В «мертвецкую» вызывали каждого профессора по очереди, просили сказать «слово», а потом, в зависимости от содержания сказанного им и симпатий к оратору, качали его или бесцеремонно, со свистом, выпроваживали.

«Мертвецкой» профессора боялись и шли на «суд» своих учеников, как гимназисты на трудный экзамен. Иные лучше предпочитали не посещать совсем вечера, чем подвергнуться публичному осмеянию.

Речами кончалась, так сказать, официальная часть. Начиналось «впрыскивание» вновь поступивших. Пили все. Вскоре «мертвецкая» превращалась в настоящий ад. Спорили. Кричали. Пели. Плакали. Целовались. Танцевали. Студент из категории «вечных», большой весельчак и балагур, медик Т. приносил с собой барабан. Отбивая мерные удары, он вносил в атмосферу «мертвецкой» настоящий хаос.

Отнять барабан удавалось только после целого ряда ухищрений и уговоров и то тогда, когда владелец его лежал где-нибудь под столом или за буфетной стойкой. В конце концов, его примеру следовали остальные товарищи, полегшие «мертвыми костьми».

На утро особой комиссией собирались и убирались «трупы», разыскивались перепутанные шапки, башлыки, галоши, пальто, шубы. Студенческое добро валялось по всему собранию, по улицам… Праздник на несколько дней вышибал из планомерной колеи жизнь, которая не скоро входила в обычное русло.

В общем, конечно, подобные вакханалии нельзя было считать явлением нормальным и желательным, особенно, если они отливались в столь бурную форму, но порицать их тоже не представляется возможным.

На светлом фоне студенческого быта они носили характер массовой, задушевной товарищеской пирушки, полной безобидного, освященного прошлым юмора, с которым свыклись все или, вернее, смотрели на него сквозь пальцы…

Характерно, между прочим, одно обстоятельство: в день праздника никогда никаких репрессий по отношению к молодежи не принималось, и полиция была весьма и весьма предупредительна.

Покойный полицмейстер А. постоянно обусловливался со студентами: «Гуляйте… делайте, что угодно… доглядим… присмотрим за вами, только не сожгите города и не учиняйте уличных дебошей…».

Умели гулять. Умели веселиться… умели и учиться… Во всем в то же время умели сохранять достоинство своей alma mater и звание студента, окруженное ореолом благородства и уважения…

Утро Сибири. 1913. 22 окт.

ЗАЙЦЕВ Алексей Михайлович
(1856–1921)

Геолог, профессор. Из купеческой семьи. После окончания Казанской мужской гимназии обучался на физико-математическом факультете Казанского университета и окончил его естественное отделение со степенью кандидата естественных наук (1879). Был оставлен при университете для приготовления к профессорскому званию, одновременно состоял сверхштатным ассистентом. С 1885 г. – штатный хранитель минералогического кабинета, с 1886 г. – приват-доцент физико-математического факультета. С 1888 г. – экстраординарный, в 1896–1907 гг. – ординарный профессор по кафедре геологии и минералогии Томского университета. После выхода на пенсию (1907) и отъезда из Томска руководил экскурсиями, устраиваемыми Ялтинским отделением Крымско-Кавказ-ского горного округа (1908). В 1909–1916 гг. – профессор по кафедре минералогии и геологии с палеонтологией естественного факультета Варшавского университета. Первоначально проводил исследования в Поволжье и на Урале. Обследовал и описал геологическое строение западносибирского района в полосе Сибирской железной дороги между Обью и Чулымом, месторождения золота в Мариинском округе и Ачинско-Минусинской тайге, угля и железных руд Кузнецкого Алатау, платины на Урале. Обратил внимание на значение подземных вод для снабжения населения; составил геологическую карту северо-восточной части Томского горного округа, Алтайского округа. Основатель минералогического кабинета и музея в Томском университете. Стоял у истоков сибирской геологической школы. Магистр (1884), доктор (1887) минералогии и геогнозии. Автор более 50 работ, в т.ч. около 40 в период работы в Томском университете. Член-учредитель, секретарь Общества естествоиспытателей и врачей при Томском университете.

ПАМЯТИ СЕРГЕЯ ИВАНОВИЧА КОРЖИНСКОГО

М[илостивые] г[осудары]ни и М[илостивые] г[осуда]ри!

18 ноября сего года скончался в С[анкт]-Петербурге Сергей Иванович Коржинский, бывший профессор Томского университета, член нашего общества. Среди Вас, здесь присутствующих, есть не-

мало лиц, знавших покойного лично, остальные слышали о нем. Почивший С[ергей] И[ванович] был крупною научною силою. Специалисты оценят его заслуги в области ботаники, мне лично хотелось бы на основании своих воспоминаний о покойном С[ергее] И[вановиче] очертить перед Вами его выдающуюся личность как профессора, как натуралиста и как товарища. Я знал С[ергея] И[вановича] еще в бытность его студентом Казанского университета, где он уже с первых курсов своими способностями обращал на себя всеобщее внимание. Мне помнится также то сильное впечатление, которое производил покойный своими докладами в Казанском обществе естествоиспытателей. Уже тогда все говорило за то, что в его лице наука приобрела выдающуюся силу.

Ближе пришлось мне познакомиться с С[ергеем] И[вановичем] со времени назначения его в 1888 году профессором Томского университета. Мы вместе приехали в Томск 13 августа того года. С 1 сентября начались лекции на вновь открытом медицинском факультете университета. Первую вступительную лекцию на тему: «Что такое жизнь» читал С[ергей] И[ванович]. Впечатление, произведенное им на слушателей, было сильное, и реноме его как лектора сразу установлено. Для него, всегда деятельного, открылось здесь широкое поприще: предстояла организация дела преподавания, приходилось устанавливать кабинет и т. д. В эти первые дни существования Томского университета, которому С[ергей] И[ванович] посвятил около 4 лет своей безвременно угасшей жизни, как много других трудов предстояло ему, забот, подчас треволнений, в новой незнакомой стороне, при первых проблесках поднимающейся над Сибирью зари новой жизни!

Сибирь в лице интеллигентных, любящих сынов своих страстно ждала открытие университета. На него с восторгом и надеждой взирала она, справедливо полагая, что со светом высшего просвещения наступает для нее новая эра. Сибирь приветствовала в лице университета нарождающийся центр интеллигентской жизни, первые сибирские профессора явились деятелями на этой новой арене. Отсюда понятно, какой интерес представляли они для местного общества.

В числе учреждений, которыми с правом может гордиться Сибирь, Томское общество попечения о начальном образовании занимает одно из видных мест. Для усиления денежных средств оно обратилось в конце

1888 года с просьбой к профессорам и другим лицам, служащим в университете, устроить выставку естественнонаучных и археологических коллекций, имеющихся в университете.

На призыв этот откликнулись представители различных специальностей, в том числе и С[ергей] И[ванович]. Выставка была устроена во время рождественских каникул. В течение ее давались объяснения коллекций, читались лекции на различные темы. С[ергей] И[ванович] чувствовал себя здесь в своей сфере. Немало времени ему, и без того уже занятому различной работою, пришлось посвятить этому делу. Публика наполняло первую аудиторию университета, жадно прислушиваясь к словам лектора, уходя отсюда, переполненная мыслями. Лекторские способности С[ергея] И[вановича] проявлялись здесь во всей своей полноте; его лекция о паразитах в растительном царстве имела выдающийся успех. С[ергей] И[ванович] обладал своими слушателями, захватывая их своим широким полетом мысли, своими обобщениями. С[ергей] И[ванович] был членом-учредителем нашего общества, он принимал живое участие в установлении устава и в последующей жизни общества, его сообщения привлекали много посетителей, физическая аудитория была переполнена. Впоследствии его уже не было среди нас, но он продолжал интересоваться нашим обществом, внутренняя связь его с последним не порвалась. Одаренный от природы большой наблюдательностью, С[ергей] И[ванович] посвятил ее еще с гимназической скамьи и продолжал экскурсировать в бытность студентом и в последующие годы. Здесь, в Сибири, для С[ергея] И[вановича] открылось новое поприще; однако к нему он был подготовлен предшествующей деятельностью.

Как натуралист С[ергей] И[ванович] отличался всесторонним образованием. Он был узким специалистом, он с любовью занимался изучением всех отраслей естествознания. Во время своих экспедиций С[ергей] И[ванович] собирал, между прочим, петрографический материал: им доставлены коллекции горных пород из киргизской степи и Амурской области. Обставляя всю кафедру со стороны библиотеки, покойный включил в список книги и все то, что соприкасается с ботаникою.

Начитанность С[ергея] И[вановича], его эрудиция отличали его как ученого; они проявлялись в <…> беседах покойного на различные темы и делали его незаменимым собеседником. В нашем това-

рищеском кругу С[ергей] И[ванович] был желанным непременным членом, всегда горячо интересовавшимся вопросами университетской жизни. Отзывчивость С[ергея] И[вановича] на различные злобы дня, его живое участливое отношение хорошо памятны первым питомцам Томского университета.

Принадлежа к семье первых профессоров последнего, С[ергей] И[ванович] явил собою пример доброго служения науке, способствуя этим укреплению доверия к новому университету. Четыре года, проведенные им здесь, – небольшой период времени, но в жизни первого университета в Сибири годы эти во многих отношениях знаменательны. Будущий историк Томского университета остановится, несомненно, с интересом на этих первых порах жизни, на этом первом восходе зерна высшего просвещения в Сибири. Он попытается осветить и поставить в связь отдельные моменты слагавшейся тогда жизни научного учреждения, он отметит значение и заслуги С[ергея] И[вановича] в деле культурного роста университета.

Дорогой товарищ! После коротковременной жизни ты нашел себе успокоение в темной могиле, смерть овладела бренным телом, но дух твой живет и будет жить среди нас в этих освещавших жизненный путь твой словах: любовь к знаниям, науке, истине.

Протоколы Общества естествоиспытателей и врачей при Императорском Томском университете за 1899–1900 год и отчет о деятельности Общества за этот же год. Томск, 1901. С. 24–27.

П.Н. КРЫЛОВ

ПАМЯТИ СЕРГЕЯ ИВАНОВИЧА КОРЖИНСКОГО

Из речьи, читанной в заседании
Общества естествоиспытателей и врачей
при Императорском Томском университете
1 декабря 1900 года

Мм. Гг.!

Недавно мы получили грустную весть о смерти члена-учредителя нашего общества Сергея Ивановича Коржинского. У многих из нас, лично знавших покойного, это известие должно было вызвать искреннее сожаление об утрате такого даровитого и глубоко симпатичного человека. Я знал Сергея Ивановича еще с 1881 года, когда он только что поступил в число студентов Казанского универ-

ситета. Он на моих глазах проходил университетский курс и одновременно с тем начал свою научную деятельность. Мне приходилось нередко делать с ним ботанические экскурсии, одно время мы жили с ним вместе, так что я имел возможность узнать его ближе многих других и вполне оценить его высокие душевные качества и прекраснейший нравственный облик. Это был благородный, искренний, глубоко чувствующий, отзывчивый и вместе с тем скромный человек. В общежитии он был очень уживчив, прост и нетребователен. Обладая разносторонним умом и большим остроумием, он вносил оживление в близком кружке; к большому же обществу он не привык и чувствовал себя в нем не совсем свободно. Мне редко приходилось сталкиваться с людьми, так широко одаренными, как С[ергей] И[ванович]. Он был очень чуток в искусстве; глубоко чувствовал красоту в живописи и скульптуре; музыка производила на него чрезвычайно сильное впечатление. Я помню, как после некоторых классических опер, например «Фауста» (в Казани была в то время очень хорошая труппа под управлением Медведева), он ходил очарованным в течение нескольких дней. Не играя сам ни на каком инструменте и не обладая голосом, он очень легко запоминал массу трудных мотивов. Поэзию он очень любил и даже сам имел, по-видимому, стремление к поэтическому творчеству. Раз, совершенно случайно, я нашел (заложенным в книгу) одно такое его произведение; помню, оно произвело на меня тогда большое впечатление. Может быть, он и печатал их, но держал это в глубокой тайне. Раскрывая это, я грешу перед ним, но думаю, что мне простят за это, ввиду желания полнее охарактеризовать эту выдающуюся личность.

Но более всего С[ергей] И[ванович] тяготел к науке. В ней, главным образом, сосредоточивались его интересы, в ней он находил удовлетворение; она скрашивала ему существование, заслоняя от него все мелкие дрязги и злобы повседневной жизни. И он не жалел для нее сил – постоянно работал, притом работал много и упорно.

Подготовляя себя к научной деятельности, будучи еще гимназистом, а затем студентом, он не терял времени, а старался всеми силами запастись знаниями. Что можно было заполучить в этом отношении от Казанского университета и его профессоров в четырехлетний период – он взял все с лихвой, не ограничивался лишь обязательной для студентов программой, а шел дальше; так, наприм[ер], предвидя, что ему приведется столкнуться с вопросом о почвах, он много рабо-

тал по агрономической химии. Но более всего он, конечно, занимался ботаникой, как своим излюбленным предметом.

Научную же деятельность С[ергей] И[ванович] начал еще со школьной скамьи. Будучи гимназистом, он уже изучал окрестности г. Астрахани. Поступив затем в число студентов Казанского университета, он вскоре обработал собранный материал и опубликовал его в статье «Очерк флоры окрестностей г. Астрахани»[1]. В следующем (1883) году он продолжает свои исследования Астраханской флоры, будучи командирован в дельту р. Волги Казанским обществом естествоиспытателей, в члены-сотрудники которого он был избран уже в предыдущем году. Представив обществу предварительный отчет о своей экскурсии, он переходит затем к исследованию флоры Казанской губернии.

В этот первый период (1881–1884 гг.) своей научной деятельности С[ергей] И[ванович] проявляет себя уже недюжинным флористом, не ограничивающимся узкой сферой систематики; он уже старается вникнуть в смысл обследованного им растительного покрова, быстро подмечает, какое громадное влияние на разнообразие этого покрова оказывают климатические, почвенные, топографические и другие местные условия. <…> Начав изучение флоры Казанской губ[ернии], С[ергей] И[ванович] не ограничился одними лишь высшими, цветковыми, растениями, но тщательно собирал также и споровые, преимущественно грибы, часть которых он и обработал за этот период. <…>

Следующий период научной деятельности С[ергей] И[ванович] (1885–1888 гг., с окончания курса в Казанском университете до занятия кафедры ботаники в Томске) является уже весьма обильным результатами и создает ему известность среди ученых. <…>

По переселении в Томск С.И. Коржинский хотя и не мог продолжать свои исследования северной границы чернозема в восточной части Европейской России, тем не менее большую часть прожитого здесь времени он посвящает тому же вопросу, но исключительно лишь с систематической стороны.

<…>

В период своего пребывания в Сибири С[ергей] И[ванович] сделал две большие ботанические экскурсии – в киргизские степи до

[1] *Труды* Казанского общества естествоиспытателей. 1882. Т. 10, вып. 6.

оз. Балхаша и на Амур. Но в это время он не обрабатывал собранные коллекции и, по-видимому, не имел в виду скоро опубликовать результаты этих исследований. Я подозреваю, что в это время у него зародился широкий замысел взяться за обработку всей русской флоры, описание которой, сделанное Ледебуром, уже слишком устарело и являлось неполным вследствие массы накопленного, но разрозненного материала, собранного позднейшими исследователями. Мне кажется, что эти далекие экскурсии были предприняты им именно с целью лично познакомиться хотя сколько-нибудь с тем обширным районом, для которого ему пришлось бы со временем работать, пользуясь громадными материалами, накопленными многочисленными исследователями.

Во время своего амурского путешествия, предпринятого им по предложению и на средства Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества, С[ергей] И[ванович], кроме ботанических изысканий, производил также исследования почв и изучал край с точки зрения колонизации и его культуроспособности, что собственно и составляло главную задачу, преследуемую Восточно-Сибирским отделом. Наблюдения привели С[ергея] И[вановича] к довольно неутешительным выводам. <…> Помимо ограниченности пространств, в Амурском крае, пригодных для культуры, вследствие гористости страны, он видит в климатических и др[угих] местных условиях ее большой тормоз для развития сельского хозяйства в форме, в какой она ведется на остальной площади России. Русский крестьянин, переселяющийся сюда, переносит целиком и методы культуры своей родины, притом вообще далеко не совершенные – и терпит неудачу. Переменить же систему сельского хозяйства ему не под силу, тем более что при этом пришлось бы коренным образом изменить и строй всей жизни.

<…>

В 1892 г. С.И. Коржинский переводится в Петербург на должность главного ботаники в Императорском Ботаническом саду, вместо умершего академика Максимовича. При этом он занимает также и кафедру его в Академии наук. Заняв это положение, С[ергей] И[ванович], так сказать, стал у кормила русской флористики. В его пользовании оказались богатейшие коллекции растений, накопленные в гербариях Ботанического сада и музея Академии, и полный подбор флористической литературы. Теперь он

мог приступить к осуществлению своих широких замыслов относительно обработки русской флоры, к выяснению всегда интересовавшего его вопроса о происхождении форм и проч. <…>

Нынешней зимой С[ергей] И[ванович] предполагал окончить эту свою работу о гетерогенезисе (материал был уже готов), но смерть не дала этого сделать, безжалостно подкосила этого выдающегося человека и разрушила очень многие надежды, возложенные на его научную продуктивность в будущем. Будущего уже нет у этого замечательного труженика науки, он весь в прошлом. Но в этом прошлом живут его мысли и будут долго поучать последующие поколения натуралистов.

Протоколы Общества естествоиспытателей и врачей при Императорском Томском университете за 1889–1900 год и отчет о деятельности Общества за этот же год. Томск, 1901. С. 1–19.

УТКИН Леонид Антонович (1884–1964)

Ученый-ботаник, профессор. Из крестьян. После окончания Томской ду-ховной семинарии (1906) в 1907 г. поступил на медицинский факультет Томского университета. Окончил университет со степенью лекаря (1912). После этого преподавал естественную историю и физику в 3-й женской гимназии в Томске. В 1914–915 гг. – сверхштатный лаборант при кафедре фармации и фармакологии. В 1916–1923 гг. – заведующий лекарственным отделом Тифлисского ботанического сада. В 1921–1929 гг. – преподаватель агрономического факультета Тифлисского государственного университета, работал специалистом-экспертом по лекарственным растениям при Закавказском Внешторге, консультантом по лекарственным растениям Закавказья, а также в Закавказской конторе АО «Лектехсырье». С 1930 г. – старший научный сотрудник Научно-исследовательского химико-фармацевтического института (Москва), с 1934 г. – ученый специалист Всесоюзного института растениеводства (Ленинград), затем Ботанического института АН СССР (Ленинград). С 1937 г. – заведующий кафедрой ботаники Троицкого зооветеринарного (с 1940 г. – вете-

ринарного) института. В 1947–1956 гг. заведующий кафедрой ботаники Челябинского государственного педагогического института.

Область научных интересов Л.А. Уткина – ботаника-флористика, систематика, лекарственные растения. Он один из первых учеников, к которому его в 1908 г. привел Г.Н. Потанин. Будучи студентом, он участвовал в экспедициях профессоров Томского университета В.В. Сапожникова (1909) и П.Н. Крылова в (1910–1913). Летом 1912 г. под руководством П.Н. Крылова в составе почвенно-ботанической экспедиции, организованной Переселенческим управлением, изучал растительность Барабинской степи и расположенных рядом с ней местностей, а в 1913 г. участвовал в ботанических исследованиях, проводимых его учителем, которые охватили юго-западную часть Томской губернии от оз. Чаны и р. Карасук на севере до р. Иртыш на юге, от границ Тобольской губернии и Семипалатинской области на западе до р. Обь и западных предгорий Алтая на востоке. В 1914–1916 гг. провел ряд экспедиций в пределах Томской губернии. В дальнейшем участвовал в многочисленных экспедициях в Сибирьи, на Кавказ и в Закавказье, на Урал, в среднюю полосу РСФСР, главным образом связанных с изучением лекарственных растений.

По решению ВАСХНИЛ ему без защиты диссертации была присуждена ученая степень кандидата биологических наук и ученое звание старшего научного сотрудника. Доктор биологических наук (1939). Автор более 60 научных работ.

В 1913–1916 гг. – член и ученый секретарь Томского общества изучения Сибири, член Кавказского отдела Русского географического общества (1918), действительный член Географического общества СССР (1938), член Русского (с 1932 г. – Государственного Всероссийского, с 1945 г. – Всесоюзного) ботанического общества (1916–1956).

П.Н. КРЫЛОВ КАК УЧИТЕЛЬ И ЧЕЛОВЕК

(Воспоминания)

Мои воспоминания о П.Н. Крылове относятся к дореволюционному времени, когда в Томском университете было только два факультета: медицинский и юридический.

Революция 1905 г. всколыхнула студенчество. Вызванные ею общественно-политические изменения способствовали тяге студенчества к естественным наукам. Из студентов медиков образовалось студенческое «Общество любителей естествознания». Из членов этого общества выдвинулась группа молодых ботаников, пришедших учиться к Порфирию Никитичу Крылову.

Ботаника на медицинском факультете была второстепенным предметом. Практические занятия по ботанике увлекательно вел у нас П.Н. Крылов. И, несмотря на второстепенность этой дисцип-

лины, под влиянием энтузиаста науки, каковым был П.Н. Крылов, к нему пришли ученики. Первыми пришельцами были студенты-медики: В.С. Титов, Л.А. Уткин, Б.К. Шишкин, В.И. Рафаелев, А.Н. Молотилов, К.П. Онисимов, Н.П. Нехорошев; студенты технологического института: В.В. Ревердатто (химик) и К.Г. Тюменцев (геолог). Этой школой ботаников, созданной П.Н. Крыловым, была подготовлена почва для открытия в университете физико-математического факультета, что уже совершилось после Великой Октябрьской революции. Сибирская общественность не могла добиться открытия факультета естественных наук в царское время.

Силами прогрессивной части общественности Томска, при самом активном участии со стороны передовых ученых-профессоров университета и технологического института, в 1910 г. были открыты в Томске Сибирские высшие женские курсы. Сама общественность пробила брешь в женском образовании. Из слушательниц Сибирских высших женских курсов пришли к П[орфирию] Н[икитичу] – Л.Ф. Покровская (Ревердатто), А.И. Иваницкая, Т.К. Триполитова и др. Позднее с тех же курсов П[орфирий] Н[икитич] присмотрел и привлек к работе свою последнюю ученицу – Л.П. Сергиевскую.

Первое знакомство автора этих строк с П.Н. Крыловым состоялось в 1908 г. Меня привел к нему известный путешественник Г.Н. Потанин, укреплявший во мне интерес к ботанике. Эта первая встреча с П.Н. Крыловым неизгладима в моем сознании. Меня пленило открытое, улыбающееся, доброе лицо Порфирия Никитича. В нем я увидел такого симпатичного человека, который, казалось мне, даст научное направление моим ботаническим стремлениям, поможет мне советом начать ботанические исследования. Когда Г.Н. Потанин ушел, и я остался один с Порфирием Никитичем, то у нас произошла с ним своеобразная беседа. Он мне сказал, что я еще плохо осмыслил то, к чему стремлюсь, что я недостаточно понимаю ту ответственность, какую на себя беру, когда заявляю о своем желании быть ботаником. Это очень серьезное дело, говорил он. Не лучше ли, пока не поздно, отказаться от этой затеи, остановиться на чем-нибудь другом. Он, такой с виду добрый, привлекательный, так сурово, беспощадно раскритиковал мои планы. Эта беседа дала обратный эффект. П[орфирий]

Н[икитич] меня не расхолодил, а еще более закалил мое желание сделаться ботаником. Дальнейшая моя жизнь и работа у П[орфирия] Н[икитича] подтвердила это.

Сначала все мы под руководством П[орфирия] Н[икитича] проходили подготовительную стадию: приобретали необходимые знания, изучали растения, знакомились с литературой, после чего уже приступали к самостоятельной работе в природе.

П[орфирий] Н[икитич] неоднократно сам предпринимал с учениками путешествия и практически, в самой природе знакомил их с методикой исследования. Под его руководством состоялась студенческая экскурсия в Барабинскую степь.

В экспедициях П[орфирия] Н[икитича] участвовали его ученики: В.С. Титов, В.В. Ревердатто, Л.А. Уткин, Л.Ф. Покровская, Б.К. Шишкин (на Алтай), К. Онисимов. П[орфирий] Н[икитич] поручал нам самостоятельные маршруты.

В зимнее же время за рабочими столами в Гербарии (тогда Ботаническом музее) происходила обработка экспедиционного материала. Обстановка для научной работы в Гербарии была самая благоприятная. Мы работали бескорыстно, страстно, самозабвенно, со всем напряжением сил, не зная ни праздников, ни каникул. Мы вдохновлялись творческим трудом своего учителя. На наших глазах писал он свою знаменитую «Флору Алтая и Томской губернии», на наших глазах протекал его не знающий отдыха, самозабвенный, неутомимый и непрестанный труд.

Работая, мы следили за тем, чтобы не вызвать порицания со стороны П[орфирия] Н[икитича], старались оправдать доверие и помощь, которые он повседневно нам оказывал. Мы, студенты-медики, меньше всего думали о врачебной деятельности и готовились быть ботаниками.

П[орфирий] Н[икитич] был строг и справедлив к своим ученикам. Он, если можно так сказать, нянчился с нами. Он не подавлял своим научным авторитетом, а привлекал к себе. Он хлопотал для нас средства для экспедиций, устраивал некоторых из нас в самостоятельные экспедиции. Всегда и во всем он проявлял заботу о своих питомцах, не только во времена нашего студенчества, но и позднее, при устройстве нас на работу. Лично я полностью обязан ему тем, что совершил несколько ботанических экспедиций благодаря его хлопотам о денежных субсидиях.

П[орфирий] Н[икитич] приучал своих учеников к самостоятельности, будил в них собственную инициативу к работе, развивал в них самостоятельное творчество. Зная способности каждого из нас, он давал нам и разные направления. Б.К. Шишкин готовился быть флористом и систематиком, В.В. Ревердатто – геоботаником, автор этой статьи получил от П[орфирия] Н[икитича] задание заниматься изучением лекарственных растений. Он был горячим сторонником связи науки с практикой. У него было специальное выражение для этого случая. Он говорил: «нужно уцепиться за практику». Поэтому он и наметил мне на весь жизненный путь работу по лекарственным растениям.

Насколько плодотворны были наши занятия под руководством П[орфирия] Н[икитича], насколько сами его ученики стремились к знаниям, к научной работе, можно судить потому, что, еще будучи студентами, некоторые из учеников П[орфирия] Н[икитича] опубликовали свои научные работы, которые были бы вполне достойны кандидатских диссертаций. Н.А. Молотилов написал работу «Природа северо-западной Барабы», Б.К. Шишкин «Очерки Урянхайского края», В.В. Ревердатто «Наблюдения, произведенные в низовьях р. Енисея, и список растений, собранных там».

П[орфирий] Н[икитич] был одним из инициаторов организации так называемых ботанических чаев, на которых выступали с докладами наши учителя и мы, молодые, начинающие ботаники. Душой этих своеобразных творческих собраний был П.Н. Крылов. В дальнейшем эти «ботанические чаи» переросли в Томское отделение Русского ботанического общества, взявшее на себя впоследствии издание «Флоры Западной Сибири».

Провожая П[орфирия] Н[икитича] в Петроград в 1914 г., в своем адресе к нему молодые ботаники писали: «Ботанический музей, так и ботанические чаи долго будут чувствовать Ваше отсутствие. Молодежь не будет слышать Вашего доброго поощрения к неустанной работе в области зеленого мира и Вашего милого ворчания за ее промахи. Но мы горячо надеемся, что Вы не забудете ни горького запаха степных полыней, ни глухого гудения задумчивой черни, ни блеска серебряных вершин».

П[орфирий] Н[икитич] был обаятельным, прекраснейшим человеком, и это его качество сделало его знаменитым учителем, создателем сибирской школы ботаников. Отличительные черты его характера – это несгибаемая воля в достижении намеченных целей, целеустремленность, простота, доброта и ласковость в обращении с людьми. Его обаятельность привлекала к нему симпатии не только учеников, но и всех, кто так или иначе с ним соприкасался.

Наличие этих черт, его исключительное трудолюбие, трудоспособность и талантливость, огромная эрудиция в ботанических вопросах сделали возможным выполнение таких монументальных трудов, как «Флора Алтая и Томской губернии» и «Флора Западной Сибири».

Вся жизнь П[орфирия] Н[икитича] протекла в служении науке, в служении другим. Г.Н. Потанин писал о нем при отъезде П[орфирия] Н[икитича] в Петроград: «… это был один из тех профессоров, которые своей деятельностью и своей жизнью Томский университет превращали в действительный университет».

Кроме этих капитальных произведений, составивших ему мировую известность, он написал многочисленные работы о растительности Сибири. В них он затрагивал вопросы истории флоры, фитоценологии, ботанико-географического районирования, степеведения, эндемизма. Все его работы основаны на фактическом материале, на непосредственном изучении растений и растительности в самой природе, и что особенно следует отметить, П[орфирий] Н[икитич] всегда придавал большое значение влиянию на растения внешней среды.

Собранные им материалы по изучению растительного мира Сибири настолько обширны, что при своем исключительном трудолюбии и при своей многолетней деятельности он многого еще не успел и сделать и доделать.

П[орфирий] Н[икитич] оказывал глубокое моральное воздействие на своих учеников, и все они были страстными его последователями. С какой любовью относилось к нему студенчество, видно из того, что при проводах его в Петроград собравшаяся молодежь устроила ему бурную овацию и на руках внесла его в вагон.

По окончании университета почти все ученики П[орфирия] Н[икитича] разъехались по разным местам. Одни из них остались верны медицине, другие же, получив диплом врача, навсегда сделались ботаниками (Л.А. Уткин, Б.К. Шишкин, В.С. Титов).

П[орфирий] Н[икитич] всегда интересовался судьбой своих учеников. Если кто-либо временно терялся из виду, он наводил о них справки и при первой же возможности старался привлечь их снова на работу поближе к себе.

При содействии П[орфирия] Н[икитича] я получил место ботаника по лекарственным растениям в Тифлисском ботаническом саду. П[орфирий] Н[икитич] в письмах ко мне оказывал мне помощь своими мудрыми советами.

П[орфирий] Н[икитич] был достойным сыном своей Родины, и нас он учил бескорыстно и преданно служить своему Отечеству и быть его достойными сынами.

Тр. Том. гос. ун-та им. В.В. Куйбышева.
1951. Т. 116. Сер. биологическая. С. 75–78.

ИМЕНА И ФАМИЛИИ

Авсеенко Василий Григорьевич (1842−1913) − беллетрист, критик и публицист. С 1873 г. член отдела по рассмотрению книг для народного чтения и Ученого комитета Министерства народного просвещения. Одновременно занимал должность чиновника особых поручений при министре просвещения (1874−1880, 1882−1904 гг.)

Адельгейм Роберт Львович (1860−1934) и **Рафаил Львович** (1861− 1938) − русские драматические актеры

Адрианов Александр Владимирович (1854−1920) − исследователь Сибири и публицист. В 1906−1912 гг. служил в управлении акцизными сборами Томской губернии и Семипалатинской области, сотрудничал в газете «Сибирская жизнь», был секретарем Томского общества изучения Сибири. В 1919 г. – редактор «Сибирской жизни»

Акулов Александр Ильич − томский купец 2-й гильдии

Александр **I Павлович** (1777−1825) − император Всероссийский (с 11(23) марта 1801 г.), старший сын императора Павла I и Марии Федоровны

Александр II Николаевич (1818−1881) − император Всероссийский, царь Польский и великий князь Финляндский (1855−1881)

Александр III Александрович (1845−1894) − император Всероссийский, царь Польский и великий князь Финляндский с 1 (13) марта 1881 г.

Александровский Сергей Васильевич (1864−?) − юрист, помощник председателя, член Томского окружного суда, затем присяжный поверенный. Член Томского юридического общества. В 1920-х гг. служил всоветских судебных органах

Алексеев Александр Семенович (1851–1916) – профессор государственного права юридического факультета Московского университета

Алексей Михайлович (1629–1676) – второй русский царь из династии Романовых (1645–1676)

Алфеева Н.П.

Альбицкий Петр Михайлович (1853−1922) – патофизиолог, окончил Медико-хирургическую академию (1877). Доктор медицины (1884). В 1890−1891 гг. – экстраординарный профессор по кафедре общей патологии Томского университета. В 1891−1911 гг. − ординарный профессор по кафедре общей патологии Военно-медицинской академии (ВМА). Академик, заслуженный профессор ВМА (1911). Основоположник учения о кислородном голодании

Андреев Леонид Николаевич (1871–1919) – русский писатель, представитель Серебряного века русской литературы, родоначальник русского экспрессионизма

Альтман

Андреев Л.Н.

Аникин Василий Петрович (1864−?) – консерватор зоологического музея Томского университета в 1891−1906 гг. Окончил физико-математический факультет Харьковского университета со степенью кандидата физико-математических наук (1888)

Анисьин Алексей Федорович − томский губернатор в 1885−1887 гг., затем вятский губернатор (1887−1894)

Анучин Дмитрий Гаврилович (1833−1900) – сенатор, генерал от инфантерии, в 1879 г. был назначен генерал-губернатором Восточной Сибири

Анфимов Яков Афанасьевич (1852–1930) – психиатр, выпускник Петербургского университета (1877) и Медико-хирургической академии (1880). Работал ординатором в Тифлисском военном госпитале, в 1885–1892 гг. – ординатор, ассистент, приват-доцент ВМА. В 1893–1894 гг. – ординарный профессор по кафедре нервных и душевных болезней Томского университета. После отъезда из Томска заведовал кафедрой нервных болезней Харьковского университета. В 1920–1925 гг. – зав. кафедрой нервных болезней Грузинского (Тбилисского) университета

Аракчеев Алексей Андреевич (1769–1834) – граф, генерал от артиллерии (1807), военный министр (1808–1810)

Арнольд Максимилиан Юрьевич (1838−1897) − архитектор на строительстве зданий Сибирского (Томского) университета (1880−1881) Окончил строительное училище Главного управления Министерства путей сообщения в С.-Петербурге (1856), коллежский секретарь. Во время русско-турецкой войны 1877−1878 гг. руководил постройкой разных сооружений для о-ва Красного Креста. В 1881 г. был уволен. В дальнейшем занимался сооружением построек в Красноярске, затем в Чите

Артемьев Александр Иванович (1820–1874) − статистик, археолог, этнограф и географ, библиотекарь Казанского университета, затем редактор Центрального статистического комитета. Его библиотеку (1500 т.), богатую географическими,

этнографическими и особенно статистическими изданиями, приобрели за 900 руб. для Томского университета

Асташев Иван Дмитриевич (1796−1869) − сибирский золотопромышленник. Его сын Вениамин (1836−1889)

Бажаев В.Г. − томский правительственный агроном, член Общества естествоиспытателей и врачей при Томском университете. Секретарь Западно-Сибирского общества сельского хозяйства

Базанов Иван Александрович (1867–1943) – правовед, выпускник Московского университета (1891), магистр права (1900), доктор права (1911). С 1900 г. – и.д. ординарного профессора, с 1911 г. − ординарный профессор кафедры гражданского права и гражданского судопроизводства Томского университета. Декан юридического факультета (1902–1909). С 1909 по 1913 г. – ректор Томского университета. В годы первой русской революции деятельный член партии 17 октября 1905 г. (октябрист). Редактировал томскую газету «Время». После отъезда профессор Петербургского университета (1913), попечитель Казанского (1914), Киевского (1915) учебных округов. После Гражданской войны в эмиграции. Был женат на Лидии Павловне (1864–1916), художнице, ученице И.Е. Репина

Баитов Григорий Борисович (1861–1921) – тюменский мещанин, народоволец, в 1880–1890- гг. сыграл большую роль в организации сибирской печати, редактор газеты «Сибирская жизнь» (1910–1917)

Байков Андрей Иванович (1841–1905) – доктор медицины, военный врач при Обуховской больнице в С.-Петербурге, почетный гоф-медик, врач при Министерстве финансов **Балдовский Владимир Григорьевич** (1876−?) − врач, сын священника Черниговской губернии, после окончания Черниговской духовной семинарии (1896) поступил на медицинский факультет Томского университета. В 1899 г. с 3-го курса был отчислен по прошению. В 1900 г. восстановился. Окончил университет в 1902 г.

Бальмонт Константин Дмитриевич (1867–1942) – русский поэт, один из зачинателей символизма

Бантыш-Каменский Николай Николаевич (1737–1814) – русский и украинский историк. Член Петербургской академии наук (1808). Занимался составлением «Дипломатического собрания дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 г. Этот труд был опубликован В.М. Флоринским

Барок Александр Александрович − непременный член Томского губернского по крестьянским делам присутствия. Жена – Е.Г. Барок

Бартенев Леонид Леонидович (1861 − не ранее 1916) – педиатр, доктор медицины (1891), в 1892–1895 гг. – сверхштатный экстраординарный профессор

Томского университета. В 1895 г. был причислен к Министерству народного просвещения

Бейлин Михаил Рафаилович − юрист, сын томского купца 2-й гильдии Р.А. Бейлина, присяжный поверенный. Входил в состав судебной комиссии, организованной Томским юридическим обществом для разработки вопроса о реформе местного суда в Сибири (1910). Один из редакторов «Сибирской жизни»

Беленченко Александр Иванович (1827−1884) − генерал-лейтенант, главный инспектор по пересылке арестантов. С 1880 г. член Главного военно-тюремного комитета

Беликов Дмитрий Никанорович (1852–1932) – историк церкви, выпускник Казанской духовной академии (1878), магистр богословия (1887), доктор церковной истории (1902). С 1889 г. профессор по кафедре богословия Томского университета. Заслуженный профессор (1904). Одновременно состоял настоятелем Градо-Томской Богородице-Казанской университетской церкви. Заведовал археологическим и этнографическим музеем. Автор трудов по истории Сибири и особенно по истории сибирского раскола. В 1893 г. избран председателем совета Томского епархиального женского училища. В 1908 г. был назначен председателем учебного комитета при Святейшем Синоде. Окончил Казанскую духовную академию

Белявский Андрей Семенович (?−1897) – делопроизводитель Строительного комитета для возведения зданий Сибирского университета в г. Томске (1880–1886). До этого служил чиновником в департаменте народного просвещения. Действительный статский советник. В 1886 г. подал в отставку по болезни

Березнеговский Иван Иванович (1879 – после 1927) – брат профессора Томского университета Н.И. Березнеговского. Окончил курс в Московской консерватории. Работал учителем пения во 2-м Томском реальном училище. Позднее пел в Новосибирской опере

Бетхер Александр Павлович − гражданский инженер томской строительной комиссии, с 18 июня 1880 г. по вольному найму был определен Строительным комитетом для возведения зданий Сибирского университета в г. Томске на должность помощника строителя зданий. С 1 января 1881 г. был уволен

Бобарыков Иван Иванович (1869−1928) − ординарный профессор по прикладной механике и машиностроению Томского технологического института с 1901 г. Декан механического отделения. В 1902–1905 гг. одновременно декан инженерно-строительного отделения. В 1916− 1919 гг. – директор института. Был женат на Елене Андреевне (дев. Павленко-Богушевская)

Богаевский Петр Михайлович (1866–1929) – приват-доцент (1904), с 1906 г. и.д. экстраординарного профессора по кафедре государственного права Томского университета. В 1906–1908 гг. – директор Петровско-Александровского пансиона в Москве. С 1908 г. – экстраординарный, с 1911 г. – и.д. ординарного профессора по

кафедре государственного права Томского университета. С 1912 г. профессор Киевского университета. После Гражданской войны в эмиграции

Богашев Степан Михайлович (1868−1918) – инженер технолог, с 1906 г. и.д. начальника службы тяги, с 1913 г. – начальник Сибирской железной дороги (с 1915 г. Томская ж.д.)

Богданов Анатолий Петрович (1834–1896) – зоолог, антрополог, историк зоологии, один из основателей российской антропологии, основатель первых антропологических учреждений в России, популяризатор естественных наук, член-корреспондент Петербургской академии наук (1890), профессор Московского университета (с 1867 г.)

Богданович Евгений Васильевич (1829−1914) – военный, политический и церковный деятель, чиновник особых поручений при Министерстве внутренних дел. Находясь на военной службе, дослужился до чина генерала от инфантерии. Еще в 1868 г. разработал первый технический проект Транссибирской железной дороги. Купцы, в том числе и московские, торговавшие на Нижегородской ярмарке, выразили желание «почтить труды Е.В. Богдановича по разработке выдвинутого им вопроса о проведении Сибирской железной дороги по южному направлению» и собрали по подписке 4 тыс. руб., на которые в 1877 г. была учреждена из процентов стипендия при Сибирском университете

Боголепов Михаил Иванович (1879–1945) – выпускник Томского университета (1903), затем профессорский стипендиат, с 1907 г. приват-доцент. Магистр (1910), доктор (1912) финансового права. С 1910 г. – и.д. экстраординарного, с 1911 г. – и.д. ординарного профессора по кафедре финансового права Томского университета. В 1911−1912 гг. декан юридического факультета. В 1909−1912 г. председатель Томского юридического общества. Вместе с М.Н. Соболевым редактировал газету «Сибирская жизнь». После отъезда из Томска (1912) преподавал в вузах Петрограда. После Октябрьской революции продолжил научную и педагогическую деятельность, одновременно работал в советских экономических органах. Был первым ректором Института народного хозяйства в Петрограде (1920–1922). Член-корреспондент АН СССР (1939)

Бондырев Фома Маркович – почетный гражданин города Чигирина

Борзов Николай Викторович (1871–1955) – педагог, выпускник Петербургского университета, с 1897 г. преподаватель русского языка и словесности Томской Мариинской женской гимназии и заведующий мужской воскресной школой. С 1905 г. − директор Харбинского коммерческого училища. После Гражданской войны в эмиграции. Был женат на Софии Александровне, педагоге

Борисенко Ф. – сотрудник газеты «Сибирская жизнь», автор аналитической статьи о Л.Н. Толстом

Боровков Тимофей Демьянович (?–1932) − врач, окончил Казанский университет (1890), состоял ординатором в клинике Томского университета, затем врач губернской пересыльной тюрьмы. После Гражданской войны консультант в Доме матери и ребенка *295*

Брадке Эммануил Егорович фон – директор департамента народного просвещения, сын основателя и первого попечителя Киевского университета в 1833−1839 гг., а затем в 1854−1862 гг. попечителя Дерптского учебного округа Е.Ф. Брадке (1796−1862)

Бруни Александр Константинович (1825−1915) – архитектор. Окончил Императорскую академию художеств (1844). С 1851 г. — академик. Работал в С.-Петербурге. В Московской губернии спроектировал корпуса Воскресенской мануфактуры

Брызгалов А.А. – инспектор студентов Московского университета

Булич Николай Никитич (1824–1895) – историк русской литературы, профессор Казанского университета, ректор университета (1882–1885), член-корреспондент Императорской академии наук

Булюбаш Александр Петрович (?−1889) − из дворян Хорольского уезда Полтавской губернии, в 1879–1886 гг. – вице-губернатор Таврической губернии, томский губернатор в 1887–1888 гг.

Буржинский Павел Васильевич (1858–1926) – выпускник Военно-медицинской академии (1884), доктор медицины (1887), с 1890 г. − экстраординарный, с 1900 по 1908 г. − ординарный профессор по кафедре фармакологии Томского университета. Был женат на Марии Евдокимовне (дев. Пожарская, 1859–?)

Бутягин Павел Васильевич (1867–1953) – микробиолог, выпускник медицинского факультета Томского университета (1893), доктор медицины (1902), директор Бактериологического института имени И. и З. Чуриных (с 1908 г.), с 1902 г. – приват-доцент при кафедре гигиены, с 1916 г. – сверхштатный экстраординарный профессор по кафедре общей патологии, с 1919 г. – зав. кафедрой микробиологии Томского университета

Быстров Павел Иванович (?–1894) – студент 3-го курса медицинского факультета Томского университета

Бычков Афанасий Федорович (1818−1899) − историк, археограф, академик, в 1882–1899 гг. директор Императорской публичной библиотеки

Бычковский Петр Владимирович (1881–?) – сын священника Волынской губернии, окончил Волынскую духовную семинарию (1902) и поступил на юридический факультет Томского университета (1903), библиотекарь Юридического кабинета

Вакар Анатолий Модестович (1856−1911) – юрист, выпускник юридического факультета С.-Петербургского университета. Занимал разные судебные должности. С 1900 г. − прокурор Томского окружного суда. Статский советник (1903). С 1903 г. − член Варшавской судебной палаты, с 1905 г. − помощник прокурора Варшавской губернии, с 1907 г. – председатель Прокуратории Царства Польского

Вальдейер Генрих Вильгельм (1836−1921) − немецкий анатом и гистолог

Варлаам (Петров-Лавровский) (ок. 1729−1802), архиепископ Тобольский и Сибирский, святитель

Варламов Константин Александрович (1848−1915) − русский актер, заслуженный артист Императорских театров

Васильев Николай Васильевич − отставной медицинский фельдшер Амурской казачьей бригады, в 1885 г. пожертвовал 2 тыс. руб. Томскому университету на стипендию для неимущих сибиряков своего имени

Васильев Петр Николаевич − присяжный поверенный

Васильевский Василий Григорьевич (1838−1899) − известный византинист. С 1870 г. профессор всеобщей истории С.-Петербургского университета. Состоял членом Ученого комитета Министерства народного просвещения и редактором «Журнала Министерства народного просвещения». Ординарный академик Императорской академии наук (1890)

Вейнберг Борис Петрович (1871−1942), окончил С.-Петербургский университет (1893). С 1909 г. ординарный профессор Томского технологического института (ТТИ) по кафедре физики. Один из организаторов Сибирских высших женских курсов (1910) и их директор (1913). После отъезда из Томска (1924) был директором Главной геофизической лаборатории. Был женат на Марии Евгеньевне (дев. Груздева, 1878–1949)

Векшин В. – служитель зоологического музея Томского университета

Велижанин Андрей Петрович (1875–1937) – сибирский орнитолог. Окончил медицинский факультет Томского университета (1904). В 1921−1924 гг. – главный врач Алтайской губернской больницы. Одновременно с врачебной практикой занимался орнитологией. Организатор отдела орнитологии в Барнаульском (ныне Алтайском) краеведческом музее. Участник экспедиций в юго-западную часть Томской губернии, в Кулундинскую степь, исследовал окрестности Барнаула. С 1913 по 1930 г. с небольшими перерывами был председателем Алтайского отдела Русского географического общества. Один из организаторов первой губернской краеведческой конференции (1925). Выступал за сохранение памятников старины и природы. В 1937 г. был необоснованно арестован и расстрелян. Реабилитирован в 1959 г.

Великий Владимир Николаевич (1851 – не ранее 1917) – физиолог, выпускник Петербургского университета (1874), где учился на одном курсе с выдающимся русским физиологом И.П. Павловым. Магистр (1885), доктор зоологии (1889). Ординарный профессор по кафедре физиологии Томского университета (1888–1903). Ректор Томского университета (1890–1893). Был женат на Екатерине Васильевне (дев. Вонесенская)

Вернер Евгений Валерианович (1843−1907) – экстраординарный (с 1894 г.), ординарный (с 1900 по 1903 г.) профессор по кафедре общей химии Томского университета

Верховский Павел Владимирович (1879−1920) – юрист, профессор Варшавского, затем Донского (позднее Ростовского) университета

Виктор (Лебедев) – архимандрит, настоятель Томского Богородице-Алексиевского монастыря

Вилков Александр Александрович (1872–?) – сын священника Нижегородской губернии. По окончании Нижегородской духовной семинарии (1893 г.) поступил на медицинский факультет Томского университета. В 1894 г. уволен со 2-го курса медицинского факультета. Предложением министра народного просвещения 10 января 1895 г. исключен из Томского университета

Виноградов Константин Николаевич (1847–1906) – патологоанатом, выпускник МХА (1870), доктор медицины (1873). С 1874 г. – приват-доцент МХА, во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. – военный врач. По возвращении с фронта был прикомандирован к С.-Пе-тербургскому клиническому военному госпиталю в качестве доцента. С 1879 г. – и.д. ассистента при кафедре общей патологии МХА (с 1881 г. – ВМА), с 1881 г. – прозектор при Михайловской клинической больнице баронета Виллие. С 1890 г. – ординарный профессор при кафедре патологической анатомии Томского университета. Работая в Томске, он подробно описал морфологию гельминта сибирская двуустка. В 1892 г. был переведен ординарным профессором в ВМА. Заслуженный профессор и академик ВМА. Почетный член Общества русских врачей (1890)

Виноградов Николай Андреевич (1831−1886) – патофизиолог, выпускник медицинского факультета Московского университета (1855). С1863 г. – экстраординарный профессор по кафедре частной патологии и терапии Казанского университета, затем заведовал факультетской клиникой. С 1864 г. − ординарный профессор. С 1870 по 1878 г. − декан медицинского факультета

Витте Альфонс Васильевич − председатель Томского окружного суда

Витте Сергей Юльевич (1849−1915) − министр финансов России (1892−1903), председатель Комитета министров (1903–1905)

Владимир, преосвященный (в миру Иван Степанович Петров, 1828−1897) − епископ Томский и Семипалатинский в 1883−1886 гг.

Владимирский Михаил Федорович (1874−1951) – сын священника Нижегородской губернии. По окончании Нижегородской духовной семинарии (1894 г.) поступил на медицинский факультет Томского университета. В 1895 г. перешел для продолжения учебы в Московский университет. Член социал-демократической организации (с 1895 г.). Принимал участие в революции 1905 г., Октябрьской революции. С 1927 по 1951 г. – председатель Центральной ревизионной комиссии ВКП (б). Народный комиссар здравоохранения (1930−1934)

Владимирский-Буданов Михаил Флегонтович (1838–1916) – правовед, доктор русской истории, ординарный профессор истории русского права Киевского университета св. Владимира. Учитель И.А. Малиновского

Воевода – сотрудник томских газет

Вознесенский Михаил Николаевич – социалист-революционер, помощник присяжного поверенного в Томске. Состоял членом юридического общества при Томском университете

Волков Николай Константинович (1875−1950) − депутат IV Государственной думы от Забайкальской области. Председатель сибирской парламентской группы. После Гражданской войны в эмиграции

Вологодский Петр Васильевич (1863−1925 (1928)) − юрист, выпускник юридического факультета Харьковского университета (1892). Присяжный поверенный в Томске. Избирался депутатом 2-й Государственной думы. В 1917 г. − старший председатель Омской судебной палаты. 30 июня 1918 г. возглавил Временное Сибирское, затем Всероссийское правительство адмирала А.В. Колчака. С 22 ноября 1919 г. в отставке, с января 1920 г. в эмиграции

Воложанина Елизавета Петровна – жена В.Е. Воложанина (1878 – нач. 1970-х), одного из первых сибирских социал-демократов

Вормс Альфонс Эрнестович (1868 –1939) – юрист, экономист и общественный деятель. С 1906 г. – приват-доцент юридического факультета Московского университета. После ухода из университета, в 1911–1912 гг., преподавал в Ярославском Демидовском юридическом лицее, продолжал преподавать в Московском коммерческом институте

Воронцов – студент 2-го курса медицинского факультета Казанского университета, оскорбивший и.д. ректора, профессора Н.А. Фирсова за лишение его стипендии (1882)

Ворошилов Константин Васильевич (1842−1899) − физиолог, окончил МХА (1868), ординарный профессор, ректор Казанского университета в 1889–1899 гг.

Второв Александр Федорович (1841–1911) – купец, предприниматель, владелец универсального магазина в Томске (пассаж Второва)

Вытнов Василий Никифорович (ок. 1818–1904) – томский купец

Вяземский Сергей Александрович (1844−1923) − князь, томский губернатор в 1900−1903 гг.

Вяльцева Анастасиия Дмитриевна (по мужу − Бискупская; 1871−1913) − русская эстрадная певица (меццо-сопрано), исполнительница цыганских романсов, артистка оперетты

Вяткин Георгий Андреевич (1885–1938) – сибирский писатель, поэт, литератор. До революции сотрудничал в томских газетах и журналах. Был знаком с И.А. Буниным, А.А. Блоком и др.

Галахов Алексей Дмитриевич (1807−1892) − историк литературы, писатель, член-корреспондент Академии наук, в 1863−1892 гг. – член ученого комитета при Министерстве просвещения

Ганко – сотрудник томских газет

Гарькин – томский домовладелец

Гаттенберг Александр Николаевич (1861−1939). Окончил Киевское юнкерское пехотное училище (1880). С 1897 г. жил в Сибири. В Томске служил мировым судьей и присяжным поверенным. Один из учредителей местного отдела партии народной свободы. С сентября 1918 г. − томский губернский комиссар Временного Сибирского правительства, затем управляющий Министерством внутренних дел, министр внутренних дел в правительстве адмирала А.В. Колчака. С 1920 г. в эмиграции

Гвоздев Иван Михайлович (1827–1896) – правовед, профессор кафедры судебной медицины Казанского университета

Ге Александр Генрихович (1842–1907) – дерматолог, ординарный профессор Казанского университета

Ге Григорий Григорьевич (1868–1942) – племянник знаменитого художника Николая Ге, актер Александринского театра. Впоследствии заслуженный артист РСФСР

Гезен А.М.

Гегель Вильгельм Фридрих (1770–1831) – немецкий философ, один из творцов немецкой классической философии и философии романтизма.
Гезен Август Матвеевич (1817–1892) – действительный статский советник, член Совета министра народного просвещения с 1877 г. – член Совета министра народного просвещения, участвовал в работе комиссии, выработавшей новый университетский устав

Гезехус Николай Александрович (1845−1919) − физик, окончил физико-математический факультет С.-Петербургского университета со степенью канди-

дата наук, магистр (1876), доктор (1882) физики. Сверхштатный лаборант, затем приват-доцент (1877–1888) Петербургского университета. В 1888–1889 гг. – ординарный профессор по кафедре физики, физической географии и метеорологии Томского университета, и.д. ректора. В последующем ординарный профессор Петербургского практического технологического института. Один из учредителей Общества естествоиспытателей и врачей при Томском университете (1889). Председатель Русского физико-химического общества (с 1906 г.)

Гейнс (Гейнц) Александр Константинович (1834–1892) – генерал-лейтенант (1881), географ. В 1880–1882 гг. казанский губернатор

Геккель Эрнст Генрих (1834–1919), немецкий естествоиспытатель и философ. В 1865–1909 гг. – профессор Йенского университета

Георгиевский Александр Иванович (1830–1911) – председатель Ученого комитета (1873–1898) и член совета министра народного просвещения (с 1871 г.). В 1898 г. назначен сенатором. Принимал ближайшее участие в составлении проектов, выработанных Министерством народного просвещения в 1870–1890 гг., в том числе устава гимназии и реальных училищ, положения 1874 г. о начальных училищах и университетского устава 1884 г.

Гертвиг Хертвиг Оскар (1849–1922) – немецкий биолог, основатель и директор анатомического института Берлинского университета (1888–1921)

Гессен Владимир Матвеевич (Вольф Мунишевич (1868–1920) – юрист и публицист, депутат II Государственной думы

Гиртль Йозеф (1811–1894) – австрийский анатом и физиолог

Гис Вильгельм (1831–1904) – немецкий эмбриолог и анатом, профессор Базельского и Лейпцигского университетов

Глинский Борис Борисович (1860–1917) – журналист, историк-публицист. Сотрудничал в «Историческом вестнике», где поместил множество статей историко-публицистического характера. В 1890–1891 гг. – редактор-издатель «Северного вестника»

Глищинский Антон Адамович (1861–?) – сенатор (1908), с 1902 г. – вице-директор I департамента Министерства юстиции; с 1904 г. – исправляющий должность директора департамента. С 1905 г. – член консультации при Министерстве юстиции

Гоголь Н.В.

Годунов Борис Федорович (ок. 1549–1605) – русский царь (1598–1605)

Голицын Сергей Михайлович (1774–1859) – князь, его библиотека, содержавшая много редких изданий, в том числе по истории масонства (5 тыс. т.), была подарена Томскому университету

Голованов Георгий (Егор) Михайлович (1830–1913) – томский предприниматель, потомственный почетный гражданин

Головачев Александр Михайлович (?– 1926) – присяжный поверенный в Томске

Голубев Иван Николаевич (1886 – 1894) – врач, сын священника, выпускник Вологодской духовной семинарии, в 1888 г. поступил на первый курс медицинского факультета Томского университета и окончил его со степенью лекаря с отличием (1893) *365,*

Гольдштейн Моисей Леонтьевич (1868–1932) – юрист, адвокат, литератор, приват-доцент Московского университета, издатель «Приазовского края» (Ростов-на-Дону), в Киеве состоял во главе Всеукраинского комитета помощи пострадавшим от погромов, первый издатель газеты «Последние новости» (Париж). Умер в эмиграции

Гомбинский Константин Александрович – томский полицмейстер с 1879 по 1881 г.

Горький Алексей Максимович (1868–1936) – русский писатель, прозаик, драматург. Дарвин Чарльз (1809–1882) – английский натуралист и путешественник

Горчаков Александр Михайлович (1798–1883) – видный российский дипломат и государственный деятель, канцлер, светлейший князь

Гоувальт Ромуальд Онуфриевич – действительный статский советник, состоял за обер-прокурорским столом в 1-м департаменте Сената, обер-секретарь уголовного кассационного департамента Сената

Грамматикати Иван Николаевич (1858–1917) – доктор медицины (1883). С 1891 г. экстраординарный, с 1893 г. – ординарный профессор по кафедре акушерства и гинекологии, в 1916–1917 гг. – ректор Томского университета

Гревс Иван Михайлович (1860–1941) – русский историк, специалист по Римской империи, педагог, краевед и общественный деятель, профессор Высших женских (Бестужевских) курсов (1892–1918), затем Санкт-Петербургского (Петроградского, Ленинградского) университета (1898–1923, 1934–1941)

Гредингер Михаил Осипович (1867–1936) – правовед. До 1917 г. преподавал в вузах Юрьева (Тарту) и Риги. С 1923 г. – профессор Белорусского госуниверситета. В 1931–1936 гг. – заместитель директора, затем директор Института советского строительства и права АН БССР, профессор Института права при Наркомате юстиции БССР

Грейг Самуил Алексеевич (1827–1887) – министр финансов (1878–1880), с 1880 г. – член Государственного Совета

Гречищев Ксенофонт Михайлович

Грубер Венцеслав Леопольдович (1814–1890) – австрийский анатом, с 1842 г. – прозектор анатомии в Пражском университете, с 1847 г. работал в России. Академик Петербургской АН, заслуженный профессор Медико-хирургической академии

Грузенберг Оскар Осипович (Израиль Иосифович) (1866–1940) – юрист и общественный деятель. Брат философа и психолога С.О. Грузенберга

Гуревич Осип Ильич – муж сестры жены И.А. Малиновского Натальи, инженер-механик, инженер по отделу сигнализации на Путиловском заводе в С.-Петербурге

Данилов Александр – минусинский купец 1-й гильдии, владелец кирпичного завода

Дарвин Ч.

Делянов Иван Давыдович (1818–1897) – граф, почетный член Петербургской академии наук (1858). С 1858 г. служил в Министерстве народного просвещения (с 1882 г. – министр). При его участии были приняты новые уставы гимназий (1871), реальных училищ (1872), Положение о начальных народных училищах (1874). Выступал за ограничение университетской автономии и утверждение классической системы обучения в средних учебных заведениях. Провел циркуляр «О кухаркиных детях». В 1861–1882 гг. – директор Императорской публичной библиотеки. При И.Д. Делянове как министре народного просвещения был введен новый устав российских университетов (1884), в 1888 г. открыт университет в Томске. Почетный член Императорского Томского университета

Демидов Павел Григорьевич (1738–1821) – ученый натуралист, меценат, основатель Ярославского училища высших наук. В 1803 г. пожертвовал для предполагаемых университетов в Киеве и Тобольске по 50 000 р. Тобольский капитал к 1881 г. возрос до 190 тыс. руб. и пошел на строительство Томского университета, в актовом зале которого был поставлен портрет П.Г. Демидова

Депп Филипп Филиппович – юрист, в 1855–1862 гг. – председатель Томского окружного суда

Деспот-Зенович Александр Иванович (1829–1897) – таможенный комиссар и градоначальник г. Кяхта (Троицкосавск) в 1855–1862 гг., тобольский губернатор (1863–1867), затем служил в Министерстве внутренних дел

Дженер Эдвард (1749–1823) – английский врач, разработал первую в мире вакцину – против натуральной оспы

Дзюба Андрей Петрович – главный инспектор училищ Западной Сибири

Дикгоф Аркадий Александрович (1838–1915) – делопроизводитель Томской городской управы, товарищ Томского благотворительного общества, большой библиофил, вместе с Турнефором, учителем Томского реального училища, по-

могал В.М. Флоринскому в разборке и переписке книг, подаренных Томскому университету *162*

Дмитриев-Мамонов Александр Ипполитович

Дмитриевский Константин Федорович (1866–?) – патофизиолог, доктор медицины (1900), выпускник медицинского факультета Томского университета (1894). С 1894 г. – лаборант, в 1903–1910 гг. – приват-доцент при кафедре общей патологии Томского университета. После отъезда из Томска работал врачом на железных дорогах Юга России

Дмитрий Углицкий (Дмитрий Иванович) (1582–1591) – царевич, князь углицкий, младший сын Ивана Грозного и Марии Федоровны Нагой

Добромыслов Василий Дмитриевич (1869–1917) – хирург, выпускник медицинского факультета Томского университета (1896), ученик Э.Г. Салищева. Доктор медицины (1904). В 1896–1899 гг. – ординатор госпитальной хирургической клиники Томского университета. В 1899 г. – врач 2-го Верхнеудинского полка Забайкальского казачьего войска. С 1900 г. – сверхштатный ординатор при госпитальной клинике Томского университета. С 1902 г. – практикант в физиологической лаборатории Института экспериментальной медицины у проф. И.П.Павлова. С 1903 г. – ординатор Томской железнодорожной больницы. С 1905 г. – приват-доцент по кафедре хирургической факультетской клиники. С 1910 г. – профессор по кафедре оперативной хирургии с топографической анатомией Киевского университета

Догель Александр Станиславович (1852–1922) – гистолог, доктор медицины (1883), экстраординарный профессор по кафедре гистологии Томского университета (1888–1895), в 1888–1890 гг. – секретарь (декан) медицинского факультета. Член-учредитель Общества естествоиспытателей и врачей при Томском университете. С 1895 г. профессор по кафедре анатомии и гистологии С.-Петербургского университета. Заслуженный ординарный профессор (1911). Член-корреспондент Петербургской академии наук (1894). Основатель журнала «Русский архив анатомии, гистологии и эмбриологии» (1916)

Долина (сценический псевдоним; урожд. Саюшкина, по мужу Горленко) **Мария Ивановна** (1867–1919) – артистка оперы (контральто) и концертная певица

Дормидонтов Григорий Федорович (1852–1919) – правовед, профессор римского права, ректор Казанского университета (1909–1918) *323*
Друцкой Сергей Александрович (1869–?) – князь, военный юрист, генерал-майор. С 1903 г. – профессор по кафедре военно-уголовного права Военно-юридической академии. Состоял сотрудником «Военной энциклопедии»

Дубяго Сергей Григорьевич – прокурор Томского окружного суда

Дьяконов Михаил Александрович (1855–1919) – известный историк русского права, заслуженный ординарный профессор, ординарный академик Академии наук (1912)

Егоров Сергей Григорьевич – преподаватель физики и математики в средних учебных заведениях Петербурга, в Александровском отделении Смольного института, с 1895 г. – старший наблюдатель Константиновской магнитно-метеорологической обсерватории в г. Павловске, затем директор Томского коммерческого училища

Едличко Вячеслав Вячеславович (1857–1919) – юрист, кандидат права, с 1909 г. – прокурор Омской судебной палаты, с 1912 г. – старший председатель

Екатерина II (1729–1796) – российская императрица

Еленев Александр Сергеевич (1838–?) **–** кандидат естественных наук, инспектор училищ Енисейской губернии и директор Красноярской мужской гимназии, в 1888–1893 гг. – инспектор студентов Томского университета

Еренев Иван Алексеевич (1827–1899) – томский купец 1-й гильдии, потомственный почетный гражданин. Занимался благотворительной деятельностью

Ермак (Ермак Тимофеевич Аленин) (1530/1540–1585) – казачий атаман, предводитель московского войска, успешно начавший по приказу царя Ивана IV войну с сибирским ханом Кучумом, в результате которой Сибирское ханство перестало существовать

Ермолович Дмитрий Николаевич (1868–?) – в 1892–1897 гг. студент медицинского факультета Томского университета. В 1920-е гг. работал врачом участка Октябрьской железной дороги (станция Бологое)

Ерофеев Феофил Андреевич (1843–1905) – офтальмолог, доктор медицины (1880), с 1885 г. – приват-доцент ВМА, с 1891 г. – экстраординарный, с 1893 г. – ординарный профессор по кафедре офтальмологии Томского университета. Организатор глазных отрядов в Барнаульский и Бийский уезды Томской губернии для лечения глазных болезней у местного населения. С 1903 г. на пенсии

Есипов (Осипов) Савва – сибирский летописец, дьяк при сибирском архиепископе. Составил в 1636 г. летопись, источниками которой послужили татарский летописец, запись первого тобольского архиепископа Киприана, сделанная со слов участников похода Ермака, и рассказы очевидцев

Ефимов Иван Владимирович (1820–1903) – предприниматель, гласный Томской городской думы, выступал за открытие первого сибирского университета в Томске, организовал сбор средств на университетскую библиотеку, был членом Общества попечения о начальном образовании в Томске

Жбиковский Станислав Антонович (1861–?) – инженер путей сообщения, начальник Обь-Енисейского участка Томского округа путей сообщения. Преподавал в ТТИ. Был женат на Евдокии Семеновне (дев. Васильева)

Жемчужников Андрей Аполлонович – инженер-железнодорожник, член Томского отделения Императорского Русского технического общества. Жемчужникова Е.И., жена А.А. Жемчужникова, действительный член Томского отделения Императорского музыкального общества

Жибер Эрнест Иванович (1823–1909) – архитектор-художник. Окончил Академию художеств в С.-Петербурге (1849). В 1858–1903 гг. преподавал в институте гражданских инженеров. Член строительных комитетов Министерства внутренних дел, императорского двора. С 1879 г. – главный архитектор ведомства императрицы Марии. Председатель комитета, состоящего при 4-м отделении собственной канцелярии. В течение долгого времени практически осуществлял руководство строительной деятельностью России. Автор неосуществленного проекта строительства университета в Томске. Почетный член Академии художеств (1897)

Живаго Сергей Иванович (1870 – не ранее 1917) – правовед, выпускник юридического факультета Московского университета (1896), в 1898–1901 гг. – и.д. экстраординарного профессора по энциклопедии и истории философии и права Томского университета, затем приват-доцент энциклопедии права и истории философии права Московского университета

Жижиленко Александр Александрович (1873 – не ранее 1930) – юрист-криминолог, профессор Петербургского университета, товарищ председателя и председатель уголовного отделения Юридического общества при Петербургском университете, член комитета Русской группы Международного союза криминалистов, член комитета Литературного фонда, член редколлегий «Журнала уголовного права и процесса», газеты «Право»

Жилль Александр Францевич (1835–1900) – колыванский купец 2-й гильдии, золотопромышленник, банкир, служил управляющим отделением Сибирского торгового банка. Пожертвовал предметы в археологический музей Томского университета. Избирался гласным Томской городской думы

Житков Иван Иванович (1853–?) – томский купец 2-й гильдии. Держал совместно с М.Ф. Сапожниковым магазин на Базарной площади, торговавший оптом и в розницу ювелирными изделиями, галантереей, парфюмерией и т. д. Был членом совета Общества содействия физическому развитию

Житкова Анна Ивановна (1857–?) – жена И.И. Житкова

Жук Владимир Николаевич (1847–1915) – известный в дореволюционной России врач и просветитель

Жуковский Василий Андреевич (1783–1852) – русский поэт, один из основоположников романтизма в русской поэзии, переводчик, критик, действительный член Императорской Российской академии наук (1818)

Журов Сергей Александрович – мировой судья
Зайцев Алексей Михайлович

Залесский Станислав Иософатович (1858-1918) – химик, выпускник медицинского факультета Варшавского университета (1881), доктор медицины (1886). С 1888 г. – ординарный профессор по кафедре химии, с 1890 г. – по кафедре неорганической и органической, совместно с медицинской химией. В 1889–1890 гг. – член правления Томского университета. После отъезда из Томска (1894) заведовал кафедрой общей и аналитической химии в Петербургском женском медицинском институте. В 1903–1906 гг. – директор курорта Славянские минеральные воды. В 1908–1917 гг. – председатель Польского союза врачей и естествоиспытателей в Петербурге (Петрограде)

Зандрок Евгений Николаевич (1875–?) – специалист страхового дела в России, талантливый организатор и пропагандист пчеловодства на Алтае. Окружной инспектор Всесибирского отделения томского агентства страхового общества товарищества «Саламандры». Принял активное участие в революционных событиях 1905 г.

Зверев Николай Андреевич (1850–1917) – юрист, в 1898–1901 гг. – товарищ министра народного просвещения. В декабре 1900 г. побывал в Томском университете

Зеленин Дмитрий Любимович (1878–?) – юрист, 1898–1903 гг. – студент юридического факультета Томского университета. В феврале – марте 1889 г. принимал участие в студенческих волнениях и был отчислен, в августе того же года восстановлен

Зензиновы (братья) **Михаил Михайлович** (1850–1926) и **Николай Михайлович –** чаеторговцы и промышленники, владельцы торговых и промышленных предприятий в Москве и Сибири, меценаты

Зенькевич Аполлинария Семеновна – томская акушерка

Зимин Александр Николаевич (1871–1934) – отоларинголог, выпускник медицинского факультета Томского университета (1897), с 1903 г. – ассистент, с 1909 г. – приват-доцент при кафедре хирургической факультетской клиники медицинского факультета Томского университета. С 1920 г. – профессор по кафедре факультетской хирургической клиники. В 1924–1925 гг. – декан медицинского факультета. С 1929 г. заведовал кафедрой и клиникой болезней уха, горла и носа в Институте усовершенствования врачей. В 1932 г. вместе с институтом переехал в Новосибирск

Зингер Григорий Эдуардович (1853–1919) – министр народного просвещения в 1902–1904 гг.

Знаменский Михаил Степанович (1863–1892) – писатель, мемуарист, художник, археолог, этнограф и краевед

Зограф Николай Юрьевич (1851–1919) – естествоиспытатель, зоолог (ихтиолог), антрополог, доктор зоологии (1887), с 1888 г. – профессор Московского университета

Зубашев Ефим Лукьянович (1860–1928) – организатор и первый директор Томского технологического института (до 1907 г.), ординарный профессор по кафедре химической технологии питательных веществ. Входил в состав Томского отделения партии конституционных демократов. Весной 1917 г. был назначен комиссаром Временного правительства по Томской губернии. После Гражданской войны эмигрировал в Чехословакию

Зубашева Ольга Александровна (1863–1922) – жена Е.А. Зубашева. Окончила С.-Петербургские бестужевские курсы, участвовала в открытии высших женских курсов в Томске. Принимала активное участие в открытии Сибирских высших женских курсов, участвовала в благотворительных мероприятиях в пользу студентов

Иваницкая Александра Ивановна (р. 1877) – из семьи купца, в 1895 г. окончила Томскую Мариинскую гимназию, в 1912 г. поступила на естественное отделение Сибирских высших женских курсов, в 1915 г. перевелась на медицинский факультет Томского университета

Иваницкий Иван Матвеевич – томский купец, золотопромышленник (двоюродный брат З.М. Цибульского)

Иваницкий Николай Александрович (1873–1937) – секретарь Томского общества садоводства, в 1920-х гг. – член Западно-Сибирского общества сельского хозяйства, председатель Томского кружка садоводства, огородничества и специальных культур при обществе. Был репрессирован

Иванов Александр Васильевич (1845–1917) – архитектор, работавший в С.-Петербурге и Москве

Иванов Константин Дмитриевич – врач, выпускник медицинского факультета Томского университета (1901), открыл в Томске лечебницу физических методов лечения (Ямской, 18)

Игнатов Иван Иванович – тюменский купец 1-й гильдии, крупнейший сибирский судовладелец. Совместно с У.С. Курбатовым организовал Товарищество, преобразованное в 1883 г. в Торговый дом «Курбатов У.С. и Игнатов И.И.», владел Жабынским судостроительным заводом

Игнатьев Николай Павлович (1832–1908) – государственный деятель, дипломат-панславист; генерал от инфантерии (1878), граф (1877), генерал-адъютант. 6 июля 1879 г. назначен временным (на период ярмарки) нижегородским генерал-губернатором. Торгующие чаями на Нижегородской ярмарке купцы и сибиряки по подписке собрали 15 тыс. руб. ипередали их графу Н.П. Игнатьеву. На проценты с них при Томском университете в 1879 г. были учреждены 3 стипендии имени генерал-адъютанта графа Н.П. Игнатьева

Иоганзен Герман Эдуардович (1866–1930) – зоолог, окончил естественное отделение физико-математического факультета Дерптского университета (1889). С 1893 г. – учитель немецкого языка, позже естественной истории и физики Томского Алексеевского реального училища. С 1894 г. в свободное от занятий время работал в зоологическом музее Томского университета. С 1899 г. – внештатный консерватор, с 1907 г. консерватор музея. С 1915 . – ассистент, с 1918 г. – приват-доцент, с 1921 г. профессор кафедры сравнительной анатомии и зоологии позвоночных. С 1924 г. – заведовал зоологическим музеем Томского университета. Совершил ряд экспедиций по изучению фауны Сибири, занимался фенологическими наблюдениями в окрестностях Томска

Исаакий (в миру Иван Каллиникович Положенский, 1828–1894) – епископ Томский и Семипалатинский с 8 марта 1886 г. по 12 января 1891 г.

Казнаков Николай Геннадьевич (1824–1885) – генерал от кавалерии, в 1850–1853 гг. – адъюнкт-профессор тактики в Военной академии, с 1864 г. – Киевский военный губернатор, в 1875–1881 гг. – генерал-губернатор Западной Сибири. Затем член Государственного Совета. При нем в 1878 г. был учрежден университет в Томске

Кайдалов Н.П. – канцелярский служащий, состоял в штате Томского губернского правления

Калинников Дмитрий Дмитриевич (1868–?) – студент медицинского факультета Томского университета в 1888–1894 гг. Окончил университет в 1894 г. со степенью лекаря. В 1920-е гг. работал заведующим подотделом медицинской экспертизы Иркутского губздрава

Камаровский Леонид Алексеевич (1846–1912) – граф, юрист-международник, член-корреспондент Петербургской АН (1910), заслуженный ординарный профессор по кафедре международного права Московского университета

Камбуров Вячеслав Георгиевич (1874–1906) – правовед, выпускник Киевского университета (1897), ученик Е.Н. Трубецкова и Г. Челпанова. С 1903 г. – и.д. экстраординарного профессора по кафедре энциклопедии права и истории права Томского университета

Каминский Оскар Исаевич (1869–1917) – артист оперы (лирический баритон), камерный певец и педагог

Капустин Федор Яковлевич (1856–1936) – физик, выпускник Петербургского университета (1880), магистр физики (1895). С 1889 г. – экстраординарный профессор, с 1903 г. – и.д. ординарного профессора по кафедре физики. Племянник Д.И. Менделеева. Был женат на Августине Степановне (дев. Попова, 1863–1941), сестре изобретателя радио А.С. Попова, томской художнице

Карнаков Андрей Петрович (1838–1910) – томский купец, гласный Томской городской думы, директор Сибирского общественного банка

Карпова Наталья Петровна (1873–?) – из мещан, училась на высших женских курсах, до 1902 г. – преподавала в прогимназии г. Кургана, с 1902 по 1908 г. – преподаватель географии и истории гимназии О.В. Миркович

Карпович Петр – студент Юрьевского, затем Московского университета, смертельно ранивший в 1901 г. министра народного просвещения Н.П. Боголепова за приказ отдавать в солдаты студентов, отчисленных за участие в студенческих волнениях

Кассо Лев Аристидович (1865–1914) – юрист, министр народного просвещения (1910–1914)

Катков Михаил Никифорович (1818–1887) – публицист, издатель, литературный критик. Редактор газеты «Московские ведомости», основоположник русской политической журналистики. Основатель русского политического национализма

Кащенко Николай Феофанович

Кенге Виктор Иванович – инженер Сибирской железной дороги. Его супруга, Екатерина Германовна, – учительница немецкого языка

Киприан (Старорусенин) – первый Сибирский архиепископ (1620–1624)

Киричинский Воля – друг сестры жены И.А. Малиновского Евгении, студент Киевского университета. Болел туберкулезом, покончил с собой

Китц Михаил Александрович – товарищ прокурора Томского окружного суда

Кладищева (урожд. Сибирякова) **Антонина Михайловна** (1857–1879) – сестра А.М. и И.М. Сибиряковых, благотворительница

Клименко – преподаватель зоологии Екатеринославской гимназии, в которой учился Н.Ф. Кащенко

Климентов Петр Степанович (1873–1902) – правовед, выпускник Московского университета (1898). С 1901 г. – и.д. экстраординарного профессора по кафедре финансового права юридического факультета Томского университета. Председатель Юридического общества (1902)

Кмитович Николай Тимофеевич – счетовод управления Сибирской железной дороги

Ковалевский Николай Осипович (1840–1891) – физиолог, окончил медицинский факультет Казанского университета. С 1865 г. – экстраординарный, с 1868 г. – ординарный профессор по кафедре физиологии медицинского факультета того же университета. С 1878 г. – декан медицинского факультета, в 1880-1882 гг. – ректор Казанского университета

Ковригин Петр Николаевич – селенгинский бурят по происхождению, ученик декабриста Н.А. Бестужева, служил в казачьем войске, после выхода в отставку работал в Кяхте, принимал участие в создании «Кяхтинского листка». Присутствовал на закладке Томского университета в 1880 г. Пожертвовал на студенческое общежитие 25 руб. и на строительство 200 руб.

Козминых (настоящая фамилия Козминский) **Дмитрий Семенович** (1867–?) – сын священника Черниговской губернии. В 1898 г. поступил на юридический факультет Томского университета. Окончил университет в 1902 г.

Кокошкин Федор Федорович (1871–1918) – политический деятель, один из основателей Конституционно-демократической партии (Партии народной свободы), юрист. Депутат Государственной думы I созыва (1906). Государственный контролер Временного правительства (1917)

Колоножников Георгий Мокеевич (1880 – не ранее 1927) – правовед, выпускник Томского университета (1907). Магистр гражданского права (1912). Профессорский стипендиат, с 1909 г. – приват-доцент, в 1913–1917 гг. – и.д. ординарного профессора по кафедре торгового права и торгового судопроизводства Томского университета. С 1917 г. – экстраординарный профессор Варшавского университета. После Гражданской войны – профессор Северо-Кавказского (Ростовского) университета

Колосовский Алекс. Иванович – чиновник государственной канцелярии при МВД, губернский секретарь. Впоследствии действительный статский советник, член правлений: Московского лесопромышленного товарищества, нефтепромышленного «Чимион», Восточно-Азиатского нефтяного товарищества

Колпаковский Герасим Алексеевич (1819–1896) – русский генерал, один из крупнейших деятелей завоевания Средней Азии. С 1867 г. – военный губернатор, наказной атаман семиреченских казаков и командующий расположенными в области войсками, в 1885–1889 гг. – Степной генерал-губернатор, командующий войсками Омского военного округа. Генерал-лейтенант (1871), полный генерал (1885)

Колчак Александр Васильевич (1874–1920) – военный и политический деятель, флотоводец, ученый-океанограф. В годы Гражданской войны Верховный правитель России (1918–1920)

Комиссаржевская Вера Федоровна (1864–1910) – актриса

Конаржевский Игнатий Константинович

Конисская Мария Александровна (старшая), мать жены И.А. Малиновского

Конисская Надежда Александровна – сестра жены И.А. Малиновского

Конисский Александр Яковлевич (1836–1900) – украинский писатель, отец жены И.А. Малиновского. Один из первых биографов Т.Г. Шевченко

Конисский Юрий Александрович (1877–1942) – брат жены И.А. Малиновского, начальник 1-го участка пути Томского округа путей сообщения

Константин Николаевич (1827–1892) – великий князь, генерал-адмирал, второй сын императора Николая I. В 1865–1881 гг. – председатель Государственного совета

Корелин Сергей Васильевич (1873–?) – сын инородца Енисейской губернии, сирота, по окончании Красноярской гимназии (1894 г.) поступил на медицинский факультет Томского университета. Окончил Томский университет со степенью лекаря (1901 г.)

Коренев Евгений Николаевич (1867 – после 1945) – сын чиновника, после окончания Томской мужской гимназии (1886) поступил на физико-математический факультет Московского университета. С 1888 г. – студент медицинского факультета Томского университета. Окончил университет в 1893 г. с отличием и степенью лекаря. В 1894 г. – врач Томского университета. Доктор медицины (1903). Работал чиновником в Министерстве внутренних дел в Петербурге. В 1920-е гг. – врач подотдела охраны матери и младенца Ленинградского губздрава

Коржинский Сергей Иванович (1861–1900) – ботаник, выпускник Казанского университета, магистр (1887), доктор (1888) ботаники. В 1888–1892 гг. – экстраординарный профессор по кафедре ботаники. С 1892 г. – главный ботаник Императорского ботанического сада. Адъюнкт Академии наук по ботанике (1893), экстраординарный (1897) и ординарный (1898) академик Академии наук

Коркунов Александр Павлович (1856–1913) – с 1890 г. – терапевт, экстраординарный профессор по кафедре частной патологии и терапии, с 1891 по 1906 г. – ординарный профессор по кафедре врачебной диагностики и терапевтической факультетской клиники Томского университета

Корнилов Иван Николаевич – тобольский купец 1-й гильдии, рыбопромышленник и пароходовладелец

Корнилович Николай Юлианович (1856–?) – помощник инспектора студентов Томского университета (1896–1906 г.), выпускник С.-Пе-тербургского историко-филологического института

Коровин Иван Петрович (1865–1927) – паталогоанатом, доктор медицины, в 1888–1893 гг. – студент медицинского факультета Томского университета. Его сочинение «О происхождении внезапной смерти от причин, лежащих в сердце» было удостоено золотой медали. После окончания университета работал помощником прозектором при кафедре судебной медицины Томского университета, с 1894 г. – прозектор при кафедре патологической анатомии Военно-медицинской академии в Петербурге. С 1917 г. – профессор Пермского университета. После эвакуации Пермского университета в Томск (1919) был прикомандирован к Томскому университету. После реэвакуации продолжил работу в Пермском университете. С 1924 г. – профессор Днепропетровского медицинского института

Королев Евграф Иванович (1823–1900) – томский купец, в 1876–1879 и 1887–1890 гг. – томский городской голова

Короленко Владимир Галактионович (1853–1921) – русский писатель, журналист, публицист, общественный деятель, заслуживший признание своей правозащитной деятельностью. Почетный академик Императорской академии наук по разряду изящной словесности (1902).
Корсак Александр Казимирович (1832–1874) – экономист, историк, публицист

Косаговский Павел Павлович (1833–1895) – с 1868 г. директор департамента исполнительной полиции министерства внутренних дел. С 1881 г. состоял при министре внутренних дел. С 1882 г. – одесский градоначальник. С 1885 г. – курский, с 1889 г. полтавский губернатор. С 1891 г. – член совета Министерства внутренних дел

Котляревский Нестор Александрович (1863–1925) – литературовед, академик Петербургской АН (1909). Первый директор Пушкинского дома (1910)

Кочуров (театральный псевдоним Томский) **Владимир Александрович** (1874–?) – с 1894 г. студент медицинского факультета Томского университета. Был исключен из числа студентов. Впоследствии артист Московского оперного театра Солодовникова (позже филиал Большого театра)

Кошаров Павел Михайлович (1823–1902) – художник, преподаватель рисования в мужской гимназии и инспектор классов

Кравченко Николай Николаевич (1880–1952) – правовед, выпускник юридического факультета Новороссийского (Одесского) университета (1903), магистр международного права (1913), с 1912 г. – приват-доцент, в 1913–1917 гг. – и.д. ординарного профессора по кафедре международного права Томского университета. В 1920–1929 гг. – профессор Саратовского университета

Краснокутский В.А. – правовед, приват-доцент юридического факультета Московского университета, читал курс торгового права

Красовский Александр Михайлович (1852–?) – с 1897 г. конторщик, с 1899 г. – помощник делопроизводителя, затем делопроизводитель конторы движения Томской железной дороги. Был женат на Евдокии Михайловне (1862–?)

Красовский Иван Иванович (1828–1885) – действительный статский советник, камергер Двора Его Императорского величества, в 1883–1885 гг. – томский губернатор

Кривошеев – чиновник Министерства народного просвещения

Кривцов Алексей Николаевич – тайный советник, сенатор, присутствующий в уголовно-кассационном департаменте и первоприсутствующий для суждения дел о государственных преступлениях, председатель чрезвычайной следственной комиссии

Крутовский Всеволодович Михайлович (1864–1945) – врач, газетный сотрудник, секретарь редакции газеты «Сибирская жизнь» *295*

Крыжановский Николай Андреевич (1818–1888) – генерал-губернатор Оренбургского края (1865–1881)

Крылов Александр Маркович (1874–1924) – механик, выпускник Московского высшего технического училища, с 1903 г. – преподаватель прикладной механики, с 1909 г. – и.д. экстраординарного профессора по кафедре прикладной механики и машиностроения ТТИ В 1911 г. – гласный Томской городской думы. Был женат на Екатерине Константиновне (дев. Мосенина)

Крылов Порфирий Никитич

Крюгер Роберт Иванович – владелец пивоваренного завода в Томске

Крюгер Фридрих Карлович (1862–1938) – химик, с 1895 г. – экстраординарный, с 1903 по 1912 г. – ординарный профессор по кафедре медицинской химии Томского университета

Кузнецов – томский подрядчик

Кузнецов – владелец фарфорового завода в Томске

Кузнецов Иван Иванович – студент юридического факультета Томского университета

Кузнецов Иннокентий Петрович (1851–1916) – сибирский золотопромышленник, меценат, археолог, этнограф, историк. В 1888–1891 гг. – вольнослушатель медицинского факультета Томского университета

Кузнецов Степан Кирович (1854–1913) – археолог, этнограф, библиотекарь Томского университета в 1885–1903 гг. В дальнейшем профессор Московского археологического института

Кулаков Прокопий Никитович (1820–?) – бийский купец, пожертвовал на строительство Томского университета 1000 руб.

Кульчицкий Николай Константинович (1856–1925) – гистолог и эмбриолог, с 1883 г. – приват-доцент; с 1885 г. – прозектор при кафедре гистологии, с 1889 г. – профессор по кафедре гистологии и эмбриологии Харьковского университета. В 1897–1901 гг. – декан медицинского факультета. С 1908 г. – зав. кафедрой описательной анатомии. Заслуженный профессор (1908). С 1912 г. – попечитель Казанского, с 1914 г. Петербургского учебного округов. Тайный советник (1914). Сенатор Второго департамента (1916). Последний министр народного просвещения царского правительства. После Октябрьской революции – в эмиграции в Великобритании; преподавал в Оксфорде

Кулябко-Корецкий Николай Григорьевич (1846–1931) – земский статистик и публицист

Кулябко Алексей Александрович (1866–1930) – физиолог, доктор медицины, выпускник С.-Петербургского (1888) и Томского (1893) университетов. В 1898–1903 гг. – приват-доцент С.-Петербургского университета, с 1903 г. – экстраординарный, с 1904 г. – ординарный профессор по кафедре физиологии Томского университета. С 1924 г. работал в научно-исследовательских институтах Москвы

Курбановский Михаил Николаевич (1831–1885) – чиновник, председатель тобольского губернского правления (1863–1872). Затем вице-губернатор Акмолинской области

Курбатов Устин Савич – камский пароходовладелец, совместно с тюменским купцом И.И. Игнатовым создал пароходство на реках Западной Сибири

Курдюкова – литературный персонаж (И. Мятлев. Юмористическая поэма «Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границей, дан л'этранже» (1840–1844)

Курлов Михаил Георгиевич (1859–1932) – терапевт, выпускник Военно-медицинской академии (1884), с 1890 г. – экстраординарный профессор по кафедре медицинской диагностики, с 1896 г. – ординарный профессор по кафедре частной патологии и терапии и терапевтической клиники Томского университета. В 1903–1929 гг. – заведующий кафедрой врачебной диагностики и терапевтической клиникой. В 1903–1906 гг. – ректор Томского университета. В 1903–1904 гг. возглавлял Общество естествоиспытателей врачей при Томском университете. Почетный член Томского университета (1924)

Кустря Дмитрий Кириллович (1872–?) – врач, сын крестьянина Екатеринославской губернии, после окончания Екатеринославской духовной семинарии (1893) поступил на медицинский факультет Томского университета и в 1898 г. окончил его со степенью лекаря. В 1920-е гг. работал старшим прозектором Ленинградского медицинского института

Кухтерин Иннокентий Евграфович (младший) (1870–1911) – томский купец

Кучин Константин Захарович (?–1895) – врач, экстраординарный профессор эмбриологии и гистологии Харьковского университета

Кытманов Константин Александрович (1864–1925) – врач, выпускник медицинского факультета Казанского университета (1889), доктор медицины (1901), с 1892 г. – штатный ординатор факультетской хирургической клиники, затем прозектор при кафедре нормальной анатомии (с 1905 г. при кафедре оперативной хирургии и топографической анатомии медицинского факультета Томского университета). После Гражданской войны временно заведовал кафедрой стоматологии

Лаврентьев Леонид Иванович (1835–1914) – чиновник, попечитель Западно-Сибирского учебного округа (1899–1914)

Лазарь (Генерозов) – архимандрит, настоятель мужской градотомской обители

Лавриченко К.Г. – учитель ботаники Екатеринославской гимназии, в которой учился Н.Ф. Кащенко

Лакс Антон Иванович (1825–1888) – генерал-майор, томский губернатор в 1887–1888 гг.

Лалетин Михаил Александрович (?– 1919) – статский советник, член Томского окружного суда, товарищ прокурора

Ларионов Георгий Александрович – и.д. городского головы г. Красноярска

Лассаль Фердинанд (1825–1864) – немецкий философ, юрист, экономист и политический деятель

Лебедев Алексей Петрович (1874–1921) – врач, с 1894 г. – студент медицинского факультета Томского университета. В феврале–марте 1899 г. принимал участие в студенческих волнениях и был отчислен согласно поданому заявлению. Затем восстановился и продолжил учебу. Окончил университет с отличием и со степенью лекаря (1901). После окончания работал врачом в с. Каратуз Минусинского уезда Енисейской губернии

Левашев Иван Михайлович (1864–1931) – терапевт, выпускник Томского университета (1893). Доктор медицины. С 1901 г. – приват-доцент, с 1910 г. – экстраординарный, с 1911 г. – ординарный профессор по кафедре терапевтической факультетской клиники и врачебной диагностики

Левковский Аристарх Михайлович (1865–1922) – психиатр, доктор медицины, в 1888–1893 гг. – студент медицинского факультета Томского университета. После окончания университета – ординатор при кафедре нервных и душевных болезней. Ученик профессора Я.А. Анфимова. С 1896 г. работал в Харьковском университете, с 1911 г. в Харьковском женском медицинском институте. С 1912 г. – профессор

Саратовского университета, организатор кафедры и клиники нервных и душевных болезней

Ледебур Карл Христиан Фридрих (1785–1851) – немецкий ученый, ботаник, исследователь Алтая, основатель первой в России школы флористов-систематиков.

Леман Александр-Карл Эдуардович (1882–?) – сын профессора Э.А. Лемана

Леман Эдуард Александрович (1849–1919) – фармаколог, магистр фармации (1874), с 1888 г. – экстраординарный, с 1890 г. – ординарный профессор по кафедре фармации и фармакогнозии Томского университета

Ленин Владимир Ильич (1870–1924) – политический деятель. На 2-м съезде РСДРП (1903) возглавил партию большевиков, на 2-м Всероссийском съезде Советов (1917) был избран председателем СНК

Ливен Андрей Александрович (1839–1913) – государственный деятель, в 1877–1881 гг. – министр государственных имуществ, действительный тайный советник

Ливен Герман Иванович (1853–1928) – томский купец 2-й гильдии

Лобанов Сергей Викторович (1870–1930) – офтальмолог, выпускник ВМА, доктор медицины (1898), с 1905 г. – экстраординарный, с 1910 г. – ординарный профессор по кафедре офтальмологии с клиникой Томского университета, которой он заведовал до 1930 г. Один из организаторов Пироговского студенческого общества, состоял членом Общества естествоиспытателей врачей. Редактор Сибирского медицинского журнала (1922)

Ломачевский Асинкрит Асинкритович (1848–1921) – генерал-майор, участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг., в 1895–1900 гг. – томский губернатор. Первый председатель Общества содействия физическому развитию (1900)

Ломовицкий Павел Фирсович (1861–1921) – врач, выпускник медицинского факультета Томского университета (1893), томский городской голова (1911)

Лорис-Меликов Михаил Тариэлович (1825–1888) – российский военачальник и государственный деятель, граф, член Государственного совета (1880), Почетный член Петербургской академии наук (1880). Автор проекта первой Российской конституции

Лоскутов Федор – исправник, гроза сибирского населения, был арестован М.М. Сперанским

Лурьи Ефрем Владимирович – смотритель зданий Томского технологического института

Любимов Николай Алексеевич (1830–1897) – физик, профессор Московского университета в 1865–1882 гг., редактор «Русского вестника», член Совета министра народного просвещения

Людовик XVI (1754–1793) – король Франции из династии Бурбонов.
Макарий (в миру Михаил Андреевич Парвицкий) (1835–1926) – епископ Томский и Семипалатинский (с 26 мая 1891 г.), архиепископ Томский и Семипалатинский (с 6 мая 1906 г), архиепископ Томский и Алтайский (с 1908 г. по 6 декабря 1912 г.). В 1912 г. был назначен митрополитом Московским и Коломенским, священноархимандритом Троице-Сер-гиевой Лавры и членом Святейшего Синода

Максимов Николай Яковлевич (1832–1888) – филолог, окончил Главный педагогический институт (1853), состоял директором 6-й С.-Пе-тербургском гимназии, главным инспектором училищ Западной Сибири и директором Гольдингенской учительской семинарии

Максимович Карл Иванович (1827–1891) – русский ботаник, академик Петербургской академии наук.

Макушин Алексей Иванович (1856–1927) – врач, общественный деятель. В 1902 г. был избран городским головой Томска. Член Государственной думы

Макушин Петр Иванович (1844–1926) – предприниматель, книгоиздатель, общественный деятель, меценат. В 1876 г. открыл в Томске типографию, а в 1881 г. получил разрешение на издание первой в Томске частной «Сибирской газеты», выпуск которой продолжался до 1888 г. В дальнейшем издавал «Томский справочный листок», преобразованный в 1897 г. в «Сибирскую жизнь». Занимался изданием высококачественной книжной продукции, в том числе «Известий Императорского Томского университета». На его средства в Томске был построен Дом науки

Малец Михаил Николаевич (1875–?) – из мещан, сирота, окончил Орловскую духовную семинарию (1896) и поступил на медицинский факультет Томского университета. В феврале–марте 1899 г. принимал участие в студенческих волнениях и 3 марта 1899 г. был исключен из числа студентов
Малиев Николай Михайлович (1841 – не ранее 1916) – анатом и антрополог, выпускник МХА (1864), доктор медицины (1874), с 1888 г. – экстраординарный, с 1889 г. – ординарный профессор по кафедре нормальной анатомии Томского университета. Секретарь (декан) медицинского факультета (1890–1895). Член-учредитель Общества естествоиспытателей и врачей при Томском университете. Редактор «Известий Императорского Томского университета» (1889–1895). Член-корреспон-дент Парижского антропологического общества (1882). После отъезда из Томска – приват-доцент С.-Петербургского университета

Малиновская (дев. Конисская) **Мария Александровна** (Маруся) (1870–1945) – жена И.А. Малиновского, действительный член Томского отделения Императорского Русского музыкального общества

Малиновская Евгения Иоанникиевна (Женя) – дочь И.А. Малиновского

Малиновская Мария Иоанникиевна (Муся) (1899–?) – дочь И.А. Малиновского

Малиновская Ольга Иоанникиевна – дочь И.А. Малиновского

Малиновская Степанида Матвеевна – мать И.А. Малиновского

Малиновский И.А. (1868–1932) – юрист, и.д. ординарного профессора по кафедре русского права юридического факультета Томского университета

Малков Алексей Иванович – смотритель зданий Томского технологического института *308*

Мамонова Елизавета Алексеевна (дев. Семенова, 1847–?) – жена А.И. Дмитриева-Мамонова. Ее мать – Дарья Федоровна (урожд. Львова).

Манштейн Кристоф Герман (1711–1757) – мемуарист, полковник гвардии (1740), генерал-майор прусской службы, на русской службе в 1736–1744 гг., участник свержения Бирона. Автор «Записок о России»

Мария Федоровна (1847–1928) – российская императрица, супруга Александра II, мать императора Николая II

Марков Павел Алексеевич (1841–1913) – юрист, старший юрисконсульт консультации Министерства юстиции, затем обер-прокурор сначала третьего, потом первого департамента сената, товарищ министра народного просвещения, товарищ главноуправляющего ведомством императрицы Марии. С 1883 г. – товарищ министра юстиции, с 1890 г. – первоприсутствующий гражданского кассационного департамента сената. С 1896 г. – первоприсутствующий общего собрания кассационных департаментов и высшего дисциплинарного присутствия правительствующего сената

Маркс Карл (1818–1883) – немецкий философ, социолог, экономист, писатель, общественный деятель. Сформировал в философии диалектический и исторический материализм, теорию классовой борьбы

Марсель – мастер по изготовлению мебели в Томске

Масловский Александр Федорович (1831–1889) – зоолог, профессор по кафедре зоологии Харьковского университета

Медлин Яков Соломонович (1871–1937) – музыкант, педагог, с 1901 г. – директор Томских музыкальных классов, в 1925–1927 гг. – директор Томского музыкального техникума

Мельников Николай Михайлович (1840–1900) – зоолог, окончил Казанский университет, профессор по кафедре зоологии того же университета

Менделеев Дмитрий Иванович (1834–1907) – химик, в 1865–1890 гг. – профессор Петербургского университета. Член-корреспондент Петербургской академии наук (1876). В декабре 1877 г. был включен в состав особой комиссии при департаменте народного просвещения, созданной для обсуждения проектов, планов и чертежей для предполагаемых зданий Сибирского университета. Почетный член Императорского Томского университета (1904)

Мензбир Михаил Александрович (1855–1938) – зоолог и зоогеограф, основатель отечественной орнитологии, действительный член АН СССР (1929). Профессор (с 1886) и ректор Московского университета (1917–1919)

Мережковский Дмитрий Сергеевич (1866–1941) – русский писатель, поэт, литературный критик, историк, религиозный философ, переводчик, общественный деятель

Мерцалов Василий Иванович (1838–1915) – томский губернатор в 1880–1882. В период его губернаторства были открыты мужская и женская воскресные школы, ремесленное училище братьев Королевых, вышел первый номер «Сибирской газеты». В 1880 г. В.И. Мерцалов возглавил Строительный комитет для возведения зданий Сибирского университета в г. Томске, закладка которого состоялась 26 августа. После отъезда из Томска служил в Петербурге. С 1902 г. – сенатор

Мещеринов Григорий Васильевич (1827–1901) – генерал-губернатор Западной Сибири, наказной атаман Сибирского казачьего войска и командующий войсками Западно-Сибирского военного округа (1881). С 25 мая 1882 г. – командующий войсками Казанского военного округа. Генерал от инфантерии (1883)

Милютин Дмитрий Алексеевич (1816–1912) – генерал-фельдмаршал, в 1861–1881 гг. – военный министр

Милютин Алексей Дмитриевич (1845–1904) – генерал-лейтенант, курский губернатор в 1892–1902 гг.

Миницкий Николай Васильевич (1862–1919) – окончил 3-ю Киевскую мужскую гимназию (1882), библиотекарь Томского университета в 1903–1912 гг.

Миркович Ольга Васильевна (1863–?) – дочь чиновника, окончила с золотой медалью Петербургское Александровское училище (1880), затем выдержала экзамен на звание домашней наставницы с правом преподавания, учредительница и владелица 2-й частной женской гимназии в Томске. В 1919–1920 гг. – сотрудник Института исследования Сибири

Михаил Николаевич (1832–1909) – великий князь, четвертый и последний сын императора Николая I, председатель Государственного совета (1881–1905)

Михайлов – студент Томского университета

Михайлов Василий Васильевич (?–1897) – брат П.В. Михайлова, томский и колыванский купец, золотопромышленник. В Томске в компании с П.И. Макушиным открыл типографию (1878), которая впоследствии печатала «Известия Императорского Томского университета»

Михайлов Петр Васильевич (1832–1906) – томский купец. В 1881 г. вместе с З.М. Цибульским построил кирпичный завод для поставки кирпича на строительство Императорского Томского университета. В 1883–1887 и в 1891–1894 гг. – томский городской голова

Михайловский Иосиф Викентьевич (1867–1921) – правовед, философ, выпускник Киевского университета (1889), ученик Б.Н. Чичерина. Магистр права (1906). С 1904 г. – и.д. экстраординарного профессора по кафедре полицейского права, с 1906 – и.д. ординарного профессора по кафедре энциклопедия и история философского права. Декан юридического факультета (1918). Преподавал на высших историко-философских курсах (1907–1909). Читал лекции по истории и энциклопедии музыки в музыкальных классах Томского отделения Императорского Русского музыкального общества

Мокринский Степан Петрович (1866 – не ранее 1928) – правовед, выпускник Московского университета (1888). Магистр (1902), доктор права (1906). С 1901 г. – экстраординарный профессор, с 1903 г. – ординарный профессор по кафедре уголовного права и уголовного судопроизводства томского университета. В 1910 г. – декан юридического факультета. Один из активных членов Томского отделения партии народной свободы. После Гражданской войны – профессор Саратовского университета

Молотилов Александр Николаевич (1885–1913) – сын священника, окончил Якутскую духовную семинарию (1908) и поступил на медицинский факультет Томского университета

Молчанов Николай Александрович – томский купец 1-й гильдии, член попечительского совета 1-го Сибирского коммерческого училища цесаревича Алексея

Морачевский Андрей Николаевич (И. Зарницын)

Морозов Василий Леонович (1856–1927) – томский купец 2-й гильдии, владелец гостиницы «Европейской», затем «Европы» с ресторанами, сада «Буфф» в Томске с рестораном и летним театром *329*

Мравина Евгения (настоящее имя – Евгения Константиновна Мравинская) (1864–1914) – русская оперная певица, солистка Мариинского театра. Тетка дирижера Евгения Мравинского

Мрочек-Дроздовский Петр Николаевич (1848–?) – правовед, профессор Московского университета по кафедре истории русского права

Муравьев Николай Валерианович (1850–1908) – министр юстиции и генерал-прокурор Российской империи (1894–1905). 12 июля 1897 г. посетил Императорский Томский университет

Муравьев-Амурский Николай Николаевич (1809–1881) – граф, в 1847–1861 гг. – генерал-губернатор Восточной Сибири

Муратов Иван Дмитриевич – директор Томской мужской гимназии. Его супруга, Екатерина Ивановна, была учительницей математики Томской Мариинской женской гимназии

Муратов Владимир Александрович (1867–1916) – психиатр, доктор медицины, в 1910–1911 гг. – экстраординарный профессор по кафедре нервных и душевных болезней Томского университета

Муромов Иннокентий Гаврилович (1844/1845–?) – из семьи чиновника, окончил Иркутскую мужскую гимназию, учился в МХА, но за неимением средств прекратил учебу. Служил на Курско-Харьковской железной дороге. В 1872 г. переехал в Томск, где устроился старшим бухгалтером Государственного банка. В 1881 г. был арестован по делу Сибирского Красного Креста партии «Народная воля». Сидел в Томской тюрьме и был сослан в Восточную Сибирь. В 1909 г. был инспектором страхового общества

Мыш Владимир Михайлович (1873–1947) – хирург, выпускник Военно-медицинской академии (1895). С 1901 г. – экстраординарный, с 1907 г. – ординарный профессор по кафедре теоретической хирургии Томского университета. В 1909 г. возглавил кафедру хирургической факультетской клиники. Главный врач Томского отделения Красного Креста. Был женат на Людмиле Альфонсовне. Она являлась председателем Общества вспомоществования учащим и учившим Томской губернии (1908)

Надеинский Николай Фавстович (1875–?) – с 1896 г. студент медицинского факультета Томского университета. В феврале – марте 1899 г. принял участие в студенческих волнениях и был отчислен, с января 1900 г. вновь принят на медицинский факультет

Наранович Николай Павлович (?–1909) – сын П.А. Нарановича (1801–1874), в 1867–1869 гг. – начальника МХА, двоюродный брат П.П. Нарановича

Наранович Павел Петрович (1853–1894) – архитектор, окончил строительное училище в С.-Петербурге (1878). С 1881 г. строитель Императорского Томского университета. Безвозмездно спроектировал и построил «дом общежития для студентов» (1883–1884). Составлял также проекты интерьеров университетских залов, церкви, аудиторий. С 1885 г. – архитектор университета и архитектор Западно-Сибирского учебного округа. Им были спроектированы и выстроены клинический корпус с деревянными павильонами (1889–1892), гигиенический институт

(старый корпус, 1891–1893) и др. Для учебного округа им были исполнены проекты губернской мужской гимназии и духовной семинарии в Томске

Нарский Федор Александрович (1826–1905?) – генерал-майор, участник Крымской войны, с 1874 по 1880 г. служил в Томске командиром томского резервного батальона. По его инициативе был выстроен манеж, где, помимо прямого назначения устраивались маскарады, танцевальные вечера и спектакли. При нем был насажден Лагерный сад, где любили отдыхать жители города. С 1880 г. служил в Семипалатинской губернии. В 1883–1889 гг. – томский губернский воинский начальник. Затем служил в Баку. Генерал-лейтенант (1890)

Нарышкин Эммануил Дмитриевич (1813–1901) – меценат и благотворитель, принадлежавший к старинному дворянскому роду. С 1856 г. на службе при императорском дворе. Обер-камергер (1884)

Насонов Николай Викторович (1855–1939) – зоолог, до 1880 г. – ассистент Зоологического музея. Профессор по кафедре зоологии Варшавского университета. Член-корреспондент (1897), ординарный академик (1906). В 1906–1921 гг. – директор Зоологического музея Академии наук

Наумов – студент Томского университета

Некрасов Иван Максимович (1850 – после 1917) – томский купец, жертвователь, один из лидеров томского отделения Союза русского народа. Неоднократно избирался гласным Томской городской думы, в 1906–1914 гг. городской голова *315, 317*

Некрасов Николай Виссарионович (1879–1940) – математик и механик, с 1902 г. – преподаватель математики, механики и черчения, с 1906 г. – и.д. экстраординарного профессора по кафедре строительной механики («Мосты») ТТИ. С 1905 г. член партии народной свободы. В 1909–1917 гг. член ЦК этой партии. Депутат 3-й и 4-й Государственной думы. С 6 ноября 1916 г. – товарищ председателя Думы. В 1917 г. – министр путей сообщения Временного правительства. Был женат на Анне Тимофеевне (дев. Кириченко)

Немчинов Яков Андреевич (1813–1894) – тарский 1-й гильдии купец, чаеторговец, золотопромышленник. Пожертвовал на строительство Томского университета 1000 руб.

Ненарокомов Иван Алексеевич – с 1858 г. преподаватель Московской семинарии, затем чиновник канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода, с 1860 г. – секретарь канцелярии Святейшего Синода, с 1864 г. – обер-секретарь, с 1867 г. – член Учебного комитета при Святейшем Синоде, с 1869 г. – директор канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода. Тайный советник

Ненарокомов Николай Иванович – прокурор Томского окружного суда

Ненашев Петр Петрович – томский купец 2-й гильдии, золотопромышленник

Нехорошев Николай Петрович (1889–?) – из семьи чиновника, окончил Томскую мужскую гимназию (1907 г). Учился в Петербургском политехническом институте. В 1913 г. поступил в Томский университет и окончил его в 1918 г.

Никаноров Павел Иванович – врач железнодорожной больницы

Никитенко Александр Васильевич (1804–1877) – историк русской литературы. Окончил Петербургский университет (1828). В 1834–1864 гг. – профессор кафедры словесности. С 1855 г. – академик. С 1833 г. выполнял обязанности цензора. В 1859 г. – директор делопроизводства Комитета по делам печати, в 1860–1865 гг. – член Главного управления цензуры

Никитин Иван Саввич (1824–1861) – русский поэт

Никифоров Михаил Гаврилович (1855–1923) – один из зачинателей сибирского садоводства на юге Енисейской губернии

Николаи Александр Павлович (1821–1899) – российский государственный деятель, член Государственного совета (1875), министр народного просвещения (1881–1882), действительный тайный советник (1873)

Николай I Павлович (1796–1855) – император Всероссийский

Новгородцев Павел Иванович (1866–1924) – правовед, философ, общественный и политический деятель, историк. Приват-доцент (1894), профессор (1902) Московского университета. Депутат 1-й Государственной думы. В 1906–1918 гг. – ректор Московского коммерческого института

Новиков Иван Петрович – генерал-лейтенант, помощник попечителя, затем попечитель Киевского и Петербургского учебных округов

Новомбергский Николай Яковлевич (1871–1949) – правовед и историк, магистр полицейского права (1907), доктор права (1919), доктор исторических наук (1943). С 1906 г. – приват-доцент, с 1908 г. – и.д. экстраординарного профессора. В 1911–1919 гг. – ординарный профессор по кафедре полицейского права Томского университета. Преподавал на высших историко-философских курсах в Томске (1907–1909). Товарищ министра внутренних дел Временного Всероссийского правительства (1918). Член Высшего Сибирского суда по уголовному департаменту при правительстве адмирала А.В. Колчака. Один из организаторов и профессор Омского сельскохозяйственного института. После Гражданской войны работал в советских органах Сибири. Подвергался репрессиям. В 1943–1949 гг. – профессор Архангельского педагогического института, Архангельского медицинского института

Нолькен Карл Станиславович (1858–1919) – барон, в 1905–1908 гг. – томский губернатор

Норов Абрам (Авраам) Сергеевич (1795–1869) – ученый, путешественник и писатель, член Петербургской академии наук. В 1853–1858 гг. – министр народного просвещения

Оболенский Леонид Егорович (псевдоним – Созерцатель; 1845–1906) – литературный критик, беллетрист, философ. С 1881 г. – издатель журнала «Русское богатство», а с 1883 по 1891 г. – редактор

Образцов Евлампий Степанович (1848–1918) – дерматолог, экстраординарный (с 1892 г.), ординарный (с 1900 г.), заслуженный ординарный (с 1908 г.) профессор по кафедре дерматологии и сифилидологии Томского университета

Обручев Владимир Афанасьевич (1863–1956) – геолог, в 1901–1912 гг. – и.д. ординарного профессора Томского технологического института, председатель Томского общества изучения Сибири, сотрудничал с редакцией газеты «Сибирская жизнь». Был женат на Елизавете Исааковне (дев. Лурье, ? –1933)

Овсянкин М.Е. – социалист-революционер, редактировал нелегальную газету «Отголоски борьбы»

Овсянников Филипп Васильевич (1827–1906) – физиолог и гистолог, профессор физиологии и общей патологии Казанского университета, затем профессор физиологии и анатомии С.-Петербургского университета. Ординарный академик Академии наук

Олениченко А.И. – красноярский садовод-любитель

Ольгский Иван Михайлович (?–1898) – врач, окончил медицинский факультет Томского университета с отличием и степенью лекаря в 1895 г.

Ольшевский Павел Валентинович (О-ский) – польский ссыльный, бухгалтер Строительного комитета до 31 августа 1882 г.

Олюнин Дмитрий Федорович (1874–?) – сын священника, окончил Вятскую духовную семинарию, в 1897–1903 гг. студент медицинского факультета Томского университета. Окончил университет со степенью лекаря (1903)

Онисимов Константин Петрович (1888–?) – врач, из семьи священника, в 1910 г. окончил Красноярскую духовную семинарию и в том же году поступил на медицинский факультет Томского университета. Окончил университет в 1915 г. со степенью лекаря

Орлов Дмитрий Дмитриевич (1864–?) – сын священника, после окончания Томской духовной семинарии (1888) поступил на медицинский факультет Томского университета и окончил его со степенью лекаря (1893)

Осипанов Василий Степанович (1861–1887) – русский революционер, народоволец, выпускник Томской мужской гимназии (1880), в 1881–1886 гг. – сту-

дент Казанского университета. Участвовал в заговоре с целью убийства Александра III

Осипов Константин Матвеевич (1873–?) – врач, сын священника, окончил Могилевскую духовную семинарию, в 1894 г. поступил на медицинский факультет Томского университета. Окончил университет со степенью лекаря (1901)

Осокин Евграф Григорьевич (1819–1880) – правовед, ординарный профессор по кафедре финансового права, декан юридического факультета, в 1876–1880 гг. – ректор Казанского университета

Отт Дмитрий Оскарович (1855–1929) – врач, акушер-гинеколог, с 1893 г. – директор Императорского клинического повивального акушерско-гинекологического института. Параллельно с этим, в 1899–1906 гг. – директор Женского медицинского института в С.-Петербурге, профессор, один из основателей Петербургского акушеро-гинекологи-ческого общества (1912) и «Журнала акушерства и женских болезней», председатель общества и главный редактор журнала

Павловский Евфимий Арсеньевич (1872–?) – врач, сын священника, в 1903 г. окончил с отличием и степенью лекаря медицинский факультет Томского университета

Павловский Федор Андреевич – чиновник, сын ректора Харьковского университета Ф.А. Павловского, уполномоченный Министерства финансов

Павский Стефан Егорович (1866–?) – сын священника, после окончания Томской духовной семинарии (1887) в 1888 г. поступил на медицинский факультет Томского университета и окончил его с отличием и степенью лекаря (1893)

Палечек Николай Осипович (1878–1937) – чиновник, с 1902 г. – помощник делопроизводителя, впоследствии вице-директор департамента народного просвещения Министерства народного просвещения, в 1919–1920 гг. – товарищ министра народного просвещения в правительстве А.В. Колчака (1919–1920). По поручению министра просвещения П.Н. Игнатьева занимался изучением вопроса об открытии новых факультетов в Томском и Саратовском университетах и разработкой общего плана по открытию Пермского университета

Парфений (в миру Петр Тихонович Попов, 1811–1873) – епископ Томский и Енисейский в 1854–1860 гг.

Пахман Семен Викентьевич (1825–1910) – юрист, в разные годы профессор Казанского, Петербургского и Харьковского университетов, с 1882 г. – сенатор

Пашутин Виктор Васильевич (1845–1901) – патофизиолог, один из создателей патофизиологической школы в России и патофизиологии как самостоятельной

научной дисциплины. С 1874 г. – профессор кафедры общей патологии Казанского университета, где основал первую в России лабораторию экспериментальной патологии, с 1879 г. – профессор Медико-хирургической академии. С 1890 г. – начальник Военно-медицинской академии; с 1889 г. – председатель медицинского совета министерства внутренних дел

Пергамент Михаил Яковлевич (1866–1932) – правовед, с 1900 г. преподавал гражданское право в Юрьевском университете, в 1906–1911 гг. в Петербургском университете. С 1912 г. – декан юридического факультета Высших женских курсов в Петербурге

Пермикин Николай Григорьевич – горный инженер, сын Г.М. Пермикина (1813–1879), рудознатца и исследователя Восточной Сибири

Песляк Станислав Иванович – томский купец 2-й гильдии

Петр, в миру Екатериновский Федор (?–1889) – епископ Томский и Семипалатинский (1876–1883)

Петров С.П. – московский купец, учредитель известного в Томске торгового дома «Михайлов и Малышев»

Петров Сергей Федорович (1879–?) – студент юридического факультета Томского университета (1899). После окончания с отличием университета (1903) – профессорский стипендиат. Был награжден золотой медалью за сочинение «Воеводы, губернаторы и генерал-губернаторы в Сибири» (1900)

Петров (Родионов) Яков Иванович (1803 или 1807/08–1882) – томский купец 1-й гильдии, потомственный почетный гражданин. Принимал активное участие в общественной жизни Томска, был членом попечительства Алексеевского реального училища

Петрова Марья Александровна – бонна в семье И.А. Малиновского

Петрова-Званцева Вера Николаевна (1876–1944) – русская певица (меццо-сопрано) и педагог, заслуженный деятель искусств РСФСР (1931)

Петухов Нафанаил Назарович – в 1881–1889 гг. – председатель Томского губернского правления, цензор «Сибирской газеты» и «Сибирского вестника»

Пивовонский Яков Иванович (1870 – не ранее 1943) – патологоанатом, выпускник Киевского университета (1895), прозектор при кафедре нормальной анатомии Томского университета (1898–1899). Был женат на Марье Федоровне

Пирусский Владислав Станиславович (1857–1933) – врач, общественный деятель. С 1885 г. – томский окружной врач, в 1890–1891 гг. по совместительству ординатор клиник Императорского Томского университета. В 1890–1895 гг. добровольно исполнял обязанности врача Томского переселенческого района. В 1899–1906 гг. – врач Томского сельского медицинского участка. Был сторонником и пропагандистом здорового образа жизни. Реализация идей

В.С. Пирусского была связана с созданием и деятельностью Общества содействия физическому развитию

Прибылев – томский доктор

Плевицкая Надежда Васильевна (дев. Винникова; 1884–1940) – русская певица, исполнительница русских народных песен и романсов

Плетнев Владимир Дмитриевич (1877–?) – правовед, с 1908 г. экстраординарный профессор по кафедре военно-уголовного судопроизводства Юридической академии. С октября 1910 г. по декабрь 1912 г. – и.д. заведующего библиотекой академии

Плеханов Георгий Валентинович (1856–1918) – теоретик и пропагандист марксизма, философ, видный деятель российского и международного социал-демократического движения. Основатель «Группы освобождения труда» (1883)

Плотников – томский домовладелец

Плотников Михаил Данилович (1826–1910) – тобольский купец, рыбопромышленник, пароходовладелец (с 1864), основатель и владелец фирмы «Буксирно-пассажирское и легко-пассажирское пароходство по рекам Западной Сибири»

Подаруев Петр Иванович – тюменский купец 1-й гильдии, золотопромышленник

Подгоричани-Петрович Михаил Александрович – граф, действительный статский советник, председатель Томского окружных суда, председатель Томского общества земледельческих колоний и ремесленных приютов

Покровская (в замужестве Ревердатто) **Любовь Флегонтовна** (1894–1925), ботаник, выпускница Сибирских высших женских курсов

Покровский Иосиф Алексеевич (1868–1920) – правовед, профессор Киевского университета по кафедре римского права, с 1903 г. – профессор римского права в Петербургском университете, с 1913 г. – профессор Московского коммерческого института

Покровский – студент Томского университета

Померанцев Владимир Аристархович (1860–?) – сын горного инженера с Урала, обучался в Екатеринбургской и Пермской гимназиях, с 1880 г. – студент медицинского факультета Казанского университета

Попов Александр – студент 3-го курса медицинского факультета.

Попов Андрей Алексеевич (? – ранее 1860) – усть-каменогорский купец 2-й гильдии, томский золотопромышленник

Попов Михаил Николаевич (1864–1908) – невропатолог, выпускник Харьковского университета, ученик профессора П.И. Ковалевского, доктор медицины (1892). С 1892 г. – приват-доцент Харьковского университета, с 1895 г. – экстраординарный, с 1903 г. – ординарный профессор Томского университета по кафедре нервных и душевных болезней

Попов Михаил Федорович (1854–1919) – судебный медик, с 1891 г. – экстраординарный, с 1895 г. – ординарный, заслуженный ординарный (1913) профессор по кафедре судебной медицины Томского университета. В 1913–1916 гг. – ректор Томского университета

Поповский Иван Степанович (1856 – не ранее 1913) – анатом, выпускник Киевского университета, доктор медицины (1889). С 1892 г. – экстраординарный профессор по кафедре оперативной с топо-графической анатомией, с 1896 г. – по кафедре нормальной анатомии Томского университета. В 1904 г. уволился со службы по болезни

Парфений (епископ)

Потанин Григорий Николаевич

Потебня Александр Александрович (1869–1935) – электротехник, с 1902 г. – экстраординарный, с 1907 г. – ординарный профессор по кафедре электротехники ТТИ. В 1909–1912 и 1917–1918 гг. – декан механического отделения института. Был женат на Марии Ипполитовне (дев. О’Рурк)

Прасолов Леонид Михайлович (1868–?) – сын чиновника, после окончания Томской мужской гимназии (1887) в 1888 г. поступил на медицинский факультет Томского университета и окончил его в 1893 г. со степенью лекаря

Прейн Павел Яковлевич (1831–?) – красноярский купец 1-й гильдии, с 1875 г. – городской голова и купеческий староста (с 1877 г.) Красноярска

Прейсман Аарон Яковлевич (1870 – между 1943–1945) – врач, выпускник Томского университета (1895), в 1897–1900 гг. – ординатор акушерско-гинекологической клиники Томского университета, старший ординатор Томской общины сестер милосердия РОКК. После Гражданской войны – главный врач центральной гинекологической больницы в Томске (ныне роддом им. Семашко)

Прокошев Павел Александрович (1868 – не ранее 1919) – правовед, доктор права, в 1900 г. – экстраординарный, в 1914–1919 гг. – ординарный профессор по кафедре церковного права юридического факультета Томского университета, в 1918–1919 гг. – главноуправляющий по делам вероисповеданий в правительстве адмирала А.В. Колчака

Пудовиков Владимир Егорович (?–1908) – управляющий Томским отделением Сибирского торгового банка

Пушкин А.С.

Пятницкий Александр Петрович – в 1893–1897 гг. инспектор студентов Томского университета

Раевский Александр Андреевич (1869 – не ранее 1928) – правовед, выпускник Московского университета (1892), магистр права (1903). В 1900–1904 гг. – и.д. ординарного профессора по кафедре полицейского права Томского университета

Рафаелев Василий Иванович (1891–?) – врач, из семьи священника из Тамбовской губернии, окончил Тамбовскую духовную семинарию (1911) и в 1912 г. поступил на медицинский факультет Томского университета

Ревердатто Виктор Владимирович (1891–1969) – геоботаник, доктор биологических наук (1935). Из семьи чиновника, после окончания Томского реального училища (1908) поступил на химическое отделение Томского технологического института и окончил его в 1917 г. Активный участник кружка «маленьких ботаников» при гербарии Томского университета, ученик П.Н. Крылова. Совершил ряд ботанических экспедиций. С 1920 г. – преподаватель, с 1925 г. – профессор, зав. кафедрой геоботаники Томского университета, в 1926–1929 гг. – декан физико-математического факультета. В 1935–1937 гг. – директор Биологического научно-исследовательского института при ТГУ. С 1939 г. – зав. кафедрой систематики высших растений. Декан биологического факультета ТГУ (1943–1944). Директор Медико-биологического института Западно-Сибирского филиала АН СССР (1945–1951). В 1954–1968 гг. – зав. кафедрой биологии Томского медицинского института (ныне СибГМУ). С 1968 г. – старший научный сотрудник лаборатории геоботаники и растительных ресурсов НИИ биологии и биофизики при ТГУ

Рейснер Михаил Андреевич (1868–1928) – правовед, выпускник Варшавского университета (1892). С 1898 г. – и.д. экстраординарного профессора по кафедре политической экономии, в 1899–1903 гг. – и.д. экстраординарного профессора по кафедре государственного права юридического факультета Томского университета. Первый председатель Томского юридического общества (1901). С 1903 г. жил за границей. С 1907 г. преподавал в Петербургском университете. После революции 1917 г. преподавал в Петроградском университете, участвовал в разработке первой советской конституции 1918 г. Один из основателей Коммунистической академии как центра марксистской социальной науки и Русского психоаналитического общества. В 1920-х гг. работал в Наркомпросе РСФСР

Рейтерн Михаил Христофорович (1820–1890) – граф (1890), министр финансов (1862–1878)

Ренкуль Н.А. – пермский инженер и предприниматель, строитель водопровода, газового завода и фонтана в Томском университете

Репрев Александр Васильевич (1853–1930) – патофизиолог, с 1891 г. – экстраординарный, в 1892–1895 гг. – ординарный профессор по кафедре общей патологии Томского университета

Реутовская В.Н. – действительный член Томского отделения Императорского Русского музыкального общества, супруга В.С. Реутовского

Реутовский Вячеслав Степанович (1853–1923) – окружной инженер Томского горного округа, редактор «Вестника золотопромышленности и горного округа вообще». С 1922 г. – заведующий бюро учета полезных ископаемых Сибирского отделения Геолкома

Ржеуский Владислав Иванович (1842–?) – с 1890 г. экзекутор Томского университета

Рогович Николай Афанасьевич (1855–1913) – хирург, с 1890 г. – экстраординарный профессор по кафедре хирургической патологии и терапии, с 1891 г. – экстраординарный, с 1895 г. – ординарный профессор по кафедре хирургической патологии и хирургической факультетской клиники Томского университета

Родзевич Виктор Игнатьевич – лесничий, член Общества естествоиспытателей и врачей при Томском университете, член-казначей Томского отделения Императорского Русского музыкального общества

Родзевич Казимира Феликсовна – действительный член Томского отделения Императорского Русского музыкального общества, супруга В.И. Родзевича

Родственный Павел Александрович – гласный Красноярской думы, присутствовал на закладке Сибирского университета (1880)

Родюков Алексей Доримедонтович (?–1918) – томский купец 2-й гильдии

Розин Николай Николаевич (1871–1919) – правовед, выдающийся отечественный юрист, выпускник Петербургского университета (1895). Магистр (1900), доктор права (1910). С 1898 г. – приват-доцент, с 1900 г. – и.д., с 1911 г. – ординарный профессор по кафедре уголовного права и судопроизводства Томского университета. Проректор (1907–1911), декан юридического факультета (1911–1912). Избирался председателем Томского юридического общества (1902–1909). С ноября 1905 г. входил в редакционный комитет газеты «Сибирская жизнь». Один из организаторов и активных членов Томского отделения партии народной свободы (1905) и по ее спискам был избран в состав II Государственной думы. С 1912 г. ординарный профессор Петербургского университета. Учитель П. Сорокина. Был женат на Екатерине Никандровне

Рудченко Петр Иванович – автор книг о развитии и состоянии местных путей сообщения в России

Руманов Аркадий (Абрам-Исаак) Вениаминович/Бениаминович (1878–1960) – друг Н.К. Рериха, журналист, юрист, коллекционер, меценат. После Гражданской войны – в эмиграции

Рязанов Григорий – томский портной. Его сын, Павел, в то время учился на 1-м курсе юридического факультета, окончил университет в 1902 г. с дипломом 1-й степени, служил в Томской контрольной палате (ум. 1907)

Сабашников Василий Никитич (1820–1879) – кяхтинский купец, чаеторговец и золотопромышленник. Пожертвовал на строительство Томского университета 2500 руб.

Сабинин Сергей Георгиевич (1867 – не ранее 1927) – правовед, магистр права, в 1899–1906 гг. – и.д. экстраординарного профессора по кафедре догмы римского права юридического факультета Томского университета

Сабуров Андрей Александрович (1837–1916) – юрист, товарищ председателя С.-Петербургского окружного суда, затем товарищ обер-прокурора уголовно-кассационного департамента Сената и вице-директор департамента Министерства юстиции. В 1875 г. был назначен попечителем Дерптского учебного округа. С апреля 1880 г. по март 1881 г. – управляющий Министерством народного просвещения. С 1899 г. – член Государственного Совета

Савваитов Павел Иванович (1815–1895) – археолог и историк, член-корреспондент Императорской академии наук (1872), преподавал в Петербургской духовной семинарии, с 1868 г. – правитель дел ученого комитета Министерства народного просвещения

Саввин Витт Николаевич (1874–1933) – хирург, с 1909 г. – экстраординарный, с 1912 г. – ординарный профессор по кафедре оперативной хирургии и топографической анатомии Томского университета. В 1916–1918 гг. – декан медицинского факультета. В мае 1918 г. – и.о. ректора университета. Участник русско-японской войны. Активный инициатор открытия Сибирских высших женских курсов (1910), в 1912 г. – директор курсов. В 1922–1929 гг. – ректор Томского университета. Был женат на Анне Александровне (1875–?)

Салищев Всеволод Эрастович (1886–1960) – хирург, сын Э.Г. Салищева, впоследствии профессор Московского медицинского института *401*

Салищев Эраст Гаврилович (1851–1901) – выдающийся хирург, с 1890 г. – экстраординарный, с 1891 г. – ординарный профессор по кафедре оперативной хирургии, с 1892 г. – ординарный профессор по кафедре госпитальной хирургической клиники Томского университета. В 1892–1893 гг. – председатель Общества естествоиспытателей и врачей при Томском университете

Салищева (дев. Галабутско) Вера Андреевна (1861–1940) – дочь протоиерея, училась на Высших женских курсах проф. П.Ф. Лесгафта, жена Э.Г. Салищева

Самойлов Сергей Николаевич – начальник коммерческого отдела Томского округа путей сообщения

Сапожников Василий Васильевич (1861–1924) – физико-географ, ботаник, ученый-путешественник, ученик К.А. Тимирязева. Магистр (1890), доктор физиологии (1896). С 1893 г. – экстраординарный, с 1901 г. – ординарный профессор по кафедре ботаники Томского университета. Один из организаторов Сибирских высших женских курсов (1910). Ректор Томского университета (1906–1909, 1917–1918). Вторым браком был женат на Софье Александровне (дев. Боярская, 1874–1947)

Сапожникова Надежда Владимировна (дев. Ловейко, 1859–1941) – первая жена В.В. Сапожникова.

Сапожникова Софья Александровна (дев. Боярская, 1874–1947) – вторая жена В.В. Сапожникова

Семенов Яков Иванович – член Томского окружного суда *315, 316,*

Сергеевич Василий Иванович (1832–1911) – правовед, ординарный профессор кафедры истории русского права, ректор Санкт-Петербургского университета (1897–1899)

Сергиевская Лидия Палладиевна (1897–1970) – ботаник, доктор биологических наук (1954), профессор (1956). Из семьи священника. Окончила Томское женское епархиальное училище (1914), затем училась на естественном отделении Сибирских высших женских курсов (1915–1920). Ученица П.Н. Крылова. С 1921 г. – младший хранитель Гербария ТГУ, с 1931 г. – хранитель Гербария. С 1942 г. – доцент кафедры морфологии и систематики высших растений, с 1954 г. – доцент, с 1956 г. – профессор кафедры ботаники ТГУ. Продолжила после смерти П.Н. Крылова издание «Флоры Западной Сибири» в 12 т., занималась изучением флоры и растительного покрова Сибири

Сергиевский Николай Александрович (1831–1900) – чиновник, с 1 марта 1866 г. – директор Канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода, в 1869–1899 гг. – попечитель Виленского учебного округа, тайный советник, сенатор

Сибиряков Александр Михайлович (1849–1933) – иркутский купец, золотопромышленник, меценат. Пожертвовал Томскому университету в 1878 г. 100 тыс. руб. на учебно-вспомогательные учреждения. Приобрел для университетской библиотеки библиотеку поэта В.А. Жуковского. В 1904 г. был избран почетным членом Императорского Томского университета. Его портрет был установлен в актовом зале главного корпуса Томского университета

Сибиряков Иннокентий Михайлович (1860–1901) – брат А.М. Сибирякова, потомственный почетный гражданин, иркутский купец 1-й гильдии. Благотворитель на ниве просвещения. Финансировал ряд научных экспедиций Восточно-

Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Пожертвовал ряд предметов для Археологического музея Томского университета

Сидонский Алексей Александрович (1874–?) – сын священника, окончил Томскую духовную семинарию (1896) и поступил на медицинский факультет Томского университета. Окончил с отличием и степенью лекаря Томский университет в 1901 г.

Сидоров Михаил Константинович (1823–1887) – предприниматель, купец, меценат, золотопромышленник, писатель, исследователь русского Севера, зоолог

Скавинский Адольф Юрьевич (?–1917) – томский практикующий врач

Скерлетов Николай Павлович (1827–?) – полковник

Склифосовский Николай Васильевич (1836–1904) – хирург, заслуженный профессор, директор Императорского клинического института великой княгини Елены Павловны в С.-Петербурге

Скороходов Алексей Александрович (1868–1924) – инспектор Томского 3-классного ремесленного училища, преподаватель физики и счетоводства в 1896–1907 гг. Гласный Томской городской думы (1902–1905). Депутат 3-й Государственной думы

Славянский Кронид Федорович (1847–1898) – выдающийся акушер и гинеколог, с 1876 г. – профессор гинекологии Казанского университета. С 1877 г. возглавлял пропедевтическую акушерскую клинику МХА, а с 1883 г. – госпитальную акушерскую клинику

Смирнов Алексей Ефимович (1859–1910) – гистолог, выпускник медицинского факультета Казанского университета (1884), ученик К.А. Арнштейна. С 1895 г. – экстраординарный, 1901 г. – ординарный профессор по кафедре гистологии Томского университета. В 1898–1909 гг. – секретарь медицинского факультета. В 1896–1903 гг. – председатель Общества естествоиспытателей врачей при Томском университете. В 1908–1910 гг. – организатор и председатель Пироговского студенческого общества

Смирнов Николай Васильевич – кузнецкий купец, торговал мануфактурой и другими товарами

Смирнов Иннокентий Павлович (1866–?) – сын священника, после окончания Томской духовной семинарии (1887) в 1888 г. поступил на медицинский факультет Томского университета и окончил его в 1893 г. с отличием и степенью лекаря

Смородинцев Александр Аристархович (1867–1937) – врач, сын чиновника, после окончания Уфимской духовной семинарии (1888) поступил на медицинский факультет Томского университета и окончил его с отличием и степенью

лекаря в 1893 г. В дальнейшем работал врачом в Башкирии. Репрессирован в 1937 г. Реабилитирован в 1958 г.

Собинов Леонид Витальевич (1872–1934) – русский оперный певец (лирический тенор), народный артист РСФСР, крупнейший представитель русской классической вокальной школы

Соболев Михаил Николаевич (1869 – не позднее 1945) – экономист, магистр политической экономии, в 1899–1912 г. – и.д. ординарного профессора по кафедре политической экономии юридического факультета Томского университета. После отъезда из Томска работал в вузах Харькова и Москвы. Супруга – Вера Петровна

Соколов Алексей Викулович (1849–1894) – бийский купец 2-й гильдии. Избирался гласным Бийской городской думы, занимался активной благотворительной деятельностью. Пожертвовал на строительство Томского университета 1000 руб.

Соколов Михаил Григорьевич – чиновник, статский советник, председатель Тобольского губернского правления. Уволен со службы и привлечен к дознанию «за сочувствие и послабление государственному преступнику М.Ил. Михайлову и В.А. Обручеву» во время их проезда в 1862 г. через Тобольск. 9 июля 1865 г. дело о нем было рассмотрено комитетом министров и передано в Сенат, который постановил «предать суждению Тобольского губернского суда за бездействие и превышение власти». Затем медицинский инспектор Западной Сибири

Сольский Дмитрий Мартынович (1833–1910) – граф, статс-секретарь Его Императорского Величества (с 1864 г.). Государственный секретарь (1867–1878). Государственный контролер России (1878–1889)

Сорокин Ефим Иванович (1829–?) – томский купец 2-й гильдии, крупный домовладелец

Сосулин Степан Егорович – томский купец 1-й гильдии. Имел дачу под Томском, построенную в свое время декабристом Г.С. Батеньковым

Спафарий (Милеску-Спэтару Николае) Николай Гаврилович (1636–1708) – российский дипломат и ученый, знаменит своими учеными трудами и посольством в Китай

Сперанский Михаил Михайлович (1772–1839) – русский общественный и государственный деятель в царствование Александра I и Николая I, реформатор, действительный член Императорской академии наук (1831). Воспитатель наследника-цесаревича Александра Николаевича

Стахеев Дмитрий Иванович (1816–1888) – елабужский купец, вел обширную торговлю: хлебную, мануфактурную и чайную

Страленберг Филипп Иоганн фон (1676–1747) – немецкий офицер на шведской службе, географ, лингвист и писатель, участник Полтавской битвы. Попав

в плен, он был сослан в Сибирь, где пробыл 13 лет. Сопровождал немецкого ученого Д.Г. Мессершмидта в его экспедиции в Сибири.

Стенбок-Фермор Иван Васильевич (1859–1917) – граф, титулярный советник, служащий в государственной канцелярии, впоследствии депутат III Государственной Думы от Херсонской губернии (фракция правых)

Стоюнина Мария Николаевна – педагог, директор женской гимназии в Петербурге, супруга Владимира Яковлевича Стоюнина (1826–1888), выдающегося русского педагога

Стрельцов Зосима Иванович (1831–1885) – гистолог, доктор медицины (1874), доцент, затем и.д. экстраординарного профессора Харьковского университета. В последние годы своей жизни он много работал над большим трудом – «История развития»

Строганов Александр Григорьевич (1795–1891) – граф, выпускник Института корпуса инженеров путей сообщения. В 1813 г. участвовал в заграничном походе русской армии. В 1834 г. назначен товарищем министра внутренних дел. В 1836–1838 гг. – черниговский, полтавский и харьковский генерал-губернатор. С 1839 по 1841 г. – управляющий министерством внутренних дел. С 1849 г. – член Государственного Совета. В 1854 г. – военный губернатор С.-Петербурга. Затем новороссийский и бессарабский генерал-губернатор. Генерал-адъютант. Президент Общества истории и древностей России в Одессе. Много сделал пожертвований в местный музей. Подарил огромную библиотеку Томскому университету

Строганов Григорий Александрович (1770–1857) – граф, сын А.Н. Строганова. Получил домашнее образование. В 1787 г. отправился в заграничное путешествие. Побывал в Швейцарии, Франции. В 1804 г. был направлен посланником в Мадрид. В 1812 г. назначен чрезвычайным посланником и полномочным послом в Швеции. В 1816 г. возглавил миссию в Константинополь. В 1821 г. произведен в чин действительного тайного советника. Член Государственного Совета (1827). В 1838 г. официально представлял Россию на коронации английской королевы Виктории. В дальнейшем обер-камергер, обер-шенк, почетный член Петербургской Академии наук. Двоюродный дядя и опекун Н.Н. Пушкиной и ее детей

Строганов Николай Сергеевич (1836–1906) – сын С.Г. Строганова, чиновник по особым поручениям при Министерстве внутренних дел. Действительный статский советник

Строганов Сергей Григорьевич (1794–1882) – граф, генерал-адъю-тант, член Государственного совета. Брат А.Г. Строганова. Обучался в Институте корпуса инженеров путей сообщения. Участник Отечественной войны 1812 г. и Крымской войны 1853–1856 гг. В 1831–1834 гг. – военный губернатор в Риге и Минске.. попечитель Московского учебного округа. В 1859–1860 гг. – московский генерал-губернатор. В 1863-1865 гг. – председатель Комитета железных дорог.

В 1837–1874 гг. – председатель Общества истории и древностей российских при Московском университете. Владелец фамильной художественной галереи, открытой для художников и любителей, основатель Московского художественно-промышленного училища (Строгановского) в 1825 г., попечи-тель Московского учебного округа (1835–1847), основатель (1859) и председатель Археологической комиссии, воспитатель Цесаревича Николая Александровича

Судакевич Иван Иванович (1859–1896) – патологоанатом, выпускник Киевского университета (1884). Доктор медицины (1886). С 1892 г. – экстраординарный профессор по кафедре патологической анатомии Томского университета

Судаков Александр Иванович (1851–1914) – гигиенист, выпускник МХА (1875), доктор медицины (1890). С 1890 г. – экстраординарный, в 1891–1910 гг. – ординарный профессор по кафедре гигиены Томского университета. Секретарь медицинского факультета (1895). В 1898–1899 гг. временно замещал попечителя Западно-Сибирского учебного округа. Ректор (1892–1894, 1895–1903)

Супруненко Андрей Петрович – томский губернатор в 1872–1880 гг.

Сухов Василий Никифорович (?–1888) – барнаульский купец, занимался благотворительностью, пожертвовал на строительство Томского университета 3 тыс. руб.

Сытин Иван Дмитриевич (1851–1934) – предприниматель, книгоиздатель, просветитель

Табашников Иван Григорьевич (1844–1913) – правовед, выпускник Петербургского университета (1873), экстраординарный профессор Новороссийского университета, в 1898–1902 гг. – и.д. ординарного профессора по кафедре римского права Томского университета, декан юридического факультета

Таганцев Николай Степанович (1843–1923) – юрист, криминалист, государственный деятель. С 1887 г. сенатор кассационного департамента Сената, а с 1897 г. – первоприсутствующий в этом департаменте. С 1903 г. – член Комиссии по разработке нового Уголовного уложения при Министерстве юстиции, с 1906 г. – член Государственного Совета

Тарасов Иван Трофимович (1849–1929) – правовед, с 1878 г. – профессор Демидовского юридического лицея в Ярославле, с 1889 г. – профессор полицейского права в Московском университете. Руководил университетским отделением Катковского лицея

Тартаков Иоаким Викторович (1860–1923) – артист оперы, оперетты, концертный певец, режиссер и вокальный педагог. Заслуженный артист императорских театров (1911). Заслуженный артист Республики (1923)

Тепляшин Петр Елисеевич (1866–?) – сын священника, после окончания Вятской духовной семинарии (1888) учился на медицинском факультете Томского университета и окончил его с отличием и степенью лекаря (1893). После окон-

чания университета работал сельским врачом в Томской губернии. С 1900 г. – сверхштатный младший медицинский чиновник при Медицинском департаменте Министерства внутренних дел. Доктор медицины (1900)

Тернер Михаил Яковлевич (1869–1937) – управляющий конторой газеты «Сибирская жизнь», после Гражданской войны – управляющий типографией, технический редактор издательства «Красное знамя».

Тецков Дмитрий Иванович (1810–1882) – томский купец, в 1864–1874 гг. – томский городской голова. В 1864–1871 гг. – директор Сибирского общественного банка в Томске

Тецков Дмитрий Иванович (1810–1882) – томский предприниматель, купец 1-й гильдии

Тимашев Сергей Михайлович (1866–1922) – педиатр, сын священника, после окончания Уфимской духовной семинарии (1887) поступил (1888) на медицинский факультет Томского университета. Окончил университет с отличием и степенью лекаря (1893). После окончания университета – ординатор при факультетской детской клинике. В 1896 г. защитил диссертацию на степень доктора медицины. С 1897 г. – приват-доцент при кафедре детских болезней, затем заведующий клиникой детских болезней. С 1901 г. – экстраординарный, с 1907 г. – ординарный профессор по кафедре детских болезней

Тимофеевский Дмитрий Иванович (1852–1903) – патофизиолог, выпускник медицинского факультета Московского университета (1878), ученик Л.З. Мороховца. С 1895 г. – экстраординарный, с 1903 г. – ординарный профессор по кафедре общей патологии Томского университета

Тимирязев Климент Аркадьевич (1843–1920) – русский естествоиспытатель, физиолог, основоположник научной школы по физиологии растений, профессор Московского университета, член-корреспондент Петербургской академии наук (1890), Российской академии наук (1917)

Тираспольский Григорий Львович (1870–1947) – механик, и.д. экстраординарного профессора по кафедре прикладной механики и машиностроения ТТИ (1902–1908). В 1908 был уволен в отставку, согласно прошению. Работал в банке в С.-Петербурге. С 1920 г. – эмиграции. Был женат на Раисе Михайловне

Титов Валериан Семенович (1884–?) – сын священника, окончил Томскую духовную семинарию (1905), в 1906 г. поступил на медицинский факультет Томского университета и окончил его

Тихомиров Александр Андреевич (1850–1931) – зоолог, с 1888 г. – профессор Московского университета, с 1899 г. – ректор, в 1896–1904 гг. – директор зоологического музея при университете. В 1911–1917 гг. – попечитель Московского учебного округа

Тихомиров А.Д. – студент Императорского Московского университета

Тихонравова Наталья Андреевна (урожденная Виноградова, 1869–?) – педагог, выпускница Фребелевских (1897) Лесгафтовских и курсов (1900). Одновременно училась в школе врачебно-педагогической гимнастики С. Эйнгорна. В 1898 г. получила звание мастерицы С.-Пе-тербургской ремесленной управы. В 1901 г. открыла в Томске детский сад для воспитания детей дошкольного возраста. Одновременно состояла в должности преподавательницы рукоделия и гимнастики в Томском Александровском женском городском училище и на временных женских педагогических курсах. В 1902 г. открыла частное начальное училище 3-го разряда, а в 1907 г. частное женское учебное заведение 1-го разряда

Тобизен Герман Августович (ок. 1847 – 1917) – гофмейстер, тайный советник, томский губернатор в 1890–1895 гг.

Тобизен Зинаида Семеновна – супруга томского губернатора Г.А. Тобизена

Толмачев Александр Николаевич – чиновник, с 1900 г. окружной инспектор Западно-Сибирского учебного округа, окончил С.-Петер-бургский университет. М.Л. Толмачева, жена А.Н. Толмачева

Толстой Дмитрий Андреевич (1823–1889) – граф, член Государственного Совета (1866); Обер-прокурор Святейшего Правительствующего Синода (1865–1880); министр народного просвещения (1866–1880). Министр внутренних (1882–1889). Провел реформу среднего образования (1871). При Толстом открыты: историко-филологический институт в С.-Петербурге (1867), Варшавский университет и сельскохозяйственный институт в Новой Александрии (1869), русская филологическая семинария в Лейпциге для приготовления учителей древних языков (1875); Нежинский лицей преобразован в историко-филологический институт, а Ярославский лицей – в юридический лицей. В 1878 г. был учрежден первый университет в Сибири

Толстой Лев Николаевич (1829–1910) – граф, русский писатель, член-корреспондент (1873), почетный академик (1900) Петербургской академии наук

Томашинский Григорий Северинович (?–1901) – правитель канцелярии Западно-Сибирского учебного округа, затем непременный член по крестьянским делам общего присутствия губернского правления. Принимал активное участие в работе Томского отделения Императорского музыкального общества

Трапезников Александр Константинович (1821–1895) – иркутский купец 1-й гильдии, потомственный почетный гражданин. Пожертвовал Томскому университету 10 тыс. руб. На этот капитал были учреждены 2 студенческие стипендии в 1889 г.

Трескин Николай Иванович (1763–1842) – в 1806-1819 гг. –иркутский гражданский губернатор, действительный статский советник

Триполитова Таисия Кириаковна (1891–?) – ботаник, дочь сына вольного штурмана, окончила Томскую Мариинскую гимназию, в 1916 г. – естественное отделе-

ние Сибирских высших женских курсов (СВЖК), работала лаборантом ботанического кабинета СВЖК, в 1920-х гг. – старший ассистент по систематике растений физико-математического факультета Томского университета. Занималась ботаническими исследованиями под руководством П.Н. Крылова

Трубецкой Николай Николаевич – князь, инженер для особых поручений службы ремонта пути и зданий Сибирской железной дороги

Турбаба Дмитрий Петрович (1863–1933) – химик, с 1900 г. – экстраординарный, с 1901 г. – ординарный профессор кафедры химии ТТИ. После Гражданской войны преподавал в Самарском и Симферо-польском университетах. Был женат на Софье Корниловне (дев. Запорожцева, 1859–?)

де Турнефор Вишневский Иосиф Юлианович (1848–?) – выпускник Парижской академии, бакалавр словесных наук, учитель немецкого языка в Алексеевском реальном училище в Томске, в 1885–1886 гг. – помощник библиотекаря Сибирского университета. После отъезда из Томска преподавал в Читинской мужской гимназии

Тюменцев Гавриил Константинович (1842–1931) – педагог, директор Томского реального училища в 1877–1907 гг. Занимался метеорологическими наблюдениями в Томске. Им была собрана и передана Томскому университету уникальная коллекция печатных изданий по Сибири

Тюменцев Константин Гавриилович – гляциолог, сын Г.К. Тюменцева, студент горного отделения Томского технологического института. В 1933 г. возглавлял Алтайскую ледниковую экспедицию АН СССР

Тютрюмова Феофания Николаевна – музыкант, преподаватель по классу рояля музыкальных классов Томского отделения Императорского Русского музыкального общества

Уляницкий Владимир Антонович (1854–1920) – правовед, магистр (1883), доктор (1900) международного права. В 1901–1911 гг. – ординарный профессор Томского университета по кафедре международного права. Проректор (1907). Заслуженный ординарный профессор (1910). С 1911 г. – профессор Казанского университета

Усанович Иван Львович – юрист, мировой судья 3-го участка г. Томска, член Томского юридического общества. После отъезда из Томска нотариус в Омске

Усачев Александр Петрович (1854–1910) – томский предприниматель, член-учредитель товарищества «А. Усачев и Г. Ливен»

Уткин Леонид Антонович (1884–1964) – биолог, доктор биологических наук (1939), профессор. Из крестьян Вятской губернии, сирота, окончил Томское духовное училище, затем духовную семинарию (1906 г.) и поступил на медицинский факультет Томского университета. Принимал участие в экспедициях под руководством П.Н. Крылова и В.В. Сапожникова, изучал флору Сибири и

Монгольского Алтая. После окончания университета (1912) был оставлен лаборантом кафедры фармации и фармакогнозии. С 1914г. – младший ассистент той же кафедры. В 1916–1923 гг. – зав. лекарственным отделом Тифлисского ботанического сада. В 1921–1929 гг. – преподаватель агрономического факультета Тифлисского (Тбилисского) университета. С 1930 по 1947 г. работал в научных учреждениях Москвы и Ленинграда. В 1947–1956 гг. – зав. кафедрой ботаники Челябинского государственного педагогического института

Ушаров – резчик

Фаминицын Андрей Сергеевич (1835–1918) – ботаник, академик Петербургской АН (1884). Профессор Петербургского университета (1867-1889). Основатель (1890) и директор лаборатории анатомии и физиологии растений АН (ныне институт физиологии растений им. К.А. Тимирязева АН СССР). Основоположник петербургской школы физиологов растений

Федоров Александр Михайлович – учитель графических искусств в Томском первом мужском высшем начальном училище

Федоров Адольф Феодорович – педагог, директор Томского Алексеевского реального училища с 1909 г.

Федорова (дев. **Иванова) Софья Львовна** – преподаватель русского языка в Томской Мариинской женской гимназии с 1908 г.

Феодор Кузьмич (ум. 1864) – старец, поселившийся в 1858 г. в доме томского купца С.Ф. Хромова, а затем в келии, по легенде это Александр I, инспирировавший свою смерть в Таганроге (1825) и ушедший в мир в образе старца, канонизирован в 1984 г.

Флоринская Мария Леонидовна – супруга В.М. Флоринского

Флоринская Ольга Васильевна (Олечка) – дочь В.М. Флоринского

Флоринский Василий Маркович

Фойницкий Иван Яковлевич (1847–1913) – криминалист, ординарный профессор Петербургского университета, товарищ обер-прокурора Уголовного кассационного департамента Правительствующего сената

Фридерикс Платон Александрович (1828–1888) – барон, генерал-адъютант, в 1873–1879 гг. генерал-губернатор Восточной Сибири

Фуксман Григорий Ильич – томский купец 2-й гильдии и предприниматель

Хвостов Вениамин Михайлович (1868–1920) – социолог, правовед, философ. Окончил юридический факультет Московского университета. С 1899 г. – профессор права Московского университета. Преподавал на Высших женских курсах и в университете А.Л.Шанявского, сотрудничал в журнале «Вопросы философии и психологии»

Ходнев Алексей Иванович (1818–1883) – химик, профессор Киевского и Харьковского университетов, член Ученого комитета Министерства народного просвещения

Хромов Семен Феофанович (1813–1893) – купец 2-й гильдии, золотопромышленник. В усадьбе Хромова в специально выстроенной келье жил старец Федор Кузьмич

Хроновская Мария Федоровна – супруга И.Н. Хроновского, в 1890-х гг. начальница дневного приюта для детей «Ясли

Хроновский Иван Неронович (1864–1921) – управляющий Томской казенной палатой в 1897-1904 гг. Товарищ министра финансов в правительстве А.В. Колчака

Хрущев (Хрущов) Алексаандр Петрович (1806–1875) – генерал, герой обороны Севастополя. В 1866–1874 гг. – генерал-губернатор и командующий войсками Западной Сибири, войсковой наказной войсковой атаман Сибирского казачьего войска

Цветаев Аполлон Андреевич (1872–1937) – сын священника Нижегородской губернии. По окончании Нижегородской духовной семинарии (1892 г.) поступил на медицинский факультет Томского университета. Окончил курс в 1897 г. Государственные экзамены сдавал в Казанском университете. В дальнейшем доктор медицины, в 1920–1924 гг. – зав. кафедрой гигиены Кубанского медицинского института

Цибульская (урожд. **Бобкова) Феодосья Емельяновна** (?–1885) – супруга З.М. Цибульского

Цибульский Захарий Михайлович (1817–1882) – томский купец 1-й гильдии, золотопромышленник. В 1879–1882 гг. – томский городской головой Томска. В 1876 г. пожертвовал 100 тыс. руб. на строительство Сибирского (Томского) университета, а позднее еще 40 тыс. руб. В 1880–1882 г. – член Строительного комитета. В 1879–1882 – городской голова. Портрет З.М. Цибульского был установлен в актовом зале Томского университета

Челышев Михаил Дмитриевич (1866–1915) – предприниматель, в 1907–1912 гг. – депутат Государственной думы Российской империи третьего созыва (1907–1912)

Чернышевский Николай Гаврилович (1828–1889) – русский философ-утопист, революционер-демократ, литературный критик, публицист и писатель

Чистович Анна Петровна (?–1918) – вдова Якова Алексеевич Чистовича (1820–1885) – врача, выпускника МХА, доктора медицины (1848), историка русской медицины, редактора «Медицинского вестника»

Чистяков Павел Иванович (1867–1959) – офтальмолог, выпускник медицинского факультета Томского университета (1898), с 1902 г. – ординатор, с 1903 г. – лаборант, в 1911–1920 гг. – приват-доцент при кафедре офтальмологической факультетской клиники. Профессор (1920). С 1923 г. работал в Пермском (Молотовском) медицинском институте

Чистяков Иван Григорьевич (?–1911) – томский купец, зять купца-золотопромышленника С.Ф. Хромова

Чубинский Михаил Павлович (1871–1943) – правовед, доктор уголовного права, профессор (1900–1902) и директор Ярославского Демидовского юридического лицея (1906–1909). Сын этнографа П.П. Чубинского. Получил образование в Киевской коллегии Павла Галагана и в Университете св. Владимира

Чугунов Андрей Кириллович (1827–1898) – технолог, выпускник Казанского университета (1855). Состоял в штате канцелярии Главного управления Западной Сибири. В 1857 г. был перемещен в Казанский университет адъюнктом по кафедре технологии. Профессор университета до 1886 г.

Чугунов Михаил Сергеевич (1881–?) – сын С.М. Чугунова. Окончил медицинский факультет Томского университета (1905)

Чугунов Сергей Михайлович (1854 – не позднее 1925) – анатом, доктор медицины (1899), с 1888 г. – помощник прозектора, с 1891 г. – прозектор, в 1902–1906 гг. приват-доцент при кафедре оперативной хирургии. С 1908 г. – сверхштатный ассистент, с 1915 г. – младший ассистент при кафедре зоологии Томского университета. Занимался исследованиями в области антропологии, зоологии и археологии. Организовал ряд экспедиций по Сибири *353, 412*

Чулков Даниил (Данило) – казак, в 1587 г. вместе с отрядом казаков Даниила заложил острог, ставший Тобольском, одним из первых русских городов в Сибири

Шаблиовский Николай Николаевич – член Томского окружного суда, член юридического общества при Томском университете

Шакуло Юрий Иванович (1835–1903) – певец (бас) и педагог

Шаляпин Федор Иванович (1873–1938) – великий русский певец (бас). Народный артист Республики (1918)

Шашков Серафим Серафимович (1841–1882) – историк, публицист, писатель, областник. В 1860 поступил в Казанскую духовную академию. В 1861 г. был исключен за участие в панихиде по жертвам Бездненского выступления 1861 г.. С 1861 г. жил в Петербурге; член «сибирского кружка» Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева, сотрудник журнала «Век», «Искра», «Слово». В 1863 г. переехал в Красноярск, в 1864–1865 гг. читал публичные лекции по истории Сибири. Летом 1865 г. был арестован в Иркутске за участие в «обществе независимости

Сибири», в 1868–1874 гг. в ссылке в Архангельской и Воронежской губерниях. С 1866 г. – один из ведущих сотрудников журнала «Дело»

Шварц Александр Николаевич (1848–1915) – филолог-классик, министр народного просвещения (1908–1910)

Швецов Сергей Порфирьевич (1858–1930) – революционер-народник, политссыльный. Участник «хождения в народ». В 1879 г. приговорен к лишению всех прав состояния и бессрочной ссылке в Западную Сибирь. Отбывал ее в Сургуте, Таре, Тюкалинске, Ялуторовске. Занимался изучением общины и собирал статистические сведения о переселенцах. С 1900 г. жил в Томске, находясь под негласным надзором полиции. Работал в Томском горном управлении. В 1902 г. участвовал в создании нелегальной организации социалистов-револю-ционеров. Редактировал нелегальную газету «Отголоски борьбы». После Октябрьской революции отошел от политической деятельности, занимался научной работой

Шевелев Николай Артемьевич (сценический псевдоним; настоящая фамилия Шевелюхин) (1874–1929) – артист оперы, камерный певец и педагог

Шевченко Тарас Григорьевич (1814–1861) – украинский художник, поэт и прозаик. Академик Императорской академии художеств (1860)

Шевырева Т.И.

Шестаков Петр Дмитриевич (1826–1899) – педагог и писатель. Окончил историко-филологический факультет Московского университета. Был инспектором, потом директором смоленской гимназии. В 1860–1863 гг. – инспектор Московского университета; в 1863 г. назначен помощником попечителя Казанского учебного округа, а с 1865 г. – попечитель того же округа

Шестаков – смотритель материалов на строительстве Томского университета

Шингарев Андрей Иванович (1869–1918) – один из основателей кадетской партии (с 1908 г. член ЦК партии). Член II–IV Государственных дум. Во Временном правительстве – министр земледелия; с 5 мая по 2 июля 1917 г. министр финансов. Арестован в ноябре 1917 г., содержался в Петропавловской крепости. 6 января 1918 г. переведен вместе с Ф.Ф. Кокошкиным в Мариинскую больницу, где они были на следующий день убиты матросами и красногвардейцами

Шипачев Василий Герасимович (1884–1957) – врач, выпускник медицинского факультета Томского университета (1913). Занимался научно-исследовательской работой, дважды был награжден золотой (1910) и серебряной (1911) за сочинения. Доктор медицины (1919). С 1921 г. – профессор и зав. кафедрой общей хирургии Иркутского университета. С 1933 г. – зав. кафедрой госпитальной хирургии Иркутского мединститута. Председатель правления Иркутского хирургического общества в 1946–1952 гг. Заслуженный деятель науки РСФСР (1944)

Шипицын Александр Николаевич (1867 – ок. 1921) – политссыльный, сотрудник «Сибирской жизни», гласный томской городской думы

Ширинский-Шихматов Александр Прохорович (1822–1884) – князь, государственный деятель, сенатор, президент Московского общества испытателей природы (1867–1872). Попечитель Киевского (1864–1867) и Московского (18671874) учебных округов, товарищ министра народного просвещения (18741880)

Ширков Дмитрий – тобольский купец, пароходовладелец.

Шишкин Борис Константинович (1886–1963) – ботаник, член-корреспондент АН СССР (1943). Из семьи священника. После окончания Вятской духовной семинарии (1906) поступил на медицинский факультет Томского университета. Занимался ботаническими исследованиями под руководством П.Н. Крылова.(После окончания университета (1911) – лаборант, с 1915 г. – старший ассистент при кафедре ботаники. Принимал участие в экспедициях В.В. Сапожникова в Семипалатинскую и Семиреченскую области (1912, 1913, 1914). С 1914 г. – хранитель ботанического кабинета. В 1915 г. был призван в армию в качестве военного врача. В 1917–1924 гг. работал в научных учреждениях и вузах Тифлиса (Тбилиси). С 1925 г. – заведовал кафедрой морфологии и систематики растений и ботаническим кабинетом физико-математи-ческого факультета ТГУ. С 1930 г. – старший ботаник Ботанического музея АН СССР в Ленинграде, с 1932 г. – старший ботаник, с 1934 г. – заместитель заведующего, с 1945 г. – заведующий отделом систематики и географии высших растений Ботанического института АН СССР. С 1938 по 1950 г. – директор Ботанического института АН СССР. В 1945–1958 гг. – зав. кафедрой систематики растений ЛГУ. Лауреат сталинской премии (1952).

Шишлов Иван Николаевич (1874–1938) – с 1901 г. студент юридического факультета Томского университета. После окончания университета (1905) работал юристом. Перед арестом (1938) – юрисконсульт Дальлага НКВД в Хабаровске

Штакельберг Олаф Романович (1818–1903) – барон, командующий отрядом Тихоокеанской эскадры в 1877–1881 гг.

Штукенберг Владимир Антонович – чиновник, коллежский советник, помощник начальника Сибирской железной дороги

Шульгин Николай Захарович – сенатор кассационного департамента.

Шух Владимир Эмильевич – юрист, товарищ Тобольского губернского прокурора, затем член Омского окружного суда

Щапов Афанасий Прокофьевич (1831–1876) – сибирский историк, публицист, писатель, философ. С 1856 г. читал лекции по русской истории в Казанской

духовной академии. С 1860 г. – профессор кафедры русской истории Казанского университета

Щеглов Александр Николаевич (1870–?) – с 1896 г. студент медицинского факультета Томского университета. За участие в студенческих волнениях в феврале – марте 1899 г. был отчислен. В том же году после восстановления продолжил учебу. В 1900 г. по мобилизации был призван на действительную военную службу

Щегловитов Иван Григорьевич (1861–1918) – министр юстиции Российской империи в 1906–1915 гг.

Щепетев (Щепотев) Виктор Петрович (1860–1931) – педагог, выпускник Петербургского историко-филологического института, учитель Томской мужской гимназии, затем директор гимназии, директор народных училищ. Первый директор Томского учительского института. В 1903–1906 гг. – инспектор студентов Томского университета. В дальнейшем организатор первого санатория учащих и учащихся Кавказского учебного округа в Анапе

Щербина Софья Николаевна – жена известного украинского историка В.И. Щербины, одного из основателей Украинского научного общества в Киеве (1907)

Эзет Эдуард Иванович (1838–1892) – архитектор, с 1863 г. – омский городской архитектор, войсковой архитектор Сибирского казачьего войска в 1865–1869 гг. С 1877 г. – чиновник по технической части при генерал-губернаторе Н.Г. Казнакове. Им был разработан проект зданий Сибирского университета, который был отвергнут. По его проекту к ранее существовавшему зданию были пристроены спальный и учебный корпуса Сибирской военной гимназии (Кадетского корпуса) в Омске

Эйхвальд Эдуард Эдуардович (1838–1889) – терапевт, с 1866 г. заведовал кафедрой диагностики и общей терапии Медико-хирургической академии. В 1865–1873г г. – лейб-медик великой княгини Елены Павловны

Эман Карл-Ганс-Рейнгольдович (1860–?) – томский промышленник, председатель Томского биржевого комитета

Энгель – университетский механик

Эршке Арвит Карлович (1872–?) – музыкант, действительный член Томского отделения Императорского Русского музыкального общества, брат управляющего спичфабрикой Кухтерина

Юшкевич Виктор Адамович (1867–1908) – правовед, в 1901–1905 гг. и.д. ординарного профессора по кафедре торгового права Томского университета. С1905 г. преподавал в училище правоведения в С.-Пе-тербурге

Ядринцев Николай Михайлович (1842–1894) – сибирский публицист и общественный деятель, исследователь Сибири, один из основоположников сибирского областничества, пропагандировал идею открытия университета в Сибири

Янса Мария Яковлевна (ок. 1880–?) – артистка оперы (меццо-сопрано и контральто).

Ясинский Павел Африканович (1839–?). – акушер и гинеколог, доктор медицины (1868), с 1875 г. – приват-доцент, с 1887 г. экстраординарный, с 1890 г. ординарный, а с 1900 г. заслуженный профессор Харьковского университета.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Г

Д

Е

Л

М

Х

Ц

Ч

Щ

Э

Ю

Я

СОДЕРЖАНИЕ

Научное издание

ИМПЕРАТОРСКИЙ ТОМСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННИКОВ

Редактор *А.И. Корчуганова*
Компьютерная верстка *Т.В. Дьяковой*

Подписано в печать 15.04.2014..
Формат 60x84$^{1}/_{16}$. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Печ. л.31,5; усл. печ. л.29,2; уч.-изд. л.29,0. Тираж 500. Заказ

ООО «Издательство ТГУ», 634029, г. Томск, ул. Никитина, 4
ООО «Интегральный переплет», 634040, г. Томск, ул. Высоцкого, 28, стр. 1